

ВОИН ПЯТИ
ПОДНЕБЕСНЫХ
ПРОРОЧЕСТВО

УЭСЛИ ЧУ

перевод Валентины Сергеевой

фэнтези

МИО

Red Violet. Магия Азии

УЭСЛИ ЧУ

*ВОИН ПЯТИ
ПОДНЕБЕСНЫХ
ПРОРОЧЕСТВО*

Перевод с английского Валентины Сергеевой

Москва

«Манн, Иванов и Фербер»

2023

STONE HEDGE

УДК 82-312.9
ББК 84(7Coe)6-445.13
Ч-81

Original title:
War Arts Saga
by Wesley Chu

На русском языке публикуется впервые

Чу, Уэсли
Ч-81 Воин пяти Поднебесных: Пророчество / Уэсли Чу ; пер. с англ. В. Сергеевой. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2023. — 576 с. — (Red Violet. Магия Азии).

ISBN 978-5-00195-944-1

Во главе Чжун когда-то был единственный император, но он умер, и между Пятью Поднебесными княжествами началась междоусобица. Объединить их правителей может единственная цель — победа над Вечным Ханом. Ради этой цели они растрачивают свою казну на воспитание предреченного героя Тяньди — Цзяня, с рождения росшего в роскоши и великолепии и прославленного еще до того, как он выиграл хотя бы одно сражение.

Однако внезапно оказывается, что пророчество неверно.

УДК 82-312.9
ББК 84(7Coe)6-445.13

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00195-944-1

Copyright © 2022 by Hunter & River, Inc.
Cover illustration: Tran Nguyen
Cover design: Cassie Gonzales
© Издание на русском языке, перевод,
оформление. ООО «Манн, Иванов и Фер-
бер», 2023

STONE HEDGE

Моим сыновьям

STONE HEDGE

ДЕЙСТВИЕ 1

Глава 1

Сломанные игрушки

Шеренга искалеченных солдат растянулась по всей тренировочной площадке, не всем даже хватило места на арене. Кого там только не было: мужчины и женщины, высокие и низкорослые, полные и истощенные... да и количество рук и ног у них тоже разнилось. Некоторые щеголяли в полных доспехах, другие же явились лишь в набедренных повязках. Похоже, все они когда-то столкнулись со смертью и теперь жалели, что выжили.

Линь Тайши, опершись на перила балкона, смотрела на площадку. Большинство бойцов — живое мясо — шагали, уставившись в землю и ссутулившись. Они отчаянно старались не привлекать к себе внимания и скрывали свои изъяны, внешние и внутренние. Тайши с одного взгляда могла бы определить, что именно их мучило, однако ей не было до этого никакого дела. Жалеть она разучилась много лет назад. Теперь, когда Тайши разглядывала их ряды, ее беспокоила совсем иная мысль: неужели это отребье способно сражаться?

Дворцовый чиновник с ухоженной, смазанной маслом бородой приблизился к ней. Просторное алое одеяние, отделанное золотым кружевом, доходило до колен.

Высокая черная шапка в форме гриба выдавала в нем важную особу.

— Пора, госпожа посланница. Позвольте проводить вас. Я прикажу подать угощение — персики из моих собственных поместий. Собраны в минувшем сезоне и доставлены сюда для вашего удовольствия.

Тайши с трудом припомнила, как его зовут.

— Благодарю вас, дворцовый управитель Фаару.

Дворцовый управитель повел ее через балкон к небольшому возвышению, неумолчно болтая о своих дурацких персиках.

— Их сок подобен небесному нектару. Мои сады славятся во всех Просвещенных государствах.

Чем больше Фаару расхваливал свои фрукты, тем сильнее у Тайши портилось настроение. Если этот человек обучал мальчишку так же хорошо, как впаривал персики, мир мог не беспокоиться. К счастью, идти было недалеко. Она уселась на усыпанное подушками ложе, которое предназначалось для высокопоставленных чиновников и гостей двора. У Тайши не было никакого ранга, и она не принадлежала ни к какому двору. Ее отправил сюда в качестве посла один из бывших учеников, который, так уж вышло, заодно владел землей, на которой она жила. Саан, князь Шуланьский, желал, чтобы она своими глазами увидела, как продвигается обучение Предреченного героя Тяньди. Тайши хотела было отказаться от этого поручения, но предложение князя было невероятно выгодным: он сказал, что пожизненно освободит ее от налогов и к тому же не посадит в тюрьму за отказ. Тайши не любила платить налоги, да и за решетку ей тоже не хотелось.

Как только она уселась, остальные заняли места на помостах внизу. Для рядовой тренировки было как-то чересчурлюдно. Тайши задумалась: сколько же из всех этих зрителей пришли сюда за деньгами? Как и обещал Фаару, появился слуга с блюдом персиков, уложенных пирамидой, и поставил его на столик перед гостей. Тайши очень хотелось схватить

персик с самого низа, а еще лучше — велеть их убрать, но старость и раздражительность не оправдание для дурных манер. Она взяла персик с верху горки и рассеянно принялась его грызть, пока стражники очищали арену. Оторвавшись на мгновение, Тайши уставилась на собственные пальцы, залитые золотистым соком. «Клянусь гнилым чревом Королевы, он не солгал. Персики и правда отличные».

Дворцовый управитель возник рядом, словно из ниоткуда, и внимательно взглянул на Тайши. При своей тучности двигался он очень ловко. Тайши подавилась и едва поборола желание выплюнуть персик. Впрочем, что толку растрачивать отличные фрукты? Пришлось отдать Фаару должное и сдержанно кивнуть. Управитель просиял.

Тренировка должна была вот-вот начаться. Где-то наверху зарокотали барабаны; ленивые и вялые хлопки зрителей дали понять, что особого интереса к происходящему они не питают. Тайши, не скрывая досады, взглянула на водяные часы на столике. Почти полдень. Сколько времени потрачено даром.

Игрушечные солдатики вышли на арену и неуверенно затоптались на месте. Десять человек в разных доспехах, с разным оружием — судя по всему, среди них не нашлось бы и двоих, принадлежавших к одному роду войск. Тайши стало жалко эту убогую кучку добровольцев — верных княжеских солдат, которые не погибли в бою, но вернулись изувеченными. Теперь им приходилось зарабатывать на кусок хлеба единственным возможным способом — изображать мишени для мальчишки, играющего в войну. Среди воинов был копейщик, отрешенно смотревший в пустоту. Вооруженная мечом женщина, которую непрерывно билa крупная дрожь. За спиной у нее жался юнец, у которого не доставало одной руки ниже локтя... Впрочем, не стоит недооценивать калеку. Тайши шевельнула собственной изувеченной рукой, безжизненно висевшей вдоль тела.

Похожий на зрителя мужчина поднялся и хлопнул в ладоши.

— Вам оказана честь содействовать в обучении несравненного воина пяти Поднебесных, ужаса орд Катуга, спасителя народов Чжун. Сражайтесь храбро, но помните свое место. Если вы причините Предреченному герою вред, наказание — смерть. Если вы раните его до крови, наказание — смерть. Если вы откажетесь драться, наказание — смерть.

Он перечислил еще десять-пятнадцать правил в том же духе. Тайши подумала, что сражаться при таких условиях просто невозможно.

Приунывшие солдаты явно были озадачены не меньше, чем Тайши. Женщина в неполном доспехе конника подняла копье и спросила:

— А если он нас убьет?

— Тогда умрите достойно. Но если хотите получить плату, постарайтесь выжить.

— Погодите, — вмешался кто-то еще. — Он будет на нас нападать, а мы не имеем права дать сдачи?

Видимо, этот человек впервые вышел на арену.

Смотритель с досадой ответил:

— Конечно, вам позволено отбиваться. Просто делайте это как можно осторожнее.

Фаару наклонился:

— Вам нравится угощение, посланница?

Приглушенное чавканье Тайши было вполне красноречивым ответом. Она взяла второй персик, а третий сунула в карман. Фаару указал на пирамиду фруктов:

— Если захотите еще, только прикажите.

Дворцовый управитель так и навязывал свои дурацкие персики. И тут Тайши заметила некое украшение на блюде. Между лежавшими в основании пирамиды фруктами вилась длинная связка золотых лянов*. Монеты с пропущенным сквозь квадратные отверстия шнуром напоминали желтую змею. Таких денег хватило бы для подкупа большинства

* Лян — мера веса, а также денежная единица в Юго-Восточной Азии. Здесь и далее прим. ред.

послов. Слишком щедрое подношение... и у Тайши закрались подозрения. Она посмотрела на Фаару, а тот в ответ улыбнулся так, что уголки губ чуть не коснулись его длинных ушей.

Так вот почему Саан послал ее, а не одного из своих придворных фигляров. Тайши, не обращая внимания на монеты, вновь повернулась к арене.

— Начинайте. У меня есть и другие дела.

«Например, погреть ноги в ведре с горячей водой».

Фаару выпрямился и подал знак зрителю.

— Как вам угодно, госпожа посланница.

Голос зрителя вновь разнесся над тренировочной ямой:

— Узрите Вэнь Цзяня, Предреченного героя, спасителя народов Чжун, чье появление предсказано пророками Тяньди по тысяче звезд, которому суждено исполнить свое предназначение и возглавить могущественную армию Просвещенных государств против ужасных, злобных, диких орд Катуга, уничтожить Вечного Хана и принести мир и благоденствие детям Чжун. Узрите...

Тайши закатила глаза. Сколько напыщенности. Она беззвучно шевельнула губами, и ветер донес ее шепот до ушей зрителя: «Давайте к делу».

Голос у того дрогнул. Зритель огляделся и кашлянул.

— Да начнется бой.

Барабаны и фанфары еще некоторое время погрохотали, и наконец ворота под балконом открылись. На песок, отбрасывая длинные тени, ступили пять внушительных фигур в тяжелых доспехах. У них были затейливые шлемы в форме голов животных — Тайши подумала, что это даже красиво. Двигались воины небрежной поступью театральных злодеев. Казалось, будто они охраняют вход в какой-то диковинный зверинец.

Тайши была заинтригована.

Тем временем жертвы на противоположном краю арены выглядели так, словно вот-вот обмараются от страха.

Вслед за пятью величественными воителями появилась куда более щуплая фигура, но аплодисменты она вызвала нешуточные. Ну наконец-то. Тайши заинтересованно подалась вперед. Она повидала множество легендарных мастеров, но впервые перед ней стояла живая легенда.

Первое впечатление от Предреченного героя было так себе. Герой, перед которым все пресмыкались, оказался обычным тощим подростком в черных штанах чуть ниже колена. Грудь у него была пускай не слишком узкой, но плоской и худой, руки — жилистыми и тонкими, как веточки, кожа — молочно-белой. Волосы торчали из-под черной головной повязки, напоминая воронье гнездо, круглое полудетское лицо сияло свежестью и чистотой.

— Надень рубашку, пока зрители не ослепли, — буркнула Тайши.

Сначала она было удивилась, что герой почти не защищен по сравнению со своими телохранителями. Но быстро решила: разумеется, несколько слоев брони помешают наставнику следить за тем, как работает тело ученика.

Мальчик взмахнул над головой мечом и развел руки — оказалось, что у него было два совершенно одинаковых клинка. Он покрутил мечами вокруг себя и издал довольно убедительный боевой клич — правда, в конце чуть не дал петуха.

Тайши подняла бровь:

— Как интересно.

Парные прямые мечи. Рискованный выбор. Таким оружием очень трудно овладеть. Тайши полагала, что двойные прямые мечи — неподходящее оружие в любом бою, без исключений. Она подалась вперед и отметила, что мальчик совершенно спокоен: взгляд ровен, ноги не напряжены, поза устойчивая, защитная стойка правильная. Пока что все шло неплохо. Мальчик, как призовой конь, выглядел соответственно своему положению. Но, как говорил Тайши много лет назад ее родной отец и учитель, настоящего воина можно узнать по трем первым движениям. Остальное — просто похвальба.

Его жалкие противники двинулись вперед, мальчик стронулся с места, и все пошло примерно так, как и ожидалось. Цзянь и его разодетые телохранители разошлись веером. Игрушечные солдатики нерешительно сражались, а воины в зловещих шлемах в основном живописно позировали на заднем плане. Всю работу, если можно так выразиться, выполнял мальчик.

Тайши неохотно признала, что поначалу ей даже нравилось. Выглядел паренек неплохо. Двигался стремительно, отлично умел держать равновесие и внезапно менять направление. Глаза у нее разгорелись: мальчик без особых усилий переходил от одной техники к другой. А главное — судя по энергичным и изящным атакам, ци у него была сильная. Тайши и не помнила, когда в последний раз видела такого талантливого в военном искусстве юношу.

«Легенда, возможно, не лжет», — подумала она.

Но откровенно говоря, он мог бы уже погибнуть раз пять.

— Здесь его пырнули бы ножом. И здесь. Здесь он бы погиб... и опять. Здесь потерял бы левую руку...

Чем дольше длилась схватка, тем больше изъянов находила Тайши. Дело было не столько в способностях Цзяня или в его умениях, сколько в том, как все это выглядело вместе. Каждое движение по отдельности было отточено и безупречно выполнено. Однако в целом... всё не так. Не так — в самом ходе битвы, в ритмичных движениях мальчика, в неравных обменах ударами, неуклюжих поворотах.

— Он слишком много думает. И никто не дерется с ним всерьез, — пробормотала Тайши.

Мальчишка не удосуживался как следует защищаться, потому что никто здесь не представлял для него ни малейшей угрозы.

По мере того как продолжалась стычка, улыбка, появившаяся было на лице Тайши, постепенно гасла. Наигранное бесстрашие, которое приходилось поддерживать

усилием воли, неизбежно сменилось недовольной гримасой, как будто она почуяла скверный запах. Как только Тайши поняла, что происходит, она невольно стала находить изъяны в каждом движении, каждом ударе. Если мальчик совершал ошибку, противник ждал, когда он ее исправит. Это все было не всерьез. Ему позволяли вволю красоваться. Бой, конечно, не продумали заранее, но лучше бы он и в самом деле был чистым спектаклем — тогда, возможно, многочисленные недостатки Цзяня меньше бросались бы в глаза.

Цзянь схватился с последним противником. Мужчина сделал ложный выпад и неторопливо взмахнул над головой длинным мечом. Тайши успела бы вздремнуть за то время, которое понадобилось, чтобы клинок достиг цели. Мальчик ловко его отбил и атаковал. Блок, защита, прыжок в сторону. Сражающиеся двигались неспешно, словно под водой, пока Цзянь наконец не ткнул противника в бедро.

Все добровольцы, побежденные, корчились на песке. Бедный однорукий калека чуть не лишился второй руки — теперь на его предплечье красовалась глубокая длинная рана, которую необходимо было зашить. Остальные горе-вояки кое-как поднялись и потащились в тенек.

Зрители вскочили на ноги, когда пал последний боец, и захлопали в ладоши, как будто воин пяти Поднебесных в одиночку и без доспехов голыми руками сразил орды катунцев. Тайши осталась сидеть. Персики впечатлили ее гораздо больше, чем недавнее зрелище.

Смотритель ударил в гонг.

— Перерыв пятнадцать минут, — провозгласил он, и снова послышались вялые аплодисменты. — Подайте закуски!

На арену рысцой выбежали прислужники, неся столы, стулья, еду и напитки.

Тайши нахмурилась:

— Пятнадцатиминутный перерыв? Закуски?

— Юному герою нужно восстановить силы между боями, госпожа посланница, — объяснил Фаару. — А у наставников так появляется возможность поделиться с ним своей мудростью.

Взгляд Тайши упал на компанию из восьми пышно одетых особ, которые поспешно спустились по лестнице на площадку, сгрудились вокруг мальчика и наперебой зашептали ему в уши, толкая друг друга. У всех через плечо были повязаны цветные ленты. «Какой-то маскарад с участием уродливых самовлюбленных стариков», — подумала Тайши. Она подтолкнула Фаару локтем и спросила:

— Что это за павлины?

— Это наставники юного героя! — воскликнул Фаару, выпятив грудь. — Как изволите видеть, мы пригласили к нему лучших мастеров из всех Просвещенных государств. Тот, кто сейчас говорит, — мастер Сун. Рядом с ним — мастер Хили, затем мастер Бай, мастер Нинчжу, мастер Луда...

Тайши перестала слушать. Ну конечно. Понятно, зачем нужны цветные ленты. Школы боевых искусств нашли себе новое развлечение. Эти украшения внушали ученикам, будто наставники чего-то достигли (и позволяли хвастать неким материальным знаком отличия). Высокие титулы, звания, дурацкие пояса, причудливые имена были не более чем уловками для тех, кто находился за пределами лунного двора — тайного сообщества истинных мастеров войны, обитавших за гранью закона и порядка.

Тайши напомнила себе, что наставники, которым поручили обучать Предреченного героя, были избраны по политическим соображениям — их служба не имела никакого отношения к подлинным умениям. Она поморщилась: «Даже великое пророчество омрачено всеобщей подкупностью».

И все-таки — восемь наставников, один подопечный. Как проходит процесс обучения? Ученик, у которого несколько мастеров, становится нерешительным. Чей голос

в его голове прозвучит в пылу битвы громче всего? Тайши протянула руку и мановением кисти привлекла речи наставников к себе.

«В следующий раз против щита используйте удар сверху».

«Прыгайте и бейте, когда противник ослабит бдительность».

«Сначала ложный выпад. Вот зачем вам два меча».

«Двойной колющий удар. Непрерывно атакуйте».

Тайши получила ответ на свой вопрос. На мальчика потоком лились советы, зачастую противоположные. Бедняга. Он, наверное, совсем запутался.

Один из разряженных павлинов поймал взгляд Тайши и отделился от группы. Он подошел к возвышению и приветствовал посланницу низким поклоном и широкой улыбкой, обнажив два ряда желтых зубов.

— Какая честь вновь увидеть вас, мастер Линь. Воистину, вы один из величайших воинов нашей эпохи. Некогда я лицезрел ваши подвиги на турнире Шуланьской луны. На это стоило посмотреть! В тот день вам не нашлось равных. Полагаю, так было бы и сейчас... — он искоса взглянул на руку Тайши, неподвижно висевшую вдоль тела, — ...если бы не злополучное увечье.

«Я и одной рукой могу избить тебя до беспамятства, напыщенная ты грибковая бородавка».

Тайши устремила на собеседника испепеляющий взгляд:

— Прощу прощения, но кто вы такой? Я не только не владею рукой, но, кажется, и перестаю помнить лица.

— Я Синсин, мастер Лэ Синсин. Как вы, вероятно, можете судить по движениям нашего героя, он опирается на нашу фамильную технику. Если я...

— Достаточно. — Тайши вскинула руку прежде, чем Синсин успел сказать еще хоть слово.

Она повернулась к Фаару:

— Объявляйте следующую схватку.

— Но перерыв...

— Немедленно!

Дворцовый управитель побледнел и поклонился. Он подал знак смотрителю, который тоже уселся за столик, чтобы перекусить. Тот быстро напялил грушевидную шапку и отдал приказ очистить арену. Зрители с ворчанием вернулись на места.

— Дядя Фаару, что случилось? Почему нам не дали отдохнуть? Кто эта женщина? — раздался снизу тонкий голос.

Цзянь пристально смотрел на Тайши. Он едва успел присесть. Ему обтирали лицо мокрой тканью.

— Дядя? — повторила Тайши, презрительно поджав губы.

Фаару примирительно замахал обеими руками, так что гигантские рукава заколыхались.

— Вам ни о чем не стоит беспокоиться, спаситель народов Чжун.

— Но мы еще не готовы к следующей схватке. Мы не допили свои прохладительные напитки. Моим воинам нужно отдохнуть.

Хорошо, что мальчик думал о своих соратниках. Плохо, что он полагал, будто пятеро шутов, сражавшиеся рядом с ним, и впрямь нуждались в отдыхе после трех минут позирования. Его люди явно колебались. Трое встали и потянулись за шлемами, двое продолжали сидеть и прихлебывать из кубков.

Новые добровольцы, которых только что ввели на арену, тоже растерялись. Эти несчастные недобитки выглядели еще более жалко, чем предыдущие. У одного старика и двух женщин были одинаковые короткие мечи и щиты — вероятно, они принадлежали к одному роду войск. За ними стоял болезненно худой мужчина с огромным топором и в доспехах из деревянных пластин, а рядом второй — в одной лишь чудом державшейся набедренной повязке и с крюком через плечо. Последние четверо больше напоминали крестьян, вооруженных сельскохозяйственными орудиями.

Противники выстроились друг напротив друга. Тайши ухватила за перила и стиснула пальцы так, что костяшки

побелели. Эта пустая трата времени страшно ее бесила. Ей хотелось встать и уйти. Она уже начала подниматься, когда вдруг ощутила желание пошалить. Тайши любила ставить дураков на место.

Когда зритель начал многословное представление, Тайши шепнула седобородому предводителю добровольцев:

— Не упускайте возможности. Нападайте, пока они еще не готовы. Бейте первыми.

Он поколебался.

— Но мы должны...

— Давай, солдат. Цель прямо перед вами. Пользуйтесь случаем. Вклиньтесь справа.

Слова Тайши взяли его за живое. Солдаты, как бы они ни были побиты, не теряют вкуса к победе. Тайши оставалось лишь пробудить это желание. Глаза старика блеснули; упрямо стиснув зубы, он поднял щит. Хоть кто-то на тренировочной площадке наконец решил драться всерьез.

Седобородый, привыкший повиноваться приказам, сделал, как ему велели, и, к сильнейшему замешательству своего отряда, атаковал первым. Он проскочил между двумя тяжеловооруженными телохранителями Цзяня, которых застало врасплох внезапное энергичное нападение старого солдата. Они просто стояли и переглядывались с видом: «А я думал, что ты его остановишь». Впрочем, смятение длилось недолго: женщина, вооруженная щитом и мечом, тоже подталкиваемая шепотом Тайши, тараном врезалась в противника. Зрители привстали. Впервые на площадке кипела настоящая битва.

Когда старый солдат бросился к мальчику, подняв щит и выставив перед собой меч, Цзянь стал похож на испуганного кролика. Предреченный герой неуклюже уклонился от атаки и нанес размашистый удар мечом; клинок отскочил от края вовремя подставленного щита. Седобородый не давал Цзяню передышки: он давил, выискивая многочисленные бреши в обороне. Не будь он слишком

стар, а Цзянь молод и подвижен, бой мог закончиться сию же минуту.

Фаару зашипел зрителю:

— Что все это значит? Остановите схватку. Остановите схватку!

— Нет! — рявкнула Тайши. — Только попробуй ударить в гонг — и я прошибу его твоей головой!

Смотритель замер, занеся колотушку, и попятился.

Меж тем Тайши с радостной улыбкой раздавала поощрения и приказы.

— Вы скот на бойне или солдаты Просвещенных государств? Давите числом! Смотрите, они оставили центр. Баранья Голова выдохся. Вы, крестьяне — Мотыга и Лопата, — заходите с двух сторон. Крюк, заходи сзади и нападай на Быка со спины. Меч и Топор, окружайте Льва. Вы, двое с копьями, назад. Не туда, дурачье!

Бык и Лев были скоро повержены; остальные телохранители спешили на помощь мальчику. К тому времени, как им удалось сразить седобородого, Баран получил копьем в спину, Петуха двинули по голове. На площадке оставались только юный герой и Медведь, и противники превосходили их числом.

Фаару затопал к зрителю, оттолкнул его и выхватил колотушку. Он уже собирался возвестить конец схватки, когда Тайши вскинула руку и порывом ветра сорвала гонг, так что он с громом покатился по лестнице.

— Пусть закончат. Я хочу видеть победителя.

— Но...

Тайши пристально взглянула на Фаару. Он замолчал, но сначала что-то шепнул зрителю. Тайши услышала:

— Выпускай подмогу. Скорее.

На арену выбежали еще четверо телохранителей — они на бегу надевали доспехи. Пятый впрыгнул следом, зашнуровывая сандалию. Добровольцы и не заметили бы подкрепления, если бы Тайши их не предупредила. Они живо выстроились лицом к нападавшим, но их зажали

с двух сторон, и преимущество оказалось на стороне зверообразных шлемов — семеро против шести.

Цзянь явно оробел и растерялся. Очевидно, ему впервые довелось столкнуться на арене с таким чувством, как сомнение. Он не сразу пришел в себя — а потом напал на одного из крестьян и вогнал меч ему в живот. Затем Цзянь махнул рукой, поощряя остальных. Тайши это понравилось. Зрители на трибунах принялись хором подбадривать юного героя; они захлопали в ладоши, когда он пырнул одного из копейщиков, который из-за больной ноги не успел быстро отступить.

Тайши стиснула зубы, когда звериные шлемы приблизились к ее бойцам. Те оказались в меньшинстве и явно уступали в силе. Она быстро окинула взглядом арену. Противник превосходил числом, пространства для маневра не осталось. Наверное, нужно было уступить. Несомненно, ее разношерстный отряд проиграет, зато она доказала свою правоту. Незачем доводить схватку до конца. Победить или проиграть на тренировке — это лишь вопрос гордости.

Тайши опустила на подушки и взяла еще один персик. Она уже собиралась вонзить в него зубы, но поколебалась. Гордость не позволила бы мастеру Линь проиграть даже на тренировке. Она швырнула персик на арену, и он отскочил от шлема Змея. А потом Тайши спорхнула с балкона и поймала легкий воздушный поток, который перенес ее через всю арену. Течения здесь были неспешными — ей три раза пришлось прыгнуть, прежде чем пальцами ног она коснулась шлема Слона, оттолкнулась от плеча Лисицы и приземлилась на песок между своими солдатами и этим убогим зверинцем.

Змей стоял разинув рот. Топор у него в руках дрожал.

Тайши криво усмехнулась:

— Попробуй меня ударить. Разрешаю.

Змей принял вызов и сделал неплохой выпад — кончик лезвия чуть не рассек ей одежду, когда он проскочил мимо. Три быстрых ударами пальцев Тайши заставила противника отлететь в сторону. Следующим был Лисица, за ним

вплотную следовал Волк (а может быть, неудавшаяся Обезьяна). Лисицу удалось ослепить порывом воздуха, а потом Тайши опрокинула его на песок так, что тот лишился сознания. Волк-Обезьяна изо всех сил взмахнул тяжелой палицей — это был смертоносный удар. Но Тайши отклонила палицу в полете кончиками пальцев. Волк ответил чередой резких ударов, а она пританцовывала вокруг, словно лист, гонимый ветром, и наконец слегка ударила его ногой в шею. Этот удар мог бы сломать ему гортань, если бы она захотела.

Фаару сбежал по лестнице на арену, размахивая руками. Его роскошное одеяние так и развевалось.

— Вы слишком далеко зашли! Немедленно прекратите!

Тайши послала шепот своему отряду:

— Вперед! Бейтесь за победу!

Это были настоящие солдаты, которые сражались на настоящей войне, всем пожертвовали и выжили — ради того, чтобы в конце концов стать тренировочными мишенями. Они повиновались. Им было нечего терять, а загнанный в угол враг всегда опасен. Они бросились в бой, окружая и колотя оставшихся телохранителей.

Тайши стояла в центре схватки, вмешиваясь лишь для того, чтобы шепотом подать совет. Спустя несколько мгновений все было кончено. Предреченный герой сдался крестьянину и голому бойцу. Набедренная повязка не пережила драки.

На площадке воцарилось молчание, не считая тяжелого дыхания бойцов, поднимавшихся с земли. Потрясенный Цзянь стоял посреди арены. Его многочисленные наставники тоже были ошеломлены.

Самолюбие — хрупкая вещь. Тайши хорошо это знала.

Тайши помогла подняться мужчине с топором, хлопнула его по заду в знак поощрения и вытерла запачканные руки о его плечи, прежде чем вернуться на балкон. Два изящных шага — и Тайши уже сидела на прежнем месте, протягивая руку за персиком.

Она повернулась к Фаару:

— В мою комнату, сейчас же.

Дворцовый управитель был, казалось, в равной степени растерян и напуган.

— Но у вас нет комнаты...

Он замолчал, а потом опустил на колени и низко склонил голову.

Теперь была.

Глава 2

Предреченный герой

У Вэнь Цзяня, Предреченного героя, воина пяти Поднебесных, спасителя народов Чжун, ужаса орд Катуга день выдался тяжелым. Юноша впервые в жизни проиграл бой, в приступе гнева сломал любимый тренировочный меч о стену, загнал в руку две занозы и вдобавок пропустил ужин, потому что его вызвал к себе дядя Фаару.

Цзянь вышел из башни, которую называл своим домом, похлопал, как и всегда, по каменной табличке с надписью «Башня неувядающего мужества» и пересек безлюдный Небесный двор. Не обращая внимания на мелькание длинных теней и тихие шаги за спиной, он устремился в центр, к Сердцу престола Тяньди.

Король, сверкая золотом, уже клонился к закату, а Королева, следуя за супругом по небу, приближалась к зениту. Их дети-близнецы, Принц и Принцесса, только начали восхождение, показавшись на южном краю неба. Вечер в это время года был особенно светлым — все три луны сияли ярко, окрашивая землю синим, зеленым и фиолетовым.

Мысли у Цзяня бешено неслись, в основном по кругу, пока он спешил к дяде Фаару. Юноша вспоминал унизительные утренние события, и ему было о чем тревожиться. Что случилось? Почему он проиграл? Он же все делал

верно. Может, наставники отменили вечернее занятие, чтобы обсудить его поражение? Юноша надеялся, что так и есть. Кто-то должен понести кару за это возмутительное вмешательство. Он — Предреченный герой. Никто не вправе с ним так поступать.

Юноша пришел к единственному логичному выводу: эта простолюдинка — женщина, которую Цзянь сначала принял за служанку, забывшую одеться как положено, — несомненно, сплутовала. И с какой стати мастера так заволновались, будто она в самом деле важная персона? Женщина застала его врасплох, когда спрыгнула с балкона и ни с того ни с сего влезла в бой. Он просто не был готов. Это нечестно. Почему ее не остановили?

Цзянь, борясь с досадой, сунул руки поглубже в карманы. Герои не грызут ногти. Герои не плачут. В такие минуты Цзянь радовался, что может остаться наедине со своими мыслями. Ему было бы очень стыдно, если бы наставники или дядя Фаару увидели его в таком состоянии.

Он был величайшим юношей во всех Просвещенных государствах. Ему постоянно все об этом говорили. Цзяню предстояло стать великим воином, привести Чжун к победе над злыми и гнусными ордами Хана и даровать миру покой. Вот для чего он родился на свет и жил здесь, в Небесном дворце. Вот почему лучшие мастера собрались тут и обучали его. Поэтому за целую жизнь он не потерпел ни одного поражения на тренировочной площадке. Потому что все это было истиной. А значит, старуха смошенничала, чтобы выставить его в дурном свете. Другого объяснения не могло быть. Но зачем?

Цзянь почувствовал одновременно облегчение и ярость. От него зависело слишком много судеб. Он не мог проиграть. Сжухлячить для того, чтобы опозорить Предреченного героя... Это недопустимо. У Цзяня вырвалось сдавленное рычание. Он нахмурился, сжал кулаки, едва не проделав дыры в карманах, и гневно зашагал по плитке к Сердцу престола Тяньди.

Юноша на мгновение остановился у подножия Тысячи ступеней мудрости — на самом деле их было восемьсот четырнадцать — и бросился бегом по лестнице. Пока он перескакивал через три ступеньки за раз, за спиной у него слышались топот и тяжелое дыхание.

Он достиг верхней площадки, немного запыхавшись, и дважды глубоко вдохнул. Наверх вовсе не обязательно было бежать, но, когда Цзянь волновался, ему всегда хотелось дать волю скорости. Однако стоило привести себя в порядок, прежде чем явиться к дяде.

Юноша вытянул руку.

— Платок!

Никто не появился. Цзянь, не скрывая досады, нетерпеливо потрянул рукой. Спустя несколько мгновений послышалось сопение. Полотенценосец, седой старик, униженно пробормотал извинения и низко поклонился, прежде чем вытереть лоб Цзяня шелковым платком. Толку от этого в такую жару было немного.

Цзянь протянул другую руку.

— Пить!

Появился виночерпий, неся на подносе охлажденный персиковый сок. Он тоже запыхался и от спешки пролил немного сока на рукав. Цзянь решил не обращать на это внимания. Он повидал столько мальчишек-виночерпиев, что не мог удержать их лица в памяти. Юноша взглянул на слугу еще раз и мысленно поправился: «Девчонка».

— Мне опять нужно принять ванну, — пробормотал он.

— Конечно, спаситель народов Чжун, — отозвался кто-то из-за спины. — Она будет готова к моменту, как вы вернетесь из тронного зала.

Кто-то зашагал вниз по лестнице.

Цзянь направился к парадной двери, ведущей в Сердце престола Тяньди. Двое из его свиты побежали вперед, к массивным створкам, собираясь распахнуть их перед ним. Он узнал в воинах Хораши и Ригу, поприветствовал их коротким кивком, затем остановился и как мог оправил

мятое платье. В отличие от остальных членов свиты личные телохранители Цзяня не были легко заменимы.

Почетные стражи: седой ветеран, время службы которого скоро подходило к концу, и молодой человек в расцвете сил, — оба были в парадных доспехах, и на поясе у них висели посеребрённые сабли. Хораши и Рига — прославленные военные искусники — поклялись служить Предреченному герою и защищать его от всех опасностей.

Вместо того чтобы подать знак открыть двери, Цзянь несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь собраться с мыслями и обрести прежнюю уверенность. Пальцы, которыми он цеплялся за лакированные черные резные украшения на дверном косяке, побелели.

— Вы готовы, спаситель? — спросил Хораши — старший, с редкими растрепанными короткими волосами и многочисленными шрамами, свидетельствующими о долгой и славной службе. — Что-то вас тяготит?

С губ Цзяня сорвался вздох.

— Просто я рассержен.

Рига — младший, с гладким лицом и густой гривой черных волос, стянутых в хвост, — держался за другую ручку двери.

— Вы сердитесь, потому что проиграли схватку?

Рига был еще новичком, его приняли на место одного из телохранителей, который погиб во время покушения, предпринятого неким катуанцем около года назад. Хотя воин и был учтив, но Цзянь с досадой подумал, что этот тип редко выказывал должное почтение.

— Я не проиграл. Бой был нечестным.

Телохранитель пожал плечами:

— Битвы не всегда бывают честными. Однажды я захотел пройти без очереди к лучшей девице в борделе. Так на меня набросились сразу семеро.

— Семеро на одного — это нечестно, — согласился Цзянь.

Рига опять пожал плечами и похлопал себя по поясу.

— Конечно, нечестно. У меня же был меч.

Хораши нахмурился.

— Пятеро тяжеловооруженных стражей против битой солдатни, которую набрали на улицах, — это нечестно? — На лбу у него залегли глубокие морщины. — Нечестно по отношению к кому?

Только старшему телохранителю позволялось говорить с Цзянем так прямо. Хораши был рядом, сколько Цзянь себя помнил. С течением лет слуги и телохранители сменялись — неизменным оставался лишь Хораши. На службу во дворец он поступил еще молодым. Его точно не упрекнуть в отсутствии опыта.

— Да кому нужны честные схватки? — заметил Рига. — Кто дерется честно, тот глуп или мертв.

— На войне — возможно, — возразил Хораши. — Но на арене нужно помнить о чести и правилах.

— Хватит, — рассеянно перебил Цзянь. Эти двое никогда не соглашались друг с другом и вечно устраивали громкие перепалки. У юноши голова болела от их споров.

Хораши и Рига немедленно повиновались. Цзянь скрестил руки на груди и заявил:

— Старуха сжульничала. Это не проигрыш. Я по-прежнему считаюсь непобедимым. Я изложу свои доводы наставникам и заставляю их пересмотреть сегодняшний результат.

— Это всего лишь тренировка... — начал Хораши, замолчал и вздохнул. — Как скажете, спаситель.

— Я готов. Открывайте дверь, — велел Цзянь, поддерживая рукава. — Пора напомнить всем, зачем они здесь собрались.

Прежде чем дверь открылась, Хораши наклонился и поправил Цзяню воротник, а потом послунил палец и вытер юноше щеку и лоб. Когда тот отшатнулся, Хораши усмехнулся и взъерошил своему подопечному волосы.

— Теперь вы выглядите, как подобает герою. Помните — уверенность через смирение.

Дверь распахнулась, и грянул гонг. Двое телохранителей вошли первыми, затем Цзянь, затем слуги. Цзянь хотел уже приказать глашатаю тронного зала возвестить о его прибытии, но осекся. Глашатая в зале не было. Более того, не было никакой официальной аудиенции. Только маленькая кучка людей теснилась у подножия трона — и все они стояли, повернувшись к юноше спиной.

Голоса звучали гневно и неразборчиво, как на базаре. Слова гулким эхом разносились по залу. Ничуть не смущенный тем, что его не заметили, Цзянь ворвался в Зал просвещенных мыслей вместе с Хораши и Ригой. Только когда он подошел к спорящим почти вплотную, на него наконец обратили внимание.

Простолюдинка, которая вмешалась в учебный бой, стояла в кругу и отругивалась. Увидев Цзяня, она ткнула пальцем ему через плечо и поинтересовалась:

— Во имя юбок Королевы, это еще что такое?

Цзянь вспыхнул от негодования. Он не привык к таким приветствиям.

— Да как ты смеешь... ты обращаешься к...

Под взглядом этой женщины слова застряли у него в горле.

— Я не о тебе, а о них, — и она снова указала ему за плечо.

Цзянь непокорно вздернул подбородок:

— Это мои прислужники. Они исполняют мои приказы и заботятся о моих удо...

— Вон. Вы распущены.

Цзянь не собирался сдаваться так легко.

— Но они мне необходимы!

— Сейчас же вон!

Бедные слуги затоптались, не зная, кому повиноваться, и пытаясь спрятаться друг за друга. Наконец, к огромной досаде Цзяня, они приняли сторону этой громкоголосой простолюдинки. Девочка-виночерпий, заливаясь слезами, приблизилась к Цзяню, с поклоном протянула ему кубок

и поспешно вышла. Остальные последовали за ней. Хораши и Рига, верные стражи, с вызовом сложили руки на груди и остались стоять.

Женщина вновь взглянула на Фаару.

— Что и подтверждает мою правоту!

Фаару встал между Цзянем и незнакомкой.

— Великий спаситель народов Чжун, позвольте представить вам мастера Линь Тайши из школы Шепчущих Ветров семьи Чжан. Семейный стиль...

— Довольно, Фаару, — перебила та, не сводя глаз с Цзяня.

— Это просто возмутительно, дядя, — в присутствии Фаару Цзяню стало спокойнее. — Мои занятия крайне важны, в них не вправе вмешиваться какие-то простолюдины...

Голос Цзяня оборвался. Юноша впервые заметил тяжелое молчание остальных. На лицах присутствующих было мало радости. Ван как будто собирался в бой. Синсин казался смертельно обиженным, Сун громко шмыгал носом, словно сдерживал слезы. Единственным человеком, не выказывавшим ни горя, ни гнева, была эта самая Линь Тайши. Кто она такая? Кто вообще слышал о мастере, не желающем перечислять своих предков? Наставники в первую очередь заставили Цзяня вызубрить их родословную, когда взялись за его обучение. Разве она не гордится своим происхождением?

Цзянь заставил себя посмотреть ей в лицо — и отвел глаза, как только их взгляды столкнулись. Он поймал себя на том, что внимательно изучает собственные ноги.

— Мастер Линь... — промямлил он.

Он вновь попытался взглянуть женщине в лицо, но эти глаза... И во второй раз Цзянь уперся взглядом в пол, а затем посмотрел на своих сторонников.

— Наставники, в чем дело?

Нинчжу сложил руки на груди.

— Мастер Линь полагает, что мы скверно вас обучаем.

— Она считает, что мы — люди, посвятившие вам жизнь, — не нужны здесь, — добавил Сун.

— Она утверждает, будто мы плохие и никчемные наставники, — сказал Хили.

— Она посмела обвинить меня в мошенничестве! — подхватил Чан.

— Ну, ну, — вмешался Фаару. — Я уверен, госпожа посланница не это имела в виду...

Тайши усмехнулась:

— О нет. Именно это. Вы, самозванцы и подхалимы, позорите свое звание и положение.

Услышав это, мастера взорвались. Молчали только Тайши и Фаару, которому явно было неловко и боязно. А вот Тайши, казалось, скучала. Она достала из кармана персик и надкусила его.

— Ну, ну, — повторил Фаару, размахивая руками в тщетной попытке всех успокоить. — Давайте соблюдать правила приличия!

— Она сказала мне в глаза, что я купил свое звание! — воскликнул Синсин.

— Когда вы разорили школу мастера Чэня, а потом заняли его место... — начал было Ван.

— Как вы смеете! Школа законно перешла в мои руки!

Наставники набросились друг на друга так, что их чуть не пришлось разнимать. Все мастера потрясали кулаками и уверяли, что именно их умения необходимы в войне против орд Катуга.

— А если Цзяню придется сражаться с конниками? Стиль моей семьи — владение копьем! У Хана больше конных воинов, чем звезд на небе!

— А если он столкнется с лучниками? Я обучаю своих подопечных ловить стрелы на лету!

Цзянь кивал всем по очереди. Каждый из наставников играл особую роль в его обучении. Без них он не достиг бы таких высот.

— Сами видите, госпожа посланница, — произнес Фаару. — Вот почему я собрал столь разных наставников

со всех концов земли. Наш Предреченный герой будет готов к любым неожиданностям.

Тайши бросила косточку от персика через плечо, вытерла пальцы о свое крестьянское платье и вскинула руку, приказывая мастерам молчать. Никто не послушался — и тогда она рявкнула так, что по залу словно гром раскатился:

— Тихо!

Зычное эхо повисло в воздухе, и от одного присутствия этой женщины у Цзянь волосы встали дыбом. Она устремила на него стальной взгляд и произнесла резко и властно:

— Покажи мне кулак, мальчик.

Да как она смеет? Никому не позволено обращаться к нему «мальчик». Она что, не знает, кто он такой? Но Цзянь не стал спорить. Он послушно поднял руку и сложил пальцы. Несомненно, это была просьба с подвохом. Цзянь уверенно заговорил:

— Есть разные типы кулаков в зависимости от семейного стиля.

Он сжал кулак и изогнул запястье.

— Это круглый кулак в стиле Ван.

Краем глаза он заметил, как Ван одобрительно кивнул: мастеру понравилось, что его имя назвали первым.

Цзянь сжал кулак слегка наискось.

— Режущий удар в стиле Чан.

Он выдвинул костяшку указательного пальца.

— Обезьяний кулак. Хили.

Он повернул кулак костяшками вверх.

— Кулак-нож. Стил Бай.

Разжал ладонь.

— Неудержимый рубящий удар. Стил Синсин.

Ван фыркнул:

— Это вообще не кулак.

И два наставника опять сцепились.

Цзянь покраснел. Такие ссоры происходили часто, но, как правило, за закрытыми дверями. Ван и Синсин были

для него все равно что дядюшки. Он продолжал, согнув пальцы, как когти:

— Орлиный кулак. Стил Луда...

Тайши подняла руку.

— Довольно. Покажи мне защиту.

Цзянь повиновался. На сей раз он начал со стиля мастера Нинчжу, поскольку не успел продемонстрировать прямой удар кулаком в стиле Нин. Он скрестил запястья.

— Это священный крест семьи Нин. Это боковая защита Чан. Это защита с переходом в наступление в стиле Сун...

И тут Тайши протянула руку и ударила его по лицу.

Удар был не особо быстрым и не очень-то сильным. Цзянь видел, как движется ее рука, но растерялся. Ему хватило бы времени, чтобы отбить удар, уклониться, атаковать в ответ. По крайней мере, хотя бы подготовиться. Но Цзянь просто стоял и ждал, пока ладонь Тайши не шлепнула его по щеке. Голова у юноши мотнулась вбок, он пошатнулся и упал. К счастью, ковер был толстый.

Все ахнули.

— Ну и для чего нужны все ваши техники? — поинтересовалась Тайши, качая головой. — Потребовалось единство всех верующих в пророчество Тяньди, чтобы разыскать этого мальчика. На протяжении пятнадцати поколений каждого ребенка приносили к монахам Тяньди и подвергали испытаниям. Сотни верных подданных отправлялись за много миль. Император Сюаньшин, да продлится вечно память о его величии, поставил целью своей жизни найти Предреченного героя. Когда он скончался, пять государств империи Чжун из уважения к нему заключили мир между собой и предоставили императорский дворец, чтобы растить и обучать спасителя. Каждое государство прислало десятую часть своих воинов и запасов в качестве дани, чтобы защитить пророчество.

После этих слов Тайши указала на Цзяня.

— И что вы с ним сделали?

— Эй!

Этот возмущенный возглас невольно сорвался с губ Цзяня. Он решил, что с него хватит. Внутри он кипел.

Тайши, казалось, не слышала его.

— Вместо того чтобы готовить мальчика, вести его по пути воина и учить боевым искусствам, каждый из вас пытался оставить на нем свой отпечаток, завладеть им, назвать своим. Вместо того чтобы служить людям, вы искали славы — не только за счет мальчика, но и за счет всех государств Чжун.

На лицах мастеров отражались смешанные чувства. Одни были злы, другие пристыжены — и все пришли в замешательство. Цзяню не стоялось на месте. Никто и никогда раньше не отзывался о нем так. Никто не смел! Чужое пренебрежение злило Цзяня больше, чем необходимость выслушивать, как она поносит Синсина, Луду и прочих. У каждого есть недостатки... но они, во всяком случае, были его наставниками!

Не только мастерам пришлось столкнуться с гневом Тайши. Она повернулась к Фаару:

— А вы, господин Персик, скажите-ка, где другие наставники мальчика?

— Ч-что?.. — слабо выговорил Фаару.

— Вы приставили к нему восемь так называемых мастеров военного искусства. Но где же другие учителя? Кто обучает мальчишку стратегии, тактике и дипломатии? Кто учит его каллиграфии? Он вообще умеет читать? Этот неженка хотя бы в состоянии сосчитать до десяти?

Лицо дворцового управителя Фаару покрылось крупными каплями пота. Он неуверенно переминался с ноги на ногу.

— Наставники обучают его всему необходимому. Уверю вас, он будет готов, когда настанет время...

— Я умею читать... — начал Цзянь — и замолчал, когда Тайши повернулась к нему. Ее пристальный взгляд был невыносим. — Ну, немножко... — чуть слышно закончил он.

— Он умеет читать... ну, немножко, — передразнила она. — Я тащила через Зазубренные горы, поскольку меня уверили, что я увижу легендарное величие. Что Предреченный герой, спаситель пяти Поднебесных — зрелище, которое выдается раз в жизни. И что я увидела? Кучку калек и восьмерых глупцов, обучающих высокомерного избалованного мальчишку махать мечом, как палкой.

Цзянь наконец отлепил язык от нёба:

— Вы не имеете права так со мной разговаривать!

Тайши не обращала на него никакого внимания.

— Дворцовый управитель Фаару, я приняла решение. Я сама займусь обучением мальчика. С этой минуты он под моей ответственностью. Надеюсь, еще не слишком поздно.

Синсин поднял руку, как школьник:

— А как же мы?

Тайши резко ответила:

— В ваших услугах больше не нуждаются. Я хочу, чтобы вы все до единого покинули дворец до следующего восхода Короля.

Огонь в душе Цзяня наконец превратился в бушующий пожар. Если его наставники слишком вежливы и почти-тельны, чтобы защищаться, он, их ученик, заступится за них. Гнев придал ему храбрости.

— Это ты немедленно покинешь нас, женщина. Ты всего лишь посланница князя Шуланьского. Думаешь, можешь указывать всем только потому, что сжульничала на арене? За пределами площадки я никаких фокусов не потерплю!

Тайши смотрела на него с таким видом, будто укусила кислую сливу. Цзянь ожидал другой реакции. Он продолжал:

— Я — Предреченный герой народов Чжун. Мои наставники никуда не уйдут. Таков мой приказ. Они сделали меня воином. Я готов сражаться с ордами Хана хоть сейчас, если потребуется. Ручаюсь, я запросто его побью.

Он выпятил грудь. Тайши внимательно смотрела на него, но на сей раз Цзянь не съезжился под ее пристальным взглядом. Что она могла с ним сделать? Убить? Снова ударить по лицу? Пусть попробует. Для жителей Чжун он был почти богом.

— Правда, мальчик? — К его огромной досаде, Тайши улыбнулась. — А что тебе известно о Хане?

Цзянь вздернул подбородок:

— Он чудовище: наполовину человек, наполовину лошадь. Он силен, как гора, и туп, как булыжник. Он правит дикими ордами, сея ужас и смятение. Я сражу его, как бешеную собаку.

Тайши рассмеялась. Отчего-то чем радостнее делалось ее лицо, тем грознее она казалась.

— Это рассказали тебе глупцы, ни разу не ступавшие на поле брани? Ну а я вышла на бой против Хана, и наши клинки сошлись. Он дик, но не в том смысле, как ты думаешь, — ее голос звучал мечтательно и певуче. — Он выше любого обыкновенного человека. Волосы, которые разливаются, словно Травяное море. Голос сотрясает землю. На поле боя он сила природы. Ноги танцора, руки художника, уста поэта... — Тайши помолчала. — Ну, вроде того. Хотя, на мой вкус, его творениям недостает утонченности.

— Что? — Цзянь, казалось, растерялся. — Ты вообще на чьей стороне?

Тайши пожала плечами:

— Сам увидишь, если тебе не посчастливится и ваши пути пересекутся. Надеюсь, что это произойдет через много лет, мальчик, потому что Вечный Хан — художник смерти, бог войны, правая рука жестокости. Он убивает с выдумкой, истребляет противников десятками и сотнями для развлечения...

Она подошла ближе. От нее пахло персиками и немного опиумом и гнилью.

— В бою Хан — вихрь, состоящий из боевой ярости и мастерства, отточенного до совершенства. Он обладает силой великана и быстротой гадюки. Он ездит в бой на слоне и одной

атакой стирает с лица земли целые отряды. В битве у Северного Пэньюна он с пятьюдесятью всадниками перехитрил и уничтожил шестьсот воинов, в том числе двух вражеских генералов. Затем катуанцы сровняли город с землей и перерезали три тысячи мирных жителей. *Включая детей.*

В то самое мгновение, когда Цзянь набрался смелости, чтобы возразить, голос Тайши проник в его разум и сломил волю. Ее слова, наполненные энергией ци, вызвали перед мысленным взором Цзяня ужасающие образы. Огромная фигура вышла из гущи высоких качающихся стеблей травяного леса и двинулась к нему. Гром и молния возвещали ее приближение. У этого зловещего великана были длинные клыки, острые когти и, весьма вероятно, четыре руки, одна из которых сжимала копье высотой с дом. Наконечник призрачного копья коснулся груди Цзяня и проткнул кожу, как рисовую бумагу. Цзянь попытался крикнуть, но у него вырвался лишь болезненный всхлип. Копье вонзилось глубже, прошло через кость и сухожилия и вышло через спину. Ужас сковал грудь юноши. Его желудок сжался. Цзянь попытался вырваться, но кто-то держал его железной хваткой. Комната закачалась, и юноша вплотную увидел морщинистое лицо Тайши. Грубая, покрытая рубцами рука клешней обхватила его запястья.

— Сначала он освежает тебя и убьет, потом оторвет твои руки от тела, чтобы ковырять ими в зубах. Твою отрубленную голову он превратит в кубок, из снятой кожи велит сшить плащ. Таков Вечный Хан, с которым тебе предназначено сразиться. Ты уверен, что готов встретиться с ним на поле боя?

Цзянь открыл рот, но не сумел произнести ни слова. От воображаемой боли и от ужаса у него перехватило дыхание. И тогда Вэнь Цзяня, Предреченного героя, воина пяти Поднебесных, спасителя народов Чжун, которому суждено было вести Просвещенные государства против диких орд Катуа, вырвало персиковым соком прямо на ноги Линь Тайши. А потом юноша упал без чувств.

Глава 3

Поэзия в действии

Джалау смотрел на высокий стебель, качающийся на ветру. Он оттолкнул его в сторону, но тот спружинил и дал сдачи. У Джалау вырвалось шипение. Он принялся рубить гигантский сорняк топором, пока стебель не согнулся в десяти местах. Но проклятое растение вновь выпрямилось, и лишь немногочисленные зазубрины от топора свидетельствовали о ярости, с которой Джалау на него обрушился. Джалау сдался и нырнул под стебель, нависший над узкой извилистой тропкой. Дурацкая трава снова победила, как это бывало уже сотню раз, пока отряд пересекал поле.

Джалау ненавидел здешние края — бесконечную равнину, которая поросла неистребимой травой высотой с дерево. Ее невозможно было уничтожить — трудно срубить, тяжело примять, и даже огонь с ней не справлялся. Не то чтобы никто никогда не пытался: в самом начале войны Просвещенные государства выкорчевали и сожгли траву и посыпали землю солью. Но гигантские зеленые стебли, подлинные владыки этих диких и непокорных мест, неизменно оживали.

К сожалению, Травяное море служило пристанищем ордам Катуга. Эти дикари, как стая саранчи, выходили из Травяного моря и грабили богатые земли империи Чжун, а затем скрывались среди высоких зарослей, прежде чем войска Просвещенных государств успевали пуститься в погоню. Обязанностью патруля Джалау — и сотен других таких же — было заранее предупредить пограничных жителей о вторжении.

Джалау вытянул шею и взглянул на немногочисленные клочки синевы, видневшиеся среди зеленых верхушек. Наконец слева он заметил краешек Короля. Они шли в нужную сторону. В этих дебрях ничего не стоило заблудиться. А главное, они преодолели почти полравнины — иными

словами, патрулю пора было возвращаться обратно на дру-
жественную территорию.

В Травяном море Джалау чувствовал себя крошечной
букашкой, и это выводило его из себя. С того самого дня,
когда он покинул материнское чрево, Джалау был крупным,
большеротым, много ел и громко говорил. Прочие ребята-
шки всегда уступали ему в росте, ширине и злобе. Еще кара-
пузом он очищал собачью миску, после того как справлялся
с собственной порцией. Однажды собака набросилась на него,
и он в ответ ее укусил. Когда Джалау подрос, то стал отнимать
обеда у других детей. Если они жаловались, он кусал и их.
Взрослый Джалау отучился кусаться, но начал воровать еду
из местных лавок. Однажды он попытался избить всю город-
скую стражу, но для этого оказался недостаточно силен.

Чтобы не лишиться рук в качестве наказания за воров-
ство, Джалау завербовался в армию, и это стало лучшим
решением в его жизни. В армии ценили рослых, сильных
и горластых. Командир осмотрел новобранца с ног до го-
ловы, как кусок мяса, и немедленно сделал Джалау капра-
лом. Он сказал, что высокий рост сродни недюжинному
таланту. Научить этому нельзя, можно только подкрепить,
поэтому в армии Джалау сытно кормили. С тех пор он
быстро делал карьеру. Командовать оказалось несложно.
Нужно было лишь громко кричать и раздавать тумаки —
он всю жизнь отлично с этим справлялся. После трех ме-
сяцев рыка и угроз Джалау поручили отряд. И по-преж-
нему давали есть вволю.

Только в Травяном море он чувствовал себя малень-
ким — вроде насекомых, которые ползали среди сорняков
на родительском огороде, пока он не давил их своей но-
жицей. Если насекомым становился он сам, значит, в не-
далеком будущем мог появиться и смертоносный сапог.
Как только воображение у него успело разыгаться, трава
неподалеку зашуршала. Джалау поднял над головой кулак.
Отряд остановился на извилистой тропке и укрылся среди
стеблей. Кто-то вскрикнул, провалившись в безобидную

на вид лужу, которая оказалась глубиной по шею. В Травяном море скрывались и такие ловушки.

— В чем дело, капитан? — спросил новичок Маньжи, которому едва исполнилось шестнадцать.

Джалуа предпочитал держать свежее мясо поближе к себе и посылать их с самыми опасными поручениями. Это позволяло ему не терять опытных, испытанных воинов и избавляло от необходимости постоянно запоминать новые имена.

Джалуа достал топор из подвеса и указал в сторону источника шума.

— Что-то прячется вон там. Разведай.

— Почему я?

Джалуа угрожающе потряс топором.

— Потому что я страшнее того, что там таится.

Маньжи, у которого лицо и так было покрыто лиловыми синяками оттого, что он недавно подвернулся Джалуа под горячую руку, неохотно вылез из укрытия. Он шагнул вперед, и тут же Джалуа влепил ему затрепину.

— Копье, дурень. И только попробуй его потерять, я тебе древко в зад засуну.

Маньжи поспешно вернулся за копьем, а затем начал пробираться среди зарослей. Он протиснулся между высокими стеблями, опасливо обернулся напоследок, и его поглотила сплошная листва.

Джалуа жестом велел остальным оставаться в укрытии. Поднялся ветер. Стебли, стучаясь друг о друга, шуршали. В потемках к общему шуму присоединились цикады и птицы. Захохотали койоты, возможно, предвкушая добычу. Несколько солдат страдали от головокружения — здесь это случалось частенько. Буквально все вокруг шевелилось и качалось. Единственным способом не утратить рассудка было постоянно двигаться самому.

Джалуа поморщился, когда паук размером с кулак приземлился на огромный лист и пополз прямо к нему. Глядя на Джалуа, тварь негромко застрекотала.

— Эй, эй, уродец, — ласково произнес тот, протягивая свободную руку.

Паук некоторое время смотрел на него, словно раздумывая над предложением, а затем, задвигав восемью мохнатыми ножками, перебрался на подставленную руку и замер.

Джалау поднес паука к глазам.

— Думал прыгнуть на меня, а? Хотел цапнуть вкусного Джалау?

Он раздавил паука обухом топора и улыбнулся, глядя на ошметки внутренностей и зеленую слизь.

— Вот мерзкая тварь. Ненавижу эти дебри, — буркнул он. — Десять преисподних! Маньжи, ленивый плут, куда ты провалился? Если мне придется кого-то за тобой посылать, клянусь, я тебя пополам разрублю!

В ответ из темноты донесся пронзительный вопль. Маньжи вылетел из зарослей — его тощие ноги так и мелькали, насколько позволяла вязкая почва. Он был напуган и бледен, вытаращенные глаза белели, точно две луны. Юноша отчаянно размахивал руками над головой, словно искал, кому бы сдать.

Он уже собирался пролететь мимо, когда Джалау вытянул мощную руку. Маньжи повис на ней, как белье на веревке, охнул и повалился наземь. Джалау хмуро взглянул на юношу, который корчился у его ног.

— Где копье, солдат? Ты разве не понял, что я сделаю с тобой, если ты опять его потеряешь?

Маньжи открыл и закрыл рот — у него вырвался только писк. Закатив глаза, он ткнул рукой туда, откуда пришел. Джалау, прищурившись, взглянул на узкую тропку, ведущую в темноту.

Поначалу все было спокойно, не считая ветра. Затем он услышал треск сучьев и хруст стеблей, а потом тяжелое дыхание и... пение?

Трава резко расступилась, когда на прогалину ступил рослый, полностью обнаженный мужчина.

Джалау разинул рот от страха и от зависти. В основном от зависти. Он в жизни не видел такого великана.

— Чтоб мне лопнуть! Вот это верзила!

Человек — если его можно было так назвать — набросился на патруль. Джалау спасся, метнувшись в сторону. Он угодил в неглубокий пруд, погрузился целиком и увидел в мутной воде зеленые щупальца людоедки-кельпи и целую стаю уродливых серых угрей с острыми зубами. Тут Джалау вспомнил, что не умеет плавать. Он хлебнул тухлой воды и неистово задергал руками и ногами. Ему на мгновение удалось высунуть голову на поверхность — и тут же он опять ушел вниз.

Коснувшись ногами дна, Джалау оттолкнулся, и его голова во второй раз показалась из-под воды. Тогда он выпрямился и понял, что утонуть ему не грозит. Джалау стошнило тиной; он вытер лицо и мрачно взглянул на десятки черных пиявок, присосавшихся к рукам. Топоры пропали. Джалау подумал, что не переживет этого. Он смотрел на битву, которая кипела вокруг, и думал, что, возможно, он не переживет этот день по другой причине. Голый гигант крошил его отряд.

И вновь Джалау потряс вид этого чудища. «Вот уж и правда верзила». Судя по густым бровям, длинным прядям на висках и большому пучку волос на затылке, это был катуанский дикарь. Он как будто явился из страшных сказок, которые чжунские матери рассказывали детям, заставляя их есть рисовую кашу.

Великан самозабвенно прорывался сквозь ряды солдат, вооруженных копьями и щитами, и сила духа явно была на его стороне. Он подхватил одного из бойцов, швырнул его оземь и остановился. Несколько мгновений он стоял посредине поляны, склонившись набок и пошатываясь, а затем снова бросился вперед и опрокинул сразу двоих.

Все это время он что-то вопил на незнакомом языке. Нет, не вопил — пел или выкрикивал низким голосом некий боевой клич. Пока Джалау стоял и смотрел как зачарованный,

великан схватил Маньжи за шиворот, одной рукой приподнял мальчишку и швырнул через голову Джалауа в пруд.

Командир тут же пришел в себя. Противник, конечно, внушал ужас, но был всего лишь человеком. Гиены способны победить льва, если требовалось, и у Джалауа под началом состояло тридцать гиен. Он выбрался на сушу и начал отдавать приказы.

— Стройся! Копья на изготовку! Жми его, как бабу! Вы, хромые блохастые шавки! Кто еще повернется ко мне задом, получит мечом промеж булок! А ну, кто-нибудь, чтоб вас собаки имели, всадите стрелу в этот кусок сала!

Потребовалось выкрикнуть еще несколько ругательств, прежде чем Джалауа удалось призвать людей к порядку. Они быстро построились — скорее от страха, чем из послушания — и вскоре окружили нагого безумца, угрожая ему копьями со всех сторон. Лучший лучник отряда, Ванко, высунулся из-за стены щитов и выстрелил. Великан поймал стрелу на лету. Лучник удивленно ахнул и выстрелил снова, но великан отмахнулся от стрелы как от назойливой мухи. Гневно взглянув на Ванко, он устремился прямо к нему.

У Джалауа все перевернулось в животе. Они не просто столкнулись с верзилой-дикарем — очевидно, этот дикарь знал толк в военном искусстве. Рост и умение — убийственное сочетание. Непредсказуемые движения, неровные шаги, раскачивающееся тело... быть может, это знаменитый полуполегарный стиль Пьяный воин?

Копейшики, которым следовало защищать Ванко, рассыпались. Бедный лучник обнаружил, что стоит один-одинешенек, а на него несется огромный дикарь. Надо сказать, Ванко не дрогнул — он кое-как выхватил из колчана третью стрелу, натянул лук и в последний момент успел выстрелить.

Великан шатнулся, сделал несколько вихляющихся шагов и рухнул ничком, проехав по мягкой земле, прежде чем замереть у ног Ванко.

Настала тишина, а потом Джалауа издал торжествующий крик и протолкался вперед.

— Ты его уложил! Ай, молодец, Ванко! А я что говорил? Не зря я столько времени на тебя орал!

Ванко смутился:

— Я не попал... он упал сам. Стрела пролетела у него над головой.

Он указал на стрелу, торчавшую из земли.

Джалау замер. Это все-таки был знаменитый Пьяный кулак! Он уставился на тело, которое лежало лицом вниз в воде, доходившей до щиколоток. Какое потрясающее умение. Джалау схватил ближайшего солдата за плечо и толкнул вперед.

— Синьи, ну-ка проверь. Он еще жив?

Синьи, похоже, хотел отказаться, но передумал. Он медленно подошел к лежащему великану. Копье в руке солдата дрожало.

— Умер? — спросил кто-то.

Это было бы слишком просто. Синьи уже почти дотронулся до великана, когда тот шевельнулся и перекатился на бок, подтянув колени к груди. Синьи отпрянул, а затем осторожно потыкал великана кончиком копья в бедро и повернулся к Джалау:

— Спит. Кажется, он пьян.

— Ты имеешь в виду стиль Пьяный воин?

— Нет, скорее, стиль моей бабки после ночного загула.

Как только он повернулся спиной к великану, тот вскочил на ноги. Прежде чем кто-то успел хотя бы вскрикнуть, могучая рука такхватила Синьи по голове, что солдат без памяти рухнул наземь. Он безжизненно повалился в еще одно мелкое озерцо и наверняка утонул бы, если бы товарищи его не вытащили.

Затем великан скривился, опустил голову, и его вырвало.

Джалау растерялся. Перед ними был легендарный воин или просто дурень-катуанец, который перепил, разделся и отправился нагишом бродить по Травяному морю? Джалау решил, что это неважно: дикарь напал на его людей,

и все остальное не имело никакого значения. Он подал знак оставшимся солдатам:

— Убейте его! Потом разберемся.

Солдаты, и без того ошеломленные, вполголоса издали боевой клич и приблизились к великану. Когда они уже собирались пронзить его копьями, у того как будто открылось второе дыхание. Первый, чрезмерно резвый сопляк, подошедший к великану слишком близко, жестоко поплатился: дикарь вырвал у него щит и с чудовищной силой швырнул прочь. К сожалению, щит был пристегнут к руке, и она улетела вместе с ним.

Еще три солдата набросились на дикаря с разных сторон, но отчего-то все трое промахнулись. Ни одно оружие даже в упор не могло попасть в цель. Лезвия как будто сами отклонялись от тела великана. Копья скользили мимо. Великан отомстил, повергнув всех троих одновременно: он взмыл в воздух и пятками ударил двоих по лицу, а на третьего приземлился, вдавив его череп в землю. Это была поразительная демонстрация силы и мастерства.

Джалуа схватил пику и бросился в бой. Он прицелился великану в зад, но отчего-то проскочил мимо. Он остановился и развернулся как раз вовремя, чтобы получить пинка в живот. Джалуа охнул, беспомощно следя за тем, как огромный катуанец размахивается. От удара тыльной стороной ладони по лицу Джалуа почти ослеп. Он набрал полный рот травы и грязи, а лицо болело так, будто ему вышибли глаз.

Солдаты продолжали вопить у него за спиной.

Джалуа сначала хотел было притвориться мертвым, но потом подумал, что такого позора не переживет. Он заставил себя подняться, схватившись за чье-то плечо. Великан меж тем уложил еще троих копейщиков, продолжая громко и фальшиво распевать. Уже почти половина отряда валялась запертво.

Джалуа взглянул на солдата, на которого опирался.

— Кайрон, ты ведь знаешь по-ихнему. Что кричит этот умалишенный?

Кайрон прислушался.

— Ничего не понимаю. Он говорит, что он владыка травы и болот. На востоке тьма. Небо зеленое. Сломанные перья летят по ветру... — Солдат наморщил лоб. — Кажется, это стихи.

— Стихи?

Джалуа взглянул на великана, который удавил одного из стрелков его собственным луком. В этом громиле ему почудилось нечто знакомое. Описания, слухи, рассказы, передаваемые шепотом в кабаках... истории о человеке, который обладал схожим ростом, схожей жестокостью, схожим мастерством...

И тут у Джалуа волосы встали дыбом.

— Ну конечно. Как я сразу не догадался? Это проклятый Хан, чтоб его медведь имел! Но почему он голый? И пьяный?

Джалуа не испугался. В нем лишь с новой силой вспыхнула жадность.

— Ну и повезло нам! Представь, что будет, если именно мы его убьем.

— Но это же Вечный Хан, — промямлил Кайрон. — Он бессмертный! Потому и называется Вечным!

— Может, до сих пор просто никто толком и не пытался его уложить, — оборвал Джалуа. — Эй, парни! — заорал он. — Этот яйцетряс — сам катуанский Хан! Убейте этого голого безволосого дикаря — и ваши имена будут красоваться на каменных плитах до скончания времен! Нынешний день войдет в историю!

Солдаты, ободрившись, с криком бросились на Хана — и полетели во все стороны. Но никого это уже не пугало. Желание разбогатеть оказалось сильнее угроз и брани.

— Стройся! Вы солдаты или бедные сиротки? — проревел Джалуа, хватая другое копьё.

Пока воины отвлекали Хана, он обошел его со спины. Солдаты перестали отчаянно лезть вперед и медленно подступали к противнику.

— Не отходить! Удерживай его! Навались!

Копейщики с трех сторон окружили Хана. Большинство копий ударили мимо цели, но Джалау это не смутило. Хан опрокинул еще несколько человек, однако оставшиеся не унывали. Джалау продолжал выжидать. Его людям нужно было лишь удерживать Хана на месте. Наконец возник просвет, и Джалау не стал медлить. Он перехватил копьё поудобнее и ударил что было сил, вогнав острие в спину гиганта.

Хан содрогнулся и взревел, когда копьё пронзило его тело. С изумлением на лице он опустил голову и взглянул на окровавленный наконечник, торчавший из груди. Время, казалось, застыло. Затем на пьяном лице появилось нечто вроде осознания. Хан качнулся вправо, влево и упал на колени.

Агония гиганта оказалась на удивление тихой — никаких предсмертных криков, всего лишь короткий булькающий вздох. Последнее, что сделал Вечный Хан, предводитель диких орд Катуга, прежде чем свет жизни померк в его глазах, так это опорожниться, оставив внушительную кучу дерьма, на которую и рухнул. Густая, почти черная кровь хлынула из раны, оставленной копьём. Хан перестал дышать.

Настала тишина. Никто не двигался. Даже Травяное море, казалось, успокоилось, словно отдавая последнюю дань уважения Вечному Хану, полубогу, которого невозможно было убить, легендарному воину, от которого клинки отклонялись из уважения, а стрелы — от страха. Человеку, которого только что убил Джалау.

Джалау не верил своим глазам. Он уставился на собственные руки, еще сжимавшие древко копья, и тщетно попытался подобрать слова. Наконец он сделал то, что ему удавалось лучше всего. Джалау заорал, и его громкий голос разнесся над Травяным морем, вспугнув стаю скворцов.

— Я это сделал! Я! Я стану знаменит! Я разбогатею так, что даже собственную задницу покрою золотом! Я женюсь на принцессе!

Он торжествующе заплясал. Его радость оказалась заразна: выжившие солдаты присоединились к Джалау. Сама природа, казалось, праздновала победу. Все вокруг

внезапно ожило. Трепсали насекомые, по земле сновали мыши, сотни птиц слетели с гнезд и затмили небо. Даже стадо антилоп пронеслось мимо ликующего отряда.

Когда люди наконец услышали грохот, было уже слишком поздно. Первым опомнился Маньжи. Пока остальные торжествовали, Маньжи протолкался к Джалау и похлопал командира по плечу. Голос юноши тонул в радостных криках. Джалау развернулся и полусхвату дал парню затрепшину, сбив его с ног.

Маньжи быстро поднялся. Он был бледен от страха.

— Капитан, послушайте!

Джалау не сразу понял, что мальчишка напуган. Понадобилась еще минута, чтобы успокоить остальных. Тогда все услышали знакомый пронзительный вопль, а потом ритмичное низкое пыхтение.

— Биси!* — заорал Джалау.

Когда они спохватились, было уже поздно.

Высокая трава, окружавшая их, смялась, и на прогалину вырвалось приземистое металлическое чудовище, напоминавшее черепаху. Четверо лучников, склонившись с бронированного сиденья на верхушке знаменитой катуанской военной машины, осыпали солдат дождем стрел. Толстые короткие пики, прикрепленные к колесам машины, кромсали все на своем пути, пока черепаха катилась по мокрой неровной земле. Биси врезалась в кучку солдат, переехав двоих и проткнув четырех, прежде чем остальные успели броситься врассыпную, и издала оглушительный боевой клич. В воздух взвилось облако пара.

Кончик шипа задел Джалау, распоров доспех, как тряпку. Он перекатился, вскочил и принялся искать оружие. Хоть что-то. Сегодня он постоянно его терял! Он уже собирался выстроить своих людей и приготовиться к обороне, когда появились еще десять биси.

* Биси — существо из китайской мифологии, помесь дракона с черепахой.

У Джалау захватило дух. Это было масштабное наступление. Он хотел подать сигнал к отходу, однако обнаружил, что остался один на прогалине. Солдаты уже удрали. Проклятые трусливые шавки. Джалау знал, что бежать бессмысленно: его раздавят биси или пристрелят лучники. Или настигнет какое-нибудь чудовище, обитающее в дебрях Травяного моря, если он кинется опрометью куда глаза глядят. Выбрать можно было только смерть.

Вот гадство. Ему наконец улыбнулась удача, а он даже не сможет отпраздновать победу. Разумеется, эти проклятушки катуанцы разыскивали своего голого Хана, который оказался не таким уж и вечным. Джалау убил его своими руками. И он предпочел бы не умирать, а разбогатеть и прославиться.

Джалау выругался и приготовился к последнему бою.

Быть может, остатки гордости заставили его вспомнить о долге. Он сунул руку в мешок и вытащил сигнальную ракету. Некогда было втыкать ее в землю, поэтому Джалау поджег фитиль, держа трубку в руке. Он направил ракету в небо и в последний раз издал яростный боевой клич. Ракета вспыхнула и выстрелила вспышкой света, которая расцвела высоко над головой ярко-желтым шаром.

— Ну, теперь вы свое получите, твари! Когда придут солдаты, передайте им, что Цзинь Джа... — проревел Джалау, потрясая кулаком.

И биси раздавила его своими огромными шипастыми колесами, как сапог давит жука.

Глава 4

Уроки

Неприятное ощущение посетило Цзяня, как только он открыл глаза. Водяные часы, стоявшие в маленькой нише на противоположной стене, опустели, и Король уже давно

начал свое утреннее восхождение по небу. Быстро пообеда глазами комнату, Цзянь понял, что тренировочного снаряжения ему никто не приготовил. И слуги не ждали пробуждения господина, чтобы его одеть. Не было хранителя свитков, чтобы пройти с ним утренние уроки.

А главное — где завтрак?

Цзянь вытянул руку и дернул за длинный зеленый шелковый шнур, свисавший сверху. Послышался негромкий гул гонга, перекашивавшийся под потолком по трубам. Цзянь ждал, пока звон не превратился в тихое гудение. Из дверцы для слуг никто не появился. Нахмурившись, Цзянь сел и дернул еще три шнура — оранжевый, желтый и красный. Три ноты слились в гармоничный аккорд, но результат оказался тем же. В детстве одним из его любимых занятий было дергать все двенадцать шнуров и слушать красивые звуки (хотя слугам это развлечение вряд ли приходилось по нраву). За считанные секунды комната наполнялась людьми, готовыми выполнить приказ героя. Цзянь отсылал их и проделывал то же самое снова.

Но сегодня на зов гонгов не явился никто. Даже когда Цзянь дернул красный шнур, который не следовало трогать, если его жизни ничего не угрожало. Тогда юноша достал нож, лежавший за потайной створкой в изголовье, и выбрался из постели. Если Рига и Хораша не пришли, значит, что-то случилось. Неужели на дворец напали? Катуанцы послали убийц, чтобы перерезать ночью всех слуг?

Он ждал и прислушивался. Вибрирующий гул гонгов затих, и в Башне неувядающего мужества настала небывалая тишина.

Пригнувшись, Цзянь шмыгнул к окну, из которого открывался вид на весь Небесный дворец. Очевидно, утром к юноше никто не приходил, иначе занавеси были бы открыты, ванна наполнена, а в комнате витал бы аромат завтрака. Цзянь распахнул занавеси и выглянул. Сердце у него заколотилось. Дворец опустел. Ни стражей, ни спящих

туда-сюда слуг, ни лошадей, ни даже собак. Как будто все живое внезапно сгинуло.

Что-то определенно случилось. Цзянь, прыгая и перебегая от укрытия к укрытию, добрался до противоположной стены. Он остановился у массивного письменного стола и скользнул за тренировочное чучело. По-прежнему ничего не было слышно, кроме его собственного рваного дыхания. Цзяню стало стыдно. «Шумно дышать — значит проявлять слабость», — говаривал мастер Хили во время многочисленных тренировок.

Цзянь выбрался из-за чучела и заспешил в оружейную. Ему было всего шесть лет, когда катуанцы подослали первого убийцу. Старуха, которую наняли для уборки, намеревалась пропитать ядом его нижнее белье. С тех пор враги предпринимали множество попыток, начиная с жуткого невидимки, который сливался со стенами, и заканчивая яростными безумцами, которые врезались в ряды стражей и успевали уложить половину гарнизона. Хораши лично прикончил троих убийц. А Рига получил свою должность, потому что его предшественник грудью закрыл Цзяня от катуанской стрелы.

Ну что ж, он не станет легкой добычей для этих убийц.

Оружейная представляла собой длинную узкую комнату. Это было любимое место Цзяня. Тут хранились все мыслимые виды оружия — они висели на крюках и лежали на полках, тянувшихся от пола до потолка. Оружие для большой битвы — от двуручных мечей до широких секир, украшенных затейливой гравировкой на лезвии и рукоятке. Полные корзины стрел, шипов, метательных ножей. У стены напротив — доспехи на любой вкус, от полной дуэльной брони до деревянных поножей конника.

Если Цзяню предстояло сражение с армией катуанских убийц, нужно было выглядеть достойно. Он улыбнулся, когда в дальнем углу блеснуло нечто золотисто-зеленое.

Из угла он вышел похожим на сверкающую штурмовую башню. Прежде чем покинуть оружейную, Цзянь

полюбовался на себя в зеркало. Легендарный герой выглядел замечательно. На зеленом нагруднике красовалось изображение свирепого существа, напоминающего льва с длинными острыми клыками и радужными крыльями. Перчатки и поножи имели вид мохнатых лап, и Цзяню они очень нравились.

К себе он пристегнул целую груду драгоценного оружия и походил теперь на блестящего дикобраза. На левом бедре висели золотой меч и два сияющих кинжала, на спине, в легкой перевязи — вырезанный из кости боевой посох, украшенное бриллиантами копьё и лук, инкрустированный пластинками оникса, вместе с таким же колчаном. С правого бедра свисал цепной хлыст с отделанной стеклом рукояткой. Цзянь хотел взять с собой и большой двуручный меч, но эта штукавина оказалась такой тяжелой, что он чуть не упал, попытавшись снять ее со стены. Цзянь решил не увлекаться и оставил меч валяться на полу. Его нынешнего вооружения было вполне достаточно, чтобы справиться с врагом.

Цзянь вышел из оружейной, чувствуя себя неуязвимым и готовым к бою, вот только шлем давил на уши, и под его тяжестью запрокидывалась голова. Украшенный ониксом лук было не очень удобно держать, а у золотого меча лезвие заметно перевешивало рукоять. Но юноша был уверен, что его боевые умения, которые он так долго оттачивал на тренировочной площадке, несомненно, превзойдут все недостатки снаряжения.

Он обладал всем необходимым, чтобы справиться с целой ордой дикарей-убийц, в то же время доведя до их сведения, что перед ними — воин пяти Поднебесных. Синсин гордился бы им. «Достойный вид так же важен, как и поступки», — твердил наставник.

Цзянь, готовый свернуть горы, одной рукой взял саблю, в другой стиснул кинжал и двинулся к двери, стараясь не гроыхать на каждом шаге. Он остановился на пороге и приоткрыл дверь. Коридор был пуст. Как ни странно,

на полу не валялись тела стражей. Ни крови, ни сломанной мебели. Никаких признаков борьбы.

Цзянь ухватил нож поудобнее и, прижимаясь к стене, направился вниз по винтовой лестнице. В прихожей тоже было безлюдно, но он уже даже не удивился. Не желая без нужды рисковать, юноша перекатился под креслом и нырнул за стол. Меч и висящий на спине лук запутались, колчан то и дело переворачивался вверх дном, оставляя на полу дорожку из стрел.

Цзяню понадобилось двадцать минут, чтобы добраться до выхода из башни. Едва шагнув во двор, он перепрыгнул через перила и спрятался в маленькой нише, где находилась дверца для слуг. Там юноша огляделся, а потом отправился дальше, перебегая из тени в тень.

Даже несмотря на лязг доспехов, во дворце было слишком тихо. Только оставшись без свиты, Цзянь понял, насколько привык к постоянному шуму, который та производила. Теперь он оказался один, совсем один, и тишина казалась непривычной и зловещей. По телу поползли мурашки. Юноша ощутил удушливый ужас.

Как бы поступили его наставники?

В голове у него прозвучали слова мастера Бай: «Если на героя нападают, его задача — найти и уничтожить врага».

Тогда Цзянь решил, что это отличный совет.

Стиснув зубы и собравшись с духом, он медленно достиг края Небесного двора. Сердце престола Тяньди было символом пророчества. Там находился древний трон бывшей империи Чжун. Если во дворец явился враг, несомненно, он направился именно туда.

Цзянь оглядел обширную площадь Небесного двора. По-прежнему вокруг ничего не шевелилось, не считая танцующих на ветру листьев. Цзяню предстояло пересечь двор и подняться на Тысячу ступеней, чтобы добраться до тронного зала, — без всякого прикрытия. Сделав глубокий вдох, Цзянь выскочил из тени здания на открытое пространство и пустился бежать со всех ног. Отчасти он

ожидал, что вокруг засвишут стрелы. Катуанцы — если дворец действительно захватили они — были прекрасными лучниками и наверняка выставили дозор. К счастью, наставники всегда хвалили его за быстроту.

Достигнув подножия лестницы, Цзянь ощутил тяжесть своего облачения. Хоть раньше он и сражался в полном доспехе, но никогда в нем не бегал. Да и увесистое оружие только мешало. Он начал постепенно избавляться от лишнего груза. Прodelав четверть пути, Цзянь скинул посох, затем копье. Примерно на шестисотой ступеньке снял шлем, потом бросил цепной хлыст. Добравшись до верха, он так измучился, что рухнул на пол и перекатился на спину, широко раскинув руки и ноги. Если катуанцы намеревались его застрелить — что ж, пожалуйста.

Немного придя в себя, Цзянь сел и снял лук с плеча. Колчан снова перевернулся, и все стрелы высыпались. Тяжело дыша, юноша протянул руку.

— Пить.

И тут он все вспомнил.

Цзянь поднялся и обвел дворец взглядом. К этому времени он уже должен был увидеть хоть кого-то — но не видел ни лучников, ни притаившихся в тени убийц. Возможно, дворец действительно обезлюдел. Вместо того чтобы пройти дверью для слуг, как он изначально собирался, Цзянь вошел через парадную дверь. Он слишком устал прятаться. Он распахнул створки, сделал два шага — и наконец увидел живого человека.

Он предпочел бы встретить убийцу.

Тайши, эта отвратительная старуха, сидела на троне, небрежно опираясь на руку и попивая чай. Цзянь схватился за саблю и подошел к ней.

— Садиться на трон — тяжкое преступление. Даже мне этого не разрешают. Пустой трон — символ того, что у государств нет единого императора. Тебя повесят за такую наглость.

Тайши с презрением взглянула на него.

— Ты слишком долго сюда добирался, — произнесла она. — Мне сообщили, что ты поднимаешься с восходом Короля.

— Слуги меня не разбудили. Они все куда-то делись, — пожаловался Цзянь. — Что ты здесь делаешь? Я же велел тебе убираться из дворца.

— Пью чай и жду тебя. — Тайши неторопливо отхлебнула из чашки. — Я распустила твоих слуг. Точнее сказать, я воспретила кому-либо входить во дворец вплоть до дальнейших распоряжений.

Цзянь побледнел.

— А мои наставники? Сегодня утром очередь мастера Вана...

— Особенно этим никчемным глупцам, — перебила старуха с улыбкой.

Она явно наслаждалась происходящим.

— Ван и остальные — те, кто еще не утратил уважения к себе, — покинули город нынче утром.

— Верни мастера Вана! Он мне нужен. Мне нужны все мои наставники!

— Ошибаешься. Глупцы могут учить только глупостям, — произнесла Тайши и снова отхлебнула чаю. — Им было велено вырастить предводителя армии Чжун. А они воспитали цирковую обезьяну.

Эти слова были сродни пощечине. Но раз она пыталась поднять его наставников на смех, Цзянь желал оставить последнее слово за собой.

— Ты не имеешь права так говорить со мной! — закричал он. — Я Предреченный герой...

— Забудь об этом, — перебила Тайши, загибая палец. — Никто больше не будет называть тебя героем и спасителем. Просвещенные государства вырастили избалованного неженку. Ты никто, пока чего-то не достигнешь. До тех пор ты лишь испорченный мальчишка, играющий в героя и подражающий недостойным глупцам.

— Верни немедленно моих слуг и учителей! — завопил Цзянь. — Я приказываю!

Тайши загнула еще один палец.

— Ты еще не заслужил права приказывать. Власть не получают просто так. Сильный вождь выковывается, а не рождается. Больше никаких кланяющихся слуг и пресмыкающихся подхалимов. Довольно развращенных наставников и придворных, заискивающих перед тобой ради политических выгод. Ты воин и ученик. С этой минуты ты *мой* ученик. Я займусь твоим воспитанием. Теперь ты под моей опекой и ответственностью. Тебе давно уже пора ступить на путь истинного военного искусства и раскрыть свои способности. Подойди ближе.

Она вытянула руку вверх ладонью, на которой покоилась полупустая чашка.

— Твой первый урок — смирение. Налей мне еще чаю, мальчик. Добавь немножко меда.

Цзянь сверлил Тайши убийственным взглядом.

— Сама наливай, мерзкая однурукая карга.

Он попытался сбросить фарфоровую чашку на пол.

Тайши слегка шевельнула ладонью, и чашка, пропуская руку Цзяня, взлетела в воздух. Взмыв на уровень глаз, она вернулась на место, и ровнехонько в нее влетела струйка чая. Не пролилось ни капли. Цзянь предпринял еще одну попытку, но ему удалось лишь схватить Тайши за рукав. Он дернул изо всех сил, и чашка соскочила с ладони. Но Тайши поймала ее на лету мыском ноги и вновь вернула на ладонь, не пролив ни капли.

Она протянула чашку Цзяню.

— Принеси. Мне. Чаю.

Цзянь повернулся спиной.

— Я не стану это терпеть.

Он знал, что такое борьба за власть. Его наставники постоянно соперничали друг с другом. Поскольку Цзянь был самой важной персоной в землях Чжун, его не касалась эта грызня. Просвещенные государства больше нуждались

в нем, чем он в них. Цзянь зашагал прочь, громко стуча тяжелыми сапогами.

— Я прикажу управителю Фаару пристрелить тебя в следующий раз, когда ты явишься в Небесный дворец.

Он успел сделать пять шагов, а потом его слегка хлопнули по макушке, и Тайши приземлилась прямо перед ним — по-прежнему с чашкой в руке.

— Ворота заперты, а через стену ты не перелезешь, она слишком высока. Впрочем, я даю тебе шанс избавиться от меня. Если сумеешь разбить эту чашку, я велю отпереть ворота, и мы расстанемся навсегда. Если нет — подай мне чаю, и начнем занятия.

— Я тебя ненавижу!

Тайши пожала плечами.

На сей раз Цзянь не сдержался и с удвоенной яростью набросился на нее. Его каблук разминулся с носом Тайши на пядь. Затем последовал знаменитый удар ногой в стиле Нинчжу. Двойной прямой в стиле Сун. Могучий выпад в стиле Чан. Тайши нарочито зевнула, уклоняясь от ударов; двигалась она легко, как перышко, несомое ветром. Цзянь с тем же успехом мог колотить по воздуху. Он быстро устал — удары, не достигающие цели, оказались утомительными. И тут, к неимоверному потрясению юноши, Тайши дала ему пощечину. Опять. На сей раз по-настоящему.

Ее раскрытая ладонь хлестнула его по левой щеке, и у Цзяня в голове как будто загудел огромный колокол. Колени у него подогнулись, и он, повернувшись вокруг собственной оси, рухнул на пол.

— Перестань меня колотить!

В обычное время ему пришлось бы сперва отдышаться, но ярость заставила Цзяня вскочить немедленно. Ладонь Тайши, появившись словно из ниоткуда, ударила его по правой щеке. Цзянь споткнулся и получил оплеуху, от которой потерял равновесие; тут же Тайши врезала ему в солнечное сплетение, вышибив весь воздух из легких. Он снова оказался на полу, на сей раз ничком.

Поднялся Цзянь уже не так быстро. У него вырвался жалобный всхлип. Голова гудела, и мир вокруг качался, когда он кое-как встал на четвереньки. Он снова набросился на Тайши: возвратный удар в стиле Синсин, опоясывающий удар в стиле Ван, а потом... нет, он передумал и применил кулак-молот в стиле Хили. Тоже впустую.

— Когда тебе не позволяют действовать по заданному плану, ты движешься с изяществом двухголового осла, — заметила Тайши, спокойно уходя от атаки.

Каждый раз он промахивался на волосок. Цзянь подался туловищем вперед, надеясь, что следующий удар непременно попадет куда нужно. Он тянулся и тянулся, пока не обнаружил, что вот-вот потеряет равновесие.

— Если тебя поддразнить, ты начинаешь ошибаться.

Тайши подставила ногу и как будто вышибла из-под противника пол. Мир перевернулся вверх тормашками. Цзянь стукнулся головой о золотисто-фиолетовые плитки — раз, другой, третий. У него вырвался пронзительный вскрик.

Он стиснул зубы и снова поднялся. Шагнул вперед и получил удар в нос. Потом два быстрых удара в лоб и в шею. Наконец ему удалось приблизиться к этой обманчиво хрупкой женщине. Он сам не знал, как Тайши это проделала, но она шевельнула худыми бедрами, и он отлетел. Никто из наставников раньше не бил его с такой силой. Цзянь растянулся на мраморном полу. И заставил себя подняться на колени.

— Хороший воин знает, когда нужно сдаться, — нараспев проговорила Тайши.

— Хороший воин знает, когда нужно держать язык за зубами!

Цзянь схватил полупустой чайник, стоявший на полу, и плеснул в нее содержимым.

— Хотя в чем-то мы согласны, — заметила она, взмахом руки рассекая жидкость.

Следующая схватка прошла так же, как предыдущая. Тем не менее Цзянь упорствовал. Пять раз он поднимался

с пола и бросался на Тайши. Пять раз она швыряла его наземь. И все труднее было подняться.

После шести бесплодных попыток Цзянь валялся на полу, чувствуя боль и онемение во всем теле. Но в первую очередь пострадало его самолюбие. Вчерашний проигрыш мог быть чистой случайностью. Однако два поражения подряд сломили Цзяня. Он был непобедимым воином, спасителем Чжун, величайшим героем за все время существования Просвещенных государств. И вот его с легкостью одолела и осыпала оскорблениями какая-то жалкая старуха, которая сказала ему, что он сплошное разочарование, да к тому же еще и самозванец.

Самообладание наконец покинуло Цзяня. Он заплакал, сотрясаясь всем телом от рыданий. Юноше казалось, что жизнь утратила смысл. Мысль о том, что он потерпел поражение, не давала ему покоя. Он не оправдал надежд.

Цзянь свернулся клубочком, старательно не глядя на Тайши. Его лицо горело от стыда. «Герои не выказывают своих чувств», — твердил ему в детстве Ван. «У настоящего воина стальная выдержка», — добавлял Нинчжу. «Герои не плачут. Плачут только маленькие дети. Ты герой или плакса?» — орал ему в лицо Синсин. Остальные наставники молча смотрели на него с досадой и презрением каждый раз, когда он давал волю чувствам. Цзянь научился быстро справляться со слезами. Но теперь их накопилось столько, что сдержаться было нельзя. Он не знал, сколько времени пролежал на полу, рыдая как дитя.

Чья-то рука коснулась его плеча.

— Ты хорошо дрался, мальчик. Лучше, чем я думала.

Тайши опустилась на колени рядом с ним. Цзянь попытался ее оттолкнуть и прикрыть лицо. Она мягко ударила его.

— Нет позора ни в слезах, ни в поражении. То и другое может быть источником силы.

Он шмыгнул носом, сел и взглянул на Тайши.

— Разве это не значит, что я слаб?

Она впервые улыбнулась.

— Сознать и выражать свои чувства — не слабость, а великая сила, если научиться ей владеть. Я хочу, чтобы тебе было не все равно. Порой даже обидно до слез.

Цзянь сел и вытер с лица слезы и сопли. Тело у него все еще ныло, но он знал, что это скоро пройдет. Мягкость Тайши его удивила. Возможно, Цзяню просто померещилось, но эта старуха вдруг показалась ему не такой уж мерзкой. В ней чувствовалось материнское тепло, которого он раньше не замечал.

Цзянь шмыгнул носом.

— А ты вернешь мне слуг?

Тайши издала нечто среднее между смешком и фырканьем и встала.

— Не говори глупостей. Вставай. Умойся и позаботься о завтраке.

— Но я не умею готовить.

— Значит, будешь голодать.

Глава 5

Испытание огнем

Отношения Тайши с новым учеником складывались далеко не безоблачно. Она сказала себе, что первый день самый трудный и что со временем станет легче. Но ошиблась. Тайши решила, что достучалась до Цзяня, когда он расплакался, однако мальчишка по-прежнему отказывался налить ей чаю. На второй день он попытался открыть ворота. На третий исследовал подвалы. На четвертый стал искать прорехи в стене Небесного дворца. Тайши приветствовала в учениках некоторую толику упрямства, однако Цзянь был просто глуп.

«Истинная суть человека раскрывается, когда он наедине с собой». Таковы были последние слова почтенного

монаха Горамы, прежде чем он скрылся в горах Диюй*. Больше никто его не видел. То ли он наслаждался там своей истинной сущью, то ли умер от голода среди голых камней. В любом случае Тайши приняла мудрость Горамы близко к сердцу.

Она внимательно наблюдала за мальчиком издалека, не попадаясь ему на глаза, пока он дулся. Для предмета религиозного поклонения, для героя пророчества, от которого зависело спасение целого народа, Цзянь оказался на удивление скучным и лишенным фантазии. На третий день он снова попытался разбить чашку и получил взбучку. Полдня он провозился с завтраком, и это само по себе было бы увлекательным зрелищем, если бы он не устроил на кухне пожар.

Тайши уже хотела вмешаться, но затем решила посмотреть, как Цзянь с этим справится. Кое-что она выяснила. Мальчик немедленно запаниковал, но быстро взял себя в руки, как только совладал со страхом. Действовал он рассудительно и последовательно. Это были хорошие качества. Тайши подумала, что они ему пригодятся. К сожалению, Цзянь потратил слишком много времени, пытаясь разобраться, что к чему. Когда он принялся за дело, половина кровли уже сторела и обрушилась. К счастью, во дворе было еще три кухни — жги не хочю.

Глядя на последствия маленькой катастрофы, Тайши улыбнулась. Цзянь во многом напоминал другого ее ученика — Сансо. Тот так же упрямялся и крушил все вокруг, зато никогда не унывал и был полон энергии. Да уж, упорства у него хватало!

По утрам Цзянь обычно искал способы сбежать из дворца, а по вечерам скорбно смотрел поверх дворцовых стен на Хеньгу — небольшой город, построенный исключительно для нужд Небесного дворца. Иногда он запирался в комнате и читал глупые свитки, написанные его бывшими

* Диюй — царство мертвых в китайской мифологии.

наставниками. Иногда вновь пытался разбить чашку. Каждый раз, когда Цзянь бросал Тайши вызов, он отталкивался от того, что ему удалось выяснить во время предыдущей стычки. Пытаясь победить ее, он всегда придумывал что-то новенькое. Тайши оценила его способности стратега и в знак уважения стала бить не открытой ладонью, а кулаком.

На шестое утро Цзянь наконец набрался ума и явился к ней с оружием. К сожалению, он взял те самые парные мечи. Глупый мальчишка. На седьмой день он пришел с копьем. На восьмой с арканом. Вышло очень неловко. Тайши связала его и оставила так лежать. Обнаружив Цзяня на девятое утро по-прежнему связанным, она даже слегка встревожилась.

Целый день проведя в наблюдениях за тем, как Цзянь слоняется по дворцу, вечером Тайши взяла бутылку сливового вина и отправилась в свои покои на верхушке башни под названием Глаза Земли в восточной оконечности дворца. Вид на гору Куньлай, открывавшийся из башни, напоминал ей о доме; она решила, что туда и направится первым делом, как только выполнит свое поручение. Впрочем, ее жизнь могла окончиться раньше, чем поручение. Тайши уже давно никого не учила — и тут же вспомнила, как ей ненавистно это занятие. Все недостатки учеников напомнили о себе сразу: страх, нытье, тупой взгляд, упрямая наглость.

Порой у Цзяня бывали озарения, от которых у наставницы захватывало дух. Именно эти проблески подлинной силы в промежутках между длинными тягостными периодами неприязни напоминали Тайши о тех временах, когда она с наслаждением обучала мальчика, который мог стать необыкновенным. Он и *был* необыкновенным. Сансо. Ее родной сын. Туман, окутывавший прошлое, ненадолго развеялся, воскресив в памяти давно забытую гордость и удовлетворение, которые неотделимы от воспитания великого человека.

Но воспоминания принесли с собой боль, страдание, сожаление. Тайши предпочла бы поскорее похоронить эти

чувства, по-прежнему мучительные, пока они не увлекли ее в темную яму. Она не без причины оставила преподавание и упорно отказывалась брать учеников.

Но вот в порыве справедливой ярости, негодования и, вероятно, высокомерия она силой добилась должности наставника — и теперь не знала, что с этим делать. Более того, Тайши получила ученика, который был еще непослушнее, необузданнее и упрямее, чем ее родной сын. Где-то там Сансо наверняка от души забавлялся над ма-тушкой.

— Это все ради блага Просвещенных государств, — пробормотала Тайши, поднося почти пустую бутылку из тыквы к губам.

Если бы только она могла себя убедить.

Она оказалась в добровольном заточении с этим избалованным мальчишкой. И теперь несла ответственность за то, чтобы Предреченный герой народов Чжун был готов исполнить пророчество, будь то через пять недель или пятьдесят лет. А требуется по крайней мере лет десять, чтобы он получил шанс пережить схватку с Ханом...

Да кого она обманывает? Даже десяти лет не хватит. Хан превратит мальчишку в кашу. Тайши шевельнула изувеченной рукой. Уж она-то знала, с кем предстоит схватиться этому герою. Хан был поразительным существом — и телесно, и духовно. Особенно телесно. При этом воспоминании Тайши улыбнулась: грозные темные глаза и голос, колеблющий землю. Вот бы еще он перестал умничать. Тайши и Хан много лет поддерживали приятные профессиональные отношения, порожденные взаимным уважением к высокому рангу друг друга при лунном дворе. Каждый раз, когда их пути пересекались, они садились выпить чаю, обменяться интересными новостями, обсудить стили и приемы. Иногда это тянулось часами. Только когда их тела набирались сил, а умы пресыщались, они возвращались к малоприятному занятию — вновь пытались друг друга убить. Тайши вынужденно признавала, что Хан

продвинулся в этом на один шаг дальше, чем она. Прозвище Вечный дается не просто так.

Неровными шагами Тайши подошла к деревянной кровати под балдахином и упала на подушки. Ее ум был затуманен вином и усталостью. Она зевнула, и комната вокруг стала расплываться. Тыквенная бутылка выскользнула у нее из пальцев и упала донышком на пол. Она несколько раз обернулась вокруг себя, прежде чем наконец замереть, лежа на боку. Остатки вина вытекли на дорожкой ковер.

Тайши наблюдала за падением алых капель и тосковала по дому. Последняя зима годового цикла всегда грозила Облачным Столпам потопом. Развести костер становилось той еще задачей, а переход по веревочным мостикам — ежедневной прогулкой на грани жизни и смерти. Но в то же время природа оживала. Цветы, цеплявшиеся к отвесным скалам, распускались, листва каскадами ниспадала по гладким каменным утесам, тысячи маленьких стремительных водопадов самозабвенно срывались с отвесных краев. Облачные Столпы в это время превращались в самое прекрасное место на свете, и Тайши забывала, как тяжело там обычно живет. Вот почему она предпочла жить именно там, и вот почему у нее было мало соседей. Лично ей это казалось преимуществом.

Она страшно скучала по дому и каждый день спрашивала себя, зачем ушла.

Тайши отвлеклась от упавшей бутылки и отодвинулась глубже в недра кровати с балдахином. Ночью слуги придут и вытрут пол. Ей очень хотелось внушить Цзяню, что они остались одни в стенах Небесного дворца, однако это было невозможно. Огромный дворец нуждался в уборке и уходе, пусть даже в нем жили всего два человека. Она уж точно не собиралась прибираться. Цзянь совершенно не задумывался о том, почему в течение двух недель его комната оставалась безупречно чистой, хотя, кроме наставницы, рядом не было ни одной живой души. Тайши это забавляло. Мальчик всегда жил, окруженный роскошью, и ему

не приходило в голову, что мебель может запылиться, а вещи оказаться не на месте.

— По крайней мере, он усвоил, что еда не появляется по волшебству, — усмехнувшись, сказала Тайши и заснула.

Казалось, едва она успела закрыть глаза, и тут же они распахнулись снова. Она задышалась. Кругом была темнота. Не светили луны, в углах и у кровати не маячили тени. Сплошной мрак. Она дышала с трудом — что-то давило на лицо, закрывая рот и нос. Тайши попыталась взмахнуть здоровой рукой, но та лежала неподвижно. Странная тяжесть давила на грудь. Тело начало неметь.

Скорее озадаченная, чем испуганная, Тайши постаралась успокоиться и приказала сознанию взять власть над телом. Тут же к ней вернулось самообладание. Она повернула голову с боку на бок и почувствовала, как по коже скользит гладкий влажный шелк.

Ну конечно.

Тайши полностью расслабилась — как если бы она опять задремала... или умерла. Она досчитала до трех — а потом устремила всю внутреннюю силу вверх, заставив тело взмыть к потолку сквозь балдахин над кроватью. Сделав в воздухе кувырок, она приземлилась одной ногой на столбик в изголовье.

За этим внезапным взрывом последовал удивленный болезненный вскрик. Тайши посмотрела вниз и увидела Цзяня, который кубарем отлетел в дальний угол. Он съехался, выставляя перед собой несостоявшееся оружие убийства — красную подушку, расшитую блестками.

— Что? Подушка? — прогремела Тайши.

Воспламененная отчасти вином, отчасти насильственным пробуждением, Тайши вспыхнула гневом, подобным молнии в тихую летнюю ночь. Маленький наглец попытался задуть ее во сне. Непростительно! При лунном дворе были свои неписанные правила. Попытка убить мастера находилась в самом верху списка тяжких преступлений.

С точки зрения Тайши, попытка грубо прервать ее сон — тоже.

Тайши пронеслась по комнате, словно ястреб, преследующий полевку. Цзянь успел только испугаться и вскинуть руки, как она схватила его за рубашку и рывком подняла на ноги.

Слишком долго она терпела дерзость мальчишки. Ни один уважающий себя мастер не позволил бы ученику зайти так далеко.

— Когда в следующий раз захочешь кого-нибудь придушить, используй собственное тело как рычаг. Эта техника называется «Шут, несущий воду».

Тайши схватила Цзяня за голову и притиснула ее к своей груди, а затем, шевельнув предплечьем, повернула вбок и сжала, перекрыв ему доступ воздуха. Цзянь начал отбиваться — яростно и бессмысленно.

— Теперь ты не можешь дышать и совершенно беззащитен.

Она перенесла вес тела на одну ногу.

— Это Шкала обмана. Чувствуешь теперь, как боль кажется вдесятеро сильнее?

Тайши опустила на колено. Цзянь обмяк, словно марионетка с перерезанными ниточками. Только затрудненное дыхание давало понять, что он еще жив.

— И наконец — Объятия питона. Бороться с ними невозможно. Мне достаточно досчитать до десяти — а потом я могу спокойно обшарить твои карманы.

Лицо Цзяня разгладилось, гнев и возмущение сменились чем-то вроде спокойного смирения. Он выглядел почти безмятежно. Тайши успела досчитать до шести, и тут здравый смысл одержал верх. Она разжала руки, и Цзянь рухнул на пол. На мгновение ей показалось, что она зашла слишком далеко; Тайши мысленно взмолилась, чтобы у этого мальчишки выносливости хватило не на шесть секунд. К счастью, пальцы у него дернулись, грудь дрогнула, и Цзянь разразился мучительным кашлем. Тайши украдкой облегченно выдохнула.

Взрывной нрав вновь взял над ней верх. Если бы она случайно — или не случайно — убила героя пророчества Тяньди в припадке пьяного гнева, ее настигли бы не просто крупные неприятности. После этого, вероятно, и Тайши, и жителей Чжун ждала бы катастрофа. Как бы она ни относилась к мелкому поганцу, он был ей нужен. Он был нужен всем.

Тайши опустилась рядом и похлопала его по спине, словно успокаивая младенца. Когда Цзянь наконец перестал кашлять и рыдать, Тайши заговорила мягко и ободряюще — по крайней мере, насколько умела:

— Это был глупый замысел. Но я хвалю тебя за то, что ты попытался мыслить шире.

Цзянь отбросил ее руку и поднялся. Кулаки у него были крепко сжаты, заплаканное лицо пылало.

— Ненавижу! Нет никого хуже тебя!

Он выбежал из комнаты. Тайши подумала, что, наверное, не стоило так злиться из-за прерванного сна.

Она посмотрела вслед Цзяню и покачала головой.

— Нет, мальчик, будет гораздо хуже, если ты не начнешь меня слушать.

Тайши встала и вытерла руки.

— Вот незадача.

Она задумалась, не пойти ли за Цзянем. Он, несомненно, страдал — и эта рана неизбежно должна была загнить, если оставить ее как есть. Тайши посмотрела на разбитый балдахин, потом на водяные часы. Вздохнув, она подошла к кровати, сняла с нее одеяло, стряхнула пыль и щепки и отправилась спать на диван.

Весь следующий день Тайши не видела Цзяня. Она обыскала все места, где обычно бывал мальчишка: кухню, тренировочный зал, ниши и подворотни. Но его нигде не было. Она не стала особенно из-за этого переживать. Мальчик пережил тяжелую ночь и, вероятно, врачевал уязвленное самолюбие в укромном уголке, сжимая в руках какое-нибудь

роскошное, но бесполезное оружие. Тайши решила дать ему время, прежде чем возобновить занятия. Скорее всего, Цзянь совершенно не жаждал ее видеть.

К огромной досаде Тайши, на следующую ночь ей снова не дали выспаться. На сей раз, впрочем, она легла спать трезвой — и проснулась в то самое мгновение, когда кто-то проник в ее покои. Как только незваный гость приблизился, она бросилась на него с Танцем Ласточки. Это было семейное достояние — простой прямой меч необычного синеватого оттенка передавался веками от отца к сыну, и история его происхождения приобрела почти сказочную окраску, сто раз перейдя из уст в уста. Тайши знала, что до нее ни одна женщина не владела этим легендарным клинком.

Она сказала бы, что он никогда еще не оказывался в более умелых руках.

Танец Ласточки запел и сверкнул в темноте, летя вниз. Тайши повернула меч лезвием вниз и слегка нажала, заставив пришельца упасть на колени.

— Как ты посмел...

Фаару разрыдался, умоляюще сложив руки.

— Простите, мастер Линь, что я вас побеспокоил! Пожалуйста, не убивайте меня!

Меч исчез, словно его и не было.

— В чем дело, господин Персик?

— Спаситель пытался бежать из Небесного дворца!

Тайши подавила зевок.

— Он пытается это сделать с первого дня. И перестаньте называть его спасителем.

— Да, мастер. Но он хотел спуститься по южной стене, застрял и вот-вот сорвется и разобьется насмерть. Мастер Синсин попытался его достать, но не сумел...

— Что?

Тайши выскочила из постели, предоставив дворцовому управителю стоять на коленях и что-то мямлить. Она выпрыгнула в окно и заскользила по черепице. Ее ноги

легонько коснулись края карниза, прежде чем перескочить на гребень соседней крыши. Она добежала до края кровли и снова прыгнула, приземлившись на трубу, затем на флюгер. Так Тайши двигалась от здания к зданию, пока не добралась до юго-восточного края дворцовой стены.

Ее старым глазам пришлось привыкнуть к темноте, прежде чем она заметила болтавшуюся далеко внизу маленькую фигурку. У подножия стены кучкой сгрудились солдаты; прямо под мальчиком стоял Синсин, явно готовясь подхватить его, если тот сорвется. Что здесь забыл этот мошенник, во имя блаженного отпечатка горамовой задницы?

Тайши посмотрела на мальчика. Зря она вчера решила, будто Цзянь способен мыслить оригинально. Он попытался спуститься со стены высотой метров тридцать по веревке длиной метров десять. И что еще глупее — он понял это, только когда достиг конца веревки.

Выругавшись, Тайши перескочила через парапет и заскользила вниз, пока не почувствовала опору под ногами; тогда она приняла положение под углом, касаясь правым плечом стены, чтобы не сорваться. Она поминала Хана недобрыми словами и двигалась маленькими шажками, борясь с порывами ветра.

Цзянь издали увидел ее приближение. По выражению его лица было и не понять, благодарил ли он судьбу за то, что Тайши явилась к нему на выручку, или наоборот.

Встречный ветерок ударил в Тайши, когда она приближалась к мальчику, заставив ее сбиться с шага. Она свалилась с воздушного потока, на котором двигалась, и рухнула головой вперед, ударившись лицом о каменную стену и едва не потеряв равновесие. Она оправилась, оттолкнувшись от другого воздушного потока, но правая щека у нее была сильно ободрана, и от боли перед глазами поплыло. Тайши вытерла кровь, ухватившись здоровой рукой за веревку.

Она перевела дух. В молодости она бы сбежала по стене не задумавшись. К сожалению, ее молодость миновала много лет — и много битв — назад. Этот прием дался Тайши гораздо тяжелее, чем она рассчитывала, и она проделала его без особого изящества. Хорошо, что все произошло в глухой ночи, без большой толпы свидетелей.

Цзянь считал иначе.

— Невероятно... — выдохнул он.

— Твоим бывшим наставникам явно недостает умения, — буркнула Тайши, ослабила хватку и немного соскользнула вниз по веревке.

Она вытянула ногу и велела:

— Цепляйся.

Он устался на ее башмак, но медлить не стал. С третьей попытки Цзянь ухватил Тайши за ступню и закачался, одной рукой по-прежнему цепляясь за веревку. Тайши почувствовала, как ногтями он впился ей в кожу. На его лице это не отражалось, однако мальчик был в ужасе. Впрочем — самое главное, — он не растерялся.

Прошло еще несколько мгновений, прежде чем Цзянь наконец выпустил веревку и обеими руками ухватился за Тайши. Под его тяжестью та на пол-ладони соскользнула по веревке.

— Напряги мышцы! — велела она, перекрикивая шум ветра. — Собери ци, если умеешь! И держись!

Тайши взмахнула ногами, подбросив Цзяня вверх. Он оказался почти вровень с ней. Казалось, вот-вот он полетит вниз — но нет, мальчишка успел схватить ее за плечи.

Тайши сползла еще на несколько сантиметров.

— Сейчас будем подниматься. Можешь крепче схватиться?

Цзянь, уткнувшийся носом ей в шею, ответил несколькими короткими кивками. Теперь своей хваткой он будто пытался выдавить из нее саму жизнь.

Проклиная каждую пядь, Тайши поползла наверх. Она держалась за веревку только одной рукой, а мальчишка

висел на ней, обвившись, словно осьминог. Она подтягивалась, перехватывала чуть выше, снова подтягивалась. И от каждого движения все тело простреливала острая боль.

Тайши не знала, сколько ей понадобилось времени, чтобы добраться до верха. Она чуть не сорвалась, когда они были в метре от парапета. Это означало бы верную смерть, к тому же очень глупую. Тайши не сомневалась, что стоявшие внизу зеваки разнесут по всему свету историю о том, как великий мастер Линь Тайши и Предреченный герой Чжун погибли, упав со стены, которая защищала его от врагов.

Тайши взобралась на стену и повалилась без сил. Она спихнула с себя Цзяня и перекатилась на спину, тяжело дыша. Юноша попытался встать на четвереньки, но тут же рухнул рядом. Грудь у него бурно вздымалась, рубашка промокла от пота.

— А ты-то от чего устал? — поинтересовалась Тайши. — Ведь это я тебя тащила.

Она сама не знала, как долго они там лежали. Но когда она наконец пошевелилась, на горизонте уже показался Король. Хорошо, что Фаару послал людей наблюдать за дворцом, иначе она бы опоздала.

Тайши повернулась и увидела измученного мальчика, который по-прежнему лежал рядом, закрыв глаза. Она протянула руку и слегка шлепнула Цзяня по лицу.

— Ты сегодня совершил две глупости.

Цзянь открыл глаза и застонал. Вид у него был сломленный и несчастный. Наконец он заговорил:

— Как вам удастся так летать по стенам?

— Я не летаю, — ответила Тайши. — Нельзя летать без крыльев.

— Никто из моих учителей этого не умеет. Мастер Ван может взбежать по стене дома на крышу, и все. Хораши и Риге тоже до вас далеко.

— Значит, Ван — единственный из твоих наставников, кто достоин называться мастером, но не более того.

Насколько я помню, семейный стиль Ван основан на укреплении пальцев, чтобы можно было цепляться ими за стены. Это другая техника. Одни люди тренируют ноги. Другие учатся облегчать свои тела. Третьи обуздывают потоки воздуха, — Тайши покачала головой. — Тебя столько учили, мальчик, что ты уже должен бы уметь перенаправлять ци.

— Они об этом даже речи не вели. Синсин сказал, что мне ни к чему салонные фокусы, — ответил Цзянь и сел. — Мои наставники говорили, что мне следует овладеть всеми видами оружия, всеми боевыми стилями, и тогда я буду готовым к любым неожиданностям.

Тайши покачала головой.

— Тот, кто владеет всем, не владеет ничем. Независимо, в каком стиле учиться, лишь бы это был верный путь. Вне зависимости от техники и семейного стиля все боевые искусства ведут к одной и той же цели.

Надолго повисла тишина. Оба молчали, только ветер высвистывал свой утренний мотив.

Цзянь нарушил молчание первым:

— Спасибо вам.

Он явно был не прочь помириться. Тайши стало немного стыдно оттого, что мальчик предложил это первым.

— Я сурово обращалась с тобой, Вэнь Цзянь. Мы неважно начали. Давай воспользуемся этим моментом, чтобы попробовать еще разок.

На лице Цзяня появилась хитрая улыбка.

— То есть мне не нужно выражать благодарность за спасение, а вы забудете, что я пытался вас убить?

Вот наглый маленький засранец.

Тайши усмехнулась:

— Только если ты будешь вести себя почтительно и повиноваться мне как мастеру.

— А вы научите меня летать?

— Даже лучше. Я дам тебе возможность стать достойным пророчества. Может быть, даже пережить свою судьбу, мальчик.

— А вы перестанете называть меня «мальчик»?

Тайши страшно не хотелось соглашаться. Ученики не торгуются с учителями. Впрочем, в данном случае она решила сделать исключение.

— Я подумаю.

И тут же об этом пожалела. Мальчик ощутил слабинку. Он скрестил руки на груди и высокомерно произнес:

— Возможно, я позволю вам содействовать мне в обучении. Но пресмыкаться перед вами я не стану.

Тайши закатила глаза:

— Я бы в любом случае этого не потерпела. Пресмыкательство — удел придворных хлыщей и беспомощных глупцов. Тем не менее ты будешь делать то, что я велю.

— Ладно, — сказал Цзянь. — Но я пока еще не согласился стать вашим учеником.

Резкие слова были готовы сорваться с языка Тайши, но она вовремя опомнилась.

— Договорились.

Отношения между мастером и учеником — вещь глубоко личная, обе стороны должны дать на это согласие.

Тайши встала.

— Очень хорошо. А теперь поднимайся и ступай в тренировочный зал. У нас много дел. Я буду ждать там.

Она шагнула к лестнице и обернулась.

— И кстати, завари мне чаю.

Цзянь пошевелил оттопыренным мизинцем*. За такое оскорбление обычно вызывали на поединок. Вот тебе и примирение.

— Неблагодарный щенок, — буркнула Тайши.

Она шла по лестнице, и на губах у нее играла улыбка. Какое-никакое, но все-таки это было начало.

* Поднятый вверх мизинец указывает на то, что китаец хочет унижить собеседника.

Глава 6

Возвращение

Была ранняя ночь, когда Сальминдэ Бросок Гадюки, кату-анка родом из Незры, устроилась в своем спальном мешке после целого дня пути и вскоре уже заигрывала с Зарией — духом, посылающим сны. Хотя душой она отдыхала, Сали — так ее звали те, с кем она делила очаг, — никогда не чувствовала себя такой бодрой, как в ту минуту, когда в полусне впитывала звуки и запахи Травяного моря.

Эта земля всегда была живой, особенно в сиянии лун. Сердце Сали пело в тон шелесту леса, радуясь изобилию жизни, которая кипела повсюду в Травянном море — в воздухе, в зарослях, под землей. Сали вдохнула запах почвы, растительности и гнили и ощутила знакомое тепло внутри себя, несмотря даже на вечернюю сырую прохладу.

После двух долгих лет — полных шести циклов, — проведенных в набегах на земли Гиянь, далеко к северу от Травяного моря, поблизости от владений белых дьяволов, приятно было наконец оказаться дома. Сали каждый раз с удивлением обнаруживала, как же сильно она скучала по размеренному колебанию живой земли под ногами. словно в разлуке от нее отсекали какую-то часть. Холодная бездушная земля Чжун притупляла ощущение связи с Травяным морем. Через полтора месяца пути она наконец вернулась в родные места, и задремавшие чувства ожили.

Блуждающий разум Сали гудел, продолжая впитывать все, что было вокруг. Где-то неподалеку закричала обезьяна. В ответ раздался похожий вопль, но тоном чуть ниже, — это откликнулся соперник. Громко зашелестела листва, и ввысь взлетела стая скворцов. Под Сали, на земле, тяжело дышала лошадь. Нежное создание, выросшее в Чжун, не привыкло к влажному воздуху Травяного моря, особенно осенью третьего цикла. Лошадь задыхалась с тех пор,

как впервые перешла с твердой поверхности на непрестанно колеблющуюся под ногами почву.

Колыбельная Травяного моря почти убаюкала Сали, когда до нее донеслись голоса и стук копыт. Девушка немедленно наострила уши. Разум воина никогда не дремлет. Она приоткрыла один глаз, затем второй, но не спешила покидать свое теплое, уютное, как кокон, логовище, устроенное в полom стебле, который качался в шести метрах над землей. По этой тропе нередко кто-нибудь проезжал, хотя для путешествия по опасным, непрерывно меняющимся землям время было неподходящее. Один неверный шаг — и можно свалиться в бездонный водоем, который разверзся сегодня и закроется завтра.

Сали посмотрела наверх и увидела небо во всей красе. Две яркие луны висели рядом, чуть выше верхушек стеблей, а южная окраина неба светилась фиолетовым, возвещающая восход третьей луны. С соседнего стебелька свисала небольшая переносная печка, служившая Сали очагом. Она погасла несколько часов назад, но по-прежнему источала тепло.

Чужаки подходили все ближе. Четверо верховых животных, пятеро людей, судя по голосам, в том числе одна женщина. Говорили они негромко, но оживленно. Мужчина и женщина спорили насчет трубного звука, который слышали недавно. Мужчина уверял, что это свирепый бегемот. Женщина — что это огненный павлин, привлекающий самку. Но оба ошибались, поскольку тот и другой перебили бы людей, прежде чем те успели приблизиться. Сали предположила бы, что это червь-дракон, который, несмотря на свое устрашающее название, был совершенно безобиден.

Разговор резко оборвался, когда люди прошли под ней, и мир снова затих, не считая криков обезьян, затеявших новую стычку. Снова запели цикады. К их звону присоединился треск, который исходил от огромной змеи, ползающей по низко нависшей ветке.

С губ Сали сорвался удовлетворенный, хоть и немного печальный вздох. Приятно было вновь оказаться дома,

в окружении знакомых опасностей Травяного моря, однако Сали предпочла бы вернуться при иных обстоятельствах.

Она закрыла глаза и позволила себе задремать. Зария снова подошел к ней поздороваться — и тут она вздрогнула. Чего-то не хватало, ощутимо не хватало... затих какой-то знакомый звук. Сали, впрочем, сама не понимала, какой именно.

Она внимательно прислушалась. Звуки Травяного моря были все на месте — скворцы, переругивающиеся обезьяны, змея...

И тут она поняла.

Сали резко села, посмотрела вниз и от удивления разинула рот. Вспыхнувший гнев окончательно вывел ее из состояния блаженной безмятежности.

— Моя лошадь! Да как они посмели!

Сали вскочила и посмотрела на извилистую тропу. Там царил непроглядный мрак, не считая лунных лучей, которые, словно копья, пронизывали полог листвы и окрашивали землю в синий, зеленый и голубой. Она потеряла веки пальцами, направляя энергию ци к глазам. Мир сделался зеленоватым, и темнота немного рассеялась.

Далеко впереди двигались смутные тени. Сали перепрыгнула на ближайшую ветку, чуть не столкнувшись со змеей. Ветка согнулась под ее весом и спружинила, послав Сали дальше. Она приземлилась на толстый лист и снова прыгнула, и опять, и опять, устремляясь среди стеблей и ветвей вдогонку за ворами.

Прыжки по стеблям были излюбленным развлечением катуанских ребятишек — Сали всегда в нем преуспевала. Старейшины обычно его запрещали: ничего не стоило получить серьезное увечье или погибнуть. Прыгуны рисковали не только разбиться. Порой они становились жертвой четырехкрылого чешуйчатого куньпэна* — птицы-кита,

* Пэн — гигантская птица в древнекитайской мифологии. Считается, что она произошла от гигантской рыбы Кунь.

гигантских рогатых орлов гудяо* и многих других хищников, которые кружили в небе над лесом, надеясь поживиться лакомым кусочком. Впрочем, за соблюдением запрета никто строго не следил, поскольку все катуанцы в свое время играли в эту игру.

Сделав еще несколько прыжков, Сали аккуратно приземлилась рядом со своей кобылой, стоявшей в одиночестве. Та приветствовала хозяйку, ткнувшись в нее мордой; лошадь совершенно не смутило, что ее украли. Она продолжала жевать траву. На шее, на самом виду, у лошади висел знак секты, и это должно было отпугнуть любого злоумышленника.

Сали медленно повернулась, осматривая прогалину.

— Что ты делаешь тут совсем одна, лошадь?

Они странствовали вместе с тех пор, как Сали отняла ее у чжунского чиновника, носившего шлем в виде медвежьей головы, и у них сложились приятные рабочие отношения.

Сали взялась за узду и уже хотела отвести кобылу обратно в лагерь, но что-то ее остановило. Она чуяла засаду. За ней наблюдали. Для этого не требовалось особых способностей или энергии ци — достаточно было инстинктов, доведенных до совершенства за много лет.

Пальцы Сали спустились на пояс, где висело свернутое кольцами ее излюбленное оружие — кнут, он же «язык». Она взялась за знакомую изогнутую рукоятку из красного дерева и ощутила легкое дрожание, когда тысячи крошечных металлических звеньев в форме ромба ожили.

Пять фигур в маскировочных одеяниях возникли из ниоткуда. Только легкое свечение выдавало их присутствие. Оно двигалось, и в воздухе висело нечто похожее на летнее марево. Затем, словно по команде, свечение погасло, и появились темные силуэты — пятеро вооруженных людей. Судя по костюмам и низкой боевой стойке, это были члены икуанской секты из города Анкар.

* Гудяо — птица в древнекитайской мифологии, похожая на орла с рогом на голове. По легенде, она питается людьми.

Но что они здесь делали? А главное, почему попытались ее ограбить?

Сали, не дрогнув, обратилась к ним с гневной речью:

— Вы, бесчестные негодяи, украли мою лошадь! Как вы смеете опускаться до подобной низости?

— Какая разница? — спросил стоявший с левого края мужчина. — Лошадь бежит одинаково, кто бы на ней ни ехал.

— С каких пор люди моря крадут сами у себя? Мы грабим чжунцев, а не друг друга, — резко произнесла Сали. — Украсть лошадь — подлое преступление, недостойное икуанца.

По меркам Катуга кража лошади считалась хуже убийства. Ведь тогда ограбленному пришлось бы собственными силами пробираться по Травяному морю.

— Очаг погас, — сказал стоявший слева.

— Священная коса обрезана, — добавил другой мужчина.

— Отдай оружие и еду, сука! — без обиняков рявкнула женщина, стоявшая прямо перед Сали. — И лошадь! Отдай лошадь. Тогда, может быть, уцелеешь!

Сали отбросила плащ, под которым был доспех из костяных пластин. Тусклые твердые чешуйки давали понять, что она Бросок Гадюки. Пятеро икуанцев тревожно хмыкнули. Двое поколебались. Еще двое попятились. Только теперь они осознали, что совершили страшную ошибку.

Грубиянка, которая, очевидно, возглавляла эту шайку, не смутилась. Она достала зазубренный двулезвийный меч, расширявшийся к концу, словно веер. Да, несомненно, икуанка.

— Хан пал, и Анкар тоже, и все остальные племена Катуга, — сказала она. — Если не желаешь присоединиться к ним, сука, лучше захлопни...

Сали стремительно сдернула «язык» с пояса, щелкнула им в воздухе и располосовала грабительнице руку. Меч изящной дугой полетел в пруд. Женщине повезло, что вместе с ним не улетели и пальцы.

Ближайший к Сали икуанец, казалось, от страха не смел шевельнуться. Хм. Быть может, они и впрямь не заметили клановый знак на лошади. Но это уже не имело никакого значения. Кража не должна остаться безнаказанной.

Сали вернула кнут к себе, когда один из воров попытался снести ей голову тяжелой шипастой дубиной. Она устремила «язык» вперед, заставив его выпрямиться и отвердеть, так что он превратился в копьё выше самой Сали. Оно столкнулось с дубиной, отведя ее в сторону; та воткнулась в мягкую землю. Вместо того чтобы нанести убийственный удар острием, Сали стукнула нападавшего рукояткой по подбородку.

Второй икуанец сделал два шага к ней, но получил резкий удар кончиками пальцев в горло и, корчась, повалился наземь. Сали развернулась к третьему, который попытался рубануть ее мечом сзади. С другой стороны подступала грубиянка. Сали встретила обоих лицом к лицу и ловко отбила удары, держа кнут, как посох. Она танцевала между противниками, с легкостью уклоняясь от их оружия. В ответ на каждую атаку Сали давала сдачи все сильнее. Кнут так и вился вокруг нее. Икуанцы вскоре поняли, что вынуждены защищаться.

Боевые способности икуанцев были прямо противоположны умениям Броска Гадюки. Икуанцы — отличные разведчики и ловкие убийцы — отнюдь не славились стойкостью в ближнем бою. От этого никто не считал их менее храбрыми, но в любом случае с таким воином, как Сали, они мало что могли поделать. Мужчина совершил первую ошибку, слишком далеко подавшись вперед и потеряв равновесие. Сали ударила его в висок одним концом копья, а другим подшибла его товарища под колени. Оба повалились наземь и чуть не проткнули друг друга. Сали изящно отступила в сторонку и оглушила третьего икуанца ударом по голове.

Оставались двое — предводительница, которая с трудом поднималась с земли, и юноша, который с начала стычки и пальцем не пошевелил. Несомненно, новичок. Вероятно,

прежде, чем икуанцы забыли о чести и долге, это был боевой отряд секты. Скорее всего, у бедного мальчика вообще не было права голоса.

— Если тебе дорога оставшаяся гордость, сдавайся. — Не удосужившись даже взглянуть на новичка, Сали устремила копье в его сторону, и наконечник замер на волосок от носа мальчишки. Она не угрожала, это было чистой воды бахвальство — и одновременно ясный намек. Мальчик попятился, споткнулся — и тут земля под ним расступилась.

Он, очевидно, наступил на особенно зыбкое место. Послышался плеск воды, и яма превратилась в пруд.

Голова юноши скрылась под мутной водой. Поверхность пруда успела успокоиться, прежде чем он вынырнул, отчаянно размахивая руками и вопя, и погрузился вновь.

Сали и уцелевшая икуанка уставились на пруд.

— Он умеет плавать? — поинтересовалась Сали.

Судя по выражению лица, икуанка понятия об этом не имела.

— Тогда давай выручим беднягу?

Икуанка взглянула на нее с подозрением, а затем кивнула и шагнула к пруду. Сали успела первая. Когда руки юноши вновь показались на поверхности, вокруг запястья захлестнулся кнут. Сали обвила «язык» вокруг предплечья юноши и тут же заскользила к пруду. Парень оказался очень тяжелым, а земля у нее под ногами была мокрой и мягкой. Вдобавок, повернувшись спиной к икуанке, Сали временно оказалась беззащитна.

Она взглянула на женщину, которая стояла, придерживая раненую руку.

— Поможешь, нет?

Та помедлила, а потом, вероятно, решила, что лучше спасти сородича, чем еще разок попытать счастья в бою. Она подбежала к пруду, и вдвоем они выволокли юношу на берег. Как только молодой человек оказался на суше, Сали демонстративно свернула кнут и повесила его на пояс.

Она окинула гневным взглядом остальных икуанцев, которые с трудом поднимались на ноги.

— Вы сказали, что Священная коса обрезана, но вы сами обрезали ее. Говорите, что очаг погас, но вы же его и потушили. Что скажете в свое оправдание, прежде чем я вынесу приговор?

— Кто ты такая, чтобы нас судить? — прошипела предводительница.

По крайней мере, больше она не называла Сали сукой.

— Ты меня спасла только для того, чтобы убить? — тяжело дыша, поинтересовался юноша.

Один из мужчин приблизился к Сали и прищурился.

— Никогда раньше не видел человека, который так ловко владеет кнутом. Кто ты такая?

— Меня зовут Сальминдэ.

У него глаза полезли на лоб.

— Ты не просто Бросок Гадюки, ты — Воля Хана!

— Я из старейшин Незры, — сказала Сали. — Я — часть Целого.

— Ты возвращаешься, — с почтением произнес другой мужчина и упал на колени.

— Да. Возвращаюсь, — мрачно повторила Сали.

Женщина издала сдавленный крик и бросилась к ней. Сали этого не ожидала; кнут чуть было не щелкнул вновь, но тут женщина упала к ее ногам и, рыдая, крикнула:

— Тысяча извинений, Сальминдэ! Мы не знали, что это ты!

Остальные низко опустили головы и взмолились:

— Прости нас! Мы не знали, что это твоя лошадь.

— Неважно чья, — буркнула Сали. — Но вы, должно быть, не заметили клановый знак.

— Значит, ты нас не убьешь? — спросил юноша.

Сали покачала головой.

— Не мое дело решать. Своим незаконным поведением вы опозорили Анкар. Если вы срезали Священную прядь, вас ждет наказание.

Ответом был новый взрыв рыданий и просьб.

— Что же нам делать? Наши очаги холодны. Мы голодаем.

— Священная коса расплелась!

— Анкара больше нет, а в другом городе нас не примут!

Сали повернулась к мужчине, который произнес эти слова. Именно ему она сломала в драке челюсть.

— Что это значит? Что случилось с Анкаром?

Икуанцы озадаченно переглянулись. Юноша робко поднял руку и спросил:

— Неужели ты не знаешь?

— Конечно, я знаю, что случилось с Ханом. Мы все скорбим о нем, — ответила Сали. — А еще что произошло?

Женщина указала в сторону:

— Посмотри сама.

Сали проследила за ее взглядом. Поначалу она ничего не увидела за линией деревьев, а затем, подняв голову, заметила нечто огромное и темное, вздымающееся к небу. Это было нечто рукотворное. В природе не бывает таких гладких линий и ровных углов. И потом, ни одно дерево или скала таких размеров не удержались бы на поверхности Травяного моря надолго. Сали решила посмотреть поближе.

— Оставайтесь здесь, — велела она. — Это приказываю я, Воля Хана.

И они остались на месте — одни низко поклонились, другие приложили кулак к сердцу. По крайней мере, правила приличия были не до конца ими забыты.

Сали пробиралась сквозь густые заросли, осторожно переставляя ноги. Одно неверное движение — и она, как злополучный новобранец, полетит в бездонную пропасть, скрытую под тонким слоем почвы. Вот почему по Травяному морю было так опасно путешествовать в темноте.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы добраться до вытоптанного поля. Судя по всему, урон был нанесен около месяца назад. Большинство гигантских стеблей еще лежало на земле, потихоньку выпрямляясь. Их придавило

нечто огромное. Сали внимательно взглянула на огромную конструкцию, поднимавшуюся к небу. Хотя ее поверхность покрывал толстый слой зелени, ошибиться было невозможно: сбоку она увидела гусеницы и колеса.

Перед ней высились искореженные остатки кокона — одного из дюжины огромных подвижных сооружений, из которых состояли движущиеся города катуанцев. Этот кокон, очевидно, находился на наружном краю. Наверху еще виднелись останки подъемного крана и сторожевой башни. Один край кокона полностью погрузился в Травяное море, другой задрался в воздух; половины колес недо-ставало, а протянутая между ними гусеница была порвана и болталась, как огромная уродливая лиана.

Сали, нагнувшись, исследовала землю вокруг кокона. Большинство следов давно пропали, но некоторые глубокие раны еще хранили память о случившемся. Она потрогала неестественно согнутые стебли. Шрамы месячной давности и небольшие следы от ударов шли по всей длине, до самого корня. Свежая вода омывала раны, которые кокон пробил в земле. Мать говорила Сали, что дождь — это лекарство, которым природа исцеляет раны, нанесенные людьми. Иногда, впрочем, исцеление было невозможно.

Сали выпрямилась и пошла по страшным следам. Судя по тому, под каким углом лежали сломанные стебли, то, что вызвало эту катастрофу, пришло с запада и двигалось быстро, прокладывая себе широкий путь без малейшей заботы о священном море, лежавшем под ногами. Сали обошла кокон и обнаружила два прямоугольных пруда: один — мелкий и зеленый, а другой — полный черной жидкости, похожей на пролитую полдня назад кровь. Следы от полозьев и высохшая смазка. Судя по ширине отпечатков — не просто полозья, а тяжелые волокуши. Все поле свидетельствовало о том, что город отступал.

Сали подошла к кокону и осмотрела его, пытаясь понять, чей он и отчего погиб. Этот кокон был частью Анкара? Что с ним случилось? Почему он оказался так близко

к границе с чжунами? Катуанские города не путешествовали во время последнего годового цикла, когда в небе стояли три луны.

Она ничего не понимала.

Старинная катуанская поговорка гласила: «Воюй на расвете, охоться днем, пируй по вечерам». Этот мудрый совет касался не только времени суток, но и трех годовых циклов. Первый цикл был самым умеренным, с прохладным летом и теплой зимой — то что надо для набегов и битв. Во втором цикле снимали лучший урожай; в это время города путешествовали вслед за кочующими стадами. Третий цикл сурово испытывал людей — их ждали грозные весны, жаркие лета, дождливые осени и морозные зимы. В это время кланы не покидали своих очагов. Родичи и союзники сходились, готовясь к набегам будущего года. К счастью, третий цикл был самым коротким — он длился всего два месяца. Вскоре наступал новый год, и начинался приятный первый цикл, когда в небе стояли только одно солнце и одна луна. Во втором цикле к ним присоединялась другая луна, зеленая, а в третьем — фиолетовая.

Катуанские астрономы предполагали, что количество лун влияет на суровость погоды. Сали не понимала, при чем тут луна, однако она привыкла не обращать внимания на людей, которые всю жизнь изучали звезды. Времена года и циклы шли, несмотря ни на что. Остальные знания были излишни — за исключением того, как жить в равновесии с окружающим миром.

Найдя подходящее место, Сали полезла наверх. Цепляясь за липковатый стебель, она мысленно перенеслась в иные, безмятежные времена. Сали и ее лучший друг Цзяминь вечно карабкались и скакали по стеблям, иногда поднимаясь до самой макушки и подзадоривая друг друга — кто заберется выше, до самого кончика. Все детство они провели в высоте, прыгая с травинки на травинку или — что было еще опаснее — играя под пологом листьев и сорвуясь в беге, прыжках, лазании. Мали, ее младшая сестра,

почти не отставала, упорно пытаясь доказать, что она в состоянии угнаться за старшими. Но, конечно, ей это не удавалось. С Сали никто не мог соперничать, кроме Цзяминя, но он редко решался искать судьбу.

Они все были свободны и легки тогда — задолго до того, как Сали выбрила себе виски и изъявила желание стать воином. Задолго до того, как она надела чешуйчатый доспех и научилась приносить смерть своим кнутом. Задолго до того, как сделалась Броском Гадюки, вступила в бесконечную войну и начала хоронить друзей и товарищей по клану.

Сали продолжала взбираться, пока не достигла верхнего колена стебля. Под ее весом кончик колебался туда-сюда. Она протянула руку, перебралась на соседний стебель и принялась раскачиваться, чтобы достать до следующего. Так она все ближе подбиралась к кокону. Наконец растения, на которые можно было влезть, закончились.

Сали осторожно выпрямилась, балансируя на невероятно узком листе. Она продолжала двигаться вперед, слегка нажимая ногами и чувствуя, как откликается лист. С каждым разом он отгибался все сильнее. Наконец Сали оттолкнулась и прыгнула.

Нога заскользила по покрытой грязью поверхности кокона, и Сали чуть не свалилась в новообразовавшееся озеро на другой стороне. Она сделала шаг — и съезжала на три. Платформа опасно закачалась, когда она схватилась за стойку. Это действительно был крайний кокон. На нем сохранились четыре строения — сторожевая башня, подъемник, караульня и небольшое стойло для биси, ездовых белок и прочих существ.

Сначала Сали ощутила облегчение. Это не был обломок Незры; все коконы, составлявшие ее родной город, она прекрасно знала. Клан строил свои города из определенных материалов, которые добывали в Травяном море. Незра возникла на далекой северо-восточной окраине моря, и ее оболочка была выкрашена в цвет молодого плюща, а плоть состояла из бамбука, акации и макассара.

Развалина, обнаруженная Сали, была буро-зеленой, с металлическими внутренностями и выбеленной солнцем тиковой плотью. Железо обработали молотами, а значит, этот город, скорее всего, родился на юго-востоке. Вероятно, это и был Анкар, о котором говорили икуанцы.

Но как этот кокон оказался здесь и куда девались остальные?

Сали посмотрела на сторожевую башню, поскрипывавшую на краю кокона. Она достала кнут и, сделав резкое движение запястьем, захлестнула кончиком балку на верхнем ярусе. Сокращаясь, кнут потянул ее за собой на башню. Сали ловко приземлилась на тонкие перила.

Она посмотрела вдаль со своего насеста, и у нее перехватило дух. Отсюда и до горизонта, куда хватало глаз, в свете трех лун Травяное море было усеяно разбитыми корпусами катуанских городов. Бесчисленные коконы лежали разбитые, сожженные, разломанные, раздавленные — каждый представлял собой небольшую руину посреди океана зелени. Одни еще извергали черный дым, другие, судя по всему, выгорели вплоть до железного корпуса, третьи покорились растительности Травяного моря.

Здесь, очевидно, произошла великая битва. Сали видела останки двух или даже трех городов. Уцелевшие строения казались заброшенными, у одних рухнула крыша, у других не доставало стены. Неподалеку от того места, где стояла Сали, валялись обломки второго анкарского кокона, а чуть дальше — третьего. На полпути к горизонту оставшиеся коконы выстроились полукругом — там наконец и упокоился город Анкар.

Сали сама не знала, долго ли смотрела на обломки своего мира. Но отвести взгляд она не могла. Она считала коконы, пытаясь понять, какие города и кланы погибли. Сколько друзей и товарищей пало? Скольких поглотила пучина Травяного моря? Она вновь подумала о Мали и Цзямине и мысленно вознесла благодарственную молитву: хорошо, что ее гордый дед, некогда вождь Незры, не дожил до разорения катуанских городов. У Сали мелькнул проблеск надежды:

она не видела ни одного кокона Незры. Мелкая радость, к тому же недостойная. Но Сали не стала лгать себе.

Наконец далеко на юго-востоке она заметила город — просто пятнышко, черную точку посреди океана зелени. Впрочем, ошибиться было невозможно. Шакра, Черный город, место упокоения Хана, стоял в нескольких днях езды от места великой битвы. Там Сали могла получить ответы на все вопросы и избавиться от неудержимой тяги, которая гнала ее вперед.

Сали спустилась с кокона так же, как и влезла, — оттолкнувшись от ближайшего листа и съехав наземь по стеблю. Она поспешила туда, где оставила своих пленников, связанных честным словом. Без особого удивления Сали обнаружила, что они исчезли. Она подавила досаду. Города ее соплеменников были разрушены, и теперь они попирали свою честь. Это было просто невыносимо. По крайней мере, хоть лошадь ей оставили.

Сали очень хотелось выследить преступников, но Зов Хана не желал больше ждать. После того как Сали увидела Черный город Шакру, Зов вспыхнул с новой силой.

Сальминдэ — Броску Гадюки, Воле Хана — пора было вернуться домой, чтобы исполнить торжественный последний долг и вернуть Целому принадлежавшую ей часть души Великого Хана.

Сали было пора умереть.

Глава 7

Учитель и ученик

Журавль парит над озером. Взмах, подобный надвигающейся буре. Голодный монах мелет зерно.

— Медленнее, — рывкнула Тайши, сидевшая в кресле. — Тебе не обещали награду за скорость.

— Я это даже во сне могу проделать, — ответил Цзянь, не сбившись с дыхания, и перешел к Зеленой змее, ползущей в высокой траве.

Тайши, нахмурившись, отхлебнула чаю. Вероятно, так оно и было. Как в самый первый раз, наблюдая за мальчиком в действии, она восхищалась его возможностями. Она заставляла Цзяня проделывать простейшие вещи, и тот выполнял их быстро и точно. Он двигался мощно, решительно и без особых усилий, меняя направление и переходя от техники к технике плавно, словно вода, текущая в каменистом ручье. Тело и ум мальчика действовали заодно в исключительном согласии, а ци была сильнее, чем у кого-либо на памяти Тайши.

И все-таки внешний блеск не скрывал недостатков. Любого гибкого мальчишку можно научить стойкам и движениям. Подлинные способности Цзяня сильно уступали затверженному на уроках. Он до сих пор не научился управлять своей ци. Позорище.

Способность проявлять ци всегда считалась признаком подлинного военного искусства. Именно она позволяла человеку казаться необыкновенно сильным и быстрым, управлять стихиями или — якобы — летать. Добиться внешнего проявления ци считалось вехой, и ее достижение, как правило, праздновали и мастер, и ученик. В том-то и заключалась настоящая разница между обыкновенным воином и тем, кто обладал настоящим талантом.

Пятнадцать лет — рановато для проявления ци, но для истинно одаренного — не то чтобы редкость, особенно при правильном обучении. Сама Тайши впервые явила признаки дара в тринадцать, Сансо — в двенадцать. Цзянь расплачивался за то, что кучка идиотов прибрала его к рукам. Вот досада. Столько времени и сил пропало даром. Ну или у Цзяня просто не хватало таланта, чтобы совершить этот рывок. Тайши не могла сказать наверняка. Несомненно, мальчик старался.

Она понятия не имела, что делать. Цзянь слишком много знал и не мог просто взять и начать с азов, однако в его обучении было множество недочетов, мешавших двигаться дальше. Он оказался в тупике. Чинить дом, зараженный термитами, бессмысленно. Проще сжечь его дотла и отстроить заново. Но мальчик не дом, его нельзя разрушить до основания. Тайши задумчиво почесала подбородок.

Пока она наблюдала за тренировкой Цзяня, перед ее мысленным взором встал образ Сансо, проделывавшего те же самые упражнения. У обоих была привычка сосредоточенно хмуриться. Многие назвали бы это недостатком — лицо воина в бою должно оставаться бесстрастным, — но Тайши всегда умилял мальчишеский лоб, сморщенный, как изюмина.

А еще оба мальчика торопились проделать упражнение поскорее, как будто закончить первым означало победить. Когда Цзянь выдыхал и издавал возгласы, Тайши как будто слышала голос Сансо. Они были похожи — очень талантливы, очень нетерпеливы... и оба хотели сделать больше, чем могли. Глядя на Сансо, Тайши заново влюблялась в военное искусство. То же самое она чувствовала, наблюдая за движениями Цзяня.

— Нет, нет, — нараспев проговорила она. — Твои упражнения меня утомляют. Ты умеешь двигаться только быстро и торопишься так, словно тебе хочется в уборную. Движениям нужно пространство, чтобы ты мог сделать паузу и перевести дух. Ци внутри тебя вращается на месте. Она должна странствовать по всему телу, от макушки до кончиков пальцев. Постой-ка спокойно.

— Я не могу одновременно слушать и делать, — пожаловался Цзянь. — Мои учителя всегда давали советы после того, как я заканчивал упражнение.

— А, то есть слушать и двигаться сразу тебе слишком тяжело? — язвительно уточнила Тайши. — А думать и дышать? Представь, как тебя отвлечет катуанский серп, воткнутый в спину.

Это был еще один изъяз. От дурных привычек избавляли многократные повторения. Со временем Тайши бы их извела. Однако мальчик слишком легко отвлекался. Что угодно сбивало его с толку. Однажды Тайши видела, как он прервал упражнение, оттого что рядом пролетела муха. Прошедший вдоль стенки слуга заставил Цзяня уронить меч.

Наконец Тайши решила, что с нее хватит. Она встала и перевернула водяные часы.

— Ты слишком торопишься. Я хочу посмотреть, как ты умеешь стоять на месте. Стойка всадника. Пока не истечет время.

Цзянь нахмурился, но неохотно покорился. До сих пор он придерживался договора. Он неохотно встал перед Тайши, пошире расставил ноги и присел, опустив руки вдоль тела. После того как он согласился с наставничеством Тайши — пусть и не признал ее своим мастером, — они выработали нечто вроде приемлемых рабочих отношений. Цзянь по-прежнему мрачнел от каждого приказа, но делал то, что ему велели. Тайши не волновало, до какой степени мальчишке — Цзяню, поправила она себя, — нравились ее распоряжения. Лишь бы он им следовал. По крайней мере, эта неделя, в отличие от предыдущей, пока проходила без бедствий.

Тайши откинулась на спинку кресла.

— Надо бы разобрать с тобой учения Чжаньяна и Марци.

Цзяню хватило послушания, чтобы не двинуть головой и не отвести взгляда — расслабленного, устремленного словно за тысячу километров.

— Вообще-то я хотел кое-что предложить...

Тайши постучала по стенке водяных часов. Капель там было на целый час. После возвращения с войны она надеялась на спокойную жизнь, но имела в виду вовсе не это.

— Продолжай.

— Я просто подумал... мы с вами почти не знакомы, а мои наставники были при мне с самого детства. Они хорошо меня знают. Может, стоит одного из них вернуть?

Тайши слегка улыбнулась и решила поощрить мальчишку. Да, мальчишку.

— И кого же ты имеешь в виду?

— Мастер Синсин еще не уехал. Пригласите его... в качестве советника.

От этого мерзавца избавиться было трудно, как от плесени. Есть только один способ вывести плесень.

— И ты полагаешь, что так будет лучше?

Цзянь прервал стойку, энергично закивав.

— Это ты сам придумал? Не Синсин?

Он замялся на мгновение.

— Ну да. Конечно, сам.

Тайши поняла, что ей предстоит бороться с еще одним недостатком. Меньше всего земли Чжун нуждались в героелжеце — тем более если лгать он умел отвратительно.

— У твоей идеи есть свои плюсы, — согласилась Тайши, вставая. — Полагаю, тебе известно, где сейчас Синсин. Пожалуйста, попроси его встретиться со мной в северо-западной башне. Мы обсудим возможные условия.

Цзянь снова закивал и побежал прочь, радуясь возможности не стоять час в стойке. Тайши добавила легковоерие в список черт, которые следовало выбить из мальчишки. Затем она выплеснула остатки чая наземь и отправилась на переговоры с мастером Синсином.

Через пятнадцать минут она держала его, свесив со стены за руку.

— Умоляю вас, умоляю! — вопил Синсин, отчаянно скребя башмаками камни.

— Что я сказала тебе в тот день, когда отказалась от твоих услуг? — поинтересовалась Тайши.

— Покинуть дворец немедленно... но ответственность за воспитание Предреченного героя так тяжела! Не отказывайтесь от поддержки человека, знающего все ходы и выходы! Я могу быть вам полезен...

— Я разве просила о помощи? — прошипела Тайши. — Что я сказала? Дословно.

Синсин скривился:

— Вы сказали... вы сказали: «Уноси отсюда свою изъеденную плесенью тушу».

— Так почему эта туша до сих пор здесь?

— Я обучал Цзяня шесть лет. Мне известны его достоинства и недостатки. Я знаю, как направить...

Тайши выпустила его рукав, и Синсин начал сползать по краю стены вниз. Мгновение он висел в воздухе без всякой поддержки, пока Тайши вновь не схватила бывшего наставника за рубашу. Она с неохотой признала, что чуть не прощляпила момент. Синсин, впрочем, продолжал визжать даже после того, как она его поймала. Сильный ветер поднял подол одеяния Синсина почти горизонтально, и Тайши увидела постыдные пятна на подштанниках. Она с отвращением отвернулась. Синсин продолжал молить о пощаде.

И тут она заметила... нечто. Поначалу ей показалось, что это мираж; Тайши несколько раз моргнула, но видение не исчезло. По Цилиньской* дороге от горизонта вилось нечто, блестящее под лучами Короля, Королевы и Принца, словно золотая змея. Тайши напрягла свои старые глаза и разглядела развевающееся зеленое знамя.

— Что здесь делает Вэйлинь? — пробормотала Тайши.

Судя по размеру процессии, правитель княжества Син ехал сюда лично.

Тут же краем глаза она заметила странный блеск с другой стороны. Тайши повернулась — и увидела вторую процессию, двигавшуюся к дворцу по Сёдзёнской** дороге.

* Цилинь — существо из китайской мифологии, своего рода химера. У него несколько рогов, зелено-голубая чешуйчатая кожа, тело коня, ноги оленя, голова дракона и бычий хвост. Символизирует долгожительство и благополучие.

** Сёдзё — персонаж японской мифологии, но впервые был упомянут в китайских легендах. Человекоподобное существо, похожее на орангутана и умеющее разговаривать. В японских источниках описывается как мужчина с длинными красными (или рыжими) волосами, любящий выпить.

Эта процессия была ближе, и желтые знамена государства Каобу нельзя было ни с чем спутать. Во главе кортежа на своей знаменитой колеснице в виде павлина ехала княгиня Сунри собственной персоной.

У Тайши отвисла челюсть. Во имя мраморной мошонки Горамы, что произошло? Если двое из пяти правителей Чжун явились сюда, значит, предстояло нечто важное. Значить это могло что угодно — разрешение спора, заключение торгового соглашения или даже объявление войны.

Тайши ощутила холодок.

Или хуже. Правители, возможно, захотели устроить свадьбу.

Предреченному герою нужно было еще несколько лет учиться и набираться сил, прежде чем он сумел бы повести войска Чжун против Вечного Хана и катуанских орд. Вечно враждующим князьям оставалось потерпеть совсем немного. Брак между двумя государствами мог нарушить хрупкое равновесие и ввергнуть Чжун в хаос гражданской войны. Тайши могла бы поспорить на здоровую руку, что свадебная церемония завершится кровопролитием, — если, конечно, остальные правители позволят делу зайти так далеко. Все надежды победить катуанцев пойдут прахом.

Тайши чуть не выронила Синсина во второй раз. Только его отчаянный вопль напомнил ей, что он по-прежнему болтается в воздухе. Она перевалила бывшего наставника через парапет и зашагала прочь.

— Спасибо, что пощадили меня, мастер, — забормотал он вдогонку. — Значит ли это, что вы позволите мне...

— Если хоть один твой шаг будет сделан не в направлении дворцовых ворот, я позабочусь о том, чтобы он стал последним.

Тайши оставила Синсина приводить себя в порядок и заспешила к Небесному дворцу. Там царили ужас и хаос. Слуги, несомненно, знали о будущем визите, просто не сочли нужным сообщить ей. Прием хотя бы одного из пяти правителей обычно требовал нескольких дней подготовки.

Визит двоих был, соответственно, сложнее; слугам предстояло не только исполнять приказы и заботиться об удобствах князей, но и поддерживать мир между их капризными свитами. К счастью, эти неторопливые процессии от Небесного дворца отделяло еще полдня пути — путешественники должны были преодолеть гору Вуньшань.

Тайши нашла Фаару: тот рысил через двор, выкрикивая приказы, как генерал в начале битвы. Одежания у него были застегнуты кое-как, на грани приличия, грибообразная шляпа куда-то делась, редкие волосы на шишковатом черепе стояли дыбом, воротник намок от пота. Он говорил так быстро, что заплетался, словно пьяный. Из рта у Фаару брызгала слюна. Дворцовый управитель тяжело дышал, как будто на него спустили свору собак.

— Выносите из погребов зимние запасы. И весенние тоже. Доставайте всё. Несите бочонки. Плевать, что вино недозрело. Отправьте три телеги в Хеньгу, пусть привезут еще. В кредит. Пошлите людей в деревни и заберите весь скот, который смогут дать. Да, тоже запишите в кредит. Пусть местные лавочники пришлют своих слуг. Скажите, что мы и это запишем... — И Фаару тут же обрушился на слугу, подступившего с неуместным вопросом: — Что значит «нам ничего не дадут в кредит»?! В таком случае ограбьте их!

Тайши нагнала его и зашагала рядом. Когда он замолчал ненадолго, чтобы отдышаться, она решила, что это ее шанс выяснить, в чем дело.

— Дворцовый управитель, вы знаете, зачем сюда едут Вэйлинь и Сунри? Лучше подготовьте дворцовую стражу. Вдруг это заговор?

— Не только Вэйлинь и Сунри, — огрызнулся Фаару и тут же спохватился, вспомнив, с кем разговаривает. Он продолжил чуть более уважительно: — Простите мою резкость, мастер, но здесь собираются все пять правителей. Дунши прибыл вчера вечером. Саана и Янсо ждут сегодня к ночи.

Тайши была потрясена. Правители Просвещенных государств собирались все вместе считаное число раз. Впервые это произошло на похоронах императора. Во второй раз они съехались, когда был найден Предреченный герой. И теперь они могли собраться по единственной причине...

— Где Цзянь?

Тревога как будто придавала Фаару храбрости.

— А я откуда знаю? — резко спросил он. — Вы сами должны заботиться о своем подопечном. Простите, у меня тысяча дел.

Тайши пропустила его грубость мимо ушей. Ей пришла в голову некая мысль — и она застыла как вкопанная. Управитель не ошибся, она действительно должна была заботиться о своем подопечном. Тайши заспешила прочь сквозь хаос приготовлений, перебирая в голове список дел, которые следовало завершить перед началом торжественного съезда.

Через полчаса Тайши ворвалась в Башню неувядающего мужества. Поднимаясь по лестнице, она в двадцатый раз напомнила себе, что нужно взять долото и сбить нелепую табличку. Более того, она собиралась в конечном счете запретить все упоминания о «герое» в Небесном дворце.

Она пинком открыла дверь и обнаружила, что Цзянь, наполовину высунувшись из окна, смотрит в сторону Небесного двора. Повернувшись к Тайши, он улыбнулся до ушей и радостно запрыгал.

— Невероятно! Все пять правителей приехали, чтобы посмотреть на меня! Вы когда-нибудь видели столько воинов? — Он ткнул пальцем за спину Тайши. — А это кто?

— Это госпожа хороших манер. Это придворный гримировальщик. А вон тот лысый — портной, которого я подхватила на улице. — Она хлопнула в ладоши. — За работу!

Госпожа хороших манер сразу принялась расспрашивать Цзяня, насколько он сведущ в правилах придворного этикета, — разумеется, оказалось, что нисколько. От того, как правильно кланяться князю, от придворных титулов и должностей до умения носить шляпу и правильно

пользоваться палочками для еды — Цзянь во всем был невежественнее любого крестьянина. Крестьяне, по крайней мере, знали, как обращаться к вышестоящему лицу.

У Тайши совершенно вылетело из головы, что мальчику необходимы еще учителя. Недостаточно знать восемь способов сжать кулак. Следовало нанять других наставников — философов, математиков, политиков... ну и еще кого-нибудь, чтобы научить парня хотя бы самостоятельно одеваться. Цзянь должен был разбираться в дипломатии, культуре, снабжении, искусстве и этикете. Вождь не имеет права быть идиотом. И вести себя как невежественный крестьянин — тоже. Если Цзянь намеревался победить Хана и принести мир Просвещенным государствам, ему были нужны союзники. Самые важные битвы выигрывают за столом переговоров.

Пока госпожа хороших манер работала над осанкой Цзяня, гримировальщик пытался подобрать краску в тон его лицу.

— Это все не подойдет, — пропыхтел он, стремительно смешивая несколько разных цветов, как художник. — У спасителя лицо обветрено, как у крестьянина. Руки потрескались, словно у каменщика. Нужно несколько дней, чтобы смягчить кожу и придать ему приличный вид!

— У тебя три часа, — отрезала Тайши и повернулась к портному. — Займись одеждой. Выбери самое красивое одеяние и нашей на запястьях и на воротнике цвета пяти государств. Только не соединяй зеленый с белым, а синий с желтым. Красный не должен находиться меж двух других цветов.

Портной явно смутился:

— Но...

— Делай, что велено, — перебила Тайши. — А еще Предреченному герою нужен серебряный пояс с соответствующей отделкой. Никакого простонародного серого цвета, иначе, клянусь, я повешу тебя на этом самом куске ткани. Все мы должны иметь пристойный вид, чтобы не расстроить правителей.

У бедняги глаза полезли на лоб. Он поклонился.

— Да, мастер.

«Все мы». Это значило, что и она тоже. Тайши закрыла глаза. А потом схватила портного за шиворот, прежде чем он успел улизнуть.

— Мне нужна одежда в тон наряду Цзяня.

Портной побелел.

— Целое одеяние? За день?

— Даже меньше.

Тайши подошла к Цзяню и пальцем приподняла его подбородок. В памяти у нее мелькнул образ Сансо.

— Слушай внимательно, Цзянь. Пять правителей, собирающихся вместе, — это не праздник. Будь готов к чему угодно. Может вспыхнуть гражданская война. Один из них, возможно, задумал похитить тебя, чтобы использовать как оружие против остальных. Ну или женить на одной из своих дочерей. Не удивляюсь, если Сунри решит сама за тебя выйти. Ну, или тебе сегодня же сообщат, что долг зовет... — Прежде чем Цзянь успел ответить, Тайши ткнула его пальцем в нос. — Нет. Ты не готов. Даже не думай об этом. Как бы там ни было, ты не покинешь башню без меня. Понятно?

— Я...

— Не разговаривай. Просто кивни.

Он кивнул.

— Молодец.

Тайши села и, скрестив руки на груди, принялась наблюдать за госпожой хороших манер, гримировальщиком и портным.

За считанные часы эти трое сотворили чудо. Цзяня вымыли, расчесали, подстригли и вообще придали ему относительно приличный вид. Кожа у него лоснилась, как у поросенка, на лице лежал слой белой пудры. А портной смастерил более чем удовлетворительные одеяния, вызвав одобрение Тайши.

Госпожа хороших манер сделала что могла.

— Он не ударит лицом в грязь, если только его не посадят за стол, — сдержанно произнесла она.

Все было достаточно сносно. Ну и хорошо. Осталось лишь дожидаться официального призыва. Тайши велела госпоже хороших манер принести чаю и уселась, приготовившись ждать.

Она думала, что ожидание будет недолгим, в крайнем случае до конца ужина. Но Королева уже давно начала свой еженощный спуск, а Тайши все еще ждала. Неужели никто из пяти правителей не пожелал встречи с героем пророчества Тяньди? Тайши забеспокоилась. Что-то пошло не так.

Наконец, когда Близнецы достигли полночного пика, она решила прилечь.

Цзянь заснул — от утомления и скуки. Тайши отправилась в комнату для гостей.

— Я слишком стара, чтобы засиживаться допоздна, — проворчала она, стирая с лица белила. — Слишком стара, чтобы мазаться этой дрянью. Никакая краска не скроет следы минувших сорока лет.

Как только она стерла остатки белил и легла, в дверь постучали.

— Мастер Линь Тайши, вас зовут.

— Дьявол! Вы шутите? В этот час?

Тайши выскочила из постели и распахнула дверь. Ее ночная сорочка рисковала обнажить больше, чем следовало видеть постороннему.

Глашатай двора, стоявший в коридоре, не дрогнул. Если он и заметил непристойный облик Тайши, то не подал виду.

— Все подданные Чжун желают доставить радость своим божественным правителям.

— Ну разумеется. Я сейчас разбужу героя.

Глашатай двора покачал головой.

— Требуется только ваше присутствие, мастер.

Тайши помедлила — и кивнула.

— Минуту. Я оденусь и накрашусь.

— Пятерых не заставляют ждать. Достаточно одной лишь скромности.

Все правители Просвещенных государств пожелаали увидеть ее. Лично. Посреди ночи. Тайши ощутила неприятную дрожь в животе и постаралась загнать тревогу по-дальше.

Она поспешно набросила одеяние, сшитое для нее портным, и последовала за глашатаем по лестнице. У входа ждала богато украшенная повозка рикши, а за ней — полдесятка всадников. Официальнее некуда. Тайши влезла в повозку, глашатай вскарабкался сзади, и рикша двинулся вперед. Волнение Тайши все усиливалось, по мере того как они удалялись от Башни неувядающего мужества. Ей не хотелось оставлять Цзяня одного, но поделать ничего было нельзя. Приглашениями правителей не пренебрегают.

Рикша остановился, разумеется, у престола Тяньди. Только там и могли собраться правители Просвещенных государств. Однако Тайши совершенно не ожидала увидеть тысячи солдат, стоявших навтыяжку ровными рядами в Небесном дворе. Все были в цветах своих государств. Знамена и штандарты трепетали на ветру. Расстояния между двумя рядами хватало, чтобы рикша мог проехать и повернуть к тронному залу. Тайши также заметила, что флаги и одежды у солдат церемониальные, а доспехи и оружие — нет.

— Они что, никогда не спят? — спросила она, ни к кому не обращаясь, когда деревянные колеса застучали по камню.

Еще она с интересом отметила, что воины стояли, повернувшись лицом к престолу. Эти люди боялись не угрозы извне. Они стерегли дворец друг от друга.

Рикша остановился у подножия лестницы, и кто-то тут же поднес скамеечку. Глашатай двора вышел первым и протянул Тайши руку. Не обращая на него внимания, она вылезла из повозки, взглянула на Тысячу ступеней и вздохнула.

— Ну, идемте.

Пешком идти не пришлось — к восторгу Тайши, появился паланкин. Достигнув верхней площадки, она подумала,

что зря относилась к придворной жизни с таким пренебрежением. Интересно, предложение Саана сделать ее придворным мастером боевых искусств еще оставалось в силе?

Раздался звук гонга, огромная дверь открылась, и глашатай двора возвестил прибытие Тайши. Войдя, она на мгновение растерялась. Похожий на пещеру тронный зал казался безлюдным. Он был темным, не считая возвышения, на котором стоял трон. Трон пустовал, а перед ним находились пять сидений, выложенных подушками.

Пустой трон был залогом мира.

На подушках покоились зады тех пяти, которые надеялись в один прекрасный день изменить положение вещей.

Тайши не сразу поняла, что зал полон. Помимо придворных, были тут и личные телохранители князей, грозные Немые, известные также как Молчаливая Смерть. Этих воинов с детства обучали защищать высокопоставленных особ — а еще им отрезали языки и не учили грамоте. Они славились фанатической преданностью. Никогда не покидали своих хозяев и стояли как безмолвные статуи, пока не требовалась их помощь. Тайши много раз видела, как дерутся эти ночные призраки, облаченные в черное, и признавала, что репутация у них заслуженная. Говорили, что одного лишь вида приближающихся Немых в развевающихся по ветру крылатых плащах было достаточно, чтобы мятежники сдались, а города настезь открыли ворота.

Вдоль стен зала, в боковых коридорах, на балконах теснились дипломаты, ученые и советники. Они скрывались в темноте, пока от них не требовалось высказать свое мудрое мнение. Только место вокруг трона было ярко освещено — ослепительно ярко.

Тайши глазела по сторонам, как простолюдинка, и не сразу поняла, что правители дают аудиенцию. На коленях перед пятерыми, беседовавшими друг с другом, стояли несколько человек. Гул оживленного невнятного разговора эхом отдавался в зале. Только когда Тайши отчетливо услышала свое имя, она поняла, кто эти коленопреклоненные люди. Фаару

и восемь бывших наставников Цзяня. Здесь и сейчас они свидетельствовали против нее.

А она-то думала, что они уехали. «Клянусь, я выловлю их всех до единого и подвешу за жирные пальцы».

— А затем, — продолжал Хили, — на самом важном этапе обучения героя она выгнала нас из дворца! Мы могли ее проявить благоразумие, но мастер Линь была непоколебима в своем себялюбии и жестокости.

Сунри, княгиня Каобу, Львица Пустыни, бывшая императорская наложница, которая достигла поста главнокомандующего и до сих пор, вероятно, оставалась самой желанной женщиной во всех землях Чжун, устремила на кучку жалобщиков взгляд, которого они заслуживали. Ее угольно-черные волосы были затейливо заплетены и собраны наверх под золотую корону в виде феникса, которую Тайши сочла чересчур пышной. Княгиня испустила долгий насмешливый вздох и постучала длинными ногтями по своему знаменитому острому подбородку.

— Хорошо ли обучен наш герой? Он готов? Или еще нет?

— Мы близки к цели, — произнес Бай. — По крайней мере, *были* близки. Осмелюсь сказать, мы не знаем, какой вред Линь успела нанести герою. Ее следует отозвать, а нас восстановить в должности. Ради блага Просвещенных государств!

Вэйлинь, двоюродный брат зятя покойного императора, который всеми правдами и неправдами проскреб и пробил себе путь наверх, окинул взглядом Сунри и внимательно посмотрел на наставников. Вэйлинь был наименее представительным из пятерых, зато за ним стояла знать.

— С какой стати посланница, которую отправили сюда, чтобы оценить успехи героя, взяла дело в свои руки?

Чан обиженно фыркнул и засопел. Это был тучный лысый мужчина с густой бородой и необъятной талией.

— Полагаю, целью мастера Линь было захватить контроль над обучением героя и приписать себе его успехи, как только он выполнит свое предназначение.

Другие мастера закивали.

— Это бесчестно.

— Недостойно.

Каждый пытался выразить негодование ярче соседа.

Так продолжалось еще некоторое время, а потом Дунши, хитроумный правитель Лаукана, наушник прежнего императора и глава жестокой тайной полиции под названием Десять Псов, рыгнул и с самодовольным видом устоялся на крайнее кресло.

— Ну, Саан, а вы что скажете? Это ваша посланница. Вы вручили ей княжескую грамоту. С какой стати она подрывается под мастеров?

Саан Шуланьский, второй и единственный оставшийся в живых сын покойного императора, совсем не походил на своего ленивого лысого отца. Высокий, с целой гривой тщательно расчесанных волос и густо подведенными черной тушью глазами, он носил прозвище Разрисованный Тигр и был прославленным воином. Когда старый император скончался, Саан и его союзники находились на восточной границе, где подавляли восстание Соломенных Шляп. Когда весть о смерти отца достигла Саана, империя уже успела расколоться. Он предпочел не втягивать своих людей в гражданскую войну — и это, вероятно, спасло их от истребления катуанскими полчищами.

Тайши любила Саана, но втайне радовалась, что на нем не красуются нелепая императорская шляпа с шишкой на конце и аляповатая золотая цепь. Умный человек, идущий путем двора, не позволил бы так легко отослать себя на дальнюю границу. Саан был славным и храбрым воином, который свято следовал принципам благородства, выработанным Горамом, но, мягко говоря, умом он не блистал. Он не побоялся бы сразиться с сотней врагов, но вряд ли мог досчитать без посторонней помощи до двадцати.

К счастью, простодушный Саан иногда принимал глубокомысленные решения — так Тайши и очутилась в Небесном дворце. И теперь он указал на нее, улыбнулся и произнес:

— Может, вы сами у нее спросите?

Прежде чем Тайши поняла, что случилось, рядом с ней выросли двое слуг с фонарями.

Дунши прищурился:

— Мастер Линь! То, что говорят наставники, — правда? Вы пытаетесь присвоить Предреченного героя?

Тайши стояла под прицелом сотен пар глаз, в которых отражался свет ламп. Она была одним из величайших мастеров боевых искусств, но, оказавшись в толпе, по-прежнему смущалась как девочка. Она кашлянула и поняла, что ладони у нее чешутся и потеют. Тайши попыталась придумать что-нибудь цветистое и дипломатичное, чтобы не ударить лицом в грязь, но тщетно. Время шло.

Она решила ограничиться сдержанным ответом:

— Полагаю, благородные и мудрые князья сами смогут судить, когда увидят героя пяти Поднебесных в действии.

Саан заговорил первым:

— Но вы, мастер Линь, сражались с Вечным Ханом. Как, по-вашему, наш герой справится с ним?

«Нет, его раздавят, как навозного жука». Тайши хотела выразиться помягче, но дипломатический талант окончательно ей отказал. Она произнесла:

— В настоящее время Вэнь Цзянь не сможет отбиться даже от компании старух-вязальщиц. Хан сожрет мальчугана на десерт и поковыряет в зубах его костями.

Саан прервал разъяренных наставников, которые вновь было затявкали:

— Значит, мальчик не готов. Вот почему мастер Линь приняла меры, которые сочла необходимыми. Он ни для кого не представляет угрозы.

Тайши обратила внимание на последние слова. Что это могло значить?

Следующим заговорил Янсо из Гияня.

— Если я правильно понимаю... — начал он, загибая пальцы. — В рамках мирного договора каждое государство согласилось выделять десятую долю доходов и военных сил,

чтобы защищать и содержать Предреченного героя, пока он готовится к битве с катуанскими ордами. Цзянь жил, ни в чем не нуждаясь, в бывшей императорской резиденции под охраной прекрасно вооруженной и недешево обходящейся армии. И вот через пятнадцать лет наградой за все наши немалые затраты оказывается бесполезный мальчишка, который, возможно, не справится в поединке с моей десятилетней дочерью?

Он расхохотался, и его смех раскатился по залу.

Янсо был самым умным, богатым и, по общему признанию, самым могущественным из пятерых. Так уж случилось, что, когда император умер, в распоряжении бывшего казначея оказались золотой запас и монетные дворы, где печатали ляны. Огромное богатство обеспечило ему власть над государством Гиянь. Кроме того, у Янсо действительно была талантливая дочь.

Тайши поклонилась.

— У вас высокие требования, господин.

— Но прямо сейчас герой не готов, — настойчиво произнес Саан.

Тайши снова поклонилась.

— Далеко не готов, господин.

Саан повернулся к остальным.

— Если дело действительно обстоит так, потраченное уже не вернешь. Самое простое решение — отправить всех по домам.

По домам? Тайши не поверила своим ушам.

— А как же пророчество Тяньди? — спросила она. — Дело еще можно поправить. У Вэнь Цзяня отличные способности. Еще есть время...

Саан прервал ее:

— Достаточно, мастер Линь.

Остальные переглянулись. Сунри произнесла:

— Две недели назад один из наших дозоров в Травяном море подвергся нападению обнаженного пьяного великана. Солдаты отважно сражались, однако великан перебил

весь отряд, за исключением одного-единственного пехотинца по имени Хо Маньжи, который утверждает, что убил противника.

— Среди дикарей немало великанов. Киньянские всадники на две головы выше обычных...

— Мы тоже так сначала подумали, мастер Линь, — перебила Сунри. — Но потом удостоверились. Вечный Хан мертв. Тайши была потрясена.

— Бог Травяного моря? Бессмертный всадник? Человек, которого невозможно убить... пал?

— Убит копьём в спину, — спокойно ответила Сунри. — Хо Маньжи, скорее всего, приукрашивает правду, но это неважно. Нашего опаснейшего врага больше нет.

— Вскоре после гибели Хана, — добавил Янсо, — на патруль напала вся орда. Всадники, железные драконы и биси, четыре из двенадцати городов. Нападение явно не имело никакого плана — несомненно, это была просто отчаянная попытка спасти Хана.

Тайши все никак не могла прийти в себя.

— И чем закончилась битва?

Янсо улыбнулся:

— Полной победой. Армия Просвещенных государств разгромила орды, рассеяла всадников, уничтожила несколько городов.

— Мы как раз собираемся заключить с катуанцами мир, — сказал Вэйлинь. — Мы решили остановиться в Невесном дворце, чтобы договориться об условиях их безоговорочной капитуляции.

— Какая радостная новость, — произнесла Тайши, по-прежнему не веря своим ушам. — Когда люди...

— Слухи об этом не достигнут народа, пока договор не будет заключен и мы не решим, как поступить с пророчеством Тяньди и предполагаемым героем пяти Поднебесных, — вмешалась Санри. — Таков правительственный указ. Под страхом смерти. Мы пока не знаем, как быть с верующими Тяньди.

— Представляете себе крестьянские суеверия? — пренебрежительно спросил Вэйлинь. — Выиграть войну для них недостаточно хорошо! Победить, мол, мы должны именно так, как *они* считают нужным. Проклятые фанатики!

— Вопрос в том, — медленно проговорил Дунши, — что нам делать с героем, раз в нем больше нет необходимости.

— Мастер Линь сказала, что он слаб и ни для кого не представляет угрозы, — напомнил Саан.

— Разумеется, других слов мы от вас и не ожидали, — парировала Сунри. — Вэнь Цзянь — ваш земляк. Из него получится полезная пешка.

— Смею напомнить, — добавил Вэйлинь, — что вокруг мальчика буквально из ниоткуда возникла целая религия. Он может оказаться влиятельной фигурой, пусть даже пророчество не сбылось.

Саан покачал головой.

— Кого волнуют эти глупцы? Как только откроется, что пророчество не сбылось, они умолкнут сами собой. Адепты Тяньди найдут себе новую легенду. Ну или наши придворные ясновидцы изрекут какие-нибудь другие пророчества.

Дунши со стуком поставил кубок на стол.

— Кто-нибудь непременно найдет способ извлечь из мальчишки пользу. Я этого не позволю. Он принадлежит нам пятерым — или никому.

Сунри согласилась:

— Он остается угрозой для нас, пока живет.

— Но нельзя же просто убить мальчишку, — возразил Саан. — Тогда из него сделают мученика.

— Вы правы, — поддержал Дунши. — Убить мученика после смерти еще труднее.

Янсо молчал, пока разговор качался туда-сюда. Когда он заговорил, в его голосе звучала решимость:

— Никому из нас он не достанется — а после того, что произошло, полагаю, никому он и не нужен. Героя нельзя убить, но, судя по всему, живой он будет для наших

государств бременем, если только не умрет от естественных причин. Предлагаю отослать его в дальний монастырь. Мы объявим, что он вознамерился вести жизнь, полную покоя и благочестивых размышлений. Пусть о нем забудут. В конце концов вера сама угаснет, а десятая доля доходов, которую мы отделяли на содержание героя, станет для нас уроком.

Саан нахмурился:

— Будет ли он жить здесь или в каком-то далеком монастыре — какая разница?

Янсо хрипло рассмеялся:

— Нам больше не придется содержать этот забытый небесами дворец и армию! Мы и так заплатили слишком много. Пророчество Тяньди пятнадцать лет висело у нас на шее золотой гирей. Отошлите мальчишку, приложив подачку для монахов, и пусть отныне они кормят его и одевают.

Саан по-прежнему колебался, но против него были четверо. Судьба Цзяня решилась. Его отошлют в монастырь, местонахождение которого известно только правителям Просвещенных государств. Скорее всего, никто ничего о нем больше не услышит, пока лет через пятьдесят не придет известие о том, что он скончался от старости или болезни. Мальчику это решение не сулило ничего хорошего, но князей вполне устраивало — вот и всё. Но Тайши, впрочем, кое-что смущало.

Сунри посмотрела на Фаару:

— Подготовьте мальчика к путешествию немедленно, управитель. И начните вывозить людей из Небесного дворца. Оставьте здесь лишь малое число прислуги, чтобы поддерживать в порядке здания и прилегающую территорию.

— Как прикажете, господа, — и Фаару низко поклонился.

— А теперь о важном. Мирный договор, — произнесла Сунри. — Такой шанс выпадает раз в сто лет. Как бы нам припереть к стенке этих дикарей, чтобы они не начали новую войну?

Остальные правители рассмеялись.

Цзянь уже был забыт. Пророчество Тяньди умерло, не пискнув.

Прочие поклонились и устремились прочь из тронного зала. Когда Тайши повернулась к двери, Вэйлинь окликнул ее:

— Мастер Линь, останьтесь. Вы долго и успешно сражались с дикарями и много лет прожили в Травяном море. Ваше мнение может быть полезно.

Меньше всего Тайши хотелось вместе с князьями выжимать из катунцев последние капли крови, но выбора у нее не было.

— Это честь для меня, — сказала она, низко поклонилась и устроилась рядом с кучкой ученых на темном балконе.

Она молча ждала целый час, и только стиснутые зубы выдавали ее волнение. Хотя Тайши сидела совершенно спокойно, мысли у нее неслись бешеным галопом, и почти все они были очень мрачными.

Глава 8

Крах пророчества

Цзяня разбудили мягкие руки. Он открыл глаза и увидел мясистое лицо с редкими пучками волос на подбородке и близко посаженными глазами. Сначала ему показалось, что он еще спит. Он моргнул. Лицо не исчезло. Рядом возник мастер Синсин, за ним — мастер Чан. В изножье кровати стояли Хили и Нинчжу, слева — Луда и Сун. Его наставники вернулись. Они все смотрели на него, радостно улыбаясь.

— Что вы здесь делаете? — Цзянь сел и зевнул, а затем пересчитал их. — А где мастер Ван и мастер Бай?

Луда покачал головой.

— Они предпочли уехать.

Цзяня эта новость глубоко разочаровала. Ван и Бай были его любимыми учителями. Они обращались с ним как с родным сыном.

Он свесил ноги с кровати и потянулся.

— Что случилось? Я думал, правители меня вызовут!

В окно лился меркнувший фиолетовый свет, постепенно сменяясь оранжевым. Принцесса скрывалась от лика отца. Близились рассвет.

— Поэтому мы здесь, великий герой, — ответил Нинчжу. — Правители убедились, что мы мудры, и вернули нам законные места ваших наставников. Мы имеем честь представить вас им.

— Давно пора! Почему меня заставили ждать так долго?

Цзянь полагал, что герой пророчества находится, самое малое, на равной ноге с правителями. Он выскочил из постели и устремился к манекену, на котором висело одеяние, сшитое портным. Юноша быстро оделся и завязал пояс, как его научили.

— Зовите гримировальщика!

— Это излишне, — сказал Нинчжу. — Правители пожелали встретиться с вами в неофициальной обстановке. Они просто хотят познакомиться со спасителем нашего народа.

Еще лучше. Цзянь уже почти забыл то, что госпожа хороших манер пыталась вбить ему в голову накануне вечером. Он вышел из спальни, наставники последовали за ним. Рига и Хораши шагали по бокам, остальные вереницей тянулись следом по винтовой лестнице. Совсем как в прежние времена. Очень хорошо.

Внизу Цзянь остановился и обернулся.

— А что случилось с мастером Линь?

— Тайши освободили от должности, — усмехнувшись, ответил Синсин. — Правители в своей великой мудрости поняли, что эта алчная особа пытается присвоить себе ваше предназначение, и вернули вас под нашу опеку. Она злая женщина, и вы хорошо поступите, если забудете ее уроки.

Цзянь должен был бы обрадоваться, однако его охватили смешанные чувства. Он наслаждался привычным порядком и радовался возвращению старых учителей. Но он знал, что никто из них не научит его летать, скользить по стенам и пробивать кулаком камень. Он часто мечтал о том, как пробьет в стене дыру и сбежит из дворца. Тайши могла хотя бы попрощаться. Старуха была жутко вредной, но Цзяню казалось, что они как будто начали понимать друг друга.

Возле башни его ожидали два ряда рикшей, окруженные десятком почетных конных стражей, — это были прославленные Немые. Цзянь, сияя от гордости, влез в первую повозку. Тронувшись с места, он махнул кланяющимся слугам и отсалютовал солдатам в разноцветных одеждах. Одни ответили тем же, другие уставились на него с любопытством. Цзянь пожалел, что не надел золотые доспехи, украшенные драгоценными камнями.

Они повернули к Небесному двору. Цзянь, разинув рот, в восторге глазел на безупречные ряды солдат, стоявших по стойке «смирно». Он и им помахал. Никто не ответил. Юноша весь дрожал от предвкушения, когда рикша приблизился к повороту, ведущему к Сердцу престола Тяньди, и сильно удивился, когда повозка проехала мимо, направляясь на окраину дворцовых территорий.

— Почему мы не подъехали к престолу Тяньди? — спросил Цзянь.

— Княгиня Сунри решила, что пикник в роще гораздо приятнее обычного завтрака, — объяснил Синсин. — Я же сказал, правители хотят встретиться с вами в неофициальной, можно сказать, семейной обстановке. Вас как священного сына государств Чжун все пятеро некоторым образом считают близким родственником.

Его улыбка казалась фальшивой.

Няньки пичкали Цзяня бесчисленными историями о правителях Просвещенных государств. Сунри, самая могучая и прекрасная женщина Чжун, которая вполне

могла побороться с Королевой за небесный трон. Саан, Раскрашенный Тигр, сеявший смерть на поле боя. Умный и хитрый Дунши, который знал людей лучше, чем они сами себя знали. Янсо, в чьих жилах вместо крови текли золото и мудрость. Вэйлинь, родич императора, который почти в каждой истории выступал злодеем.

Они въехали в северный сад и приблизились к маленькой роще, где росли купы ив и был полукруглый пруд, в который стекали воды шумного водопада. В рощу вел маленький красный деревянный мостик. Там было живописно и безмятежно, только лягушки квакали где-то под деревьями, покачивавшимися на ветерке. При приближении людей в воздух взмыла стая красноголовых цапель.

Рикши развернулись и высадили пассажиров. Мастера проводили Цзяня в тихий павильон. Он уже давно не бывал в этой части дворца. Здесь было скучно, и строгие садовники не питали к герою особого уважения. А еще здесь водилось много пчел, которых Цзянь втайне смертельно боялся.

Рига и Хораши, ушедшие вперед, уже ждали у двери. Они поклонились, когда Цзянь приблизился, — гораздо почтительнее, чем обычно, и ему это понравилось. Если ты считаешься равным правителю, телохранители проникаются должным уважением, даже если они знали тебя с детства.

Хораши открыл дверь, и все вошли в комнату, похожую на кладовую. Она была пуста, не считая полка с садовыми инструментами и лежавших в углу бочонков с удобрениями. У дальней стены стояли грубый деревянный стол и скамья.

Цзянь нахмурился. Он ожидал совсем другого от пикника с правителями.

— Мастер Синсин, что это такое? Почему никого нет?

Синсин склонился к нему и потрепал по щеке. А затем, не сказав ни слова, покинул комнату. Один за другим все наставники приблизились к Цзяню, вполголоса попрощались и пожелали ему удачи во время путешествия. Чан, шедший последним, даже не смотрел юноше в глаза. Щеки у него были влажные. Он чуть слышно пробормотал:

— Ступай по дороге к небу, Цзянь.

Чан остановился на пороге и негромко обратился к Хораши:

— Помните приказ правителей. Никаких знаков насилия. Все должно выглядеть естественно. Иначе будет мятеж. Мы подождем в роще.

Хораши кивнул. Рига вытащил шелковую веревку.

И тут Цзянь понял, что именно должно произойти. Это было внезапное, мерзкое, тошнотворное ощущение, как от удара в живот. У него голова пошла кругом, дыхание перехватило от ужаса. Он уставился на морщинистое знакомое лицо Хораши — человека, который заботился о нем с раннего детства. Верного, надежного, никогда не отходившего дальше, чем на десяток шагов. Хораши, казалось, не мог его предать — как не могло предать собственное сердце. Уверенность и гордость покинули Цзяня, и он произнес, как испуганный ребенок, со слезами на глазах:

— За что?

— Прости, Цзянь, — сказал Хораши. — Удача от каждого может отвернуться.

— Но в чем я виноват? Простите меня! Если я сделал что-то плохое, то не нарочно!

Хораши прикусил губу. Глаза у него блеснули.

— Ты ничего дурного не сделал, сынок. Просто неудачно родился.

Он напоследок взъерошил Цзяню волосы, и тому стало еще хуже.

— Но как же пророчество? Я спаситель нашего народа!

Хораши вздохнул:

— Хан мертв. Погиб в бою. Война кончена. Просвещенные государства победили. Теперь правители занялись приборкой. Живой ты слишком опасен. Они боятся твоего влияния. Они боятся, что кто-то может тобой воспользоваться.

Цзянь почти ничего не понял, кроме того, что Хан мертв.

— Это невозможно, — прошептал он. — Я должен убить Хана.

Старый телохранитель вновь тяжело вздохнул:

— Видимо... пророчество было ошибочным.

Эти слова казались такими же страшными, как предательство Хораши. Цзянь покачулся. Хорошо, что колени упрямо отказывались гнуться. Он смотрел в лицо бывшего друга, и до него постепенно доходила правда.

— Вся моя жизнь — ложь...

Перед глазами у Цзяня поплыло, и он сморгнул слезы. Все утратило смысл. Он даже не стал сопротивляться, когда Хораши аккуратно обвил его шею шелковой веревкой. Обычное спокойствие подвело старика, и он отвел глаза, тяжело дыша.

Рига, который стоял, прислонившись к косяку, зевнул.

— Кончай с ним уже. Убей его! Лично я рад, что служба кончена. Если бы мне пришлось еще хоть один день раболепствовать перед этим избалованным щенком, клянусь, я бы сам перерезал ему горло.

Хораши опустил ладонь на рукоять.

— Замолкни, ты, пьяница! Иначе, клянусь, располосую тебя от шеи до ящ!

Рига, злобно усмехаясь, взглянул на Хораши и взялся за саблю.

— Ну-ка попробуй. Неподчинение правителям — это измена. У меня есть полное право нарубить тебя на ломтики.

Клинки с шипением выскользнули из ножен. Мужчины, приняв стойку, закружили по тесной кладовой. Цзянь, по-прежнему стоявший в центре с шелковой удавкой на шее, не шевелился. Он не понимал, что происходит. Он стоял как вкопанный, в сильнейшем замешательстве. Все тело словно онемело. По привычке он уже хотел приказать Риге и Хораши прекратить ссору, а потом вспомнил, что в таком случае будет.

Телохранители с криком размахивали оружием, а потом Рига вдруг поднял руку и взглянул на потолок.

— Ты слышал?

— Что? — сердито спросил Хораши.

Цзянь прислушался. Сверху доносилось постукивание. Деревянные балки скрипели — а затем потолок рухнул, и в комнату посыпались пыль и мусор. Кто-то прыгнул в дыру и ловко приземлился между телохранителями.

Тайши с любопытством взглянула на мужчин, стоявших с обнаженными клинками.

— Я помешала?

И ударила Хораши ногой в грудь так, что он отлетел через всю комнату и врезался в дальнюю стену.

Рига чуть не снес ей голову саблей, но она увернулась и, не делая никакой попытки атаковать, словно в танце, ушла от удара. Телохранитель наседал, пытаясь найти брешь в защите. Он то тыкал, то полосовал саблей, и каждый удар совсем чуть-чуть не достигал цели.

Тайши с безмятежным видом взмахивала рукой — казалось, наугад. Риге ни разу не удалось задеть противницу, и, продолжая нападать, он все больше впадал в ярость. Наконец он нанес свой любимый удар — его сабля, горизонтально вращаясь, пронизала воздух возле самой шеи Тайши. Та увернулась, пропуская клинок над головой, и, продолжая вращаться, он полетел обратно. Цзяню хотелось предостеречь Тайши, однако он не мог произнести ни звука.

Впрочем, она и не нуждалась в помощи.

Когда вращающийся клинок вернулся, Тайши стукнула по нему, закрутила его меж пальцев и направила на Ригу. Превратившись в размытое пятно, сабля мелькнула в воздухе и вонзилась ему в грудь, пройдя насквозь и до половины воткнувшись в каменную стену.

Рига пошатнулся, схватившись за алое пятно на груди, и взглянул расширившимися глазами на Тайши.

— Это было красиво, — сказал он, прежде чем качнуться и упасть лицом вниз.

Тайши уже направилась к следующей цели. Она жестом поманила саблю, и та, выскользнув из стены, оказалась

у нее в руке. Тайши направила острие в грудь лежавшего без сознания Хораши.

И тогда Цзянь наконец опомнился.

— Не надо! — Он бросился между Тайши и Хораши, раскинув руки. — Стойте!

Тайши мрачно нахмурилась:

— Он, кажется, пытался тебя убить?

— Ну... да. Но он не решился.

— Этого мало, — она слегка хлопнула Цзяня по макушке саблей плашмя. — Отойди-ка.

Юноша упорствовал:

— Пощадите его. Пожалуйста.

Тайши поколебалась — и отвела руку.

— Хорошо. Я его пощажу. Если причиной твоей гибели и не станет неумение драться, тебя обязательно прикончит излишняя доброта.

— Правители действительно велели меня убить? — спросил Цзянь.

— Официально они решили сослать тебя в отдаленный горный монастырь, но, очевидно, это было лишь прикрытие... — Тайши помолчала. — Я так и знала, что здесь дело нечисто. Правители предпочитают надежно прятать концы. Теперь понятно, почему Саан так злился. К сожалению, Цзянь, ты стал обузой в ту минуту, когда Хан погиб.

Она принялась обыскивать мертвого Ригу и неподвижного Хораши.

— Непредусмотрительные глупцы. Повезло тебе, что я гораздо благоразумнее и далеко не так жестока.

— Что вы делаете? — поинтересовался Цзянь.

— Ищу монеты. Я не успела собрать вещи, прежде чем отправиться на выручку. Нам понадобятся деньги, если мы хотим убраться подальше от двorca.

В дверь громко постучали. Кто-то вполголоса спросил:

— У вас всё в порядке? Мы слышали шум.

— Это мои учителя, — прошептал Цзянь.

— Бывшие учителя, — поправила Тайши. — Бай и Ван — единственные, кому хватило совести не участвовать в этом. Так что? Мне дозволено убить этих неверных прихлебателей? Или оставить и их в живых?

— А можно сделать нечто среднее?

— Изувечить?

— Нет! Просто оглушить.

У Тайши вырвался утробный звук, похожий на рычание.

— Хорошо. Оставайся здесь, пока я не закончу.

Она распахнула дверь, прервав стук, и нанесла мощный удар кулаком, так что у Хили откинулась голова. Мастер отлетел в сторону. Тайши вышла и захлопнула дверь у себя за спиной.

Послышались крики.

Цзянь стоял на месте, гадая, долго ли ему придется ждать. Может, нужно выйти и помочь Тайши? Мысль об измене наставникам была невыносима, пусть даже они предали его первыми. Но вдруг даже Тайши не справится с шестью мастерами? Наверное, все-таки лучше выйти и помочь...

Он закатал рукава и приготовился к драке. Боль от предательства, от осознания того, что пророчество оказалось ложью и что он не защитник своего народа, а просто никто, начала постепенно проходить. Ее место занимала кипящая ярость. Цзянь всю жизнь просидел в Небесном дворце — и напрасно! Из-за пророчества он не знал собственных родителей. Он ничего не делал, только обучался военным искусствам — впустую! Вдобавок выяснилось, что и обучен он кое-как. Наставники тратили время даром — и теперь хотели его убить!

Цзянь больше не собирался это терпеть. Пора было самому стать хозяином своей судьбы. Он подошел к двери и вздрогнул, когда чье-то тело влетело в окно, осыпав комнату осколками стекла и щепками. Мастер Нинчжу, измятый и скрученный, повернул к Цзяню окровавленное лицо. Он хотел что-то сказать, застонал и растянулся на полу.

Прежде чем Цзянь успел спросить у Нинчжу, цел ли он, домик затрясся от нового удара. Юноша пригнулся, когда чей-то черный кожаный башмак пробил толстую деревянную дверь насквозь. Оказалось, что к башмаку прилагалась нога. Цзянь осторожно открыл дверь и обнаружил на ней мастера Синсина, висящего вниз головой.

Разинув рот, юноша наблюдал за побоищем. Трое его прежних мастеров еще оставались в строю. Мастер Хили и мастер Сун с двух сторон нападали на Тайши, но им все равно приходилось тяжело. Мастер Луда лежал на краю лужайки и пытался встать. Испачканная одежда и длинная борозда на земле ясно давали понять, как он там оказался.

Цзянь наблюдал за Тайши, которая сражалась сразу с двумя воинами. Он всегда думал, что его бывшие наставники — превосходные бойцы; несомненно, на свой лад они были опытны. Но тут он понял, что до встречи с Тайши никогда не видел подлинного военного искусства. Она почти небрежно уклонялась от атак — а когда нападала сама, ее тело словно пронизывала молния.

Одной-единственной рукой ей удавалось отбивать все удары Суна; затем Тайши выбросила вперед ладонь и ударила его по лицу, заставив перекувырнуться в воздухе. С той же быстротой Тайши повернулась навстречу медленным и размашистым ударам-молотам Хили. Цзянь привык благоговейно наблюдать за тем, как Хили крошил древесные стволы. Пускай и небольшие. Однако Тайши удалось противостоять и атаке Хили: она осталась на ногах, хотя от удара пыль кольцом взвилась вокруг нее.

Хили, несомненно, удивился тому, что она выдержала его удар. У мастера глаза полезли на лоб.

— Как...

И тогда Тайши пнула его под колено, и он с воем повалился наземь. Стоя над ним, Тайши поморщилась и схватилась за грудь. Удар Хили, очевидно, причинил ей боль. Позволив себе это небольшое проявление слабости, она совладала с собой.

К тому времени Луда добрался до нее. Рыча и размахивая руками над головой в своем знаменитом семейном стиле, он набросился на Тайши сзади. На сей раз Цзянь не стал медлить. Он прыгнул и перехватил Луду, прежде чем тот успел приблизиться к Тайши. Юноша выпрямился, словно подзадоривая Луду. Глаза бывшего учителя на мгновение округлились — а потом он напал. Цзянь отразил первый удар, сумел увернуться от второго... и все.

Это был не тренировочный бой, и его бывшие наставники перестали сдерживаться. Движения Луды оказались гораздо быстрее и мощнее, чем привык Цзянь. Конечно, Луда не мог сравниться с Тайши, но все-таки драться он умел. Рука со скрюченными пальцами, похожими на когти, коснулась предплечья Цзяня и проехала вниз, легко расправив ткань и кожу. Цзянь попытался увернуться, однако хватка у Луды была мертвая. Юноша хотел ответить ударом, но промахнулся — и вторая рука ухватила его за шею.

Луда взревел:

— Как ты посмел поднять руку на учителя?

— Ты предал меня! — прохрипел Цзянь сквозь сжатые зубы. — Ты мне больше не учитель!

Он отчаянно забился. Оба удивились, когда Цзяню удалось кулаком заехать Луде в глаз. Мастер моргнул и зарычал:

— Ты мерзкий щенок!

Растопырив скрюченные пальцы, он потянул руку на себя.

Цзянь видел смертельный прием Луды только на тренировках и сомневался, что тот действительно может одним движением убить противника. Половина кланов претендовала на владение смертельными приемами. Разумеется, доказать это было трудно. Цзянь, чью шею Луда по-прежнему сжимал, замахал руками. Он получил удар в грудь, против сердца, и пальцы Луды глубоко вошли в плоть. Тело Цзяня содрогнулось. Он опустил взгляд — и понял, что произошло.

Его сердце перестало биться.

Цзянь хотел закричать, но дыхания не было. Он попытался шевельнуть руками, но они стали тяжелее железа — он

их вообще не чувствовал. Ноги словно вросли в землю. Он начал падать. На лице Луды гнев был смешан с изумлением, словно успех приема удивил самого мастера. Мир потемнел.

Тайши возникла из ниоткуда. Ее рука горизонтально полоснула Луду по лицу. Ручьем хлынула кровь, и Луда завопил, хватаясь за глаз. Тайши ударила его еще раз — ладонью в грудь, — и он снова проехал на спине через всю лужайку (не так давно безупречно подстриженную).

Она повернулась к Цзяню и коснулась синяков у него на груди. В ее глазах отразилась искренняя тревога. Она стремительно ударила юношу несколько раз двумя пальцами — в основание шеи, над сердцем, в солнечное сплетение. Затем Тайши перевернула Цзяня, и от сильного тычка в спину он полетел носом вперед. На губах у него выступила черная кровь. Вены как будто вспыхнули огнем. И тогда он наконец смог вздохнуть.

— Я... — и Цзянь запнулся.

Тайши придерживала его за плечи, чтобы он не упал.

— Я ведь велела тебе не выходить, мальчик.

— Я хотел вам помочь, — промямлил Цзянь, сомневаясь, что ему удалось проговорить это вслух.

Тайши отчасти отвела, отчасти отволокла его обратно на поляну, вовремя заметила по ту сторону мостика отряд Немых и втащила Цзяня в заросли.

— Вы... — тяжело дыша, спросил Цзянь, — вы сразитесь с ними?

— Я не в том настроении сейчас, чтобы драться с десятком тяжеловооруженных Немых, — ответила Тайши и, помедлив, добавила: — То есть... наверное, я могла бы, но не стану пробовать.

Она подтащила Цзяня к водопаду и тихо свистнула.

— Персик, ты здесь?

Из кустов выполз Фаару.

— Цзянь жив?

Увидев Фаару, юноша почувствовал боль — совсем как в ту минуту, когда его предал Хораши.

— Дядя Фаару в этом замешан? Он тоже желает моей смерти?

— Нет, глупый мальчишка. Это он предупредил меня и привел сюда. Фаару, как отсюда выбраться?

Тот указал на водопад.

— Он течет с гор. Если хватит сил, можно влезть наверх и сбежать.

Тайши с сомнением взглянула на Цзяня.

— Калека и мальчик... — Она покачала головой. — Что ж, придется рискнуть.

— Лучше поторопитесь, — сказал Фаару, направляя их к водопаду.

Тайши кивнула:

— Спасибо, Фаару. Я тебя недооценила. Ты хороший человек.

— Доставьте мальчика в безопасное место, мастер Линь. Дворцовый управитель посмотрел на Цзяня и поклонился.

— Это честь для меня, Вэнь Цзянь, герой пророчества Тяньди, воин пяти Поднебесных... мой мальчик.

Он произнес это слово совсем не так, как Тайши.

Цзянь, глотая слезы, неуклюже повалился в объятия Фаару.

— Я буду по вам скучать, — произнес он и всхлипнул.

Фаару тоже дрожал от рыданий. Он погладил Цзяня по голове.

— Живи долго и счастливо, сынок.

— Нам это не светит, если мы задержимся тут еще немного, — напомнила Тайши.

Она положила руку Цзяня себе на плечо и вспрыгнула на камень, затем на ветку, потом на выступ над водопадом. Юноша посмотрел вниз. Последнее, что он увидел, — это дядя Фаару, к которому приближались сразу трое Немых. Дворцовый управитель отчаянно замахал руками. И один из воинов ударил Фаару мечом.

Брызги водопада скрывали слезы Цзяня, пока Тайши лезла на верхушку утеса, крепко держа его за рубашку. Голова у юноши мотнулась, когда она взвалила его на каменный утес и потащила к устью водопада.

— Мне холодно, — шепнул он, стуча зубами.

Тайши уложила Цзяня наземь и прижалась ухом к груди.

— Я не намерена терять тебя сейчас, мальчик, раз уж я вошла в такие неприятности. Сейчас будет больно... — И она два раза резко нажала ему на шею и один раз на виски.

Цзянь потерял сознание.

Он не знал, сколько пролежал без памяти: несколько секунд или несколько часов. Открыв глаза, Цзянь увидел прямо над собой играющих в ночном небе Принца и Принцессу. Он весь вымок. Тайши, нависшая над ним, тоже.

Цзянь сел, открыл рот, и его тут же стошнило, судя по ощущениям, половиной реки. Пока он боролся за воздух, тело еще несколько раз скрутила судорога. Отчего-то оно не могло вытолкнуть из легких всю воду, и юноша начал захлебываться. Тайши перевернула его на бок. Она несколько раз похлопала Цзяня по спине, и он наконец выплюнул вторую половину реки.

Цзянь лег на спину. Ему понадобилось некоторое время, чтобы вновь посмотреть на Тайши.

— Мне нехорошо. Почему-то все тело немеет.

Она еще несколько раз нажала на нужные точки.

Цзянь сплюнул нечто черное.

— Что со мной такое?

— Негодяй Луда отравил твою кровь. Я замедлила действие удара, но надолго этих мер не хватит. Здесь я ничего не могу поделать.

— И что же со мной такое? — спросил Цзянь.

Вид у Тайши впервые сделался усталый и обреченный. Она беспомощно покачала головой.

— Прости, мальчик. Но ты умираешь.

Глава 9

Душа Хана

Сали ехала еще четыре дня. Днем она дремала, не сходя с лошади и позволяя своей смышленной савраске самой пробираться по неровным тропкам; девушка останавливалась ночью лишь на несколько часов, чтобы дать кобыле отдохнуть. Путешествовать в темноте было опасно. Густой полог листвы и стеблей заслонял свет Небесного семейства, погружая лес в непроглядный мрак. Но Сали старалась не терять бдительности всю ночь, внимательно глядя под ноги.

Даже днем тени и ямы подстерегали на каждом шагу. Кобыла несколько раз чуть не сломала ногу, а однажды они едва не утонули вместе, когда Сали направила ее прямо в промоину и обоих подхватило подводное течение.

Сали не нужно было забираться выше полога листвы, чтобы видеть звезды: Зов Хана служил надежным компасом. Чем ближе она подбиралась к месту, где покоилась его душа, тем сильнее становился Зов. Она всем телом чувствовала эту тягу. Последние несколько часов ей было труднее дышать — вдохи сделались мелкими и будто через силу. Сали пришлось стиснуть зубы, чтобы они не стучали. Желание совершить Возвращение поглощало ее. Сали лишь усилием воли держалась на ногах и двигалась вперед — шаг за шагом.

Верхушки зазубренных черных шпилей Шакры стали видны над зарослями вечером третьего дня, прежде чем сумерки успели превратить городские постройки в скрюченные силуэты. Сали не обращала внимания на боль в спине и в ногах; и она, и кобыла брели вперед, повинувшись только инстинкту.

На рассвете четвертого дня у Сали уходили все силы на то, чтобы держаться в седле. Было бы унижительно умереть, свалившись с лошади, в нескольких часах пути от места назначения. Не говоря уж о том, сколько трудностей будет у шаманов, потерявших часть души Хана. Сали

продолжала бездумно двигаться в том направлении, которое указывало биение в ее груди. Ей мерещились слабый свист и шипение, знакомый рев и лязг кузниц, утренние песнопения. Сали измучилась и была на грани бреда, она так отупела, что уже ничего не замечала. Этот шум казался ей эхом воспоминаний.

И потому она так легко попалась.

Только что она, согнувшись, сидела в седле — а в следующее мгновение ее окружил десяток одетых в черное воинов с мечами и высокими щитами. На лицах у них были татуировки, обозначающие количество убитых.

— Назовись, — приказал один из них.

Это были так называемые Копья Башен — или Стережущие Копья — личная армия шаманов, набранная из катуанцев всех племен. Главным качеством для них считались не столько боевые умения, сколько пылкая вера. Невзирая на свое название, Копья Башен никогда не пользовались копьями («Да и в башнях не сидели», — подумала Сали).

Она безразлично взглянула на них.

— Вовремя же вы меня нашли. Я чуть не свалилась вам на голову.

— Это Бросок Гадюки!

И не какой-то, а тот самый — первая среди семнадцати Бросков Гадюки. Впрочем, этот вопрос оставался спорным.

Командир отряда, узнавший Сали, отсалютовал, приложив кулак к груди.

— Ты почтила нас своим Возвращением, Воля Хана.

Остальные Копья Башен упали на колени.

Сали помнила, что значило ее положение для этих воинов, особенно в Шакре. Она постаралась сесть прямо и не казаться развалиной, как бы скверно она себя ни чувствовала.

— Я вернулась ради Перерождения, — произнесла она. — Ведите меня.

Командир подал знак своему отряду, и они выстроились вокруг нее, как почетный караул. Катуанские воины

придавали мало значения подобным знакам внимания. Стражи требовались лишь тем, кто не мог сам себя защитить. Наличие охраны означало, что человек либо слаб, либо так важен, что обычаем решили пренебречь ради общего блага. К Сали относилось и то и другое.

Стражи провели ее сквозь заросли травы, которая пожелтела, как после засухи. Это было невозможно, учитывая время года. И тут Сали поняла, почему трава кажется больной.

Растительность вокруг была смята гусеницами, испорчена длительным воздействием городских испарений, угнетена близостью людей.

— С каких пор мы оказались прикованы к земле? — пробормотала она.

Ответ Сали получила пару мгновений спустя. Они миновали еще несколько травяных куп, и она увидела огромный лагерь беженцев. Сали была потрясена. Перед ней тянулось целое поле срубленной и истоптанной травы. Его усеивали десятки костров. Люди жили в убогих шалашах и хижинах, которые беспорядочно лепились друг к другу. Одни теснились у огня. Другие бесцельно и уныло сидели на земле — обессиленные, с загнанным взглядом. Кучка босых и полуголых ребятишек играла в ручье. В воде плавал мусор. Море под ногами, должно быть, стонало от тяжести и горя.

Сали пришла в ярость.

— Огонь касается земли. Это святотатство.

Командир покачал головой. Ему тоже было неловко.

— Шаманы сделали некоторые послабления, чтобы облегчить людские тяготы.

Сали закрыла глаза. Прямо у нее на глазах происходило с полдесятка святотатственных действий. Видимо, дела и впрямь обстояли скверно, если шаманы смягчились. Тем не менее — вне зависимости от обстоятельств — это было неприемлемо.

Сали подумала: скоро она привлечет любопытные взгляды, и тогда весть о ее прибытии быстро разлетится. Люди

устремятся сюда толпами, чтобы посмотреть на нее. Воли Хана — числом двенадцать — представляли собой части его души и считались продолжением его существа. После смерти Хана обязанностью каждой Воли было вернуться и присоединиться к нему в месте его упокоения — в святилище Вечной топи. Только после их воссоединения Хан обретал целостность и мог успешно воплотиться в следующей жизни, чтобы и дальше вести свой народ к спасению.

Копья Башен принялись расчищать дорогу, но это было излишне. Несметная толпа расступилась перед Сали. Большинство — если не все — прижимали кулаки к сердцу, когда она проходила мимо. Сали отвечала тем же, неотрывно глядя вперед и избегая смотреть на жалких бедняков. Для человека ее положения было неприемлемо глазеть на простолюдинов.

Наконец, после мучительного прохода через лагерь беженцев, показался крайний кокон Шакры. Под ним толпа была еще плотнее, чем в поле. Казалось, большинство собравшихся чего-то ждали. Сали не знала, чего именно, пока сверху не опустился большой подъемник. Беженцы, до тех пор стоявшие спокойно, начали толкаться, отчаянно пытаясь занять на нем места.

Стражи, сопровождавшие Сали, тоже принялись толкаться, пуская в ход щиты и дубинки, чтобы разогнать людей. Поначалу толпа, казалось, одолевала, но постепенно Копьям Башен удалось ее оттеснить. Сали с раздражением прищелкнула языком. Как она ни старалась, трудно было не обращать внимания на скулеж и мольбы.

Стража остановилась у подъемника. Сали помогли слезть с лошади. Колени у нее подогнулись, когда она ступила наземь, но, опершись одновременно на лошадь и на командира отряда, она умудрилась все-таки не ткнуться носом в землю. Командир попытался помочь ей со снаряжением, но Сали решила, что этого не потерпит. Почетное сопровождение само по себе было позором. Если кто-то еще и понесет за нее вещи, она никогда не сможет

взглянуть в лицо подчиненным, не говоря уж о товарищах-Гадюках. Цзяминь не позволил бы Сали об этом забыть.

Она забросила суму на плечо, ласково похлопала кобылу и передала повод командиру отряда.

— Хорошая лошадь, но иногда горячится. Годится для путешествий, не для войны.

Командир кивнул, сжимая повод.

— Я прослежу, чтобы ее вознаградили хорошей работой, прежде чем она накормит своим мясом людей.

Катуанцы, за немногими исключениями, не приписывали личных черт ни животным, ни предметам. Кобылу просто называли бы кобылой, как и собаку — собакой. Любой инструмент, будь то лошадь, молоток или меч, просто выполнял свою задачу. Незачем было наделять его человеческими качествами.

Сали в последний раз почесала савраску за ушами. Ей нравилась компания этой лошади — терпеливого и кроткого создания, куда более покладистого, чем темпераментные и упрямые боевые кони, к которым привыкла Сали.

— Пусть твои плодотворные труды продолжатся, — сказала она лошади, повернувшись к кокону и остановилась. — И еще кое-что, командир. Не разводите больше костров на земле. Придумайте что-нибудь другое. Тяжелые времена не оправдание для святотатства.

Она медленно взошла на подъемник, чувствуя на себе взгляды сотен глаз и видя протянутые руки людей, которые молили о позволении сопроводить ее в город. И вновь Сали выразила уважение к сородичам, приложив кулак к груди.

Наверху ее ждал мужчина, сплошь заросший бородой. Сали улыбнулась и коснулась ладонью его щеки, он сделал то же самое. На мгновение их лбы соприкоснулись.

— Здравствуй, Джамса.

— Шакра радуется твоему Возвращению, Воля Хана.

— Перестань.

На лице бородача появилась кривая улыбка, и голос наконец зазвучал задушевно:

— Сали, дитя моего сердца, я скучал по тебе. Я боялся, что по пути домой с тобой что-то случилось.

— Последний годовой цикл всегда суров, шаман, — сухо ответила Сали. — Наш Хан выбрал не лучшее время, чтобы умереть.

— О да. Я рад, что ты блюдешь свои священные обеты, Сали.

А разве у нее был выбор?

Он жестом позвал ее за собой к веревочному мосту.

— Идем. Ты, наверное, устала. Перед ритуалом нужно отдохнуть.

— Сколько человек уже прибыло? — спросила она.

— Не считая четверых, которые скончались прежде Вечного Хана, трое сгинули, когда мы пытались вызволить его тело. Их так и не нашли — и, боюсь, не найдут. Искатели Души стараются изо всех сил, однако на поле боя страшный разор. Еще двое прибыли несколько недель назад и уже присоединились к Целому. Двое, не считая тебя, пока остаются в мире — Молари и Поли.

— Отведи меня к нему, — потребовала Сали.

Джамса поколебался.

— Ты проделала долгий путь. Удостою Шакру чести пустить тебя к своему очагу. Церемония может подождать несколько дней.

Сали покачала головой.

— В голове у меня такой стук, что зубы вот-вот вылетят. Мне не нужны почтительные зеваки. Я хочу одного — сегодня же вечером упокоиться с миром.

На лице шамана на мгновение мелькнула печаль. Он, казалось, уже собирался отказать — а потом кивнул.

— Твоя верность долгу делает честь тебе и покрывает позором меня, Воля Хана.

Джамса миновал вместе с ней крайний кокон, на котором, как и на анкарском коконе, находились стойла и караульня. На другом конце высились массивные башенные арбалеты. Сали всегда об этом жалела. Шакра была

вооружена лучше прочих городов, но, поскольку считалась святыней, никогда не участвовала в бою — во всяком случае, на памяти Сали. Разумеется, до создания Священной косы и войны с народами Чжун катуанские города порой сталкивались друг с другом и дрались, пока самый мощный не становился во главе племен Катуа.

Они перешли на следующий кокон, где стояли кузни и мастерская жестянщика. Отсюда мостик расходился на три стороны. Как во всех катуанских городах, каждый кокон ехал по Травяному морю на гусеницах, движимых паровыми механизмами, установленными на нижних ярусах. Все коканы были соединены, и жители могли перейти из одной части города в другую; при необходимости каждый кокон мог отделиться от соседних и вновь соединиться с ними, когда нужно.

Сали охватили воспоминания, пока они с Джамсой шли через Черный город. Вождь Незры, Фаалан, приходился Сали дядей, и в ее роду было немало Бросков Гадюки, поэтому Сали в детстве часто бывала в столице. Она вспомнила, как целыми днями бегала по этим самым мостикам с Цзямином, Мали и детьми других вождей. Они неудержимо хохотали, когда случайно опрокидывали тележки, и докучали стражам, гоняясь друг за другом по городу, напоминающему паутину. Бедная Мали всегда отставала. Сали признала, что нередко пренебрегала сестрой. Цзяминь, напротив, был неизменно заботлив и не забывал посадить Мали на закорки.

Это были счастливые времена, когда непрерывная война казалась такой далекой. Большинство товарищей детства Сали, как она сама, выбрали себе виски и пошли путем своего клана — а значит, многие из них уже были мертвы. Сали видела, как призраки прошлого, смеясь, носятся по городским мосткам, по которым она шла в одиночестве.

На следующих коконах стояли склады, казармы, служебные постройки, которые поддерживали в городе жизнь.

Чего не было, так это большого количества домов, в которых жили люди. Большинство жителей Шакры обитали не в ней, а рядом.

— Что случилось с Ханом? — спросила Сали, шагая по очередному веревочному мостику.

Выражение лица шамана поведало ей все, прежде чем он успел открыть рот.

— Ты же знаешь, что на Хана порой нападала тоска, — таково бремя бессмертия. Война постепенно истощает силы. В последние месяцы он то и дело пропадал на несколько дней. Мы ему не препятствовали, потому что... он всегда был чувствителен. Он нуждался в уединении, чтобы собраться с мыслями. Мы не вмешивались.

— И все-таки я не понимаю, каким образом мы за один годовой цикл лишились четырех городов. Это настоящее бедствие.

— Семи.

— Семи городов! — Сали запнулась и схватилась за перила, чтобы не упасть. — Как?

Джамса потупился и поник.

— Хан пропадал дольше обычного. Он забрел слишком близко к границам с землями Чжун. Наши люди наблюдали за ним, но держались на расстоянии. На него наткнулись чжунские дозорные...

Сали резко остановилась.

— Чжунские солдаты не могли победить Хана в бою.

Джамса понизил голос до шепота, хотя никого рядом не было:

— Он пил без продыху уже несколько дней. Когда чжунцы наткнулись на Хана, он едва стоял на ногах. Так мне сказали.

Сали закрыла глаза, скрипя зубами. Она ощутила вкус крови во рту.

— Значит, понадобилась всего лишь кучка чжунских мужланов, чтобы убить Вечного Хана.

Шаман кивнул:

— Мы напали на них, пытаюсь его спасти. Передовой отряд разбил чжунцев, однако враги перешли в наступление. Наши воины нагнали солдат, похитивших тело Хана, но и сами были перебиты чжунской армией. У нас не осталось выбора, кроме как повести в бой города.

— Мы никогда не могли одолеть чжунцев числом, — сказала Сали. — Почему вы не отступили, когда вам стало грозить поражение? — И тут до нее дошло: — Тело Хана. Линия не должна прерваться.

Джамса кивнул:

— Мы не могли отступить.

Катуанцы верили, что после смерти душа Хана вселяется в нового человека. Их священным долгом было отыскать того, кто стал сосудом для души Хана, и доставить его в святилище Вечной топи, чтобы завершить Перерождение. Только тогда Хан мог восстать, обрести свой естественный облик и вновь возглавить катуанские племена. Шаманы утверждали, что Хан окончательно умрет только в том случае, если его тело не вернется в храм. Тысячу лет династия Ханов не прерывалась, и Сали была рада, что прервется она не при ней. Пусть даже ее народ заплатил за это высокую цену.

Последний кокон занимали дом Совета и храмы. Сали приближалась к сердцу Шакры — и к смерти. Последние минуты ее жизни истекали. Она должна была ощущать покой. Она выполнила свой долг перед народом Катуга, и ей было обеспечено место среди предков на Колесе Жизни. В следующем воплощении она вернется совершеннее и лучше.

Тем не менее Сали не ощущала покоя. Как бы она ни пыталась выгнать этот вопрос из головы, сдерживаться она больше не могла. Сали должна была знать.

— Джамса, я не видела по пути сюда коконы Незры. Тебе известно, какова их судьба?

Ее голос звучал очень тихо.

Шаман поколебался.

— Сали, не кошунствуй.

Спрашивать об этом было запрещено, а шаману не позволялось отвечать. По традиции Воле Хана следовало избавиться от прошлого в день Возвращения, чтобы ее душа была чиста и свободна от всякого бремени. Цепляться за предыдущую жизнь значило обременить душу Хана во время Перерождения.

— Пожалуйста, названный отец, иначе я не успокоюсь. Если сегодня мне предстоит покинуть этот мир, я хочу знать о судьбе своей семьи.

Джамса, судя по всему, собирался ей отказать, но не смог противостоять решимости на лице Сали и ее отчаянному взгляду. Он отвернулся, скорбно скривив лицо, и тихо ответил:

— Сали, я предпочел бы избавить тебя от страданий, но старику не под силу отказать названной дочери в последнем желании. — Его голос дрогнул. — Во время битвы Незра пожертвовала собой, выдвинувшись вперед, чтобы заслонить наших людей, пока те искали тело Хана. Твой город понес самые тяжелые потери. Он был разбит и остался на поле боя. Незры больше нет. Мне жаль.

Сали не сразу поняла сказанное. Ее дом погиб. Сияющий изумрудный маяк никогда больше не зажжется. Бамбуковая плоть домов, изогнутые арки, многочисленные лестницы, ведущие к небесам. Если все ее сородичи пали, неужели она осталась последней, кто помнит Незру? А когда Сали соединится с Целым, значит, Незра будет позабыта?

Она закрыла глаза и попыталась удержать воспоминания, зная, что они наверняка исчезнут, когда ее душа сольется с Целым. Быть может, если она хорошенько напряжется, следующий Хан их сохранит.

— Все мои родичи мертвы? — спросила Сали.

— Насколько нам известно, — медленно произнес Джамса, — те жители Незры, кто пережил битву, погибли, сражаясь на городских стенах, или были взяты в плен. — Он помолчал и добавил: — Мне принадлежит честь сказать тебе, что твоя семья храбро билась до последнего, защищая свой дом.

Слова старого шамана казались до странности бессмысленными. Города редко участвовали в битвах, но, когда это происходило, сражались все. Не только воины шли в бой. На защиту города вставали даже старики и дети. Каждый знал свое место.

Сали кивнула:

— Спасибо, шаман. Теперь я могу совершить Возвращение спокойно.

Она солгала. Это было неважно. В ту минуту — в нескольких шагах от воссоединения с Целым — ничто уже не было важно. Кроме боли. Сали хотелось упасть на колени и заплакать. Ей хотелось схватить свой кнут, в одиночку помчаться к чжунцам и дать волю ненависти — насколько хватит сил, пока оседлые ее не убьют. Она хотела сделать хоть что-то, прежде чем войти в святилище Вечной топи и умереть. Но она ничего не могла — и все равно ничего не изменилось бы. Умереть и вернуться в Целое было необходимо, чтобы придать сил Хану, когда он продолжит свой бесконечный путь в следующей жизни.

Сали вздохнула и поборола горе.

— Я готова.

Джамса беспомощно взглянул на нее и произнес:

— Сали, милая, это небольшое утешение, но знай — Мали выжила. Ее захватили чжунские солдаты, когда вторглись в город.

Сали содрогнулась. Она должна была обрадоваться, узнав, что сестра жива. Как ни странно, она не обрадовалась. По крайней мере, до сих пор Сали думала, что Мали обрела покой и что они, возможно, встретятся в следующем воплощении. Но теперь она стояла на пороге иной жизни, а Мали осталась одна — в плену на чужой земле.

Сали и шаман молча перешли последний мост. Перед ними уходили в небо высокие черные шпильи святилища Вечной топи. Это место служило усыпальницей тридцати семи катуанским Ханам.

Сали была здесь только раз — и при виде святилища почувствовала ледяной ужас и трепет. Храм, высеченный из оникса, драгоценных камней и вантам, служил символом Перерождения. Здесь покоились тела Ханов, здесь испытывали и освящали сосуд перевоплощения. Это было самое высокое здание в Шакре, да и во всех катуанских городах. Святилище Вечной топи стояло в одиночестве и как будто поглощало свет. Оно казалось перенесенным из иного мира.

Джамса остановился у подножия храма и запрокинул голову. У него вырвался удовлетворенный вздох.

— Каждый раз, стоя в этом прекрасном месте, я ощущаю благоговение. Как нашим предкам удалось достичь такого величия?

На взгляд Сали, храм был ужасен — с массивным приземистым основанием и изогнутыми башнями, похожими на ветви больного дерева или щупальца раздавленного осьминога. Но Сали оставила свое мнение при себе.

— Он великолепен.

Они достигли входа в святилище Вечной топи — тяжелых дверей красного дерева, инкрустированных вантамом и хрусталем. Их громадность угнетала. Сали почувствовала себя ничтожно малых размеров.

Джамса повернулся к ней:

— Ты уверена, что не передумаешь? Когда ты войдешь в эту дверь, ритуал начнется, и обратной дороги не будет. Может, подождешь несколько дней? Позволь старику напоследок предаться воспоминаниям с названной дочерью.

— Мой долг стал бременем, которому я не могу противиться, — сказала Сали, покачав головой, и тяжело вздохнула. — И потом, для меня в этом мире ничего не осталось.

Шаман кивнул:

— Я понимаю. — Он взял ее за плечи и крепко обнял. — Твоя жертва не будет забыта. Твое Возвращение в Целое принесет удачу нашему народу и поможет Хану возродиться сильнее прежнего.

— До свиданья, названный отец. Я рада, что перед смертью вижу твое лицо.

Он улыбнулся:

— Моя милая Сали. Это не конец, а лишь переход. Когда мы встретимся в следующий раз, Искатель Души вновь познакомит тебя со мной.

Искатели Души. Люди, которые странствовали по Травяному морю в поисках очередного вместилища для души Вечного Хана. В детстве Сали часто воображала, как объявляет себя Искателем Души. Хотя положение Искателей считалось низким, о них рассказывали множество историй, воспламенявших воображение маленьких катуанцев. Никогда в жизни Сали не думала, что станет вместо этого частью души Хана. Судьба — странная штука.

Сали в последний раз обняла Джамсу и посмотрела на дверь усыпальницы. Как только она войдет, ее земная жизнь будет кончена. Как Воля Хана она должна присоединиться к остальным одиннадцати, и в следующей жизни Хана они продолжат существовать, как это происходило почти тысячу лет.

Сали сделала глубокий вдох и вошла. Внутри находился алтарь, уставленный курильницами, чашами с вином, золотыми блюдами, на которых лежали сушеные фрукты и вяленое мясо.

По другую сторону алтаря лежал — или, точнее, стоял — Вечный Хан, человек, который не мог умереть, но все-таки умер. Он покоился на поставленной наискось каменной плите. Позади стояло еще двенадцать плит. На четырех лежали мумии — Воли, которые скончались прежде Хана. Три плиты были отмечены — они принадлежали Волям, чьи тела не удалось найти и которым предстояло целую вечность искать обратную дорогу в Целое. На двух других лежали тела Шанки и Тришана.

Последние три плиты предназначались для Молари, Поли и, разумеется, Сали. Она решила занять пустую плиту в середине, подумав, что приятно будет лежать в окружении

друзей. Появилось несколько шаманов, но они держались в стороне, терпеливо ожидая, когда настанет время омыть ее и приготовить, прежде чем она выпьет нектар.

Сали закрыла глаза, думая о своем клане и о Незре, о сияющих окнах и зеленых паровых трубах. О хвостовых коконах, которые всегда двигались медленнее остальных. Об общих празднествах. А главное, о своей семье. О родителях, десятках двоюродных братьев и сестер, дядюшек и тетюшек. Все они погибли, защищая свой дом. И не желали бы себе иной судьбы.

Неизбежно она подумала и о Мали, младшей сестренке, которая никогда не годилась для битвы, — ее ум был приспособлен для иного. Теперь Мали томила в плену у злобных чжунцев. Сали неохотно признала, что ей от этого по-прежнему больно.

— Ты готова, Воля Хана? — спросил шаман.

Сали сделала глубокий вдох и посмотрела прямо перед собой.

— Оставьте меня. Дайте мне немного времени.

Четверо шаманов — старшему из них было не более двадцати, ровесник Мали, — казалось, сперва растерялись, но сердитый взгляд Сали заставил их торопливо отступить. Кланясь, они вышли. Дверь закрылась, и эхо сотрясло склеп.

Оставшись одна, Сали перестала притворяться. Она больше не нуждалась в том, чтобы изображать бесстрастную и могущественную представительницу Хана, быть его спокойным неумолимым голосом. Сали закрыла глаза и глубоко вздохнула, ощутив прохладное движение воздуха, в котором витал слабый запах пыли и бальзамических веществ. Здесь ей предстояло покоиться.

Она стояла неподвижно, сама не зная, какие чувства должна испытывать. Благоговение, веру, гордость? Довольна ли она была своими достижениями? Сали ощущала только пустоту внутри. Она как будто утратила целостность. Конечно, она не боялась смерти. Для катуанца умереть так же естественно, как проснуться поутру. Нет, что-то

еще ее удерживало. Казалось, что она еще чего-то не сделала в этой жизни. Чего-то не хватало, но она сама не понимала чего.

Но прямо сейчас, впрочем, она собиралась сбросить кое-какую тяжесть с души.

Сали подошла к телу Вечного Хана и приложила одну ладонь ко лбу, другую к груди. Мир и любовь — от ума и сердца.

— Здравствуй, Цзяминь. — А потом ударила мертвеца по щеке. — Ты. Слепой. Бестолковый. Самовлюбленный. Глупец. Как ты мог? Ну конечно, ты не удержался! Ты, такой могучий, всегда был хрупким. И вот, пожалуйста. Я даже не удивляюсь. Ведь мы оба знали, правда, Цзяминь? В глубине души я надеялась на лучшее, но ты подтвердил мою правоту.

Задышавшись от горя, она смотрела на Хана — бессмертного бога народа Катуга. На вождя всех катуанских племен, символ могущества, спасения и славы. На усталого мужчину, который тащил на плечах бремя нежеланной ответственности. На испуганного мальчика, на которого взвалили огромную тяжесть. На своего лучшего друга.

Чувства, которые она подавляла несколько недель — или даже лет, — взяли верх над Сали. Неужели теперь ей осталось только это?! Сали было больно, она горевала и плакала, а еще злилась на весь свет. Она едва сдерживалась, чтобы не смахнуть подношения с алтаря. Она избивала бы Цзяминя до полусмерти за то, что у него хватило наглости умереть. Сали хотела многое ему сказать. Наконец она могла это сделать.

Она погрозила Цзяминю пальцем.

— Ты не обязан был становиться Ханом. Ты имел право отказаться. Ты должен был отказаться.

Она покривила душой. Никто и никогда не отказывался от этой чести. Ни разу за тысячу лет. Это был не личный выбор, а судьба. Хана выбирали высшие силы еще до его рождения.

Но Сали все помнила. Она присутствовала там в тот день. Цзяминь очень хотел отказаться. Он уверял, что Искатели ошиблись. Они явились к нему домой и подтвердили его принадлежность к линии Хана вопреки всем указаниям звезд... но это не могло быть правдой. Он был недостаточно силен. Он не хотел этой чести. Неслыханно! Каждый катуанский мальчик, каждая девочка мечтали стать Ханом. Все, кроме Цзяминя. Тогда маленькая неопытная Сали подумала: раз он отнекивается, значит, точно достоин. Теперь она знала правду. Цзяминь был искренен, но никто ему не верил. И она не верила.

Сали всегда была рядом — она стала Волей Хана сразу вслед за братом Цзяминя. И вот он погиб, как и его народ, а скоро умрет и она. Потому что Цзяминь не сказал «нет». Она присоединится к нему, пусть даже их города разгромлены, а племена рассеяны и порабощены. Она бросит сородичей, как бросил их он. Сали знала, что это правда, пусть даже не рискнула бы упрекнуть Цзяминя вслух. Она понимала его как никто.

Она догадывалась, что гибель Цзяминя не была случайностью. Он всю жизнь боролся со своим положением. Физическое преображение, которому подвергались те, кто становился Ханом, исказило его ум и покрыло шрамами душу. Необходимость быть достойным своего титула, тяжелое бремя правления и огромная ответственность изменили мягкий нрав Цзяминя, и он нашел для себя выход, не задумываясь о последствиях. О гибели городов. О порабощении сородичей. Об исчезновении Катуа.

Все потому, что он не сказал «нет».

Сали вновь закрыла глаза. Она думала о Незре, о своем народе, о погибших родных, о Мали. Быть может, последней в их роду. Семья, которое, вероятно, никогда не даст ростка. Мали. Ее сестра была еще жива. Где-то там, в землях Чжун.

Время шло, и сердце в груди Сали грохотало.

Она открыла глаза. Все стало совершенно ясно.

Она обняла своего самого давнего и близкого друга и поцеловала его в губы.

— Я знаю, что должна сделать. Ты не смог отказаться, а я смогу. Я должна это исправить. Прости, что не присоединюсь к тебе, Цзяминь. Только не сейчас. Ты поймешь.

Сали повернулась и вышла из зала, который должен был стать местом ее упокоения. Она толчком открыла дверь, напугав ждавших ее Джамсу и шаманов.

Старший шаман ахнул:

— Сальминдэ, что ты делаешь? Обратной дороги нет. Ты должна остаться и исполнить свой долг как Воля...

— Я еще не закончила, — прервала Сали и зашагала прочь от храма, не оглядываясь. — Объявляю себя Искателем Души. Я отыщу следующего Хана.

Глава 10

Бегство

За время своей долгой и насыщенной жизни Тайши многое узнала, испытала и приобрела. Она владела редким и смертоносным умением и была одним из сильнейших военных искусников своей эпохи. Она могла скользить по воздуху, одним ударом разбить камень, послать шепот за сто шагов от себя. С большинством противников она бы справилась одной рукой — впрочем, выбора у нее все равно не было. Ее способность усмирять врагов с помощью боевого искусства и злого языка вошла в легенду. Что вообще в этом мире не под силу Тайши?!

Например, развести огонь.

Небо затянулось грозowymi тучами, и у Тайши было мрачное настроение. Она знать не желала, где находится Королева и ее треклятые дети. Тайши провела почти весь вечер в тени каменного уступа, поросшего колючими

грушевыми деревьями, пытаясь одной рукой высечь огонь. Два часа — и ни одной искры.

Тайши не испытывала такой досады с тех пор, как провела месяц, преследуя одного монаха-убийцу, и только после поимки обнаружила, что этот лысый толстяк не тот, кто ей нужен. Или с тех пор, как впервые встретилась с Ханом, и вместо смертного боя они занялись игрой в гляделки — оба простояли неподвижно четыре часа. Впрочем, эта стычка была напряженной и волнующей. Юное, безупречно сложенное тело. Черные бездонные глаза...

Тайши заставила себя вернуться к мерзкому, жалкому, мокрому настоящему и с отвращением отшвырнула кремни. Лучше бы она освоила умение воспламенять воздух! Один из ее бывших любовников, пухлый и веселый Чакан, это умел. Люди, жившие к западу от Шуланьских земель, практиковали военное искусство, которое было таким же причудливым, как татуировки, украшавшие их лица. Чакан мог воспламенить собственную руку; язычки огня начинали бегать по его телу, если ему того хотелось. Эта способность была не самой могучей и полезной, однако из нее получалось отличное развлечение на вечеринках. Правда, однажды, когда Чакан спьяну начал хвастаться, он сжег дотла летний дом высокопоставленного лауканского чиновника. Разумеется, Чакан бежал из Просвещенных государств, прихватив с собой пожитки Тайши из той комнаты, в которой они жили вместе. Больше о нем никто ничего не слышал. Лучше ему было и впредь считаться безвестно пропавшим. Приказ об аресте Чакана действовал четырнадцать лет, и срок еще не истек, хотя наверняка его это беспокоило меньше всего.

Тайши подняла голову. Тучи над головой зарокотали. С тех пор как Король ушел на отдых, резко похолодало. Несколько дождевых капель упали на траву рядом с укрытием, давая понять, что будет дальше. Без огня, без порядочного места для ночевки Тайши и Цзянь были обречены на еще одну тяжелую ночь.

Она признала, что плохо продумала план бегства. То есть вообще не продумала. Во-первых, Фаару чуть не опоздал. Тайши едва успела вовремя добраться до рожи — ей по пути то и дело приходилось останавливаться и спрашивать дорогу. Тайши обрушилась на телохранителей Цзяня в последнюю минуту. Иначе она... скорее всего, по-прежнему наслаждалась бы роскошью Небесного дворца, или сопровождала князя Саана, также ни в чем не нуждаясь, или жила в Облачных Столпах. Тайши стиснула зубы и оценивающе посмотрела на самодельное ложе из хвороста. Если так подумать...

Но она спасла Цзяня — и больше ни о чем вперед не задумывалась. У нее не было ни припасов, ни лошадей, ни укрытия... вообще ничего. Последние четыре дня они с мальчишкой двигались на северо-запад в направлении Облачных Столпов, но до дома было несколько сотен километров, так что, наверное, не то чтобы она всерьез рассчитывала до них добраться. Просто Тайши больше не знала, куда идти. В душе она удивлялась, что их до сих пор не схватили.

Ее взгляд упал на лицо Цзяня. Мальчик выглядел так безмятежно, почти невинно, когда спал под одеялом из сырого мха; он совсем не походил на рассеянного избалованного сопляка, которым становился по пробуждении. Тайши закрыла глаза и решила, что думать так о Цзяне несправедливо. Мальчик не виноват. Его всю жизнь пичкали лестью и ложью.

Но все-таки отчего она рискнула жизнью и репутацией, чтобы спасти Цзяня? Неблагодарный малец не умолкая ныл во время бегства. Предположим, защитить беспомощного мальчика от убийц — правильный поступок. Но мир полон зла. Люди умирают ежеминутно. Одним трупом больше. Почему она позволила себе ввязаться в эту историю?

Тайши всю дорогу пыталась осмыслить то, что произошло. Разум твердил, что мальчик все еще важен, даже если пророчество не сбылось. Если Хан действительно погиб, ничего не поделаешь. Но что, если пророчество означало нечто

большее — или если его с самого начала истолковывали неверно? В таком случае было глупо избавляться от Цзяня. Правители поступили непредусмотрительно, они больше думали о расходах и о том, что опасно оставлять живую легенду на воле. Живая легенда, окруженная поклонением, может сделаться могущественным врагом или орудием в руках соперника. Никто из правителей, за исключением разве что Саана, не верил на самом деле в пророчество Тяньди. Они согласились подыграть, только чтобы умиловить старого императора и успокоить суеверное простонародье.

Впрочем, Тайши спасла Цзяня не поэтому. Какое ей дело до глупых бредней старых монахов, накурившихся опиума? Для нее не имело никакого значения, сбудется пророчество или нет. Она по пальцам могла сосчитать оставшиеся годы. Во всяком случае, она могла сосчитать их дважды — по пальцам здоровой руки. У нее не осталось родственников, не осталось тех, о ком она бы заботилась, кого бы защищала. Если завтра она умрет, несколько военных искусников поднимут за мастера Линь чашу — и всё. Вот к чему свелось ее наследие.

Так зачем она, насквозь продрогшая, сидела здесь, на холодных камнях, защищая мальчика, до которого, по чести сказать, ей не было особого дела?

Тайши не хотелось это признавать, но настоящей причиной — единственной причиной, по которой она вздула мошенников-мастеров и навлекла на себя гнев всех пяти правителей Просвещенных государств, — был Сансо. Цзянь напоминал Тайши сына. Внешне они с Сансо сильно отличались, однако характеры у них был схожи — причем именно теми чертами, которые бесили Тайши до крайности. Оба были высокомерны и заносчивы, часто ныли, но в то же время были честны, горячи и иногда заботливы. А еще оба переоценивали свои способности.

— Зря ты так расчувствовалась, Тайши, — проворчала она. — Он не Сансо, и, что бы ты ни делала, ничего не изменится. Перестань тратить на него свое время.

Самым правильным и разумным было передать мальчика правителям и молить о пощаде. Возможно, просить также милости и для Цзяня. Несомненно, князя поймут, что следует оставить его в живых хотя бы на время. Подождать, пока все не убедятся, что пророчество не сбылось. Большинство правителей наверняка казнили бы Тайши за непослушание в назидание остальным, но Саан, быть может, выступил бы на ее стороне. В Просвещенных государствах поддержки одного из князей было вполне достаточно. Она еще могла все исправить...

Цзянь шевельнулся во сне. Тайши отвела прядь волос, щекотавшую ему нос.

Мальчик открыл глаза и уставился на ее вытянутую руку.

— Что вы делаете? Вы хотите меня съесть?

— Вздор какой, — огрызнулась Тайши. — С какой стати? Он кое-как сел.

— У вас голодный вид.

Тайши и правда умирала от голода.

— Я не питаюсь тухлыми яйцами. Хотя ты прав, перекусить бы не помешало. Идем, скоро будет дождь. Недавно мы миновали какую-то деревушку. Я хочу, чтоб сегодня ночью у нас была крыша над головой.

— А как же Немые?

— А что Немые? Ну, шевелись, мальчик.

Цзянь неохотно вышел из мохового кокона, застонал и потянулся. Ноги у него дрожали, как у новорожденного теленка, который учится ходить. Юноша сделал глубокий вдох и закашлялся. С губ полетели брызги черной крови. Крупно дрожа, он обхватил себя руками.

— Здесь так холодно...

Тайши пощупала его лоб. Мальчик пылал. Лицо у Цзяня было бледное и потное. Ему неуклонно становилось хуже. Иссиня-черные прожилки шли по шее, по груди, по рукам и ногам. Черная кровь уже убила бы его, если бы Тайши не замедляла ее ток нажатием нужных точек и накладыванием жгутов из ткани. Но этого было недостаточно.

Мальчик нуждался в настоящем целителе — и она рассчитывала найти помощь в деревушке.

Они двинулись обратно. Тайши следила за Цзянем, в то же время поглядывая на небо. Тучи становились все больше и темнее. Посматривала она и вокруг. Мальчишка был прав. О Немых забывать не следовало. Правители послали за беглецами целый отряд, и Тайши подозревала, что их не волновало состояние, в котором доставят ее и Цзяня.

Она узнала об этом в первый же вечер, когда, пытаясь купить лошадь в гостинице, подслушала разговор. Оказалось, что Немые остановились на ночь в одной из комнат наверху. Тайши и Цзянь быстро скрылись. На третий день, когда она спрятала Цзяня в заброшенной землянке и отправилась на поиски еды, она увидела, как двое Немых переходили реку. Тайши едва успела вернуться к Цзяню, забрать его и улизнуть. Но скрываться становилось все труднее.

Дождь пошел, едва показался поселок. Это была маленькая деревушка с шестью улочками в окружении рисовых полей. Тайши с подозрением оглядела низенькие домики. За пределами командорств и больших городов большинство поселков и деревень выглядели именно так. Забредать в маленькие поселения было особенно опасно: чужие там не ходили, поэтому новости о пришлых людях распространялись, как сифилис в военном лагере. Немые наверняка прочесали все места, где собирались люди, и уведомили местного старосту. Крестьяне не посмели бы навлечь на себя гнев личной стражи правителей Просвещенных государств.

Тайши предпочла бы держаться отсюда подальше. Она взглянула на своего подопечного. Под порывами ветра Цзянь неудержимо дрожал и дышал частыми мелкими вдохами; взгляд у него остекленел, ноги заплетались. Небо разверзлось, и дождь лил густыми полосами, пока беглецы переходили рисовое поле. Тайши приходилось поддерживать Цзяня. Дождь помогал прятаться, он превосходно укрывал их, пока они брели по открытому месту. Но мальчику нужна была крыша над головой, иначе, возможно, он не доживет до утра.

Они нашли укрытие под длинным навесом возле заброшенного свинарника. Цзянь застонал, когда Тайши обхватила его за плечи и оттащила в относительно сухой угол, где лежала куча грязного сена. Она вновь пощупала его лоб. Тайши по мере сил избегала встреч с людьми, но у нее не оставалось выбора. Неужели в деревушке не было никого, способного помочь Цзяню? Хоть коровьего лекаря, хоть повитухи, хоть знахаря-травника. Она согласилась бы даже на цирюльника, если он хоть немного разбирался в медицине.

— Перестань хныкать, — проговорила она, укладывая Цзяня.

Глаза у мальчика были закрыты, голова безвольно мотнулась вбок.

— Я пойду за помощью, — сказала Тайша, сама себе не веря. — Скоро вернусь.

Цзянь не ответил, он потерял сознание.

Тайши огляделась и потихоньку вышла на безлюдную улицу. В деревнях центром жизни служила таверна. В ней останавливались путешественники, туда сходились местные, чтобы выпить и посплетничать. Тайши понимала: если где-то и можно найти помощь, то только там. По крайней мере, в таверне она добудет еды.

Она ходила туда-сюда по улицам, пока не обнаружила дверь с вылинявшей вывеской, на которой было написано: «Еда». Стиснув зубы, Тайши отворила дверь и обнаружила битком набитый зал. Восемь круглых столов и скамья в дальнем углу были заняты крестьянами и торговцами, которые громко разговаривали, отчего казалось, будто людей в таверне гораздо больше. Пахло чесноком, имбирем, маслом, из кухни доносился запах жареного мяса, к которому неизбежно примешивалась вонь коровьего навоза и потных немытых тел, притиснутых друг к другу.

Все повернулись к двери и несколько мгновений смотрели на вошедшую. Тайши изо всех сил старалась выглядеть безобидной старушкой. Согнувшись, она заковыляла

в дальний конец зала, к ближайшему свободному месту на скамье. Четверо сидевших рядом крестьян поспешно отодвинулись. Вот вам и деревенское гостеприимство.

Впрочем, Тайши не нуждалась в компании. Она устроилась поудобнее и подала знак толстяку, который походил на трактирщика.

— Хозяин, поди сюда.

Краем глаза она заметила, что на нее продолжают пялиться.

Добродушный на вид толстяк приблизился и несколько раз быстро, хотя и смущенно поклонился.

— Чем могу служить, госпожа?

— Четыре порции горячих булочек. Что-нибудь мясное. Рис, завернутый в банановые листья. — Она помедлила. — И сладкие пышки, если вы их делаете.

Прищурившись, хозяин взглянул на нее:

— А деньги у вас есть?

Тайши побренчала связками медных монет, которые забрала у телохранителей Цзяня. Трактирщик неохотно подал знак такой же пухлой женщине, которая устремилась на кухню.

Сначала подали сладкие пышки. От запаха у Тайши подогнулись пальцы на ногах. Она немедленно сунула пышку в рот. Затем подали хлебцы на яичном желтке, свиную грудинку, лотос, батат и, наконец, булочки с красной фасолью. Тайши немедленно на все набросилась, оставляя по паре порций каждого блюда для Цзяня.

Жуя, она жестом велела трактирщику подойти. Не с первой попытки ей — с набитым ртом — удалось членораздельно выговорить:

— Добрый человек, мой внук заболел в пути. Сами понимаете, дождь, холод, насекомые. Нет ли в вашей славной деревушке лекаря? Я заплачу. — И она вновь побренчала монетами.

Глаза хозяина на мгновение расширились. Он поклонился, качая головой.

— Мне страшно жаль, госпожа, но в нашем убогом поселке нет лекарей. Ближайший живет в Цзяи, в шести часах езды на телеге. Прошу прощения.

Он отошел и заговорил с компанией молодых работников. Те поднялись и ушли, в зале стало просторней и чуть менее зловонно.

Цзяи. Одно из командорств княгини Сунри. Тайши и не догадывалась, что они подошли так близко к землям Каобу. Государство Каобу было самым маленьким из пяти — оно состояло лишь из четырех командорств, — зато княгиня владела самой большой армией. По сути, только солдат Каобу и производило. Сунри любила пересчитывать своих воинов, отправлять их на смерть, набирать новых. Лучше бы она нашла себе другое развлечение! Вся жизнь в ее государстве вращалась вокруг создания смертоносной армии. Тайши не сомневалась, что в командорствах Сунри — хорошо укрепленных и вооруженных — описания беглецов висели на каждой караулке. Так себе гостеприимство.

Тайши вновь поманила трактирщика.

— Ну хозяин, раз у вас нет лекаря, не знаешь ли ты человека, у которого можно было бы нанять повозку? Мой внук совсем расхворался.

Трактирщик с излишней поспешностью помотал головой.

— Простите, госпожа. Сами видите, какая погода на дворе.

Говорил он чересчур уклончиво. Резкие слова так и рвались с языка Тайши. Она уже собиралась задать этому собирателю яиц изрядную взбучку, как вдруг поняла, в чем дело. Тайши хлопнула ладонью по столу.

— Ты уже послал за ними.

Трактирщик смутился.

— Сюда приходил Немой. Он искал старуху и мальчика лет пятнадцати. Воин передал мне сигнальную ракету и велел известить их, если в округе появится кто-то подозрительный... — покачал он головой. — Мы мирные люди. Чуть что — княгиня нас уничтожит. Сами понимаете...

Тайши в этом не сомневалась. Сунри до совершенства довела искусство тирании. И все-таки...

— Может, ты подождешь хоть немного, прежде чем подать сигнал?

Послышался громкий хлопок, а за ним еще несколько потише — уж точно это был не дождь. Резкий желтоватый свет ударил в окно. Тайши вздохнула. Вот и всё.

— Прекрасно. Тогда хотя бы скажи им, что мы бежали на восток.

Он красноречиво взглянул на нее:

— Простите, госпожа. Они нам вырежут языки, если узнают, что мы соврали.

— Большое тебе спасибо, — буркнула Тайши, быстро встала и ссыпала оставшиеся булочки в корзинку.

— Рис будет готов вот-вот, госпожа. С вас причитается...

Трактирщик принялся считать, но Тайши устремила на него убийственный взгляд и прошла мимо, словно предлагая окружающим бросить ей вызов. Желающих не нашлось. Когда она приблизилась к двери, из кухни вышла полная женщина с рисом на тарелке из банановых листьев. Тайши прихватила и его заодно.

Она выбежала из трактира и устремилась к свинарнику, держась вплотную к стенам домов. Даже сквозь дождь Тайши чуяла запах серы от сигнальной ракеты. Если повезет, она заберет Цзяня и будет уже далеко, прежде чем явятся Немые...

Она почти добралась до свинарника, когда увидела группу всадников в черных плащах, которые галопом влетели в деревню. Тайши прыгнула, взлетела с потоком воздуха на ближайшую крышу и прижалась к черепице. Люди в черном описали круг и разделились. Она насчитала одиннадцать человек, среди них четыре женщины. Какая дискриминация.

Немые разделились: одна группа поехала в дальний конец поселка, а четверо направились к трактиру. Двое остались на дороге, ведущей к свинарнику, где спал Цзянь. Тайши лежала неподвижно и ждала, когда воины уйдут.

Они не уходили.

Время шло. Тайши не торопилась. В бою спешат только глупцы. Они либо усваивают урок, либо погибают в процессе. Немых было слишком много даже для нее, хотя, честно говоря, она не знала, хорошо ли они дерутся. Однако Тайши не горела желанием проверять, когда на кону стояла жизнь Цзяня.

Возможно, боги подавали ей знак, намекая, что надо бежать, пока голова цела. Тайши из всех сил старалась защитить мальчика, но она ничем не была ему обязана. Она выплатила свой долг государствам Чжун и потеряла на войне руку. Может быть, князья с самого начала были правы? Может быть, убив мальчишку, они избавились бы от большой опасности и сохранили мир между Просвещенными государствами? Может быть, правители вели себя благоразумно, а Тайши нет?

Судьба давала ей шанс выпутаться. Она положится на милость правителей. Или просто уедет домой и перестанет показываться на люди. Если они получат мальчишку, кому будет дело до однорукой старухи? Вероятно, ее повесят, если схватят, но уж точно поленятся долго выслеживать. В конце концов, до сих пор Тайши не совершила никакого тяжкого преступления. Строго говоря, расправа с телохранителями и наставниками Цзяня считалась лишь небольшим проступком. Но нанести удар Немому было все равно что нанести удар правителю. Этого бы Тайши не простили. Немые не знали жалости. Они охотились бы за ней до последнего.

Тайши очень хотелось пойти простым путем. Даже если ты один из лучших воинов своей эпохи, это еще не значит, что ты полностью избавлен от сомнений. Тайши чуть не поддалась страху, она уже собиралась слезть с крыши и сдаться, но тут перед ее мысленным взором встало лицо спящего Цзяня и начало расплываться — от слез или от дождя, лившегося с неба...

Вскоре вместо него возникло другое лицо.

Эти два мальчика так походили друг на друга. Тайши горячо любила Сансо и мирилась с его многочисленными недостатками, потому что он был ее сыном — и потому был безупречен. Молодой, талантливый, порывистый. Он нуждался в руководстве и защите, в том числе от самого себя. Тайши — в своей слепоте и гордыне — подвела сына так, как может подвести только любящая мать. У нее ничего не осталось, кроме воспоминаний и сожалений. И осознания того, что исправить совершенные ошибки невозможно.

До сих пор Тайши крепилась. Но вот-вот она должна была подвести еще одного мальчика, который нуждался в ее руководстве, — мальчика своенравного и избалованного. Однако в глубине души Тайши знала, что сердце у Цзяня доброе и он стоит спасения. И она чуть его не предала — потому что поддалась слабости.

Нет, она его не подведет. Только не теперь, когда предки смотрят на нее осуждающим взглядом.

Когда оба Немых — мужчина и женщина — отвернулись, Тайши послала по ветру крик, направив его подальше от своего укрытия. Из-за сильного дождя и ветра далеко он улететь не мог, но тем не менее фокус удался. Немые привстали на стременах, услышав женский голос на краю ближайшего рисового поля.

У них за спиной Тайши перелетела через улицу на порыве ветра, в спешке едва не потеряв равновесие и не врезавшись в деревянный забор. Это была бы крайне нелепая смерть. Тайши представила себе смешки при лунном дворе.

Ей удалось выправиться и, миновав забор, нырнуть под навес. Там она врезалась в кучу сена, разбросав его во все стороны. Тайши посмотрела сквозь развороченные кипы на улицу — не заметили ли чего-нибудь Немые? К счастью, дождь скрыл шум неудачного приземления. Немые продолжали осматривать рисовое поле, ища источник крика, который она отправила плясать на ветру.

Тайши подползла к неподвижно лежавшему Цзяню. Она боялась обнаружить труп, но, сунув палец мальчику

под нос, с облегчением ощутила дыхание, хотя и слабое. Накрыв Цзяню рот рукой, Тайши слегка его толкнула.

— Цзянь, мальчик мой, вставай. Надо идти. Здесь Немые.

Не с первого раза он проснулся и посмотрел на Тайши мутным взглядом. Затем на его лице появилась улыбка.

— Тайши, мне очень надо с вами поговорить. Я... я должен вам кое-что сказать.

У него заплетался язык.

— Не сейчас, — прошипела Тайши. — Здесь Немые. Нам надо уходить.

— Я должен вам что-то сказать, — упрямо повторил он. — Это не займет много времени. Это очень важно.

Она подавила рык. У них не было ни минуты лишней! Мальчишка явно бредил.

— Ладно. Только быстрее, пожалуйста.

Цзянь потянулся к ее уху.

— Я... я прошу прощения за то, что пытался вас убить.

Тайши замерла. Никогда еще Цзянь не был с ней так учтив. Честно говоря, она растрогалась — самую малость. А потом слегка похлопала его по щеке.

— Мило. А теперь поднимайся.

— Мне нездоровится.

— Плевать. Надо убираться отсюда.

Они поползли в противоположную сторону — прочь от стоявших на улице Немых, через деревянную калитку, по проулку. Дождь так и лил, заслоняя все вокруг. Выждав несколько мгновений, Тайши потащила Цзяня за собой через дорогу. Они двигались от укрытия к укрытию, пока не добрались к северной окраине деревни, а там притаились в щели между сараем и огромной цистерной для дождевой воды, из которой уже лилось через край.

Дорога, ведущая в холмы, казалась безлюдной, но впереди тянулись голые поля. Тайши хотелось положиться на удачу и броситься вперед, но благоразумие приказывало остаться на месте. И спустя несколько ударов сердца ее терпение было вознаграждено: двое Немых проехали мимо,

направляясь в дальний конец улочки. Вряд ли Тайши или Цзяню удалось бы пересечь поле, прежде чем их заметили бы и нагнали. Они оказались в ловушке. Немые должны были скоро обнаружить беглецов.

Если только она не убьет Немых. Тайши не знала, под силу ли ей это. Немые были тайным обществом. Слухи и легенды окутывали большинство их деяний. Немногие знали, как именно Немые сражались, поскольку мало кто переживал встречу с ними. Тайши признала, что ей интересно — и даже хочется — испытать Немых, проверить, достойны ли эти странные существа своей репутации. Впрочем, у нее, возможно, просто не оставалось выбора.

Сразиться с двоими немедленно или с одиннадцатью чуть позже, что означало верную смерть... Тайши приняла решение. Если повезет, они заберут лошадей и уедут, а затем до конца жизни будут озираться от каждого шороха. И это в лучшем случае. «А что, если...» Мысли Тайши прервало какое-то постукивание.

Она ткнула Цзяня под ребра.

— Тихо. Я слышу, как у тебя зубы лязгают.

— Ничего не могу поделать. Я промок и замерз.

Тайши достала булочку и сунула ему в рот.

— Не съдай всё сразу.

Конечно, он не удержался. Тайши его не винила. Она протянула Цзяню еще две булочки.

— Растяни их хотя бы на пять минут. А теперь — за мной. Мы поползем по канаве вдоль улицы. Я надеюсь убить этих двух Немых. Затем мы заберем лошадей и поскочим как можно быстрее. Понял?

Не дожидаясь согласия Цзяня, она двинулась вперед, перебежала грязную улочку и спустилась в канаву. Ледяная вода на дне доходила до колен. У Тайши тоже застучали зубы, когда ноги начали неметь от холода.

Досадно.

Она обернулась в то самое мгновение, когда Цзянь скатился в канаву и плюхнулся вниз головой в воду. Он вынырнул

с фырканием, и Тайши, прижав палец к губам, повела его за собой. Склон был крутым — они с Цзянем могли подкрасться к Немым вплотную, если бы тем не пришлось в голову заглянуть через край.

Достигнув намеченного места, Тайши стала ждать подходящего момента. Быстро отвлечь противника, а потом...

Цзянь потянул ее за рукав. Она повернулась.

— В чем дело?

— Я могу вам помочь.

— Нет, сиди здесь.

— Но...

Она зажала Цзяню рот рукой и выглянула из канавы. Немые смотрели в другую сторону — кто-то приближался к ним со стороны поселка. Тайши услышала стук копыт и скрип деревянных колес. Она вскарабкалась повыше, чтобы посмотреть. Немые остановили какую-то повозку. Вот неожиданность. Кто же пустился в путь в такую погоду?

Пора было начинать, но Тайши медлила. Расклад был не в ее пользу, даже если бы она застала врага врасплох. Если драка затянется, подспеют остальные. Поэтому она ждала, пока Немые, обыскав повозку, пропустят торговца.

Тайши подумала, что действовать надо иначе. Она махнула Цзяню, приказывая следовать за ней. Когда повозка приблизилась, она послала порыв воздуха к цистерне с дождевой водой. Огромная емкость с треском накренилась, и вода волной хлынула наземь.

Немые повернулись на шум. Тайши выдернула Цзяня из канавы и велела:

— Вперед!

Они вылезли на дорогу и побежали к фургону. Торговец едва успел открыть рот, когда Тайши впрыгнула в повозку и приставила ему к спине нож.

— Езжай дальше. И останешься жив.

Торговец, очевидно, хорошо знал, как вести себя при встрече с разбойниками. Как ни в чем не бывало он двинулся дальше. Дорога повернула и постепенно пошла вверх,

на холм. Но Тайши не убирала нож, пока деревушка не скрылась из виду.

Наконец она спрятала клинок в ножны.

— Спасибо, что не поднял тревогу, добрый человек.

Торговец взглянул на нее:

— Я сразу понял, что вы не станете меня грабить. Пожалуй, старовата ты для разбойника.

Тайши тут же захотелось пустить нож в дело. Она сдержалась.

— Мы не причиним тебе вреда. Мой внук...

Он вскинул руку.

— Нет-нет, я не желаю знать ваше имя, я не желаю знать вообще ничего! Полагаю, вы и есть те двое, которых ищут Немые? Чем меньше вы о себе говорите, тем лучше.

— Немые?

Торговец отрывисто рассмеялся.

— Ну, меня ваши дела не касаются, — сказал он, пожал плечами и отвернулся. — Потому-то я и решил уехать ночью, несмотря на погоду. Рядом с Молчаливой Смертью мне как-то не по себе. Там, где появились эти жуткие существа, я находиться не желаю... — Он помолчал и добавил: — Слушайте, вам что-то еще нужно или вы, наконец, слезете?

— Подвези нас.

Он вздохнул:

— Куда?

Тайши сама не знала. Как обычно, она ничего не рассчитала наперед. И поэтому выпалила первое, что пришло в голову:

— В Цзяи.

Торговец скривился:

— Это же в другую сторону. Но вы, похоже, не из стоворчивых. Учтите, в Цзяи нет ничего, кроме крепости и кучи военных школ. Торговцев там хоть отбавляй, а солдатня всегда платит вдвое меньше, чем я взял бы на рынке. У меня еще остались двенадцать мешков риса и пять

ящиков дынь. Я еду в Чэнси. Это в двух днях пути отсюда, но я вас туда отвезу.

— Мальчик не выдержит.

И тут ее настигло давно забытое воспоминание о Цзяи. Каждый раз, когда Тайши слышала это название, оно о чем-то ей напоминало. Нет, не о чем-то — о ком-то. На поверхность выплыло имя — Гуаньдо или Гуаньно. Это было давно, но всё же...

Тайши покачала головой.

— Нет. Нам нужно в Цзяи.

— А если я откажусь?

— Я пырну тебя в спину.

— Так себе благодарность, госпожа.

Она пожала плечами.

— Мальчик болен... — Тайши решила попробовать другую тактику: — Если отвезешь нас туда, получишь солидное вознаграждение.

Торговец недоверчиво взглянул на нее:

— Правда?

Тайши вновь пожала плечами.

— Возможно. Если да, вот ведь будет хорошо, не так ли?

Торговец вздохнул:

— Ну ладно.

Сзади слышался хруст. Оба обернулись и увидели, как Цзянь роется в мешке с грушами. Он поднял голову и взглянул на них вытаращенными глазами. Во рту у него была груша.

— Эй! — запротестовал торговец. — Вы, кажется, не собирались меня грабить?

Повозка добралась до Цзяи только к утру. Тайши вместе с Цзянем спрятались под мешками риса, между корзинами с капустой и тремя ящиками дынь. Состояние Цзяня ухудшилось от холода и сырости. У него началась лихорадка, губы стали лиловыми. Он тяжело дышал. Тайши прижимала юношу к себе, чтобы согреть, а повозка меж тем качалась и подсакивала на грязной, покрытой

рытвинами дороге. Тайши вконец измучилась, однако боялась заснуть. А вдруг она проснется рядом с трупом?

Она пощупала у Цзяня пульс.

— Еще немного, мальчик. Не вздумай сдаться.

Тесная щель в задней части фургона напомнила Тайши путешествие, которое она совершила много лет назад: совсем другое, но в то же время мучительно похожее. Не в повозке торговца, а на погребальной колеснице. Сан-со, такой же холодный на ощупь, как Цзянь, неподвижно лежал на деревянном столе и казался спящим. Тайши пролежала рядом с сыном весь путь до кладбища. Дорога тоже была скверной и ухабистой.

Очевидно, Тайши задремала. Проснувшись, она подумала, что торговец мог запросто убить их или выдать. Неподалеку слышались резкие голоса — очевидно, это были стражники, — и Тайши приятно удивилась, обнаружив, что еще свободна.

Торговец разговаривал со стражей. Они добрались до заставы? Приехали в Цзяи? Или он привез их прямо в ближайший гарнизон Каобу, чтобы получить награду? Была ли вообще назначена награда за поимку беглецов? По правде говоря, Тайши оскорбилась бы, узнав, что нет.

Она поежилась. Повозка была далеко не полная, и стражники сразу обнаружили бы их с Цзянем, если бы устроили обыск.

Время шло. Тайши почти не сомневалась, что торговец ее сдал. Она, в конце концов, захватила его повозку. Однако один из стражников сказал:

— Добро пожаловать в Цзяи. Гляди, не лезь куда не надо. И повозка тронулась с места.

Спустя некоторое время прикрывавшие их мешки риса отодвинулись, и показалась всклокоченная голова.

— Приехали. Теперь уйдете?

Тайши предпочла бы, чтобы он отвез ее именно туда, куда нужно, но даже у бесстыдства есть свои пределы. Она вылезла из повозки, таща на спине Цзяня.

— Спасибо, добрый человек. Прости, что принудила тебя силой.

Тот отмахнулся.

— Не стоит. Я все прекрасно понимаю. У самого двое сыновей. А мальчишка, похоже, совсем плох. Может, еще выкарабкается. — Торговец огляделся и со смирением произнес: — Полагаю, награды, которую вы мне посулили, не существует.

— Боюсь, что так, — призналась Тайши. — Если ты скажешь, как тебя зовут и где ты живешь...

Торговец замахал руками.

— Не обижайтесь, госпожа, но вас преследуют Немые. Уж лучше я не стану называть вам свое имя.

— Я тебя хорошо понимаю, — сказала Тайши и низко поклонилась. — Ты хороший человек.

Торговец кивнул:

— Полагаю, это и есть мое вознаграждение.

Вот и всё. Тайши принялась искать давнего знакомого, которого почти не помнила. На поиски ушло немного времени. В Цзяи были десятки школ военного искусства, и их владельцы повсюду вывешивали объявления. Достаточно было быстро их просмотреть, чтобы освежить память. Человека, которого она искала, звали Гуаньши, и он владел небольшой, но весьма уважаемой школой военных искусств в квартале под названием Розовый Гребень. Тайши проклинала каждый шаг: ей пришлось тащить спящего Цзяня на спине по узким грязным улочкам.

Цзяи походил на крепость — впрочем, так выглядели все командорства, игравшие в княжествах роль административных центров. Город был поделен на кварталы, обнесенные высокими стенами. Дома, стоявшие в лабиринте узких переулков, тесно лепились друг к другу. Король еще не показался на небе, но предутреннего света хватало, чтобы не заблудиться на пустых улицах, пусть даже большинство указателей выцвели и облупились. Навстречу

попадались только мальчишки-слуги, посланные за водой или съестными припасами.

Тайши перешла мост над сточной канавой и миновала переулок, где у стен лежали спящие. Запах напомнил ей, отчего она ненавидела города. Самое худшее в них — и Тайши подразумевала не мусор и не дерьмо — вечно валялось на улицах.

Король едва показался над горизонтом, когда Тайши и Цзянь достигли обнесенной стенами школы с огромной надписью, выведенной красными буквами над высокими воротами:

ЛУНСЯНЬСКАЯ СЕВЕРНАЯ ШКОЛА КУЛАЧНОГО БОЯ

Ниже буквами поменьше было написано:

НАШИ ВЫПУСКНИКИ НАРАСХВАТ. ПРИХОДИТЕ
НА БЕСПЛАТНЫЙ ПРОБНЫЙ УРОК!

— Бесплатный пробный урок, чтоб мне опаршиветь, — пробормотала Тайши. — Позорище.

Она уложила Цзяня в тени у двери и попыталась перепрыгнуть через наружную стену. Ей понадобились две попытки — первая прискорбно провалилась, потому что усталые мышцы отказались повиноваться как положено. При второй попытке Тайши поскользнулась на узкой черепице, которой был выложен верх стены. Сбив несколько штук коленями, она едва не упала и чудом уцепилась за стену. Скатившись на ту сторону, Тайши чуть не треснулась головой о кадку.

День не задался.

Тайши со стоном поднялась на ноги, сняла деревянный засов с ворот и втащила Цзяня во двор.

— Подожди здесь, — велела она, тяжело дыша. — Я разбужу...

Она опять забыла, как зовут мастера. Впрочем, неважно. Их знакомство было мимолетным и давним.

Она встала, свернула во внутренний двор и едва успела уклониться от куска дерева, летящего ей в голову. Тайши отступила, а юноша, вооруженный трехзвенным цепом, стремительно нанес еще несколько ударов, каждый из которых приходился на волосок от цели.

Многозвенный цеп был необычным оружием. Он плохо поддавался руке, поскольку состоял из трех соединенных между собой отрезков дерева. С точки зрения Тайши, если и было что-то бесполезнее парных мечей, то именно такой цеп. Как ни странно, юноша отлично с ним справлялся. Кроме того, Тайши выбилась из сил, а значит, предстояла серьезная стычка.

Впрочем, нет.

Обмен ударами продолжался еще несколько мгновений. От трехзвенного цеха сложно обороняться, поскольку неожиданный удар может прилететь с любой стороны. Руки юноши стремительно мелькали, превратившись в размытое пятно, отчего Тайши было еще труднее предугадывать его атаки. То ли он пустил в ход свою энергию ци, то ли глаза ее подводили. Несомненно, одна из штучек этого Гуань-как-его-там.

Тайши нашла брешь, когда противник попытался взять ее искалеченную руку в захват своим оружием. Не достигнув желаемого результата, он нахмурился, а Тайши меж тем перехватила одно звено цеха и стукнула им парня по голове. Тот попятился, потирая лоб.

А потом вновь принял боевую стойку.

— Ты совершила большую ошибку, воровка.

Резкие слова так и не сорвались с губ Тайши. Ей страшно этого не хотелось, но ради спасения Цзяня она заставляла себя повторить то, что сказал торговец:

— Мальчик, старовата я для воровства. Ступай и разбуди Гуаньнина.

Юноша недоуменно взглянул на нее.

— Гуаньпи... Гоньши... — Тайши сдалась. — Своего наставника. Иди и разбуди своего наставника, будь он неладен. Скорее.

Глава 11

Начать сначала

Цзянь помнил, как мастер Луда нанес ему смертельный удар в грудь — казалось, его вены враз наполнились кипящим маслом. После этого все было как в тумане. Цзянь порой мысленно извинялся перед бывшим учителем. Обычно никто не верил военным искусникам, заявлявшим, будто они владеют секретом смертельного удара. Из всех мастеров один только Луда хвастал таким знанием, а остальные безжалостно его высмеивали. Оказаться жертвой смертельного удара — малоприятный способ выяснить, что он действительно существует.

Почти все время бегства Цзянь то терял сознание, то приходил в себя. Он замерз и проголодался — и помнил, как Тайши регулярно тыкала его пальцами. В одну из редких минут ясности она объяснила, что нажимает на особые точки, замедляя течение дурной крови, которая может отравить его ци.

Остальные воспоминания Цзяня, касавшиеся бегства из дворца, представляли собой набор вспышек, странных событий, бывших то ли во сне, то ли наяву. Его погрузили под воду, и он чуть не захлебнулся. Он лежал во мху, и все тело у него пылало, а над головой гремел гром. Он спросил у Тайши: «Я умираю?» — и она ответила, что умирают только глупцы. Возможно, она просто пыталась приободрить Цзяня, однако ему, во всяком случае, это не помогло. Еще он помнил, как попросил прощения у Тайши за то, что пытался ее убить, а затем свалился в канаву. Что-то

из этого произошло на самом деле, но Цзянь не понимал, что именно. Потом все пропало, и юноше попеременно становилось то холодно, то жарко, как будто он уже умер и его швыряло из одного загробного мира в другой.

Жар и холод сменяли друг друга целую вечность, пока Цзянь вдруг не открыл глаза от ледяного прикосновения. Он попытался шевельнуться, но обнаружил, что его держат за запястья. Он хотел сесть, но крепкие руки ему не позволили. Он открыл рот, чтобы закричать. Кто-то сунул Цзяню в рот тряпку. Он все равно завопил.

Некоторое время он еще боролся, пока его глаза не привыкли к тусклому свету. Какая-то старуха — другая старуха, не Тайши — наклонилась над ним. Она поглаживала юношу по щеке и пристально смотрела ему в глаза. Затем она повернулась к молодой женщине, сидевшей с другой стороны.

— Держи голову крепче, чтобы он себя не ослепил.

Ослепил?! Цзянь заметался еще сильнее, но тут женщина на подняла руку и шлепнула его по носу, как непослушного пса.

— Перестань.

Глаза у Цзяня заслезились; он повиновался.

На старухе было нечто вроде белой ночной рубашки. Точнее, белое одеяние с черным воротником, ниспадавшее до самого пола. На макушке у нее, как корона, сидела простая черная шапочка. Женщина помоложе тоже была в белом, но поверх платья носила нечто вроде поварского фартука. Простая белая повязка удерживала пышные курчавые волосы, которые так и топорщились во все стороны.

Старуха внезапно достала несколько игл длиной с палец и принялась прокалывать их на открытом огне. У Цзяня глаза на лоб полезли. Она что, собиралась воткнуть их в него? Он снова попытался закричать сквозь кляп, но ничего не вышло, и он начал давиться.

— Осторожнее, — резко сказала старуха. — Я же велела не совать тряпку слишком глубоко. Он задохнется.

— Простите, мастер.

— Ладно, — с раздражением произнесла старуха. — Пойдем простым путем.

Она занесла одну из игл и уколола Цзяня меж глаз. Затем она вонзила еще несколько игл в быстрой последовательности — лоб, виски, брови, нос, нижняя челюсть. Руки у нее двигались так быстро, что Цзянь даже не успевал вскрикивать. Спустя несколько мгновений лицо у него онемело, щеки обвисли, челюсти застыли. Лицо утратило чувствительность.

— Так, — сказала старуха, с разных сторон заглядывая ему в глаза. — Сейчас будет неприятно.

Что?!

Хуже, чем было до сих пор?

Цзянь пытался сказать ей, чтобы она перестала, но губы у него не двигались. Он был совершенно беспомощен.

Женщина взяла в каждую руку по огромной игле, поднесла их к лицу Цзяня и вонзила в глаза. «Неприятно» — это она здорово преуменьшила. Голова у Цзяня взорвалась от боли, как будто он получил от Луды десяток смертельных ударов. Юноша даже успел подумать, что это интересный жизненный опыт — испытать столько боли и быть не в силах ее излить. Цзянь безмолвно вопил, как ему казалось, целые часы напролет, пока не лишился чувств от изнеможения.

Он сам не знал, сколько пролежал без сознания, а когда очнулся, вокруг царил мрак. Цзянь по-прежнему не мог ни двигаться, ни кричать, но, по крайней мере, слух у него действовал отменно.

— Он выживет, мастер иглоукалыватель?

Это, несомненно, был голос Тайши.

Старуха отозвалась:

— Надеюсь, что так. Пойдем утром. Яд уже распространился на печень и почки. К счастью, ци у мальчика сильна — необыкновенно сильна. Кем он вам приходится? Где вы его взяли?

— Так, нигде. Подобрала из жалости.

Целительница, казалось, ей не поверила.

— Все станет ясно завтра или послезавтра. Или он сядет и попросит еды, или вам придется платить за погребальную церемонию. Моя ученица за ним присмотрит.

В разговор вступил мужской голос:

— Спасибо, доктор Куи. Еще раз прошу прощения за то, что Синьдэ разбудил вас посреди ночи. Ручаюсь, больше этого не повторится. Я заплачу за выбитое окно.

— Ваш старший ученик ясно дал понять, что дело срочное, мастер Гуаньши. Ничего удивительного. Мальчику оставалось жить несколько часов. Однако я хочу с вас платы за лечение. Это была трудная работа, далеко выходящая за рамки нашего соглашения.

— Понимаю, — сказал Гуаньши без особого восторга. — Мастер Най, вы можете заплатить доктору?

— Нет, — коротко ответила Тайши.

Настала тишина.

— Ладно, — буркнул Гуаньши. — Поговорите с Чжао-суном перед уходом.

— Вы образец добродетели и щедрости, благородный мастер, — ответила мастер Куи. — Теперь слушай внимательно, ученица. Следи за температурой больного. Если любая часть его тела приобретет фиолетовый цвет, ослабь давление. Шесть игл на почки. Если он начнет зябнуть — три на сердце и на главные меридианы, чтобы открыть пути ци. Если появятся новые симптомы черной крови или кожа станет горячей, пошли за мной немедленно. Не пытайся исцелить его сама. Понятно?

— Да, мастер, — отозвался тонкий голос. — Я буду смотреть за ним, как мать родная.

Целительница фыркнула. Послышалось шарканье, прощальные слова, затихающие шаги. Цзянь решил, что остался один, но тут двое заговорили шепотом.

— Кто он все-таки такой, Тайши? — спросил мужчина. — Твой сын?

— Не говори глупостей. Я же сказала — просто мальчишка, над которым я сжалилась. На нас напали по дороге.

— Обыкновенные разбойники не владеют смертельным прикосновением. Чей это стиль?

— Неважно, Гуаньши. Ну, мы договорились?

— Ты просишь много, а предлагаешь мало.

— Значит, с годами я не изменилась. Спасибо, Гуаньши. Вижу, ты неплохо живешь. Школа, кажется, процветает.

— Дела идут хорошо. Однако посмотри на себя: легендарный мастер лунного двора.

— Легендарный и нищий. Я бы предпочла просто быть богатой.

— Приятно вновь видеть тебя, Тайши.

— Замолкни, Гуаньши.

Голоса затихли, и Цзянь оказался в полном одиночестве. На ход времени намекали только звуки вокруг: приглушенные голоса, потрескивание половиц, пение птиц за окном, треск сверчков в ночи.

Он снова заснул, но на сей раз сон перенес его в другое место. Он увидел незнакомого мужчину со шрамом поперек губ и лысую женщину с кожей цвета миндаля, огромными глазами и ртом, раскрытым в несмолкаемом немом вопле. Цзянь помнил, что был счастлив. Потом он остался один. Тогда юноша моргнул, и все вокруг пропало. Затем он увидел Хораши — свое первое воспоминание, своего первого друга. Верного, испытанного телохранителя, который пытался его убить.

Цзянь моргнул в последний раз и увидел себя нищим на улице. В деревянной миске с водой, стоящей у его ног, отражалось постаревшее от усталости лицо. Глубокие морщины говорили о трудной жизни. О бессмысленно прожитых годах.

Он продолжал погружаться и всплывать. Иногда ему снилось, что он бодрствует, иногда — что спит. Проснувшись, Цзянь прислушивался и опять засыпал, просыпался

и задремывал снова. Пять или шесть раз он засыпал в темноте. Наконец Цзянь открыл глаза и увидел свет.

Перед глазами все плыло. Он не видел ничего, кроме коричневых, зеленых и белых пятен. Потом возникло что-то синее и очень яркое и принялось тыкать ему в голову, по ощущению, крошечными ножичками. Цзянь открыл рот и поморщился — горло болело от жажды. Он попытался понять, где же находится. Кое-как ему удалось сосредоточиться.

Он лежал в бедно обставленной комнате. Деревянная дверь. Стена с оконцами под потолком. Справа — маленький столик. На столе — простой кувшин для воды. Цзянь устался на него, чувствуя, что в горле совсем пересохло. Девушка в белом платье дремала за столом, опустив голову на руки. Свалившаяся шапочка ученицы лежала рядом, почти скрытая рассыпавшимися прядями черных волос.

— Воды, — с трудом выговорил Цзянь. — Пить.

Девушка не шевелилась.

Нужно было напиться самому. Цзянь приподнялся и с удивлением обнаружил, что руки у него свободны. Он с трудом сел и потянулся к кувшину. Ему почти удалось схватить его за ручку, но тут он потерял равновесие и рухнул с кровати.

По комнате разнесся стон. По крайней мере, Цзянь вновь обрел возможность издавать звуки.

— Эй, — хрипло проговорил он. — Девчонка, помоги. Воды.

Девушка открыла глаза и подняла голову. Ученица целительницы оказалась примерно ровесницей Цзяня. У нее были тонкие черты лица и светлая кожа. Она зевнула, посмотрела на пустую постель, потом на пациента, растянувшегося на полу.

— Меня зовут не «девчонка», а Михе, — ответила она и вновь закрыла глаза.

Цзянь хотел схватиться за стол и встать, но ноги и руки не слушались.

Он сдался.

— Воды. Михе, я хочу пить.

Та поинтересовалась, не открывая глаз:

— Я похожа на служанку?

— Ты плохой врач. Твоя обязанность — ухаживать за мной.

— Ты ведь жив, не так ли?

Цзянь наконец вспомнил волшебное слово:

— Пожалуйста, Михе, дай мне попить.

Девушка открыла глаза и сразу просияла.

— Конечно.

Она протянула руку и подала ему кувшин.

Цзянь жадно пил, обливая шею и грудь водой. Он глотал и глотал, даже не дыша, а потом, опустив кувшин, привалился к кровати. Его грудь тяжело вздымалась.

— Помоги мне лечь.

Михе взглянула на него, сдвинув брови.

— Ты так хорошо начал...

— Пожалуйста.

Она схватила Цзяня за руку и помогла ему сесть на постель. Он уже собирался повалиться на подушки, но Михе его удержала.

— Осторожнее. В тебе по-прежнему сорок шесть иголок.

— Что?!

— Как думаешь, почему ты до сих пор жив? Мастер Куи выкачала яд из твоего тела и очистила ци. — Михе оцупала лоб Цзяня и поправила несколько иголок. — Лихорадка еще не прошла. Сейчас, сейчас...

— Разве твоя наставница не велела позвать ее, если я буду горячим?

Михе кивнула и тут же ткнула его иголкой. Цзянь взвизгивал и вздрагивал от каждого укола, но, во всяком случае, то, что делала девушка, помогало. Озноб быстро прошел, и ему стало легче. Когда она поправила иголки у него на лице, перед глазами наконец перестало плыть. Ученица

доктора Куи была мала ростом, с детским личиком и типичной чжунской внешностью: светлая кожа, черные вьющиеся волосы под белой шапочкой, маленький нос, яркие большие глаза, подчеркнутые очками в проволочной оправе. На щеках у девушки цвела россыпь веснушек, а брови сдвигались каждый раз, когда она шурилась, что бывало нередко.

Она все возилась с Цзянем, когда на пороге возникла еще одна фигура.

— Ага, он очнулся. Три дня на возвращение в мир живых. Ты проиграла, Михе.

— Третий день не считается, пока Король не начал спускаться. Это ты должен угостить меня обедом, — добродушно отозвалась Михе, высунув язык.

Возможно, дело было в скудном освещении, однако Цзяню показалось, что лицо девушки слегка помрачнело. Она как будто чуть смутилась, но сыпала словами все так же быстро.

— Я не помню точные условия нашего договора, но вполне доверяю твоей памяти, — с улыбкой ответил молодой человек. — И потом, надлежит быть учтивым и щедрым с тем, кто тебя латает.

Михе указала на Цзяня.

— Этот сопьяк мог бы кое-чему у тебя поучиться.

— Не сомневаюсь, скоро так и будет, если то, что я слышал, — правда.

Молодой человек повернулся к двери и крикнул:

— Эй, Гвайя, скажи мастеру Най, что он очнулся.

— Да, старший ученик, — донеслось из-за двери.

— Вы заключили пари на мою смерть? — уточнил Цзянь, чувствуя себя слегка оскорбленным.

И кто такой мастер Най?

Юноша, вошедший в комнату, был высоким и широкоплечим. Держался он уверенно. Лицо у него было длинное и узкое, с решительным подбородком и властным взглядом, который, казалось, хотел притянуть к себе все

внимание. Цзянь сам не знал, испытывать ему досаду или страх при виде человека столь приятной наружности. Он ощутил невольное желание подружиться с этим юношей.

Тот присел, чтобы их глаза оказались на одном уровне, и поклонился, коснувшись кулаком одной руки открытой ладони другой.

— Мы рады, что ты выкарабкался, дружище. Меня зовут Синьдэ. Я старший ученик Лунсяньской школы военного искусства. Ты, наверное, голоден?

— Да нет... — пробормотал Цзянь, солгав.

Он умирал от голода и хотел пить, однако ровные зубы Синьдэ, его ясная улыбка и дружелюбный вид отчего-то встревожили Цзяня.

Синьдэ недоуменно взглянул на него:

— Все-таки я не понимаю, отчего к тебе применили смертельное касание. Это прием очень высокого разряда.

Цзянь ощутил досаду. Неужели он недостоин покушения?

— Да будет тебе известно, что ты обращаешься к геро...

— Гиро, — позвала Тайши, быстро входя в комнату.

Взгляда, который она бросила на него, было достаточно. Цзянь замолчал, а Тайши сделала вид, будто хлопчет над ним.

— Я боялась, что лихорадка не пройдет. Ты выглядишь уже гораздо лучше. Тетя Най чуть с ума не сошла от беспокойства. Скоро ты встанешь!

На тот случай, если он не понял намека, Тайши сильно ущипнула Цзяня за руку. Над ухом у него прозвучал шепот:

— Не говори никому, кто ты такой. Я собиралась сказать, что тебя зовут Люй Ханхуо, но Люй Гиро тоже сойдет. Не болтай лишнего и подыграй мне!

— Я себя хорошо чувствую, — медленно произнес Цзянь. — Спасибо, мастер...

— Най, тупица, — донеслось шипение из воздуха.

— Най, — договорил Цзянь.

— Ученица Михе, будь так добра, позови свою наставницу, — попросила Тайши. — Старший ученик Синьдэ, пожалуйста, попроси мастера Гуаньши прийти.

Девушка поклонилась.

— Хорошо, мастер Най. Присмотрите, чтобы он не трогал иголки на лице.

Как только они остались вдвоем, Тайши схватила Цзяня за плечи.

— Слушай внимательно, мальчик. Больше я не могу тебя защищать. Никто не должен знать, кто ты такой. Стань невидимкой. Никем. Это единственный способ спасти свою шкуру.

Цзяню вдруг сделалось очень грустно.

— Разве вы не останетесь со мной?

Тайши покачала головой.

— Не могу, Цзянь. Молчаливая Смерть не сдается. Мне нужно увести отсюда Немых. А ты должен укрыться здесь, в безопасном месте.

— Но вы обещали меня учить.

Тайши отвела взгляд, и на мгновение на ее лице отразилась неподдельная боль.

— Да. Прости. Это невозможно. Военному искусству тебя будет учить Гуаньши. Он хороший человек.

— Но я хочу, чтоб меня учили вы!

— Так будет лучше. В любом случае я плохой наставник.

— Неправда, неправда!

Впервые на памяти Цзяня Тайши дала волю чувствам. Она обвила его здоровой рукой и притянула к себе.

— Не говори глупостей, мальчик. Теперь твоя жизнь в твоих руках. Пророчество не властно над тобой. Нет стен, которые тебя удерживают. Ты получил второй шанс. Будь свободен, Цзянь.

На глазах у него выступили слезы. Цзянь всхлипнул.

— Прости, что был плохим учеником.

— Ты не виноват, мальчик, — сказала Тайши и тут же добавила: — То есть, конечно, над тобой нужно поработать, сынок, но речь сейчас не об этом.

Даже в минуту печали она оставалась прямой и открытой:

— Послушай. Отныне ты сам решаешь, какой будет твоя жизнь. Избери свое предназначение.

— Но я хочу остаться с вами! — взмолился Цзянь. — Пожалуйста, не уходите. Все меня покинули! Вы мой единственный друг!

В коридоре зазвучали шаги.

Тайши быстро прошептала:

— Я буду часто тебя навещать. Обещаю. А теперь слушай внимательно. Что бы ни случилось, никто не должен знать, кто ты такой. Для всех ты бывший крестьянин, уличный мальчишка. Ты не обучен военному искусству. А потому ни при каких обстоятельствах не выказывай своих умений. Ты несведущий новичок. Понимаешь? От этого зависит твоя жизнь.

В комнату вошел рослый пожилой мужчина с мягким полным лицом и необыкновенно густыми бровями. Несомненно, это и был хозяин школы. Белые волосы, собранные в аккуратный пучок на затылке, были одного цвета с одеянием.

Мастер кивнул Тайши и сел рядом с Цзянем.

— Здравствуй, мальчик.

Почему все упорно называли его мальчиком?

— Я мастер Гуаньши Канью. Чаще меня зовут просто Гуаньши, — продолжал мужчина. — Мастер... Най уведомила меня, что ты желаешь обучаться в Лунсяньской школе военного искусства. Она говорит, что платить за обучение ты не можешь, но готов отрабатывать свое содержание как слуга. Твоими обязанностями будет помогать на кухне, стирать одежду каждый вечер и прибирать во дворе. Ты будешь повиноваться наставникам, старшим ученикам и слугам и делать то, что тебе велят: все, что понадобится школе. Это нелегкая жизнь, однако твое будущее будет обеспечено. Через десять лет срок договора истечет. Ты согласен?

Цзянь толком не понял, о каком договоре речь, но ему это не понравилось. Он уже хотел отказаться, когда кто-то

сильно щелкнул его по уху. Он вздрогнул и поднес руку к голове, однако ничего не обнаружил. Тайши стояла в другом конце комнаты и смотрела в никуда.

— Да, мастер Гуаньши, — неохотно произнес Цзянь. — Я согласен.

— Очень хорошо. Как тебя зовут?

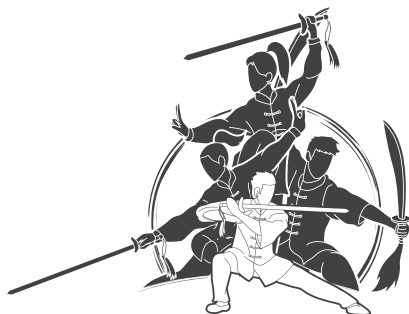
Цзянь, у которого все еще голова шла кругом, принялся перебирать свои многочисленные имена:

— Лю... Люй Чи... Люй Гиро, мастер.

— Младший ученик Люй Гиро, подойди и поклонись своему учителю.

Цзяня передернуло от этого приказа. Он в жизни никому не кланялся. Юноша вновь посмотрел на Тайши. Та выжидающе глядела на него. Вэнь Цзянь не кланялся никому, но Люй Гиро был безродным уличным оборванцем, беглым батраком, который привык унижаться. Поэтому Цзянь прикусил губу, стиснул зубы и опустился на колени. Несколько мгновений он смотрел на своего нового наставника, а затем склонился головой к полу.

— Мастер Гуаньши.

ДЕЙСТВИЕ 2

Глава 12

В промежутке

В дверях молитвенного зала появилась пожилая чета, и на пол легли длинные тени. Ли Мори, прищурившись, наблюдал за тем, как они положили деньги в вазу для приношений. Пара казалась знакомой — скорее всего, постоянные прихожане, надевшие в честь молитвы Десятого дня праздничные наряды, которые носили не один десяток лет. Настоятелю следовало знать их имена, но в последнее время столько всего произошло, что у Ли Мори и без того голова была забита.

Он безуспешно рылся в памяти вплоть до того мгновения, когда они подковыляли к нему и низко поклонились.

— Со святым днем вас, настоятель.

Мори сложил ладони вместе и произнес обычную фразу:

— Добро пожаловать, верные дети Тяньди.

После недолгой утомительно скучной беседы о погоде, урожае, новой и старой жизни и единении после смерти пара направилась в дальний конец зала, к огромной Небесной мозаике Тяньди, изображавшей небеса, землю и преисподнюю. Там они достали цветные палочки благовоний из стоящих в три ряда у левой стены ваз. Мужчина выбрал серую, женщина — коричневую и зеленую. Он был

болен, а она молилась об удаче и обильном урожае. Они опустились на колени перед мозаикой и стали тихо читать молитвы, кланяясь и помахивая зажженными палочками.

Мори дал знак ближайшему послушнику:

— Принеси этим верным подушки.

Послушник, который стоял, прислонившись к колонне и глядя в пространство, несколько раз тупо моргнул, прежде чем ответить:

— Сейчас, настоятель.

Двигался он вяло и почти так же медленно, как пожилая чета. В горле у Мори заклокотал неодобрительный рык. Полгода назад за такую наглость он бы надавал щенку хлыстом по заднице. Полгода назад мир был совершенно другим.

Пожилая чета дошла лишь до второй молитвы. Мори много лет служил Тяньди и точно знал, сколько времени большинство верующих проводит у мозаики. У этих двоих чтение молитв должно было занять некоторое время, и он воспользовался этой возможностью, чтобы выйти из храма и немного погреться под теплыми лучами Короля.

Зимой сильные порывы горного ветра обдували плато. Вдобавок массивная крыша перехватывала потоки воздуха и устремляла их внутрь здания, превращая молитвенный зал в воздушную трубу. Сквозняк леденит кости и гасил свечи, которые должны были гореть в течение всего Десятого дня. Послушники вели непрерывный и неравный бой с ветром, поддерживая огонь. Зодчий, строивший этот зал, очевидно, не принял во внимание обычаи Десятого дня, ну, или просто хотел всех помучить.

Мори подошел к дверям и обменялся кивками с Солумом, служителем культа Ханьсу, сторожившим вход — или, точнее, вазу с приношениями.

— Как наши дела сегодня?

Солум заглянул в недра вазы и вздохнул.

Мори криво улыбнулся:

— Придется подзатыгнуть пояса.

Здоровенный воин-монах вскинул руку и сжал ладонь размером с мужскую голову в кулак.

— Послушникам полезно поголодать, — поспешно добавил Мори.

Он похлопал воинственного монаха по плечу, так что зазвенел десяток железных колец, украшавших предплечье Солума, и вышел. Весна второго цикла наконец настала, и с ней пришли дожди, таяние снегов и новая жизнь. На храмовых лужайках под ветром уже шевелилась свежая травка. На деревьях, росших вокруг монастыря, распустились цветы. Горные ветра колебали ветви, вздымая в воздух вихрь вишневых лепестков и осыпая землю белым и розовым конфетти. В пруду резвилось гусиное семейство; два журавля, верные возлюбленные, изящно скользили в воздухе на огромных крыльях.

Такие хорошие дни были редкостью, и даже божества вряд ли могли сделать их еще прекраснее. Мори любовался почти безлюдным храмовым двором. С его губ сорвался долгий тяжелый вздох.

— Всё пошло прахом.

Молитва Десятого дня всегда затягивалась на целый день, а иногда и до глубокой ночи. Полгода назад левая сторона двора была битком забита простолюдинами, выстроившимися в очередь, которая змеилась до самых ворот. Правую половину занимала менее плотная, но такая же деловитая толпа купцов, мастеров, книжников. Обеспеченные люди могли уплатить необходимый взнос и быстрее попасть в молитвенный зал. Наконец, самая короткая очередь, идущая между рядами вишневых деревьев, предназначалась для знати — для тех, кто не только мог заплатить за скорость, но и занимал высокую должность и обладал особым влиянием.

Теперь и вовсе не было нужды в очередях. Монахи считали удачей, если молитва Десятого дня продолжалась хотя бы до полудня. Мори посмотрел на водяные часы, свисавшие с шеста посередине двора. Сегодня молитва продлилась лишь два часа после удара гонга, знаменующего ее начало. Если столь резкое сокращение числа

верующих — а главное, потока приношений — произошло в храме Тяньди в Возане, столице Шуланя, самого благочестивого княжества, значит, та же беда постигла все Просвещенные государства.

Мори размышлял об упадке своей религии, когда его отвлек детский смех. Он увидел большую семью с пятью ребяташками, которые весело болтали и гонялись друг за другом по лестнице. Настоятель поморщился. Но лучше так, чем казаться вконец подавленным. Родители — мелкая знать, судя по одежде и по тому, что им удалось прокормить и вырастить столько детей, — смеялись, глядя, как незадачливая нянька пытается собрать малышей.

Дети пробежали мимо Мори к Солуму. Служители Ханьсу всегда привлекали детей. Разве могли обычные монахи, пусть даже и сам настоятель, соперничать с этими рослыми мускулистыми воинами, чьи руки, подобные древесным стволам, были унижены железными кольцами? По этой самой причине служителей Ханьсу во время публичных церемоний ставили на виду, рядом с вазой для приношений. Там, где толпились дети, скоро появлялись и их родители с деньгами наготове.

Мори наблюдал за тем, как старшие поравнялись со своим выводком. Обеспокоенная мать небрежным жестом велела няньке собрать ребятшек, а отец сделал скромное пожертвование. Мори презрительно фыркнул при виде кошелька для мелочи; поджав губы и опустив глаза, он смотрел вслед мужчине, спешившему вдогонку за семьей. Они прошли мимо настоятеля, даже не поклонившись. Мори не обижался на то, что знать не обращала на него внимания. Богачи демонстрировали преданность Тяньди, делая щедрые жертвования, а бедняки выражали свою любовь с помощью благочестия.

Поскольку Мори был настоятелем храма, второе беспокоило его больше всего. Тихий голос в глубине души упрекал его за кошунственные мысли, но правда есть правда... особенно в такие... интересные времена. То, что

некогда было торжественным и всеми ожидаемым событием, превратилось в забытый пережиток, о котором помнили только самые набожные люди. Мори делал все возможное, чтобы поддерживать религию Тяньди. Будучи настоятелем, он отвечал за три десятка монахов, примерно шестьдесят послушников и двоих братьев Ханьсу. В последние месяцы бегство из монастыря достигло небывалых масштабов. Мори должен был стать тем камнем, о который разбивались бы волны сомнения в эту нелегкую пору.

Проведя большую часть дня за окормлением немногочисленной паствы, Мори вернулся в храмовое святилище. Называть свои покои святилищем было, конечно, воплощенным тщеславием, но по традиции настоятели всегда обитали в самом сердце храма. Святилище состояло из небольшой гостиной, молитвенной комнаты и спальни, совмещенной с рабочей комнатой. Для монаха оно считалось просторным, но по светским меркам было очень скромным.

Мори остановился у шкафа с напитками и обозрел коллекцию фруктовых и цветочных вод. Это было одно из многочисленных излишеств, которые он позволял себе в своей суровой во всех остальных отношениях жизни. Мори достал кувшин с лимонной водой, понюхал и передумал. Ничто его не привлекало. Душа требовала напитка покрепче. Мори отогнал неуместные мысли. В последнее время настоятеля все чаще посещали кошунственные мечтания.

Едва он успел сесть за стол, как в дверь постучал Тахан — послушник, которого он послал за подушками. Теперь юноша вел себя куда пристойнее. Он аккуратно водрузил на стол настоятеля вазу с приношениями, сложил руки и энергично поклонился. Днем Мори не поленился сделать молодому человеку суровый выговор и в качестве наказания поставил его на колени носом в угол.

— Чем еще я могу услужить Тяньди, настоятель? — спросил послушник, вытягиваясь в струнку.

Мори скрыл улыбку, уткнувшись в бумаги на столе.

— Молитвенный зал?

— Вымыт и вычищен. Свечи убрали, вазы заново наполнили благовониями.

— Двор?

— Выметен дочиста. Братья Нан и Грамо любезно помогли мне.

Если бы он забыл упомянуть о собратях, Мори бы его непременно выдрал. Настоятель придвинул вазу ближе.

— Можешь отдыхать, но не забудь на рассвете приступить к послушанию на кухне...

Он принялся, подозрительно сузил глаза и вспыхнул гневом:

— Ты нарушил обеты Тяньди, послушник?

Это не было вопросом. Взгляд Мори словно говорил: «Только попробуй солгать».

— Я... — Тахан побелел. — Я... брат Нан принес немного сливового вина... я...

Мори движением брови заставил юношу замолчать. Вести себя дерзко при трудных обстоятельствах — одно дело, а нарушить обет воздержания — совсем другое. Он инстинктивно потянулся за хлыстом, который лежал возле стола.

Тахан упал на колени; по его лицу ручьями текли слезы.

— Простите меня, настоятель! В последнее время было так тяжело — с тех самых пор, как пророчество оказалось ложным. Я в растерянности. Не знаю, кому верить...

Юноша шмыгнул носом и зарыдал, содрогаясь всем телом.

Мори крепко сжал рукоятку хлыста. Он разделял чувства Тахана. Если даже настоятель, посвятивший свою жизнь Тяньди, сомневался, чего ожидать от послушника? Он отложил хлыст.

— Я понимаю твои сомнения. Для Тяньди настали трудные времена. Мы должны оставаться твердыми в вере и не забывать о божественном промысле.

— Да, но пророчество...

— Ты слишком много думаешь об исходе пророчества, дитя мое, тогда как следует думать о его задаче, — негромко

произнес Мори. — Пророчество Тяньди — просто инструмент. Божества воспользовались им как маяком, чтобы сплотить верных. Пророчество привело нас к победе над врагами. Если предназначение Тяньди в том, чтобы возвысить и объединить земли Чжун, значит, пророчество оправдало себя сверх всякой меры.

— Значит, неважно, что Вечный Хан был убит не героем пяти Поднебесных?

Мори кивнул:

— Изначальная цель пророчества исполнилась. Просвещенные государства одержали победу. Они высятся в центре мира на зависть всем. Теперь пророчество дает нам еще одну возможность приблизиться к Тяньди. Просвещения достигают путем неудач.

— Победу добывают путем поражений, — подхватил Тахан, и на лице послушника замешательство постепенно сменилось благоговением. — Значит, пророчество было нарушено намеренно? Крах пророчества — это вовсе не крах, а испытание веры?

Ну да, вроде того.

Мори сам не знал, во что верить, но хороший монах должен сочувствовать людским страхам и тревогам, а хороший настоятель — управлять ими. Мори считался очень хорошим настоятелем. Он ободряюще положил руку на плечо юноши.

— Тяньди дает тебе возможность превратить свою слабость в силу. Я хочу, чтобы ты отправился к брату Нану и брату Грамо. Яви им крепость своей веры. Забери у них греховные напитки и приведи обоих сюда.

— Я так и сделаю, настоятель, обязательно. Спасибо, спасибо! — воскликнул Тахан, низко кланяясь. — Я справлюсь! Я больше не подведу вас!

Послушник убежал и вскоре вернулся, ведя за собой товарищей. Все трое несли семь бутылочек со сливовым вином и две чашки. Мори терпел, пока они ползали у его ног, умоляя о прощении и обещая следовать путем Небесного

семейства... ну и так далее. Ему пришлось скрыть усмешку. Он, конечно, был настоятелем одного из самых больших храмов в Просвещенных государствах, но это еще не делало его святым. Нельзя сказать, что их слова не имели никакого смысла. Просто все происходящее было предсказуемо и утомительно. Мори полагал, что избыток благочестия только мешает.

Настоятель дождался, когда послушники перестанут каяться, после чего отослал их. Оставшись один в святилище, он повалился в кресло и уставился на ряд бутылочек с вином, стоящих на столе. Он уже собирался отправить их на свалку, но помедлил. Его взгляд перебежал на полку с ароматной водой, потом опять на стол. После того как эта мысль угнездилась в голове Мори, избавиться от нее стало невозможно. Он еще несколько минут смотрел на вино — и наконец сдался.

— Только один глоток. Тяньди простит, — пробормотал он, вытаскивая пробку.

Запах наводил на мысль, что содержимое бутылки годится и как лошадиная отравка, и как смазка для колес. Мори налил немного вина в чашку. От первого — за очень долгое время — глотка по телу пробежала дрожь. Последующие глотки дались гораздо проще. Как будто не было всех этих лет.

Из шкафа вышла фигура в темном одеянии.

— Намерен пить один или поделишься?

Зрелище незнакомца в святилище совершенно не смутило Мори. Он не впервые столкнулся с наемным убийцей. Борьба за влияние внутри братства Тяньди была на удивление жестокой. Мори швырнул в незваного гостя чашкой и бросился к двуручной боевой палице, стоявшей в углу. Ему уже много лет не доводилось братья за оружие, и увесистая палица оказалась тяжелее, чем он думал, — взмахнув ею, он чуть не надорвал поясницу.

— Это священная земля, друг, — произнес Мори. — Прошу тебя подумать о своей душе и...

Неподвижная фигура в плаще небрежно отмахнулась. Палица в руке Мори повернулась, стукнула его в лоб и сшибла с ног.

Ошеломленный, пораженный, Мори с трудом поднялся и, цепляясь за стенку, стал звать на помощь:

— Чужой в святилище! Брат Солум, ко мне! Помогите, помогите!

Кто-то шепнул ему на ухо:

— Если ты дорожишь жизнью служителя Ханьсу, держи рот закрытым, о моя осенняя орхидея.

В памяти Мори ожили несколько полузабытых воспоминаний. Воспоминаний из другой жизни. Только один человек на свете сравнивал его с орхидеей — красивой, требующей тщательного ухода, очень хрупкой. Только один человек умел говорить с ним, словно обращаясь напрямую к его душе.

Он ахнул.

— Тайши! Во имя Тяньди, неужели это ты?

Из темноты выплыло знакомое лицо.

— Здравствуй, Мори. Минувшие годы заставили нас позабыть друг о друге. А ты полысел.

Кровь прилила к его щекам, сердце забилось чаще. На губах Тайши играла та самая улыбка. Именно такой она и жила в памяти Мори. За столько лет Тайши не удалось придать своей улыбке дружелюбный вид. Старость коснулась и ее, но не лишила красоты. Тайши по-прежнему была великолепна.

Помимо загнанных в недра памяти воспоминаний, впрочем, Мори охватила и паника. Расстались они не в лучших отношениях, а нрав Тайши, во всяком случае в те времена, вошел в легенду.

Дошли до него и пугающие известия о ее участии в падении пророчества. По слухам, Тайши была повинна в исчезновении мальчика. Мори не желал верить сплетням, но, поразмыслив, он признал, что похищение Предреченного героя — штука вполне в духе Тайши. Охваченный

нерешительностью, он уставился на гостью. В некотором смысле он предпочел бы столкнуться с наемным убийцей.

Тайши нарушила молчание первой:

— Я здесь не для того, чтобы убить тебя, Мори.

Ну хоть что-то. Мори немного успокоился.

— Пусть у меня для этого и есть все причины.

Настоятель снова заволновался и подумал, не кликнуть ли Солума, однако служитель Ханьсу вряд ли одолел бы легендарную Линь Тайши. Тогда Мори прибег к другой тактике:

— Я рад, что ты явилась не за моей головой. Однако мы так и не помирились.

Тогда она по-настоящему улыбнулась — но тут же посерьезнела. Вид у Тайши был такой, словно она раскусила какую-то гадость.

— Мне нужна твоя помощь.

Мори был заинтригован. Тайши, которую он помнил, не любила просить о помощи. Он указал на кресло.

— Устраивайся.

Она приняла его приглашение, взяла одну из тыквенных бутылей, понюхала, поморщилась, но тем не менее налила вина в чашку. А потом взглянула на Мори и наполнила вторую.

Мори сел.

— Не откажусь. В память о старых вре...

Дверь святилища слетела с петель, перевернулась в воздухе и разбилась в щепки, ударившись о противоположную стену. Солум ворвался с оглушительным ревом, прихватив с собой дверную раму. Воинственный монах, тяжело дыша и брэнча железными кольцами, обвел комнату гневным взглядом и наконец уставился на Тайши и Мори, невозмутимо сидевших за столом. Грозный вид сменился выражением замешательства. Солум посмотрел на Тайши, на настоятеля, на бутылки с вином... вытаращив глаза, он вновь взглянул на Мори. Увиденное его явно потрясло.

— Настоятель?.. — произнес он низким дрожащим голосом, слишком робким для обладателя такой внушительной фигуры.

Мори изо всех сил старался сохранять спокойствие.

— Мои извинения, добрый брат Солум. Давняя знакомая почтила меня неожиданным визитом. Моя приятельница...

— Най, — безмятежно подсказала Тайши и улыбнулась Солуму. — Най Роха.

— Моя добрая приятельница госпожа Най испугала меня, только и всего.

— Ваша знакомая, которую вы приняли за убийцу, навещает вас в храмовом святилище в часы правления Королевы, когда двери храма заперты на ночь? — уточнил Солум, нахмурившись.

Он, очевидно, собирался прийти к неприемлемому выводу.

— Можно и так сказать, — буркнул Мори, а вслух произнес: — Всё в порядке, мой усердный брат. Я не хотел никого тревожить. Ступай.

Солум подозрительно смотрел на него и, казалось, собирался возразить, но потом все-таки сомкнул ладони и поклонился.

— Как скажете, настоятель. — Он повернулся к Тайши. — Хорошего вечера, госпожа.

В его голосе явно звучало неодобрение.

Мори очень хотелось попросить Солума не уходить далеко, но вряд ли он мог это сделать, не возбудив подозрений. Он с легкой тревогой наблюдал за тем, как служитель Ханьсу поклонился вновь и неохотно вышел. К счастью, двери в святилище больше не было, и ничто не помешало бы настоятелю позвать на помощь.

Когда они опять остались вдвоем, Мори повернулся к Тайши:

— Прежде чем помочь тебе, я обязан спросить: это правда?

Тайши фыркнула:

— Что именно? Что я убила Предреченного героя и утопила тело в Травяном море? Что я нарочно солгала правителям и сбила Цзяня с пути ради собственной выгоды? Что я развратила и соблазнила юного героя и заставила обратиться против своего народа? Что устроила побоище в Небесном дворце и истребила всех мастеров? Выбирай.

Надолго воцарилось неловкое молчание.

— Так это правда? — наконец повторил Мори.

— Нет! — отрезала Тайши и быстро оговорила: — Ну, за исключением побоища. Возможно, я и впрямь убила кое-кого из его недостойных наставников во время нашего бегства... — Она нахмурилась и добавила: — Но не всех!

— Значит, ты разрушила пророчество?

— Не говори глупостей. Этому бестолковому ослу — я имею в виду Хана — выпустили кишки, потому что он бежал по лесу один с голым задом.

В течение следующего часа Тайши рассказывала о том, что произошло в Небесном дворце полгода назад. Как наставники героя, пользуясь своим положением, скверно обучали Цзяня. Как после смерти Хана правители решили убить мальчика, чтобы он не достался никому. Как они свалили всё на Тайши, чтобы скрыть его исчезновение.

Когда она закончила, Мори еще долго сидел и обдумывал услышанное.

— То есть ты все-таки несешь ответственность за случившееся, в том числе за исчезновение героя пяти Поднебесных.

— Я его спасла, — огрызнулась Тайши. — Правители мелочны и непредусмотрительны. Они видели только фигурку, которую нужно снять с доски в ходе игры за золотую мантию.

— Но если пророчество разрушено, что толку в мальчике?

— А вдруг судьбе он еще нужен? Мы ни в чем не можем быть уверены. С того света не возвращаются. До тех пор надо его оберегать. Вот почему я прошу тебя о помощи.

Мори обдумал ее слова. Он не сомневался в рассказе Тайши. Она, возможно, и впрямь совершила преступления, в которых ее обвиняли, но в глубине души Мори знал, что у женщины, которую он некогда любил, на всё были благие причины. Однако женщина, сидевшая с ним за столом, давно уже не была той женщиной, которую он когда-то любил. Мори растерялся.

— Чем я могу помочь легендарной изгнаннице Линь Тайши?

Угол губ у Тайши вздернулся. Пристально глядя на Мори, она отхлебнула вина прямо из бутылки, облизнула губы, словно пытаясь избавиться от дурного привкуса, и вытерла рот рукавом.

— Мори, я хочу дознаться, отчего пророчество не сбылось. Я должна понять, почему оно нарушилось так явно и нет ли способов его выправить.

Мори уставился на нее так, словно на лбу у Тайши внезапно открылся третий глаз.

— Что выправить? Вечный Хан мертв, а Просвещенные государства одержали победу. Чего еще тут можно желать?

Тайши подалась вперед и ткнула его пальцем.

— Я объездила все Просвещенные государства, Мори. Я видела последствия гибели Хана. Правители отвлеклись от орд Катуга и вспомнили друг о друге. Солдаты скучают и хотят чем-то заняться — это опасное желание. Люди отворачиваются от Тяньди толпами. Разве это похоже на сбывшееся пророчество? Разве так выглядит эпоха мира, процветания и просвещения, которая должна была наступить после его исполнения? Или все просто пошло вкривь и вкось? По крайней мере, я хочу твердо убедиться, что Вэнь Цзянь больше не нужен Тяньди.

В том, что говорила Тайши, была своя правда, но ее слова отражали и недостаток веры. Мори забрал у нее тыквенную бутылку.

— С чего ты решила, что я могу ответить на твои вопросы, Тайши? Если бы я знал, где пролегает истинный

путь, я рассказывал бы об этом людям, проповедовал при всех пяти дворах и озарял Просвещенные государства светом правды, вместо того чтобы сидеть здесь и тратить время на наглых послушников и преступных любовниц.

Тайши стиснула зубы.

— Ты настоятель самого большого храма в Просвещенных государствах. Разве тебе самому не хочется получить ответы?

— Мне не нужны ответы, у меня есть вера, — ответил Мори и налил себе вина. — Ты никогда не думала о том, что таков был промысел Тяньди с самого начала? Соединить нас с помощью пророчества сотни лет назад, когда мы отчаянно в этом нуждались? А теперь, когда все сплочены...

Тайши выбила чашку, которую он поднес к губам.

— Я хорошо тебя знаю — и знаю, когда ты врешь. Я не из тех олухов, которым можно скормить эту околесицу.

Время вовсе не смягчило Тайши. Мори подобрал чашку, вздохнул при виде пятна на ковре и устремил на гостью взгляд, которым обычно одаривал послушников, нуждавшихся в строгом выговоре.

— Если хочешь моего совета — вот он. Успокойся. Божественное действует само по себе. Если пророчество нарушено, значит, такова воля Тяньди. Пусть река судьбы течет, как ей надо. Всё к лучшему.

— Правда? — голос Тайши зазвучал резче. — Скажи мне, Мори, как дела в вашем прекрасном храме с тех пор, как стало известно, что Хан погиб, а спаситель Чжун бесследно исчез? Люди толпами идут послушать ваши мудрые поучения и получить благословение Тяньди?

— Верующим трудно пережить перемену, — признал Мори и не сумел подавить вздох.

Тайши впиалась в него пронизывающим взглядом карих глаз.

— Этот тупоголовый Вечный Хан, бессмертный правитель диких катуанских орд, бич народов Чжун, пожирающий младенцев, безвременно пал от рук какого-то

низкорощенного солдата, вооруженного острой палкой! Но как?! Как можно убить бога? Целая религия, многовековое поклонение, сотни храмов, тысячи верующих — всё во славу пророчества, которое развеялось... — она ткнула пальцем вверх, — когда Хану в зад воткнули копье. Его смерть погубила не только Катуга, но и Тяньди. Кто будет чтить религию, сердцевина которой оказалась ложной, не говоря уж о том, чтобы давать вам деньги?

Мори не мог с ней спорить. Он часто говорил, что обнаружение героя пяти Поднебесных не пойдет их религии на пользу. И оказался прав. Настоятель обратился открытые ладони к небу.

— Будь что будет. Наши судьбы в руках небес. Как и все испытания, это пройдет. Вера ходит по кругу. Люди обращаются к религии в тяжелые времена и отвергаются в пору процветания. Впервые за много веков Просвещенные государства живут мирно и богатеют, однако удача подобна приливу. Начнутся неурожаи, природа явит свой нрав, и чжунцы вновь примутся воевать.

Тайши фыркнула:

— Государства жиреют благодаря рабскому труду катуанцев.

— Кабальный договор — это всего лишь справедливое возмещение ущерба.

Тайши презрительно сплюнула.

— Кабальный договор. Слышал бы ты себя. Какие только отговорки не придумывают люди, чтобы оправдать свои зверства.

— К сожалению, благородные и мудрые князья не спросили совета у монахов Тяньди, когда обсуждали условия мира, — сухо отозвался Мори. — Более того, они проявили милосердие. Один из катуанских городов в течение годового цикла отрабатывает убытки одному из наших. Это не так уж трудно.

— Милосердие! — воскликнула Тайши. — Я проезжала через Гиянь в начале года, когда в Алланта прибыл город

Дзёмэй. Янсо потребовал, чтобы его княжество обслужили первым. Катуанцы сплошной толпой двигались по Киубийской дороге, и следы гусениц тянулись до горизонта. Мужчин, женщин и детей согнали, как скот, разоружили и отправили в загоны. В загоны, Мори. Следующие три месяца их заставляли работать на полях — копать, сажать, собирать урожай. Они трудились как рабы от рассвета до заката под бдительным оком солдат, которые стегали их кнутами и били палками. Я видела мужчин, которые рыли землю голыми руками, потому что солдаты боялись дать им лопаты. Я видела женщин, которых заставляли трудиться на мельницах целыми днями без отдыха. Даже дети... — глаза Тайши заблестели от слез, — дети вместо лошадей таскали повозки. Впроголодь и без передышки — а за работу им платили жалкие медяки. Катуанцы — гордые люди, воины. А мы, просвещенные чжунцы, унижаем их и обращаемся с ними, как с животными, только потому, что победили, а еще потому, что мы злы и мстительны! Дешевый принудительный труд — вот источник нашего богатства! Где тут рука Тяньди?

Мори, почувствовавший себя неуютно, поерзал.

— Я не знал...

Он слышал разное, но предпочитал считать все это сплетнями. Культ Тяньди воспрещал рабство, оно было объявлено незаконным, как только религия достигла расцвета, но его место быстро заняла кабальная служба. С точки зрения Тайши, разница между тем и другим была несущественной.

Тайши дрожала от сдерживаемых чувств.

— Катуанцы убили моих братьев, и почти десять лет я воевала с ними, отчаянно надеясь добиться мира. Но теперь... мне невыносимо смотреть на то, что делают с этими бедолагами!

Лишь глубоким вздохом она выразила свой гнев.

Мори мало что знал о жизни Тайши, за исключением слухов да песен, повествующих о ее подвигах. Она порвала

с ним, когда он полностью посвятил себя Тяньди, и, к его глубокому разочарованию и обиде, отвергла все попытки поддерживать хоть какие-то отношения. Он-то думал, что их узы прочнее и надежнее. Тем не менее Мори гордился достижениями Тайши и немного жалел, что им не удалось вместе пойти дорогой приключений. Они могли выпасть и на его долю, если бы он сделал иной выбор. Впрочем, он все равно ей гордился.

Мори поспешил разогнать туман прошлого, который почти окутал его.

Тайши продолжала говорить, яростно тыча пальцами в воздух:

— Но пришла я не поэтому. Я хочу выяснить, почему пророчество так ошиблось. Мне нужно поговорить с тем, кто в этом разбирается, а лучше всего — добраться до источника. Ты хотя бы можешь направить меня в изначальный храм Тяньди?

Мори был потрясен — по правде сказать, его потрясло собственное потрясение. Он много лет изучал Тяньди, еще дольше был монахом, но никогда не задумывался, где же, собственно, расположен изначальный храм Тяньди. Ему не приходило в голову там побывать. Мори знал лишь, что он находится где-то на юге, за границами Чжун. Дорога туда была опасной и нелегкой. Вот почему монахи Тяньди мудро настроили храмов в Просвещенных государствах. Люди охотнее будут жертвовать, если святилище недалеко от дома.

Он отчаянно пытался дать ответ, подобающий настоятелю. Наконец Мори сказал:

— Я не могу тебе помочь.

Тайши стиснула зубы и прищурилась.

— То есть ты не скажешь?

— Я понятия не имею, где находится изначальный храм! Это... — он указал на юг, — где-то там.

— Но как?! Прах тебя побери, это же средоточие вавшего несчастного культа!

Мори задумался. Тайши имела все основания сердиться: он должен был знать. Но такого рода сведения считались древней историей, не имеющей почти никакого практического значения. Его обучение основывалось на чтении манускриптов, поддержании в порядке храмовой территории и извлечении пожертвования у паствы. Хороший настоятель должен уметь общаться со знатью и распоряжаться финансами. Где там находился какой-то старый храм, и вовсе не важно. Только фанатики копались в древней истории.

Мори захотелось прогнать Тайши. Ее нелепые розыски привели бы только к новым мукам и сомнениям. Лучше заслониться щитом невежества, чем узнать истину и страдать. В общем, все монахи Тяньди именно это сейчас и делали — защищались незнанием.

Возможно, их постигло испытание. Возможно, Тяньди наконец дала ему шанс достигнуть святости, о которой он всегда мечтал. Мори много лет убеждал себя, что получение им звания настоятеля свидетельствовало о силе веры, но он знал, что это не так. Звание настоятеля не имело ничего общего с истинной верой. Просто он был дисциплинирован, неглуп и хорошо умел считать. Мори посмотрел на тыквенную бутылку, которую держал в руке, и с отвращением отставил ее в сторону. Вытянув шею, он взглянул на изображение Небесной мозаики, висевшее на стене, и ощутил нечто вроде вдохновения. Может быть, ему выпал шанс послужить божеству...

— Я попробую.

Тайши, очевидно, заметила в нем перемену.

— Спасибо. Понимаю, что на это нужно время, но я могу подождать.

— Я пришлю вест, если мои поиски увенчаются успехом. Где тебя найти?

Несколько мгновений она подозрительно смотрела на него, а потом нагнулась и негромко произнесла:

— В семейном склепе на погребальной горе, в дне езды к востоку отсюда.

Мори кивнул:

— Знаю. В окрестностях Возана есть три погребальные горы в пределах двух дней пути и только одна из них — к востоку.

— Если что-нибудь узнаешь, пошли письмо пастуху смерти по имени Фу. Адресуй его Най.

— Я постараюсь.

— Спасибо. А теперь я уйду, пока твои послушники не встревожились.

— Ты права.

Тайши встала и хотела что-то сказать, но передумала. На мгновение суровое лицо легендарной воительницы смягчилось, и Мори вновь вспомнил лучшие моменты, проведенные с ней.

— Приятно было вновь увидеть тебя, Мори. Я рада, что ты получил все, о чем мечтал.

Отчего-то от ее слов Мори стало больно. Он посмотрел на потолок, обвел взглядом комнату...

— К сожалению, люди порой мечтают не о том. Я скучаю по тебе.

Мори мог бы еще многое сказать, но он и так уже позволил себе лишнее.

Тайши помедлила.

— Помнишь тот пикник весной, когда мы познакомились?

Мори помнил. Щеки у него вспыхнули.

— В оранжевом лесу. Я бы предпочел, чтобы ты об этом забыла. В тот день я читал ужасные стихи.

— Да, над рифмой стоило еще поработать, — согласилась Тайши. — Но образы до сих пор остались в моей памяти. Мне всегда больше всего нравились твои ужасные ранние стихи. Извини, что раньше не сказала.

Она повернулась к двери.

— Подожди, — сказал Мори вслед. — Как ты попала в монастырь?

Женщина, которую он знал, никогда не умела тихо подкрадываться.

Тайши оглянулась через плечо.

— О, это было нетрудно. Я подкупила одного из твоих юных монахов парой бутылок вина, и он меня охотно впустил.

Тайши сверкнула своей памятной улыбкой и исчезла.

После ее ухода Мори еще долго сидел в темноте. Затем он гневно взглянул на тыквенные бутылки, стоявшие на столе. Назавтра послушникам предстоял тяжелый день.

Глава 13

Место последнего упокоения

Тайши лежала на смертном ложе, фальшиво напевая себе под нос и изучая длинную трещину на сводчатом потолке. Струйка дыма от свечи заставляла слезиться глаза. Каменный свод покрывали большие пятна сажки — точь-в-точь грозовые облака, плывущие по мрачному серому небу. Вряд ли здесь хоть когда-нибудь наводили чистоту. На что вообще уходили деньги, которые она платила пастухам смерти?

Тайши пряталась с тех пор, как побывала в Цзяи. Вернувшись в Облачные Столпы, она обнаружила, что Немые прочесали скудно населенные горы вдоль и поперек. Ее изображение было расклеено во всех командорствах, деревнях, на заставах и в трактирах; цена, назначенная за голову мастера Линь, запечатлелась в памяти каждого авантюриста, солдата, бандита и просто глупца, ищущего славы. Уже почти год она скрывалась. И, хотя Тайши наконец обрела приют в священном месте — собственном фамильном склепе, он давно перестал казаться ей гостеприимным.

Она пряталась здесь несколько месяцев, продрогшая, усталая и томящаяся от скуки. Главным образом — томящаяся от скуки. Тайши сама не знала, чего ждет. Сначала она ждала, когда угомонятся охотники за головами, потом ждала, когда Мори передаст сведения, потом просто жила

в неопределенной тревоге. Ждала новостей из внешнего мира. Ждала смерти. Тайши всегда полагала, что смерть — быстрая, жестокая, желательна доблестная и во имя благородного дела — настигнет ее на поле боя посреди кипящей битвы. Но вместо этого она умирала медленно, тихо, в одиночестве и непонятно ради чего. Какая досада.

Тайши вздохнула и опустила голову на холодную каменную плиту. В пустом животе урчало. Еда закончилась два дня назад, но ее это совсем не волновало. По крайней мере, здесь, в склепе, наполовину утопленном в склоне горы, было уютно. Тайши собиралась умереть в окружении родных. Она вытянула шею и посмотрела на две пустые плиты справа. Ничто в ее душе не шевельнулось при этом зрелище. Она никогда не видела братьев: те погибли еще до рождения Тайши, и их тела сгинули в Травяном море. Просто два имени на фамильном древе — хотя она, некоторым образом, была им очень обязана.

— Спасибо, что погибли, мальчики. Я, ничтожная, живу благодаря вам.

Родители Тайши решили завести еще одного ребенка исключительно потому, что отец хотел сына, которому мог бы передать семейное искусство владения техникой Шепчущих Ветров. Тайши посмотрела на два забальзамированных тела, лежавших на возвышении у нее за спиной. Муннам страшно разочаровался, обнаружив, что у новорожденного нет мужского органа; все детство Тайши напоминали о ее несовершенстве. Муннам был холодным и строгим отцом — и жестоким учителем, — но, надо отдать ему должное, он обучил дочь не хуже, чем сыновей.

— Я прошла испытание, отец.

Даже спустя столько лет Тайши чувствовала горечь при этой мысли.

Ее ненависть к отцу горела ярче звезд на небе, поэтому она не поколебалась, когда в конце концов он дал дочери возможность пройти последнее испытание. Тайши была к нему готова — ей даже хотелось этого, — хотя она

прекрасно знала, какова будет цена успеха. Ученику, овладевшему секретами Шепчущих Ветров и желающему достичь ранга мастера, в качестве последнего испытания предстояло вобрать звук собственного наставника, слившись своей сущностью с чужой энергией ци, отчего его способности многократно возрастали. «Слияние» было деликатным обозначением для убийства. Точнее сказать — ученик вырывал из своего наставника ци, убивая его на месте. Если ученик терпел неудачу, удар чужой энергией обрушивался на него. Вот почему этот секрет передавался только по прямой. Последнее испытание сделало семейный стиль Чжан настоящей легендой, в отличие от сотен других стилей, существовавших при лунном дворе. И именно поэтому Тайши после смерти Сансо отказывалась брать новых учеников.

Тайши так и не знала, обрадовался ли отец тому, что она прошла испытание. Муннам оставался бесстрастен, когда дочь выбила чайную чашку у него из рук. Его лицо не дрогнуло, даже когда она, демонстрируя полное самообладание, остановила движение воздуха вокруг. Он почти не удивился, когда она перехватила власть над воздушными потоками. Лишь в самый последний момент, когда Тайши успешно довела дело до конца, разорвав основные меридианы, вобрав чужую ци и раздробив большинство костей в теле наставника, тот взглянул на нее, и на лице Муннама отразилось нечто напоминающее гордость.

Сукин сын.

— Истинная сила требует истинных жертв, — твердил дочери Муннам.

Тайши не понимала, что он имел в виду, вплоть до той самой минуты, когда изломанное тело отца распростерлось у ее ног. От этого воспоминания у нее захватило дух. Последний знак отцовской любви — и одобрения — сломил Тайши. Она стояла над ним — новый старший мастер Чжан, владыкя шепота, восемнадцатая по счету — и рыдала как ребенок... в общем, она и была ребенком. До нынешнего дня она не простила отца, хотя сама не знала за что.

Тайши посмотрела на высившийся перед ней помост с одной-единственной плитой, где лежало забальзамированное тело. Она закрыла глаза, подавляя прилив горя, охватившего душу. Она была бы рада, просто счастлива предложить Сансо такую же возможность, какую дал ей отец.

Тайши с мукой признала, что ей гораздо лучше здесь, рядом с ним. И от этой мысли хотелось просто сдаться и умереть. Если бы Тайши погибла, как братья, — в каком-нибудь далеком краю, — ее тело сгнуло бы. Кто знает, сумел бы ее дух найти дорогу домой. По крайней мере, оставшись в склепе, она точно провела бы остаток вечности вместе с сыном.

Какое-то царапанье — точнее, постукивание камней — эхом отразилось от стен и прервало ее размышления. Тайши не хотелось вставать и исследовать источник шума. Пускай пришелец обнаружил бы ее на смертном ложе. Но тут у Тайши опять заурчало в животе. Она оглядела себя, дабы убедиться, что вид у нее пристойный. Пришлось поспешно застегнуться.

Гость — молодой человек в вылинявшем одеянии па-стуха смерти — появился полминуты спустя, с трудом дыша и волоча по земле тяжелый холщовый мешок. Древний инстинкт одержал верх над Тайши, и она буквально бросилась к вошедшему. Пастух смерти едва успел выпустить из рук мешок — она схватила его, перерыла содержимое и, обнаружив краюху хлеба, впилась в нее зубами, словно умирающее от голода животное, у которого несколько недель во рту не было ни крошки.

Юноша учтиво поклонился.

— Приношу вам свои глубочайшие извинения, мастер Линь. Торговый караван запоздал из-за скверной погоды, и старшие запретили подниматься на гору.

— М-м, м-мхм...

Тайши пыталась сказать молодому человеку, что всё в порядке, но в ту минуту она сама не знала, что важнее — дышать или жевать, и уж тем более не могла произнести

связную фразу. Она протянула руку и похлопала его по макушке.

Наконец Тайши утолила первый голод и сделала передышку. Сунув в рот кусок копченого мяса, она удовлетворенно вздохнула и бросила пастуху две связки медных лянгов.

— А попить что-нибудь есть, Фу?

Связки, словно по волшебству, исчезли в кармане юноши. Фу сбросил с плеча второй мешок. Девять фляг с водой и две тыквенные бутылки с вином. Тайши предпочла бы наоборот, но делать было нечего. Она бросила молодому человеку еще одну связку монет.

— И еще кое-что. — Фу достал свернутый пергамент со сломанной желтой печатью.

Тайши подняла бровь. Прошло три месяца. Она уже перестала ждать вестей от Мори.

— Ты читал?

— Приношу свои извинения, мастер Линь. Гонец не знал, кому отдать письмо, поэтому оно обошло моих братьев и сестер, прежде чем добралось до меня.

Вполне вероятно. Письмо никому не было адресовано, не было и подписано, но Тайши немедленно узнала безупречный почерк Мори. Он писал ей прекрасные письма в ту пору, когда они любили друг друга, — задолго до того, как она приобрела репутацию военного искусника. Его изяшный почерк пробудил множество воспоминаний. Ли Мори был самым нежным, терпеливым и образованным мужчиной из тех, кто ухаживал за Тайши, хотя, честно говоря, перецеголять в этом отношении большинство мастеров военного дела было несложно. Мори заметно отличался от людей, среди которых обычно вращалась она.

Те же самые доброта, терпение и ум часто делали Мори невыносимым, но как же она его любила! Искры прежнего пламени вспыхивали до сих пор. Мори был единственным, кто по собственному желанию оставил Тайши и разбил ей сердце. Они познакомились, когда он посещал Суншэн и готовился стать монахом. Тайши была молодой,

отчаянной и страстной. Она не выражала своих мыслей вслух, но полагала, что их любовь сильна, глубока и необходима им обоим. Что Мори, разумеется, предпочтет остаться с ней. Какое самомнение, какая глупость. Она грезила о том, как они вместе — могущественная воительница и философ, поэт, бард, повар — будут странствовать по Просвещенным государствам, бороться со злом, заключать выгодные контракты, достигать славы. Мечты Тайши разлетелись в прах, когда этот хилак — самая большая ее любовь — надел безобразную шляпу послушника, похожую на рыбий хвост, и сделался монахом Тяньди.

Через три часа после того, как Тайши в слезах и в отчаянии сбежала с церемонии посвящения, ее вырвало. И на следующее утро тоже. Вскоре она выяснила, что беременна. Тайши не стала делиться этой новостью с Мори, но в любом случае попыталась его вернуть. Она умоляла возлюбленного передумать. Мори был хорошим человеком, он поступил бы благородно, если бы она рассказала ему все, однако Тайши хотела, чтобы он сам решил остаться с ней. Свобода выбора, как известно, опасная штука. Они ссорились, упраскивали друг друга, ругались всю ночь, и в конце концов Тайши потеряла терпение, а Мори чуть не лишился жизни.

Она никогда не жалела о том, что умолчала о ребенке. Сансо был ее сыном и ее учеником. Тяньди и Мори не имели к этому никакого отношения — и уж точно Тайши не собиралась теперь беречь старые раны.

Она подавила горькие мысли и сосредоточилась на письме. Как и все послания Мори, оно было длиннее необходимого. Мори умел обращаться со словами — и зачастую использовал слишком много слов, чтобы сказать немного. А чтение уж точно не было сильной стороной Тайши. Ей пришлось несколько раз перечитать самые цветистые пассажи, прежде чем она наконец поняла, куда следует отправиться. Мори даже назвал своего знакомого, некоего Ву Чуна. К письму он приложил маленький деревянный диск с вырезанной на нем печатью настоятеля храма

в Возане. Мори велел показать его настоятелю изначального храма Тяньди.

Он любезно желал Тайши удачи — и просил больше не вламываться к нему посреди ночи.

— Должна же я была убедиться, что ты не удерешь, — пробормотала Тайши.

Она потеряла печать меж пальцев. Ей очень хотелось наплевать на письмо. Меньше всего ее волновали храм и несбывшееся пророчество. За три месяца, проведенных в семейном склепе, ее настроения сменились. Тайши перевернула послание, ища еще хоть словечко от человека, которого некогда любила. Она слегка разочаровалась, но не удивилась, обнаружив, что Мори писал строго по делу. Тайши вспомнила, что в пору юности одежда ученика на нем всегда выглядела безупречно.

И тогда она заметила, что Фу по-прежнему стоит рядом, смущенно теребя подол поношенного одеяния. Бедный мальчик ждал платы. Пастухи смерти были низшей сектой Тяньди. В нее попадали все, кому не удалось попасть в другие секты. Пастухи смерти заботились о покойных; они жили одинокой тихой жизнью на многочисленных погребальных горах, усеивавших Просвещенные государства. Их божественным назначением было готовить бранные сосуды к путешествию в загробный мир, направляя души на небеса или в преисподнюю. Иными словами, свою жизнь пастухи смерти проводили, обмывая, бальзамируя и украшая мертвых. Предположительно, души покойных имели облик оставленных тел, поэтому следовало придать трупу приличный вид. В число прочих обязанностей пастухов смерти входило полоть сорняки, подметать склепы, содержать в порядке горные тропы и гонять грабителей.

Хотя они исполняли очень важную работу, платили пастухам смерти весьма скудно. Неудивительно, что послушник Фу подрабатывал вьючным мулом, таская на гору припасы для Тайши. Она бросила ему серебряную монету.

— В следующий раз принеси жареную утку. Мне надоело жевать вяленое мясо.

Юноша помедлил.

— Тысяча извинений, но это невозможно.

Тайши поморщилась.

— Как насчет соленой рыбки?

Пастух смерти как будто испугался — его голос заметно задрожал:

— Вы не понимаете, мастер Линь. Мои глубочайшие извинения. Так продолжаться не может.

Она устремила на него испепеляющий взгляд.

— Если ты хочешь больше денег, то зря.

Юноша покачал головой.

— Нет. Ваш семейный склеп находится возле самой вершины. Дорога туда и обратно до погребального храма занимает целый день, а вы просите меня приходить каждые пять дней. Другие пастухи начинают интересоваться моими отлучками.

— А ты не можешь ходить быстрее?

Он указал на мешок.

— Это долгий и трудный путь.

— Приноси каждый раз вдвое больше припасов, чтобы отлучаться из храма реже.

— Это очень долгий и трудный путь вверх по горной тропе, — повторил он.

Тайши скривилась. Мальчик был прав. Выхода у нее не оставалось.

— Допустим, я могу платить больше.

На самом деле — нет. Но юный пастух в настоящее время был ее единственной связью с внешним миром.

Пастух горестно поклонился.

— Дело не в деньгах, клянусь.

Если Фу не мог или не хотел впредь снабжать ее едой, значит, пребывание Тайши в склепе подошло к концу. Она окинула взглядом каменную плиту, которая должна была стать ее смертным ложем.

— Не угодно ли вам перебраться в другой склеп, поближе к подножию горы? — спросил Фу. — Я успею вас предупредить, если...

Тайши вскинула руку, заставив его замолчать. Вот оно: тихие голоса, обрывки разговора. Слегка звякнул металл. Тяжелое дыхание. Шаги. Несколько человек. Четверо, пятеро.

— За тобой следили, — сказала Тайши, задула ближайшую свечку и движением пальца затушила другую, стоявшую в дальнем углу склепа.

Фу застыл как громом пораженный.

— Простите, простите, мастер, клянусь, я не знал...

Тайши взглядом велела ему молчать и двинулась по коридору. Прижавшись к холодной стене, она закрыла глаза.

Чужаки приближались.

— Здесь так темно и холодно!

— Смотри, куда ступаешь. Прикрой фонарь, иначе ты нас выдашь.

— Тут пахнет смертью.

Тайши подняла бровь.

— Ненавижу мертвецов. Аж кровь стынет в жилах.

— Тогда найди другое занятие.

Тайши немного расслабилась. Это были обычные громилы — грабители, охотники за сокровищами, мародеры. Особой опасности они не представляли. Тайши, пережившая сотни стычек и десятки битв, ни разу не встречала противника, который был бы глуп и в то же время опасен. От этой кучки олухов не приходилось ждать беды. К тому же у них могли быть деньги.

Один из пришедших наконец догадался, что их голоса эхом разносятся по склепу.

— Тише вы, дурачье, — резко сказала женщина. — Он нас услышит.

Тайши насторожилась. «Он»? Что они искали? Уж точно не жалкий мешок с припасами, который принес пастух. Она прислонилась к стене и стала ждать.

Вскоре появился коренастый коротышка с рыхлым брюшком, а за ним его товарищ — долговязый, остроносый и наголо бритый. В темноте Тайши кое-как разглядела, что оба молоды и оборваны. Никаких доспехов. Охотники за сокровищами? На поясе у них висели длинные дубинки. Почему они не держали их наготове? Не ждали опасности? Нет. Они рассчитывали захватить добычу, не понеся урона.

Тайши подождала, пока не явилась вторая пара: одинаково одетые юноша и девушка. Тогда она выскочила из своего укрытия и двинула молодого человека в ухо. Барабанная перепонка у него лопнула; он пошатнулся, как пьяный, и рухнул наземь. Будь Тайши немного проворнее, она, возможно, успела бы управиться, прежде чем кто-нибудь из олухов спохватился бы, но, очевидно, она слегка утратила форму, а от холода на вершине погребальной горы суставы у нее заоченели.

Девушка заметила Тайши до того, как та успела вновь раствориться в тени. Она вскрикнула и потянулась за дубинкой. Да, они были совсем неопытны. Тайши порывом воздуха вывихнула ей большой палец, и дубинка вылетела у девушки из рук.

— Что такое? — закричал третий голос. — Погодите, это не он! Клянусь Тяньди, это мастер!

Кто-то ударил ее дубинкой по спине. Тайши едва заметила удар. Она развернулась и врезала нападавшему ногой, так что он отлетел, приземлился на гробницу и скатился с нее наземь. Среди охотников за сокровищами началась паника, и вскоре на полу образовалась куча-мала, из которой торчали руки, ноги и дубинки. Двое попытались напасть на Тайши, но та лишь отступила на полшага, и толстяк проскочил мимо. Она выставила ногу, и он головой врезался в стену. Долговязый даже не успел ничего сделать. Занеся дубину, он бросился к Тайши, но стукнулся макушкой о низко нависший камень и повалился на спину.

Воплощенная тупость. Тайши на минуту утратила дар речи. Эти бестолочи не заслуживали права жить. Не стоило

оставлять свидетелей. Если она их пощадит, они, разумеется, ее выдадут. И тогда за ней придут другие.

Тьма немного рассеялась. Фу со свечой в руке бросился в гущу схватки. Выкатив глаза, он крикнул:

— Нинжи, что ты здесь делаешь?

Девушка приподнялась с пола. Она явно была ошеломлена.

Тайши гневно взглянула на Фу:

— Ты знаешь этот сброд?

— Это мои товарищи из погребального храма.

Тайши сжала зубы. Она не отличалась терпимостью и никогда не прощала предательства. Сжав кулаки, она подступила к Фу.

— Стойте! — воскликнула Нинжи, вскочила и бросилась между Тайши и Фу.

Остальные последовали ее примеру и простерлись ниц перед Тайши, униженно прося пощады. Тайши скривилась. Нет ничего хуже, чем жалкий враг. Инстинкт воина по-прежнему приказывал истребить их всех, но тихий голос в глубине души требовал милосердия. Эти так называемые охотники за сокровищами были слишком глупы, чтобы жить, но не стоило их и убивать.

— Будь ты проклят, остолоп, — буркнула Тайши, чувствуя, что смягчается.

Она указала на девушку и велела:

— Ты, отвечай. Как вы меня нашли?

— Брат Фу не первую неделю украдкой таскает еду на гору, — с трудом выговорила девушка, шмыгая носом.

Тайши повернулась к Фу:

— Ты же сказал, что покупаешь еду.

Тот смутился:

— Ну, иногда я, так сказать, заимствовал ее из храмовой кладовой. Но никто не замечал!

— Все замечали, — возразила девушка. — Однажды я проследила за ним и узнала, что он ходит в семейный склеп злого мастера Линь Тайши. Тогда мы подумали, что Фу,

возможно, прячет Предреченного героя Тяньди, и решили сами пойти и посмотреть. Мы не хотели ничего дурного!

Тайши скрипнула зубами.

— Кого это вы называете злым? — поинтересовалась она, указывая на дубинки. — Значит, вы решили прийти сюда и схватить героя? Может быть, даже передать его правителям в обмен на солидную награду?

— Он беглый преступник. Мы всего лишь выполняем свой долг перед Просвещенными государствами... — Девушка замолчала и как будто смутилась. — Между прочим, награду за Предреченного героя недавно увеличили.

Тайши погрозила пальцем:

— Вы, остолопы, слишком убоги, чтобы охотиться за наградой. Лучше обихаживайте мертвых. — Она нахмурилась и уточнила: — И сколько теперь обещают за героя?

— Десять связок золотых лянов.

У Тайши глаза полезли на лоб. Неудивительно, что даже эти ребяташки решили вступить в игру.

— А за меня сколько обещают?

Девушка потупилась:

— Столько, сколько и раньше.

Тайши помрачнела. Эти скряги посулили за Цзяня в пять раз больше, чем за нее. Просто нелепо! Она была великим мастером боевых искусств, героиней всех земель Чжун. Почти что национальным достоянием. А Цзянь — всего лишь избалованный мальчишка, впутавшийся в ложное пророчество. Это даже возмутительно!

У нее вырвался раздраженный рык. Почему пророчество привело к такой ошибке? Его появление было судьбоносным для Чжун. Люди устали от многовековых войн. Они сплотились вокруг культа Тяньди. Пророчество дало им надежду, укрепило духом перед лицом внешней угрозы, подарило цель, стало знаком того, что тяжелые времена рано или поздно закончатся. Есть разница между туннелем и пропастью. И вот спустя много веков пророчество, в которое так верили, оказалось фальшивкой.

Тайши не могла об этом забыть, как ни старалась. Путь был важен ничуть не менее исхода. Пускай даже все решилось благоприятно для государств Чжун, Тайши ощущала вкус горечи. Поколение за поколением истово верили в пророчество. Они сражались, боролись, жертвовали жизнью и мечтами, чтобы добиться его воплощения. Родилась целая религия. История Предреченного героя не могла завершиться вот так! Тайши была обязана найти ответ. Люди — и она сама — нуждались в истине. По крайней мере, нужно было убедиться, что Вечный Хан действительно мертв и Цзянь свободен от своего предназначения.

Взгляд Тайши упал на гробницу Сансо в дальнем углу склепа, и ее лицо смягчилось. Время еще не пришло. Сделав глубокий вдох, она повернулась к злополучным охотникам за наградой.

— Вам известно, кто я.

Она не спрашивала, а утверждала. Или угрожала.

Долговязый парень, теперь щеголяющий здоровенной шишкой на лбу, переглянулся с девушкой. И ответил:

— Вы злой... то есть великий мастер боевых искусств Линь...

Девушка перебила его, энергично мотая головой:

— Здесь никого нет. Мы пошли за братом Фу, чтобы узнать, не нужно ли помочь ему в уборке этого знаменитого семейного склепа.

— Умница, — сказала Тайши. — Надеюсь, остальные не глупее. Вы ведь не хотите больше со мной встречаться?

Она взглянула на Фу:

— Можно считать наш договор расторгнутым. Больше я не нуждаюсь в твоих услугах. Прибери в склепе, чтобы он выглядел так, будто меня никогда тут не было.

— А куда вы...

Фу поймал ее взгляд и замолчал. Эти безмозглые тупицы всё поняли и поклонились.

— Хорошо, мастер Линь.

— И отмойте, наконец, потолок, — велела Тайши, уходя.

Глава 14

Вкус свободы

Цзянь проснулся оттого, что его новые соседи учинили ссору в непристойно ранний час. Рассеянные лучи Короля еще не пронизали покрывало ночи; город спал, как пьяница в переулке. Было так холодно, что дыхание Цзяня повисало паром в воздухе. Молодая чета — пара пеночек — поселилась здесь пару месяцев назад и свила гнездо на угловом бруске. Поначалу Цзянь не возражал — общество птиц ему даже нравилось, — но однажды поутру к птичьему щебету присоединился настойчивый неумолчный писк четырех птенцов. Болтовня молодой семьи каждое утро наполняла его каморку, однако у Цзяня не хватало духу выгнать птиц. По крайней мере, благодаря им он не просыпал.

Когда он потянулся, ступни у него высунулись из-под теплого джутового одеяла. Еще несколько месяцев назад оно было по длине как раз. Голос у Цзяня тоже менялся. Морозный утренний воздух кусал голые ноги, и Цзянь тут же втянул их обратно под одеяло, как черепаха в панцирь.

Ему очень хотелось лежать и дальше в теплом коконе, но потом он вспомнил, какая буря пронеслась над городом ночью. Застонав, он смирился, сел и поморщился, когда ноги коснулись холодного сырого пола. Цзянь подошел к умывальнику и плеснул в лицо ледяной водой, затем пригладил руками коротко остриженные волосы, плотно завязал вылинявшее белое одеяние, надел тренировочные туфли.

На траве лежал густой слой утренней росы, когда Цзянь вышел из своей хибарки и зашагал по двору Лунсяньской северной школы кулачного боя. Облака над головой были еще полны дождя, но ветер гнал их на запад. Если повезет, новый ливень минует школу. Цзянь вошел во внутренний двор и перескочил через спинку каменного кресла, стоявшего на тренировочной площадке. Он ловко приземлился

на сиденье, перебросил ноги через подлокотники и обозрел разрушения.

Именно этого стоило ожидать утром после грозы в начале третьего цикла. Сломанные сучья, мокрые листья, мусор, огромные лужи. Оружейная стойка опрокинулась — тренировочные копья, посохи и топоры валялись вокруг. В углублениях, за десятилетия выбитых ногами учеников, стояла вода.

— Ты сегодня припозднился, — сурово произнес кто-то.

— Я встал рано, тетушка Ли.

— Ты посмотри, что тут творится! Успеть бы прибраться перед началом занятий.

Невысокая пухлая женщина в платье с закатанными рукавами и в запачканном белом фартуке появилась рядом с ним и неодобрительно нахмурилась. На голове у нее была повязка, которую она носила, словно императорский головной убор. В руках, будто кинжалы, женщина держала длинные палочки. Она погрозила ими Цзяню, подчеркивая каждое слово:

— Сколько раз тебе повторять, чтоб не смел садиться в кресло мастера?

— Пока не надоест.

Женщина слегка стукнула его палочками по голове.

— Сопляк ты неблагодарный. Ну, берись за работу, пока мастер не проснулся. Сам знаешь, он любит, чтобы двор был чистым. Если ты его разозлишь с утра пораньше, у всех будет скверный день.

Тетушка Ли сказала правду. К любому изъяну Гуаньши относился как к настоящей катастрофе. Цзянь встал и взял у тетушки Ли соломенную метелку. До рассвета он подметал двор, разгонял воду, убирал листья и ветки, расставлял оружие, вылавливал мусор из огромных ваз для питья и заново наполнял их водой.

Каждая ваза была высотой ему по шею и в четыре раза толще в обхвате; гладкая поверхность не давала уцепиться как следует. Приходилось наполовину тащить ее,

наполовину катить, чтобы опорожнить в саду. Затем Цзянь волок пустую вазу к источнику, наполнял ее и ставил на место. Мучитель Гуаньши запретил ему брать тачку, чтобы перевезти все шесть ваз, стоявшие вразброс на тренировочной площадке. Когда Цзянь только поступил в школу, на возню с ними у него уходило целое утро. Теперь он проделывал это почти играючи.

Затем Цзянь принялся оттирать каменные плиты тренировочного двора. Ровно семьсот четырнадцать штук. Счет помогал провести время и сосредоточиться. Гуаньши требовал, чтобы каждая плита была вымыта, вытерта и отполирована до прихода учеников. Если он находил на своем драгоценном полу хоть одно пятнышко, в наказание Цзяню приходилось стоять на одной ноге, держа на голове глиняный горшок.

Это была утомительная работа, но именно по этой причине школу Гуаньши уважали в Цзяи. Его семейный стиль снискал славу на турнирах и на поле боя, однако истинной причиной успеха и популярности Лунсяньской школы среди аристократии княжества Каобу была непомерная щепетильность мастера в отношении чистоты. Школы боевых искусств, как правило, отличались грубостью нравов и неопрятностью. Гуаньши же давно понял, что есть надежные способы завоевать одобрение знатной женщины, которая собирается отдать ребенка в школу боевых искусств. Например, доказать ей, что ее отпрыск не будет выглядеть как простолоудин.

Тетушка Ли вновь вышла из кухни, когда Цзянь, стоя на четвереньках, острой палочкой оттирал желобки между плитами.

— Я пошла на рынок. Вычисти сточную яму, а потом вымойся в двух водах и переоденься. Мне понадобится помощь на кухне. Если утренние ученики проголодаются, есть корзина с лепешками и теплое соевое молоко. По одной лепешке на каждого!

Цзянь понурился:

— Хорошо, тетушка.

— Не бывает дармового риса, Гиро. — Она взмахнула палочками, словно опять хотела его стукнуть, а затем сочувственно улыбнулась. — Я, так и быть, погляжу сквозь пальцы, если ты стянешь два-три бао.

— Спасибо, тетушка Ли, — сказал Цзянь, и она зашагала к воротам.

Тетушка Ли была всего лишь школьной кухаркой, но школой она заправляла, как вдовствующая императрица (именно так ее и прозвали ученики). Цзянь был признателен ей за то, что она заботилась о жалком сироте Гиро. Она частенько его поколачивала, но он не обижался. Тетушка Ли всех угощала тумаками, включая Гуаньши, но не со зла. Гневалась она, только если тяжесть проступка требовала применения длинных кухонных палочек. Тогда все — включая Гуаньши — замирали, как садовые статуи.

Покончив с уборкой двора, Цзянь принялся мыть сточные трубы, которые вели из разных частей школы в сточную яму. Буря забила несколько желобов листьями и грязью. На это ушел остаток утра. Цзянь еще возился с обычными делами, когда ученики стали собираться к первому уроку.

Оба двора, передний и задний, вскоре наполнились. Многие пришли пораньше, чтобы размяться и поупражняться, ну, или просто повалять дурака. Цзянь ни на кого не смотрел — он торопился покончить с работой, остро ощущая каждую ухмылку, смешок и взгляд. Унижения не прекратились, когда из своих покоев в восточном крыле здания показался Гуаньши. Глава школы прошел мимо Цзяня, небрежно глянув на него, и уселся в каменное кресло.

Дежурная ученица, девушка по имени Гвайя, хлопнула в ладоши, и ученики торопливо выстроились рядами. Она подала знак, и все дружно поклонились Гуаньши; затем Гвайя принялась проводить обычную разминку. Утренние занятия предназначались для новичков, для тех, кто не обладал никакими практическими навыками или изучал боевые искусства просто ради развлечения. Большинство

присутствовавших не достигли бы даже среднего уровня, однако могли усвоить достаточно, чтобы не опозориться в драке и не отсечь самому себе палец мечом.

Тетушка Ли вернулась с рынка чуть позже. Несколько учеников оторвались от упражнений, чтобы помочь «императрице» донести покупки. Она отогнала Цзяня, когда он предложил свою помощь, и отправила его к ближайшей раковине мыться. Он повиновался; потом она внимательно осмотрела юношу, проверив ногти и обнюхав одежду, прежде чем допустить его на кухню. До полудня он топил плиту и кипятил воду.

Время от времени он посматривал в окно на тренировочную площадку. Ближе к полудню появлялись ученики среднего и высшего разрядов. Это были настоящие военные искусники — те, кто рассчитывал сделать карьеру и занимался целеустремленно. Многие из них провели долгие годы в Лунсяне. Одни, достигнув определенного уровня, поступали в армию. Другие нанимались в городскую и дворцовую стражу или становились телохранителями. Третьи делали дуэлянтами, охотниками за головами, профессиональными убийцами, наемниками.

Некоторые ученики жили в школе. Большинство — потому что прибыли в Цзяи издалека, а кто-то — потому что полностью посвятил себя Лунсяню. Они считались почти что членами семьи, и, скорее всего, в будущем им предстояло открыть свои школы. Ученики, жившие у Гуаньши, были, разумеется, достаточно обеспечены, чтобы не отрабатывать стол, кров и обучение. Все, кроме Цзяня.

Он нес корзинки, полные маленьких пирожков-бао, в обеденный зал, когда Синьдэ помахал ему с тренировочной площадки. Старший ученик заставлял своих подопечных проделывать встречавшиеся во многих боевых стилях базовые упражнения из трех, четырех и пяти движений. Цзянь освоил эти упражнения, едва научился ходить; ему ничего не стоило превзойти пыхтевших во дворе неудачников. Но как бы юноше ни хотелось похвастаться, его

жизнь зависела от сохранения тайны. Вэнь Цзянь был Предреченным героем Тяньди, воином пяти Поднебесных, а Люй Гиро — неумехой-сиротой, которого Гуаньши приютил из милости.

— Я на нем еще заработаю, — говорил мастер в ответ на расспросы.

По крайней мере, такую историю придумали они с Линь Тайши. При этой мысли Цзянь стиснул зубы и с силой плюхнул корзинку с бао на стол. Тайши ему соврала. Она обещала заботиться о нем, однако юноша не видел ее с тех пор, как она оставила его, едва вернувшегося с порога смерти, в школе и ушла. Конечно, ему уже следовало поумнеть и привыкнуть к разочарованиям, но мысль о том, что его бросили, по-прежнему мучила Цзяня.

Последний утренний урок завершился, и ученики отправились обедать. Обед и ужин давались Цзяню тяжелее всего. Одной из его неперемennых обязанностей в качестве слуги было помогать в столовой. Там ему приходилось подавать ученикам — своим предполагаемым однокашникам — еду, а потом прибираться. Боль от этого унижения все не стихала.

За обедом Цзянь таскал корзинки с булочками, наполнял чашки водой, носил посуду. Когда юноша не бегал туда-сюда и не вытирал столы, он старался слиться со стеной и стоял неподвижно, глядя себе под ноги.

В зале всегда гудели веселые голоса. Строгий Гуаньши ослаблял дисциплину за трапезой — он частенько говорил, что, когда тела подкрепляются, узы между братьями и сестрами становятся прочнее. Ученики этим пользовались. Малыши, нередко шести-семи лет, сидевшие на ближнем конце стола, оживленно болтали и возились, как щенята. Большинству этих ребятшек предстояло заниматься вместе последующие десять лет, до выпуска. Цзянь уйму времени тратил, прибирая за ними.

Ученики постарше сидели в дальнем конце и вели себя развязнее и грубее — через стол то и дело перелетали

объедки и ругательства. Разговоры по большей части состояли из похвальбы и сплетен, которые неизбежно вели к шуткам, подначкам, а иногда и настоящим схваткам. Поначалу это поражало Цзяня: уединение, в котором он вырос, не подготовило его к пребыванию в столь шумном обществе. Такое поведение он считал ребяческим и глупым, но в то же время невольно чувствовал, что всех, кроме него, как будто объединяет общий секрет.

Девочка, сидевшая в конце стола, поманила Цзяня.

— Эй, красавчик.

Она вовсе с ним не заигрывала. Когда он подошел, она подставила тарелку. Цзянь открыл корзинку и достал горячий бао.

— И мне тоже! — потребовал сидевший рядом мальчик и полез в корзинку рукой.

Цзянь шлепнул по ней.

— Ты уже съел два!

Два бао — это был предел.

Рослый юнец поднял руку и помахал чашкой.

— И сюда подойди, красавчик!

Цзянь несколько мгновений делал вид, что ничего не слышит, а потом вздохнул и смирился. Сайык был одним из самых наглых и самоуверенных учеников в Лунсяне. Он держался высокомерно, как подобает сыну вельможи, и обладал безупречной кожей и отменно ухоженными волосами. Дорогой гардероб Сайыка окончательно развеивал сомнения, словно напоминая остальным, что они ему не ровня. Изящные манеры и пробивное упорство сделали его одним из школьных заводил. Язык у Сайыка был острый, и нередко именно он первым начинал насмехаться над очередной жертвой.

Цзянь, старавшийся иметь с ним дело как можно меньше, быстро налил Сайыку воду. Едва он повернулся, чтобы уйти, Сайык протянул тарелку.

— Раз уж идешь на кухню, захвати это с собой.

Цзянь закусил губу, и щеки у него вспыхнули. Он повернулся, словно собираясь взять тарелку, и отдернул руку,

как только Сайык разжал пальцы. Тарелка упала на пол; глиняные черепки и рис разлетелись в стороны.

— Я не твой личный слуга. Сам убирай за собой посуду, — прорычал Цзянь и отошел.

Не успел юноша сделать и трех шагов, как его толкнули в спину, от чего он упал на четвереньки. Кувшин разбился, вода пролилась.

Сайык возвышался над ним.

— Если ты не слуга, почему же прислуживаешь мне, красавчик?

— Потому что он сирота, — подсказал кто-то из сидевших рядом.

— Я слышал, родители от него отказались, — добавил третий голос.

Послышался издевательский смех.

Цзянь, пылая гневом, метнулся вперед и лягнул Сайыка в колено. Нога подогнулась, и парень взвыл. Приятели едва успели его подхватить, чтобы он не плюхнулся на задницу.

Сайык зарычал:

— Как ты смеешь, выродок!

Огромные мясистые ручки ухватили Цзяня за ворот. Дружки Сайыка между тем окружили его и принялись наперебой хлопать по затылку. Цзянь на третий день пребывания в школе выяснил, что пренебрежительные шлепки по макушке — это способ, которым дети простолюдинов выражают презрение. Ему не раз так доставалось.

Рядом тут же возник Синьдэ. Он просто стоял неподвижно, с бесстрастным лицом, но возня тут же прекратилась.

— Простите, старший ученик, — сказали несколько ребят, кланяясь.

Синьдэ посмотрел на Сайыка, который немедленно выпустил Цзяня.

— Он пнул меня в колено, — сердито пожаловался Сайык. — И чуть не покалечил.

— Но не покалечил же?

Сайык покачал головой.

— Нет, старший ученик.

— Очень хорошо. Значит, ты сам можешь отнести свою тарелку на кухню. А заодно помоги с посудой братьям и сестрам.

Синьдэ повернулся к Цзяню:

— Гиро, ты развел грязь. Приберись.

— Хорошо, старший ученик, — хором ответили Сайык и Цзянь.

Они грозно переглянулись, прежде чем разойтись. До конца обеда Цзянь мыл пол, а потом и посуду, которую подносил Сайык. Оно того стоило. Возможно, этому типу впервые в жизни пришлось потрудиться. Отец Сайыка, по слухам, был генералом в армии Сунри, а родня матери управляла командорством где-то возле гияньской границы. Ученики частенько гадали, как его зовут по-настоящему. Детей вельмож часто посылали в школы боевых искусств под вымышленными именами. Только Гуаньши знал настоящее имя Сайыка, и, судя по вольностям, которые мастер позволял ему, тот происходил из очень высокого рода.

Только Синьдэ не обращал на Сайыка особого внимания. Он добился общего почтения вовсе не благодаря рангу своей семьи. Просто его любили. Даже Цзянь, питавший к соученикам лишь неприязнь, испытывал к Синьдэ глубокое уважение. Тот стоял у двери, обмениваясь любезными словами с учениками, которые возвращались на тренировочные площадки для послеобеденных занятий. Он был неизменно внимателен и терпелив, и его доброта проявлялась даже в мелочах. Ученики для Синьдэ были все равны.

После того как Цзянь закончил работу на кухне, он до самого вечера бегал с поручениями мастера Гуаньши и тетушки Ли. Наконец он и сам отправился на урок — вместе с новичками, младше его на пять-семь лет. Поскольку ему приходилось скрывать свои умения, с ним и обращались как с новичком. Иными словами, Цзяню приходилось проделывать простейшие упражнения, большинство из которых он освоил, едва научился ходить.

Цзянь прилежно тренировался два часа, какими бы легкими ему ни казались упражнения. Для него это была единственная возможность поупражняться, чтобы не забыть всего, что он умел. Юноша надеялся изобразить природный талант и перейти в класс более высокого уровня, однако до сих пор ни Гуаньши, ни старшие ученики как будто не замечали его способностей. Цзянь думал: как только он перестанет считаться новичком, то начнет доводить до совершенства избранную технику. Тогда эти простолюдины поймут, на что он способен.

На занятиях можно было излить досаду. Цзянь мысленно рисовал себе целую армию врагов. От Сайыка и его прихлебателей до всех своих бывших наставников (кроме Бая и Вана), до Риги и Хораши, до проклятых правителей и даже Тайши. У Цзяня был длинный список, и во время каждой тренировки он срывал зло по очереди на каждом, кого представлял перед собой.

Потом, во время вечерней трапезы, он опять становился общим слугой. Сегодняшний ужин, к счастью, прошел без приключений. Сайык и его подпевалы лишь бросили на Цзяня несколько злобных взглядов — вероятно, потому, что опасались Синьдэ. А вот что будет завтра — это уже другая история. Военные искусники были людьми гордыми и мстительными.

Цзяню оставалось только зажечь висящие на стене лампы; после этого он мог отдыхать. Королева уже владычествовала на небе, а с юга двигался Принц, но, по крайней мере, в эти драгоценные часы Цзянь был волен делать что вздумается.

Он проводил время, надежно укрывшись в маленькой роще за огородом и проделывая упражнения, которым научили его Тайши и предыдущие наставники. Цзяня пугало то, как много он забыл за несколько месяцев. Он отчаянно пытался припомнить тонкие различия между катящимся ударом Ван и режущим ударом Чан. А когда нужно нанести рубящий удар в стиле Синсин? Или применить удар-нож в стиле Бая? Все смешалось у него в голове.

Приемы и упражнения, которые он отчаянно старался утвердить в памяти, некогда преподала ему Тайши. Хотя Цзянь был зол на нее — и даже проклинал, — он все равно каждый вечер старательно проделывал эти движения.

Он занимался уже почти час, когда услышал в саду легкие шаги. Юноша замер, остановившись на середине тринадцатого упражнения, известного как Орлиный коготь. В это время суток никого во дворе не могло быть. Жившие в школе ученики частенько удирали в город, перелезая через заднюю стену неподалеку от помойной ямы, но это было совсем в другой стороне, возле служебных построек.

Цзянь испугался разоблачения. Если бы кто-то увидел, как он проделывает сложные упражнения, ему ни за что не удалось бы отболтаться. В лучшем случае мастер Гуаньши подумал бы, что он проник в школу обманом. Тогда его исключат. В худшем случае решат, что он шпион из другой школы. Тогда, возможно, его убьют.

А вдруг за ним явились Немые?

У Цзяня кровь застыла в жилах.

Он облегченно вздохнул, когда появились Сайык и трое его дружков, хотя радость была краткой. Одного взгляда на их лица хватило, чтобы понять: пришли они не с добром.

— Ага, значит, вот где прячется приبلудная собачонка, — сказал мальчишка по имени Улли.

— Что ты тут делаешь, дохлак? — поинтересовался Сайык.

Цзянь не трогался с места, когда они четвером его окружили. Спаситься можно было, только позвав на помощь, но он не собирался доставлять недругам такое удовольствие.

Парень по имени Сянь сильно пихнул его — и повторил, когда Цзянь перенес удар, почти не пошатнувшись. Во второй раз Цзянь отступил в сторону и подставил ногу, заставив Сяня рухнуть на колени. Тут на него набросились Улли и Сайык. Юноша уклонился от их неуклюжих ударов и уже собирался дать сдачи, когда в его голове явственно

прозвучало: «Ни за что не выказывай своих умений. Ты полный неумеха. От этого зависит твоя жизнь».

Проклятая Тайши. Цзянь перестал увертываться и сразу получил кулаком в зубы, а потом коленом в живот. Он упал на землю и свернулся клубком. Четверо задир накнулись на него.

Глава 15

Искатель Души

Сальминдэ стояла на носу ведущего кокона, пока деревянные гусеницы ползли по извилистой дороге, рассекающей Шиньюнские горы. В последний раз она ехала этим путем при совершенно других обстоятельствах. Тогда Сали отправлялась в свой первый набег за пределами Травяного моря. Она была порывистой, неопытной, честолюбивой и страстно желала доказать, что чего-то стоит. То было славное время: вместе с братьями и сестрами из Незры и Фушаня она грабила оседлых жителей, проникая далеко в глубь богатых вражеских земель. Однажды Сали увидела даже крепостные стены уродливого и бездушного города Цзяи. Шли дни, полные приключений, обещаний и многочисленных триумфов. Сали одержала свои первые победы и заслужила репутацию хорошего воина. Она вернулась в Незру в лучах славы и с богатой добычей. Но главной наградой для нее стало предложение вступить в секту Бросков Гадюки и право выбрать себе виски.

Целая жизнь миновала с тех пор.

Бабочка села на плечо Сали. Она полюбовалась ею, а потом согнала. Сотни и тысячи переливатых крыльев — синих, зеленых, фиолетовых — грозили затмить солнце.

Чжунцзы называли это место Долиной Бабочек. Но у племен Катуга было для него свое название. С двух сторон

долину окружали изогнутые горные пики, похожие на зубы; когда впервые здесь появились красно-желтые флаги чжунской армии, казалось, на земле бушует неугасимое пламя. Тогда этот перевал и называли Драконья Пасть.

Земля под гусеницами кокона сменилась камнем. Они приближались к месту назначения. Подъем скоро прекратился, и кокон миновал последний поворот. Показались верхушки башен чжунского командорства Цзяи.

Цзяи был уродлив даже по меркам жителей Чжун. Город напоминал пятно коричневой плесени посреди роскошной зелени лугов. Ни вкуса, ни стиля. Его очертания были плоскими и приземистыми — сплошь прямые линии и квадраты площадей; только верхушки отдельных зданий и башен поднимались над окружавшей город некрасивой крепостной стеной. Несколько веков назад Цзяи построили как обычную крепость для защиты от катуанских грабителей, но с течением времени он разросся и превратился в архитектурное убожество. Сали не понимала, как можно жить в этой тюрьме, лишенной цвета и разнообразия. Впрочем, Цзяи она ненавидела по другой причине. Этот город, военное командорство княжества Каобу, воплощал куда более тяжкий грех.

С самого начала непрекращающейся войны между империей Чжун и племенами Катуа — войны, которая только что закончилась, — все чжунские войска перед вторжением в Травяное море собирались в Цзяи и проходили через Драконью Пасть. Причиной всех битв, смертей, разорений был этот проклятый город. И вот сородичи Сали прибыли в Цзяи не как победители, а как закабаленные слуги, обреченные работать на полях, и оттого ей было еще тошнее. Сали сплонула через перила.

Не только вид города вызывал у нее тошноту; внутри у Сали все переворачивалось от Зова Хана. Она надеялась, что он ослабеет, когда тело Цзяминя отправят в последний путь — погрузят в Травяное море. Но Зов не утих, хоть и изменился, превратившись из острой жгучей боли в тупое

царапанье. Необходимость вернуться в Черный город и умереть, чтобы вернуть Целому свою часть души Хана, постоянно напоминала о себе и не смолкала.

С каждым днем Зов усиливался. Как бы далеко она ни была, какую бы службу ни несла ради Хана и своего народа, все существо Сали требовало, чтобы она вернулась в Шакру, в святилище Вечной топи, и рассталась с жизнью. Сали отчаянно подавляла это желание и боялась, что в конце концов оно возьмет над ней верх.

— Продержаться еще немного, — пробормотала она.

— Что такое?

Сали погрузилась в собственные мысли и забыла, что она не одна.

— Просто думаю вслух, Бату.

— Скоро прибудем на место, Искатель Души, — сказал вождь клана Шитан. — Чжунцзы велели нам оставить город к востоку от Цзяи, не ближе, чем в четырехстах метрах от стен. Если хочешь войти в город одна, советую тебе сойти сейчас, чтобы избежать переговоров со стражей.

Сали приложила кулак к груди.

— Спасибо, что подвез. Я буду помнить могучий город из стекла и огня — воплощение нашего искусства. Надеюсь, ты достигнешь былой славы еще при жизни.

Вождь Шитан устало склонил голову. Он знал, что его жизнь близилась к концу. Бату не рассчитывал вновь увидеть свой любимый город свободным.

— Старику приятно повидать тебя напоследок, Воля Хана, Бросок Гадюки...

Его голос оборвался.

Сали посмотрела вниз, ища место, куда бы спрыгнуть.

— Подожди, Сальминдэ, — сказал Бату и подался к ней. — Я не могу отпустить тебя, не поговорив. Прости, что делаю это в неподходящее время.

Она знала, что будет дальше. В последнее время ее часто об этом спрашивали.

Старый вождь помедлил, прежде чем осторожно произнести:

— Никто не сомневается в твоей верности и храбрости, Сальминдэ, но ты идешь опасной тропой. Отчего ты забыла о своем возвышенном положении и унизилась до того, чтобы стать Искателем Души? Ты — Воля Хана. Все прочее тебя недостойно.

Сали холодно смотрела на него. Великая Воля Хана и низменный Искатель Души... В любом случае она не желала выслушивать поучения.

— Я молю тебя, одумайся, — продолжал старик. — Подумай о Целом и о будущем твоего народа.

Катуанцы считали смелость и верность врожденными свойствами. Упомянуть их было само по себе оскорблением — а Бату сомневался не только в ее верности и смелости, но и в мудрости. Всё сразу.

Сали, впрочем, не смутилась. Она была умна, и гордость не мешала ей задуматься о намерении, крившемся за словами Бату. Сали прекрасно понимала его мотивы, и он не то чтобы сильно ошибался. Не следует принимать решения, основываясь на чувствах, но Сали именно так и поступила. Вождь предлагал ей совет, исходя из личного опыта.

Тем не менее Бату не был ни Волей Хана, ни Искателем Души. Он не мог представить себя на месте Сали. Он не вырос вместе с Цзямином. Не видел, что произошло с ним, когда он сделался Вечным Ханом. Не его город погиб, не его племя рассеялось по морю, не его сестра находилась в рабстве у врагов. Пусть все это не должно было иметь никакого значения для Воли Хана и для Искателя Души, оно очень много значило для Сали.

В любом случае она не желала напоследок ввязываться в споры. Сали отвернулась и сказала:

— Я прощаю тебя за неуместный разговор, Бату. У меня есть свои причины. Прощай, вождь.

Она перескочила через перила и приземлилась на молотую дорогу тремя ярусами ниже. Кокон, громящая,

ползли дальше. Слуга протянул Сали поводья. Она села в седло, коснулась ладонью холки старой пегой лошади, склонилась к ней лицом и шепотом произнесла молитву об их единении — а в следующую минуту, оставив Шитан позади, уже скакала на запад по проселочным дорогам, мимо полей и деревушек. Оседлые, трудившиеся на полях, поднимали головы и смотрели вслед. Некоторые тянулись за топорами и мотыгами.

Сали, не обращая на них внимания, подгоняла пегую кобылку, пока не увидела дорогу, ведущую на юг; вдалеке она сливалась с широким трактом, который вел в город. Камни на нем были истерты ногами и колесами. В Цзяи негустой, но непрерывной вереницей тянулись путники и повозки.

Большинство путешественников — в основном торговцы, — бросив один взгляд на Сали, сворачивали в сторону. Сали не обижалась и не винила их за то, что они опасаются ее. Она не поднимала головы и изо всех сил старалась слиться с толпой. На ней был плащ с капюшоном — обычный чжунский дорожный наряд, — однако скрыть свое происхождение Сали не могла. Черные глаза, широкий нос, голубовато-серые татуировки сразу выдавали катуанку. Даже если бы не черты лица, ее выдали бы низкорослая лошадка и длинное плоское седло. Для этих невежественных оседлых варваров Сали была дикаркой из чужой земли, достойной только страха и ненависти.

Просвещенные государства и ханские племена после заключения мира открыли границы, чтобы ее сородичи могли добраться до чжунских полей, где им предстояло работать. Но Сали по-прежнему казалось, что она вторглась на вражескую территорию. К счастью, оседлые не стали к ней цепляться — и городская стража, как ни странно, тоже. Стражники посмотрели на нее, не выпуская из рук оружие, и отпустили вдогонку несколько глупых насмешек — но и только.

Сали их почти не слышала. Широко открытыми глазами она смотрела на огромный город, который раскинулся

перед ней, как только она миновала высокие стены. Раньше она никогда не бывала в чжунском командорстве. Оно выглядело одновременно величественно и пугающе, вызывая смешанные чувства — восторг и ненависть, удивление и ужас. Как мог этот первобытный народ, не владевший тайной пара и огненных камней, выстроить такое чудо?

Но, едва вступив в пределы Цзяи, Сали поняла: никак. Этого можно было достичь, только осквернив землю грязью и убожеством. Ядовитый запах города служил достаточно красноречивым ответом. Глаза у Сали заслезились, когда она ощутила вонь грязных переполненных улиц. Они были забиты людьми, лошадьми и прочими выючными животными; под ногами не было видно земли. Само по себе скопление такого количества тел в столь тесном пространстве внушало отвращение.

Сали слышала непрерывный человеческий шум: крики уличных торговцев, брань, детский смех... От этого неблагозвучного рева у нее разболелась голова.

Поскольку языка чжинцзы она не знала и не могла прочесть надписи на указателях, Сали пришлось спрашивать дорогу — но напрасно. Никто из чжунцев не желал с ней говорить. Большинство делало вид, что не видит ее, хотя она постоянно чувствовала на себе косые взгляды. Некоторые осмеливались даже плевать на землю перед ее лошадью, но, по крайней мере, никто не рискнул плюнуть на нее, чжунцы были не настолько глупы. Сали даже в одежде простолюдинки источала угрозу.

Целый час она блуждала по городу кругами. Она недооценила размеры этих язв-городов. Каждый кокон в составе катуанского города можно было обойти за час, самое большее — за два. Но по Цзяи Сали могла бродить целый день и так и не добраться до противоположного конца.

Более того, скитаясь в недрах этого военного командорства, она усвоила важный урок: Цзяи был почти непроницаем. Все те годы, что она провела в набегах на чжунские земли, Сали видела только небольшие поселения — шахтерские городки,

хутора, рыбачьи деревушки, торговые фактории. Ее сородичи не были ни снаряжены, ни подготовлены к ведению осады. Катуанские племена не нападали на крупные населенные пункты, разве что в бой вступал какой-нибудь главный город, да и то это было редкое событие, случавшееся не более одного раза на памяти целого поколения. Многие вожди племен мечтали о том, чтобы осадить Цзяи, и теперь Сали радовалась, что никто так и не рискнул.

Это была бы кровавая бойня. Высокие толстые стены не только окружали город, но и разделяли его на кварталы, которые легко было оборонять. Вражеская армия разбилась бы об эти укрепления. А если бы катуанцам удалось прорваться сквозь внешнее кольцо, то потом им пришлось бы преодолеть еще с полдесятка внутренних. Незваных гостей зажали бы в одном из кварталов, осадили, окружили и устроили бы жестокое планомерное истребление.

Наконец Сали заметила на улице кучку катуанцев. Она остановилась спросить дорогу и с радостью убедилась, что даже в этом враждебном месте ее соплеменники по-прежнему добры друг к другу. Они направили Сали в так называемый Катуанский квартал. Какая злая насмешка. Там, в дальнем конце людного рынка, она обнаружила мерный поток сородичей, входивших в большие ворота.

Не поднимая головы, Сали понукнула лошадку коленями и поехала вперед. Миновав высокие железные ворота, она с удивлением обнаружила, что грязи и убожества за ними еще больше. Здания по обе стороны улицы представляли собой жалкие деревянные лачуги, вот-вот готовые обрушиться. Дыр в стенах и выбитых окон было столько, что хибары просвечивали насквозь — скорее остовы, чем дома. Вдоль стен лежали кучи мусора, кишевшие крысами, мухами и бродячими животными, которые дрались за объедки.

Да что там говорить. Многие люди — ее сородичи! — валялись на улицах, как мусор. Одни превратились в оборванцев с остекленелым взглядом. Другие еще сохраняли память о прошлой жизни. Сали видела татуировки воина,

ожоги кузнеца, даже одеяние шамана. Горько было встречать своих уцелевших соплеменников в таком жалком состоянии. Сали из всех сил старалась не смотреть по сторонам, но это оказалось чрезвычайно трудно. Прикусив губу, она устремила взгляд вперед, но невозможно было не замечать унылые, подавленные лица.

Люди на улицах рассматривали ее без стеснения, и в их взглядах читались то любопытство, то отчужденность, то открытая враждебность. Сали надвинула капюшон на лицо. Она знала, о чем они думают: «Где ты была, когда пала Незра?»

— Сальминдэ! — воскликнул болезненно худой мужчина с ямами на щеках. — Это ты?

Сали внимательно посмотрела на него. В нем было что-то знакомое, но она не узнавала ни лица, ни хриплого голоса. Наконец до нее дошло:

— Кваза?

— Это действительно ты, Сали... — сказал он и заплакал.

Сали спрыгнула с лошади и схватила его за плечи. Кваза был хранителем дома Бросков Гадюки в Незре. Сам бывший Бросок Гадюки, он не только поддерживал в порядке дом, оружие и доспехи, но и наставлял новичков. Этот человек вырастил три поколения воинов...

Сали выпустила его из объятий, стиснув зубы. Вид Квазы принес ей столько радости — и гнева, и горя.

— Что с тобой случилось?

Кваза печально улыбнулся:

— Я наконец избавился от брюшка, которое давно мне мешало. Кто знал, что самое верное средство для похудения — голод?

Кваза, которого помнила Сали, был дюжим и полным. Теперь руки у него напоминали кости, обтянутые кожей.

— Но ты жив. А остальные?

Кваза быстро глянул ей за плечо.

— Такие разговоры лучше вести подальше от чужих ушей. Большинство жителей Катуанского квартала — уцелевшие обитатели Незры.

— Вот это отличная новость! Я боялась, что наше племя погибло вместе с Незрой. Если люди по-прежнему вместе, значит, Броски Гадюки еще живы.

Косые взгляды дали ей понять, что их разговор слышат. Сали понизила голос:

— Почему они так смотрят на нас?

Кваза схватил ее за локоть и тоже зашептал:

— Пойдем отсюда. Секты в Цзяи под запретом. Кто-нибудь может узнать тебя и выдать.

Сали удивленно открыла рот:

— Что ты такое говоришь!

— Тяжелые времена — крутые меры, дитя мое.

Кваза ввел ее в проулок меж двух трехэтажных домов. Он шел, обходя груды мусора, старые ящики и спящих бродяг. По крайней мере, Сали надеялась, что они спят. Миновав еще несколькозданий, они добрались до двора странной формы, неуклюже втиснутого меж трех домов, как будто строители не удосужились проверить свои расчеты. Миновав маленький огород и поникшее апельсинное дерево, Сали и Кваза спустились по небольшой лесенке.

Кваза открыл дверь и впустил гостью. Комната была узкой и низкой. Сали пришлось нагнуться, чтобы не стукнуться головой о потолок. Это место напоминало подпол, превращенный в жилое помещение. Кваза зажег висевшую на потолке лампу и предложил Сали сесть. Единственным пригодным для этого местом был старый пень, который никто даже не удосужился выкорчевать.

— Жилище небогатое, но, по крайней мере, я тут один. Некоторые ютятся по десять человек в комнате.

Прежде чем Сали успела задать вопрос, Кваза слабо улыбнулся:

— Мои соседи ушли месяц назад и не вернулись. Некоторое время я за них беспокоился... но ничего не поделаешь. Никто больше не задает вопросов, если люди пропадают.

Сали, сунув руки в карманы, уселась на пень, а Кваза принялся заваривать чай. Она наблюдала за тем, как он

наливает воду из раковины сквозь ситечко, затем пытается развести огонь в полуобвалившемся очаге. Руки у него так дрожали, что он никак не мог высечь искру. Но Кваза был горд, и вмешательство оскорбило бы его.

У Сали болела душа при виде того, каким хрупким стал некогда могучий хранитель. Кваза был столпом Бросков Гадюки, сильным, надежным, как железные ворота их дома. Этот человек сделал для Сали первый тренировочный кнут и научил им владеть. Если бы не он, она бы сдалась и убежала.

Наконец, после целого ряда неудачных попыток развести огонь, Сали не выдержала. Положив руку на плечо Квазы и не обращая внимания на его лицо, полное стыда и отчаяния, она ждала, пока он не отдаст ей огненные камни. Затем она отвела старого хранителя к пню и усадила. Кваза, запинаясь, просил прощения.

— Не стыдись, старый воин.

Наконец хранитель уступил и позволил ей закончить начатое. Вскоре в очаге уже горел огонек, согревая комнату и чайник. Вода еще не вскипела, и Сали вновь повернулась к Квазе:

— Что случилось с остальными?

Он склонил голову.

— Ху и Вимма погибли, защищая город. Оли отрекся, однако оседлые решили, что все Броски Гадюки — слишком большая угроза для них, и казнили его. Соми умер от воспаления легких два месяца назад. А остальные твои братья и сестры... — Кваза замолчал.

Сали не удивилась, услышав рассказ о своей погибшей секте, однако все равно это было сродни удару ножа в живот. С Виммой они близко дружили в юности. Ху и Оли были самыми опытными воинами своего поколения, равно как и Сали была самой известной. Оли всегда отличался высокомерием. Самодовольный глупец. Соми она презирала, но как собрата его следовало уважать...

Получается, кроме нее, Бросков Гадюки не осталось.

— А ты, милое дитя? — спросил Кваза. — Как ты попала сюда? Когда мы в последний раз вместе сидели у очага, ты собиралась далеко на север.

— Хан меня вернул, — ответила Сали и ощутила при этих словах горечь. — Я прекрасно помню, как почувствовала его смерть. Я вместе со своими воинами караулила в засаде богатый чжунский караван — и вдруг упала наземь от острой боли в груди. Сначала я подумала, что мой доспех пробил стрела. Представь мое смущение, когда я поднялась и обнаружила, что цела и просто свалилась с лошади.

— Хорошо, что все было именно так, — произнес хранитель.

Сали нахмурилась:

— Почему?

— Сали, которую я учил, ни за что не позволила бы поразить себя стрелой.

Прежний Кваза любил от души посмеяться, и его бывшая натура проглянула, когда он откинул голову и захохотал, хлопая себя по коленям. Но тут же старый Бросок Гадюки, которого Сали помнила и любила, исчез — Кваза зашелся хриплым кашлем. Он отмахнулся, когда Сали потянулась к нему, и несколько раз с трудом вздохнул, прежде чем наконец овладеть собой.

— Что дальше?

Сали поднесла к губам чашку с жидким чаем — скорее, с окрашенной водичкой.

— Я стояла посреди поля боя, хватаясь за грудь. У меня как будто разорвалось сердце. И тогда я поняла: Вечный Хан Катуга, владыка Травяного моря, двинулся к следующему воплощению.

— Не берусь представить, что это была за боль, — сказал Кваза. — Значит, Зов Хана направил тебя домой?

— Как будто зазубренный клинок рассек мою плоть, кости и душу, — продолжала Сали, скривившись. — Зов не столько направлял меня, сколько тащил против воли. Я почти утратила власть над своим телом. Как только

первоначальная боль утихла, незаживающая рана породила это странное желание. Оно напоминало неутолимый голод. Нечто вроде компаса или незримого поводка. Оно силком повело меня к святилищу Вечной топи в Черном городе. Любая попытка свернуть или остановиться вызывала новый приступ боли, словно мою утробу терзали острые когти лесного кота. Ничто не имело значения — я должна была вернуть свою часть души Хана в Целое, придя туда, где покоилось его тело.

— Ты просто покинула поле боя?

— У меня не осталось выбора! Ноги пошли сами собой. Я шагала несколько часов, пока наконец не поборола Зов...

Некоторое время оба молчали. Когда Сали заговорила вновь, в ее словах звучали вина и печаль:

— Я была потрясена смертью Цзяминя, но, честно говоря, меня больше всего удивляет то, как долго он продержался, прежде чем сломиться.

— Мантия владыки Травяного моря тяжела, — произнес хранитель.

Он всегда чтит традиции.

Сали кивнула. Она знала, что однажды услышит Зов. Она готовилась к Возвращению с тех пор, как была избрана Волей Хана, но никогда всерьез об этом не задумывалась. Никто не предупреждал, что будет так больно. Но сюда она пришла не поэтому. Гораздо более сильная боль пригнала Сали в Цзяи. Она посмотрела на огонь, потрескивающий в маленьком очаге в окружении куч пепла.

— Ты видел Мали? Она жива?

Прежде чем он успел ответить, несколько теней мелькнули в дырах и щелях стены, выходившей в проулок. Послышались тяжелые удары, от которых все строение затряслось. Чашка с палочками для еды, стоявшая на навесной полке, упала набок, содержимое рассыпалось по полу. Сали вскочила, схватившись за кнут.

— Открой стражам Совета! — рявкнул кто-то.

— Совет уцелел? — шепотом спросила Сали.

Кваза жестом велел ей сохранять спокойствие.

— Он теперь не такой, как раньше. Позволь, я сам разберусь.

Едва он приоткрыл дверь, в дом, оттолкнув Квазу, ворвались несколько вооруженных людей — сплошь катуанцы, молодые, заносчивые, с дубинками на поясе. Одеты они были как попало, но у каждого на плече виднелась незнакомая зеленая нашивка. Сали с презрением отметила, что все вошедшие держались за оружие. Она сложила руки на груди, когда неожиданные гости окружили ее и Квазу.

— Что это значит? — спросил Кваза, стараясь вклиниться между Сали и пришельцами.

— Не лезь! — рыкнул один из молодых людей и толчком опрокинул его на пол.

Прежде чем задира успел сделать еще хотя бы один вдох, Сали выбросила руку вперед и воткнула большой палец ему в основание шеи. Он издал сдавленный вскрик и упал на колени, тщетно цепляясь за ее руку. Его сосед взмахнул дубинкой — и получил по голове своим же оружием. Удар был не сильный, однако он повалился на пол, ругаясь и корчась.

Оставшиеся стражи отпрянули, когда Сали швырнула дубинку в дальний угол.

— Удар — это не ответ. Я требую, чтобы вы ответили моему другу как полагается.

Страж, смотревший на нее робкими оленьими глазами, поднял руку, словно школьник.

— Совет Незры получил известие о вашем прибытии и приказывает вам явиться.

— Кто они такие, чтобы приказывать Броску Гадюки? — поинтересовалась Сали. — Откуда Совету вообще известно, что я здесь?

Вид у стражника был виноватый.

— Мы делаем то, что нам велят...

— По приказу этого Совета за воротами Катуанского квартала наблюдают день и ночь, — сказал Кваза.

— Этого Совета? — переспросила Сали. — Есть и другие?

Сали думала, что проявила разумную осторожность. Очевидно, она ошиблась. Во всяком случае, Совет мог помочь ей в поисках. Она бросила дубинку и сказала:

— Идемте.

Стражники прицепили дубинки на пояс. Сали выпустила задиру. Он упал на четвереньки и, подвывая, подполз к остальным.

Сали и оленеглазый помогли Квазе встать.

— Я скоро вернусь, — сказала Сали.

Хранитель схватил ее за рукав.

— Будь осторожна, Сальминдэ. Это не те люди, которые раньше возглавляли наш город. Совет Незры — совет только по названию. Он не выражает волю клана.

— Как ты смеешь, старый дурак, — зарывал стражник. — Прояви уважение...

— Еще раз обратишься к Квазе грубо — и я оторву твою руку от туловища, — спокойно произнесла Сали. — Запомните, если до меня дойдут слухи о том, что кто-то скверно обращается с хранителем, род оскорбителя пресечется.

Оленеглазый встал между ними.

— Слово чести, Бросок Гадюки. Пожалуйста, сюда.

Глава 16

Внутренние секреты

Цзянь поморщился и отодвинулся, когда Михе протерла ссадину тканью, смоченной спиртом. Пальцы, державшие его за подбородок, оказались неожиданно сильными. Девушка слегка шлепнула юношу по щеке и подула на избитое лицо, с упреком сказав:

— Сиди спокойно, плакса. И в следующий раз не дожидайся утра.

Цзянь недовольно заворчал. После избиения ему совершенно не хотелось бежать через весь город за лекарем. Получив от Сайыка и его дружков здоровую трепку, он кое-как поднялся и захромал в свою хибару. Покрытый коркой грязи и крови, Цзянь не желал пачкать кровать, но вымыться юноше не хватило сил, поэтому поутру тетушка Ли нашла его дрожащим от холода на полу.

По крайней мере, у него было оправдание, чтобы не заниматься утренней работой. Синьдэ и тетушка Ли отвели Цзяня в лазарет и вызвали Михе. Старший ученик, встревоженный и раздосадованный, теперь подпирал стенку, скрестив руки на груди, и наблюдал. Ученица лекарки тем временем промывала Цзяню раны.

Синьдэ попытался приободрить юношу:

— Нужно поработать над защитой. Одна половина военного искусства заключается в том, чтобы задать противнику трепку, а другая — в том, чтобы избежать ее самому.

— Или же нужно быть просто достаточно крепким, чтобы пережить расправу, — проворчал Цзянь, отодвигаясь, когда лекарка коснулась пореза над глазом.

Девушка, крепко держа юношу за голову, рассмеялась:

— Ну, тогда ты станешь великим искусником.

Синьдэ тут же посерьезнел.

— Сколько раз тебя били, с тех пор как ты поступил в школу? Три раза, четыре?

— Пять.

— И все время Сайык?

— Сайык — только три раза, — признался Цзянь. — И... я же никому не жаловался!

— Я и так знаю, — произнес старший ученик и принялся загибать пальцы. — Три раза Сайык и два раза другие ученики. Мальчишки, которые тебя колотили, были неправы. Их поведению нет оправдания.

— Один раз меня побил Сонья.

Эта мерзкая школа была полна пристава и драчунов. Цзянь ненавидел всех учеников до единого.

— Значит, так. Мальчишки и девчонка, которые тебя колотили, были неправы. Я строго накажу виновных.

— Вот и хорошо. Они получают по заслугам.

Синьдэ присел рядом с ним.

— А что будет в следующий раз?

— А?

— Что будет, когда тебя снова изобьют, Гиро?

Цзянь слегка растерялся:

— Ты опять их накажешь.

— Почему, как ты думаешь, другие ученики к тебе пристают? Подумай-ка.

— Потому что они гнусные ссанные шавки.

Синьдэ усмехнулся:

— От Сайыка и правда пахнет, но вообще-то дело не в этом. Насколько я знаю, больше он ни с кем не дерется. Почему он задирает только тебя?

— Богатенькие ребята дразнят бедных.

Синьдэ пожал плечами:

— У Хуа и Цзиньди родители крестьяне. Отец Улли — нищий пьяница.

— Он умер прошлой зимой, — вставила Михе.

— Ну вот, а я и не знал. Улли ничего не сказал, бедняга... — Синьдэ со значением взглянул на Цзяня. — Выходит, Улли — сирота. И не в богатстве дело. В школе есть и другие бедняки, которых не трогают.

— Значит, Сайык — просто забияка, который обижает слабых.

Цзянь сказал это и вспыхнул от стыда. Если бы он только мог проявить себя...

Синьдэ покачал головой.

— Пусть ты и новичок, Гиро, но ты талантлив, все это видят.

В голове у него зазвучало предостережение Тайши. Неужели он выдал себя? Проклятая старуха, сколько от нее неприятностей.

— Неважно почему, — неуклюже ответил Цзянь.

— Я просто хочу, чтобы ты понял, — терпеливо продолжал Синьдэ.

— Понял что?

— Что ты тупой осел, — резко сказала Михе, и от неожиданности оба вздрогнули.

Девушка бросила свою лекарскую сумку на пол.

— Послушай, Гиро, ты мой друг, но я скажу прямо: ты то ноешь, то шипишь как змея и вечно плюешься ядом.

Цзянь нахмурился:

— С чего ты взяла, что мы друзья?

Михе ласково улыбнулась:

— Как ни странно, ты мне нравишься, хоть у тебя и ужасный нрав.

Синьдэ кивнул, и Михе вышла из комнаты.

— Для человека, который никогда не нападает первым, ты завязываешь слишком много ссор.

— Ничего подобного!

— Я не слепой, — голос старшего ученика звучал спокойно и сочувственно. — Если вечно искать повод для злобы, он обязательно найдется. Отношения с людьми, которые тебя окружают, окрашены твоим настроением.

— Но это я тут пострадавший!

— И я накажу за это Сайыка, — сказал Синьдэ. — Тебе, наверное, тяжело жилось раньше, но нельзя же злиться на всех подряд. В конце концов люди начнут давать сдачи. И в особенности так нельзя обращаться с другими учениками. Лунсянь — это не просто школа боевых искусств, а семья. Ты, я, Сайык — мы братья. Искусники Лунсяня не бросают друг другу вызов на поле боя. Нас соединяют кровь и долг.

— Для тебя все, может, и так, — буркнул Цзянь. — Ведь ты кумир школы.

— Так будет и для тебя, — ответил Синьдэ, — если ты сам того захочешь. Но братство при лунном дворе не дается даром. Его нужно заслужить преданностью и доброй волей. Иногда причина кроется не в том, кто виноват и кто

первый начал. Даже не в том, что правильно, а что нет. Семья и братство — вещи более глубокие. Понимаешь?

— Ну да...

На самом деле Цзянь не очень-то понимал.

— Простите, старший ученик, вы хотели со мной поговорить... — Сайык возник на пороге и замер, увидев Цзяня.

Синьдэ подмигнул Цзяню, и тут же его лицо исказилось от гнева. Он обрушился на Сайыка:

— Кто-то избил брата Гиро вчера вечером. Я думаю, что это сделал ты.

Сайык не умел притворяться. Он побледнел и судорожно сглотнул.

— Я...

— Этот поступок марает честь школы. Я заставляю тебя до конца цикла прислуживать во дворе. Может быть, тогда ты научишься уважению.

— Но он...

— Ты хочешь мне солгать? — прошипел Синьдэ, и его взгляд на мгновение упал на Цзяня. — То, что говорит брат Гиро, меня не волнует. Я знаю, что виноват ты. И я приказываю тебе отправляться во двор и стоять на коленях посреди тренировочной площадки до завтрашнего утра.

У Сайыка глаза полезли на лоб.

— До завтрашнего утра?

Цзянь был совершенно согласен с наказанием, назначенным Сайыку... но тут Синьдэ упомянул его имя, и намерение старшего ученика стало совершенно ясно.

Цзянь молчал, а Синьдэ продолжал бранить Сайыка.

— Скажи спасибо, что я тебя не выгнал! Может быть, теперь ты наконец поймешь, что такое смирение и братство.

Он повернулся к Цзяню:

— Ну а ты что скажешь?

Цзянь уставился под ноги. Синьдэ пытался преподать ему урок, но гордость и гнев мешали Цзяню. Он не мог оставить все как есть. Он *хотел* видеть Сайыка наказанным.

Этому титулованному задире прощали любые выходки только потому, что он был богат и знатен.

Настала неловкая тишина. Наконец Синьдэ сдался и вздохнул.

— Ладно. Раз вы оба молчите, значит, разделите наказание. Стойте на коленях во дворе до вечернего гонга. Ступайте.

Цзянь испугался:

— Но я же не виноват!

Это было несправедливо. Он не сделал ничего дурного. И он думал, что Синьдэ на его стороне! Очевидно, нет. Все против него ополчились.

Утренний урок уже шел полным ходом, когда Синьдэ привел обоих во двор. Гуаньши, сидевший на своем каменном троне, не повел и бровью, когда увидел Цзяня.

— Стойка лошади, защита, поворот, ответ, стойка лучника, удар, двойной удар, шаг. Стойка лошади... — Он замолчал, когда увидел Сайыка.

Синьдэ вывел юношей вперед и поставил лицом к остальным.

— На колени.

Оба повиновались.

Гуаньши помрачнел и грозно зашептался с Синьдэ, который отвечал почти так же резко. Мастер без особого удовольствия повернулся к ученикам, которые стояли и глазели на наказанных.

— Я что, велел остановиться? Если вы, олухи, ждете моих приказаний, да будет так. Стойка лошади. И не двигаться, пока я не разрешу.

Гуаньши встал и сердито вышел. Половина бедных новиков успела свалиться с ног, прежде чем наставник вернулся.

Вскоре появилась следующая группа учеников. Затем прозвонил гонг к обеду. Несколько человек в свободное время упражнялись во дворе с копьями и посохами. Цзянь и Сайык по-прежнему стояли на коленях. Несколько приятелей Сайыка пытались заговорить с ним, но грозный взгляд Синьдэ их спугнул.

Ближе к вечеру Цзянь начал слабеть. Он из последних сил пытался стоять прямо. Сайык тоже страдал — колени у него медленно, но верно подгибались. Увидев, что соперник изнемогает, Цзянь прибодрился. Если ему не позволено победить в бою, он победит в наказании. Очевидно, Сайык пришел к тому же выводу. Оба застыли неподвижно.

Прошло еще два часа.

У Цзяня, пропустившего завтрак и обед, урчало в животе от доносившегося с кухни запаха. Он взглянул на Сайыка; тот грозно нахмурился. Цзянь нахмурился тоже. Это было своеобразное состязание.

Синьдэ вел вечерний урок, когда ворота школы с грохотом распахнулись. Вбежали двое учеников — один был в крови, а с другого ручьями текла вода, словно его окунули в водопойную колоду.

— Старший ученик! — с трудом пропыхтел первый, плотный и коренастый Хунра, ваяясь на колено. — У западных ворот в «Клюющем журавле» заварушка. Несколько наших схватились с Южным Крестом.

— Сколько нас и сколько их? — спросил Синьдэ.

Хунра сосчитал по пальцам.

— Нас девятеро. А их гораздо больше.

— Что вы вообще там делали? — крикнул Синьдэ.

Хунра как будто смутился.

— Набор в армию уже закончился, вот мы и решили попытать удачи с торговцами...

После победы над катуанцами много военных искусников осталось не у дел. «Клюющий журавль» был сомнительным трактиром, куда являлись торговцы, а то и контрабандисты; там они нанимали охрану для своих караванов. А еще этот трактир считался законной территорией школы-соперницы.

Синьдэ трижды ударил в гонг. Немедленно все ученики собрались вокруг него. Он выбрал десятерых старших, а остальным велел продолжать занятия.

— Мы здесь, чтобы поддерживать мир и следить за тем, чтобы никто — ни наши ученики, ни чужие — не пострадали.

Он указал на дубинки, короткие мечи и посохи, которыми были вооружены его однокашники.

— Не применять оружия первыми!

— Да, старший ученик! — откликнулись те.

В воздухе запахло дракой.

Синьдэ взглянул на Цзяня и Сайыка.

— Вы двое, с нами. Может быть, наконец поймете, что значит братство.

Мальчики охотно вскочили с натертых коленей и присоединились к компании. Несколько учеников сгрудились вокруг Цзяня, вслух сомневаясь в том, что это мудрое решение. Сайык мог пригодиться в драке — он обучался в школе не первый год. А Цзянь был всего лишь новичком с дурной репутацией. Тем не менее Синьдэ повторил, что оба мальчика пойдут с ними, и направился к воротам.

Толпа на людных улицах расступалась, едва заведя лунсяньцев. Люди знали, чего ожидать, когда видели компанию вооруженных учеников. Главным поводом для гордости в княжестве Каобу была армия. Поскольку от всех более или менее высокопоставленных армейских чинов требовалось быть военными искусниками, ни в одном другом городе Просвещенных государств не было столько школ боевых искусств, как в Цзяи. Это неизбежно вело к соперничеству и спорам. Лунсянь считался одной из лучших школ в командорстве — наряду с десятком других.

Цзянь чуть не споткнулся о чьи-то ноги, торчавшие из переулка. Скривившись, он посмотрел на человека, которому они принадлежали. Это был солдат, обнимавший во сне копьё. Целая компания вояк лежала вдоль стены и храпела. Веками главным работодателем в Каобу была армия. Когда закончилась война с катуанцами, Просвещенные государства резко сократили военные расходы, урезав в том числе и количество obsługi. Стало

требоваться меньше кузнецов, кожевников, возчиков — даже содержателей трактиров и харчевен. Княжеству Ка-обу был нанесен тяжелый удар. В нем скапливалось все больше уволенных со службы солдат и военных искусников, искавших работу; предложений было мало, и яростное соперничество между школами усилилось.

Стычку, которая вспыхнула в «Ключущем журавле», было слышно за полквартала. Гул толпы время от времени перемежался воплями и звоном бьющегося стекла. Впрочем, Синьдэ это не интересовало.

Он вскинул руку и, велев лунсяньцам остановиться у входа в трактир, внимательно прислушался.

— Не слышу звона металла и стука дерева. Оружие в ножны! Бить открытой ладонью, если не возникнет жизненной необходимости драться всерьез. Лунсянь не возьмется за оружие первым, вы меня поняли?

Все закивали. Драки между соперничающими школами были не редкостью, и городская стража предпочитала не вмешиваться — лишь бы участники заплатили за ущерб. Поводом для вмешательства были смерть, тяжкое увечье, чересчур большие убытки или мятеж. Все остальное считалось честным состязанием.

Многие уважаемые школы, в том числе Лунсянь, старались обходиться без крови, чтобы избежать ответственности. Гнев Гуаньши, вынужденного возмещать убытки или нести расходы на докторов, был ужасен. По большей части Лунсяню удавалось избегать ссор с другими школами. Единственным исключением была академия Красного Льва, она же Южный Крест, расположенная в западной оконечности Цзяи. Обе школы пользовались уважением и популярностью в городе. Соперничали они в основном за клиентов. Выпускники Лунсяня, как правило, поступали в армию, а ученики Южного Креста становились телохранителями, дворцовыми стражами, охранниками караванов. Поскольку работы становилось все меньше, военные искусники отчаянно боролись за немногие предоставлявшиеся возможности.

В «Кляющем журавле» яблоку было негде упасть — не только внизу, но и на выходивших в зал балконах. Лунсяньцы пробились сквозь толпу, окружавшую драчунов. Цзянь заволновался, когда до него донесся шум схватки. Он впервые видел нечто подобное, и юношу охватил зуд предвкушения. Остальные, казалось, чувствовали себя так же. Большинству явно не терпелось поучаствовать.

Бойцов было немного, но на полу уже лежало несколько неподвижных тел. Насколько Цзянь мог судить, четверо учеников Лунсяня сражались против учеников Южного Креста, которые вдвое превосходили их числом. Еще одна компания из Южного Креста окружила место боя, чтобы драка не расплзлась по всему трактиру и в ход не пошла мебель. Они тоже страшились гнева собственного наставника.

Синьдэ первым достиг стычки. Он бросился в самую гущу на помощь к своим братьям и сестрам, расталкивая драчунов. Когда один из учеников Южного Креста повернулся и атаковал его, Синьдэ ловко увернулся от неуклюжего удара, схватил противника за руку и вытолкнул из круга, а потом обхватил руками девушку из Южного Креста и опрокинул ее наземь. Когда кто-то попытался напасть на него сбоку, он нанес ему удар по лодыжкам так, что тот отлетел. За считанные мгновения старший ученик расшвырял всех «южан», участвовавших в драке. Толпа радостно вопила и аплодировала. Цзянь и прочие лунсяньцы потащили своих раненых к выходу.

Синьдэ стоял в одиночестве в центре круга. Сцепив руки за спиной, он убийственным взглядом обводил ряды Южного Креста.

— Есть еще желающие?

Это было эффектно — наполовину искреннее негодование, наполовину игра. Стычки между школами, хотя и нешуточные, следовали неписаным правилам и нередко становились для школы лучшей рекламой.

Синьдэ прекрасно умел успокаивать драчунов и уже стал легендой в городе. Цзянь видел, как он тренирует надменное выражение лица, часами стоя перед зеркалом.

Старший ученик громко произнес:

— Школы боевых искусств всегда соперничали гордостью и умениями. Мы спорили за право хвастать своими подвигами, за награды на турнирах, где представляли не только себя, но и свои школы, мастеров, семьи. В последнее время, впрочем, мы начали ссориться из-за клиентов и контрактов... — Он широко развел руки и стремительно повернулся, как в танце. Это движение Синьдэ также довел до совершенства. Он был необыкновенно изящен. — Мы боролись за возможность заработать несколько лишних медных лянов. А теперь... — Он вновь сделал выразительную паузу. — Теперь мы ссоримся из-за мест, где можно встретить клиента? Мы так слабы, что не решаемся положиться на собственные достоинства?

Синьдэ шагнул к ученикам Южного Креста. Несколько человек поспешно шарахнулись и чуть не упали.

Под высокими сводами «Клюющего журавля» раздались чьи-то медленные хлопки. Толпа раздвинулась, и в круг вышел рослый мускулистый мужчина. Цзянь ощутил сильнейшее волнение. Чжу Кейро был старшим учеником Южного Креста. Они с Синьдэ соперничали с детства. Оба отличались силой и красотой, и Кейро, по общему мнению, тоже был обаятелен. Если кто-то и мог сравниться с Синьдэ в безупречности, то только он. Правда, друг на друга они совершенно не походили. Если бы Синьдэ посмотрел в Зеркальное озеро в Восьмой преисподней, он увидел бы Кейро.

Старший ученик Южного Креста провел пальцами по бритой голове и потеребил заплетенную узкую бородку.

— Прекрасная речь, Синьдэ. Если это правда, почему Лунсянь здесь?

Синьдэ скрестил руки на груди.

— Здравствуй, Кейро. Я охраняю мир, как следовало бы делать и тебе.

Синьдэ напоминал молодого вельможу — чисто выбритый, с длинными черными волосами, безупречными чертами лица, упрямым подбородком (так, задыхаясь от восторга,

говорила о нем Михе). Кейро походил на уличного громила — лысый, с длинным шрамом от затылка до переносицы, козьей бородкой и крючковатым носом, издававшим свистящее дыхание. Михе признавалась, что Кейро на свой лад привлекателен и тоже был бы достоин поклонения, если бы у него не так дурно пахло изо рта. Михе знала об этом не понаслышке — иногда ее наставница лечила учеников Южного Креста. Впервые увидев Кейро вблизи, Цзянь подумал, что у Михе скверный вкус в отношении мужчин.

Кейро шагнул вперед, приблизившись к сопернику.

— «Клюющий журавль» — территория Южного Креста. Что тут делают лунсяньские отбросы?

Ученики, стоявшие вокруг Цзяня, заворчали, услышав эти оскорбительные слова, но Синьдэ утихомирил их, вскинув руку.

— Трактиры никому не принадлежат, Кейро. А торговцы вправе нанимать кого вздумается. Или Южный Крест боится конкуренции?

— Значит, ты не будешь возражать, если наши ученики отправятся к армейским вербовщикам в Розовом квартале? Так?

Синьдэ поколебался, но все же ответил:

— Пусть победит лучший.

Мастер Гуаньши ни за что не позволил бы конкурентам искать работу в окрестностях своей школы. Кейро был не так уж неправ.

— Правда? — спросил Кейро, принимая стойку. — Проверим?

Синьдэ по-прежнему держал руки за спиной.

— Ты уверен? Мы оба знаем, кто побеждает на турнирах.

— Давай посмотрим, умеешь ли ты драться без судей и победных очков. Южный Крест не уступит Лунсяню. Если хочешь отказаться от боя, давай, повернись задом.

По меркам лунного двора это было грубое оскорбление. Синьдэ не мог отступить. Тем более что именно Лунсянь явился с вызовом. Круг расширился. Хотя Синьдэ и Кейро

были почти равны, на турнирах Синьдэ — более опытный, быстрый, дисциплинированный — побеждал чаще. В бою один на один эти небольшие преимущества могли оказаться решающими.

Некоторые зрители уже размахивали связками лянов и выкрикивали имена, а кто-то принимал ставки. Синьдэ был явным фаворитом, и от этого лицо Кейро еще больше помрачнело. Он принял боевую стойку и дважды притопнул. Синьдэ поклонился, коснувшись правым кулаком раскрытой левой ладони, и выпрямился, снова сцепив руки за спиной. Он тоже дважды топнул выставленной вперед ногой.

Ступня Синьдэ едва успела коснуться земли во второй раз, когда Кейро бросился вперед. Его ноги и руки так и мелькали, нанося короткие резкие удары. Стиль Южного Креста был агрессивным, защитой его адепты нередко пренебрегали, делая ставку на то, чтобы подавить противника. Синьдэ, который много раз дрался с Кейро, ждал атаки. Он увернулся, отбил несколько ударов и отступил в сторону, по-прежнему держа руки за спиной.

Толпа охала и ахала. За Синьдэ болело множество женщин — как обычно. Цзянь и другие ученики Лунсяня громко вопили, видя, как их старший товарищ уверенно демонстрирует свои навыки, а противоположная сторона круга свистела и улюлюкала, изображая презрение. Гнев Южного Креста был вполне оправдан, однако именно в таких стычках военные искусники завоевывали себе репутацию. Поэтому умение показать товар лицом только приветствовалось.

Молодые люди двигались туда-сюда, обмениваясь быстрыми яростными ударами. Кейро давил, а Синьдэ оборонялся, не убирая рук из-за спины. Пантере, бросающейся с низко нависшей ветки, ответом был Ленивый фламинго, прыгающий по камням. Затем последовал Каменный кулак, на который Синьдэ ответил приемом, известным как Девушка с веером (руками он по-прежнему не пользовался). Некоторые удары были так стремительны и энергичны, что Цзянь даже не успевал их заметить. Когда Кейро оттеснил

Синьдэ назад, стоявшая вокруг толпа подалась — все следили одним глазом за дракой, а другим за прочими учениками.

Только когда Кейро сумел ухватить Синьдэ за рубашку и нанести ему скользкий удар, тот наконец начал по-настоящему защищаться.

— Целая минута, — восхищенно прошептал Сайык, стоявший рядом с Цзянем.

Конечно, Синьдэ играл на публику, однако людям нравились его трюки — зеваки восторженно хлопали, брэнчали связки монет. Очевидно, ставки делались на то, сколько времени Синьдэ сможет драться без рук.

Цзянь ликовал вместе с толпой, тяжело дыша и вздрагивая от каждого выпада и удара, как будто сам дрался в кругу. Кейро нанес тяжелый удар, который чуть не лишил Синьдэ равновесия. Когда тот попытался вспрыгнуть на балкон, старший ученик Южного Креста ухватил его за лодыжку и стащил обратно. Но каждый раз, когда казалось, что Синьдэ проигрывает, он совершал какой-нибудь чудесный маневр, заезжал Кейро по физиономии и отступал на безопасное расстояние.

Цзянь и Сайык скакали как безумные. Они улюлюкали и хлопали друг друга по спине, пока одновременно не осознали, с кем вместе радуются. Тогда они поспешно отошли друг от друга.

— Ловкий трюк, — сказал Синьдэ, возвращаясь в центр круга. — Научи меня этому приему.

Кейро тяжело дышал открытым ртом.

— У нас нет ни одного свободного места, и своей очереди ждет множество желающих, но я, так и быть, замолваю за тебя словечко.

— Большое спасибо. Похоже, оно того стоит.

Как Синьдэ мог драться, сохраняя на лице улыбку?

— Может, я покажу тебе, что еще мы имеем предложить? — поинтересовался Кейро.

Его лицо исказилось, и он снова ринулся вперед.

Бой продолжался, но теперь Синьдэ не довольствовался одной лишь защитой. Обнаружив брешь, он атаковал и нанес

Кейро череду молниеносных ударов кулаками и ногами. Ящерица, прыгающая с ветки на ветку. Тысяченогий монах.

Эти движения были скорее эффектны, чем эффективны, но Синьдэ сумел извлечь из них пользу: он ударил Кейро в подбородок, потом в грудь, и тот повалился наземь. Старший ученик Южного Креста быстро оправился, однако Синьдэ не отступал.

Чем дольше продолжалась схватка, тем больше потерь нес Кейто — на его теле расцветали синяки и ссадины. Старший ученик Южного Креста не желал отступать. Тем не менее, проиграв еще несколько атак, он явно стал искать пути к бегству. Но лунсянец не отпускал его — он погнался за Кейро, сделал ложный выпад, подсечку и вышиб из-под ног у противника опору. Кейро чудом устоял, но тут же получил удар в живот и отлетел прямо на зрителей. Цзянь и большинство зевак восторженно взревели. Снова из рук в руки заходили связки монет.

Синьдэ, торжествуя, стоял над поверженным противником.

— Ты здорово дрался, Кейро, — сказал он, протягивая руку. — В следующий раз давай уладим наши разногласия за чашкой рисового чая.

Кейро, сидя на полу, поднял голову.

— Как насчет чашки крепкого цзуйжо?

Он как будто хотел принять протянутую руку... с металлическим звуком клинок вышел из ножен и стремительно скользнул поперек груди Синьдэ. Старший ученик Лунсяня не успел отстраниться. Рассеченное одеяние распахнулось. Юноша попятился, хватаясь за грудь. Пальцы окрасились алым. Кейро поднялся — лицо у него было мрачное, в руке сабля. Он шагнул к ошеломленному лунсянцу.

Цзянь изумленно уставился на Кейро. Схватиться за оружие после честной кулачной драки — это ни в какие ворота не лезло. Он сомневался, что Кейро доведет дело до конца, но ярость на лице старшего ученика Южного Креста испугала Цзяня. Почему Синьдэ не защищался? Он просто

стоял как вкопанный с открытым ртом, зажимая руками рану, и даже не шевельнулся, когда Кейро двинулся к нему.

Вмешаться в поединок считалось совершенно неприемлемым, но Цзяню было плевать на законы лунного двора. Он инстинктивно сорвался с места и бросился в круг. Кейро вовремя его заметил. Скорее всего, он убил бы юношу — саблей или голыми руками, — но тут рядом появилась Сайык. Вдвоем они сшибли Кейро с ног и потащили Синьдэ прочь, в безопасное место.

Остальные лунсянцы между тем набросились на учеников Южного Креста. Цзянь изо всех сил старался заслонить Синьдэ собой, но беспокоили его вовсе не случайные удары. Грудь старшего ученика была мокра от крови. Хаос драки охватывал «Клюющий журавль», как пожар — сухое поле. Кто-то наступил Цзяню на руку, кто-то споткнулся об него. Ему грозила нешуточная опасность быть затоптанным, когда крепкие руки подхватили Цзяня и поставили на ноги.

Сайык, с разбитой губой, толкнул однокашника в спину.

— Веди старшего ученика в безопасное место.

Сквозь шум драки послышался пронзительный свист.

— Стража! — закричал кто-то.

Тут же суতোлка прекратилась, и драчуны бросились врассыпную. Цзянь волок Синьдэ, но далеко они уйти не успели. Он уже собирался спрятать старшего ученика в переулке, когда их настигла шумная и буйная толпа.

Тогда Цзянь загородил Синьдэ и принял боевую стойку.

Он испытал огромное облегчение, когда понял, что его окружают знакомые лица. Двое взрослых учеников подхватили Синьдэ под руки и понесли в школу. Цзянь хотел помочь, но старшая ученица Гвайя его удержала.

— Знаешь, где больница?

Он молча кивнул.

— Приведи лекаря, да поживее. — И Гвайя толкнула Цзяня в спину. — Скорее, дурак! Беги!

И он побежал.

Глава 17

Командорство Санба

Тайши понадобилось шестнадцать дней, чтобы достичь юго-западной границы княжества Син, где находилась Санба. Преодолеть все Просвещенные государства было той еще задачей, тем более что она покинула погребальную гору в Шулане на исходе зимы второго цикла, когда наступала сырая весна третьего.

В пору ее детства такое путешествие заняло бы месяц, учитывая непредсказуемую погоду. Дороги в те времена были разбиты, плохо проложены, да и просто опасны для путников. Иногда два тракта не удавалось свести вместе, если подряд при помощи подкупа получал какой-нибудь бестолковый вельможа, умеющий разве что играть на флейте. На качество работ он не обращал внимания, недоплачивал рабочим, разворовывал средства. Когда ошибку обнаруживали, никто не заботился о том, чтобы ее исправить. Рабочие жали плечами и расходились по домам. Путешественники же упирались в тупик и были вынуждены тащить лошадей и повозки через поля, леса и болота, пока им не удавалось выбраться на нужную дорогу и продолжить путь.

Всеобъемлющему взяточничеству пришел конец, когда князь Янсо убил своего наставника. Внезапно возвысившийся казначей покойного императора Сюаньшина, да длится вечно его величие, сразу ухватился за возможность расширить торговлю и справиться с безработицей. Кроме того, он пощипывал имперскую казну, чтобы вырвать средства из рук своих главных соперников — Сунри и Сана, двух генералов императора. Сунри, чья любовь к созданию армий уступала лишь страсти вести солдат на убой, быстро поняла, в чем польза хороших дорог, и последовала примеру Янсо. Вскоре в игру вступили все правители, и повсюду пролегли удобные, безупречно соединяющиеся дороги. Хоть за что-то Тайши была благодарна князьям.

Последние несколько часов она провела, глядя в окно повозки и восхищаясь пенными порогами на реке. В висевшем над ними тумане мелькала рыба. Повозка затряслась и остановилась на краю обширного озера. Желая знать, в чем дело, Тайши открыла окно и высунулась, придерживая платок на голове. Немедленно ее обдало брызгами и оглушило грохотом волн. Соседние пассажиры возмущенно завопили, требуя закрыть окно. Не обращая на них внимания, Тайши вытянула шею, чтобы получше разглядеть.

Стремительное течение несло кругами, превращаясь в огромную черную воронку. Клуб тумана поднимался над серединой озера и растворялся в небе; сквозь него проблематично виднелась колеблющаяся от ветра радуга. Тайши вытаращенными глазами смотрела на это зрелище, как крестьянская девчонка, впервые приехавшая в командорство, когда вдруг заметила под поверхностью воды яркие искорки.

Что за таинственное место представляла собой Санба?

Не доверяя собственным глазам, Тайши толкнула локтем дремлющего соседа. Старый рудокоп с растрепанной бородой и недельным слоем грязи на лице приоткрыл глаза и повернулся к ней спиной. Тайши уже собиралась толкнуть женщину, сидевшую с другой стороны, когда раздался громкий стук. Повозка, задрожав, стала уходить в землю. Только тогда Тайши догадалась, что они въехали на деревянную платформу, которая теперь опускалась. Небо и земля скрылись из виду, сменившись глиняными стенами. По ним, как металлические змеи, вверх и вниз ползли десятки цепей.

Платформа проехала несколько сотен шагов и, заколыхавшись, остановилась. Тайши увидела нечто вроде просторной подземной площади. Вокруг платформы гуляло множество людей, в том числе хорошо одетых, — некоторые были с семьями, — и как будто никто не видел в этом ничего странного. По краям площади стояли торговцы, предлагая свои товары и зазывая покупателей, за всем бдительно надзирали одетые в желтое стражники.

Это была обычная сцена из городской жизни, не считая того, что площадь находилась в огромной пещере с земляным потолком на высоте третьего этажа, подпертым деревянными балками. Три стены пещеры были из камня и земли, а четвертая — справа от Тайши — представляла собой завесу воды, падавшей сверху и скрывавшей устье пещеры. От воды густо летели брызги, и площадь, казалось, окутывал утренний туман.

Повозка съехала с платформы и осторожно покатила сквозь толпу, направляясь к водяной стене. Достигнув края площади, она повернула налево. Тайши посмотрела вниз на водяную бездну, исчезающую в бесконечной темноте. Казалось, бездна смотрит на нее. Затем Тайши подняла голову и увидела клочок неба, почти скрытый непрестанно льющейся водой. Она не сразу поняла, что находится у основания облака тумана, которое стояло над озером. Тайши заметила несколько висевших на цепях огромных зеркал, которые отражали солнечные лучи, освещая подземный город.

— Впервые в Санбе? — спросила соседка.

Тайши молча кивнула, пока повозка катила по высеченной в скале дороге вокруг водопада.

— Здесь красиво.

Старуха фыркнула:

— Не верь глазам своим. Санбу не зря называют жопой мира.

— Потому что это подземный город?

Соседка указала на просвет.

— Потому что водопад Санбы — заднепроходное отверстие Чжун, а здешние олухи — дерьмо, плавающее в уборной. Будь осторожна, женщина. Санба именно такова.

Повозка описала три четверти круга и свернула в туннель. Деревянные колеса застучали по каменным плитам — повозка катила по дороге, освещенной с обеих сторон шахтерскими лампами. Уклон стал таким крутым, что пассажирам приходилось цепляться за ограждение, чтобы не свалиться. Затем повозка круто повернула направо,

сильно качнувшись, и два внутренних колеса на мгновение оторвались от земли. Тайши ухватилась за сиденье так, что побелели костяшки. Погибнуть под перевернувшейся повозкой — паршивая смерть. К счастью, они выправились и поехали дальше под гору.

Тайши сбилась со счета, сколько ярусов они миновали, все глубже уходя под землю и на каждом повороте въезжая в новый туннель. Каждый ярус был темнее предыдущего, а его обитатели — беднее одеты.

Наконец повозка остановилась у конюшни. Кучер спрыгнул и принялся вытаскивать вещи и клянчить на чай. Тайши сделала вид, что не заметила его протянутую руку; она забрала свой маленький узелок и вскинула его на спину. В основном ее пожитки состояли из нижнего белья и еды. Немногие ценные вещи были надежно спрятаны в склепе.

Тайши уже собиралась спросить у возницы, не проводит ли он ее к Ву Чуну, однако передумала и задала другой вопрос:

— Простите, не могли бы вы порекомендовать мне хорошее, чистое, дешевое место для ночлега?

Он пристально посмотрел на нее и протянул руку. На сей раз она послушно бросила ему два медных лян. Кучер поймал их и сунул в карман с ловкостью опытного человека. Затем он снова окинул Тайши взглядом и ответил:

— Так вам нужно хорошее, чистое *или* дешевое?

Впоследствии Тайши не раз думала, что нужно было дать другой ответ.

Коренастая кухарка с мрачной миной и грязными руками принесла большой поднос. Она остановилась у длинного деревянного стола и принялась швырять на него полные миски, словно игральные кости, заставляя их вращаться и скользить. Мимо Тайши проскочили несколько мисок риса, тарелка с чем-то зеленым, две порции цыплячьих ножек, порция жареной утки. И каждое блюдо замерло в точности перед нужным клиентом.

Тайши признала, что кухарка довела свое умение до совершенства. Ци можно использовать в любой области, не только в боевых искусствах.

— Эй, хозяйка, — сказал мужчина, сидевший рядом с Тайши. При виде стоявшей перед ним жареной утки у нее потекли слюнки. — Где соевый соус?

Женщина глянула на клиента с раздражением, но тем не менее нацедила из меха, висевшего у нее на плече, коричневой жижи в маленькую деревянную миску и ловко пустила ее по столу.

К Тайши, вращаясь, прилетела миска рисовой каши. Оставалось надеяться, что кухарка хорошо умела не только подавать еду, но и готовить. Одного взгляда на содержимое хватило, чтобы разочаровать Тайши. Она насчитала в каше с полдюжины жучков. Тайши вздохнула. Вот так, меньше чем за год она превратилась из посла с княжеским мандатом, пирующего на придворных банкетах, в беглянку, уплетающую отвратительную кашу.

Но так или иначе, она умирала с голоду. В животе у Тайши заурчало, когда она взяла палочки и принялась совать рис в рот, не обращая внимания на жучков. Под соевый соус так и вовсе неплохо зашло, а хрустение на зубах добавляло пикантности. Тайши проглотила кашу и едва удержалась, чтобы не вылизать миску. Она сумела даже стянуть немного утиной кожи у соседа, который по необъяснимой причине не стал есть самую лакомую часть птицы.

Каша, в конце концов, была съедобной, и Тайши набила живот — на большее она и не рассчитывала. Расплачиваясь, она обратилась к кухарке:

— Не подскажете ли, хозяйка, где живет человек по имени Ву Чун?

Кухарка взглянула на нее так же раздраженно, как и на человека, просившего соевый соус, и протянула руку. Тайши, подавив недовольство, вложила медный лян. Здесь и впрямь ничего не доставалось даром.

— Ступай на ту сторону, на утес Хо. Два яруса навверх, через три моста. Следуй за указателями, пока не увидишь большую оранжевую вывеску.

Кухарка отвернулась и затопала к следующему столу, прежде чем Тайши успела спросить, в какую сторону «через три моста». Ну и ладно. За уточнение наверняка пришлось бы заплатить еще лян.

Тайши взяла свой узел и вышла из таверны черным ходом. Она шла по узкому переулку, вырезанному в зеленоватом известняке, пока не оказалась на обдуваемом всеми ветрами карнизе огромного ущелья, которое тянулось в обе стороны, насколько хватало глаз.

Ветерок закружил вокруг лодыжек Тайши, вздымая белый песок и рисуя на земле сотни крошечных воронок. Да, это место совершенно не годилось для того, чтобы здесь жить. Чтобы гостить. Дышать. Да для чего угодно. Площадь с прекрасным видом на водопад и озеро — очевидно, там жили богатые и знатные — превратилась в далекое воспоминание. Уродливое сердце Санбы находилось внизу.

Большая часть населения Санбы обитала на нижних ярусах, глубоко в туннелях, в деревянных домиках, которые лепились к крутым утесам над бездной. Здешние рудники сделали этот город жемчужиной Просвещенных государств. Санба также служила торговой факторией для маленьких шахтерских поселений, стоящих в пустыне деревушек, разбойничьих лагерей к югу от земель Чжун.

Тайши посмотрела через край и увидела бескрайнюю пропасть, исчезающую в непроглядной мгле. От головокружения земля у нее под ногами качнулась; ветер ударил в лицо, обжигая щеки крупной пылью. Тайши плотнее закрыла платком рот и нос и зашагала по деревянному мостику, перекинутому через ужасающую бездну. Она переставляла ноги, стиснув зубы и крепко цепляясь за толстые веревочные перила. Тайши умела носиться на воздушных потоках, но это еще не гарантировало ей полной безопасности. Попытка прокатиться на здешних порывах ветра могла оказаться

гибельной. Несколько идущих навстречу рудокопов ухмылялись, разминувшись с ней: они шли, не держась за перила, спокойной походкой людей, привыкших к качающимся мосткам. Тайши была сама не своя от радости, когда наконец покинула эту шаткую штуковину.

Она несколько раз свернула не туда, прежде чем нашла наконец нужный туннель, о котором говорила кухарка, — два яруса вверх, через три моста. Она не обнаружила никаких указателей и дважды прошла туда-сюда, пока не заметила запыленную оранжевую вывеску, которая, к слову, была довольно среднего размера.

Тайши стерла пыль ладонью и прочла вслух:

— Ву Чун, или Проводник счастливого человека по пустыне.

Внизу буквами поменьше было написано: «Мастер-картограф».

— Картограф, которого невозможно найти, — проворчала Тайши и дернула дверь.

Та оказалась заперта. Тайши, прищурившись, взглянула на третью строчку на вывеске, судя по которой лавка должна была еще работать. Она вновь с досадой затарабанила в дверь.

— Закрыто! — донеслось изнутри.

— Еще два часа как открыто!

— Мне очень жаль. Приходите завтра.

Тайши провела несколько месяцев в склепе, а последние две недели спала на деревянной скамье в трясучей повозке. Она не собиралась ждать еще целый день только потому, что кто-то решил закрыться пораньше, и уж точно не желала из-за Ву Чуна платить за ночлег в гостинице. Тайши настойчиво застучала кулаком.

— Не уйду, пока не откроешь!

— Тогда устраивайся поудобнее. И следи, чтоб лампы не погасли. Ночью холодает и выходят крысы...

Тайши ненавидела крыс. Входная дверь распахнулась, слетев с одной петли и криво повиснув на второй. Тайши вошла и обозрела комнату. Именно так и должна была

выглядеть лавка картографа. Десятки карт всех размеров, форм и цветов свисали с потолка. Справа стоял рисовальный стол, посредине — письменный. Слева полуодетый мужчина какой-то мышиной масти сидел со спущенными штанами над ведром. Дрожа, он таращил глаза на Тайши, как будто сам не знал, что сделать раньше — закричать или натянуть штаны.

— Полагаю, ты Ву Чун. Заканчивай свои дела, я подожду, — сказала Тайши, села за стол и сморщила нос. — Да зажги свечу.

— Убирайся! Как ты смеешь? — Чуну потребовалось немного времени, чтобы закончить и натянуть штаны. Он подбежал к гостю, пылая гневом, и указал на дверь. — Ты заплатишь за новую дверь!

— Я ишу изначальный храм Тяньди. Мне сказали, что ты знаешь, где он находится. Я заплачу... но немного, — добавила она.

Картограф возмущенно скрестил руки на груди.

— Убирайся вон.

— Я всего лишь сорвала дверь с петель. Представь, во что я могу превратить твоё лицо. Тебе повезло — я все еще предлагаю плату.

Наверное, нужно было вести себя тактичнее, но Тайши страшно устала.

Чу подобрался.

— Не угрожай мне! Я под защитой Шелковых Рук.

Несомненно, он имел в виду если не пудру для лица, то какую-то местную банду. Тайши это не пугало. В каждом крупном городе были свои головорезы. Подумаешь, еще одна компания, пытающаяся ее прикончить.

Тратить время на пустые разговоры Тайши не желала. Дело у нее было неотложное.

— Послушай, я могу либо сломать тебе несколько костей, либо заплатить за сведения. Так или иначе, я не уйду, пока не получу то, что мне нужно.

Она никогда не отличалась склонностью к дипломатии.

Немного было нужно, чтобы запутать картографа. Бедняга так дрожал, что очки сползли у него с носа.

— Я не хочу неприятностей, — предупредил он.

— Отличное начало, — сказала Тайши с легкой ноткой угрозы в голосе.

Эта нотка должна была намекнуть ему, что рисовать карты со сломанными руками очень трудно.

Чун сдался.

— Ладно, что угодно, только убирайся. Ты сказала — изначальный храм Тяньди. Ты имеешь в виду тот, который в лесу Фулькан?

— Сколько всего изначальных храмов?

— Ты ведь заплатишь мне, так?

— Я тебя не ограблю, если на то пошло.

Чун исчез за шкафом, который служил комнатной пергородкой, и вернулся, неся длинный деревянный ящик. Он очистил рисовальный стол, медленно, почти любовно открыл крышку и извлек большую цветную карту Просвещенных государств и прилегающих областей.

Не приходилось сомневаться, что Чун и Мори знакомы. Надписи на карте были превосходны. Все вместе представляло собой произведение искусства — исключительно подробное, прекрасно исполненное. Горные цепи, окружавшие Санбу, буквально вздымались над бумагой, окаменелые леса на юго-востоке, полные изогнутых и скрученных деревьев, вызывали страх и тоску. Водная стихия вселяла спокойствие.

Эта карта отлично смотрелась бы и в императорском дворце.

В ней было нечто странное — нечто волшебное. Пока Тайши любовалась деталями, карта словно менялась, но едва заметно, в зависимости от того, под каким углом она смотрела. Тут Тайши поняла, что карта на самом деле представляет собой несколько прозрачных слоев, наложенных один на другой. Как зачарованная, она протянула руку, чтобы погладить один особенно красивый водопад, ниспадавший с утеса в океан.

Тут Чун явил подлинную силу духа. Он с удивительной смелостью хлопнул Тайши по руке.

— Убери свои грязные лапы от карты, сделанной мастером. Я же не стану трогать твои... — он указал на Танец Ласточки, — ...принадлежности.

Тайши промолчала. Он был прав.

— Это лес Фулькан? Справа от Санбы, а посередке какая-то толстая извилистая линия. Если не ошибаюсь, он всего лишь в нескольких часах езды...

— Расстояние не соответствует времени, — загадочно и самодовольно отозвался Чун. — Но — да, Фулькан можно увидеть из Санбы в ясный день.

Тайши ощутила прилив надежды. Она ожидала худшего.

— Прекрасно. Если он так близко, зачем мне карта?

Чун пожал плечами:

— Дело твое. Меня не волнует, что с тобой случится, но, если ты действительно хочешь добраться до храма, она тебе понадобится.

— И сколько ты за нее хочешь?

Он фыркнул:

— Приобрести подлинник? Ты с ума сошла.

Тайши не стала скрывать досаду:

— Так зачем ты вообще ее принес?

Чун, как будто разговаривая с ребенком, принялся терпеливо объяснять:

— Вот как создаются карты. Я сосредоточиваюсь на той области, куда человек намерен отправиться... — Он пальцем обвел место на бумаге. — Вот, например. Затем я расширяю ее и превращаю в карту, которой путешественник может пользоваться.

Тайши вытащила отощавший кошелек.

— Сколько это будет стоит?

Чун глянул через плечо на дверь, сорванную с петель.

— Двадцать серебряных монет. Три дня работы.

Тайши ахнула. Цена была немислимая.

— Двадцать? За паршивый клочок бумаги? Пожалуй, все-таки следует тебя ограбить просто потому, что ты начал первым!

— Я мастер-картограф, — ответил Чун, и в его голосе звучали негодование и праведный гнев. — А не какой-то уличный пачкун с куском мела. Если тебе нужно качество, придется заплатить.

Он был прав. Нельзя нанять военного искусника по той же цене, что и трактирного громилу. Это правило применимо и к мастеру-картографу. И все-таки... двадцать серебряных монет ее разорят. Тайши не собиралась спать на земле и питаться жидкой кашей только потому, что Чун был мастером. Она указала на простые меловые наброски, висевшие на стенах.

— Я не прошу красивой карты. Сделай что-нибудь попроще.

Они торговались еще пятнадцать минут, прежде чем остановились на восьми серебряных монетах. Это была возмутительная цена, но, по крайней мере, Чун согласился работать поскорее.

— Приходи через три часа. Карта не выдержит никакой критики, и я не поставлю на ней свое имя. И вообще буду отрицать, что это моя работа.

Чун достал свежую стопку пергамента и пальцем обвел ту область, которую собирался перерисовать.

— Четыре часа. А ты тем временем найми проводника.

— Зачем? Я умею читать карты.

Чун закатил глаза.

— Ты не понимаешь. Тебе придется преодолеть Песчаную Змею, чтобы добраться до леса Фулькан. А значит, ты пойдешь прямо на север — за вычетом того времени, когда все Небесное семейство будет в сборе, — потом повернешь на три градуса к северо-западу. Понадобится шесть слоев, чтобы правильно обозначить звезды и принять во внимание ветер, глубину и... — Он хитро взглянул

на Тайши. — Как у тебя дела с трехмерной геометрией и многопричинной навигацией?

— Что?

— Вот-вот.

Их разговор прервал молодой голос:

— Я вернулась. Ты закончил или... о. А почему дверь сломана?

На пороге стояла девушка — стройная, высокая, широколицая, с прямыми черными волосами до плеч. Одета она была просто, лоб закрывала челка. Миловидная, но ничего особенно интересного, не считая глаз. Смотрели они пристально и внимательно, все подмечая. Вероятно, это была дочь картографа. Но если Чун постоянно тревожился и суетился, то девушка держалась уверенно, с твердостью, не свойственной ее возрасту.

Дочь Чуна взглянула на Тайши и уперлась руками в бока.

— Это ты натворила?

— Да, — сказала Тайши и повернулась к картографу. — Где я могу нанять проводника, способного прочесть твою дурацкую карту?

— Пустынная фактория находится на южном краю города, у подножия утеса. Если боишься заблудиться, купи карту. — Он протянул руку. — А теперь плати за заказ. Восемь монет.

— Заплачу, когда вернусь.

— Что? — воскликнула девушка, подбегая к столу. — Ты за восемь монет рисуешь движущуюся карту для этой тетки, которая сломала нам дверь? Ты рехнулся? Твое время стоит дороже! Почему бы вообще не подарить ей всю лавку?

Тайши она понравилась.

— Закрой рот, Цофи, — резко ответил Чун. — Помни свое место.

Он взглянул на Тайши и произнес твердо, словно пытаясь оправдаться за недавнюю робость:

— Сначала деньги. И приходи через четыре часа.

— Срочная работа? — взвизгнула Цофи.

Тайши неохотно бросила на стол восемь серебряных монет.

— До скорой встречи. Надеюсь, карта будет готова.

Она повернулась к двери и обнаружила, что путь ей преграждает не в меру самоуверенная дочь Чуна.

— Ты облапошила моего старого полоумного отца, но, пока я здесь, тебе это с рук не сойдет. Ты заплатишь по справедливости. И за дверь тоже.

Тайши некогда было спорить. Она коснулась рукояти меча.

— Уйди, девочка.

Цофи не устрасила ее угроза. Она по-прежнему стояла, уперев руки в бока.

— Ву Чун — один из величайших картографов в Просвещенных государствах. Он десять лет учился в университете Суньшэн, а потом двадцать лет пренебрегал женой и дочерью, пока не обзавелся этой паршивой лавкой. Теперь мамы нет, а он совсем спятил, и, кроме лавки, у нас ничего нет. Она достанется мне. И я никому не позволю себя надуть.

Тайши хотела ответить резкостью, но эта маленькая крикунья была слишком очаровательна. Тайши улыбнулась и достала три медных лян.

— Новую дверь я вам не куплю, но этого хватит, чтобы поменять петли.

Девушка сжала деньги в кулаке, однако не отступила.

— Еще три серебряные монеты за работу. За движущиеся карты мы обычно берем пятнадцать. Она так и так достанется тебе по дешевке.

— Прости, детка, — Тайши покачала головой. — Уговор есть уговор.

— Ты принудила отца силой! — возразила Цофи. — Держу пари, ты наставила на него свою острую штуковину, и он тут же сник, как нежная фиалка.

— Эй! — запротестовала нежная фиалка.

Женщины, не обращая внимания на хозяина магазина, продолжали мерить друг дружку взглядом.

— Купля и продажа должны быть честными, — сказала Цофи. — Гони еще три монеты — или уйдешь без карты.

Цофи напоминала Тайши одну маленькую нахальную воительницу — в те годы, когда она, бесстрашная и наивная, впервые вознамерилась оставить в мире память о себе. Мир скоро выбьет из девчонки наивность — если, конечно, Цофи удастся протянуть до тех пор. Дочка картографа все больше нравилась Тайши, однако терпение у нее постепенно истощалось. Тайши помахала рукой, и поток воздуха ударил Цофи в бок. Та вскрикнула и споткнулась, чуть не упав на поганое ведерко.

— Я вернусь через четыре часа, картограф, — бросила Тайши, не удосуживаясь оглянуться. — Карта должна быть готова.

— Скажи, что тебе нужно миновать шахтерский поселок в Манки. Потом вам с проводником придется день или два идти пешком.

Уходя, Тайши одобрительно кивнула Цофи. По ее мнению, в этом суровом мире явно не доставало сильных независимых женщин. Она уже собиралась бросить на стол серебряную монету в знак одобрения, но в животе у нее заурчало, и Тайши вспомнила, сколько еды можно купить на серебряный лян.

Тайши покинула магазин Ву Чуна, не расставшись больше ни с одной монетой.

Глава 18

Совет Незры

Сали шла вместе со стражами Совета, минуя проулки один за другим. Она заметила, что они не выходили на главные улицы — только раз, когда понадобилось перейти на другую сторону. Кто бы ни отдал приказ найти ее и доставить,

он очень хотел, чтобы присутствие Сали осталось незамеченным.

Место, куда ее вели, находилось в противоположном конце квартала — добирались они туда почти час. Как ни странно, катуанские улицы казались гораздо более людными, чем чжунские. Они миновали грязные дворы, набитые нищими. На земле повсюду горели маленькие костры, как будто здешние обитатели просто внутренние сломались и забыли о своих традициях. Сали скрипнула зубами при виде этого святотатства. Она старалась смотреть прямо перед собой, но по мере того, как они заходили все дальше в глубь квартала, сдерживаться становилось труднее. Сали ощущала гнев — и искреннюю скорбь.

Наконец они повернули на чуть менее тесную улицу, на которой было капельку чище, чем в окрестностях, и шли по ней, пока не достигли обветшавшего особняка. В этом большом доме раньше явно жил какой-то вельможа, но, очевидно, особняк уже не один десяток лет стоял заброшенным.

— Как стражи Совета у ворот узнали меня? — спросила Сали, когда они вошли во двор.

Оленеглазый недоверчиво взглянул на нее:

— Ты — Сальминдэ, Бросок Гадюки. Я вырос, слушая истории о твоих подвигах. Когда мы с друзьями в детстве играли в набеги, мне доставалась твоя роль.

Сали вздохнула:

— Ну ладно...

Слуга встретил их во дворе и проводил в сад за домом. Извилистая дорожка вела к идеально круглому пруду. В середине пруда находился остров с бамбуковым павильоном. У моста, соединявшего остров с берегом, стояли двое стражников. Оленеглазый подошел к ним и что-то сказал. Сали заметила у стражей — мужчины и женщины — зеленую нашивку на плече.

Оленеглазый вернулся.

— Начальник стражи сообщит о твоём прибытии Совету Незры. Это не займет много времени. Я...

— Делай что нужно, я не возражаю.

Мальчик явно нервничал. Почему-то от его тревоги Сали самой стало не по себе. Быть может, это засада? Но с какой стати Совету Незры на нее покушаться? Сали посмотрела направо и налево: пятеро стражей в пределах видимости. Совету стоило бы собрать больше людей, если они хотели ее убить.

Оленеглазый стремительно развернулся к ней. Так быстро, что Сали почти вздрогнула. Будь у него в руках нечто, напоминающее оружие, он уже был бы мертв.

— Тысяча извинений, Бросок Гадюки Сальминдэ, — неуклюже выговорил юноша. — Я только хочу спросить. Раз вы вернулись, значит, вы восстановите секту?

— Я...

— Если да, умоляю, позвольте мне быть первым, кто назовет вас мастером. Меня зовут Хампа. Я просил позволения вступить в секту накануне падения Незры. Я всегда мечтал стать Броском Гадюки...

Сали повернула его лицом к озеру, заставив замолчать, и проговорила сквозь сомкнутые губы:

— Ты должен охранять меня, юный Хампа.

Он оправился в ту самую минуту, когда начальник караула вернулся на берег. Стражник приблизился к Сали и протянул руку.

— Совет Незры согласен вас принять. Отдайте оружие. Как интересно.

— Попробуйте забрать.

— Вы получите его обратно после аудиенции.

Сали ответила молчанием. Начальник караула заколебался под ее взглядом.

— Я не могу пропустить вас с оружием!

Сали развернулась.

— Когда члены Совета наберутся смелости, пусть пошлют за мной. Я позволю им не сдавать оружие.

— Но... подождите! Нельзя пренебречь вызовом Совета! Эй, задержите ее!

Стражи не двигались с места — никто не смел. Сали уже сделала шаг обратно к дому, когда послышался резкий голос:

— Верните ее, недоумки! Если Бросок Гадюки действительно захочет нас убить, она сделает это и без оружия. Вы, чахлаые плющи, не сможете ей помешать.

Сали обернулась, гадая, не претерпел ли дюжий мужчина, которому принадлежал этот голос, такое же преображение, как бедный Кваза. К ее легкой досаде, человек, шагавший к ней по деревянному мосту, был таким же сытым и здоровым, как раньше.

— Ариун.

— Сальминдэ, — произнес он, слегка склонив голову. — Ты, кажется, не рада меня видеть.

— Просто удивлена, — возразила та. — Я не думала, что начальник обороны Незры мог пережить свой город.

— Я могу сказать то же и о тебе, Воля Хана, — ответил Ариун и жестом позвал ее за собой. — Пойдем. Тогда мы оба сможем утолить наше любопытство.

Сали не видела причин отказываться. Бок о бок они зашагали по мосту.

— Ты теперьходишь в Совет?

— Я его возглавляю.

— Какое счастливое стечение обстоятельств.

— Ничего счастливого. Здесь нет победителей, Сальминдэ. Никто не хочет состоять в Совете. Мы страдаем под властью чжунцев, пытаясь облегчить бремя нашего народа.

— По крайней мере, ты не голодаешь.

Сали разглядывала Ариуна, пока они шли по мосту. Морщины у него на лице стали глубже и резче. Выбритые виски поседели. Тем не менее он оставался крепким и мускулистым и обзавелся внушительной властной осанкой — настоящий катуанский воин, за тем исключением, что длинные волосы, подобающие воину, были острижены почти под корень. Недоставало ему и еще кое-чего. Вещи, без которой Сали никогда не видела Ариуна раньше.

— А где Жало?

Ариун сжал зубы.

— После нашего поражения, — негромко ответил он, — чжунский генерал потребовал знак покорности от выживших глав города.

Хотя катуанцы обычно не одушевляли принадлежавшие им предметы — лошадь есть лошадь, статуя есть статуя, меч есть меч, — бывали и исключения. «Язык» Сали, которым она очень дорожила, был просто кнутом. Просто оружием, инструментом. Но как она была *тем самым* Броском Гадюки среди прочих Бросков, так и Жало Ариуна — цепной кнут, который при необходимости превращался в узкий прямой клинок, — был *тем самым* Жалом. Он достался ему от деда, который считался лучшим оружейником своей эпохи. Ничем другим Ариун так не дорожил.

— Жало теперь в руках человека, который сжег наш город дотла и потопил его в Травяном море?

— Я добровольно принял это решение. И повторил бы, если пришлось, — ради спасения нашего народа. Я ни о чем не жалею.

Сали ему не поверила. Судя по голосу, Ариун сам в это не верил.

Они добрались до островка, где их ждали тринадцать человек — мужчин и женщин, сидевших на деревянных скамьях в бамбуковом павильоне. Все члены Совета Незры были относительно хорошо одеты и сыты. Сали не узнавала лиц — впрочем, не стоило удивляться. За минувшие десять лет она чаще спала под открытым небом, чем у домашнего очага.

Ариун занял свое место во главе Совета.

— Друзья-советники, перед вами Сальминдэ — Бросок Гадюки и Воля Хана.

Сали поклонилась.

— Приветствую Совет Незры.

Судя по их лицам, они ждали ее прибытия без особого восторга.

— Добро пожаловать, Сальминдэ, — сказала седоволосая женщина. — Мы рады, что один из великих воителей Незры вернулся к своему очагу.

Сали внимательно изучала лица сидевших. Ни у кого, кроме Ариуна, не было выбритых висков.

— Что случилось с прежним Советом?

Ариун издал сдавленный звук.

— Прежний Совет после захвата города отверг многие требования чжунцев, поэтому с ним публично расправились.

— Значит, вы игрушечный совет, — резко сказала Сали.

— Мы поддерживаем порядок. И направляем наш народ, — твердо произнесла женщина. — Это вынужденная необходимость. Полагаю, ты понимаешь, что мы приняли мудрое решение.

На этом любезности закончились. Разговор тут же принял ожидаемый оборот.

— Зачем ты приехала в Цзяи? — почти с негодованием спросил сидевший рядом мужчина. — Ты — Воля Хана, но ты все еще жива. Почему ты не вернулась к Целому?

— Я сама решу, когда завершить свою службу народу Катуга, — ответила Сали ледяным тоном, не терпящим возражений. — Настали небывалые времена, и я склонна думать, что принесу больше пользы живой, чем мертвой. Поэтому я стала Искателем Души.

Совет заворчал.

— Это неслыханно, — сказала седая женщина.

— И даже опасно, — заметил морщинистый мужчина, одетый по-чжунски.

— Богохульство, — добавил кто-то.

Сали ощерилась. Ей страшно надоело слышать попреки от всех и каждого.

Ариун поднял руку, требуя тишины, и спросил:

— Поиски нового воплощения Хана привели тебя сюда?

Сали выдержала его взгляд и кивнула.

— Да.

— Это твоя единственная цель?

Сали, вздернув подбородок, произнесла:

— Вечный Хан — спасение нашего народа. Его возвращение — единственное, что имеет смысл. Я требую вашей помощи.

После возвращения Сали странствовала по Травяному морю, разыскивая тех, кто выжил после падения Незры, прочесывая лагерь беженцев, следуя за слухами и намеками. Однажды она даже позволила себе нарочно попасться разбойничьей шайке. Понемногу, собирая разрозненные воспоминания уцелевших, Сали восстановила картину битвы и ее последствий.

— Для детей Незры времена настали и впрямь небывалые, — сказала седая женщина. — Единственный способ выжить и отомстить — проявить стойкость. Совету понадобилось несколько месяцев, чтобы достичь согласия с оседлыми. Мир, который мы получили, требовал многочисленных встреч и переговоров. Лишь недавно Совет вернул нашему народу подобие спокойствия. И мы не потерпим, чтобы наши успехи превратились в ничто.

— Даже в оковах? — прорычала Сали.

— Даже в качестве слуг, — сердито вмешался молодой человек.

События, последовавшие за падением Незры, были еще ужаснее самой битвы. Сали из первых уст слышала рассказы уцелевших, которым посчастливилось не оказаться в числе тех, кого пригнали силком в командорство.

Лишь седая женщина говорила с некоторым сочувствием.

— Теперь нам остается лишь заботиться о благосостоянии нашего народа. Все остальное, — со смирением произнесла она, — подождет, пока не будет найдено разумное решение.

Сали подавила ярость. Если этот Совет выражал волю ее народа, значит, ее народ потерпел полное поражение. Судя по всему, большинства высших каст Незры более не существовало — возможно, об этом позаботились сами чжунцы. Сали задумалась, отчего выжившие обитатели Незры не возмущались и не восстали. Но легко ей было гневаться — она

не испытала того, что пришлось перенести им. Каждый день на протяжении последних трех циклов они пытались выжить во враждебном краю, на мертвой земле.

Хуже всего было то, что шаманы оставили город. Большинство жителей Незры пали, защищая ее. Те, кто выжил в битве, угодили в плен и превратились в кабальных слуг. У Сали болела душа при мысли о том, что она не сражалась рядом со своими сородичами. В качестве одного из условий мира шаманы согласились передать выживших генералу Цюань Са, уничтожившему Незру и ставшему за свои заслуги губернатором Цзяи. Если Мали уцелела, она находилась где-то здесь.

— Кажется, мы достигли взаимопонимания, — продолжала седоволосая женщина. — Что хочет Искатель Души?

— Мне нужен перечень всех, кому меньше восемнадцати лет.

Хан мог воплотиться в ком угодно, но непременно в ребенке или подростке. После обнаружения новый сосуд Хана отправляли в Шакру на обучение к шаманам, а затем, в день восемнадцатилетия, над ним совершали ритуал, делавший его новым Вечным Ханом. Цзяминю было четырнадцать.

— Договорились, — сказала женщина. — Мы проведем перепись и сообщим тебе. Что-то еще?

— Пока всё. — Сали прижала к груди кулак и повернулась к выходу.

Она дошла до середины моста, когда позади послышались тяжелые шаги.

— Подожди, Сальминдэ.

Она остановилась.

— А, Ариун.

— Я хотел сказать, что ты можешь на меня рассчитывать.

— Только-то?

Он дошел вместе с ней до конца моста.

— Совет — единственный голос нашего народа, к которому прислушиваются чжунцы. Мы все хотели бы жить свободно в Травяном море, но судьба распорядилась иначе.

Совету понадобился почти год, чтобы добиться права голоса. Мы остановили избиения и казни. Сигнал к тушению огня теперь подают не раньше восхода первой луны. Наши люди имеют право беспрепятственно перемещаться по городу. Совет обеспечивает их едой, водой, лекарствами и прочим.

— Наш народ должен быть благодарен вам за заботу. Сали говорила вполне искренне.

Ариун остановился у конца моста.

— Мне нужно твое обещание. Совет трудился долго и упорно, чтобы даровать людям спокойствие, которым мы все сейчас наслаждаемся. Дети Незры не в том состоянии, чтобы поднять мятеж. Мы балансируем на грани — и не хотим потерять те жалкие крохи, которые приобрели. Дай слово, что не будешь мутить воду, пока ты здесь.

Сали ответила, старательно подбирая слова:

— Делай, что считаешь нужным. Я тоже буду поступать из своих убеждений.

Она развернулась, чтобы уйти, но Ариун схватил ее за руку.

— Дай слово!

Сали смотрела на него, пока он не разжал пальцы, а потом сказала:

— Придется тебе пока довольствоваться этим.

Глава 19

Школьная жизнь

Цзянь со всех ног бежал к дому мастера-иглоукалывателя. Он бешено размахивал окровавленными руками, пробираясь по людным улицам, и кричал:

— Дорогу! Дорогу! Осторожно! Срочное дело! Дайте дорогу!

Большинство прохожих не обращали на него внимания и не удосуживались отойти. Те немногие, кто поворачивался на крик, просто глазели на юношу с любопытством. А некоторые вообще нарочно лезли под ноги.

Цзянь в первые же дни в Цзяи привык к тому, что его постоянно сбивают с ног и толкают. Поначалу он думал, что здешние жители презирают простолюдина в жалкой коричневой одежде — а другой у Цзяня не было. Позже он понял, что им просто все равно. Затем он обнаружил, что порой его пихают ради забавы. Тогда Цзянь решил, что город полон дураков. Уличные торговцы, военные искусники, солдаты, рассильные, случайные прохожие — сплошь дураки.

Цзянь свернул, чтобы не попасть под встречную повозку, и продолжал бежать боком, прижавшись спиной к стене. Он перепрыгнул через двух собак, которые зарывали и попытались ухватить его за штаны. Даже уличные шавки в Цзяи были глупы и упрямы.

Он остановился на людном перекрестке и чуть не угодил под копыта конной стражи. Более того, командир, заметив растрепанного парня в грязной одежде, принял его за нищего или вора и ударил ногой. Цзянь ткнулся носом в черную жижу, доходившую до лодыжек. Он вытер лицо и нахмурился. Но, по крайней мере, грязь скрывает кровавые пятна. Едва успев подняться, юноша бросился в сторону, чтобы избежать еще одной повозки. Возница даже не подумал остановиться.

— Ах ты тухлятина!

Вспомнив о срочности своего поручения, Цзянь вылез из лужи и побежал дальше, ныряя между повозками и рикшами. Он миновал Катуанский квартал. В тот день с утра в Цзяи прибыл целый катуанский город, и теперь все улицы были забиты повозками. Цзянь шарахнулся от приближающейся компании, внезапно осознав, что его в большинстве окружают бывшие враги.

— Ты больше не Предреченный герой, — негромко сказал он себе и заторопился дальше.

Ему понадобилось почти два часа, чтобы добраться до квартала Шафрановая Догма на противоположном конце города, где находилось большинство медицинских заведений. Дом мастера Куи — вместе с десятком других иглоукалывательных заведений — стоял на улице под названием Игольная. Цзянь давно размышлял над тем, отчего все представители одной профессии селятся так близко друг к другу. Человеку, нуждавшемуся в их услугах, приходилось идти через весь город в определенный квартал. Синьдэ объяснил, что княгиня Сунри всегда смотрела на Цзяи как на военную крепость: удобно должно быть тем, кто управляет, а не тем, кто нуждается в услугах.

Цзянь влетел в дом, с грохотом распахнув дверь. Михе стояла посреди комнаты, внимательно глядя на красный кружок размером с детский кулачок, нарисованный на стене. Она не обратила на Цзяня никакого внимания.

— Нам нужно... — пропыхтел он, с трудом переводя дух.

— Ш-ш, — Михе подняла руку. — Секунду.

— Но...

— Теперь три секунды, Гиро.

Ученица лекаря сунула руку в сумку, висевшую у нее на боку, и сделала быстрое метательное движение.

Сначала Цзянь ничего не понял, а затем увидел четыре тонкие иглы, торчавшие из стены на расстоянии ладони от красного кружка. Михе скривилась и повторила бросок другой рукой, всадив еще четыре иглы выше мишени. Она бросила еще два раза, воткнув пучки игл справа и снизу.

Цзянь присвистнул.

— Неплохо...

— Дурацкий паршивый кружок, — ругнулась Михе, подошла к стене и выдернула иглы.

— погоди, ты что, пыталась попасть в кружок?

— Молчи! Посмотрела бы я, как ты умеешь метать иглы.

Юноша хотел бы сказать, что стиль мастера Луды предполагал метание металлических палочек для еды, и он, Цзянь, разумеется, в совершенстве освоил этот прием,

но ему пришлось промолчать. Даже если бы он не был обязан хранить тайну, вряд ли этим стоило хвастать.

Тут он вспомнил, зачем пришел:

— Кеинде ранен... то есть...

Михе в замешательстве взглянула на него:

— Кеинде? Это кто такой? Ты имеешь в виду Кейро?

А я тут при чем? У них в школе есть свой лекарь.

— Я хотел сказать — Синьдэ! Он тяжело ранен. Кейро полоснул его саблей по груди.

Михе схватила сумку и направилась к двери, прежде чем Цзянь успел договорить. Он последовал за ней.

— Что случилось с моим Синьдэ? — спросила она.

— Синьдэ выиграл бой, а Кейро сжульничал и схватился за саблю.

Михе бежала по улице, и Цзяню с трудом удавалось не отставать. Прохожие бросали на девушку один взгляд и торопливо отходили.

— Будь проклята его мерзкая лысая голова, похожая на дыню, и вонючее дыхание! Рана глубокая? Мой Синьдэ в сознании?

Дойдя до перекрестка, Михе даже не замедлила шаг. Удивительно, но ни одна повозка на нее не наехала.

— Не говори так, как будто он твоя собственность! И я не знаю, насколько серьезна рана. Крови было много... — Цзянь вдруг встревожился. — Ты уверена, что справишься? Где твоя наставница?

— Мастер Куи лечит собаку.

— Собак лечат иглоукалыванием?!

Михе пожала плечами:

— Когда доходов мало, выбирать не приходится.

К счастью, Розовый Хребет находился неподалеку от Шафрановой Догмы. У входа в лазарет уже собралась огромная взволнованная толпа. Цзянь толчками проложил дорогу Михе. Когда ученики ее заметили, по толпе пронесся вздох облегчения.

— Лекарь здесь! — крикнул кто-то. — Давно пора!

— Да это же ученица Михе. А где настоящий врач?
Девушка остановилась на пороге и бросила сумку наземь.

— Мастер Куи занята. Я пришла, чтобы позаботиться о раненом.

Облегчение на лицах учеников живо сменилось тревогой. Михе помахала рукой, отгоняя стеснившуюся вокруг толпу.

— Ну-ка отойдите. Вы мне мешаете.

Она открыла дверь и вошла. Цзянь мельком заметил тетушку Ли, которая стояла над бледным, лежавшим навзничь Синьдэ и прижимала ком ткани к его груди. Дверь с громким стуком закрылась. Встревоженная толпа, которую больше ничто не удерживало, хлынула вперед и обступила крыльцо. Несколько человек обошли дом, чтобы заглянуть в окно.

Дверь приоткрылась. Михе выглянула и хмуро сказала:

— Я слышу ваше сопение. Вам что, больше заняться нечем?

Никто не двинулся с места.

Михе вздохнула:

— Просто не шумите, ладно?

Мастер Гуаньши влетел во двор.

— Эта безволосая крыса вытащила саблю в разгар кулачного боя? О чем думает старый хрен Шицюань? Он хочет объявить войну? Мне? Мы всегда были друзьями! Когда он открыл школу, я послал ему целую корзину цветов! Ну, теперь я выдворю эту кодлу из Цзяи! Гвайя, Сайык, Каби, открывайте оружейную!

Взбурдаженные ученики рассыпались по двору с улюлюканьем и криками. Одни бросились выполнять приказ мастера. Другие отправились в сарай и принесли охапки тренировочных кожаных жилетов. Сайык и Каби приволокли две корзины с боевыми посохами, а Муна — грудку мечей. Казалось, школа готовится к войне.

Цзянь стоял на ступеньках лазарета вместе с тремя другими новичками, не зная, можно ли ему присоединиться. Он наблюдал за тем, как остальные, возбужденно

переговариваясь, надевали защитные жилеты и помогали друг другу застегнуть пряжки. Во дворе царило лихорадочное нетерпение. Юноша нахмурился: общее волнение ему не нравилось.

Он целые часы проводил в комнате возле тренировочной арены вместе со своими личными телохранителями. Его охранники были опытными прославленными воинами. Цзянь всегда удивлялся тому, что перед выходом на арену они оставались спокойными и сдержанными. Они совсем не походили на эту буйную толпу, взвинчивавшую себя до изнеможения.

Он посмотрел на Вонну и ее старшую сестру Гвайю, которые помогали друг другу одеться. Цзянь понял, что предстоящий бой важен для них, да и для всех прочих. Ученики любили Синьдэ и школу Лунсянь. Вот почему они так взволновались. Личные охранники Цзяня сохраняли невозмутимость не потому, что многолетний опыт отучил их проявлять чувства, а потому, что тренировочные бои были ненастоящими. Телохранители, мастера, князя, все на свете считали ненастоящим его самого — избалованного мальчишку, с которым они нянчились ради куска хлеба.

Ни один человек в Небесном дворце не думал о Цзяне. Вот почему оказалось так легко сбросить его со счетов, когда рухнуло их дурацкое пророчество.

Нет, неправда. Дядя Фаару любил Цзяня и заботился о нем — и заплатил за это жизнью.

— Эй, Гиро, ты что тут стоишь? — крикнул Сайык и бросил ему кожаный жилет. — Держи, заморыш, он тебе в самый раз будет.

На языке у Цзяня вертелся резкий ответ, но он удержался. Сайык говорил с ним грубо, но сами слова звучали по-другому. Впрочем, это было неважно. Цзянь не принадлежал к школе Лунсянь и не хотел за нее драться. Он просто прятался здесь от Немых и от наемных убийц. Ввязавшись в драку, он рискует выдать себя...

Сайык глянул на него через плечо.

— Ну, ты идешь или нет?

Все разумные мысли вылетели у Цзяня из головы в то самое мгновение. Он без колебаний надел жилет.

— Конечно. Я сейчас!

Цзянь не признал бы этого, но он только и ждал, чтобы кто-нибудь его позвал. Предреченный герой всегда был сам по себе. Особенный, необыкновенный... весь дворец именно так с ним и обращался. Юноша до сих пор не сознавал, в каком ужасном одиночестве жил. Впервые он ощутил вкус товарищества. Ему понравилось быть частью чего-то большего. Цзяню страшно этого не хватало.

— Выступаем! — рявкнул Гуаньши.

Он держал в руке фамильное оружие Коневбийцу — большой топор с длинным лезвием. Гуаньши велел ученикам выстроиться за ним, и вся компания уже собиралась выйти на улицу, когда чей-то громкий голос прорезал общий гвалт.

— Куда это вы направляетесь, мастер Гуаньши? — поинтересовалась тетушка Ли.

Она стояла на пороге лазарета, упершись руками в бока.

Гуаньши застыл на месте, как школьник, которого застали на краже сладостей из кухни.

— Я забочусь о своей школе, — буркнул он.

Тетушка Ли подбежала к нему и погрозила пальцем.

— Я вам голову разобью, если вы сделаете еще хоть шаг! Вы не далее чем вчера разговаривали с городским магистратом и пообещали сократить стычки между школами. А теперь лично собираетесь объявить войну Шицуюаню? Вы что, ума лишились?

Ученики не двигались с места. Пусть Гуаньши был хозяином школы, все знали, кто тут на самом деле главный.

Все, кроме одного юного недоумка, который рискнул открыть рот.

— Но тетушка Ли, этим негодяям из Южного Креста нужно преподать урок.

Тетушка Ли бросила на него такой взгляд, что ученик застыл как вкопанный.

- Я разве с тобой разговариваю, Фень?
- Сейчас? Да. Ой. То есть нет.
- Ступай мыть уборную.
- Но Гиро уже... — Фень замолчал и опустил голову. —

Хорошо, тетушка Ли.

Она вновь повернулась к Гуаньши:

- Если вы развяжете войну, магистрат закроет школу.
- Они чуть не убили моего старшего ученика! — взревел Гуаньши. — Что скажет лунный двор, если мы не отомстим? Я потеряю лицо!

— Потеряете лицо, но сохраните школу. Если Лунсянь дважды за один день полезет в драку, штраф будет наименьшей из ваших забот. — И тетушка Ли с силой ткнула Гуаньши ручкой метлы. — Синьдэ поправится. А вот за вас я не поручусь, если вы немедленно не уйдете и не займетесь своим делом.

Все стояли и ждали знака. Мастер Гуаньши замысловато выругался, сунул Конеубийцу Гвайе и вернулся в дом.

Так все и закончилось. Цзянь едва успел надеть защитный жилет, и вот уже пришлось его снимать. Остальные, ворча, делали то же самое.

Тетушка Ли стояла у ворот, словно стражник.

— Ну-ка, несите эти острые штуковины обратно в оружейную. Нечего устраивать беспорядок. Если я увижу, что посохи валяются где попало, все отправитесь мыть уборные! Гиро сможет отдыхать до конца года!

— Я буду очень... — начал Цзянь.

— Тебе никто не разрешал открывать поддувало! — тетушка Ли повысила голос. — Раз уж мы взялись за уборку, давайте заодно наведем порядок во дворе. Вымойте статуи, налейте в вазы свежую воду, подстригите изгороди! Я хочу, чтобы двор сверкал, как картинка. Ну, за работу!

Ученики взялись за дело — они убрали оружие в корзины и сложили защитные жилеты аккуратными стопками, а потом принялись старательно мести каменные плиты. Цзянь не возражал против такого наказания. Все это ему и так

приходилось проделывать в одиночку. Ученики прилежно трудились во дворе, когда дверь лазарета открылась и вышла Михе. Она пробыла внутри меньше часа. Лицо у нее было серьезное, а перед плаття выглядел так, словно она разделывала коровью тушу. Все в ужасе уставились на девушку.

— Это не моя кровь, — поспешно сказала Михе и, сообразив, что ее слова никого не успокоили, добавила: — Все не так страшно! Мне надо вернуться к мастеру Куи, но не беспокойтесь, Синьдэ поправится. Он отдыхает. Я натыкала в него иголок, чтобы снять боль. Не лезьте к нему. Я скоро вернусь, чтобы сменить иглы и повязки.

Ученики дружно вздохнули и принялись радостно хлопать друг друга по спине, как будто это они спасли Синьдэ. Не приходилось сомневаться, что старшего ученика очень любят в школе. Несколько человек поблагодарили Михе, но в основном все поздравляли друг друга. Цзянь наблюдал за своей приятельницей, которая взяла сумку и отправилась к воротам, огибая ликующих учеников. Слова девушки вовсе не соответствовали выражению ее лица. Вид у Михе был рассеянный и озадаченный.

Цзянь уже хотел спросить, в чем дело, но тут тетушка Ли коснулась его плеча.

— Скоро ужин, Гиро. Мне нужны дрова. Принеси-ка из сарая охалку-другую.

Он кивнул, не сводя глаз с Михе.

Что же с Синьдэ?

Глава 20

Помехи

Тайши блуждала по туннелям Санбы почти час, прежде чем наконец нашла Пустынную факторию. Городские улицы были скудно освещены, указатели висели только

на больших перекрестках, и все выглядело совершенно одинаково. Возможно, ей следовало принять предложение Чуна и купить карту.

Город не был таким широким и длинным, как другие командорства, однако он оказался на удивление высоким. Санба далеко тянулась вверх и вниз. Фактория находилась не просто на южном краю города, а еще и пятнадцатью ярусами ниже жилища картографа. Тайши была прославленным военным искусником, однако лестницы она ненавидела, как любой нормальный человек. К тому времени, когда она добралась до фактории, уже настала ночь. Она и не сознавала, сколько времени прошло. Под землей время — просто цифры.

Первое, что она заметила, приблизившись к фактории, — это ветер. Он подкрался к Тайши, издавая резкий, пронзительный вой, который постепенно заглушил остальные звуки. Фактория представляла собой огромную пещеру. Тайши пришлось прищуриться, чтобы разглядеть дальнюю стену. Мелкий песок, который несло ветром снаружи, колот щиколотки. Тайши миновала огромные каменные ворота, высеченные прямо в скале. Она остановилась на ступеньках, и ее охватил страх.

Тайши ожидала увидеть лес у подножия утеса — Фулькан на карте Чуна находился не далее чем по ту сторону загадочной извилистой линии, — но вместо этого перед ней открылась пустыня, которая простиралась до горизонта. Более того, пустыня была живой. Огромные песчаные дюны медленно вздымались и опускались, как морские волны. Тайши видела, как две волны столкнулись друг с другом и слились, превратившись в гигантскую стену, которая затем обрушилась. Она подумала: «Какое прекрасное зрелище».

И жуткое.

Ей предстояло пересечь это море. Тайши никто не заподозрил бы в трусости, но сражаться с людьми и бороться с природой — две разные вещи. Она могла вступить в бой с сотней врагов, не думая о собственной шкуре,

но, представив себя посреди бесконечных песчаных волн, Тайши дрогнула.

— Где же деревья? — вслух задумалась она.

Проходивший мимо караванщик удивленно взглянул на нее.

— Что такое?

Тайши показала пальцем.

— Это лес Фулькан? Где же он? Где деревья, кусты, травы?

Мужчина рассмеялся.

— Прости, госпожа. Фулькан находится по ту сторону Песчаной Змеи — в двух или трех днях пути на восток, если возница хороший.

— Я думала, это просто река...

— В некотором смысле так и есть, — он улынулся еще шире, когда увидел, как у Тайши глаза полезли на лоб. — Первый раз видишь Змею, да? Есть вещи, которые невозможно забыть. Ну, удачи.

Мысль о том, что ей придется двигаться сквозь ураган, заставила Тайши поколебаться. Стоит ли вообще лезть в этот ад? Она не сразу собралась с духом. Женщина, которая победила нескольких славнейших военных искусников, без особого труда одолеет этот... Тайши снова взглянула с утеса... этот песчаный кошмар.

— Когда-то ты и высоты боялась, — пробормотала она.

Тайши вновь взглянула на факторию. Невзирая на поздний час, жизнь там кипела. Десятки охранников, возниц, погонщиков суетились вокруг огромных караванов. Длинные сани выстраивались аккуратными рядами; они то въезжали, то выезжали через огромные ворота в дальнем конце пещеры. Тайши быстро поняла, что большинство караванов, как правило, путешествовали ночью. Когда она у одного из караванщиков спросила почему, тот ответил уклончиво, с таинственной ухмылкой. Дневная жара, очевидно, была непереносима; а еще путь было проще держать по звездам, а не только по Небесному семейству.

Тайши миновала ряды громадных саней, нагруженных припасами; некоторые были высотой и шириной с дом. Люди собирались в дорогу. Сбоку фактории разгружали богатые товары: мешки со специями, змеиные и драконьи шкуры, разнообразные цветные сосуды, драгоценные камни, красивую стеклянную посуду. Грузчики вынимали ящики и тюки из подъезжавших повозок и осторожно несли на склады. С другой стороны на отбывающие караваны грузили съестные припасы, питьевую воду и прочее. Тайши оценила здешний порядок. Она миновала площадку, на которой шла погрузка, и приблизилась к прилавку, где ждали своей очереди несколько караванщиков. Тайши встала в конец очереди, которая медленно ползла вперед. На каждого караванщика в среднем уходило десять минут, и впереди Тайши стояло множество людей.

Она могла сосчитать по пальцам здоровой руки, сколько раз за минувшие двадцать лет ей приходилось ждать в очереди. Наверное, так всегда обстояло дело на факториях. Опытные караванщики приготовились к долгому ожиданию — они прихватили с собой складные стулья и напитки. Некоторые стояли кучками, торгуясь и болтая.

Через двадцать минут Тайши решила пройти вперед. Ей не нужно было грузиться и закупать припасы, она просто хотела кое-что спросить. Не обращая внимания на гневные взгляды, она миновала караванщиков и в качестве извинения кивнула покрытой пылью женщине в тяжелом тюрбане, чья очередь как раз настала. Взгляд женщины упал на меч, висевший на поясе у Тайши, — он так естественно покоился у нее на боку, словно был продолжением тела. Караванщица отошла в сторонку. Отец Тайши часто говорил, что оружие и его владелец — все равно что партнеры в танце. То, как ты носишь свое оружие, нередко дает понять, хорошо ли ты им владеешь.

— Простите, управляющий, — самым дружелюбным тоном произнесла Тайши. — Я еду на юго-восток. Не могли бы вы указать мне, где тут пассажирские повозки?

Управляющий поднял бровь и оглядел ее с головы до ног.
— Из какой бы семьи ты ни происходила, ты, очевидно, бедна и безрассудна.

— Вполне вероятно.

— Никто не возит пассажиров через Песчаную Змею, — продолжал управляющий. — Единственный способ ее пересечь — ехать на собственных саних или пристроиться к каравану.

— Как просто, — Тайши просияла. — Ну, где я могу купить место в караване? Мне понадобится человек, который умеет читать движущиеся карты.

Управляющий лениво ткнул ей за спину.

— Обратись к тем людям, которых ты обошла. Следующий.

Тайши обернулась и увидела массу злых лиц. Она отступила в сторону, пропуская женщину в тюрбане, а затем двинулась вдоль очереди. У каждого караванщика она спрашивала, нет ли места. Отказали все до единого. Одни ехали в другую сторону. Другие не желали даже говорить с ней. Третьи заламывали за двухдневное путешествие возмутительную цену.

Один мускулистый темнокожий мужчина скрестил руки на груди и заявил:

— Я запросил с тебя вдвое, потому что ты пролезла без очереди.

— Ха, и я тоже, — сказала наголо бритая женщина, с которой Тайши разговаривала перед тем.

— Спроси меня, — воскликнул, размахивая руками, стоявший в конце очереди бородач. — Я утрую!

— Я просто хотела спросить! — возмутилась Тайши. — Всего два слова!

— Целых два вопроса, — заметил управляющий.

— Что ж, — произнес темнокожий караванщик. — Я провел последние четыре дня в песках, и мне тем не менее приходится ждать своей очереди. А ты что за важная птица?

— Два самых тяжких греха в пустыне — утнать чужих лошадей и пролезть без очереди на фактории! — крикнул кто-то. — Такова жизнь!

— Такова жизнь, — хором подхватили несколько человек.

Цена за путешествие поднималась все выше. Никто не желал продавать место тому, кто влез без очереди.

Тайши решила, что удача от нее отвернулась, но тут в очередь встал еще один человек. Лицо у него было чистое, одежду не покрывал песок — верный знак, что он только собирался в путь. А главное, он не ведал о провинности Тайши. Та подошла к нему и хрипло спросила:

— Эй, красавец караванщик, умеешь читать движущуюся карту?

Молодой человек, обладатель высоких скул и глубоко посаженных глаз, казался слишком хрупким для того, чтобы возиться с лошадьми и шагать по пескам. Он, видимо, пришел в замешательство.

— Умею, а что?

— Мне нужно на юго-восток, к Манки. Ты не туда направляешься?

Он кивнул:

— Да, прямо с утра.

— Не найдется для меня места в твоём караване?

Молодой караванщик пожал плечам:

— Почему бы и нет? Деньги лишними не бывают.

— Она влезла без очереди! — крикнула наголо бритая женщина.

Дюжий пожилой караванщик запустил в него пригоршней песка.

— Поучись хорошим манерам, юнец!

Молодой караванщик растерянно взглянул на сердитые лица.

— Я...

Песок попал ему в рот. Еще несколько караванщиков принялись с разных сторон швырять в него песком. Вскормленный молодой человек отказал Тайши.

Та сдалась. Эта чванная шайка уж позаботилась бы о том, чтобы она не нашла себе попутчиков. Единственной надеждой было попытаться завтра еще разок, с новыми людьми. Если только предостережение о ней не вывесят на всех столбах.

Тайши покинула факторию, уныло волоча ноги. Обнаружив у входа в пещеру гостиницу, она решила устроиться там на ночлег. Час был поздний. Спина отчаянно требовала постели, а ноги умоляли о лохани с горячей водой. Тайши заглянула внутрь и убедилась, что именно там останавливались все караванчики в промежутках между путешествиями. Она подумала, что с нее довольно насмешек, и отправилась на поиски другого пристанища.

Тайши потащила обратно по пятнадцати лестничным пролетам в мастерскую картографа, рассчитывая найти на верхнем ярусе дешевую ночлежку или хотя бы чистый проулок. Лучше приберечь убывающие деньги на еду, чем потратить их на вонючий тюфяк. Тем более Тайши сомневалась, что Чун сказал правду о здешних крысах.

Она была на полпути к дому Чуна, когда ощутила чье-то присутствие. Она осторожно оглянулась, но ничего не увидела, кроме теней, колеблющихся в свете факелов. Тайши дошла до следующего поворота, а там прижалась к стене и призвала к себе потоки воздуха из туннеля, из которого вышла. Сначала она не услышала ничего. Ни шагов, ни дыхания. Но инстинкты редко ее подводили. Тайши немного подождала — и до нее донесся легкий хлопок, едва слышный, но безошибочно узнаваемый. С таким звуком воздух заполнял пустоту. Тайши слышала его лишь несколько раз в жизни.

Такой звук издавало только одно существо.

Тайши оглядела темную лестницу. Одинокая лампа не давала ей погрузиться в полный мрак. Тремя пролетами выше Тайши заметила выход. Она взвилась в воздух, преодолев расстояние до туннеля тремя прыжками. Снизу

донеслись приглушенные крики тревоги. За ними последовали шаги — судя по звукам, преследователей было трое.

Тайши вбежала в извилистый каменный туннель. Она знала, что ей не перегнать преследователей, а здешние коридоры не подходили для боя. Единственным шансом выжить было выбраться наверх или, по крайней мере, оказаться под открытым небом, где она могла бы маневрировать. Тайши бегом достигла конца туннеля и вышла на главную улицу. К счастью, выцветшая стрелка над входом показывала, в какой стороне ущелье. К сожалению, дорога представляла собой крутой подъем. Но там хотя бы было светлее, чем во второстепенных туннелях.

Тайши работала ногами изо всех сил, прекрасно ощущая бремя прожитых лет. Она едва успела сделать несколько шагов, когда снова услышала легкий хлопок, словно воздух внезапно с силой вытолкнули наружу. Сбоку мелькнула тень. Тайши развернулась и едва успела пригнуться. Еще одна тень появилась с другой стороны. Чуть не потеряв равновесие, Тайши увернулась и от нее, но ее платью пощастливилось меньше, и чуть ниже подмышки зазияла дыра. Тут же возникла третья тень, которая атаковала в лоб.

Тайши отступила в сторону, стремительно повернулась и ударила ногой в мягкое. Ее противники были без доспехов. Раздался стон боли; завитки черного дыма, окружавшие воина-невидимку, развеялись. Он упал, но тут же ловко перекатился и встал на ноги, кривясь от боли. Это оказался тот красивый молодой караванщик, которому она пыталась заплатить за проезд. Он вытащил изогнутую саблю. Последние черные завитки, словно пар, взвились вверх и пропали.

— Тараканы, — прорычала Тайши, когда трое теней-убийц окружили ее в тускло освещенном коридоре. Потопки воздуха здесь были слабее, места меньше, а значит, драка предстояла рискованная и непредсказуемая.

Тени посвящали себя особому извращенному виду военного искусства — он отравлял тело, зато давал своим

адептам возможность двигаться в темноте. О них знали немного, за исключением того, что это были безжалостные убийцы, которых объединял так называемый Союз, то ли религиозный культ, то ли нет, никто толком понятия не имел. Тени-убийцы стоили дорого. При лунном дворе говорили, что, если клиент нанял для охоты за тобой тень-убийцу, значит, ты это заслужил.

Тайши несколько раз пересекалась с теньями, в том числе дважды с ними сотрудничала. Честно говоря, иметь с ними дело было неприятно с любой стороны. Будь у нее выбор, она вообще бы их избегала. Тайши полагала, что культ и деньги — скверное сочетание. У теней-убийц были неприятные и странные правила.

— Ты мог бы просто продать мне место, — пробормотала Тайши, когда ее окружили.

— Поверь, я пытался, — ответил мужчина. — Но другие караванщики тебя спасли.

Действительно, Тайши была обязана жизнью тем грубиянам.

Тени снова набросились на нее, но она успела приготовиться. Лучший способ уцелеть в бою с теньями-убийцами — пережить опасную первую атаку. Утратив преимущество внезапности, тени-убийцы, как правило, обращались в обыкновенных военных искусников.

По меркам Тайши это значило, что им крышка. Она с легкостью уклонялась от ударов и выпадов. Тыльной стороной ладони она врезала по лицу молодому красавцу, локтем заехала второму, который был далеко не так хорош собой, и ногой ударила в грудь симпатичную женщину, так что та отлетела.

— Сдавайтесь и ползите обратно в тень, тараканы, — насмешливо сказала Тайши.

Она не думала, что они примут ее совет буквально. Красивый молодой караванщик скрылся в тени под одной из ламп. Прежде чем он успел раствориться во мгле — ну или что там делают тени-убийцы, — Тайши бросилась

вперед и заехала ему по лицу кулаком. Голова у него мотнулась, глаза закатились, и он рухнул на пол.

Двое других бросились к нему на помощь, но Тайши взглядом пригвоздила их к месту. Умный воин способен распознать превосходящего противника.

— Просто сдайтесь...

Послышался легкий хлопок, и Тайши краем глаза заметила в углу черную струйку. Она едва успела отбить удар ножа и торопливо повернулась, чтобы ответить на вторую атаку. Обмен ударами продолжался несколько мгновений, прежде чем новая тень-убийца заставила Тайши бросить прежнюю позицию и отступить. Она наседала, загоняя ее в угол. Эта тень была заметно проворнее и сильнее остальных, ее ци так и кипела.

После затянувшейся череды ударов Тайши наконец оторвалась от противницы и атаковала. Завитки тьмы рассеялись, и она увидела молодую женщину с напудренной бледной кожей, острым носом и накрашенными бровями. Темно-рыжие волосы доходили до ушей, за исключением двух длинных прядей, которые свисали вдоль щек до подбородка.

Тайши окинула противницу взглядом. Было что-то неприятное в желтых глазах девушки, поблескивавших в свете фонаря. И тут до нее дошло: тень наслаждалась боем, может быть, даже испытывала подлинное упоение. Тайши прекрасно понимала, что такое любовь к битве, но больше всего ее радовало применение военного искусства. А эта девица наслаждалась жестокостью.

Тень-убийца усмехнулась:

— Мне уже давно хотелось встретиться с легендарной Линь Тайши. Я выросла на рассказах о твоих подвигах. У меня даже была кукла... Интересно, тебе так же легко оторвать голову, как ей?

Она покрутила в руках черные ножи и, напевая под нос, двинулась к Тайши. Двое оставшихся теней-убийц следовали за ней.

Душа Тайши приказывала испытывать воинские умения на этой тени, а голова велела сохранять благоразумие. В бою лучше слушать голову, чем сердце. Вместо того чтобы напасть, Тайши отступила и побежала. Расклад был не в ее пользу, и победа в этой схватке ничего ей не принесла бы.

Единственный оставшийся среди теней-убийц мужчина попытался преградить Тайши дорогу, но в результате лишь отлетел в сторону. Путь к бегству был свободен, ночное небо в конце улицы сулило свободу. Тайши отчаянно бежала, и ее измученное сердце стонало на каждом шагу. Разумеется, улица снова шла в гору.

Хлопок слева предупредил ее, что нужно отступить и уклониться от атаки. Тайши избежала удара и буквально воткнула большой палец ноги в глазницу второй женщины-тени — та откинулась назад и кубарем полетела наземь.

Вместо того чтобы прикончить эту надоеду, Тайши побежала дальше. Она вспрыгнула на быстрый поток воздуха и понеслась на нем к дальней стене. Когда стена приблизилась, раздался еле слышный хлопок: талантливая тень-убийца вышла из темноты. Сверкнули черные ножи, едва не располозовав Тайши горло.

Танец Ласточки выскочил из ножен. Тайши уже знала об этой рыжей поганке все, что хотела. Девчонка хорошо дралась. Но, как и большинство тех, кто бросал Тайши вызов, недостаточно хорошо. Тайши сделала ложный выпад, уклонилась от ножа и нанесла смертельный удар. Девушка осознала свою ошибку в то самое мгновение, когда острие меча устремилось к ее груди. Ей повезло, что бой шел в тени, иначе она бы не уцелела. Едва лезвие коснулось ее тела, оно исчезло в вихре черных завитков. Девушка вышла из темноты у противоположной стены.

— Я ожидала большего от великой Линь Тайши, — произнесла она нараспев. — Тебя настигла старость или требования к военным искусникам стали ниже?

— Кого ты пытаешься обмануть, мозглявка? — отозвалась Тайши. — Для наемного убийцы ты слишком болтлива.

Девушка притворно зевнула.

— Не люблю, когда кумиры детства оказываются такими унылыми.

Эту стычку точно нельзя было назвать скучной. Разговорчивая девица просто пыталась сохранить лицо. Обе понимали, что ее спасла чистая удача. Впрочем, последний маневр — уход в тень ради спасения от клинка — доказал, что секретами мастерства рыжая вполне владеет. Хотя Тайши и хотелось еще поболтать, она решила воспользоваться преимуществом. Похвалу и критику можно приберечь до другого раза. Она повернулась и побежала к ущелью. Синий свет Королевы становился все ярче с каждым шагом.

Еще три раза тень-убийца возникала перед ней — и три раза Тайши уклонялась от черных клинков. Наконец она выскочила из туннеля и оказалась под просторным куполом Небес. Почувяв, что добыча ускользает, девушка перенеслась в темное местечко неподалеку от Тайши, под фонарем у входа в пещеру. Маневр был отчаянный и неудачный. Слишком далеко от Тайши, чтобы быстро напасть. Рыжая рискнула, но Тайши была готова к атаке. Роли поменялись: она запустила руку ей в подмышку и сбросила противницу через край. На лице девушки мелькнуло мгновенное удивление — а потом она исчезла в бездне.

У Тайши вырвался долгий вздох, когда она подошла к краю, чтобы убедиться в своей победе и понаблюдать, как тень-убийца падает в пропасть. Вот досада. Эта девица была талантливым военным искусником. Тайши прищурилась. Падающая девушка вдруг пропала. Послышался хлопок — и рыжая выскочила из темной ниши в стене. Снова хлопок — и она повисла на краю. Тень подтянулась, выбралась, перекатилась на спину, тяжело дыша; над ней поднимались длинные темные струйки.

Удивительное владение энергией ци. Тайши одобрительно кивнула.

— А ты ворон не ловишь, девочка. Как тебя зовут?

В ответ тень метнула в нее три ножа один за другим. Ворон она не ловила — но зато и не знала, когда нужно сдаться. Тайши отбила два ножа своим мечом, быстро сунула Танец Ласточки в ножны и поймала третий рукой. Она изучила превосходно выкованный клинок и спрятала нож в карман.

— Еще есть?

Девушка издала яростный визг и выхватила еще два ножа. Она бросилась вперед и располосовала пустоту: Тайши, предвидевшая эту глупую атаку, вспрыгнула на поток воздуха. Воющий ветер понес ее с пугающей быстротой. Нужно было лишь держаться.

Тайши оглянулась. Рыжая тень грозила кулаком и показывала мизинец, выкрикивая слова, которые Тайши не слышала за шумом ветра.

Глава 21

Тень-убийца

В отличие от большинства военных искусников, Мацза Цисами не стыдилась давать волю гневу.

— Тебе повезло, однорукая карга! В следующий раз я обглодаю тебе лицо! А когда поймаю этого священного мальчишку, из его черепа я сделаю ночной горшок, а из кожи — плащ!

Она продолжала непристойно жестикулировать, пока ее неувимая жертва изящно и легко уносилась прочь, не обращая внимания на бурные вспышки злости противницы. Цисами смотрела вслед Тайши, пока та не исчезла за кучкой зданий на другой стороне пропасти. Оттуда донесся слабый звон бьющегося стекла. Цисами восхитилась умением Тайши: та не просто преодолела мощные порывы ветра, но и приземлилась, угодив в нужную точку. Какая невероятная власть над собой.

Цисами раздирали противоположные чувства: досада от неудавшегося нападения и восторг при мысли о том, что эта старуха действительно оказалась мишенью, достойной применения ее собственных внушительных способностей. Оттого будет еще приятнее, когда она наконец поймает мастера Линь и выпустит ей кишки.

Цисами пересчитала ножи — не доставало трех — и острым ногтем мизинца нацарапала у себя на левом предплечье, надавливая до крови: «Все живы?» Краснота пропала, едва появившись. Один за другим приходили ответы, отзываясь зудом на той же руке и почти сразу исчезая. Цисами даже не смотрела на послания. Достаточно было ощущения букв. «Живы. Возвращаемся».

Каракули Бурандина она всегда расшифровывала с трудом. Он был грязным крестьянским мальчишкой, когда вступил в Союз. Хотя от теней-убийц в обязательном порядке требовали владеть письмом, никакие наставления не могли вдолбить в него правила грамматики и каллиграфии.

Его гораздо более разумная напарница представляла собой проблему иного рода. Котеуни обязательно нужно было сочинить трехстраничное послание всякий раз, когда она восхищалась красивым цветком на обочине, не говоря уж о тех случаях, когда она описывала или объясняла нечто важное. Цисами терпеть не могла получать в виде надписи на руке целые поэмы. Котеуни была избалованной дочкой придворного. Ее отец служил хранителем памяти при дворе князя Янсо, когда завистливый соперник заказал его убийство. Чтобы спастись, отец Котеуни договорился о кровной компенсации и предложил в уплату наименее любимого из своих девяти отпрысков. Напарник Котеуни убил и ее отца, и его соперника, как только она научилась входить в сумерки (так это называлось).

Котеуни никогда не упускала случая напомнить товарищам, что она слишком образованная для беготни за живыми мишенями. Это была правда. Ни одной тени-убийце

не понадобилось бы знание пятисот священных изречений Горамы или эротических стихотворений госпожи Лихуа, которые воспламенили страсть императора, прежде чем дотла спалить его дворец. Или наоборот... Цисами забыла.

Последний ответ пришел через несколько минут.

«Я жив».

Теперь все. А то Цисами уже начала беспокоиться насчет Хаарена.

Она велела: «Ко мне».

И начала напевать, стараясь попасть в тон пронзительному свисту ветра. Она подошла к краю пропасти и наклонилась, искушая судьбу. Летящий вверх поток воздуха обдувал ее тело. Цисами закрыла глаза и расставила руки, представляя себя ястребом, скользящим в небе. Вот он камнем падает вниз и смыкает когти...

Девушка подумала, что могла бы стать хорошим Шепотом Ветра, будь у нее такая возможность. О семейном стиле Линь Тайши ходили интересные слухи — например, что ученик должен был убить своего наставника, чтобы достигнуть вершины мастерства. Цисами не смущало убийство учителя. В Союзе она пыталась проделать это несколько раз. Ни одна уважающая себя тень-убийца не обходилась хотя бы без одной попытки.

Цисами по-прежнему представляла, что парит в небе, ища добычу, когда появились остальные. Бурандин и Котеуни пришли первыми, держась за руки. Губы у Котеуни были разбиты и окровавлены, один глаз вспух и закрылся. Обычно безупречная прическа — прямой пробор посередине и два коротких хвостика — превратилась в бесформенную массу.

Бурандин выглядел еще хуже. Грушевидная голова и волосы, заплетенные в косы, всегда заставляли жердеобразное тело мужа Котеуни казаться особенно тощим; тем заметнее были две великолепные шишки на выступе, который он именовал лбом. Кроме того, он с трудом наступал на левую ногу.

Парочка улыбнулась Цисами и помахала. Та помахала в ответ. Каждый раз, когда она видела их вместе, то удивлялась, что нашла Котеуни в безобразном и глупом Бурандине.

Вскоре появился Хаарен, по-прежнему в одежде караванщика, теперь забрызганной кровью. Он был младшим; год назад Цисами переманила его из другого отряда, потому что нуждалась в человеке, умеющем маскироваться. А еще она решила, что он симпатичный. Теперь, впрочем, лицо Хаарена представляло собой кровавое месиво.

Он осторожно потрогал щеки.

— Мне больно, но в то же время я ничего не чувствую.

— Нужно было поубедительнее уговаривать мишень присоединиться к каравану.

— Я и пытался, но эти грязные дикари забросали меня песком. Ничего не оставалось, кроме как ей отказать. Не мог же я выйти из роли.

Цисами смерила его взглядом и вздохнула. Безмозглый актеришка.

— Кто-нибудь ее ранил?

Все трое покачали головой.

— Никому не удалось хотя бы пустить кровь этой бабе? — Цисами скрипнула зубами. — Похоже, придется прибегнуть к старомодному способу.

Котеуни произнесла:

— Я не хочу заранее сомневаться в нашем успехе, но... она с нами легко расправилась. Может, позовем еще кого-нибудь?

— Ни за что, — ядовито ответила Цисами. — Я не намерена ни с кем делиться. Она просто застала нас врасплох, вот и всё.

— Это мы застали ее врасплох, — напомнил Бурандин. Цисами решительно скрестила руки на груди.

— Никаких помощников. Мы искали ее целый год. И именно мы прославимся, когда выпустим кишки этой карге и получим награду.

— Разделенная награда лучше, чем никакой награды, — заметила Котеуни.

— Или смерть, — подхватил Бурандин.

— И слышать не желаю. Это наше дело, и только наше, — огрызнулась Цисами, сверкая глазами. — Мы уже и без того заплатили Союзу достаточно. Больше никаких отчислений, не говоря уж о штрафе за вызов другого отряда.

— Пожалуй, — согласился Хаарен, качая головой. — Это повредит нашей репутации.

Цисами вновь вонзила ноготь в предплечье.

«Что скажешь, Цанг? Нам вернуться и поубивать пастиухов смерти?»

«Нет, сведения, кажется, верные. Это лавка картографа. Я сижу у входа. Тут недавно что-то произошло».

Какое счастье. Погребальная гора находилась далеко. Цисами страшно не хотелось возвращаться, чтобы отомстить за неверные сведения, однако угрозы были единственным обещанием, которое она исполняла всегда. Если люди поймут, что угрозы Мацзы Цисами — пустые слова, ей будут агать на каждом шагу. Тогда наступит хаос.

«Что случилось?» — нацарапала она.

«Дверь сорвана с петель, а в мастерской какой-то хилак в очках работает посреди ночи».

Цанг был у отряда на побегушках. Обычно ему поручали разведку, несение дозора, слежку и другие скучные дела, которыми не стали бы утруждаться остальные. Еще он распоряжался деньгами, снимал жилье, готовил еду и в целом, вероятно, был самым важным человеком в отряде. Кому-то ведь нужно отстирывать кровь с одежды.

Она написала: «Следи за ним».

И повернулась к остальным.

— Если никто не умирает, идемте.

Бурандин посмотрел через пропасть.

— А как же мишень? Мы ее просто отпустим?

— Нет, конечно, — ответила Цисами. — Но сейчас она вырвалась. Нам не удастся схватить старуху на открытом

месте, разве что отрастим крылья. Она просто улетит, тем более что это ущелье даст ей укрытие, как только понадобится. Мы улучим удобную минуту, когда сбежать она не сможет.

— Например, загоним ее в угол в доме? — предложил Хаарен.

— Или в пещере, — подхватил Бурандин.

— Может, раздобудем большую сеть?

— Мы и так в пещере, — напомнила Котеуни. — И что толку? Наша блистательная предводительница хочет сказать, что нам нужно застать мишень в таком положении, когда у нее не будет иного выбора, кроме как драться.

— Именно. — Цисами шлепнула Котеуни по заднице, когда та проходила мимо, и одарила ее одобрительным взглядом, в котором содержалось обещание.

Остальным она принялась раздавать распоряжения:

— Хаарен, караул у фактории. Следи, чтобы Тайши не удалось выбраться из Санбы с караваном. — Она коснулась пальцем его щеки. — Только смени облик. Ты похож на шляху, которой не повезло с клиентом.

Хаарен кивнул, и его лицо тут же расслабилось, одрябло, словно постарело на двадцать лет и обзавелось парой лишних подбородков. В каштановых волосах появилась седина, а вокруг глаз — морщины. Впрочем, Хаарен оставался хорош собой в любом обличье, потому что был донельзя тщеславен. Глупый павлин.

Цисами повернулась к Котеуни и Бурандину:

— Бурандин, оповести преступный мир. Только сведения, ничего лишнего. Много не плати. Слишком большие деньги привлекают ненужное внимание. Котеуни, обработай публику почище. Вельможи, дипломаты, городской магистрат. Опять-таки ничего серьезного, только присмотр. Мишень наша, и только наша.

— А ты что же? — спросила Котеуни.

— А я нанесу визит этому полуночному трудяге.

Отряд разделился. Цанг написал, как его найти, и Цисами, ступив в тень под фонарем, вышла тремя ярусами

выше. Она повторила это еще два раза, пока не добралась до одного из общественных подъемников. Потом ей пришлось немного прогуляться по туннелям Санбы, пока она не отыскала последнего члена своего отряда.

Цанг сидел в темном углу у мусорной кучи, вытянув ноги, и рисовал на земле длинной палочкой. Он поднял голову, когда Цисами вышла из темноты. Тень-убийцу так легко не напугаешь.

— Ты знаешь, что по здешним туннелям бродят дикие кошки? Они хотели меня сожрать.

Цисами усмехнулась:

— Если ты еще жив, значит, они не такие уж дикие.

Цанг даже с трехлетней, ворующей конфеты, не смог бы справиться, не говоря уж о диких животных. Цисами указала на лавку с выбитой дверью.

— Он там?

— С места не двигался с тех пор, как я заглянул. Сидит и рисует.

Хаарен сказал, что старуха искала караванщика, умеющего читать движущиеся карты.

— Он один?

Цанг покачал головой.

— Какая-то девчонка принесла еду и вынесла ночной горшок.

— И?

— Что?

— Она сейчас в доме?

Цанг нахмурился:

— Не знаю. Мне пришлось отойти за угол, когда бродячие кошки попытались стянуть мою сумку. Трудно оставаться незамеченным, пока отбиваешься от стаи злобных тварей.

— Всего одно задание, тупица. Да и с тем ты еле справился, — сказала Цисами и дала ему подзатыльник, а затем снова повернулась к лавке картографа. — Ладно, потом разберемся. Надо получить кое-какие ответы...

— Мне пойти с тобой?

— Нет, жди здесь и отгоняй кошечек.

Цисами подошла к лавке и решила поправить дело. Сильный пинок сорвал тяжелую деревянную дверь с уцелевшей петли, и она с грохотом рухнула внутрь. Полночный трудяга вздрогнул, словно испуганный кролик, оставив на бумаге кляксу и случайно столкнув со стола чернильницу. Он выругался и, как типичный книжный червь, нагнулся, чтобы навести порядок. Он не сразу понял, что у него гостья.

Цисами прислонилась к косяку.

— Я стучала, но у вас дверь сломана.

— Что такое? — запинаясь, выговорил мужчина и побледнел. — Э... лавка закрыта. Пожалуйста, приходите завтра.

— Ну, раз я уже здесь... — пропела Цисами, ступая на сорванную дверь и небрежно обводя лавку взглядом. Окон нет. Вход в заднюю комнату загораживает шкаф. Никаких других дверей, судя по застоившемуся воздуху. С другой стороны, они находились глубоко в недрах горы, где особых сквозняков и не было.

Медленно повернувшись, Цисами пригвоздила испуганного кролика к месту ослепительно-яркой улыбкой.

— Вы — знаменитый Ву Чун?

Он неуверенно ответил:

— Да.

— Большая честь с вами познакомиться. Говорят, вы величайший картограф во всем княжестве.

Щеки Чуна вспыхнули. Похвала и страх, похоже, действовали на него одинаково.

— Я... я...

Цисами продолжала:

— Мне нужна карта. Карта, которую можете нарисовать только вы.

Выражение страха сошло с его лица. Картограф немного расслабился и поклонился.

— Ваши добрые слова льстят мне, госпожа, но скромность не позволяет принять столь высокую похвалу.

Цисами прошла мимо него к столу. Шесть черно-белых карт на прозрачном пергаменте, на вид совсем одинаковых, были выложены аккуратным рядком. Она взяла два листа, наложила их друг на друга и поднесла к свечке. Горы и реки как будто сходили с пергамента. Цисами засияла.

— Как красиво...

Чун отобрал у нее карту с решимостью, которой она не подозревала в этом робком человечке.

— Работа еще не кончена. Эту карту я делаю для одного бедного заказчика, так что она не лучший образец моего мастерства. Приходите завтра, и тогда, уверяю вас, я создам картографический шедевр.

— Но мне нравится именно эта, — промурлыкала Цисами.

Картограф смутился.

— Вам нужна определенная карта или вы просто хотите нечто для украшения? — Он поклонился. — Если так, у меня есть превосходные образцы, способные украсить любой знатный дом...

— Мне нужна карта, которую ты рисуешь для Линь Тайши.

На лице Чуна вновь отразился страх. Он задрожал.

— Для кого?

С губ Цисами сорвался удовлетворенный вздох. Было так приятно играть с чувствами жертвы. Это разжигало аппетит. Сначала испугать человека, потом усыпить его бдительность и наконец разбить вдребезги уверенность. Забавляться с хрупкой душой добычи — восхитительное ощущение.

Пальцы Цисами коснулись одного из ножей.

— Вот как мы всё устроим. Я задам тебе несколько вопросов. Если я...

Чун упал на колени.

— Пожалуйста, пощадите меня! Я рисую эту карту для той женщины, которая сломала дверь. Кажется, она — Шепот Ветра. Вполне возможно, что ее зовут Линь Тайши.

Я ничего не знаю! И честно говоря, она мне глубоко не-симпатична.

Цисами фыркнула:

— Я тебя пока и пальцем не тронула. Как я уже сказала, у меня есть вопросы. Если не ответишь, будет плохо. Если мне не понравятся твои ответы, будет еще хуже.

— Она направляется в храм Тяньди, что в двух днях пути от Манки, — выпалил картограф. — Она хочет купить себе место в караване и найти в фактории человека, который умеет читать движущиеся карты. Это...

Цисами ударила его по лицу.

— Перестань отвечать! Я еще не задала вопрос.

Даже легкий ветерок мог повалить этого труса наземь. Он, хныча, скорчился на полу.

— Но я же сказал вам то, что вы хотели знать!

Цисами скрипнула зубами.

— Прекрати меня перебивать. Ты разве не знаешь, что это невежливо?

Чун смутился и тут же сменил тактику:

— Возьмите карту. Она ваша. Бесплатно!

Цисами развеселилась — надо же, ему пришлось в голову, что она собиралась платить. В то же время она немного обиделась. Эта мягкотелая рыба лишила ее удовольствия допроса. Цисами достала нож и воткнула картографу в бедро. Когда на лице у него отразилась боль, свободной рукой она ухватила Чуна за подбородок и прижала к полу.

— Если с твоих губ сорвется еще хоть одно слово, не предваренное моим вопросом, я вскрою тебе селезенку. А поскольку я не врач и понятия не имею, где она находится, мне придется проводить изыскания с помощью ножа. Ты понял?

Он энергично закивал. Цисами разжала руку и поднесла нож поближе. Вопли картографа сменились жалобным хныканьем.

— Больно! — простонал он.

— В том-то и смысл, — негромко сказала Цисами. — Ну ты и плакса.

Нож погрузился в его тело самое большое — на длину костяшки пальца. В любом случае развлечься Цисами не удалось. Хорошая пытка требует небольшого сопротивления, легкой борьбы. Иначе приятного досуга не выйдет.

— Вероятно, ты умрешь сегодня. Но в зависимости от того, насколько ты окажешься мне полезен, ты умрешь или быстро, или медленно и мучительно...

Чун больше не обращал внимания на нее, и это было оскорбительно. Цисами собиралась пырнуть его в другое бедро, но тут поняла, что они не одни.

Она обернулась и увидела ввалившуюся в дом компанию мужчин в разнородных доспехах и с пестрым вооружением. В большинстве своем они выглядели как обыкновенные громилы. Цисами ничуть не встревожилась. В тускло освещенной лавке к ее услугам было множество теней. С одной стороны, десять противников — это многовато. С другой стороны, не худший расклад. Если удастся погасить две настенные плашки и лампу на потолке, лавку окутает полный мрак.

Цисами подняла Чуна на ноги и обхватила его одной рукой за плечи, а другой помахала незванным гостям.

— Привет, парни. Что, мой приятель слишком шумел? А я ведь велела ему помалкивать. Мы просто хотели кое-что обсудить...

Примерно половина компании помахала в ответ. Хороший знак.

Чун от облегчения распустил нюни:

— Хвала Небесному семейству, вы здесь!

Цисами громко перебила его:

— Я была бы очень признательна, если бы мой дозорный, знаете ли, любезно предупредил меня о появлении группы вооруженных людей.

— Этот мозгляк? — Один из громил приподнял Цанга за шиворот и бросил на пол к ногам Цисами. — Можешь

нас поблагодарить. Стая крыс загнала его в угол и чуть не сожрала живьем.

— Это были крысы?! — визгливо спросил Цанг.

— Вот и не мешали бы им ужинать, — сказала Цисами и гневно взглянула на своего дозорного. — С тобой я потом поговорю.

Мужчина небольшого роста протолкался в первый ряд.

— Ты, кажется, пытаешься ограбить господина Ву Чуня? Его заведение под защитой Шелковых Рук. Я Ханно, хозяин этого яруса. Считаю, что ты лезешь в карман ко мне.

— Не беспокойся, дружище, — спокойно ответила Цисами.

Она подала условный знак — постучала указательным и средним пальцами по большому и изогнула запястье.

Ханно оживился.

— А, тени-убийцы? Мой племянник тоже из ваших. Звать Маки. Не встречала?

Как будто все тени-убийцы должны друг друга знать. Цисами захотелось спросить у Ханно, знаком ли он с ее вымышленным громилой-кузеном по прозвищу Хлюп. Впрочем, Ханно не ошибся. Она действительно знала его племянника.

— Встречала.

— И как он поживает?

— Он мертв.

Ханно не дрогнул.

— И поделом ему. Вечно нос задирает перед родней, потому что входил в этот ваш Союз.

Цисами сдержалась и не ответила, что, вообще-то, у Маки были все причины задираць нос.

Ханно подошел к Чуню и окинул его взглядом. Испачканные кровью штаны картографа, бледное лицо, дрожащие руки... выглядел бедняга скверно, хотя на самом деле все было далеко не так плохо.

— Кто станет нанимать тень-убийцу ради этой гнилой дыни? Что, клиент купил у него карту и заблудился?

Кстати, тень, Шелковые Руки не получали извещения о том, что здесь действует ваш отряд.

Союз считал извещения чистой любезностью со своей стороны, однако обитатели преступного мира, видимо, думали иначе.

— Ну так я тебя извещаю, дружище, — сказала Цисами. — А теперь, когда мы всё уладили, я не хочу больше вас задерживать.

— Этот человек — твоя мишень?

Цисами заставила себя сохранять улыбку. Она знала, к чему все клонится. Ей очень хотелось сказать «да», но лгать она не любила. Если убийца не может быть откровенен с бандитом, куда катится мир?

— Нет, но он мне нужен.

Ханно прищелкнул языком.

— Нехорошо. Ты знаешь правила. Подземье выдает человека Союзу только в том случае, если он — намеченная мишень. Если мастер Ву — не ваша жертва, Шелковые Руки обязаны его защищать. Так что отойди.

— Слава Тяньди! — Чун вывернулся из хватки Цисами и захромал к Шелковым Рукам.

Он, видимо, обрел прежнюю уверенность, потому что сварливо сказал хозяину яруса:

— Где вы раньше были? Не знаю, за что и плачу вам! Сначала какая-то однорукая карга ко мне пристает, теперь тень-убийца...

Какой великолепный олух.

Цисами схватила болтливого дурня за ворот и швырнула наземь.

— Послушай, Ханно, старина, как насчет справедливой компенсации?

— Деловой человек всегда готов выслушать новое предложение, — ответил хозяин яруса.

— Позволь мне провести два дня с нашим общим другом. Я его тебе верну, честное слово. Сообщи своему старшему, что твои ребята ошиблись, и пообещай в следующий раз

быть внимательнее, — сказала Цисами и бросила к ногам Ханно две связки серебряных лянов. — За ущерб.

Ханно даже не взглянул на валявшиеся на полу деньги.

— За молчание нужно заплатить не только мне, но и моим парням.

Она достала еще две связки.

Ханно посмотрел на серебро.

— Очень хорошо.

— Эй! — воскликнул перепугавшийся Чун. — Я же застраховал свою жизнь! Я вам плачу! Так нельзя!

Ханно пожал плечами:

— Ничего личного, картограф. Я деловой человек.

— Мы деловые люди, — согласилась Цисами.

Голос Чуна взмыл на несколько октав:

— Ну, я не стану молчать! Я расскажу всем городским мастерам, что вы нарушаете договор! Ваш старший узнает, что вы его обманываете! Тогда посмотрим, кто кому заплатит!

В комнате воцарилось неловкое молчание.

Ханно вздохнул. Цисами тоже.

— Зря ты это сказал, — произнес хозяин яруса.

— Зря ты это сказал, — эхом отозвалась Цисами.

Ханно повернулся к ней:

— Еще три связки монет за расторгнутый договор. Кто его знает, когда у лавки появится новый владелец...

Цисами поморщилась. Она не любила непредвиденные расходы. Еще немного — и дешевле будет перебить всю эту разношерстную шайку. Она вытрясла оставшиеся деньги наземь.

— Здесь меньше трех, но для знака дружеского внимания достаточно.

— О, вполне, — Ханно обвел взглядом комнату. — Жаль, жаль. Чун всегда платил вовремя. Никогда не жаловался. Такого клиента сразу не найдешь.

— Я вымою пол, когда закончу, — предложила Цисами.

Картограф затрясся.

— Что это значит?

— Премного благодарен, тень.

Хозяин яруса вынул из кармана аккуратно сложенный белый платок и бросил ей.

— Здесь все документы. Пошли, ребята.

И тут до Чуна дошло:

— Пожалуйста, не надо! В этом нет нужды! Клянусь, я не скажу ни слова! Жизнью клянусь! Честь семьи! Возьмите что хотите и пощадите меня! — Он упал на колени. — Умоляю вас! Не надо жестокости!

Цисами озарила мертвеца сочувственной улыбкой.

— В том-то и смысл.

— В том-то и смысл, — согласился Ханно.

Он подмигнул Цисами и вышел вместе со своей шайкой, оставив почти покойного Ву Чуна, «Проводника счастливого человека по пустыне», наедине с судьбой.

Глава 22

Круги расходятся

В Санбе были подъемники.

Тайши разинула рот, когда вдоль стен загремели цепи, опуская деревянную платформу на следующий ярус. Кровь у нее кипела. Где хоть один указатель, направляющий к подъемникам? Почему никто не удосужился сообщить ей о них, прежде чем она принялась ходить вверх и вниз по лестницам? Конечно, она могла бы сама догадаться, что в Санбе есть подъемники. Этот город состоял из полутора десятков глубинных шахт, превращенных в жилые районы. Ее повозку подняли к главному входу, если на то пошло. Но Тайши была так занята поисками ужина, что совсем забыла о существовании подъемников.

Переступив с ноги на ногу, она ощутила острую боль в спине. «Тяньди, храни мои усталые ноги, шею и хребет».

Нападение отряда теней-убийц чуть не достигло цели. Несомненно, их предводительница была опытна, и Тайши понимала, что чудом ушла целой. Укротить ветры, воюющие в ущелье, было невозможно. Чистое везение и огромное напряжение сил позволили Тайши влететь в окно, а не врезаться, скажем, в каменную стену.

Тайши захромала прочь от того места, где приземлилась, как только сумела подняться на ноги. Она провела ночь в зернохранилище в плетеной корзине. Она не смела выйти из укрытия до утра. Тени-убийцы обычно действуют по ночам. Именно в темноте их ци сильнее всего. Хотя в подземном городе это имело меньше значения, теням-убийцам нужно было спать, как обыкновенным людям, и обычно они отдыхали днем. Так у Тайши появилась возможность закончить свои дела и покинуть город.

Она миновала общественный подъемник и зашагала по туннелям, направляясь к лавке картографа. Движущаяся карта была давно готова; если повезет, она еще до ночи пересечет Песчаную Змею.

Это было не единственное «если». Если Чун не испугался, когда она не явилась вовремя, и не передумал. Если Тайши все-таки удастся купить место в караване. Если она снова не столкнется со знакомыми караванщиками. А главное, если тени-убийцы не сидят в засаде. Возможно, они подкупили местную стражу или городские шайки — ну или тех и других сразу. Тайши опасалась, что весь город охотится на нее.

Когда Тайши углубилась в туннель, у нее защипало глаза и ноздри от дыма. Она не обратила на это особого внимания. Вентиляция в некоторых кварталах была особенно скверной. Кто-то, вероятно, перестарался, заваривая утренний чай. Тайши поморщилась, приближаясь к лавке Чуна. С каждым шагом становилось всё яснее, где именно перестарались. Положив ладонь на рукоять Танца Ласточки, Тайши подкралась к двери. Запах горелого дерева и смолы забивал нос.

Тайши остановилась у входа в лавку Ву Чуна, чувствуя себя побежденной.

— Беспечная старая дура. Могла бы и подождать.

Ночной пожар уничтожил лавку. Всё внутри — карты, мебель, полки, даже стены — обуглилось. Тайши ощутила смесь вины и гнева. Военные искусники по самой природе избранного занятия привыкли к жестокости и горю. Сама Тайши учиняла разрушения не раз, еще почаше других. Но одно дело — нанести ущерб врагам, а другое — навредить невинному. Нет ни чести, ни храбрости, ни радости в том, чтобы обрушиться на беззащитного. Даже случайно. Особенно случайно. Беспечность по отношению к слабому — грех для сильного.

Бесполезно было просеивать пепел. Ничего нужного наверняка не осталось. Бумага отлично горит. По крайней мере, не пахло горелым мясом, и Тайши не видела обугленного трупа. Она надеялась, что, может быть, Чун жив.

Обогнув почернелый шкаф, она заглянула в заднюю комнату. Вдоль трех стен высились шкафы и полки. Большинство ящиков были выдвинуты, содержимое превратилось в пепел. Стало быть, его не украли, а сожгли. Кто-то не поленился открыть все шкафы, прежде чем поджечь дом. Сгорело всё, а значит, случившееся могло быть только поджогом.

Надежда обзавестись картой рухнула. Нужно было найти другой способ добраться до храма Тяньди. Тайши уже хотела уйти, когда ощутила равномерный поток воздуха. Она прислушалась, однако не услышала ничего, кроме легкого потрескивания дерева. Кто-то прятался совсем рядом, в шкафу. Он коротко и рвано дышал — неглубоко, напряженно, с трудом.

Тайши достала Танец Ласточки и располосовала дверь шкафа. Издав испуганный крик, из шкафа вывалилась Цофи, прижимая к груди длинный деревянный ящик. Меч вошел в ножны так же быстро, как покинул их. Тайши хотела обнять девушку, но передумала и просто погладила ее по голове.

— Что случилось? Почему ты там сидишь?

Цофи взглянула на Тайши с таким же облегчением, как Тайши на нее. Судя по красному и мокрому лицу, плакала

она не один час. Ужас в глазах Цофи поведал Тайши о судьбе Чуна. Девушка скривила губы, изо всех сил сдерживая рыдания.

— Вчера вечером я засиделась допоздна, помогая папе, а утром проспала. К тому времени пожар уже потушили. Я спросила у пожарных и у соседей, что случилось, но никто даже не пожелал со мной говорить...

Тайши нахмурилась:

— Почему?

— Кто-то приколот вот это ножом на вывеску, — и девушка протянула ей смятый белый лоскут, испачканный пеплом.

Тайши пощупала шелковую ткань, развернула ее и обнаружила желтые очертания раскрытой ладони без мизинца.

Сначала Тайши охватило облегчение. Если лавку спалили местные громилы, возможно, она была ни в чем не виновата. Просто совпадение. Но в глубине души Тайши понимала, что это ложь. Не бывает скверных совпадений, есть только скверные игроки. Удача и неудача — это не более чем результат размышлений, планов и действий (или их отсутствия). Если лавка Чуна сгорела дотла спустя несколько часов после ее визита, Тайши готова была поклясться душой Сансо, что это не случайно.

— Как только пожарные и соседи увидели платок, мы для них всё равно что умерли, — пояснила Цофи. — Никто не хочет попасть в беду.

— Чем же вы разозлили местных бандитов?

— Желтый цвет значит, что мы им не заплатили, — с горечью сказала Цофи. — Но я точно знаю, что это неправда. Я вела отцовские счета. Мы всегда платили вовремя. Это ошибка.

— Возмутительная, — пробормотала Тайши.

Черный нож, вокруг которого был обернут шелковый лоскут, несомненно, принадлежал тени-убийце.

— Нет, не ошибка. С Шелковыми Руками заодно действовали наемные убийцы. Мне жаль твоего отца, девочка. Тебе есть куда пойти?

Цофи потупилась. Настало неловкое молчание. Тайши хотелось как-то утешить ее, но она ничего не сумела придумать. Девушка была смышленная и ловкая, она вполне могла о себе позаботиться. В утешениях она не нуждалась. Тайши выудила из кошелька три серебряных лян и бросила на ладонь Цофи.

— Ты была права. Мне следовало честно заплатить за карту. Она, случайно, не уцелела?

Задав этот вопрос, Тайши подумала, что ведет себя как поганый сборщик налогов. Но Чун был ее единственной надеждой.

Цофи покачала головой. По лицу дочери картографа вновь покатились слезы.

— Ничего не осталось, только это, — и она крепче прижала к груди длинный деревянный ящик.

— Надеюсь, это ценная вещь, которую можно продать. Желаю тебе удачи, девочка.

Тайши хотела уйти. Она жалела, что больше ничем не может помочь Цофи, но сирот в Просвещенных государствах было не меньше, чем бродячих собак.

Она едва шагнула за порог, когда Цофи кинулась за ней.

— Подождите, госпожа... мастер...

Тайши остановилась.

— Мастер Най Роха.

Девушка сложила ладони и поклонилась. Почтительность и покорность явно не были ее сильными сторонами.

— Вы все еще хотите добраться до храма Тяньди?

Тайши кивнула.

Цофи открыла свой деревянный ящик. Внутри лежала карта.

— Отец хранил ее в каменном сейфе. Только потому она и уцелела.

В глазах Тайши блеснула надежда.

— Сколько ты за нее хочешь?

Бу Чун гордился бы Цофи. Она еще крепче прижала карту к груди и сказала:

— Я ее не продам. Это мое семейное достояние. Все, что осталось от отца.

Тайши устыдилась своего вопроса. Перед ней пронесся образ Сансо.

— Я не вправе забирать у тебя такую ценную вещь. Иди своим путем, дитя.

Она отвернулась, но Цофи схватила ее за рукав.

— Подождите. Я могу проводить вас за Песчаную Змею.

Тайши еще не забыла о схватке с тенями-убийцами. Она покачала головой.

— Там, где я, там опасность, девочка. Не надо.

— У меня есть песчаные сани, и я умею читать движущиеся карты. Я доведу вас до самого храма, не просто до леса.

Тайши поморщилась. Она уже была готова согласиться. Она знала, что будет трудно присоединиться к каравану, идущему в поселение Манки, не говоря уж о том, чтобы найти человека, готового провести ее через лес Фулькан. Но ее присутствие и без того причинило Цофи много горя. Тайши не желала иметь на совести кровь еще одного ребенка. Тем более что ей, скорее всего, пришлось бы где-нибудь бросить Цофи, как она бросила Цзяня.

Она развернулась.

— Прости. Лучше тебе оставаться здесь, в Санбе.

Цофи снова схватила ее за рукав.

— Нет, вы не понимаете. Дело не закончится убийством моего отца и пожаром в лавке. Если Шелковые Руки оставили этот знак, они не успокоятся, пока не изведут всю семью под корень. Их власть держится на жестокости. Здесь для меня больше нет безопасных мест. Вот почему я пряталась в лавке. У меня нет денег, и мне некуда идти.

Тайши отвела взгляд. Она и впрямь была кое-чем обязана Ву Чуну, и честь лунного двора требовала вернуть долг, пускай и без ведома Цофи. Оставить девушку Шелковым Рукам Тайши не могла; взять Цофи с собой тоже значило подвергнуть ее опасности. Победило меньшее зло.

— Ладно. Пойдешь со мной.

— Спасибо, спасибо! Только соберу вещи. Пожалуйста, пойдёте со мной.

Цофи побежала по коридору. Казалось, она просила защиты, но Тайши поняла, что дело не в этом. Цофи кое-что придумала, пока, полуобезумевшая от страха, пряталась в обгорелом шкафу. Тайши была впечатлена.

Они углубились под землю. Стены там сблизились, а потолок нависал над самой головой. Дышать было ещё труднее, воздух едва двигался. Тайши вдруг забеспокоилась. Тесное помещение, застоявшийся воздух... случись что, она окажется в проигрышном положении. Она закрыла рот и нос платком. Платок тоже вонял.

К счастью, внизу они пробыли недолго. Дом, в котором Цофи жила с отцом, представлял собой дыру, едва вмещающую две кровати, стол и крошечную кухню. Цофи собрала пожитки за пять минут, пока Тайши очищала кухонные шкафы. Она прихватила несколько огненных камней, лежавших у очага. Затем пришлось долго и мучительно тащиться на поверхность.

— Где сани? — спросила Тайши, с трудом переводя дух.

— На той стороне ущелья, на Крестьянском причале, — ответила Цофи.

Она шла бодрым шагом и ничуть не запыхалась.

— Надо торопиться. — И Тайши, которая тащилась вслед за девушкой, прибавила ходу.

Она вновь вспомнила, какие мучительно длинные два дня ей выпали.

Цофи остановилась у висевшего на площади объявления.

— Сообщают, что ветер сегодня сильный. Придется подождать, пока не утихнет.

— И долго ждать?

— Разве я похожа на предсказателя погоды?

Ну и язычок.

— Значит, мы отправимся немедленно. Я не желаю оставаться в этом городе ни минуты сверх необходимого.

— Но...

— Не забывай о Шелковых Руках.

И о проклятых тенях-убийцах.

— Чем дальше мы тянем, тем вероятнее, что они нас найдут.

Цофи, видимо, тоже решила, что бандиты хуже плохой погоды.

— Причал там.

Был уже вечер, когда они поднялись по сотням ступенек на верхний ярус и перебрались на другую сторону ущелья. Цофи настояла на том, чтобы закупить припасов в одной из местных лавок, прежде чем отправиться на Крестьянский причал. Тайши предложила воспользоваться подъемником, но Цофи ответила отрицательно: громилы из шайки Шелковых Рук любили околачиваться возле общественных подъемников. Тайши не стала спорить, хотя усталые ноги отчаянно возражали. Девушка провела ее глухими туннелями, опоясывавшими целые кварталы, вверх и вниз по сотням ступенек. Когда они достигли места назначения, ступни у Тайши, казалось, превратились в кашу, а спина пылала от боли.

Крестьянский причал, сообразно своему названию, не поражал роскошью. В отличие от фактории деньги здесь вряд ли текли рекой. Он представлял собой просто огромную пещеру с уродливым устьем в форме ехидной усмешки. Очень длинный, скверно освещенный туннель предположительно выходил к Песчаной Змее.

Целые сотни саней были нагромождены как попало на хлипком деревянном настиле, который уходил под самый потолок; вниз с него вели длинные сходни. Это сооружение напоминало смертельно опасную ловушку. Цофи миновала шесть отсеков и пять ярусов, прежде чем добралась до огромной овальной лохани, у которой посередке торчал шест, с одного конца был приделан руль, а снизу корпуса — нечто вроде киля.

Тайши так и ахнула.

— Это не сани, а корыто! Мы в него даже не влезем!

— Это Пескорез, — гордо улыбнувшись, сказала Цофи. — Я построила его своими руками. Конечно, он небольшой,

но для двоих места хватит. Одному придется держаться за мачту, когда мы поднимем парус.

Худшие страхи Тайши воплотились. Неужели они пересекут жуткое песчаное море на этой суповой миске? В животе у нее все сжалось при одном лишь виде саней, но выбора не было.

— Ладно. Посмотрим, на что способна эта нелепая штуковина.

Цофи встала между Тайши и Пескорезом и протянула руку.

— Сначала договоримся о плате.

— О чем? — пронзительно воскликнула Тайши.

Цофи мило улыбнулась:

— Вы же не думали, что сани и рулевой достанутся вам бесплатно, правда?

Глава 23

Семейные узы

Сали сняла комнату на пятом этаже в тесной гостинице неподалеку от ворот Катуанского квартала. Ей показалось странным, что номера на верхнем этаже были самыми дешевыми; впрочем, она быстро поняла, как утомительно ходить туда-сюда. Ее жилище скорее напоминало ящик, чем комнату. Одинокое окно выходило на каменную стену, окружавшую квартал. Если бы Сали легла на пол и расставила руки и ноги, то коснулась бы всех четырех стен. Если бы она подпрыгнула, то стукнулась бы головой о потолок.

В первую очередь она изучила окрестности. К сожалению, верхние этажи зачастую располагали малым количеством путей к бегству. Окно, к счастью, оказалось достаточно большим, чтобы в него протиснуться; мощный булыжником двор находился далеко внизу, зато можно было допрыгнуть

до противоположной стены, оттолкнуться ногами, перескочить обратно и оказаться на крыше гостиницы.

Сали устроилась на свесе карниза и весь вечер наблюдала за въезжающими и выезжающими повозками. Квартал был населен почти исключительно катуанцами — беженцами из Незры и Шитана, судя по одежде.

Вдоль улицы стояла вереница тележек, с которых продавали что угодно, начиная с пирожков и заканчивая лопатами. Оружие здесь было под запретом, а лопаты, кирки, молотки, сверла и прочие инструменты — нет. Для того, кто жил и трудился в Травяном море, любой инструмент мог при необходимости послужить оружием.

В густой толпе лишь изредка попадались чжунцы. В квартале не было лавок, принадлежавших оседлым, и их стражи предпочитали не отходить от ворот. Даже городские чиновники в высоких конусообразных шапках не смели забредать слишком далеко.

Спустя некоторое время Сали поняла, что больше смотрит на сородичей, чем на врагов. Многие здешние катуанцы, казалось, совсем утратили надежду — они лежали прямо на улицах, уныло подпирали стены, сидели у разложенных на земле костров. Они затерялись на чужбине, в краю каменных зданий и мертвой земли. Поражение в войне, которая началась много веков назад, разорвало ткань их души.

Но были и проблески надежды — бывшие товарищи, сойдясь вместе, торжественно пожимали руки, давно расставшиеся друзья встречались, разлученные родственники обнимались и плакали.

Когда день склонился к вечеру, Сали охватила тоска. Она вспомнила детство — времена задолго до того, как она выбрила себе виски. Сали часто соревновалась с Цзямином — кто взберется на самый верх сторожевой вышки? Цзяминь, как правило, побеждал. Не могла же она превосходить его во всем. Они прятались на вышке целые часы, любуясь закатом.

В последний раз они сидели в башне вдвоем накануне того дня, когда над Цзямином должны были совершить

ритуал, который превратил бы его в очередное вместилище Вечного Хана. Сали крепко обнимала друга, а он ревел как ребенок. Она твердила, что все будет замечательно, что он будет прекрасным Ханом и одержит множество великих побед...

Сали скрипнула зубами.

— Какой же я была душой.

Цзяминь уже никогда не был прежним.

Сали вернулась к себе в комнату, когда взошла луна. Засыпая, она вдруг вспомнила, что ничего не ела с тех пор, как побывала в Шитане. Но чтобы раздобыть еды, нужно было спуститься по крутой лестнице, а потом опять подняться. Поэтому Сали передумала и заснула.

Едва она задремала, как ее разбудил стук в дверь. Она немедленно поднялась. Чирикали птицы, в окно лился утренний свет.

Одной рукой Сали нащупала кнут, другой — рубашку.

— Кто там?

— Послание от Совета Незры, — произнес детский голос.

Откуда они узнали, где она поселилась? Хорошо, что она ничего не сказала им о Мали. Не выпуская кнут, Сали открыла дверь. Босоногий оборванный мальчуган лет десяти испуганно взглянул на нее, протягивая записку.

— От Совета, госпожа, — повторил он.

Сали развернула записку. Наверху значились катуанские символы — цветок, рассвет и утренний туман. Ниже шел список имен — пятнадцать пунктов. Всем было от четырех до шестнадцати лет. По крайней мере, Совет сдержал слово.

— Да достигнешь ты величия, — сказала Сали, бросив мальчику монетку. — Подожди, — добавила она и сцапала посыльного за рукав, прежде чем он успел удрать. Раз уж он явился, она могла его испытать.

Она подтащила встревоженного парнишку к кровати и усадила.

— Я не задержу тебя надолго. Закрой глаза. Расслабься. Сделай глубокий вдох. Ни о чем не думай.

Он поежился.

— Это не больно?

— Нет. Но может быть, ты выйдешь из этой комнаты новым Вечным Ханом.

У мальчугана глаза полезли на лоб.

— Правда? Я?

— Лучше надейся, что нет, — буркнула Сали и произнесла медленно и отчетливо: — А теперь подумай о Травяном море. Видишь его? Слышишь треск жуков-скарнов, грызущих камень, и шипение огнестрекоз, которые несутся у тебя над головой? Чуешь запах раскрывшихся орхидей и черных подсолнухов?

Мальчик заерзал и покачал головой.

— Вытяни руки. Представь, что в правой руке у тебя копье, а в левой — дым. Копье становится длиннее и толще. Дым поднимается в воздух. Что ты чувствуешь?

— Как можно держать в руке дым? — робко спросил мальчик.

— Не думай об этом. Какое чувство вселяет в тебя поднимающийся дым?

Сали тут же прикусила язык. Она совершила ошибку. Ее обучили впопыхах, и умение Сали проводить испытание оставляло желать лучшего. Учитывая обстоятельства, у шаманов было гораздо больше забот и помимо того, чтобы наставить ее как положено.

— Можно коснуться дыма? Он меня обожжет?

Сали, с трудом скрывая досаду, продолжала испытание. Она впервые делала это без надзора. Полная сомнений, она покачала в воздухе светло-зеленым кристаллом на шнурке.

— Пойдем дальше. Открой глаза. Посмотри внимательно на этот кристалл. Следи за тем, как он вращается. Сосредоточься, сосредоточься...

Мальчик старался. Его лицо напряглось, дыхание участилось, зрачки забегали — он разглядывал все, кроме того,

что следовало. Тем испытание и кончилось. Сали не ждала успеха с первой попытки, но тем не менее ощутила разочарование оттого, что мальчик не прошел проверки. Она посмотрела на записку, которую сжимала в руке. Наверняка ее ожидало множество неудач.

— Простите, — подавленно произнес мальчик. — Наверное, я что-то сделал не так, госпожа.

— Наоборот, — ответила Сали. — Ты все сделал очень хорошо, дружок.

Он просиял.

— Я выиграл?

— Можно и так сказать.

Если судить по опыту Цзяминя, парнишка, несомненно, остался в выигрыше.

Мальчик скрестил руки на груди и поинтересовался:

— И что я получу?

В награду за дерзость Сали вручила ему еще одну монетку, подумав, что, если ей придется платить всем детям в списке, через неделю она окажется в богадельне.

Сали спустилась по лестнице вместе с мальчиком и отослала его. Уличная вонь ударила ей в нос, как только она вышла из гостиницы. Она прожила здесь два дня и по-прежнему не могла привыкнуть к запаху навоза, грязи и бедности, витавшему в городе. В отличие от Травяного моря, где всегда дул ветер, в Цзяи воздух казался застоявшимся, загнанным в ловушку меж стен. Совсем как люди.

Сали посмотрела по сторонам и двинулась дальше, в глубь квартала. Вскоре она наткнулась на торчавший из земли деревянный столб. Со всех четырех сторон было написано что-то на чжинцзы, а сверху грубо вырезан кагуанский символ, обозначающий весы.

Она запагала по главной улице и почти в самом ее конце обнаружила знак цветка. Там шла небольшая свадебная процессия — двое молодых людей, очаровательная пожилая чета (очевидно, во втором или третьем браке), окруженная многочисленными внуками, и три женщины танцевали под бой

нескольких барабанов-тууров. Сали смешалась с прочими зрителями и похлопала себя ладонью по груди в такт барабанам, когда шествие проходило мимо. Людей на празднике было немного, и настроение не самое радужное, однако Сали понравилось, что традиции по-прежнему чтут. Оседлые, к счастью, это позволяли, невзирая на свои более строгие верования. Недоставало лишь свадебных одеяний да участвующих в процессии лошадей, но тут уж ничего не поделаешь...

Сали снова сверилась с запиской и продолжила поиски, обходя дом за домом. Она испытала четырехлетнего ребенка в комнате на втором этаже, где ютились три семьи. Затем — девочку, работавшую в лавке, где продавали конину, конский волос и сухожилия. Следующим оказался подмастерье кирпичника. Сали взглянула на навоз, густо покрывавший его руки, лицо и тело, и немедленно решила, что вернется попозже — после того, как он хорошенько вымоется.

Сали успела обойти всех по списку и уже заканчивала испытание дочери травницы, когда в животе у нее заурчало. Она до сих пор ничего не ела. Почему она постоянно об этом забывала? Наверное, дело было в Зове. Он до сих пор не ослабел. Наоборот, он стал таким сильным, что заглушил остальные чувства. Сали зачастую не ощущала никаких телесных потребностей, только грызущее, мучительное желание бросить все и бегом броситься в Шакру.

Как только Сали подумала о своем пустом желудке, голод властно напомнил о себе острой болью в животе. Она поморщилась, разговаривая с матерью девочки.

Травница заметила, что ей не по себе.

— Ты здорова, Искатель Души?

— Да, — ответила Сали сквозь зубы.

Но травницу было не обмануть. Она взяла Сали за руку и сжала ее, пытаясь что-то понять.

— Ты страдаешь от утраты?

— Нет, ничего подобного. Просто... — Сали сама не знала, как описать свое влечение. Она попыталась высвободить руку, но у травницы оказалась крепкая хватка.

— Значит, пристрастие? — женщина сочувственно взглянула на нее. — Не стыдись искать помощи. Я не раз уже лечила воинов. В последнее время многие борются с дурными привычками.

Дурные пристрастия считались грехом среди ее сородичей. Но, возможно, травница и впрямь знала, что делать. Сали наклонилась к ней и, понизив голос, произнесла:

— Нет ли у тебя средства для подавления желаний?

Женщина кивнула:

— Какого рода желаний? Чжунская выпивка? Веселящий дым? Опиум? Лечение зависит от способа опьянения.

— Ничего подобного. Это скорее душевное...

Нехорошо, если по городу пойдут слухи о том, что местный Искатель Души страдает от дурной привычки.

— Пристрастие к игре? Жестокость? Жажда убийства? Постельные...

— Нет, нет.

Это был бессмысленный разговор.

— Простите, госпожа травница, я зря трачу ваше время. Я как-нибудь справлюсь.

— Подождите, пожалуйста.

Травница заспешила к многочисленным деревянным ящикам и быстро вернулась, неся в одной руке чашку, а в другой — маленький флакончик.

— Листья крысохвоста и ястребиная кровь. Две щепотки в чай или горячую воду каждое утро. Не больше одной чашки за раз. Душа успокоится почти на целый день.

Сали стояла неподвижно.

— Сколько стоит?

Травница поставила то и другое на стол.

— Считайте это моим вкладом в поиски Вечного Хана.

Сали попробовала напиток — легко можно было догадаться, какой вкус он имел, учитывая крысохвост в составе. По ее телу растеклось тепло, а за ним немедленно последовал покой. Мучительное влечение ослабело, и прежние

телесные ощущения вернулись. Сали до сих пор даже не подозревала, что у нее чешется нога.

Она сделала глубокий вдох.

— Спасибо.

— Приходи, если понадобится еще, Искатель Души.

Сали некоторое время стояла в дверях, мысленно прокручивая случившееся в голове. Она никогда не понимала в полной мере, сколь важную роль играют для ее народа Искатели. Непривычно было видеть чужую признательность. Сали не встречалась с ней, будучи Волей Хана и Броском Гадюки, потому что почти не входила в общение с низшими кастами. Теперь, когда она бродила среди простых людей, отношения с ними казались странными, но не лишними приятности.

Сали вышла из лавки и зарысила — даже почти побежала — к ближайшему уличному торговцу. Теперь, когда в голове у нее прояснело, она поняла, что умирает от голода. Она взяла по порции каждого блюда и, как только торговец передал ей миски, проглотила всё, не ощутив вкуса. Рис был пресным, в пряном супе с лапшой недоставало лапши (да и пряностей, если на то пошло), мясо отнюдь не походило на конину, и Сали предпочла не задумываться, из чего сделаны так называемые овощные пирожки. Впрочем, это все было неважно.

Она воздерживалась от замечаний, пока не проглотила последний кусочек, а потом дала себе волю:

— Ну и дрянь. Что я такое съела?

Торговец отвечал, не моргнув и глазом:

— Да уж, судя по тому, как вы очистили миски, еда вам совсем не понравилась. Хотите добавки?

— Хочу, дружище, — честно сказала Сали. — Все это похоже на нашу еду, но на вкус совсем другое. Интересно почему?

Торговец вздохнул:

— Я ведь был старшим поваром у вождя Фушаня. А здесь крутись как хочешь без подходящих припасов.

В Цзяи нет трав, которые растут у нас, вот я и обхожусь тем, что привозят в город оседлые.

Сали скривилась:

— Чжунская кухня — сущий ужас.

— Согласен, — ответил торговец и протянул руку. — Девять медных лянов.

Она заплатила без возражений.

Так прошли и следующие несколько дней. Тот же мальчуган являлся к ней рано утром с новым списком. Сали прочесывала очередной кусок квартала, а затем подходила к очередному уличному торговцу. К сожалению, повар из Фушаня, с которым она познакомилась в первый день, оказался среди них лучшим, так что Сали сделалась его постоянной клиенткой.

До конца недели она обыскивала Катуанский квартал. Мали, которой уже исполнилось семнадцать, должна была появиться в списке. Возможно, под чужим именем. Сали воображала, как входит в очередной дом, чтобы провести испытание, и встречает на пороге Мали. Они расплачутся, Сали подхватит Веточку на руки и закружит ее, как в детстве, а ночью, в сиянии трех лун, они тихонько уедут.

Сали не утрачивала надежды вплоть до того самого утра, когда посыльный сообщил, что осталось только двенадцать детей. Когда она испытала последнего ребенка, трехлетнего малыша, горе наконец ее настигло. Колени подогнулись, все тело сотрясли рыдания. Мали нигде не было. А значит, она, скорее всего, сгинула вместе с Незрой, погибла, когда пленных гнали в Цзяи, или скончалась от болезни в этом проклятом городе. Ее бесценная, прекрасная Веточка ушла навек вместе с другими родичами. Сали осталась одна-одинешенька в мире.

Женщина, решив, что с ребенком случилось нечто ужасное, отозвалась на этот внезапный приступ горя без особого сочувствия.

— В чем дело? — закричала она. — Что такое с моим сыном? Он проклят?

Она задумалась на мгновение — и схватилась за сердце.
— Он Вечный Хан?!

Сали подумала о Цзямине и чуть не разразилась язвительным смехом.

— Нет, госпожа, ваш сын не Вечный Хан.

На лице матери явственно читалось разочарование. Оно пропало, когда женщина увидела заплаканные глаза Сали.

— Тогда в чем дело, Искатель Души?

Сали быстро овладела собой и покачала головой.

— Ни в чем. Я искала одну девушку и не нашла ее.

Женщина ласково коснулась ее плеча.

— Я скорблю о вашей потере. Мой муж пал в бою, а старшая дочь умерла от болезни здесь. Вы уверены, что поискали всюду?

— Я испытала всех, кому еще нет восемнадцати.

Женщина нахмурилась:

— А вы видели тех, кто живет в поместье генерала?

Сали внимательно взглянула на нее.

— Что за поместье? Сколько там наших?

— Не знаю. Примерно четверть числа живущих в этом квартале. Это личные слуги генерала Цюань Са. Среди них и моя названная сестра. Она работает садовницей. Время от времени она приходит в город, чтобы нанять рабочих. Насколько мне известно, содержат их неплохо, только не разрешают выходить когда вздумается, и к тушению огней все должны быть на месте. Будь моя воля...

Сали перестала слушать. Цюань Са, генерал, разоривший Незру, держал в своем поместье сотни катунцев. Почему она об этом не знала? Совет недогадал или умолчал намеренно? Был лишь один способ получить ответ.

Она извинилась перед хозяйкой, погладила малыша по голове и зашагала по улице. В душе у нее так и кипело. Она даже не помнила, как добралась до дома, в котором собирался Совет Незры. Стражники, охранявшие главные

ворота, увидели Сали с конца улицы и торопливо выстроились в ряд. От них не укрылось, что она в ярости.

Командир стражи шагнул вперед и направил на Сали копьё.

— Стой, и ни шага дальше. Что тебе нужно?

Сали стремительно выбросила руку и ухватила копьё за конец. Ее тело изогнулось, словно хлыст, и пронизала его, скользнула по древку, обожгла ладони стражника. Мужчина вскрикнул, когда оружие вылетело у него из рук. Не сводя глаз с ворот, Сали с громким стуком швырнула копьё в ближайшую стену и двинулась дальше. Она даже не замедлила шага. Остальные стражники живо поняли, с кем имеют дело. Испуганно крича «Бросок Гадюки!», они разбежались в стороны. Остался только один — храбрый, а может быть, глупый.

К удивлению Сали, это оказался оленеглазый юноша, с которым она познакомилась несколько дней назад. Он стоял перед ней, дрожа от страха.

— Прости, Бросок Гадюки, но я тебя не пропущу.

Сали остановилась, когда наконецник копья легонько коснулся ее чешуйчатого доспеха.

— Тебя, кажется, зовут Хампа? Твоя смелость и верность долгу достойны восхищения, но благоразумия тебе явно недостает.

Хампе явно понравилось, что она запомнила его имя. Но уступать он не желал.

— Я умру, защищая Незру.

У парня была хорошая голова на плечах. И это грозило ему гибелью. Очень жаль.

— То, что ты защищаешь, не есть Незра. И я тебе не враг.

— Не дело воина выбирать, когда исполнять свой долг, а когда нет.

Отличный ответ. И всё же...

— Выбирать приходится всегда, юноша. Никогда не сражайся вслепую, никогда не жертвуй жизнью зря.

Сали сказала это и сама вздрогнула.

Хампа еще немного поколебался — и медленно опустил копье.

Сали коротко кивнула ему в знак одобрения и прошла мимо. Остальные стражники, вернувшись, двинулись за ней, но никто не смел ее задержать. Сали миновала ворота, обогнула здание и направилась в сад на заднем дворе. Вероятно, Совету сразу сообщили о прибытии незваной гостьи: в дальнем конце моста ждали два отряда стражи. Сали уже раздумывала, как бы их обезвредить, никому не навредив, но тут появился Ариун и избавил ее от этой заботы.

— Сальминдэ, — произнес он, — чем обязаны?

— Ваш Совет должен был составить список всех катуанцев, которым еще не исполнилось восемнадцати, — спокойно сказала Сали.

Ариун кивнул:

— Мы это и сделали. Неужели ты не получала наших писем?

— Вы забыли тех, кто живет в поместье Цюань Са. Мне они тоже нужны.

— К сожалению, они вне досягаемости Совета.

Сали наконец дала волю гневу:

— Это же наши люди! Их тоже нужно включить в списки! Их детей следует испытать!

— Невозможно.

Наигранное спокойствие Ариуна ее не остудило. Сали заметила, что на мосту у нее за спиной появился еще один отряд.

— Совет сделал все, что мог. Личные слуги генерала вне нашей власти.

— Вне власти правящего Совета Незры?

— Они недосыгаемы даже для Искателей Души и Бросков Гадюки, — твердо сказал Ариун. — Ссора с чжунским генералом может стоить нам больших неприятностей.

Сали с презрением взглянула на бывшего начальника обороны.

— Сколько там детей, Ариун? Сколько возможных Ханов я должна оставить без испытания?

— Не знаю. Это не мое дело и не твое. Совет запрещает тебе связываться со слугами генерала. Наш народ не выдержит новых ударов.

— Это долг Искателя Души! — ответила Сали и потянулась за кнутом.

Стражники на обоих концах моста подошли ближе. Но Ариун не стал браться за оружие, висевшее у него на поясе. Скрестив руки на груди, он словно предлагал Сали нанести удар первой.

— Вот так, Бросок Гадюки? Ты прольешь кровь сородичей?

— Если придется, — прорычала Сали.

Время шло. В глубине души Сали понимала, что Ариун ведет безопасную игру. Как бы она ни гневалась, обрушиться на собственных соплеменников Сали не могла. Она не за тем приехала в Цзюи и была не готова заплатить такую цену. Серdito рыча, она развернулась и зашагала по мосту.

— Что ты намерена делать, Сальминдэ? — крикнул вдогонку Ариун.

— Поднять бурю, — ответила та, не оборачиваясь.

Стражники расступились пошире. Ни один глупец не рискнул преградить ей путь.

Проходя мимо Хампы, Сали взглянула на него:

— Все еще хочешь быть Броском Гадюки? Тогда пошли со мной.

В следующее мгновение новый адепт, без копья и с непокрытой головой, нагнал ее. Он сиял от радости и подпрыгивал, как щенок, шагая рядом с Сали со двора.

— Я тебя не подведу, Бросок Гадюки, — заявил он, стараясь не отставать. — Клянусь Незрой, ты будешь мной гордиться.

Сали искоса взглянула на него и фыркнула:

— Копье мог бы и оставить.

Глава 24

Песчаная Змея

Наверное, все-таки нужно было последовать совету Цофи и отправиться в путь после того, как уляжется ветер.

Первое путешествие Тайши на песчаных саях по тонкой крупитчатой поверхности Песчаной Змеи воистину оказалось памятным. И Тайши предпочла бы его не повторять. Как только они спустили лодку с Крестьянского причала, сильнейший ветер наполнил парус и устремил легкое суденышко Цофи, похожее на суповую миску, в хаос движущихся дюн, как настоящая морская буря гонит рыбацкую лодку.

В отличие от многих военных искусников, которые предлагали невероятные усилия к тому, чтобы в любой ситуации сохранять бесстрастное лицо, Тайши всегда, не стыдясь, выражала свои чувства. Она предпочитала, чтобы и другие делали то же самое. Лучше продемонстрировать страх, чем напускную смелость. Солдат, который выказывает умеренный страх, бдителен и смышлен, он с большей вероятностью последует приказу. Тот, кто тратит все силы на фальшивую храбрость, занят не тем, чем надо.

Вот почему, когда их маленькие сани неудержимо рухнули с высоты нескольких этажей к основанию первой песчаной волны, Тайши наоралась до хрипоты. Цофи тоже визжала, хотя ее, очевидно, наполняли другие чувства. Она налегла на руль, и сани, поймав течение, устремились в углубление между дюнами. Едва они достигли подножия волны и начали новый подъем, две песчаные горы, каждая высотой с дом, столкнулись и соединились в одну гигантскую волну, затмившую небо. Тайши заорала еще громче, когда гора начала наклоняться над ними, осыпая их песком. По какой-то необъяснимой причине Цофи продолжала править прямо на нее.

Тайши принялась дергать девушку за рукав. Она спростила дрожащим от ужаса голосом:

— Ты хочешь, чтоб мы погибли, сумасшедшая самоубийца?

Цофи ответила диким воплем, который напоминал одновременно боевой клич и хохот. Песок и воздух ударили в лицо. Когда Пескорез уже был готов встать торчком, она резко повернула, заставив сани катить по гребню волны, которая изгибалась и осыпалась под ними.

Тайши снова принялась вопить — она орала и орала, пока не сорвала голос. Потом ей стало скучно. Возбуждение схлынуло, и она поняла, что всё вокруг — сани, песок, ветер — на самом деле движется довольно медленно. Страшно было, только когда они находились в самой гуще. Цофи торжествующе взывала, когда мощный порыв ветра наполнил паруса, и сани, как пущенная из арбалета стрела, выскочили из-под одной волны и взмыли на следующую.

Пескорез проделал этот маневр еще несколько раз, прежде чем наконец миновал бурные колеблющиеся дюны и выехал на относительно спокойное место. Высокие утесы Санбы быстро скрылись из виду, окутанные огромными тучами пыли. Тайши позволила себе перевести дух и откинулась на корму. Она рассматривала извилистую линию за бортом Пескореза. Вскоре горы превратились в крошечные пятнышки на горизонте, и Тайши почувствовала себя маленькой и одинокой посреди необъятного песчаного моря.

Цофи ничто не тревожило — она уверенно вела сани и по бурным пескам вблизи Санбы, и по неподвижной поверхности пустыни. Девушка была опытным моряком и прекрасно умела управляться с лодкой. Под ее рукой Пескорез легко и изящно двигался на юг.

Тайши окончательно уверилась, что в руках дочери картографа их жизням ничто не угрожает.

— Где это ты выучилась так хорошо ходить под парусом?

Цофи ослабила и заново подвязала снасти.

— В Санбе особо нечем развлечься, кроме катания.

Она села и вытянула ноги вдоль борта, так что ступни торчали над краем. Откинувшись назад, девушка взглянула на вечернее небо.

— Я всегда мечтала, что однажды сама поведу караван. Выберусь из пещер и увижу Небесную кровлю...

Тайши со вздохом села рядом с Цофи, по-прежнему крепко держась за мачту.

— У вас, южан, странные представления о досуге.

— Сами попробуйте всю жизнь прожить в пещере.

Тайши взглянула на последние облака пыли, исчезающие вдали.

— А еще бури будут?

— Если повезет — нет. Вблизи суши волны всегда самые большие. Особенно возле Санбы, потому что там высокие скалы.

— Как в море, — задумчиво произнесла Тайши. — Но откуда здесь вообще эти пески?

— Никто не знает, — сказала Цофи. — Люди говорят, они всегда здесь были. Но в книгах пишут, что Песчаная Змея появилась лишь двести лет назад. Одно известно наверняка: она растет и с каждым годом пожирает сушу. Двести лет назад это был маленький ручеек, пересекавший лес. Путники могли преодолеть его без особого труда. А теперь песок повсюду...

— В нем можно утонуть?

— Если остановиться, то да. Медленно, но верно, — ответила девушка. — Эти пески не зря называютzybучими. Сани должны постоянно двигаться, чтоб не утонуть.

Что-то ей это напоминало. Тайши посмотрела на северо-восток. Песчаная Змея двигалась беспорядочно, но, несомненно, текла на запад. Если верить карте, за Песчаной Змеей на востоке лежало...

— Травяное море, — пробормотала Тайши.

Ну конечно. Под слоями песка, возможно, залегало огромное водное пространство. Точно так же, как и Травяное море представляло собой слои растительности поверх

водной толщи. У Песчаной Змеи на поверхности находилась пустыня.

Тайши внимательней взглянула по сторонам и восхитилась странным и прекрасным пейзажем. Было нечто успокаивающее в том, как волны перехлестывали одна другую, время от времени превращаясь в стены, которые вздымались и рушились под собственной тяжестью. Тайши перегнулась через борт и коснулась мелкого песка, который на ощупь казался шелковым.

Наконец, после нескольких часов пути, как всегда бывает, удивление сменилось привычкой, а затем и скукой. Король, погружаясь за горизонт, сменил величественное желтое платье на мандариновый вечерний наряд. Цофи поманила Тайши пальцем.

— Подержите руль. Мне надо проверить курс.

Тайши обрадовалась возможности расправить усталые ноги. Колени и бедра заныли, когда она осторожно поменялась местами с Цофи на маленьком суденышке. Девушка открыла длинный деревянный ящик. Она достала карту и внимательно стала в нее вглядываться, листая многочисленные слои. Она принимала в расчет звезды, последний проблеск Короля, начинающую свой подъем Королеву, направление ветра. Это продолжалось некоторое время. Тайши охотно бы занималась своим делом и дальше, предоставив Цофи прокладывать курс, ну, или как это там называлось, однако она невольно обратила внимание на наморщенный лоб девушки. Цофи все быстрее листала карту.

— Все хорошо?

Цофи ответила утробным звуком.

— Мне держать курс?

Девушка кивнула, не глядя на Тайши.

Настала ночь, а Тайши по-прежнему оставалась у руля. Цофи приспустила паруса, так что теперь сани двигались еле-еле; девушка продолжала возиться с картой, листая туда-обратно многочисленные слои.

Наконец Тайши не выдержала:

— А я думала, ты умеешь читать эти штуки.

— Папа меня учил, но я еще не до конца разобралась, — призналась Цофи.

Тайши посмотрела на горизонт. Повсюду были пустыня и горы.

— Иными словами, мы заблудились?

— Нет, конечно. Просто я не могу сказать точно, где мы сейчас находимся. И я не уверена, что мы движемся в нужную сторону.

У Тайши все перевернулось в животе. Каждый раз, когда ей казалось, что она перебрала все самые страшные способы умереть, подворачивался новый, еще ужаснее. Она попыталась не терять надежды.

— Ну, Песчаная Змея не такая уж широкая. Самое большее — два дня пути, правда? Все будет хорошо, даже если мы немного сбились с курса.

Прошли два дня, а они по-прежнему скользили по Песчаной Змее. Суша впереди не показывалась. На третий день еда закончилась — и терпение тоже. Тайши не знала, что именно произошло, но спрашивать Цофи было бесполезно. Девушка по-прежнему прилежно изучала карту, пытаясь добиться от нее ответа.

Все разрешилось утром четвертого дня, когда на горизонте появился шахтерский поселок Манки. Тайши сначала подумала, что ей мерещится, но тут Цофи, радостно подпрыгнув, сказала, что она тоже это видит. Они стали неуклюже обниматься и хлопать друг друга по спине, понавя, что смерть в пустыне им не грозит.

Но радость оказалась кратковременной. Манки, как и большинство провинциальных поселений, представлял собой лишь кучку домишек. Жителей в нем было ровно столько, чтобы Манки мог считаться цивилизованным местом, и ровно столько беззакония, чтобы сделать его похожим на разбойничий лагерь. Самодельные палатки и глиняные лачуги тянулись вдоль узких грязных улочек. Неучтивые, по уши перепачканные жители точили инструменты и варили пищу на кострах.

Большинство удостаивало путниц лишь утрюмым взглядом искоса, прежде чем вновь приняться за свои дела. В отличие от земель Чжун чужаки здесь не были редкостью.

Тайши не открывала лица и держала голову опущенной.

— Я вижу столько же лезвий, сколько лопат.

— Так здесь живут. Мы за границей Просвещенных государств. Люди защищают себя сами. Налоги для Дунши свозят в Санбу, поэтому нет нужды присоединять к княжеству такие места, как Манки. — Цофи взглянула на горизонт. — Если верить карте, лес Фулькан начинается прямо за тем холмом. Оттуда всего день пути до храма. Дневную жару лучше переждать и выдвинуться вечером.

То же самое она говорила и о путешествии по Песчаной Змее. Тайши наслаждалась движением. После нескольких дней неподвижности ноги у нее чуть не отнялись. Долгое путешествие, хотя бы и по жаре, представлялось желанной переменой.

— Идем сейчас. Я и так слишком долго отсиживала зад.

Цофи сперва засомневалась, потом пожала плечами.

— Как хотите. Но сперва надо пополнить запасы.

Они остановились перед единственной лавкой в поселке. Тайши зашла, ожидая увидеть цены выше, чем в Санбе, но все равно была потрясена. Мешок риса стоил не меньше, чем свиной окорок. Копченое мясо стоило дороже целой свиньи. Вода была на вес золота.

— Это грабеж, — заявила Тайши.

Лавочник, жилистый, обветренный, как сама пустыня, пожал плечами.

— Так кто вас здесь держит-то?

Цофи начала перебирать небольшие кучки съестных припасов на полках и на полу.

— Состояние в таких поселках сколачивают не добычей руды, а прокормом рудокопов. Не беспокойтесь, я соблю цену.

Следующие несколько часов она торговалась с лавочником из-за каждого куска мяса. Поначалу Тайши не возражала.

В конце концов, на кону стояли ее деньги. Ей даже понравилось, что у девушки хватило благоразумия пойти на определенные жертвы ради экономии чужих лян. По мере того как шло время, нетерпение стало брать верх над бережливостью. На исходе третьего часа Тайши не выдержала.

Она протянула руку через плечо Цофи и схватила с прилавка мешок.

— Меня не волнует, сколько стоит картошка, — резко сказала Тайши.

Цофи скрестила руки на груди.

— Я заплачу двенадцать монет, и точка.

Тайши бросила на стол две монеты, из-за которых Цофи последние двадцать минут препиралась с лавочником.

— Пошли.

— Удачной дороги к храму, — язвительно заметил лавочник. — Постарайтесь не умереть по пути.

Тайши выскочила на улицу и нахмурилась. Они провели в лавке полдня. Она гневно повернулась к Цофи, грозя пальцем:

— Ты сделала это нарочно!

Цофи вскинула мешок на плечо и ухмыльнулась.

— Зато мы позволили себе, самое малое, четыре лишние фляги с водой. И не умерли от дневной жары. В следующий раз просто делайте то, что я говорю.

— Ах ты мелкая... — Тайши замолчала и покачала головой. — Ладно. Пошли, пока не совсем стемнело.

— Нет, — сказала Цофи, ткнув себе за плечо. — Сначала нужно спрятать Пескорез, не то его украдут.

Тайши устремила на нее убийственный взгляд, но подчинилась. Ухудшить нынешнее положение можно было одним-единственным способом — застрыв в Манки. Они потратили еще два часа на то, чтобы втащить сани на уединенную прогалину и присыпать песком. Когда они наконец направились к лесу Фулькан, уже вечерело. Как Цофи и рассчитывала.

Тайши вновь восхитилась:

— Молодчина, девочка.

Фулькан даже отдаленно не напоминал лес. Возможно, несколько столетий назад он и был настоящим лесом, но давно уже превратился в скопище окаменелых деревьев. Изогнутые голые ветви — ни листы, ни птиц — торчали на фоне пустыни, которая тянулась, насколько хватало глаз. Тайши постучала по стволу. Он казался тверже камня. Надежда пройти в тени густых крон развеялась. Они тащились по расползавшейся под ногами гальке, которой была покрыта неровная земля, накалившаяся от дневной жары. На лбу у Тайши скоро заблестел пот; она изо всех сил старалась держаться прямо и не сбавлять шага. Нечего и говорить, она была безмерно признательна Цофи за то, что этот отрезок пути они начали вечером.

Они продолжали идти еще долго после того, как на небе показалась Королева, окутавшая желтые пески своим насыщенным синим сиянием. Принц, только начавший восхождение, добавил собственные цвета, и пейзаж быстро окрасился в зелено-голубые тона. Две луны, стоявшие так близко друг к другу, напоминали о том, что скоро к Небесному семейству присоединится Принцесса, знаменуя начало сурового третьего цикла. Что бы ни задумала Тайши, лучше было управиться до тех пор.

Спустя час после заката обжигающая жара сменилась холодом; к шестому часу дыхание Тайши паром повисало в воздухе и она уже не чувствовала пальцев. К тому времени, когда они остановились на ночлег, земля покрылась инеем, а холод проник сквозь все слои одежды. Тайши успела сто раз пожалеть о своем решении.

Они разбили лагерь в маленькой окаменелой рощице. По крайней мере, она давала защиту от ветра, который свистел вокруг, вздымая песок. Путницы сидели у маленького костра, уплетая горячий картофельный суп.

— Что ты будешь делать потом? — спросила Тайши.

Цофи пожала плечами:

— Я бы давно уехала из Санбы, если бы не отец. Он был умнее всех на свете — и прекрасный мастер, — но вести дела не сумел бы даже под страхом смерти.

Тайши вздохнула, наткнув на палочку четыре кусочка картошки. Цофи рассуждала здраво. Если бы ее собственный отец потратил немножко времени и научил дочь извлекать из воинских способностей доход, возможно, она бы сейчас жила в роскоши, как Гуаньши, вместо того чтобы жариться на солнце и мерзнуть рядом с наглой девчонкой на кладбище деревьев.

Цофи смотрела в темноту.

— Ну а теперь, раз отец во мне больше не нуждается, я наконец свободна и могу странствовать... — Она полезла в сумку, достала красивый кожаный чехол и осторожно его развернула. — Это драгоценный отцовский набор для рисования.

Она осторожно коснулась всех предметов по очереди, закрыла чехол и встала.

— Извините. Я хочу проститься как положено.

Цофи отошла от костра и исчезла в темноте за рощей.

Тайши видела силуэт девушки, которая выкопала в мягкой земле ямку и положила в нее отцовские рисовальные принадлежности. Послышались негромкие рыдания. Вскоре они стихли, и Тайши осталась ждать у гаснущего костра.

Цофи все не возвращалась, и Тайши забеспокоилась. Она взяла Танец Ласточки и отправилась на поиски. Цофи спала, свернувшись клубочком у холмика свежевскопанной земли и вся дрожа.

Тайши тронула ее за плечо.

— Возвращайся к огню, девочка, не то простынешь.

Цофи, вздрогнув, проснулась. Она шаталась, как пьяная, и безропотно позволила Тайши отвести ее обратно к костру. Девушка взяла у Тайши платок, набросила его на плечи и усталилась на огонь.

— Маму я почти не помню. Кроме папы, у меня никого не было. И теперь я одна на целом свете.

Она задрожала, а по ее щекам вновь покатались слезы.

Тайши хорошо знала, каким одиноким чувствует себя человек, оставшийся последним в своем роду. Одно дело — потерять близкого родственника, и совсем другое — когда больше никого нет, кроме тебя, и все кровные узы порваны. Она положила руку на плечо Цофи.

— Я понимаю твои чувства, девочка. Ты привыкнешь. Все не так плохо.

Если ее слова и достигли слуха Цофи, девушка ничем этого не выдала. Тайши предприняла еще одну попытку.

— Когда я...

— Пожалуйста, помолчите.

Тайши и сама предпочла бы помолчать. Она продолжала неловко похлопывать Цофи по плечу.

— Если что, я здесь.

— Уходите.

Тайши выпустила плечо Цофи.

— Я буду рядом, если...

Низкий утробный вой, до жути напоминавший хохот, разнесся в ночи. Вскоре к нему присоединились еще несколько голосов.

— Горные шакалы, — сказала Цофи и вскочила.

Тайши вгляделась в темноту за рощей, чувствуя, что холодеет. Она медленно повернулась, и в ее глазах отразились пляшущие языки огня.

— Они близко. Но не бойся. Шакалы маленькие и не едят людей. И к огню они не пойдут.

— Это не совсем шакалы...

— В каком смысле?

— Нам придется отбиваться, чтобы они нас не сожрали. Говорят, горные шакалы серые, как тень, и почти невидимы.

Тайши торопливо принялась сворачивать лагерь. Она скатала одеяло, сунула скудные припасы в мешок.

- Обойдемся без драки.
- Почему? Разве вы не великий мастер боевых искусств? Что вам стоит перебить стаю диких псов?
- Я не хочу драться с животными, это излишняя жестокость.
- Мало ли чего вы не хотите! — воскликнула Цофи.
- Тайши забросила мешок за плечо, подожгла две смолистые ветки и вручила одну Цофи.
- Что ты стоишь? Беги!

Глава 25

Друзья и ошибки

Цзянь, как обычно, стоял в углу столовой с пирамидой корзинок в одной руке и влажной тряпкой, свисающей с другой руки. Мест не осталось, очередь тянулась за порог, но разговоры были непривычно тихими. После памятной стычки миновало два дня. Синьдэ еще не вышел из лазарета, и в школе все уже начали беспокоиться. Какие только слухи не ходили! Одни полагали, что старший ученик умирает. Другие утверждали, что он уже умер, однако Гуаньши это скрывает, чтобы не потерять лицо. Те, кто обладал самым пылким воображением, твердили, что Синьдэ лишь притворяется немощным, а сам намеревается проникнуть в школу Южного Креста и отомстить. Никто не знал, как обстояли дела, кроме Михе и тетюшки Ли, — а те молчали.

Один из учеников доел и вышел, оставив после себя крупинки риса, лужицу огуречного соуса и разорванную обертку из бананового листа.

— Невежи и неряхи, все до единого, — буркнул Цзянь.

Он подошел, чтобы вытереть со стола, но тут Сыан подставил ему ногу. Пирамида зашаталась, и Цзянь чуть не уронил все три корзины. Он успел прижать их к груди,

упав на колени. Ученики грянули дружным хохотом. Юноша, рыча, повернулся к Сыану, но Сайык его опередил. Бывший враг Цзяня возник из ниоткуда и пихнул обидчика так, что тот свалился со скамьи. Снова раздался смех.

Сайык стоял, сжав кулаки, пока Сыан поднимался с пола.

— Ты что это творишь? Чуть не рассыпал отличные бао.

Сыан, который минуту назад не прочь был поиздеваться над Цзянем, тут же затрепетал перед Сайыком.

— Прости, старший брат, я просто подумал...

Сайык ткнул в сторону кухни.

— Перестань думать, у тебя это плохо получается. Ступай и принеси мне еще соуса.

Он повернулся к Цзяню и едва заметно кивнул.

— Вот свиньи, а, Гиро? Ну-ка дай тряпку.

Цзянь повиновался.

Сайык поймал ее, вытер стол перед собой и бросил тряпку обратно Цзяню.

— Остались еще бао?

Пирожков полагалось по две штуки на каждого, но Цзянь подумал, что подкуп бывает полезен. Он поддел деревянной лопаткой два пирожка с лotosовой начинкой и поочередно перебросил Сайыку. Тот ловко поймал оба на лету, быстрым движением сунул в рот и показал Цзяню оттопыренный большой палец.

Цзянь вернулся на кухню, гадая, что все это значит. Сайык определенно не был его другом, но между ними будто возникла странная связь. Цзянь посмотрел в щелку на переполненную столовую. Он не сознавал, как нуждается в признании и принятии, пока ему не довелось их отведать. Он по-прежнему ненавидел школу, но что-то слегка изменилось. Он уже хотел заново наполнить корзинку пирожками и вернуться в столовую, когда в дверь лазарета громко постучали.

— Синьдэ! — мрачно позвал Гуаньши и, не дождавшись ответа, заколотил еще громче.

Из амбара появилась тетушка Ли, неся корзинку с мукой.

— Что вы делаете, мастер? — поинтересовалась она. — Молодому человеку нужен отдых.

— Ерунда, на тренировках ему доставалось сильнее, — ответил Гуаньши и вновь застучал в дверь. — Выходи, Синьдэ, ты валяешься два дня!

— Дайте же ему время, — лстыиво попросила тетушка Ли. — Синьдэ нужно прийти в себя.

— Пусть приходит в себя, не отрываясь от дела!

Гуаньши уже был готов вломиться в лазарет, когда дверь открылась.

Синьдэ вышел.

— Не беспокойтесь, тетушка. Чем могу служить, мастер?

— Давно пора! У меня за завтраком встреча с другими мастерами. Проведешь утренние занятия. — Гуаньши указал пальцем на учеников, которые разминались во дворе. — Сам знаешь, что делать. Средняя группа отрабатывает точечные удары. Никаких вольностей с этими неуклюжими олухами! Новички перешли к работе копьем. Научи их как следует держать древко, и хватит. Детям дай поиграть в пятнашки. Пусть бегают до изнеможения.

— Хорошо, мастер.

Приятно было видеть старшего ученика живым и здоровым. Синьдэ, впрочем, казался утомленным, лицо у него побледнело, глаза ввалились, влажные от пота волосы прилипли ко лбу. Рубаха на нем висела как на вешалке, однако сквозь повязку на груди не проступало кровавых пятен. Синьдэ вернулся в лазарет и вышел полностью одетым.

Цзянь продолжал трудиться в столовой, иногда поглядывая на старшего ученика, который вел утреннее занятие. Не приходилось сомневаться, что Синьдэ полностью здоров. Он держался с прежней уверенностью, и его голос разносился над всем двором. Старший ученик демонстрировал удары, заставляя учеников проделывать упражнения, проводил поединки. Рана, очевидно, не вынуждала Синьдэ осторожничать: его движения ничуть не были скованными.

Цзянь закончил свои дела, проглотил пару бао и стал разминаться к дневному занятию. Вскоре он вместе с другими новичками стоял, расставив ноги, в стойке всадника и держал в руке тупое копьё. Его соседом был старик по имени Сум, который от нечего делать пытался исполнить давнюю мечту и стать мастером боевых искусств.

Синьдэ во всем следовал порядку, установленному Гуаньши. Он учил новичков правильно держать копьё. Они не наносили и не отбивали ударов — просто стояли в стойке, сжимая древко, и так целый час. К счастью, затем они перешли к поединкам — с половинной скоростью. И конечно, Цзянь оказался в паре с Сумом.

— Гиро! — крикнул Синьдэ, расхаживавший туда-сюда вдоль двора. — Что тут непонятного? Половинная скорость!

— Это и есть половинная скорость, — буркнул Цзянь. — Просто у одних людей она быстрее, чем у других.

В Небесном дворце ему никогда не приходилось сдерживаться. Медлительность сводила Цзяня с ума. Больше всего юноше хотелось показать свои способности. Он кипел от досады, ни на что не обращая внимания, и пропустил удар старого Сума. Цзянь потерял равновесие и плюхнулся на задницу.

— Святые небеса! Ты цел, бедняжка? — спросил седой старик, добродушно похлопав его по щеке. — Не могу рассчитать силу, хоть ты что!

Цзянь пощупал лицо и обнаружил, что у него разбит нос. Старый Сум пустил ему кровь.

Синьдэ внешне хранил бесстрастие, однако в глазах у старшего ученика плясали веселые искорки.

— Младший ученик Сум, что я тебе говорил о необходимости сдерживаться? Для некоторых это чересчур!

Шестидесятилетний старик развел руками.

— Да я случайно.

Синьдэ отправил Сума тренироваться на деревянном чучеле и повернулся к Цзяню.

— Нос не сломан?

Цзянь покачал головой:

— Просто я отвлекся.

— В бою это может стоить тебе жизни, — сказал старший ученик, рассматривая его окровавленное лицо. — Ты талантлив, Гиро. Научись не отвлекаться. Из тебя, быть может, выйдет исключительный воин.

От слов поощрения Цзяню стало только хуже.

— Спасибо, старший ученик.

— Можешь не сдерживаться.

Цзянь нахмурился:

— То есть... я могу двигаться быстрее?

— Нет. Еще медленнее.

— Что?

Старший ученик принял защитную стойку.

— Нападай.

Цзянь повиновался и провел основную серию ударов на привычной скорости. Синьдэ, двигаясь медленно и плавно, уклонился от атаки и коснулся древком копья подмышки Цзяня.

— Настоящий военный искусник способен предугадать нападение, прежде чем противник начнет действовать, — сказал он, резко дернул Цзяня за плечо и подставил подножку. Если бы старший ученик не придерживал его за одежду, Цзянь бы упал. Синьдэ помог ему устоять и хлопнул по спине.

— Гораздо труднее драться обдуманно в четверть скорости, чем быстро, но беспорядочно. Когда научишься действовать медленно, будет проще действовать быстро.

— Кажется, я понимаю.

На самом деле Цзянь ничего не понимал.

Синьдэ похлопал его по плечу и перешел к следующей паре, сказав напоследок:

— Когда будешь драться с Сумом, постарайся двигаться как можно медленнее. И не получить в нос.

Цзянь, полный сомнений, тем не менее запомнил слова Синьдэ и до конца урока следовал его наставлениям.

Сум еще два раза заехал ему по лицу — похоже, только туда он и целил, — так что, помимо расквашенного носа, Цзянь заработал разбитую губу и синяк под глазом. Старик действительно не соизмерял силу. Цзяню никак не удавалось постичь секрет медленных движений. Он едва начал предугадывать движения противника, когда вернулся Гуаньши.

Мастер с довольным видом прошелся вдоль рядов, давая советы там и сям и время от времени исправляя движения учеников.

— Уступаю вам место, мастер, — сказал Синьдэ при приближении Гуаньши.

Ученики прервали занятие и поклонились, приложив кулак к открытой ладони.

Гуаньши отмахнулся.

— Синьдэ, у меня есть для тебя поручение.

— Продолжайте упражняться. Помните — внимание и отчетливость, — сказал Синьдэ и повернулся к Гуаньши. — Чем могу служить Лунсяню, мастер?

— Фусань сегодня заявил, что уходит на покой.

Гуаньши, у которого слух притупился с возрастом, говорил довольно громко. Цзянь, которого Сум осыпал туманами, слышал все.

— Мастер Фусань — прекрасный наставник, — сказал Синьдэ. — Лунный двор обеднеет с его уходом. Он вырастил много славных искусников. Кто ему наследует?

— Никто. Он закрывает все свои школы.

Синьдэ, казалось, испугался.

— Все три? Но почему? У него же учеников больше, чем у вас!

Мастер вздохнул:

— Считаю это неудачей от избытка успеха. Фусань так богат, что может не трудиться. Его дочь так избалована, что трудиться не желает. Фусань решил не марать свое доброе имя. Он хочет продать школы и уйти от дел.

— Вы намерены их купить?

— Только не сейчас, когда в делах затишье. Лучше я пощупаю его клиентов. Ступай к хозяину «Самой лучшей шкатулки». Остальные школы тоже будут драться за контракты. Пусть тетушка Ли приготовит корзину с подарками. Вели ей положить бутылку рисового вина. Лучшего. Тебе будет полезно кое с кем познакомиться.

— Конечно, мастер.

— Приятно слышать. Твой утренний вид меня напугал. Тренировка всегда приносит телу пользу. Пойдешь в «Шкатулку» завтра утром. Проследи, чтобы корзина была готова. Хорошая голова в делах так же важна, как кулак в бою. Для тебя это будет полезный опыт.

Он дал Синьдэ еще несколько наставлений и удалился, предоставив старшему ученику распустить класс. Мысленно проклиная старого Сума, Цзянь поклонился своему противнику.

Глава 26

Изначальный храм Тяньди

Тайши и Цюфи бежали почти до рассвета. Они взбирались на дюны по щиколотку в песке, после каждых трех шагов вперед съезжая на один вниз.

Шакалы оставались за пределами видимости, в темноте, однако напоминали о своем присутствии пронзительным воем со всех сторон. Перегнать или перехитрить их было невозможно. Стая гнала людей, терпеливо ожидая, когда те выбьются из сил. Если бы только удалось найти укрытие... но пересохшая пустыня ими не изобиловала. Тайши предложила влезть на окаменелое дерево, однако Цюфи не знала, умеют ли эти твари лазать или нет.

В конце концов даже горные шакалы потеряли терпение. Их неестественное нытье зазвучало громче и слаженнее.

Вокруг стремительно заметались тени. Когда путниц окружило восемь или девять пар светящихся оранжевых глаз, Тайши взмахнула горящей веткой. Тут же шакалов стало еще больше.

Цофи, стоявшая в нескольких шагах от Тайши, вдруг закричала и припала на одно колено. Горный шакал, прыгнув ей на плечи, вцепился зубами в мешок. Он совершенно не был похож на обычного шакала. Тот, кто дал этим животным такое название, заслуживал хорошей трепки. Горный шакал представлял собой безволосую тварь размером с крупную собаку, с длинной крысиной мордой и рваными висячими ушами. Из безобразной пасти торчали два длинных загнутых клыка, вокруг которых собиралась складками серая кожа.

— Пригнись!

Цофи так и сделала — и Тайши размахнулась факелом. Шакал взвизгнул и отлетел от удара в темноту.

Его место заняли другие. Один шакал вцепился в потухший факел, другой попытался укусить Тайши за плечо. Бросив ветку, та увернулась от щелкающей пасти. Еще несколько зверей набросились на нее с разных сторон. Другие подползали, прижимаясь к земле.

Тайши поняла, что их загоняют в угол. Нужно было забраться куда-нибудь повыше. Над песками, заслоняя круглый фиолетовый лик Принцессы, завершавшей свой путь, возвышался хребет с четырьмя пиками. Тайши схватила Цофи за рубашку и прыгнула. Поймав поток воздуха, она устремилась на нем к хребту.

Девушка оказалась тяжелой. Ну или Тайши просто устала. Она покачнулась, потеряла равновесие и промахнулась, когда попыталась переступить на соседний поток воздуха. Они неуклюже свалились, немного не достигнув цели. Тайши поднялась, выплевывая песок. Она потащила Цофи за собой к подножию гребня и убедилась, что влезть на него невозможно.

Из-за ближайшего холма выкатилась стая шакалов и набросилась на них. Тайши, скорее всего, могла взобраться

наверх одна, но невысимо было бросить Цофи на растерзание чудовищам ради спасения собственной жизни. Тогда Тайши выхватила Танец Ласточки и стала ждать приближения тварей.

— Я очень рада, что вы передумали насчет убийства животных, — сказала Цофи.

— А я нет!

Убедившись, что девушка цела, Тайши вытащила нож и бросила ей.

Цофи немного промахнулась и поранила руку.

— Ой!

Из пореза потекла кровь — по плечу до локтя, потом наземь. Горные шакалы пришли в неистовство.

— Держись позади меня, — велела Тайши.

Она с силой опустила меч и обезглавила первую тварь, которая осмелилась приблизиться. Танец Ласточки мелькнул еще семь раз, оставив семь трупов. Вскоре прибыла вся стая, и место каждого убитого заняли трое живых.

Тайши подумала: они погибнут от зубов крыс-переростков. Такого унижительного поражения она даже не могла себе представить.

— Прости, что втянула тебя в эту историю, девочка! — крикнула она сквозь издевательский вой.

— Да, было бы лучше, если бы я погибла в огне! — отозвалась Цофи.

Одни шакалы принялись пожирать убитых сородичей, а другие, перепрыгнув через трупы, набросились на женщин. Они высоко подскакивали и накидывались на путниц сверху. Тайши убивала их десятками, но рука у нее уже устала, и отступить было некуда.

И тут на них упали две длинные тени. Тайши, отгонявшая шакалов, ничего не замечала, пока двое великанов не приземлились с глухим стуком прямо перед ней, так что песок полетел во все стороны.

Один начал размахивать кулаками, сокрушая горных шакалов по двое и по трое сразу. Второй был вооружен

посохом высотой с дерево. Один конец у него пылал, оставляя шлейф цветного дыма в воздухе, как будто призрак танцевал в свете Ближнецов.

Один шакал прыгнул на безоружного гиганта и ухватил его зубами за руку. Зазвенел металл, и воин стряхнул животное. В лунном свете что-то блеснуло — Тайши увидела железные кольца. Потом она заметила бритую голову и воскликнула, едва дыша от радости:

— Братья Ханьсу!

Это были воины культа Тяньди, известные как преданные и грозные бойцы. В монастыре Каменного Цветка, по слухам, знали секреты, заставлявшие человеческие тела увеличиваться до сверхъестественных размеров.

Двое братьев Ханьсу быстро разогнали горных шакалов. Тайши сама не понимала, как им это удалось, ведь шакалы, казалось, совсем не дорожили жизнью. Тем не менее вскоре после появления монахов уцелевшие шакалы отступили, а затем, воя, рыча и хохоча одновременно, небольшими кучками разбежались.

Тайши по-прежнему не верила в свою удачу. Один из монахов повернулся к ней. Великан почтительно переплел пальцы и произнес необыкновенно кротким голосом:

— Простите за беспокойство, госпожи. Вы целы?

Тайши кивнула:

— Спасибо за помощь. Мы у вас в долгу. Что два боевых монаха делают посреди пустыни?

Великан Ханьсу улыбнулся:

— Берегут священную землю, конечно.

Второй монах обошел вокруг со своим дымящимся посохом, прежде чем вернуться к остальным.

— Шакалы удрали. Мы успели вовремя.

Старший монах сказал:

— Меня зовут Люмань, а этого малыша — Пахм.

Они вполне могли сойти за отца и сына. Оба были наголо бритыми и мускулистыми, оба одеты в одинаковые желто-синие рясы, свободно висевшие на плечах и туго

подпоясанные на талии. Люмань, старший и более рослый, примерно вдвое превосходил высотой и шириной обычного человека. Руки и ноги у него были необыкновенно длинные и мощные. Массивные железные кольца, как броня, сплошь покрывали предплечья.

«Малыш» Пахм уступал ростом Люманю, но все равно высился над Тайши, как башня. Он был молод, с гладкой, как младенческий задок, головой. Четыре кольца на каждом предплечье давали понять, что физическое преобразование еще не завершено.

Тайши потянула носом.

— Что это такое? Карамель?

Цофи, которая смотрела на великанов разинув рот, кивнула.

— Я тоже чую. Как есть охота!

Младший брат Ханьсу с усмешкой взглянул на свой пылающий посох.

— Жженный сахар. Шакалы не выносят этого запаха.

— Как вы нас нашли? — спросила Тайши.

— Без особого труда, — ответил Пахм. — Мы слышали крики.

— Мы наблюдали за вами с тех пор, как вы разбили лагерь, — подхватил Люмань. — Наше дело — охранять паломников. Мы с вечера следовали за вами по свету факелов и пришли на помощь, когда слышали вой шакалов.

— Вы из храма Тяньди? — спросила Тайши.

— А кто еще тут может быть? — со смехом спросил Люмань, и тугие мускулы у него на плечах, похожие на шары, затряслись. Многочисленные железные кольца на запястьях мелодично забренчали. Выглядело это пугающе. У Люманя мышцы были даже в тех местах, где у обычных людей их нет.

— Из изначального храма Тяньди, — поправил Пахм с ноткой гордости.

Оба Ханьсу сложили руки и поклонились.

— Добро пожаловать, паломники.

— Это тот самый храм, где возникло нарушенное пророчество Тяньди? — уточнила Цофи.

На лице молодого монаха мелькнуло раздражение. Тайши ткнула девушку локтем и быстро сменила тему.

— Еще далеко?

Как только опасность миновала и возбуждение схлынуло, она снова ощутила мучительный голод, жажду и жару.

Старший монах указал на каменный карниз у них за спиной.

— Вы стоите в тени Обезьяньей Лапы, друзья. Это значит, что храм Тяньди близко. Следуйте за нами, мы вас проводим.

— Это честь для нас, — ответила Тайши с искренним облегчением и, полная глубокой признательности, зашагала вслед за монахами.

Ей очень хотелось наконец поспать в настоящей постели.

К сожалению, Тайши быстро убедилась, что братья Ханьсу ее обманули. Последний отрезок пути до храма Тяньди занял остаток ночи и почти все утро. К счастью, он прошел спокойно. Горные шакалы к ним не приставали, хотя и держались поблизости. Они, видимо, и впрямь ненавидели запах жженого сахара. Маленькая компания достигла населенных мест, когда Король стоял высоко в небе.

Тайши увидела верхушки двух башен на склоне холма. Вокруг уступами тянулись террасы.

Они совсем выбились из сил. Последний час пути Пахму пришлось нести Цофи. Люмань предложил понести и Тайши, но та пригрозила воткнуть меч ему в зад. Незвизрая на усталость, она предпочла бы быть сваренной заживо, чем ехать на чужих закорках, если сама могла еще держаться на ногах. Ханьсу принял ее ответ, не моргнув и глазом.

Они достигли окраины поселения у подножия холма и обнаружили, что его обитатели только-только проснулись. Большая ватага ребятишек гнала скотину пастись, женщины шли за водой к колодцам, монахи молились. Как

ни странно, мужчин, не считая монахов, не было видно. Цофи вслух удивилась и узнала, что таков обычай поселения. Женщины и дети вставали первыми, в то время как мужчины обычно спали до вечера. Это было какое-то местное суеверие, связанное с жарой.

— Мерзкая деревушка, — буркнула Цофи.

Тайши искренне с ней согласилась.

Братья Хансу вели их по истертой каменной дорожке, наполовину засыпанной песком. Она плелась сквозь поселок, а затем зигзагами поднималась на вершину холма. Тайши разглядела фасад огромного здания, высеченного в камне. Люмань пояснял все, что попадалось им на глаза, говоря раздражающе медленно и делая необыкновенно маленькие шажки для человека, обладающего столь длинными ногами.

Изначальный храм Тяньди некогда было скромным поселком, где добывали золото и медь. Почва здесь была из красной глины — вот почему цветами Тяньди стали красный и золотой. Всё тут выстроили несколько веков назад. Высившееся перед ними здание представляло собой часть оборонительной стены, которую воздвигли, чтобы защитить поселение от разбойников. Здесь легендарный Фонцзюэ и его кровный брат Синьвэй вдвоем защищали храм от шайки в пятьдесят человек. В доме у колодца, рядом с которым торчал большой пенёк и паслись быки, пятый настоятель храма Тяньди предложил в уплату свою голову, чтобы умилостивить шайку бандитов, которые намеревались разграбить святилище. Эти злые люди были так тронуты его самоотверженностью, что немедленно раскаялись и посвятили жизнь служению храму. Так возник орден Хансу.

Тайши прекрасно понимала, к чему клонит Люмань. Он торговал достопримечательностями, как все монахи, жившие в тех местах, которые посещали паломники. Истории о Фонцзюэ, Синьвэе и прочих были прекрасно известны любому чжунскому ребенку, который слышал их начиная со своей первой молитвы Десятого дня.

Врата изначального храма Тяньди вблизи оказались не таким пышными. Конечно, они были большими, широкими и аляповато украшенными, однако пятна, трещины и облупившаяся краска бросились в глаза, как только Тайши вошла под арку. Она провела пальцами по граненым колоннам, покрытым толстым слоем пыли. Камни крошились под рукой.

Цофи прищелкнула языком.

— Как-то не впечатляет, — сказала она.

Тайши хмыкнула, не сводя глаз с двери. По обе стороны высились четыре массивные колонны, по центру стоял кипящий котел.

— Я думала, что священное место будет гораздо... пышнее и великолепнее, — продолжала Цофи.

— А это похоже на деревенскую уборную, — буркнула Тайши.

Двое братьев Ханьсу, тихонько беседовавшие рядом, вероятно, услышали их. Пахм, казалось, страшно оскорбился, а Люмань зажал себе рот ладонью, и его огромное тело затряслось от смеха. Он громко произнес:

— Добро пожаловать в изначальный храм Тяньди, колыбель веры!

— Выглядит как-то не очень.

— А чего вы ожидали? — негромко спросил монах. — Высоких башен и богато украшенных храмов, полных искусно изваянных статуй и золотых орнаментов?

— Ну да, именно так и выглядят все остальные святилища Тяньди.

Громадный монах усмехнулся:

— Но не зря же вы проделали такой долгий и опасный путь, госпожа. Если бы вы могли найти то, что вам нужно, в любом другом храме, вы бы направились туда.

— Ваши речи не похожи на речи набожной женщины, — заметил Пахм, все еще кипя. — Если вы явились не для того, чтобы получить благословение в самом сердце религии Тяньди, зачем вы здесь?

Люмань мягко перебил:

— Довольно, младший брат. Извести остальных о том, что у нас гости. Ступай.

Пахм некоторое время смотрел на Тайши и Цофи, а затем ушел.

Тайши проводила его взглядом, пока он не исчез в храме. Пахм был еще слишком молод и все принимал всерьез. Порок-другой, наверное, помог бы ему смотреть на жизнь проще. Хорошая выпивка, ночь, полная постельных утех... Впрочем, Тайши повидала немало фанатиков. Если бы Пахм действительно нарушил обет целомудрия, то, скорее всего, стал бы еще несчастней и нестерпимей. Такова жизнь.

— Войдем же, — предложил Люмань.

— Надеюсь, внутри лучше, чем снаружи, — проворчала Тайши, идя вслед за ним.

Ее надежды не оправдались.

Внутренность изначального храма Тяньди выглядела как молитвенный зал в любом другом святилище Тяньди, только еще меньше, грязнее и непригляднее. Мозаику, висевшую на стене, казалось, смастерил один из малолетних послушников, сновавших вокруг. Тайши потянула носом. Отвратительно пахло немытыми телами.

Хотя храму недоставало красоты и современных удобств, все это с лихвой искупала предупредительность монахов. Выстроившись в два ряда, они приветствовали Тайши и Цофи и пристально, почти алчно уставились на них, кланясь и шаркая ногами, когда гости проходили мимо.

— Ваша набожность — большая честь для нас, — произнес один монах.

— Тяньди одобряет ваше упорство и вознаградит вас в следующей жизни, — добавил другой.

— Ваши добрые души будут купаться в свете Небесного семейства!

Пошлые любезности продолжались, пока Тайши и Цофи обходили храм. Каждый монах словно пытался перешеголять предыдущего в лести. Всю эту сцену Тайши сочла неприятной и неуместной. Когда адепты Тяньди в последний раз

встречали гостей? Хуже лавочника, всучивающего свой товар, только монах, страстно желающий подаяния.

Процессия остановилась у ваз с ароматическими палочками, рядом с подушками для коленопреклонения. Цофи взяла три разноцветные палочки. Сразу четыре монаха наперерыв бросились их зажечь. Все в храме, включая Цофи, выжидающе повернулись к Тайши.

Тайши уставилась на них. Она не молилась Тяньди со дня смерти Сансо и не собиралась делать это теперь. Она заговорила, осторожно подбирая слова:

— Простите, святые братья и сестры, но я пришла не в паломничество.

Общее замешательство было ей ответом.

— Вы пришли не для того, чтобы поклониться Тяньди?

— Или сделать пожертвование?

— Вы ничего не принесли нам? — спросил кто-то с неподдельным негодованием.

Тайши покачала головой.

— Разве что мешок картошки.

Улыбки на лицах монахов постепенно угасли. Некоторые, явно разочарованные, развернулись и вышли. Пожилой монах спросил напрямик:

— Тогда что вам надо?

— Сложно объяснить... Меня зовут Най Роха, я ученый. Я желаю узнать как можно больше о пророчестве Тяньди или, точнее... — Тайши прибегла к жестам, чтобы подобрать нужные слова, никого не оскорбив, — ...точнее, о том, почему все произошло не так, как мы ждали.

Она, как могла, объяснила цель своего прибытия, стараясь не разоблачить себя. По мере того как она продолжала, собравшиеся впадали во всё большее уныние. Когда Тайши закончила рассказ, в зале осталась лишь горстка монахов.

— Я проделала этот путь в поисках ответа. Я хочу знать, что случилось с пророчеством. Почему оно не сбылось? Действительно ли оно нарушено?

Пожилой монах вышел вперед и поклонился.

— Я настоятель Сану. Ваше путешествие возвышает вас в глазах Тяньди, а интерес к недавним событиям отражает глубокое понимание нашего учения. Тяньди тклет судьбы мира таинственным образом. Если на то будет божественная воля, рано или поздно все прояснится.

Тайши фыркнула, но решила до поры до времени не отказываться от дипломатии. Пока что разговор шел вполне успешно.

— Благодарю вас, настоятель. Я проделала долгий путь не ради божественных тайн. Правители отреклись от пророчества, а жители Просвещенных государств толпами покидают храмы Тяньди. Религия, которой мы придерживались триста лет, вот-вот рухнет. Полагаю, вам известно больше.

Сану, видимо, был не готов к спору; настоятеля спасло лишь то, что один из монахов что-то шепнул ему на ухо. Все они сгрудились кучкой и тихо засовещались, время от времени поглядывая на Тайши. Та хотела перенести к себе их голоса, но раздумала. Шпионить за монахами в их собственном храме — это никуда не годилось.

— Пятьсот, — негромко произнес Пахм.

— Что?

— Религия Тяньди ведет народы Чжун вот уже пятьсот лет.

Тайши отмахнулась.

— Неважно.

Она и забыла об этом напыщенном типе.

Наконец настоятель произнес:

— Мы ничем не можем вам помочь.

— Я понимаю, что вы дорожите временем, — ответила Тайши. — Мы охотно подождем аудиенции. Если вы покажете нам, где...

— Вы ошибаетесь, — недружелюбно перебил Пахм. — Вас вовсе не желают видеть в святилище Тяньди.

— Я прошу... — Тайши замолчала и обвела собравшихся взглядом.

Гостеприимство, с которым ее встретили, сменилось откровенной враждебностью. Что-то явно пошло не так. Всему свое время — для беседы и для драки. Каким-то образом одно настроение перешло в другое, а она и не заметила.

И тут Тайши догадалась, что монахам известно, кто она такая.

Проклятье.

Цофи, видимо, тоже заметила общее напряжение.

— Что случилось? — поинтересовалась девушка и указала пальцем на Тайши. — Она что-то не то сказала?

Цофи повернулась к Тайши и прошипела:

— Что за преступление вы совершили?

— Наверное, тебе следовало этим поинтересоваться, прежде чем идти сюда со мной, — ответила Тайши.

— Какова твоя истинная цель, Линь Тайши? — спросил настоятель.

При звуках этого имени двое братьев Ханьсу издали тихий рык. Люмань встал между монахами и Тайши, а Пахм зашел ей за спину. Оба грозно хмурились. Мрачные лица остальных монахов тоже сулили мало хорошего.

Тайши подавила желание достать из ножен меч. Если шпионство было святотатством, то убийство монахов низвергло бы преступницу прямо в Десятую преисподнюю (впрочем, учитывая нынешний образ жизни Тайши, вероятно, не стоило так уж бояться ада).

Цофи тоже испугалась.

— Мастер Най, вы... вы... она... вы убили Предреченного героя пяти Поднебесных?

И владелица саней, способных отвезти Тайши обратно в цивилизованный мир, попятилась к двери.

— Все это твердят, — сказала Тайши. — Но я уверю вас, он жив. Слухи лживы. Я хочу знать, отчего пророчество не сбылось. А что еще мне здесь делать, по-вашему?

— Может быть, ты хочешь осквернить святое место, — ответил настоятель Сану.

— Или убить нас всех, как ты убила Предреченного героя, — подхватил Пахм.

— А вдруг она пришла, чтобы покаяться? — произнес кто-то.

Хоть что-то хорошее.

— В последний раз повторяю, я его не убивала, — сказала Тайши и достала деревянную монету, которую дал ей Мори. — Меня прислал сюда настоятель храма Тяньди в Возане. Вот доказательство.

Сану не двигался с места. Прищурившись, он посмотрел на монету и помрачнел еще больше.

— Ли Мори из Шуланьского княжества дал тебе это?

— Он просил меня узнать правду.

«Я лишь немного преувеличила, так ведь?»

— Надменный возанский настоятель, который произносит цветистые речи? — уточнил Сану.

— Ну да, — признала Тайши.

Похоже, Мори не пользовался здесь авторитетом.

Сану щелкнул пальцами.

— Взять ее.

Двое братьев Ханьсу уже протянули к ней руки, когда Тайши опомнилась. Танец Ласточки с пением вылетел из ножен.

— Только коснитесь меня, и ваша кровь осквернит священную землю. Уверяю вас, я не зря считаюсь живой легендой.

Клинок, слегка гудя, покачался туда-сюда, прежде чем Тайши избрала своей целью младшего монаха. Люмань смотрел на нее с должной осторожностью, зато в глазах у Пахма горел огонь. Он, казалось, едва сдерживался.

Зал звенел от напряжения.

Сану что-то резко говорил. Цофи кричала. Старые монахи в ужасе жались друг к другу. Только трое воинов молча готовились к бою. Шло время — и, как и думала Тайши, Пахм не выдержал первым. Она продолжала сохранять бесстрашие. Молодой монах бросился вперед, и его кулак

описал в воздухе широкую дугу. Она успела бы вздремнуть, не то что отбить нападение. Этот парень не только внешне напоминал вола, он и двигался так же медленно.

За секунду до столкновения занавеска рядом с мозаикой откинулась, и появился худой как жердь мужчина в поношенном и грязном синем одеянии.

— Что за шум? Немедленно прекратить!

К изумлению Тайши, Пахм повиновался и убрал кулак. Кончик Танца Ласточки уже почти достиг цель. Тайши в последнее мгновение отвела клинок в сторону, едва не распоров мягкую плоть под подбородком молодого монаха.

Люмань тут же подскочил и силой отвел Пахма в сторону. Он повернулся к Тайши, умиротворяюще разводя руками.

— Спасибо, спасибо.

Старший монах прекрасно понимал, что могло случиться.

— Он медлителен, как мул, — предупредила Тайши, — и его действия можно предвидеть.

— Он научится.

— Если доживет. — И Тайши обернулась к вошедшему, который строго отчитывал Сану и остальных монахов.

Кто обладал властью говорить с настоятелем так сурово?

— Как смеете вы употреблять насилие в священнейшем месте? — хриплым напряженным голосом спрашивал мужчина в синем.

— Эта женщина убила героя пяти Поднебесных, ваша святость, — запинаясь, выговорил Сану.

— Чушь. Она ни в чем не виновата. Первый посетитель за много лет, интересующийся пророчеством! Наконец мы получили возможность исполнить наш божественный долг — а вы, глупцы, решили ее убить. Вон отсюда и велите остальным не шуметь. Не подобает устраивать такую сумятицу посреди ночи.

Сану низко поклонился.

— Простите нас.

— Я иду спать. Разбудите меня утром.

Настоятель поклонился еще ниже, так что крошечная шапочка в виде наперстка свалилась у него с головы.

Тайши внимательно посмотрела на этого странного человека. Что-то в нем было знакомое. Серебристо-синее одеяние, длинные горизонтальные морщины на лысом черепе, сросшиеся брови, необыкновенно острый кривой нос, синие глаза, мочки ушей, отвисшие почти до подбородка...

Не только у Тайши ожили воспоминания. Цофи осторожно приблизилась к человеку в синем и произнесла:

— Я где-то его видела.

И тут до обеих дошло. Они действительно его видели. Как и все жители Просвещенных государств. Они росли на рассказах об этом человеке. Он был изображен на картинах, на рисунках в книгах, на мозаике. Его фигурки стояли в каждом доме, над каждым очагом.

Тайши потрясенно ахнула:

— Клянусь синим плодоносным чревом Королевы, вы — оракул Тяньди!

Глава 27

Опасное дело

На следующее утро Синьдэ подошел к Цзяню, подметавшему двор, велел ему умыться и забрать корзину с подарками у тетушки Ли. Цзянь должен был отправиться с ним на переговоры, вместо того чтобы прислуживать за завтраком. Такой удаче юноша едва поверил. Он поспешно умылся, а затем бросился на кухню, где тетушка Ли поджидала его с огромной корзиной, полной еды, вина и изящных вещей, в числе которых была и золотая статуэтка кошечки, приносящая удачу. Тетушка не забыла отложить несколько булочек для Цзяня и Синьдэ. Почти не замедляя шага и жуя

на ходу, с корзиной под мышкой, Цзянь вернулся к старшему ученику, который ждал за воротами.

Улицы были еще почти пусты, когда они двинулись в восточную часть города.

— Я позвал тебя, потому что хотел с тобой поговорить, — сказал Синьдэ, когда они прошли несколько кварталов. — Сайык по-прежнему тебе докучает?

Цзянь вспомнил вчерашнее утро и покачал головой.

— Нет, все уже гораздо лучше.

— А другие ученики?

— Иногда, — признался Цзянь, — но меньше.

— Кто тебя обижает? Я их накажу.

— Я сам могу разобраться. Не нужно, чтоб вмешивались старшие.

Синьдэ слегка улыбнулся:

— Я рад, что ты ко мне прислушался. Но все-таки скажи, если будет трудно. Я не хочу, чтобы тебя снова побили.

— Хорошо, старший ученик, — отозвался Цзянь.

Синьдэ усмехнулся и похлопал его по плечу.

— Вот что такое быть частью школы. Узы братства нередко выковываются оружием, особенно во время стычек между разными кланами. Мне сказали, что это ты вытащил меня из толпы после боя с Кейро. Спасибо. Теперь мы братья.

Услышав от Синьдэ слово «братья», Цзянь обрадовался больше, чем сам был готов признать. Губы у него задрожали, и он изо всех сил постарался скрыть слезы. К счастью, кое-что их отвлекло, прежде чем кто-либо успел заметить его слабость.

Кое-что напоминало камушек. Первый пролетел у Цзяня перед носом. Второй над головой, третий тоже. Юноша нахмурился, поднял «камушек» с земли и пощупал.

— Хм... сушеная слива.

Еще три сушеные сливы просвистели мимо. Цзянь повернулся, ища источник, и получил сливой в переносицу. Он пошатнулся и чуть не уронил корзину.

— Эй, перестань! — воскликнул он, протирая глаза.

— Сам перестань! — крикнул сердитый голос, и кто-то быстро устремился к нему, продолжая бросать сливы.

Они летели то справа, то слева. Цзянь поймал сливу и сунул в рот.

Синьдэ помахал рукой.

— Привет, Михе.

Ученица лекарки упрямо швыряла засахаренные сливы в Цзяня.

— Ты ведь должен отдыхать, Синьдэ.

— Если это он нарушает приказы врача, почему ты швыряешься в меня? — спросил Цзянь.

— Потому что он мой пациент, а пациентов надо беречь.

— Я тоже твой пациент.

— Перестань ныть! — велела Михе и повернулась к Синьдэ. — Немедленно возвращайся в лазарет. Нужно сменить повязки.

— Я должен выполнить поручение мастера Гуаньши, — сказал старший ученик. — Когда пойдем обратно, заглянем к вам.

Михе он явно не убедил.

— А сколько займет это ваше поручение? Я очень занята. Синьдэ пожал плечами и пообещал:

— Потом я угощу вас обеих обедом.

Внезапно Михе обнаружила, что свободна.

— Договорились.

Она пошла рядом с Синьдэ, с томным видом продолжая над ним хлопотать. Они миновали Катуанский квартал и Шафрановую Догму и оказались у входа в квартал Ониксовый Цветок, в самом сердце города. Толпа там стала гуще — и вновь поредела, когда они вошли в квартал Расписанный Горшок, где находились склады и зернохранилища.

Синьдэ взял корзину и отправился к хозяину «Самой лучшей шкатулки». Цзянь и Михе остались ждать снаружи.

Как только Синьдэ ушел, девушка спросила:

— Ну, как он себя чувствует? Быстро устает?

Цзянь покачал головой.

— По-моему, Синьдэ полностью поправился. Вчера он вел три занятия и участвовал в поединках. — Он нахмурился. — Почему у тебя такой вид, как будто я сообщил плохие новости?

Михе прищелкнула языком.

— Сама не знаю. Может, ничего страшного и нет... но у него необычное ранение.

— В рану попала зараза? Синьдэ нужен врач-травник? — встревожился Цзянь. — Это смертельное прикосновение? Я никогда не слышал, чтобы его выполняли оружием! Это вообще возможно?

— Ничего подобного. Даже наоборот. Будь это смертельное прикосновение, Синьдэ бы уже умер... — Михе помедлила. — Рана у него вовсе не опасная. Вот почему я хотела еще раз на нее взглянуть. Убедиться, что она не отравлена и не воспалена. Но очевидно, причина не в ней, раз он встал и ведет себя как обычно.

Цзянь ничего не понимал.

— В каком смысле не опасная? Синьдэ чуть не истек кровью. Ему было так плохо, что нам пришлось отнести его в школу на руках.

— Я не понимаю, отчего он лишился сил. У Синьдэ всегда легко шла кровь, но рана была неглубокая. Честное слово. Мне даже не пришлось шить. Кошки и то царапают глубже.

Они стояли в неловком молчании. Цзянь не знал, что и думать. Старший ученик был самым опытным бойцом в Лунсяне или даже во всем Цзяи, за исключением признанных мастеров — а может быть, он и их превосходил. Почему царапина вывела Синьдэ из строя на два дня?

Цзянь покачал головой. Синьдэ поправился, и это было главное.

Он слегка подтолкнул Михе локтем.

— А еще сливы у тебя есть?

Она достала кожаный мешочек и хлопнула Цзяня по руке, когда он ухватил полную пригоршню.

— Только одну, жадная свинья!

— Что ты так жмешься? Ну, давай сыграем в пальцы.

Цзянь живо поднял обе руки. Целью этой игры было угадать, сколько пальцев в совокупности показали все игроки. Если играли двое, счет шел от нуля до двадцати. Кто угадывал верно, получал засахаренную сливу. К большой досаде Цзяня, Михе словно читала его мысли и в большинстве случаев выигрывала. Он, в общем, не возражал, поскольку игра шла на ее лакомства. Они развлекались все то время, пока ждали у склада, и совершенно об этом не жалели, поскольку встреча затянулась.

— Где он застрял? — пожаловалась Михе, когда сливы закончились.

Цзянь выплюнул косточку.

— Синьдэ пытается заключить договор на охрану «Лучшей шкатулки». Наверное, даже при его талантах на это нужно время. Мастер Гуаньши хочет, чтобы Синьдэ больше занимался делами школы.

— То есть он не ждет, что Саша вернется.

Михе имела в виду дочь мастера Гуаньши. Цзянь слышал о ней, но понятия не имел, отчего Саши нет в школе рядом с отцом.

Он пожал плечами:

— Может, еще вернется. У Гуаньши отличная школа.

— Ты не знаешь Сашу, — сказала Михе. — Ей не терпелось закончить обучение и отправиться на поиски приключений. Они с Синьдэ дружили с детства. Гуаньши обручил их, и тогда стало ясно, что Синьдэ унаследует школу.

Старший сын Гуаньши погиб на войне. Если Саша вернется — что казалось маловероятным, — школа достанется ей. Мастер готовил Синьдэ к роли главы Лунсяня просто на всякий случай. Цзянь знал, что загадочная Саша ушла из дома за год до его появления и с тех пор ни разу не сообщила отца.

Цзянь усмехнулся и снова подтолкнул Михе.

— Ты, наверное, рада, что она не возвращается.

— Ну нет, — сказала Михе и показала ему язык. — А как у тебя дела? Среди младших учениц есть хорошенькие?

Цзянь фыркнул, но тут же перестал смеяться. Он понял, что до сих пор никто не привлек его внимания. Он не знал, каково это — чувствовать влечение. В последнее время он так был занят собственными страданиями, что все вокруг видел как в тумане. Вспоминая свое поведение, Цзянь покраснел.

Сухая слива стукнула его в щеку.

— Я не предлагала тебе помечтать о ней!

— Нет, нет... — начал Цзянь, и его голос оборвался, когда он увидел, что к ним приближаются четверо. Он немедленно выпрямился. — Кажется, мы не одни.

Первым шел Кейро. Он остановился на расстоянии вытянутой руки и спросил:

— Как дела, Михе?

Цзянь уже привык к тому, что на него не обращают внимания.

Девушка нахмурилась:

— Я очень сердита на тебя, Кейро.

— Из-за того, что я поцарапал твою красивую куколку? Она умирает? — Кейро приложил руку к сердцу. — Мне страшно жаль.

— Твой удар был подлым и совершенно излишним.

— Ну нет. Он был очень нужным. Ничего личного, просто мы кое-что не поделили. Это небезопасно. Синьдэ проиграл. Бывает.

Цзянь не сдержался:

— Врешь.

Старший ученик Южного Креста пренебрежительно взглянул на него.

— А это что за цыпленок? Никогда раньше его не видел. Наверное, новичок?

С Цзянем он говорил совсем другим тоном, нежели с Михе.

— Я там был и все видел, — сказал Цзянь. — Ты схватился за оружие, когда проиграл в честном бою.

Кейро усмехнулся:

— Честный бой! Мы не на турнире выступали, ты, плакса.

— Ты принял правила, когда вышел в круг.

Старший ученик пожал плечами и легонько толкнул Цзяня в грудь.

— Ну, тогда запиши мне штрафное очко.

Вблизи он казался еще больше и грознее. Цзянь был на голову ниже (и мог вблизи рассмотреть бородку Кейро, которая внушала ему искреннюю зависть). К сожалению, Михе сказала правду: у этого типа плохо пахло изо рта.

— Кейро прав, — произнес знакомый голос.

Синьдэ спустился с крыльца.

— Правила существуют только тогда, когда их признают. Мое дело было защищаться.

Кейро зарычал:

— А, золотой мальчик. Снизолел до нас?

Цзянь воскликнул:

— В чем тогда смысл правил, если за их нарушение не наказывают?

Синьдэ встал между Цзянем и Кейро.

— Смысл правил, Гиро, — медленно произнес он, — в том, что военные искусники следуют принципам, которые все добровольно признают. Ты прав, никого не накажут за нарушение. Однако весь лунный двор будет знать, что этот человек недостоин доверия. Что у него... нет... чести. Не так ли, Сан Кейро из школы Южного Креста Красного Льва, старший ученик мастера Хо Шикана?

— Да как ты смеешь?

Двое старших учеников стояли нос к носу, не сводя взгляда друг с друга.

— Эй! — вмешалась Михе. — Вы решили завязать драку прямо сейчас, тупые ослы? Меня обещали угостить обедом!

Кейро по-прежнему смотрел на противника.

— Не лезь, девчонка.

— Ты кого назвал девчонкой, вонючка?

Синьдэ тоже не двигался.

— Он прав. Таковы законы лунного двора.

Цзянь был рад появлению Синьдэ — он рассчитывал увидеть, как Кейро снова вздуют. Но тут он заметил, что у Синьдэ дрожат руки.

Что случилось?

Цзянь втиснулся между противниками.

— Довольно драк! Почему бы нам просто не разойтись?

Кейро, видимо, тоже заметил, что у Синьдэ трясутся руки. Он презрительно усмехнулся и толкнул Цзяня так, что тот полетел наземь.

— В чем дело, Синьдэ? Все еще переживаешь из-за проигрыша?

— Сукин ты сын, — прорычал Синьдэ.

И все началось сначала. На сей раз Синьдэ не тратил времени даром — каждый удар отдавался в дворике эхом, руки и ноги так и мелькали, так что Цзянь едва мог разглядеть отдельные движения. Кейро не уступал. Он пытался ухватиться за противника и удержать его вблизи, нанося тем временем короткие мощные удары.

Между этим боем и прошлым была несомненная разница. Чаша весов качнулась в другую сторону. Цзянь десятки раз видел Синьдэ в поединках; теперь старший ученик сражался совсем не так, как всегда. Синьдэ дрался без особой уверенности и казался почти робким. Кейро, напротив, уверенно нажимал, заставляя лунсянца отступать. Прихлебатели Кейро радостно вопили, а Цзянь и Михе смотрели на происходящее с тревогой.

— Как-то все слишком быстро завершилось. Что вообще происходит? — спросила девушка.

У Цзяня росли дурные предчувствия.

— Он проигрывает.

— Как? Синьдэ никогда не проигрывает! Он побеждает на всех турнирах!

У Цзяня не было ответа. Атаки Кейро с легкостью пробивали защиту Синьдэ. Цзяню очень хотелось вмешаться, но что он мог сделать? Гиро был жалким новичком. Цзянь разоблачил бы себя. Да и потом, он сомневался, что его

вмешательство принесет пользу. Эти двое были превосходными бойцами.

Один из ударов Кейро наконец достиг цели: Синьдэ получил тычок в живот и согнулся пополам. От удара коленом в лицо он отлетел. Глаза у него закатились; он вновь впал в странное оцепенение. Кейро приблизился, чтобы добить противника.

Цзянь не мог больше стоять просто так. Он вспомнил предостережения Тайши и подумал о дяде Фаару, который пожертвовал жизнью, чтобы спасти его. Но совесть не дала бы ему покоя, если бы он допустил убийство. Поэтому Цзянь бросился вперед и вцепился в Кейро в то самое мгновение, когда тот занес ногу над головой Синьдэ.

Они покатались наземь, и Цзянь стукнулся затылком о тротуар. Кейро ловко вскочил на ноги. Цзянь поднялся не так быстро. И, едва встав, получил удар ногой в грудь, от которого проехался задом по земле.

— Ты смеешь вмешиваться в поединок? — прошипел Кейро.

— А, теперь ты требуешь соблюдения правил? — крикнул Цзянь.

Оба приготовились. Кейро бахвалился, принимая различные стойки. Когда в лицо Цзяню полетел кулак, все вокруг как будто застыло. В голове у юноши звучали голоса его бывших наставников.

«Прямая защита Чан! — гудел низкий голос Луды. — Самая надежная!»

«Защита — для слабаков! Нужен сильный рубящий удар!» — возражал Синсин.

«Отбей атаку! Отбей атаку!» — твердил Сун, махая руками, как птица.

Но громче прочих звучал голос Тайши, которая приказывала ему не выдавать себя: «Не делай глупостей. Стерпи удар. Не открывай им, кто ты такой».

Это сулило еще одну трепку, на сей раз от человека, который значительно превосходил его силой. Цзянь подумал,

что больше не выдержит. Даже если бы Тайши сейчас стояла рядом с ним, он велел бы ей заткнуться.

Цзянь пригнулся — кулак Кейро скользнул по его уху — и ответил двумя ударами. Кейро, как и все остальные, немного растерялся — он не ожидал столь ловкого ответа, и Цзянь успел заехать ему по щеке. Но преимущества он растерял быстро. Старший ученик Южного Креста немедленно оправился и увернулся от второго удара. Обмен ударами продолжался еще несколько мгновений, а потом Цзянь получил кулаком в живот и рухнул на колени, хватая ртом воздух.

— Глядите, братья, живая рыба. — Кейро обошел его и весело хлопнул по уху. — Где ты подобрал этого цыпленочка, Синьдэ?

Синьдэ смотрел на них разинув рот. От старшего ученика не укрылось то, что приемы, которые использовал Цзянь, не преподавали в Лунсяне.

Кейро вознамерился двинуть Цзяню под ребра. А тот снизу вверх ударил старшего ученика Южного Креста в пах.

Кейро с воплем согнулся, сделал несколько шагов на подгибающихся ногах и упал на колени. Его дружки дружно скривились, а Михе громко ахнула. Цзянь поднялся и растерянно посмотрел по сторонам. Что дальше? Добить противника? Бежать? Он взглянул на Синьдэ, который лежал неподвижно там, где упал.

«Почему он не двигается с места?»

Мгновения нерешительности обошлись ему дорого. Лицо Кейро предвещало жестокую бурю.

— Я изобью тебя до полусмерти...

— Может, сойдемся на ничьей?

Больше Цзянь ничего не успел сказать. Кейро стремительно подскочил к нему. Цзянь едва успел отразить удар ногой, который чуть не сломал ему обе руки. Он отступил, преодолевая боль. Несомненно, Кейро очень разозлился.

И вновь бывшие наставники принялись наперебой давать советы у него в голове, и к ним присоединились

Синьдэ и Гуаньши. Но отчетливей других звучал хриплый и резкий голос Тайши. Тело повиновалось: прикинь расстояние, посмотри противнику в глаза, действуй на опережение. Цзянь заметил, что все сочетания приемов у Кейро завершались ударом справа.

Некоторое время, пока голос Тайши звучал у него в голове, Цзянь не уступал старшему ученику Южного Креста. Но потом Кейро сделал ложный выпад и с такой силой ударил Цзяня локтем в плечо, что у того отнялась вся левая сторона. После этого защищаться было уже бессмысленно. Он не упал только потому, что торопливо отбежал спиной вперед. К сожалению, он оказался в тупике. Цзянь чуть не рухнул без сознания, стукнувшись головой о стену склада. У него подогнулись колени, и это спасло Цзяня от кулака Кейро, который раскрошил кирпич в том месте, где только что находилась его голова. Цзянь кое-как отполз вбок, уклоняясь от страшных ударов, которые оставили в нескольких местах вмятины на стене и разбили стекло.

Дверь распахнулась, и появился жилистый старик с заплетенными в косы волосами — это была распространенная в Цзяи прическа.

— Ты что творишь? Ты портишь чужое имущество!

Старик повернулся к неподвижному Синьдэ:

— Сделай же что-нибудь! Я только что нанял Лунсянь для защиты! Почему ты сидишь сложа руки?

Цзяню тоже очень хотелось бы это знать. Но приходилось думать не о Синьдэ, а том, чтобы ему не разбили голову. Поражение было неизбежно. Старший ученик Южного Креста превосходил Цзяня силой и быстротой. Цзянь пока держался только благодаря воспоминаниям о занятиях с Тайши. Кейро его недооценил.

— Если Лунсянь не может меня защитить, то я в вас не нуждаюсь, трусливые куры! — крикнул жилистый старик и пустился бежать по улице. Длинные волосы развевались у него за спиной.

Кейро свалил Цзяня наземь и навис над ним, когда послышался пронзительный свист. В конце улицы показались трое мужчин в остроконечных зеленых шляпах.

— Старший брат, стража! — крикнул один из учеников Южного Креста. — Мастер будет в ярости, если мы снова попадемся.

Кейро пренебрежительно рыкнул и обрушил кулак на Цзяня. К счастью, тот успел откатиться в сторону. Поднявшись на ноги, Цзянь понял, что остался один, с Синьдэ и Михе. Кейро и остальные ученики Южного Креста бежали. Стражники меж тем приближались.

Он бросился к Михе, которая помогала Синьдэ встать. У того колени подгибались, широко раскрытые глаза смотрели в никуда, дыхание было мелким и быстрым. Дрожали не только руки, но и все тело.

— Надо бежать! — воскликнул Цзянь. — Что с ним такое?

— Кажется, он оглушен.

— От одного удара?

— Не знаю! — рявкнула Михе. — Дай ему леща!

Цзянь поморщился при этих словах. Отведя взгляд, он размахнулся и вполсилы шлепнул Синьдэ по плечу.

— Это что было? Ты его погладил? А ну отойди, слабак!

Михе оттолкнула Цзяня и ухватила Синьдэ за подбородок.

— Прости, красавчик, мне больней, чем тебе.

И закатала ему крепкую пощечину.

Синьдэ наконец пришел в себя. Он несколько раз моргнул, и взгляд у него прояснился.

— Что такое?

Цзянь ткнул рукой в сторону стражей.

Синьдэ кивнул:

— Надо поскорее вернуться в школу.

— Что толку? — спросила Михе. — Хозяин склада нас выдаст. Даже если нет, все стражники, все военные искусники в Цзяи тебя знают.

— Если мы попадемся, — сказал Синьдэ, — придется провести, самое малое, одну ночь в тюрьме, пока нас не выкупят.

— В тюрьме? — голос Михе взмыл на октаву. — Так чего же вы стоите?

Она оттолкнула обоих с дороги. Все трое пустились бежать в единственную оставшуюся сторону, перепрыгивая через тюки с сеном и увертываясь от повозок. Цзянь на бегу взглянул на ближайшие крыши. Он жалел, что не может вскочить на них. Если бы Тайши взяла его в ученики, все было бы совсем иначе. Он бы учился летать, вместо того чтобы драить полы, и сходил бы в учебных поединках с настоящими мастерами, а не ввязывался в уличные потасовки. Цзянь так отвлекся, что чуть не опрокинул Михе, когда та остановилась, забежав вслед за Синьдэ в тупик.

Синьдэ лихорадочно завертелся.

— Кажется, выхода нет.

Михе воздела руки.

— Как ты умудрился завести нас в тупик? В квартале Раскрашенный Горшок четырнадцать ворот!

— Я здесь никогда не бывал, — огрызнулся Синьдэ.

— Глупые мальчишки! Сюда! — и Михе потянула Синьдэ за рукав в ближайшее здание.

Это оказалась какая-то мастерская с двумя рядами узких комнат. В воздухе висела белая пыль, вокруг сновали десятки людей в фартуках. Михе на мгновение остановилась — и уверенно повела друзей дальше.

— Куда мы идем? — спросил Цзянь.

Не отвечая, та приблизилась к дюжему мужчине в пекарском фартуке, который подпирал стенку, и сделала быстрый знак рукой. Мужчина лениво указал налево. Михе пошла, куда ей велели, и обнаружила выход. Они пересекли небольшое поле, отделявшее их от стены соседнего квартала, и спустились по лестнице, ведущей к высоким железным воротам. Их сторожил еще один громила, в рваной

рубаше и коротких рыбацких штанах. Михе сделала тот же знак, и мужчина отпер ворота.

Они пробежали по короткому туннелю, который, очевидно, вел под стеной, окружавшей квартал. Михе держалась слева, старательно избегая небольшого зловонного ручейка, который тек посередине.

— Не намочите ноги, не то придется выбросить башмаки!

— Что это за место? — спросил Цзянь. — И откуда ты знаешь, как сюда попасть?

— Я знаю о Цзяи все, — заявила девушка. — В нем целая сеть катакомб, сточных труб, туннелей. Так преступники переправляют контрабанду из Раскрашенного Горшка за пределы города.

— А что за тайные знаки?

— Меня им научил отец. Он носил прозвище Железная Сталь, — и она с гордостью воздела кулак в воздух.

— Разве сталь может быть железной? — с удивлением спросил Цзянь.

— Закрой рот, Гиро.

— А я думал, твой отец погиб при попытке ограбления, — сказал Синьдэ.

Михе пристально взглянула на него.

— Да.

— О... — Юноша, казалось, смутился. — Я понял.

Они вышли из сточного туннеля в квартале Закатный Рынок, по ту сторону стены. Один башмак у Цзяня остался сухим, а вот второй, казалось, уже не спасти.

— Вот видите, — сияя, сказала Михе, — отсюда до нашей больницы всего два квартала. Там и вымоемся. За мной.

Синьдэ похлопал ее по плечу.

— Молодчина.

К сожалению — в том числе из-за промокшего башмака Цзяня, — воняло от них так, будто они прихватили всю сточную канаву с собой. Прохожие сторонились, зажимая носы. Невозможно было оставаться незамеченными. В конце улицы появилась еще одна кучка островерхих шляп.

— Вон Синьдэ! — крикнул один из стражников.
Раздались пронзительные свистки.
Михе толкнула Синьдэ.
— Вот обратная сторона славы.
— Да уж, — ответил тот. — Я знаю место, куда стражники не пойдут.

Остальные не успели спросить, что это за место. Синьдэ бросился бежать по узкому проулку меж двух рядов торговых палаток. Михе и Цзянь последовали за ним, то перескакивая через веревки, которыми крепились палатки, то спотыкаясь об них. Деревянные колышки взлетали в воздух; почти треть шатров обрушилась. Беглецы вырвались, оставив за собой хаос разрушения, и влились в густую толпу, входившую в соседний квартал. Они ныряли среди повозок, когда удавалось, и оттапливали с дороги пешеходов, когда приходилось.

Ворота остались далеко позади, когда старший ученик наконец остановился. Цзянь и Михе, тяжело дыша, привалились друг к другу.

Цзянь быстро понял, отчего стражники предпочли бы сюда не ходить. Это был Катуанский квартал. И взгляды окружающих давали понять, что местные обитатели не питают расположения к чжунцам.

— Нам, пожалуй, тут нечего делать, — тихонько сказал Цзянь.

Михе тоже встревожилась.

— Лучше я проведу ночь в тюрьме.

— Ерунда, мы же заключили мирный договор, — сказал Синьдэ, указывая в глубь квартала. — Давайте уберемся подальше от ворот и подождем, пока стража не уйдет.

— Я что-то сомневаюсь, что от мирного договора нам будет прок, — с тревогой произнес Цзянь, когда ворота исчезли за углом.

Он озирался по сторонам, разглядывая лица смертельных врагов народов Чжун — представителей племен, с которыми он должен был сражаться. Цзянь впервые увидел катуанцев вблизи. Эти люди, с удивительными разноцветными

прическами и в одежде, сотканной из травы, оказались еще необычнее, чем он думал. Судя по выражениям лиц, катуанцы относились к Цзяню с таким же подозрением.

Он увлекся и даже не заметил, что друзья убежали далеко вперед. Идя вполборота, он налетел на женщину, стоявшую к нему спиной. Цзянь потерял равновесие и плюхнулся наземь. Да что ж такое!

Он поднял голову и увидел, что над ним нависает грозная катуанка, мускулистая, суровая, с целой копной черных волос и выбритыми висками. Эта особа явно была не из тех, с кем стоит шутить и кого можно безнаказанно толкнуть на улице. Она протянула руку — и Цзянь вздрогнул.

— Ты ушибся, паренек? — спросила она.

— Нет, — проговорил Цзянь, отводя взгляд.

Отчего-то ему не хотелось смотреть ей в лицо.

— Ходи осторожнее, — твердо, но без гнева сказала женщина, легонько постучала его ногой по подошве башмака и вновь протянула руку. — Ну, ты весь день намерен сидеть в грязи?

Цзянь уставился на поданную руку, словно это было лезвие меча. Он подумал, что, возможно, не стоит ее принимать, а потом стиснул зубы и мысленно выбрал себе: «Не трюсь». Он ведь первым на нее налетел, а она предложила помощь. На месте катуанки он бы уж точно так не поступил. Зря он думал, что чужаки-катуанцы — сплошь грабители и людоеды. Наверное, катуанцев просто недооценили. Ну или эта женщина была доброй по натуре.

— Простите, госпожа, я отвлекся, — сказал Цзянь и протянул руку.

Ладонь у нее была мозолистая и сильная. Катуанка легко вздернула юношу на ноги. Цзянь торопливо поклонился и хотел идти дальше.

Но женщина его не отпускала. Цзянь потянул руку, но хватка у катуанки оказалась стальная. Она притянула его ближе, почти нос к носу, и ухватила Цзяня за щеки, впившись в них ногтями. Глаза у нее сверкнули.

— Я чувствую... — она принюхалась, — ...нечто странное.
Как тебя зовут, мальчик?
Вот тебе и доброта.

Глава 28

Предназначение

Сали заставила себя крепче сжать пальцы. Ей казалось, что она держит в руке раскаленную добела кочергу. От прикосновения к мальчишке ее передернуло от отвращения, словно она залезла в спальный мешок, полный клопов. Все тело отчаянно вопило и требовало отпустить его. Зов Хана нахлынул на Сали с такой силой, что она чуть не лишилась сознания. Но как бы ей ни хотелось оттолкнуть мальчишку, желание знать правду взяло верх.

— Что ты делаешь, сумасшедшая? — закричал мальчик. — Мне больно,пусти!

— Как тебя зовут? — повторила Сали.

Он попытался ударить ее ногой, чуть не попав в голову. Сали пришлось слегка отклониться и поднять левую руку, чтобы защититься от броска. Этого мальчика явно обучали военным искусствам, что лишь подкрепило ее подозрения. Судя по удару, он владел хорошей техникой, хотя и двигался слишком дергано. Что неудивительно в его положении.

— Помогите! Катунка хочет меня похитить!

Но никто не откликнулся на его призывы. Мальчик еще несколько раз попробовал атаковать, но ни один удар не достиг цели. Сали дернула его за руку, развернула, как партнера в танце, и зажала голову в захват.

— Я чувствую на тебе клеймо вашей религии. Кто ты для нее? Лучше отвечай.

И тут все сложилось воедино — его возраст, внешность, странное отвращение, которое она испытывала. Все дети

Травяного моря знали о чжунском пророчестве, предвещающем гибель Вечного Хана и порабощение племен Катуга. Обнаружение Предреченного героя лет пятнадцать назад вызвало бурю. Целая армия ханских шпионов и убийц пыталась уничтожить угрозу, однако Просвещенные государства яростно защищали мальчишку. На основании описаний, полученных из третьих рук, удалось сделать лишь приблизительные наброски внешности; но с ними тем не менее знакомили всех катуанских воинов в тот день, когда они выбривали себе виски. Лицо этого мальчика Сали хранила в памяти не первый год.

И все они получали один приказ: любой ценой убить Предреченного героя Тяньди.

Новость о его смерти от рук собственных наставников потрясла мир. В тот день катуанцы воздели руки и возблагодарили небеса. После ужасного поражения они могли хоть чему-то порадоваться. Если предполагаемый воин пяти Поднебесных погиб, ничто не помешало бы Вечному Хану вновь вернуться. Шаманы утверждали, что смерть Вечного Хана и Предреченного героя — часть великого замысла. Но если подозрения Сали были не беспочвенны, если ей действительно повстречался воин пяти Поднебесных, для народов Катуга это стало бы страшным ударом. Если только она не примет меры немедленно.

Она держала мальчишку за шею, стоя посреди улицы, а он отчаянно сопротивлялся. Сали сама не знала, что делать дальше. Она впервые взяла кого-то в плен. Катуанцы либо отпускали врагов, либо убивали. Пленных они не брали. Инстинкт велел ей оттащить мальчишку в переулок и перерезать ему горло, вне зависимости от того, кем он был на самом деле. Сали не придерживалась тактики «сначала убить, а потом задавать вопросы», но на кону стояло слишком многое. Быть может, никому из ее соплеменников больше не удастся так близко подобраться к Предреченному герою. Ее народ находился в рабстве у оседлых. Мальчишку трудно было назвать невинной жертвой!

Но... убить гражданина Просвещенных государств в Катунском квартале? Какими окажутся последствия? Несомненно, оседлые обрушат свою месть на квартал — его наводнят полицейские и стражники, которые будут бить, грабить и убивать катуанцев. Люди, пережившие гибель Незры, вновь подвергнутся угнетению и жестокости. Убийство одного чжунца может привести к смерти десятков, если не сотен катуанцев. Готова ли она заплатить такую цену за убийство мальчишки, который, возможно, вовсе не тот, кем она его считает? Готова ли принести в жертву всех своих сородичей, детей Незры?

Сали мысленно ответила: да. Если мальчик действительно был чжунским героем, стоило пожертвовать всем кланом, дабы Вечный Хан мог возродиться вновь, не опасаясь угрозы пророчества Тяньди. Убийство героя спасет всех катуанцев. Сали это понимала — и знала, что обитатели Катунского квартала тоже ее поймут. Чтобы смягчить удар, который обрушится на остальных, Сали была готова сама сдаться чжунским властям после преступления. Хотя бы так она могла облегчить участь соплеменников.

— Что ты делаешь? — прохрипел мальчик сквозь зажатый рот. — Отпусти меня, катуанская сука!

Сали решила. Она потащила его в ближайший переулок. Не стоит резать человеку горло на глазах у всей толпы. Она могла проделать это быстро и безболезненно.

По пути Сали миновала нескольких катуанцев. Никто на нее даже не взглянул.

Она уже почти достигла переулка, когда кто-то крикнул:
— Эй, руки прочь от моего друга!

Сали повернулась и увидела миниатюрную девушку в очках с толстой оправой. Она уставилась на нее и чуть не пропустила бросок с другой стороны. В последний момент Сали развернулась, отбила удар одной рукой и загордилась Предреченным героем, как щитом. Этот третий оседлый тоже был военным искусником и, судя по всему, гораздо более опытным, чем мальчишка. Ци у него имела

достаточную силу, но еще не вполне развилась. Сали с легкостью уклонилась от нескольких атак, прежде чем ударила молодого человека в грудь. Удар прошел вскользь, однако остановил нападавшего. Юноша споткнулся, и колени у него подогнулись.

Он что, притворялся? Нет, похоже, он напугался всерьез. Сали и раньше видела, как воинов на поле брани покидает боевой дух. У них так же стекленели глаза, когда страх и боль брали над ними верх. Впрочем, она редко видела сломленными таких молодых.

Сали потащила Предреченного героя в переулок и вдруг ощутила нечто странное. Ее правая рука потеряла силу, вся правая сторона туловища онемела. Правая нога волоклась по земле. Сали опустила глаза и увидела воткнутую в запястье маленькую иглу. Последовали еще два укола — в локоть и в плечо сзади. Тут же и другая рука у нее безжизненно повисла, и предполагаемый герой выскользнул из ее хватки. С яростным рычанием Сали обернулась, пытаясь ухватить кнут. К сожалению, она совсем утратила власть над своим телом и немедленно подверглась очередной атаке — примерно пригоршня иголок вонзилась ей в шею и в лицо. Земля под ногами у Сали покачнулась, и она рухнула ничком. К счастью, больно не было, поскольку она полностью утратила чувствительность.

Прижавшись щекой к холодному мокрому бульжнику и чувствуя, как из приоткрытого рта течет слюна, она наблюдала за тем, как девушка помогла обоим юношам встать. Все трое заспешили прочь. Онемение скоро прошло. Сали, тяжело дыша, поднялась и захромала вдогонку. Тело с каждым шагом оживало. Спустя несколько мгновений она уже гналась за ними. Расстояние между ней и Предреченным героем сокращалось. Убийство предстояло совершить на людях, и стражники, скорее всего, не пощадили бы ее. Сали почти не надеялась, что уцелеет, но оно того стоило. Не было жертвы священнее той, что она собиралась принести своему народу.

Сали выхватила кнут. Она уже почти приблизилась на расстояние удара, когда произошло то единственное, что могло отвлечь ее от погони.

— Сали! — крикнул знакомый голос.

Сали чуть не врезалась в едущую навстречу тележку, запряженную ослом. Она обернулась, боясь, что этот голос лишь плод воображения. Поначалу она не видела никого, кроме случайных прохожих. Дурные предчувствия росли, но тут Сали заметила гибкую фигурку, на полголовы ниже окружающих, и знакомый синий фартук жестянщика.

Малиндэ, душа их матери Милиэны и сердце отца Фальсы, возлюбленная младшая сестра Сали, ее Веточка, последняя представительница их рода, стояла на обочине. Она выросла по сравнению с тем днем, когда сестры в последний раз дышали одним воздухом, и похудела. Лицо Мали по-женски расцвело, однако под глазами залегли тени.

Сестры упали друг другу в объятия посреди улицы — почти с разбегу.

— Ты жива! — воскликнула Мали.

Даже голос у нее звучал по-взрослому.

— И ты.

Они соприкоснулись лбами.

— Я искала тебя повсюду, с тех пор как приехала сюда.

Мали крепко сжала руку сестры и поднесла палец к ее губам.

— Нам нужно о многом поговорить, но здесь небезопасно. Пойдем, я знаю хорошее место.

Скоро они уже сидели за маленьким столиком под холщовым навесом, обнимались, смеялись, плакали, сжимали друг другу руки, а две деревянные кружки, полные дымящегося цзуйжо, стояли между ними нетронутыми. Убедившись в четвертый или в пятый раз, что обе живы и целы, Сали и Мали наконец стали делиться новостями. В прошлом Сали, вернувшись из очередной отлучки, рассказывала благоговейщей младшей сестренке о битвах и набегах на чжунские земли. В тот день им обоим было о чем поведать.

Глаза у Мали наполнились слезами, когда она вспомнила продолжавшуюся три дня и три ночи битву. Незра отчаянно сопротивлялась мощной чжунской армии, пока катуанцы искали тело Хана. Битва кипела вокруг города, пока тот, кокон за коконом, не был разрушен. Остальные города прибыли как раз вовремя, чтобы вырвать мертвого Хана у чжунцев, но часы Незры были сочтены. Город — искалеченный, медленно погружающийся в Травяное море — не имел другого выбора, кроме как сдаться, когда враги ворвались во внутренние коконы.

— Я видела гибель мамы, — горько плача, рассказывала Мали. — Они с Ратьей вдвоем отбивались от орды чжунцев на западном краю Незры. У их ног лежали мертвыми полсотни врагов.

В ее голосе звучало не только горе, но и гордость.

Сали склонила голову. В детстве они с Цзямином частенько играли в сторожевой башне того самого западного кокона. Хотя она в этом ни минуты не сомневалась, ей тем не менее стало грустно, когда она услышала, что рядом с матерью пала и ее ученица.

— А отец?

— В последний раз я видела его незадолго до того, как кокон пошел на таран...

Они снова заплакали, горюя по возлюбленным родителям. Сали отказывалась выпустить руку Мали даже для того, чтобы взять кружку. Как будто она боялась снова потерять младшую сестру.

Она стиснула обе руки Мали.

— Как ты живешь здесь? Тебе очень плохо? Я вернулась, как только почувствовала, что Хан мертв. Ушел не один месяц, чтобы разыскать тебя.

— Как видишь, живу, — ответила Мали. — Работаю в поместье генерала. Ему очень нравятся наши механизмы. Мы, несколько человек, чиним и поддерживаем в порядке его коллекцию. Он интересуется тем, как все это работает.

Похоже, он хочет внедрить наши изобретения в своей собственной армии.

Мали всегда любила механизмы. Каждый раз, когда Сали рассказывала ей о своих подвигах, Мали желала побольше узнать о боевых машинах, повозках и так далее. Сали ничуть не удивилась, когда Веточка заявила, что желает стать подмастерьем жестянщика, вместо того чтобы по семейной традиции сделаться воином. Хотя семья сожалела о решении младшей дочери, Сали втайне радовалась. Веточка никогда не выказывала признаков настоящего воина. Она всегда была неуклюжей и двигалась втрое медленнее необходимого.

— Генерал Цюань Са — это тот, кто уничтожил наш родной город? — Сали вспыхнула при упоминании этого человека. — И ты служишь ему?

— Мы все отданы ему в слуги. После гибели Незры Сунри подарила тех, кто пережил путь до Цзяи, победителю «диких орд».

Сали скрипнула зубами.

— Какие лицемеры эти оседлые! Скажи, он дурно обращается с вами?

На самом деле ее интересовала только Мали, но она не решилась спросить напрямую.

Мали покачала головой.

— Все не так скверно, как мы боялись. Генерал строг, но не жесток. К нам он относится как к инструментам. Какой смысл жестоко обращаться с лопатой или топором? Мы живем в его имении в особо отведенном месте — оно размером почти с четверть этого квартала.

Сали придвинулась ближе.

— Собирайся, Веточка. Я увезу тебя домой.

— Наш дом покоится на дне Травяного моря.

— Значит, я увезу тебя к Травяному морю. Путешествие будет нелегким, но я уверена, что мы доберемся до родных мест.

Девушка внимательно взглянула на нее:

— А потом что, старшая сестра?

— Как что? Ты будешь свободна. Мы начнем новую жизнь вместе, ты и я, и забудем об этих ужасах.

Сали лгала. Стучащие зубы напоминали о том, что у нее нет будущего. Она воровала время у той части души Хана, которую несла в себе, но, по крайней мере, этими мгновениями она могла распорядиться с пользой.

К ее удивлению, Мали не проявила никакой охоты ехать домой.

— Но наш народ... наши люди, все, кто остался от Незры... они здесь.

Сали подавила раздражение.

— Нет времени! Я скорблю с тобой, Веточка, однако, чтобы освободить целый город, нужна война. Мне не под силу спасти всех. Но я могу освободить тебя.

Мали печально улыбнулась.

— А ты знаешь, Сальминдэ, что во время битвы за Незру мама втайне от отца пыталась меня отослать? Она приказала Вимме забрать меня и увезти. Ты представляешь, она хотела навязать мне охранника... — Она усмехнулась. — Я была польщена и немного оскорблена тем, что Вимма не отказалась сразу. Представь мое удивление, когда она согласилась.

Сали тоже не могла поверить, что Вимма — самая храбрая и несгибаемая из всех Бросков Гадюки — согласилась выполнить просьбу Милиэны.

— Мама никогда не принимала отказов, — сказала она. — А еще она чтит традиции лишь тогда, когда ее это устраивало. Ну и что дальше?

Мали пожала плечами:

— Я отказалась. Я не воин, конечно, но я дитя Незры. Я не собиралась бежать из родного дома, как испуганная лошадь, в то время как мои родные и друзья гибли, защищая город.

Сали подняла кружку и попросила подать еще цзуйжо. Когда напиток принесли, она сказала:

— Удача сопутствует тебе, Веточка. У тебя появилась еще одна возможность принять верное решение.

— Ты не слушаешь меня, старшая сестра, — упрекнула Мали. — Я не покинула свой народ тогда, не покину и теперь. Наши люди нуждаются в помощи. Я не брошу их.

Сали не стала скрывать удивление. Веточка, которую она помнила, не была ни бойцом, ни вождем. Ее всегда тянуло к знаниям, что среди катуанцев считалось высшим призванием. За исключением шаманов, мало кому хватало таланта, внимания и терпения, чтобы заниматься механикой.

Мали внимательно изучала лицо сестры.

— Быть может, для тебя я просто ремесленница, Сали, но я единственная из нашего рода, кто пережил гибель Незры. Кровь моих родных взывает к людям. Они смотрят на меня, ожидая совета и наставления. Во имя прежнего процветания. Смейся, если угодно. Может, у меня не так много силы, но я все, что у них есть. И я никуда не поеду!

Сали устыдилась того, что так низко ценила сестру, пусть даже Мали была для нее важнее, чем вся история Катуа, записанная созвездиями в небе. Девушка, сидевшая напротив, из ребенка, которого она помнила, превратилась в предводительницу Незры. Мали выросла сильной и на удивление упрямой.

Впрочем, она по-прежнему оставалась ее любимой Веточкой, и на правах старшей Сали ожидала — и требовала — от младшей сестры повиновения. Она приняла окончательное решение.

— Малиндэ, именем Бросков Гадюки — именем Фальсы и Милиэны — именем наших предков — мы сегодня же покинем этот проклятый город. Я говорю с тобой как глава нашего рода.

Сали не хотела угрожать, но ее слова, несомненно, прозвучали как угроза. Мали, впрочем, не испугалась. Она лениво воздела кружку.

— О, как блестят твои глаза, сестра. Ты рычишь совсем как отец. Но я больше не боюсь старших, Крапива.

Так Мали прозвала ее, потому что старшая сестра была долговяза и живуча.

— Я остаюсь, чтобы помочь своему народу, и ты меня не переубедишь.

Она запрокинула голову, допила цзуйжо и выразительно стукнула деревянной кружкой по столу. Цзуйжо — горький и крепкий — не стоило пить залпом. Впрочем, Сали провела немало времени среди самых грубых и закаленных людей. Если Мали рассчитывала ее впечатлить, то напрасно старалась. Сали не собиралась позволять глупой сестре жертвовать жизнью только потому, что та обладала нечувствительным нёбом. Вкусы Мали в пище и питье — и в отношении мужчин, если на то пошло, — всегда были сомнительны. Но Мали, так или иначе, выразилась внятно. Юной, милой, порывистой Веточки, которую помнила Сали, больше не было.

Старшая сестра вздохнула:

— Знаешь, я могла бы просто взять тебя, сунуть в мешок из-под картошки и вынести из города под покровом ночи.

— Я простила бы тебе это один раз, Сали. — И Мали принялась загибать пальцы. — Но не четыре.

— Ты всегда любила сбегать без разрешения.

Мали была добрейшим существом, но в то же время донельзя своевольным — она искренне полагала, что права существуют, чтобы их нарушать. Строгие родители впали в такое отчаяние, что чуть не отослали дочь к шаманам. К счастью, вскоре Мали дорвалась до механики, и это направило жажду исследований в нужное русло.

— Обещай, что не увезешь меня против воли, Сали, — Мали не просила, а требовала. — Мое место здесь. Здесь мой дом.

— Никакой это не дом, — резко сказала Сали.

У нее руки зудели от досады. Они зудели и от Зова Хана, и от этого мерзкого цзуйжо.

— Ладно. Что нужно, чтобы ты поехала со мной добровольно?

Мали небрежно ткнула пальцем в сторону улицы.

— Чтобы все могли отправиться домой с нами.

Сали стукнула кулаком по столу.

— Проклятьё! Веточка, это невозможно!

Сестра подалась вперед и накрыла кулак Сали ладонями.

— Тогда останься и помоги нам этого добиться. Там, в поместье генерала, горстка людей готовит восстание. Ты нам понадобишься.

— Ты имеешь в виду Совет Незры?

Мали закатила глаза:

— Эти трусы давно уже перевернулись кверху брюхом. На то, чтобы возглавить детей Незры, претендуют разные люди. Я познакомлю тебя со своим отрядом.

— И сколько вас?

Она подумала: принять участие в восстании — не худший расклад.

Мали принялась загибать пальцы.

— Двенадцать. Нет. Жуно и Мина попались на прошлой неделе. Десять.

— Десять мятежников пытаются освободить две тысячи рабов? В городе, где живут двадцать тысяч оседлых?

Впрочем, сама она не могла предложить ничего другого.

— Если мне не понравится то, что я услышу, не жалуйся, когда я снова засуну тебя в мешок.

— Я даже не пикну, — заверила Мали, крепче сжав руку сестры.

Она почувствовала, как у Сали дрожат руки, и тут же перестала улыбаться.

— Что с тобой?

Сали отстранилась.

— Я кое-что должна тебе сказать. Я...

— Подожди, — велела Мали и заказала еще две кружки цзуйжо.

Только когда напиток подали, она жестом попросила Сали продолжать.

— Во-первых, — сказала та, — ты, наверное, удивилась, обнаружив, что я еще жива, а значит, не выполнила своего долга как Воля Хана.

— Мне и в голову это не пришло, — заверила Мали. — Глупая традиция.

Мали неприкрыто кошунствовала, однако, честное слово, Сали любила сестру, в том числе за дерзость.

— Я отказалась от Возвращения, чтобы отыскать тебя. Я этого не предвидела, однако Зов Хана по-прежнему звучит во мне. Он будет усиливаться, пока...

— Пока что?

— Пока я не сдамся. У меня в голове как будто шумит водопад. И с каждым днем становится все хуже.

Мали испуганно ахнула:

— А можно что-нибудь сделать? Есть какое-нибудь лекарство?

— Лекарство одно — смерть, — ответила Сали. — Одна знахарка неподалеку отсюда дала мне средство, которое заглушает Зов. Другого способа я не знаю. Вот почему я вынуждена торопиться.

— Мы пройдем это испытание вместе, — сказала Мали, ласково сжимая руку сестры. — Есть еще новости?

— Я теперь Искатель Души. Так я отвертелась от необходимости себя убить.

— Искатель Души? — Мали нахмурилась. — Вот неожиданно. Отчего ты так унизилась?

— Кроме того, все Броски Гадюки мертвы. Но у меня есть ученик или вроде того. Его зовут Хампа.

— Никогда не думала, что ты подашься в няньки, — задумчиво произнесла Мали. — Где ты его подобрала?

Сали указала на улицу.

— Прямо здесь. Стражники, и он в том числе, пытались меня арестовать.

— И кажется, даром, — заметила Мали. — Значит, дела обстоят так: ты обречена носить в себе душу мертвеца и ищешь для нее новоеместилище, а еще ты уговорила какого-то простофилю чистить тебе оружие и готовить еду. Еще что-нибудь?

— Да, — сказала Сали, щелкнув пальцами. — Кажется, я повстречала Предреченного героя пяти Поднебесных.

Мали выплонула цзуйжо, который держала во рту.

— Как! Он жив?

Сали вытерла лицо. Цзуйжо обжигал.

— Да, и я пыталась его убить. Но не вышло.

— Понимаю... — Веточка несколько мгновений смотрела на нее, прежде чем подлить себе напитка. Она откинулась на спинку стула, прищурилась и скрестила руки на груди. — Теперь я знаю истинную причину твоего появления, Крапива.

— Да как ты можешь... — начала Сали.

— Ты вяпалась по пояс в конское дерьмо, дорогая сестра, — сказала Мали и улыбнулась до ушей. — Похоже, ты приехала сюда, потому что без меня не выберешься.

Глава 29

Оракул

— У тебя, наверное, много вопросов.

Тайши в жизни не слышала такого преуменьшения. Прошла почти неделя с тех пор, как она обнаружила, что оракул Тяньди жив, и Тайши все еще не оправилась от изумления.

— Да уж готова поспорить на вашу голову.

Они сидели друг напротив друга за маленьким столиком в комнате, где их поселили с Цофи. В обычное время эту каморку использовали для хранения зерна. А порой в качестве тюремной камеры. Тайши подчинилась братьям Ханьсу, как только поняла, кто стоит перед ней. В этой комнате она и жила, пока монахи решали их судьбу.

Целую неделю Тайши и Цофи томились здесь. Тайши, в общем, не возражала. Она запросто могла бы выломать хлипкую деревянную дверь, но кормили пленницу хорошо, комната оказалась чистой и сухой, а постели — на удивление мягкими. К недостаткам она причисляла разве что

отвратительный шаткий стул и занозистый стол — класть руки на него было все равно что на дикобраза. Зато Тайши всласть отсыпалась.

Очевидно, утром шестого или седьмого дня — Тайши сбилась со счету — монахи пришли к какому-то решению. Сану явился к гостям, неся поднос с чаем.

— Позвольте, я начну с оракула, — произнес он. — Дабы понять, кто он, необходимо знать, что он такое.

— И как прожил пятьсот лет, — подхватила Тайши. — Это настоящий оракул? Невероятно.

— На свете есть только один Голос Божественного, и ему действительно пятьсот лет. А что до того, действительно ли он оракул... ответить на этот вопрос несколько сложнее. Его Святость — одновременно тот и не тот изначальный оракул, которому открылось пророчество. — Настоятель поднял чайник. — Еще чаю?

— Вы ничуть меня не просветили. Нет, спасибо.

Тайши отхлебнула один раз из своей чашки и больше не прикасалась к чаю.

Сану подлил себе еще.

— Первым оракулом был человек по имени Сан Цзюнь Фан.

— Я не нуждаюсь в повторении азов Тяньди, настоятель.

— Цзюнь Фан принес людям пророчество Тяньди, — продолжал Сану, словно произнося давно заученный урок. — Спустя несколько месяцев после его кончины в здешней деревне под названием Хуанси родился ребенок с тем же даром. Он стал следующим оракулом. На протяжении восьми поколений Голос Божественной Истины воплощался в этом самом поселении.

Тайши поняла, отчего в деревне столько ребятишек. Многие ревностные верующие, возможно, поселялись здесь в надежде произвести на свет следующего оракула Тяньди.

— Значит, мужчину, которого я видела, — это не «тот самый», а восьмой по счету?

— Два оракула были женщинами.

— Будь женщинами все восемь, порядка было бы больше, — буркнула Тайши.

— Простите?

— Вы не поймете. Однако если два оракула были женщинами, то почему на всех изображениях один и тот же мужчина? — спросила Тайши, указывая на вышивку, украсившую грудь Сану. — И оракул, которого я видела в зале, выглядит точно так же, только неопрятнее. Как это возможно?

— Чтобы получить ответ на свой вопрос, вам следует понять, каким образом передается дар, — сказал Сану. — Если ребенок одарен Голосом Божественной Истины, он становится сосудом оракула и подвергается божественному преобразению, которое меняет тело, разум и душу. Во всех смыслах он воплощает изначального оракула и даже наследует воспоминания о жизни своих предшественников. — Настоятель указал на чашку Тайши. — Ваш чай совсем остыл. Хотите еще?

— Нет, спасибо. — У Тайши все в горле пересохло, но не опускаться же до питья помоев. — А у этих оракулов также есть... — она неопределенно помахала рукой, — ...способности? Их посещают видения? Они умеют предсказывать будущее? Они по-прежнему изрекают пророчества, которые влияют на судьбы народов и на пятьсот лет определяют политику государств лишь для того, чтобы все рухнуло, когда пророчество вот-вот готово сбыться?

Ее мысли были горьки, как местный чай.

— Пророческий дар остается неизменным у всех оракулов, — загадочно ответил Сану. В его голосе слышалось мучительное колебание. — Тем не менее бремя прошлых жизней огромно...

Тайши не понимала, что это значит; впрочем, чьи-то прошлые жизни ее не волновали. Они вряд ли имели какое-то отношение к случившейся беде.

— Значит, оракул жив и не потерял дара. Тогда я не понимаю, отчего пророчество так феерично рухнуло.

— А, пророчество. Это совсем другое дело. Давайте продолжим нашу беседу в более приятной обстановке. Пойдемте со мной.

Сану, видимо, решил, что Тайши не представляет для храма угрозы. Ну или ужасный чай у него закончился. Тайши охотно повиновалась. Устроили их удобно, однако заняться в камере было нечем, кроме сна. Она уже подумывала, не выломать ли дверь — просто от скуки.

Пахм возник рядом, когда они вышли. Он вообще не отходил от Тайши дальше, чем на несколько шагов.

— А где моя неверная спутница? — поинтересовалась Тайши.

— Братья дают ей урок гончарного ремесла.

Тайши вздохнула. По каким-то неведомым причинам монахи Тяньди сразу решили, что Цофи абсолютно безобидна. Поэтому она свободно разгуливала повсюду, возвращаясь в комнату только на ночь. Девушка подружилась с Пахмом и охотно беседовала с ним целые часы, пока он сторожил Тайши.

Они прошли по нескольким коридорам, направляясь в дальнюю часть храма, — мимо кухни, жилых покоев, молитвенных залов. По пути им попадались монахи, занимавшиеся своими повседневными делами. Все без исключения прерывались и кланялись. Настоятель правил здесь железной рукой, не то что в Возане.

— Сколько человек тут живет? — спросила Тайши, когда девушка лет пяти подбежала, чтобы обнять Сану, и налетела на нее.

Настоятель погладил девочку по голове.

— Около тридцати. И восемнадцать детей. Одни приходят, другие уходят. Для большинства жизнь в храме трудна; и еще труднее здесь, в этом уединенном месте. Многие братья и сестры остаются лишь ненадолго, прежде чем отправиться дальше. Духовное призвание не для каждого.

Тайши понимала почему. Суровые монастырские условия привели ее в ужас. Ни водопровода, ни обогревательных

труб, ни затянутых бумагой окон. Даже водяных часов и зеркал ей не попадалось. Только понаблюдав за жизнью монахов, Тайши научилась ценить эту жизнь, в которой ничто не отвлекало от исполнения долга. В отличие от своих братьев в городах, здешние монахи не думали о политике и об общественных делах. Впрочем, в пожертвованиях нуждались повсюду. Старшие монахи говорили, что это мирской соблазн.

Сану поднялся на несколько пролетов по лестнице, высеченной прямо в скале, и вышел в сад на вершине холма. Тайши запрокинула лицо, радуясь теплу Короля. Пахм, неизменный сторожевой пес, занял место у двери, а Сану сказал несколько слов монахам, которые окучивали грядки с овощами на уступах. Он ступил на деревянную террасу, где стояли скамья и стол, и жестом предложил Тайши присоединиться.

Та подошла к краю деревянной платформы, вделанной в склон холма, и окинула взглядом обширные просторы леса Фулькан. Обезьянья Лапа была гораздо ближе, чем она думала. За Лапой виднелась Песчаная Змея. Прищурившись, можно было разглядеть противоположный берег, где лежала Санба.

Появился послушник с подносом. Сану взял чашку чаю и предложил другую Тайши.

— Итак, на чем мы остановились? Чаю?

— Нет, спасибо. Мы собирались поговорить о пророчестве и о том, отчего оно так впечатляюще провалилось.

— Замечу, я не согласен с тем, что пророчество провалилось. Скажите мне, мастер Линь, что вам вообще известно о пророчествах?

Тайши рассматривала пять садовых ярусов на крутом склоне. Помидоры уже созрели.

— А что тут знать? Пророчества существуют, чтобы сбываться.

С губ настоятеля сорвался смешок.

— Да, большинство так и думает, в том-то и беда. Умение понимать тонкости утрачено. Люди хотят простых прямых ответов, которые легко уложить в голове. Все, что им нужно, — лишь чтобы кто-нибудь указал путь. Они не понимают, что придется много раз повернуть и сделать привал, прежде чем достичь места назначения. Главное заблуждение касательно пророчества Тяньди — это то, что оно непременно должно сбыться.

— Э... разве нет? — спросила Тайши. — В чем смысл пророчества, если оно не сбывается?

— Пророчество не принимает в расчет свободную волю, — объяснил Сану. — Оно сбудется лишь в том случае, если люди совершат поступки, которые приведут именно к такому результату.

Тайши задумалась — а потом взорвалась:

— Ну и чушь! Если люди будут делать не то, что необходимо, значит, пророчество не сбудется? Если пророчество Тяньди требует, чтобы все произошло строго определенным образом, то, разумеется, оно окажется ложным! Бесплезным!

— Да, свобода доставляет много хлопот, — заметил Сану, криво улыбнувшись. — Но неужели вы предпочли бы, чтобы предназначение лишило вас выбора?

— Я бы предпочла, чтобы пророчество сбылось как надо, особенно если на него уповал целый народ.

Тайши надеялась выяснить, отчего пророчество не сбылось, а в идеале — узнать, как все поправить. Ей и в голову не приходило, что проклятое пророчество с самого начала тайло в себе изъян.

— В чем вообще смысл? Оракул, по крайней мере, мог бы предупредить нас о свободной воле. Тогда чжунцы не отнеслись бы к этому дерьму так серьезно.

— Он и предупредил.

Тайши нахмурилась:

— В священных текстах об этом не сказано.

— Оракул предупредил, что пророчество не освобождает людей от ответственности. Люди должны поступать

правильно, чтобы достичь желаемого результата. Он знал, что свободная воля может отклонить пророчество с пути. Поэтому он обратился напрямую к императрице Исанне с просьбой посещать святилище каждые девятнадцать лет, чтобы выслушать новые откровения. Он надеялся, что его прозрения помогут проложить верный курс.

— И что случилось?

— Никто к нему не приехал.

Тайши не поверила своим ушам.

— Что значит «никто не приехал»? Даже если императоры решили наплевать на пророчество, как это допустили монахи Тяньди?

Сану развел руками.

— Монахи тоже люди. Они склонны ошибаться и падки на мирские соблазны.

— Будь я проклята, если это не окольный способ сказать, что их подкупили.

Настоятель с тоской взглянул на нее.

— Подкуп — слишком сильное слово. Перемены бывает трудно принять. Июэ, сын Исанны, посетил оракула девятнадцать лет спустя. К тому времени культ Тяньди распространился по всем Просвещенным государствам и стал основной религией Чжун. Впервые в истории он объединил народы. Люди с восторгом приняли весть о Предреченном герое, который поведет их к победе над смертельными врагами — катуанскими ордами и страшным Вечным Ханом. Император Июэ совершил паломничество, едва взойдя на престол. Ему не понравилось то, что он услышал. Он еще не набрал силы в Совете и боялся, что начнутся беспорядки, если его подданные узнают, что их вера покоится на песке. Июэ заключил договор с верховными служителями Тяньди: отныне они во имя мира и спокойствия должны были скрывать новые откровения оракула, чтобы люди оставались по-прежнему сплоченными.

Тайши почувствовала, как у нее вскипает кровь.

— Почему монахи Тяньди согласились? Религиозные догмы и пророчество — это не предмет для обсуждений! Что император предложил им?

— Как вы думаете, почему в каждом городе Просвещенных государств стоит такой большой и роскошный храм Тяньди?

Тайши замолчала, но ненадолго.

— Пророчество вовсе не разрушено. Люди — ленивые безмозглые глупцы, — с отвращением произнесла она.

— Наши судьбы — в воле неба, — сказал Сану, успокаивающе кладя руку ей на плечо. — Верьте в Тяньди. Пусть божественные силы действуют своими способами. Река Судьбы вынесет нас, куда нужно.

— Не трогайте меня!

Настоятель хотел как лучше, но попытки успокоить ее только взбесили Тайши. Все, от настоятелей и князей до ничтожных учителей Цзяня и проклятого императора, умершего пятьсот лет назад, просто искали повода ничего не делать.

— Лучше спихнуть дело с рук, чем сразу дойти до сути и принять сложное решение. Пусть с ним разбираются будущие поколения, — посетовала она сквозь зубы.

И тут вдруг ее осенило. У Тайши вспыхнули глаза. Она ухватила настоятеля за одеяние.

— Отведите меня к источнику. К оракулу. Если его все еще посещают видения, он может знать, что делать дальше. Это он втянул нас в неприятности, так пусть поможет выпутаться.

Сану не выказал страха, когда его встряхнули, словно тряпичную куклу.

— Боюсь, это невозможно. Оракул больше не дает советов.

— Пусть постарается! — прорычала Тайши. — Мне нужны ответы. Я перечеркнула всю свою жизнь, чтобы спасти Предреченного героя. Наши головы под угрозой. На худой конец, я хочу услышать из уст оракула, что Вэнь

Цзянь, воин пяти Поднебесных, ныне свободен от своего предназначения!

— Как ты смеешь прикасаться к настоятелю? — взревел Пахм, устремляясь к ним.

Тайши задумалась: хватит ли у великана ума остановиться, прежде чем рухнуть с обрыва? Отчасти ей хотелось это выяснить.

Сану отмахнулся.

— Нет, брат Пахм, все в порядке. Мы с мастером Линь оживленно беседуем.

Монах остановился и устремил на Тайши ледяной взгляд.

— Советую тебе отпустить его.

Тайши вдруг вспомнила, где находится и с кем имеет дело. Было совершено много ошибок, но сваливать все на настоятеля не стоило. Она со стыдом разжала руки.

— Прошу, простите меня, настоятель. Я поступила дурно.

Сану, казалось, решился.

— Я вижу, вы не успокоитесь, пока не добьетесь встречи с Его Святостью. Предупреждаю: вам не понравится то, что вы увидите.

— Мне все равно, что я увижу. Важно то, что я услышу. Если обстоятельства так сильно изменились за пятьсот лет, быть может, кому-то нужно наконец внимательно выслушать оракула и повернуть на прежний курс. Сделать так, как было предназначено с самого начала.

Настоятель встал и оправил одеяние.

— Хорошо. Я отведу вас к нему сейчас же. Но вероятно, он вам не ответит.

— Посмотрим, — пробормотала Тайши.

У Ханьсу вырвался утробный рык.

Все трое вновь спустились по лестнице и вернулись в храм. На кухне суетилась целая армия слуг, готовя еду для обитателей святилища. Запах жареной утки и бульона с яйцом щекотал ноздри. Несколько монахов сидели в ряд за длинным столом, лепя клецки. Двое братьев помладше

бросались друг в друга мукой, а остальные их весело подначивали. Вот-вот должна была вспыхнуть настоящая битва, но тут один из поваров, сердито ворча, отобрал у юношей миски. Тайши, несмотря на скверное настроение, улыбнулась. Она всегда считала адептов Тяньди такими серьезными и суровыми.

Они шагали по главному коридору, когда столкнулись с сияющей Цофи, которая, видимо, возвращалась из гонимой мастерской. Она стала гордой владелицей бесформенного изделия, которое напоминало сильно увеличенный ночной горшок.

Девушка несла его, держа двумя руками и стараясь не споткнуться.

— Смотрите, что я сделала!

— Пригодится, если у тебя будет недержание, — сухо заметила Тайши.

— Это кувшин для воды!

— Какая разница?

Цофи нахмурилась, глядя на серьезные лица Тайши, Сану и Пахма.

— Куда вы идете?

— Мастер Линь пожелала увидеться с оракулом.

У Цофи расширились глаза.

— А мне можно?

— Почему бы и нет. По крайней мере, составишь компанию Пахму.

Монах, до сих пор шагавший с кислым видом, просветлел при виде Софи и охотно забрал у девушки горшок. Они принялись оживленно болтать, совсем забыв о Тайши и Сану.

Тайши надеялась, что отношения Цофи и Пахма ограничатся дружбой. Она не понаслышке знала, что такое любовь к человеку, который дал обет верности своей религии.

Настоятель отвел их в комнату, находившуюся за молитвенным залом. Только когда они вошли, Тайши поняла, что это внутреннее святилище. Хотя по традиции оно

служило покоем настоятелю, в изначальном храме, конечно, святилище отвели оракулу.

Едва они зашли в тускло освещенную комнату, Тайши в нос ударила вонь. Пахло чем-то вроде застоявшейся воды; скоро запах усилился так, что Тайши замутило. Комната была без окон, с лежанкой посередине. Боковая дверь вела в нечто вроде спальни. На полу валялись разбросанные трубки, тарелки с объедками, грязная одежда. На маленьком столике у стены громоздились тыквенные и стеклянные бутылки, сплошь пустые. Цофи принялась и поманила рукой, отгоняя тяжелый дым, висевший в воздухе.

— Что за вонь?

— Опиум и пыль в голове, — проворчала Тайши.

Они нашли оракула в спальне — он лежал на кровати, вытянувшись на боку, а рядом валялась открытая бутылка. Темно-красное сливовое вино залило простыни. Поначалу Тайши решила, что оракул спит, но потом она заметила, что глаза у него открыты и пусты. Из тонкой трубки, которую он сжимал в руке, поднимался дымок.

Тайши уставилась на худого как жердь мужчину с запавшими щеками и покрытой пятнами кожей. Голова у него лежала на подушке, неестественно запрокинутая, словно ему не доставало сил ее поднять. И это был оракул, который породил религию Тяньди, распространившуюся по всем Просвещенным государствам? Человек, чья мудрость не только объединила народы Чжун, но и направляла пятнадцать поколений императоров?

Тайши в бешенстве повернулась к Сану.

— Основатель религии Тяньди — пьяница и любитель опиума? Как вы это допустили?

— Я предупреждал: вам не понравится то, что вы увидите, — кротко отвечал настоятель. — Бремя пророчества велико, тем более что дух оракула пережил столько воплощений. Мы перепробовали разные средства, но только опиум и вино помогают ему справиться с ночными кошмарами.

Тайши опустилась рядом с кроватью. Взгляд оракула был ленивым, рассеянным, устремленным в никуда. Если он и заметил присутствие гостьи, то не обратил на нее никакого внимания.

— Ваша Святость, — позвала Тайши, — вы меня слышите? Я взыскую мудрости.

Ответа не было.

Тайши повторила громче, наклонившись вплотную. Когда этот тип в последний раз мылся?

Тишина.

Она щелкнула пальцами у него перед носом, похлопала оракула по щеке — и повернулась к Сану.

— Как давно он в таком состоянии? Он вообще в своем уме?

— Состояние Его Святости ухудшается вот уже почти двадцать лет. Мы опасаемся, что его пребывание в нашем мире подходит к концу.

— Ну, хоть что-то... — буркнула Тайши. — Как до него достучаться?

— У оракула бывают хорошие дни, — ответил настоящий. — Правда, плохих больше. Мы изо всех сил стараемся устроить его поуютнее, но остается только ждать просветления.

— И как часто это происходит?

— Иногда нужно ждать несколько дней, иногда несколько недель.

— Я подожду. И никуда не уйду, пока не получу ответ, — заявила Тайши.

Сану кивнул:

— Я ценю вашу приверженность пророчеству и религии Тяньди.

Тайши придвинула стул к кровати и решительно села.

— Принесите еду и питье. Я посижу в этой вонючей дыре хоть десять лет, если придется.

«Десять лет» продлились всего четыре дня. Тайши отвлекли крики, доносившиеся снаружи.

Смертельное пророчество

Люди выскакивали из своих лачуг и бежали по ведущей от храма тропе кучками, никем не возглавляемые, вооруженные бамбуковыми палками, граблями, досками и другими предметами, которым место не на поле боя, а в огороде.

Цисами подавила зевок, когда столкнулась с первыми двумя — дюжим мужчиной и пожилой женщиной. Она отбила мотыгу, которой размахивал мужчина, и пронзила его сердце ударом черного ножа. Женщина обеими руками держала доску для стирки и оказалась опасным противником — она двигалась проворнее, чем ожидала Цисами, и была к тому же массивнее. Она чуть не угодила Цисами по голове и точно разбила бы ей лицо, если бы удар достиг цели.

— Похоже, госпожа... — подметила Цисами, уклоняясь от очередного яростного удара, — ...вы прожили долгую и очень скучную жизнь. Неужели вы хотите умереть именно так?

— Тяньди защищает меня! — ответила женщина, явно уповавшая на свою стиральную доску.

Черный нож рассек ей горло, в мгновение ока положив конец долгой и очень скучной жизни.

— Тяньди не исполняет своих обязательств, — заметила Цисами и устремилась дальше по извилистой тропе, по пути справившись еще с двумя мужланами, походившими на братьев-близнецов, потом с хромым стариком, за которым по пятам бежала собака. Остальным хватило ума попрятаться. Затем на нее в одиночку напал юный дурень. Цисами быстро разделалась с ним и двинулась вверх, убивая всех, кто стоял на пути.

Кроме собаки, конечно.

На повороте тропы она встретила пожилого монаха, который гнал впереди себя кучку перепуганных ребятишек. Он велел детям бежать дальше и повернулся к Цисами, преграждая ей дорогу. Он даже не был вооружен. Чтобы

еще больше оскорбить нападавшую, он сложил ладони и поклонился.

— Мир вам! Знайте, что страдания, которые вы причиняете здесь, вернутся десятикратно в иной жизни.

— Замолкни!

Черные ножи закружились в руках Цисами и вонзились в сердце старика. Она стояла над мертвым телом, пока душа монаха возносилась к Тяньди, ну, или куда там ей полагалось идти. У Цисами вырвалось раздраженное шипение.

Котеуни, которая сражалась в нескольких шагах позади нее, настигла очередного беглеца и пронзила его копьем.

— Я смотрю, тебе невесело. В чем дело?

— Просто это все... излишне.

Подруга в некотором замешательстве взглянула на Цисами, выдергивая копье из спины убитого.

— Но тебе же нравится убивать. Ты, случайно, не теряешь хватку?

Цисами отрывисто рассмеялась.

— Если думаешь, что я раскисла, мои ножи к твоим услугам.

— Я никогда не сумею занять твое... — начала Котеуни, и тут коренастый мужчина выскочил на тропу и попытался ее повалить.

Они боролись несколько мгновений, пока Котеуни не перехватила его и не швырнула наземь. Она прикончила противника ударом ноги в шею, нагнала Цисами, перевела дух и договорила:

— ...место. И потом, муж не станет повиноваться моим приказам. Мне придется его убить, и тогда я очень расстроюсь.

К Цисами бежал мужчина с граблями. Она схватила его за локоть, развернула, потянулась за ножом — и ничего не нашла. С досады она обвила шею мужчины рукой и сломала ему хребет.

— Впрочем, если ты не стараешься долезть до самого верха, значит, тебе недостает честолюбия.

— Что так мрачно, Кики? — поинтересовалась Котеуни.

— Я просто хотела сказать, что все эти бессмысленные убийства не нужны, не говоря уж о том, что они скучны. — И Цисами отправилась вниз по тропинке собирать разлетевшиеся ножи. — Ты меня знаешь. Мне интересны высокочкоклассные убийства, интересные убийства, а не эта ерунда. Я думала, отряду с нашей репутацией больше не придется тратить силу и талант на незащитных крестьян. Мое положение, казалось бы, достаточно высоко. Ты знаешь, что во время обучения я была лучшей среди сверстников?

— Ты напоминаешь нам об этом каждый цикл, иногда и по два раза.

— Наш отряд должен стать большим и славным. Тогда я буду мारать руки только о достойных жертв, а не резать беспомощный скот.

— Ты уверена, что хочешь завести подчиненных? — уточнила Котеуни. — Это же прорва бюрократии.

— Да, у тебя будет много работы.

Цисами подождала Котеуни у следующего поворота. Та протянула ей три черных ножа. Цисами сунула их в ножны. Два клинка она потеряла где-то в драке.

— Нет, дело тут нечисто, — сказала Котеуни. — Тебя волнуют не эти тупоголовые крестьяне. О чем ты думаешь?

Она слишком хорошо знала Цисами.

Та поморщилась:

— Второй цикл близится к концу.

Котеуни с сочувствием взглянула на нее. До следующего поворота они дошли плечо к плечу.

— Ах да. День рождения твоего отца. Надо однажды этим заняться. Я удивляюсь, что ты ждала так долго.

— Да, надо. Просто руки не доходили.

Цисами кривила душой. Она просто тянула время, желая создать себе репутацию при лунном дворе. Когда Матца Цисами в следующий раз встретится с отцом, он будет знать, кто она такая, и благоговеть перед ее подвигами. Он поймет, какую ужасную ошибку совершил много лет

назад, предложив дочь в качестве кровной компенсации. Он скажет ей: «Ты мое самое дорогое дитя». Отец будет гордиться Цисами — вплоть до того мгновения, когда она располосует его от горла до паха.

Что-то черное сверкнуло рядом и вонзилось в глаз очередного нападавшего, пробив череп насквозь. Котеуни глянула на безжизненное тело и с улыбкой помахала человеку, притаившемуся на противоположном холме.

— Спасибо, любимый.

Человек помахал в ответ арбалетом.

Цисами вздохнула при мысли о Бурандине. Он ее раздражал. Именно он был виноват в этом неуклюжем нападении среди бела дня. Изначально они собирались подстеречь жертву на обратном пути. С помощью подкупа удалось выяснить, что Линь Тайши действительно находится в святилище, однако они ждали ее три дня, а она так и не появилась. Рано или поздно кто-то должен был их заметить. Нельзя долго сидеть в засаде посреди деревни. Пастушок и его девять коз наткнулись на Бурандина. Вместо того чтобы аккуратно перерезать мальчишке горло, придурочный муженек Котеуни столкнул его с утеса. Пастух всполошил деревню своим воплем, прежде чем замолчать навеки. После этой досадной неприятности оставалось только отказаться от засады или напасть на храм.

Они достигли конца тропы, ведущей к самому безобразному храму Тяньди, какой Цисами только видела. Большинство храмов напоминали поместья богатых вельмож. А это святилище словно вырубili из камня слепые обезьяны. Цисами живо представила, как убого оно внутри.

У входа ждал брат Ханьсу. Он стоял на коленях, закрыв глаза и сомкнув ладони. Туловище боевого монаха было так огромно, что перегораживало проход целиком. Он даже не шевельнулся при приближении женщин. Из любопытства Цисами метнула нож в его большую лысую голову. Монах открыл глаза и отбил нож, громко звякнув при этом железными браслетами. Затем он поднялся на ноги. У Цисами

и Котеуни глаза на лоб полезли. Цисами повидала немало боевых монахов, но этот человек поистине поражал воображение. Он был немолод, с обветренным лицом и глубокими складками на лбу. Густые седые брови торчали во все стороны, на предплечьях плотно, одно к одному, сидели железные кольца. Это был настоящий патриарх. Среди адептов Ханьсу такие попадались редко. Боевые монахи, как крупные собаки, обычно не жили долго.

Брат Ханьсу поклонился.

— Тяньди взирает на вас. Это священное место. Применять силу здесь воспрещено даже теням-убийцам. Или честь вам неведома?

Его спокойствие скрывало неподдельный пыл. Он сжал и разжал огромные кулаки, размял шею и шагнул навстречу женщинам.

— Да нет, — ответила Цисами.

— Не особо, — согласилась Котеуни.

— Тогда Тяньди простит меня за кровопролитие на освященной земле.

Он сжал кулак, и от запястья до плеча вздулись мускулы.

Монах шагнул к ним.

— Доводилось когда-нибудь убивать боевого монаха? — негромко спросила Цисами.

— До сих пор не выпадало случая. А тебе?

— И мне. Очень интересно. — Цисами проверила ножи. — Вдвоем мы легко с ним справимся. Не забывай, они сильные, малочувствительные к боли и толстокожие. Держу пари, такой великан медленно движется и быстро устает.

Котеуни кивнула:

— Затанцевать его до смерти?

— Это все равно что свалить слона. Попробуем перенести битву внутрь храма, подальше от дневного света.

Женщины разделились. У Цисами руки зудели от предвкушения. После тоскливого путешествия через Песчаную Змею, трех дней утомительного сидения в засаде и скучного побоища в деревне она жаждала настоящей схватки. Две

тени-убийцы против служителя Ханьсу — это очень интересно. Гораздо лучше убийства тупых овец по пути к храму.

Боевой монах подождал, когда Котеуни приблизится, и бросился вперед. Двигался он гораздо быстрее, чем думала Цисами, — его внезапный рывок чуть не застиг ее врасплох. Но быстрая черепаха — все равно черепаха.

Монах замахал руками, как мельница крыльями, целясь в головы теней-убийц. Котеуни подняла копье, чтобы заслониться от удара, и древко разлетелось, встретившись с железными кольцами. Она отскочила в сторону, и кулаки воина обрушились на землю в том месте, где она только что стояла. Следующий размашистый удар пришелся в грудь Котеуни; отлетев, она врезалась в колонну и сползла по ней наземь.

Цисами была заинтригована.

— Стиль гориллы. Потрясающе.

Она набросилась на служителя Ханьсу сбоку, проскочив у него под рукой. Черные лезвия коснулись задней поверхности его икры, но без особого успеха. Цисами нанесла еще четыре сильных удара, прежде чем он спохватился. Ножи даже не проткнули кожу.

Впрочем, брат Ханьсу все же что-то почувствовал. Он взревел и сильнее замахал руками — направо, налево, поворот, направо, налево. Его униженные железными кольцами предплечья и кулаки крошили каменные плитки. После пятого раза Цисами подхватила ритм. Как только великан вновь обрушил кулаки наземь, она вспрыгнула ему на плечо и перескочила на спину, словно пыталась объездить дикого коня. Держа в каждой руке по ножу, она вонзила их в основание шеи. На сей раз кожа разошлась, и потекла кровь, но еле-еле — удар был далеко не смертельный.

Боевой монах запнулся. Огромная ручища ухватила Цисами и отшвырнула, как тряпичную куклу. Небо и земля несколько раз сменились местами, пока она то катилась кубарем, то ехала на коленках. Торможение получилось не из мягких. Цисами встала, отряхнулась и крикнула:

— Котеуни, могла бы и помочь!

Та со стоном поднялась и вытащила саблю.

— Я еще жива!

Тени-убийцы вновь окружили воина, на сей раз относясь к нему с бóльшим вниманием. Они нападали с разных сторон, по очереди подскакивая и увертываясь от его длиннющих рук. Котеуни подбегала и высекала саблей искры из железных колец; стоило ему отвлечься, Цисами нападала сзади, ища ножом уязвимое место. Таких мест было мало, но даже удары, не пробивавшие кожу, оказывали свое действие. Несколько атак, казалось, наконец утомили огромного боевого монаха.

Цисами так сосредоточилась на своей цели, что чуть не пропустила упорное царапанье на запястье. Опустив взгляд, она прочитала: «Дай прицелиться». Больше ничего ей не было нужно. Она кое-что прикинула в уме и резко бросилась вправо.

— Жми!

Отряд умел действовать сообща и не нуждался в дальнейших указаниях. Обе женщины сообща атаковали монаха — сабля Котеуни высоко мелькала с одной стороны, а вооруженная ножами Цисами стелилась над землей. Монах перехватил саблю открытой ладонью и попытался отшвырнуть Цисами в сторону. Вместо того чтобы увернуться, та повисла у него на руке — один нож соскользнул с железных колец, зато второй воткнулся в сгиб локтя.

— Давай! — закричала Цисами.

Обе сделали все возможное, чтобы вынудить противника открыться. Вдалеке послышался звон, в воздухе мелькнуло что-то длинное и черное. Служитель Ханьсу тоже это понял, но слишком поздно. Он сбросил нападавших и скрестил перед собой руки в то самое мгновение, когда в него вонзилась длинная стрела Бурандина.

Несколько железных колец разлетелись на куски; от силы удара брата Ханьсу отбросило спиной вперед за порог храма. Он с грохотом упал и проехал по полу, прежде чем врезаться в стену под мозаикой в дальнем конце молитвенного зала. Длинная стрела пробила обе его руки и грудь.

— Ханьсу мертв, можно гордиться.

Цисами и ее ближайшая помощница торжествующе пожали друг другу руки и устремились за добычей.

Войдя в храм, Котеуни принялась тушить все источники света, а Цисами пошла удостовериться, что монах мертв.

Она была на полпути, когда появился второй брат Ханьсу — моложе и меньше ростом. Вместе с какой-то девицей он вел стайку детей в безопасное место, когда увидел убитого. Служитель культа живо бросился к старику.

— Люмань!

Цисами усмехнулась:

— Кажется, мы осиротили щенка.

Этот боевой монах с полудетским лицом был почти вдвое меньше — и, вероятно, вдвое младше. Откуда-то из сумрака донесся голос Котеуни:

— Такой милашка. Может, оставим его себе?

— Нет, — ответила Цисами. — Представь, сколько сил уйдет у бедного Цанга, чтобы приучить его к лотку.

Щенок осознал свою ошибку слишком поздно, когда повернулся лицом к убийцам бедного Люманя. Он сжал кулаки и принял боевую стойку.

— Цофи, возьми детей и беги.

— Пахм, нет, их двое. Не надо, пойдем с нами! — воскликнула молодая женщина, отчаянно размахивая руками. — Ты нам нужен!

— Бегите! Скорее!

Молодой Ханьсу, не сводя глаз с Цисами, двинулся к ней.

— Лучше послушай свою подружку, — пропела Цисами. — Она, кажется, не дура. Мы, может быть, даже позволим вам унести ноги.

— Она неглупа, в отличие от тебя, — добавила Котеуни. — Мы только что убили твоего наставника.

Монах приготовился к бою.

— И вы за это заплатите.

Он уступал Люманю в росте, но все равно был настоящим великаном. Цисами подумала: жаль, что ему не суждено

сделаться еще больше. Каждую руку Пахма украшало всего четыре кольца, но даже не это выдавало неопытность. Ярость — вот что говорило о недостатке самообладания. А еще чрезмерно агрессивная боевая стойка. Но самым красноречивым свидетельством того, что юному Ханьсу недоставало опыта, были...

Цисами прищурилась:

— Ты плачешь, щеночек? Глупыш, в бою не надо плакать.

Глаза у молодого монаха действительно покраснели, по щекам текли слезы.

— Может, он начитался чувствительных стихов, — язвительно заметила Котеуни.

Цисами подхватила насмешку:

— Или мы убили его мамашу по пути сюда.

Монах вытер лицо рукавом.

— Тяньди проклянет тебя, чудовище. Если я первым не отправлю тебя в преисподнюю.

Дети, сжавшись кучкой, стояли в дверях.

— Брат Пахм, что делать?

— Бегите! — крикнул он и набросился на Цисами.

Малыши остались на месте.

Молодой монах уже почти столкнулся с Цисами, когда она небрежно сделала шаг назад, в темную нишу. Она исчезла в сумраке и появилась в темном углу под потолком. Оттуда Цисами прыгнула на плечи воина и пнула его в затылок так, что он с грохотом врезался в стену.

Как только он поднялся и повернулся к ней, на него напала Котеуни — удар саблей выбил из-под него опору, и он снова повалился наземь, а она исчезла в темноте. Молодой монах, взревев, бешено замахал руками — он дрался в том же обезьяньем стиле, что и его учитель, но далеко не так ловко. Цисами, словно танцуя, уклонялась от неуклюжих ударов и полосовала молодого брата Ханьсу ножами. Скоро все его одеяние превратилось в лоскуты. Алые пятна начали появляться там, где лезвие рассекло кожу.

Две тени-убийцы играли с неопытным боевым монахом, постепенно сбивая с него спесь. Движения Пахма становились всё медленнее, промежутки между ними — всё длиннее. Гнев придавал ему сил, но гибель была неизбежна.

Даже дети это поняли. Они визжали все громче, по мере того как боевой монах истекал кровью, и скоро их крики совсем заглушили звуки боя.

Цисами на мгновение отвлеклась и цыкнула:

— Вы, сопляки, не можете помолчать? Я хочу убить вашего монаха спокойно!

Но дети завопили еще пуще.

Монах попытался воспользоваться тем, что она отвернулась, — на это Цисами и рассчитывала. Он встретился лицом с подошвой ее сапога, и голова у него откинулась назад. Нож Цисами вонзился ему в грудь; Котеуни ударила сзади, вогнав саблю противнику в плечо. Обе отступили, когда Ханьсу, зашатавшись, упал на колени. Битва была окончена, хотя Пахм этого еще не понял. Тщетно хватаясь руками за воздух, он опустился на четвереньки.

— Можно? — спросила Котеуни.

— Пожалуйста.

Котеуни зашла ему за спину и запрокинула жертве голову, обнажая шею. Поднеся саблю к горлу монаха, она подмигнула.

— Двое Ханьсу на счету.

Она уже коснулась лезвием его кожи, когда вдруг незримая сила вырвала у нее оружие. От нового удара Котеуни полетела через весь зал. Цисами повернулась как раз вовремя, чтобы получить кулаком в лицо. Перед глазами у тени-убийцы потемнело, зал закружился, и она рухнула на пол, так что все кости зазвенели. Когда Цисами проморгалась и окончательно опомнилась, то увидела перед собой разъяренную старуху — легендарный Шепот Ветра.

Наконец-то достойный противник. Этой схватки Цисами давно ждала. Когда разойдется весть о том, что Мацза Цисами убила знаменитую Линь Тайши и захватила

мальчишку-героя, она прославится так, что Союз, несомненно, ее отпустит. Убийца-знаменитость — так себе приобретение.

— А я гадала, когда же ты появишься. Ну, раз мы остались одни, давай посмотрим, кто достоин своей репутации.

Старуха фыркнула:

— А ты и вправду дура.

Цисами, быстро шевельнув запястьем, метнула нож. За ним стремительно последовали еще два. Тайши отбила их на лету, не моргнув и глазом. Тогда Цисами, прибегнув к усовершенствованному стилю Союза, известному как Катящийся кулак, набросилась на нее с вихрем коротких ударов и быстрых пинков, рассчитывая ошеломить свою однорукую противницу.

Тайши, нимало не смутившись, увертывалась, защищалась, отбивала. Обмен ударами продолжался, и ни одна не уступала. Цисами не сразу поняла, что Тайши не удосуживается нападать.

Что бы ни делала Цисами, ей не удавалось пробить оборону. Старуха двигалась легко и безыскусно. Единственная рука действовала, как будто их было восемь. Цисами удвоила усилия: ее руки и ноги отчаянно замелькали, ища у противницы слабые места. Но тщетно.

— У тебя, должно быть, прекрасное воображение, если ты способна придумать столько красивых и бесполезных движений, — зевнув, заметила Тайши.

— Сука, — огрызнулась Цисами.

— Бездарность.

Гнев Цисами кипел, по мере того как усиливались тревога и нетерпение. Она старалась действовать как можно неожиданнее — пригнуться, нанести удар снизу, высоко подпрыгнуть, метнуться в сторону, зайти спереди. Она попробовала даже бросить в лицо старухе пеплом от курительных палочек. Каждый удар на волосок не достигал цели, и, судя по бесстрастному лицу Тайши, та над ней просто издевалась. Обмен ударами завершился тем, что

Цисами получила ногой в живот и, задышавшись, покатила по полу. Сплюнув кровь, она привстала на колено.

— Не так легко со мной справиться, когда рядом нет дружков, да? — спросила Тайши и сделала быстрое движение рукой.

Цисами отпрянула, когда каменная плитка у нее под ногами разлетелась на куски. Взрывы следовали один за другим, заставляя тень-убийцу откатываться. Она достигла темного угла и, нырнув в сумрак, вышла из-за колонны за спиной у Тайши. В руках у Цисами блеснули черные ножи; она попыталась вонзить их в незащищенную спину старухи. Но Тайши прекрасно знала, где противница, — она ответила размашистым ударом в бок, так что Цисами врезалась в мозаику, и цветные плитки посыпались на нее.

Тайши весело спросила:

— Ты это нарочно?

Цисами села, стряхивая с головы осколки. Дышать было трудно и больно. Очевидно, она сломала пару ребер.

— И кто тут болтушка? Да будет тебе известно, что я просто...

— Что за шум? Кто устроил этот ужасный беспорядок?

Обе повернулись и увидели на пороге молитвенного зала худого сутулого мужчину. Сине-золотое одеяние на нем распахнулось, обнажая тело. Он ахнул, увидев разбитую Небесную Мозаику Тяньди, и ткнул в Цисами пальцем.

— Это ты виновата?

— Ваша Святость, уйдите! — закричала Тайши.

— Кто...

И тут Цисами поняла. В детстве она не раз видела изображения этого человека. Обычно они сопровождались отцовским ремнем. Она понятия не имела, настоящий это оракул или нет, но, если проклятая Тайши им дорожила, Цисами была обязана его убить!

Она лучезарно улыбнулась:

— Ты разве не знаешь, что указывать пальцем невежливо?

В воздухе мелькнула черная молния, и отсеченный палец упал на пол. Сначала на лице оракула появилось удивление, потом боль. Он уставился на обрубок, из которого хлестала кровь, и открыл рот, но не издал ни звука. Прежде чем он успел закричать, Цисами метнула второй нож. Оракул издал громкое шипение, схватился за рукоятку вошедшего в грудь ножа и повалился на пол. Его тело содрогнулось, изо рта потекла кровь.

Тайши с воплем бросилась к нему. Слишком поздно. Брат Ханьсу, который все еще лежал на боку посреди молитвенного зала, скорбно завыл. Дети, которые по-прежнему теснились в дверях, подняли писк. Тогда закричала и Цисами — если всем было можно, почему ей нельзя? Впрочем, ее крик больше напоминал издевательский хохот.

Тайши приподняла голову оракула и метнула на Цисами убийственный взгляд.

— Ты понимаешь, что наделала? За это ты заплатишь не только жизнью! Я уж позабочусь о том, чтобы...

Старуха вздрогнула и замолчала: тело оракула вдруг напряглось, руки и ноги выпрямились, веки, мгновение назад набрякшие, поднялись. Он указал на потолок и произнес отчетливо и звучно:

Сын Небес несет божественное право
На своих плечах — сколь тяжело это бремя.
Судьбой лишен свободы, ввергнут в сон.
Ищи его, о любопытный ветер, в городе на краю мира.
Лишь когда пророчество воскреснет,
Отпрыски небес, земли и преисподней...

Речь оракула оборвалась кашлем и бульканьем, голова откинулась, стукнувшись о каменные плиты, и замерла неподвижно, глядя вбок остекленевшими глазами. В зале воцарилась тишина. Все ошеломленно молчали. Что это было — божественное пророчество или предсмертные слова безумца? Более того... неужели оракул Тяньди действительно умер?

Цисами вообще сомневалась в его существовании. Но что же будет, когда повсюду разойдется весть о том, будто тень-убийца — а именно Мацза Цисами — прикончила вестника пророчества? Не всякая слава хороша.

— Эй, ты!

К ней бросились одновременно Тайши и монах Ханьсу.

Цисами ожидала нападения. Она знала, что настало время исчезнуть, — в ту минуту это желание было сильным как никогда. Она нырнула в ближайшую тень, когда Тайши и Ханьсу приблизились, вышла из темного угла во дворе, подхватила бесчувственную Котеуни и устремилась прочь, торопливо царапая на предплечье: убивайте всех, кто выйдет из храма.

Она почти уже достигла тропы, ведущей вниз с холма, когда над ухом у нее свистнула стрела, а следом еще несколько. Кто-то за спиной у Цисами выругался, получив стрелу в ответ: Бурандин прикрывал отход.

Отряд встретился спустя час. Цанг подкладывал дрова в костер, а Бурандин хлопотал над женой, которая только-только пришла в себя. Хаарен, который действовал на дальнем краю деревни, вернулся последним.

Он взглянул на Котеуни, отметил отсутствие пленных и покачал головой.

— Что теперь? Врасплох их захватить не удалось, и больше сидеть в засаде мы не можем. Теперь им ничего не стоит проскользнуть мимо нас.

Цисами вгрызлась в куриную ножку.

— Старуха нам больше не нужна. Я знаю, где прячется мальчишка.

— А я думал, мы хотим получить награду за обоих, — произнес Хаарен.

— Нет, главная мишень — Предреченный герой. Старуха не стоит возни. Это просто еще один лакомый кусочек.

По правде говоря, после двух прискорбно провалившихся попыток Цисами больше не рвалась драться с Линь Тайши.

Цанг поднял руку.

— Линь Тайши дорого стоит, и она рядом. Почему бы не получить награду и за нее, пока мы тут?

— Еще раз откроешь рот, Цанг, и я тебе яйца наизнанку выверну.

Тот закрыл рот.

— Откуда ты знаешь о герое? — спросила Котеуни.

— Я получила сведения из прямого источника. — Цисами обгрызла косточку дочиста, бросила ее в костер и вытерла сальные руки о штаны. — Собирайтесь. Отправляемся в город на краю мира — хотя лично я бы назвала его просто отвратительной дырой.

Глава 31

Соппротивление

Сали стояла сверху грузовой платформы и с сомнением смотрела на старые доспехи, наваленные в повозке на высоту человеческого роста. Скрестив руки на груди, она выразительно покачала головой.

— Я туда не поеду.

— Почему? — спросила Мали. — Это же просто доспехи.

— Я знаю, чем занимаются воины в «просто доспехах», — отрезала Сали. — Мы в них спим. Мы в них справляем нужду, а всадники в них еще и гадят. Что самое скверное, мы в них умираем. — Сали толкнула ногой окровавленный шлем с небольшим украшением в виде черепахи. — Они испачканы чужими кишками, мозгами и кровью. Всю эту мерзость я видела вблизи.

— Вот и хорошо — значит, ты уже к ней привыкла. Потому что я никаким другим способом не сумею протолкнуть тебя в поместье.

Сали нахмурилась. Эта новая, непривычно упрямая Веточка далеко не во всем ей нравилась.

— Послушай, — продолжала Мали, — половина наших занимается тем, что чистит этот хлам или переплавляет его. Только так можно скрыть тебя от чужих глаз. Мы возим столько железного лома, что стражники почти его не проверяют. Цюань Са собирает оружие с поля боя и отправляет сюда — для починки, переделки и перепродажи. Каобу больше ничего не производит. Раз война закончилась, закончились и деньги. Один из домашних слуг генерала слышал, как он жаловался, что остальные княжества сократили поставки припасов. Все военные теперь отчаянно ищут заработок. Генерал делает что может... — Мали помолчала. — Как, по-твоему, зачем ему столько рабочих? Он что-то задумал, не иначе.

Сали покачала головой.

— Еще и года не прошло с тех пор, как закончилась война. С кем они собираются драться теперь? Кровожадные звери!

— Войско волнуется. Стражники постоянно об этом болтают. Соломенные Шляпы — на западе, дикие земли — на юге... но главное — собственные соседи.

Сали замерла.

— Это правда? Гражданская война? С кем?

Мали пожала плечами:

— Никто ничего толком не знает, но армия пожрет сама себя, если не найдет противника. Если послушать солдат, княжество Син самое слабое из пяти, зато там много рудников. Гиянь — самое богатое.

— Очень хорошо. Надеюсь, они все друг друга поубивают. Я только порадуюсь, если наше поражение приведет к падению Чжун, — надменно заметила Сали.

Поморщившись, она вновь посмотрела в повозку, сняла хороший дорожный плащ и протянула Хампе.

— Потом мне понадобится выпить. Раздобудь бутылку чего-нибудь, только не цзуйжо. И вычисти плащ.

— Слушаю, Сали, — отозвался Хампа, приложил кулак к груди и убежал.

Сали и Мали посмотрели ему вслед.

— Он так целыми днями ходит за тобой по пятам? — поинтересовалась Мали. — Как мило.

— С домашними делами он справляется скверно, но очень старается, — ответила Сали и вновь заглянула в повозку. — Других способов правда нет?

— Боюсь, что нет.

— Честно говоря, я вообще никуда не хочу ехать. Ты меня вынуждаешь.

Мали резко сказала:

— Полезай в повозку, Крапива!

Когда это ее маленькая Веточка стала такой властной?

— Раньше ты мне нравилась больше, — пробормотала Сали.

В конце концов она сделала именно то, что ей так претило: спряталась на дне повозки под двумя слоями погну-тых доспехов, снятых с тел несчастных солдат, которые, судя по всему, сначала попали в клещи, а затем под град стрел. В повозке пахло именно так, как она думала: разложением, гнилью, застарелым потом. Сали закрыла глаза и забормотала сквозь зубы молитву, как перед боем, чтобы успокоиться. Она старалась не дышать глубоко.

Никак не закрепленные доспехи тряслись в повозке, как мраморные шарики в кружке. Что-то, на ощупь напоминавшее мысок стального сапога, упорно вбивалось ей в поясницу каждый раз, когда повозка подпрыгивала на очередной колдобине. Сали не сомневалась, что окровавленная кольчуга с огромными дырами на боках, которая терлась о ее щеку, принадлежала человеку, который стал жертвой конной атаки.

К счастью, путешествие было коротким и прошло без приключений. Повозка несколько раз останавливалась, и каждый раз возчик и стражники обменивались парой фраз. Слышался лязг металла — очевидно, стражники тыкали копьями в груды железного лома. Сали порадовалась, что Мали велела ей закопаться поглубже.

— Все чисто, — наконец сказал кто-то, и доспехи, наваленные на Сали, отодвинулись.

Сбоку появилось улыбающееся лицо Мали. Сали испустила долгий выдох.

— Эти оседлые воняют, как коровья задница.

— Какая жалость, — без тени подлинного сожаления сказала Мали. — Потому что вывозить тебя мы будем тем же путем.

Сали села и огляделась. Они находились в огромном помещении с каменными стенами и длинными деревянными балками под потолком. Их повозка стояла позади трех таких же; целая армия катуанцев бродила по колёно в железном хламе.

— Где мы? — спросила она.

— Здесь доспехи разгружают и отправляют на переплавку, — сказала Мали, протягивая сестре руку и помогая вылезти.

Сали как никогда мечтала вымыться — и это при том, что однажды она не мылась целый цикл, когда воевала вместе с вождем Иразой в княжестве Син.

Как только она ступила на деревянную платформу, ее окружили трое катуанцев. Кто-то набросил ей на плечи плотное шерстяное одеяло. Грубые руки схватили Сали за плечи, и небольшая компания отчасти повела, отчасти потащила ее вниз по лестнице. Сали уже хотела возразить, но передумала. Мали знала, что делала.

Они прошли через весь склад, мимо столов, за которыми стояли люди, перебиравшие железный лом и отмывавшие его в огромных лоханях. Сали покачала головой.

— Население целой столицы сократилось до такого числа. И их труд ничем не лучше, чем работа в поле.

Мужчина справа от нее вздохнул:

— Я бы дорого отдал, чтобы работать на воздухе, подставляя лицо свежему ветру. Оседлые страшно воняют.

Остальные согласно закивали.

Они покинули склад, пролезли под низкой оградой, окружавшей конюшни, и прошли вдоль нее до конца. Мали выглянула из-за угла и принялась загибать пальцы. Как

только она загнула пятый, вся компания перебежала дорогу, проскочив мимо стражника, который как раз повернулся к ним спиной.

Сали удивлялась обширным размерам поместья посреди чудовищно тесного города. Одеядо окутывало ее почти с головой, и она уже не понимала, куда они направляются. Компания прокралась мимо нескольких загонов для скота, прошла через кузницу и оказалась на поле. Там стояли десятки стогов сена, за которыми было удобно прятаться. Повсюду трудились катуанцы. Одни сажали быстрорастущие злаки, способные пережить суровый третий цикл (снять урожай можно было меньше чем через месяц). Другие пасли овец, кормили скот, стирали белье. Большинство кузнецов, трудившихся за наковальнями, тоже были сородичами Сали.

Маленькая компания вошла в дом в дальнем конце поместья, больше похожий на заброшенный амбар. Мужчина, заговоривший с Сали, открыл люк в полу. Они спустились по лестнице в длинный и узкий земляной туннель, вдоль которого стояли десятки бочонков, и вошли в маленькую комнату, полную людей. Потолок нависал так низко, что никто не мог выпрямиться во весь рост. Большинство сидели на корточках или прямо на полу. Стульев не было.

Сали сжала руку сестры.

— Ты сказала, что вас всего десятеро.

— Так и есть. Остальные пришли, чтобы увидеть тебя. Слухи расходятся быстро. Люди полны любопытства и надежды.

Сали, редко подверженная застенчивости, вдруг завоновалась. Многие кланялись и прикладывали кулаки к груди, когда она проходила мимо. Некоторые говорили: «Здравствуй, Бросок Гадюки» и «Незра поднимется».

Сали тоже приветствовала бы их, если бы не шла согнувшись и постоянно стучаясь головой о потолок. Она с удивлением увидела знакомые лица — воинов, которые служили под ее началом, давних соседей, друзей детства.

Ни одного бывшего члена Совета или шамана. Чжунцы, очевидно, истребили всех, кого опасались.

Мали отделилась от нее, чтобы вполголоса перекинуться несколькими словами с полуголым молодым человеком в толстом кожаном фартуке. Сали не сразу узнала Даэвона, подмастерье жестянщика, который с раннего детства дружил с Мали. Они всегда были близки — даже слишком, — и ее родные это не одобряли. Юноше, несомненно, нравилась Мали, и она тоже к нему привязалась. Детская влюбленность вполне могла перерасти в нечто опасное, учитывая пропасть, которая разделяла их семьи, занимавшие столь разное положение в клане.

Родные Сали терпеливо ждали, когда зарождающаяся страсть сама собой угаснет, — и не дождались. Тогда Милиэна взяла дело в свои руки и вызвала все семейство Даэвона на бой. Шестеро против одного — причем преимущество было на стороне Милиэны. К счастью, Мали и Даэвон уступили и перестали думать о браке. Казалось, их любви настал конец...

Сали поморщилась, когда увидела, как Мали взяла юношу за руку. Может быть, они все-таки любили друг друга по-настоящему.

Даэвон подошел к Сали и приложил кулак к сердцу. Он явно волновался и с трудом выговаривал слова:

— Добро пожаловать, Сальминдэ. Твое присутствие придает нам сил. Я...

Он дрожал от страха.

Сали небрежно отмахнулась.

— Мне сейчас не до того, чтобы тебя убивать.

Даэвон с облегчением вздохнул:

— Конечно. Я... короче, добро пожаловать.

— Ты это уже сказал, — напомнила она и добавила, наклонившись ближе: — О Мали поговорим отдельно. Потом.

Юноша снова встревожился. Сали шутливо ткнула его кулаком в плечо, проходя мимо, и приблизилась к сестре.

Мали гневно взглянула на нее и двинула локтем в ребра. Совсем не больно.

— Что ты ему сказала? Он, кажется, сейчас в обморок упадет. Пожалуйста, не груби.

— Между прочим, я была очень любезна, Веточка, — ответила Сали и толкнула сестру в ответ — с той разницей, что налокотники у нее были из грубой лошадиной шкуры. Мали издала сдавленный вскрик и сложилась бы пополам, если бы Сали не помогла ей устоять. Веточке следовало помнить, кто тут старшая.

Даэвон обратился к толпе:

— Мои названные братья и сестры из Незры, добро пожаловать! Вы готовы пожертвовать не только временем, но, если придется, и жизнью, и это свидетельствует о вашей верности и храбрости.

Его напыщенность Сали не понравилась. Она наклонилась к сестре и спросила:

— Почему ты сама не обращаешься к людям?

— Ненавижу публично говорить, — ответила Мали. — И потом, у Даэвона лучше получается.

Юноша, судя по всему, и впрямь был прирожденным оратором. Он произнес горячую речь о том, какой путь проделали дети Незры после гибели своего любимого города. Повесть об их страданиях он расцвечивал примерами и демонстрировал столько сострадания и чувства, что люди жадно впитывали каждое его слово, пока он воскрешал перед ними мучительные воспоминания. Сали подумала: когда все это закончится, молодой человек сделает карьеру, став глашатаем на ханских играх. Если они, конечно, еще будут их устраивать.

Даэвон закончил речь на исполненной надежды ноте и представил слушателям Сали. Указав на нее, он произнес:

— Духи благословили нас, вернув в лоно нашей семьи прославленную, могущественную, непобедимую — Смертоносный Язык Незры («что?») — могущественную и, э... прославленную охотницу («ему нужно поработать над умением составлять речи») — Бросок Гадюки Сальминдэ!

Люди прижимали кулак к сердцу. Сали коротко кивнула, и воцарилось долгое неловкое молчание. Тут она поняла, что Дазвон ожидает речи и от нее. Она сохраняла внешнее бесстрастие, хотя в душе всерьез подумывала, не убить ли его. В роду у Сали ораторов не было.

Чувствуя, что во рту у нее внезапно пересохло, Сали шагнула вперед и тут же стукнулась головой о потолок. Она прикусила губу и откашлялась, ища нужные слова. Она решила обратиться к толпе так, как обратилась бы к своим воинам во время последней трапезы перед боем.

— Дети Незры, я вижу, как мы живем теперь, в годину бед.

Люди удивленно забормотали. Но, по крайней мере, Сали привлекла их внимание.

— Враги наших отцов уничтожили наши дома. Наши кланы рассеяны, а нас пригнали сюда, в это проклятое место. Мы лишились дома, очага, семьи. История Незры пришла к концу... или нет? Выбор за нами.

Она перевела дух и обвела взглядом собравшихся. Они слушали ее не так, как слушали бы воины. Воины били бы себя в грудь и дружно ухали, впитывая каждое слово. А эти люди... были напуганы и сломлены.

Сали подумала, что зря тратит силы. Здесь собрались земледельцы, лудильщики, плотники — измученные, забитые, сорванные с места... вчерашние беженцы, сегодняшние слуги, у которых не осталось ничего. Их не поддерживала жажда мести; вряд ли Сали сумела бы пробудить в слушателях боевой дух. Они пришли сюда, страстно желая надежды и утешения. Они хотели услышать, что у них есть будущее.

Дазвон, пытаясь спасти положение, подошел к ней.

— Все мы понесли много потерь. Мы...

Сали подняла руку.

— Позволь мне продолжить.

Она собралась с мыслями.

Что она тут делала? Зачем пришла сюда? Зачем Мали ее позвала? И чего сама Сали хотела от этой встречи? Ответ

был ясен. Она сделала глубокий вдох и внимательно взглянула на слушателей. На сей раз она заговорила от души:

— Я не стану лгать вам. Я приехала в Цзяи, чтобы найти и освободить сестру. Мне казалось, Незра погребена в глинах Травяного моря. Я страшно обрадовалась, когда наконец нашла Малиндэ, и разгневалась, когда она отказалась оставить вас и бежать со мной. — Сали кивком указала на Веточку. — Когда я спросила почему, Малиндэ сказала, что она и так уже дома. До сих пор я не понимала, как это может быть. Незра покоится на дне Травяного моря, святилища купола и коконы, вырезанные из стволов тысячеклеточных деревьев, разрушены, но люди живы. Жив дух Незры. Пока мы помним о ней, она живет в наших сердцах.

Некоторые слушатели кивали. Большинство непонимающе смотрели на Сали.

Та продолжала:

— Я хочу отвезти Малиндэ не просто в Травяное море, а в Незру. Возрожденную Незру. Для этого я должна воскресить дух нашего любимого города, а значит, мне придется забрать с собой всех вас. Это будет нелегко. Многие погибнут. Готовы ли вы сражаться ради того, чтобы отстроить Незру заново? Что скажете, названные братья и сестры? Вы пойдете со мной?

Сали ожидала большего воодушевления, но ответом ей вновь были молчание и смущенное ерзанье. Никто не кричал, не хлопал в ладоши, даже не улыбался. Но, по крайней мере, люди перестали смотреть на нее, как на конокрада.

— Как же ты нас уведешь? — спросил какой-то старик.

— Хороший вопрос...

Сали жалела, что не подготовилась как следует. Она вообще не хотела сюда идти!

— Первое, что нужно сделать, — всех освободить. Одновременно здесь и в Катунском квартале.

Какая-то женщина сказала:

— Мы можем приходить и уходить когда вздумается. Нас даже выпускают за ворота, если надо.

— Каждый день много людей работает на полях! — крикнул кто-то.

— А я не далее чем сегодня утром навещал своего двоюродного брата в Шитане, — добавил третий голос.

Мали подошла к сестре и негромко произнесла:

— Слуги не рабы. Мы можем перемещаться по большинству городских кварталов без всяких ограничений.

Сали растерялась.

— Тогда что же держит вас здесь? Почему вы не уйдете и не вернетесь в Травяное море?

— Потому что, — ответил до тех пор молчавший, но очень знакомый голос в глубине толпы, — если слуга отсутствует дольше одного дня, по пятам за ним пойдут княжеские солдаты. За беглых слуг положена большая награда, а виновных сурово наказывают. Ты бы это знала, будь ты одной из нас.

Только этого не хватало.

— Ариун!

Бывший начальник обороны вышел из толпы и откинул капюшон. Его одежду покрывали грязь и сажа, на щеке виднелось темно-красное пятно. Вероятно, на территорию поместья он прибыл так же, как Сали. В остальном Ариун казался таким же сытым и преуспевающим, как при последней встрече. Он не сводил с Сали внимательного пронизывающего взгляда.

— До нас дошел слух, что ты намерена побывать здесь, Бросок Гадюки. Я счел благоразумным прийти сюда как представитель Совета Незры. Мы живем в Цзяи, потому что шаманы подписали с чжунцами мирный договор. Его цена — наша служба. Нарушить договор — значит навлечь на себя гнев Просвещенных государств.

— Никто из присутствующих ничего не подписывал, — возразила Сали. — С какой стати Незра должна платить дорожке всех? Остальные города только раз в год являются на работу, а Шакра вообще ничего не платит!

— Весы фортуны вечно колеблются. Вождь нашего клана, Фаалан, твой дядя, мой названный брат, предпочел

пожертвовать своим городом, чтобы спасти тело Хана. Никто из присутствующих и в тот день не имел права голоса. Если люди, которые даже не участвовали в битве, отнесутся без уважения к нашей общей жертве — это оскорбление.

— Шаманы должны были сделать все, что в их власти, лишь бы освободить нас, — сказала Сали. — Если они отказались защищать свой народ, мы будем защищаться сами.

Ариун двинулся к ней и остановился на расстоянии вытянутой руки. Сали с особой остротой сознавала это: ей приходилось сдерживаться, чтобы не схватить его за горло.

Он повернулся и обратился к толпе:

— Чжунцы посылают солдат за всеми, кто бежит от уплаты долга. Они разыщут вас и принесут ваши головы в Цзяи, чтобы преподать урок другим слугам. Кто готов рискнуть? Мы наконец обрели мир. Год выдался тяжелый, но мы выжили и устроились по мере сил. Да, мы разгромлены, но такова теперь наша судьба, и Цзяи — наш дом. Кто готов поставить на кон все, чего мы достигли, чтобы вернуться в Травяное море? И зачем? Даже если мы ускользнем от солдат и преодолеем горы, что тогда? Города у нас больше нет. Один раз мы уже все потеряли. Откажемся ли мы от тех крох, которые приобрели, и последуем ли за этой женщиной?

Толпа вновь заворчала. Сали поняла, что проигрывает.

— Оседлые, возможно, называют это службой. Они требуют возмещения убытков и уплаты долгов. Возможно, они даже правы. Но это не свобода. Не наш дом, не наша земля. Над нашей головой — не те звезды, на которые смотрели наши предки. Наши дети не карабкаются на высокие стебли и не прыгают среди крон Травяного моря. Если вы примете условия чжунцев, ваши дети никогда не будут этого делать, и дети ваших детей тоже. Я предлагаю вам вернуть себе наследие предков, выстроить новый город и обрести новое будущее. Если мы будем едины, Незра вновь поднимется.

В комнате настала тишина, лишь иногда прерываемая кашлем. Женщина, сидевшая на полу, проговорила:

— А если я не хочу идти с тобой? — Она поднялась на ноги. — Я потеряла шестерых детей и троих внуков, когда Незра пала. Травяное море опустело для меня. Я старая и несчастна. Я устала. Все, кто мне еще дорог, живут здесь, в этом проклятом городе. И здесь я умру.

Большинство, казалось, были с ней согласны.

— Можешь остаться, — сказала Сали. — Ты не утратишь чести.

Даэвон прервал их, прежде чем успели прозвучать опасные слова:

— Спасибо тебе, уважаемая Сальминдэ, и тебе, почтенный начальник обороны. Нам о многом нужно подумать. К сожалению, скоро прозвучит вечерний гонг. Нужно вернуться к нашим занятиям, пока нас не хватились.

Люди стали расходиться — поодиночке, по двое и по трое. Ариун стоял неподвижно, скрестив руки на груди. Вид у него был донельзя довольный. Сали не удалось убедить сородичей. Ее народ мог пойти двумя путями. Сали признала, что ей понятны намерения Ариуна; она считала его изменником, однако то же самое он мог сказать и о ней. Большинство катуанцев, вероятно, предпочли бы остаться, и она их не винила. Они вынесли достаточно страданий. Сали лишь хотела дать людям выбор; но она была готова уважать решение соплеменников.

Когда комната опустела, Ариун негромко заговорил:

— Не делай этого, Сальминдэ. Ты нас всех погубишь.

Сали подавила желание схватить его за горло. Ариун, впрочем, был в чем-то прав. Хорошего исхода здесь быть не могло.

Ариун присоединился к расходившейся толпе. Сали признала, что ждала другого. Несколько человек приблизились к ней с добрыми словами, но большинство вовсе не обрадовалось ее приглашению. Сали думала, что люди охотно пойдут сражаться за свободу. Ей не приходило в голову, что выжившим надоело бегать и драться. Они хотели мира.

Вскоре в комнате никого не осталось, кроме сестер, Даэвона и двух мужчин у двери, которые наблюдали за удивившими.

— Я не знала, что Ариун здесь, — сказала Мали. — Прости.

Сали ответила:

— Ничего страшного.

— Что теперь?

Старшая сестра попыталась принять бодрый вид.

— Посмотрим, сколько человек примут мое предложение. Вряд ли их будет много.

— Все лучше, чем мы с тобой вдвоем, старшая сестрица.

— Так ты пойдешь?

— Я хочу, чтобы у людей был выбор, — сказала Мали. Даэвон подошел ближе.

— Подпольщики охотно поддержат тебя, Сальминдэ.

— Все десять человек?

— Прямо сейчас нас стало четырнадцать.

— Великолепно, — отозвалась Сали и повернулась к двери. — По крайней мере, маленькой компании проще будет ускользнуть от солдат. Только пусть она называется как-нибудь по-другому. Что за название — подпольщики?

Даэвон покачал головой.

— Что такое?

— Нас уже знают под этим названием. У подполья своя репутация.

Сали очень хотелось схватить и Даэвона за горло, но тут она вспомнила о еще одном человеке, от которого нужно было избавиться.

— Кстати, перед уходом мне понадобится ваша помощь. Я должна кое-кого отыскать в городе. Мальчишку лет шестнадцати-семнадцати. Коротко стриженный, худой, крепкого сложения. Твои люди могут его найти?

Даэвон нахмурился:

— Сальминдэ, так выглядят почти все здешние мальчишки.

— Возможно. Но я имею основания полагать, что он Предреченный герой.

Даэвон замер. Прежде чем он успел задать вопрос, Мали вмешалась:

— Я все объясню ему потом, а сейчас, Сали, давай выведем тебя отсюда, пока не закрыли ворота. Если не хочешь ночевать в этом погребе.

— Поехали! — велела Сали и, поколебавшись, протянула ладонь Даэвону.

Не стоило заводить новых врагов.

Он удивился, даже слегка испугался, а потом они пожали друг другу руки.

Сали покинула поместье прежним путем, спрятавшись между ящиками с оружием и доспехами. По крайней мере, теперь они были чисто вымыты и годны для использования.

В течение нескольких следующих дней она встречалась с Мали у того же уличного лотка. В первый день к Даэвону обратились тринадцать человек и сказали, что хотят покинуть Цзяи. На второй день — сорок один человек. На третий — число заговорщиков возросло до трех сотен.

Сали все же удалось поднять волну. И теперь это грозило неприятностями.

Глава 32

Прикрытие

В Лунсяньской школе боевых искусств тревожились все. Стражники нанесли Гуаньши визит в тот же вечер, предложив ему явиться в Башню пламенной бдительности (Цзянь считал это название нелепым, поскольку одежда у стражников была тускло-зеленой, а служебные часы — исключительно щадящими). Мастер отсутствовал почти целый день и вернулся поздно вечером — краснолицый, пьяный

и взбешенный. Школа потеряла договор на охрану «Шка-тулки». Но он хотя бы не достался Южному Кресту.

Синьдэ избегал всех. Он не вел занятий и не показывался в столовой. Он даже не выходил к Цзяню, который приносил ему еду. Что еще хуже, слухи о произошедшей стычке множились, как червячки в крупе. Когда Гуаньши отправился в Башню, все уже знали, что Синьдэ, кумир Лунсяня, дважды испугался во время схватки. Ученики шепотом называли его фарфоровой куклой и миражом. Само присутствие Синьдэ марало честь школы. Гуаньши не делал никаких попыток нарушить уединение старшего ученика.

Слухи о Цзяне расходились так же быстро, не в последнюю очередь благодаря рассказам учеников Южного Креста. По их словам, Цзянь вмешался, чтобы защитить своего злополучного старшего собрата, который не мог оправиться после первой атаки Кейро. Цзянь напал на Кейро со спины, как трус, но дрался с умением мастера. Кейро едва сумел одолеть этого чужака, который притворялся неумехой.

Ученики приправляли эти слухи насмешками и сомнением, однако охотно их повторяли. Никто не похвалил Цзяня за то, что он спас Синьдэ и защитил честь Лунсяня. Напротив, все твердили, что он мастер, обманом проникший в их ряды. Никого не смущало, что ни один человек еще не достигал уровня мастера раньше двадцати пяти лет. Даже тетушка Ли не удосужилась усомниться в этих сплетнях или обратиться за подтверждением к самому Цзяню. Выдумки всегда гораздо интереснее правды.

Ученики шептались, что Гиро — если его действительно так звали — заслали в Лунсянь шпионить. А может, он явился, чтобы вызнать секреты Гуаньши? Или украсть у наставника Конеубийцу? По слухам, Гиро чуть не умер от смертоносного прикосновения. Кто станет применять такой прием к мальчишке-нищему? В любом случае почему мастер Гуаньши бесплатно предложил ему кров, стол и обучение? Уж точно не по доброте душевной. Может быть, Гиро — незаконнорожденный сын мастера Гуаньши?

Спустя неделю Цзянь оказался там, с чего начал. Его считали чужаком и хуже того — предателем. Кража секретов военного искусства считалась особенно подлым преступлением. Даже тетушка Ли теперь относилась к Цзяню с подозрением. К сожалению, в слухах была своя доля правды, так что ни Михе, ни Синьдэ не могли их полностью опровергнуть. Более того, когда они попытались за него заступиться, положение лишь ухудшилось. Синьдэ признал, что почти ничего не помнит, и ученики окончательно убедились, что в драке он насмерть перепугался. А Михе — милая, добрая и ужасно лживая Михе — рассказывала странную историю, которая уж точно не могла быть правдой.

Удивительно, но именно тот человек, от которого ждали вспышки гнева, не взбесился. Когда весть о случившемся достигла Гуаньши, тот лишь заворчал и ткнул Цзяня в лоб пальцем.

— Не лезь не в свое дело.

Затем мастер развернулся и зашагал в свои покои. То, что Гуаньши не выгнал Цзяня немедленно, лишь подлило масла в огонь.

Цзянь не знал, что и думать. Мастер ему поверил — или Гуаньши было все равно? Похоже, наставник больше беспокоился о Синьдэ и о том, чем его поражение грозило школе. В любом случае Цзянь старался не лезть наставнику на глаза. Целыми днями он добровольно полировал тренировочное оружие и наводил порядок в кладовых. Чистил сточные трубы и сметал листву с крыш. Выгребал сор из курятника. К сожалению, ему по-прежнему приходилось прислуживать в столовой, и трижды в день вся школа молча и осуждающе смотрела на него. Раньше Цзянь чувствовал себя просто одиноким; теперь юноше казалось, что его ненавидят.

Как ни странно, но день за днем проходил без всяких приключений. Никто не пытался завязать с ним ссору — вероятно, из опасения получить сдачи, Цзяня ведь считали мастером. Его не дразнили, не высмеивали, не оскорбляли, не швыряли в него едой. Ему приходилось иметь дело

с неприязненными взглядами и одиночеством. Пожалуй, он предпочел бы трепку.

На шестой день он решил, что с него хватит. Цзянь влез на стену, окружавшую задний двор, и провел вечер, лежа на спине и глядя в небо. Это был Пепельный праздник — время встречи Близнецов. Принцесса поднималась с юга и вставала рядом с Принцем, который исчезал на северном краю неба. Две луны заливали землю туманным, зловеще-серым призрачным светом.

Они напоминали о том, что близится конец третьего цикла: удушливо жаркое лето, а затем ледяная зима. Цзяню это сулило немало трудностей, поскольку он решил уйти: покинуть не только школу, но и княжество Каобу. Для путешествия третий цикл подходил меньше всего, но выбора у Цзяня не было. Его почти разоблачили, Тайши исчезла, а у Гуаньши он вряд ли мог чему-то научиться. Цзянь по-прежнему проделывал простейшие упражнения вместе с новичками.

А главное — и это беспокоило Цзяня больше всего, — он никому не нравился. Сначала его травили, теперь постоянно провожали осуждающими взглядами. Одиночество ему опротивело. Юноша хотел начать сначала, на сей раз по-настоящему, без выдумок Тайши, которой не терпелось избавиться от него. Он был для нее бременем — как и для всех остальных.

Цзянь посмотрел со стены вниз, в переулок, который тянулся меж обнесенных стенами домов. В прошлый раз выбора у него не было, а теперь был. Впервые в жизни он мог решать.

Цзянь встал и указал в конец переулка.

— Я пойду туда и не стану оборачиваться.

Он понял, что эта дорога ведет к Травяному морю. Тогда Цзянь повернулся в другую сторону и повторил:

— Я пойду туда и не стану оборачиваться.

Он спрыгнул в сад и направился к хижине, которую называл своим домом. Чтобы собрать скудные пожитки, не понадобилось много времени. Цзянь помедлил, держа

в руках старую одежду, в которой приехал в Цзяи. Некогда красивый шелк был изорван и покрыт пятнами. Это одеяние портной сшил ему в тот вечер, когда все пять правителей собрались в Небесном дворце. С тех пор миновала целая жизнь. Платье превратилось в грязную тряпку. Цзянь сам не знал, зачем он его сохранил. Оно напоминало юноше о годах, проведенных в Небесном дворце, о плохом и о хорошем. Чаще о плохом.

Он взял одеяние с собой.

Вещей набрался один небольшой узелок. Имущества у Цзяня было мало. Ничего, кроме школьной одежды и подбитого ватой халата, — то и другое ему дал Гуаньши, однако Цзянь рассудил, что эти вещи им честно отработаны.

Он собирался заглянуть на кухню и в главный зал, желая прихватить немного еды и что-нибудь ценное. Две связки медных лянов, которыми он располагал, представляли собой незначительную сумму. Но потом Цзянь передумал. В Лунсяне к нему относились скверно, но хотя бы кормили и одевали. Он не желал уходить отсюда как вор. И потом, репутация есть репутация. Цзянь не хотел омрачать ту небольшую симпатию, которую к нему, быть может, кто-то питал, мелким воровством.

Он уже вознамерился спрыгнуть со стены и навсегда покинуть Лунсяньскую школу кулачного боя, когда кто-то его окликнул:

— Эй, осторожнее. На той стороне — скользкий склон, сплошь глина и помой. Трубы у нас текут. В худшем случае сломаешь ногу, в лучшем — поскользнешься и перемажешься в дерьме. Есть такая вещь, как ворота...

Цзянь оглянулся и увидел, что на скамье у пруда лежит Синьдэ.

— Старший ученик? Что вы здесь делаете? — спросил он.

— Я хотел было сказать: «То же, что и ты», но, судя по твоему узелку, ты решился на крайние меры. Может, поговорим?

Синьдэ не стал ждать ответа. Он подошел к стене и вскарабкался наверх, цепляясь за поверхность кончиками пальцев. Это была лунсянская техника, хотя Синьдэ приспособил ее к собственным нуждам. Цзянь полагал, что это просто глупости. Честно говоря, так он относился к большинству принятых в школе способов использовать ци — но ему самому, в конце концов, пришлось влезть на дерево, а с него перебраться на стену.

Синьдэ достал тыквенную бутылочку и протянул Цзяню. Тот благодарно отхлебнул, слегка позеленел, задохнулся и заставил себя проглотить. Он не был готов к обжигающему вкусу дешевого цзуйжо. Он вернул бутылку Синьдэ, и оба некоторое время сидели молча в свете двух лун.

Цзянь обрадовался, когда старший ученик заговорил первым:

— Кажется, нам многое нужно обсудить.

Да, но Цзянь не мог раскрыть свой секрет, а сам предпочел бы не лезть в личные дела Синьдэ. Скоро он уйдет, и они вряд ли увидятся. Старший ученик был его единственным другом в школе, и, честно говоря, Цзянь не понимал почему. Все хотели дружить с Синьдэ, так почему же он выбрал самого ничтожного? Тем не менее Цзяню очень хотелось узнать, что произошло. Он искренне беспокоился о Синьдэ. И потом, старший ученик, казалось, желал кому-то излить душу. В кои-то веки он сам нуждался в друге.

Смущенно помолчав, Цзянь произнес:

— Вы первый.

Он все еще пытался понять, что их связывает.

Синьдэ, видимо, ждал другого ответа. Он пожал плечами.

— Справедливо. Это ведь я тебе навязался. — Он посмотрел на звезды и спросил: — Знаешь, почему я поступил в Лунсянь?

— Наверное, вы хотели стать великим воином.

Синьдэ презрительно хмыкнул:

— Вообще-то, я хотел стать танцовщиком. Меня тошнило от всякой жестокости... — Он поднял ногу и вытянул

носок. — Я хорошо танцевал. Мой учитель сказал, что я могу пробиться в академию Сунгуа в Алланта. За два месяца до экзамена отец решил, что его сыну не подобает красить лицо и выступать на сцене. Он притащил меня в Лунсянь и оставил здесь. Мне запретили возвращаться домой, пока я не смогу победить отца в честном бою.

— Вам повезло, — сказал Цзянь и задумался. — Или нет?

Он и сам не знал.

Синьдэ пожал плечами.

— Не знаю. Просто... так случилось. Оказывается, качества, необходимые великому танцюру, не так сильно отличаются от качеств, необходимых великому воину. Имея способность к прыжкам и поворотам, я научился наносить удары, и вот вам... — он указал на себя, — ...старший ученик Лунсяня.

— Теперь понятно, почему вы так изящны, — сказал Цзянь. — Знаете, хоть вы никогда об этом и не мечтали, у вас все очень неплохо сложилось. Могло быть гораздо хуже.

— Или гораздо лучше. Я мог стать новой звездой академии Сунгуа. Кто знает? Честно говоря, я ни о чем не жалею. — Судя по голосу, Синьдэ все-таки об этом жалел. — Здесь мне живется хорошо. Мастер Гуаньши обращается со мной как с сыном, которого у него никогда не было. Тетушка Ли ласкова со мной как мать, которой никогда не было у меня.

— Да, иметь мать и отца — это счастье, — с тоской произнес Цзянь.

По крайней мере, у Синьдэ были родители.

Старший ученик смотрел в небо, глубоко задумавшись.

— Семья — это не только мать и отец, муж и жена, родитель и ребенок. Отец считает меня лишь средством для передачи семейного имени. Мачеха перестала меня замечать в тот день, когда поселилась в нашем доме. Не кровь, а любовь и уважение создают семью. Иногда она возникает там, где не ждешь...

Старший ученик имел в виду Лунсянь — или нет? Цзянь ничего не понимал. При мысли о родителях, которых он

не помнил, ему стало больно и одиноко. Он решил поговорить о чем-нибудь другом.

— А что такого сделал Кейро? Я никогда не видел, чтобы вас мог так подкосить один удар. На занятиях вам доставалось и сильнее!

Синьдэ грустно улыбнулся и постучал себя по виску.

— В том-то и штука. Занятия и турниры — это все понарошку, не всерьез. Там есть правила и ограничения. Участники по большей части не хотят покалечить друг друга. Уличные драки — совсем другое дело. Ни судей, ни правил, ни ограничений, ни защитных жилетов. Оружие настоящее и очень острое. До сих пор мне везло. Репутация спасала меня от участия в уличных стычках. Я просто приходил и приказывал драчунам разойтись. А когда все-таки приходилось драться, я оставался целым и невредимым. — Его голос дрогнул. — Мне ненавистно насилие, Гиро, и я с детства боюсь драться. Отец думал, что Лунсянь избавит меня от страха. Я тоже так думал. У меня даже родилась одна уловка. Когда завязывалась настоящая драка, я внушал себе, что это турнир. Но когда Кейро схватился за саблю, убедить себя не удалось. Я испугался... и оказалось, что этот фокус больше не работает. Что-то внутри меня сломалось.

Цзянь старательно смотрел в сторону. Что сказать человеку, который признался в собственной трусости? Он всегда считал Синьдэ храбрецом. Старший ученик был сильным и смелым, его все боготворили. Половина учеников Лунсяня мечтала стать таким, как он, а другая половина — сражаться рядом с ним. Возможно, Синьдэ нуждался в том, чтобы ему об этом напомнили. Цзянь мог сказать ему, что он ошибается, что он вовсе не трус. Или даже помочь Синьдэ преодолеть себя. Не потому ли старший ученик признался? Не надеялся ли он, что Цзянь поделится личным опытом преодоления страха?

Но больше всего Цзяню хотелось изобразить немного и просто переждать этот неприятный разговор. Сделать

вид, что ничего не произошло. Он мучительно рылся в своих мыслях и в конце концов сказал первое, что пришло на ум:

— Ого... это скверно. Сочувствую.

К его удивлению, на лице Синьдэ отразилось искреннее облегчение.

— Спасибо, Гиро.

Цзянь вопросительно склонил голову набок. А старший ученик продолжал:

— Так приятно встретить человека, который не думает, что мне непременно надо измениться. Так приятно наконец кому-то признаться.

Цзянь ничего не понимал. На его взгляд, Синьдэ надо было измениться... но Цзянь промолчал.

Старший ученик тяжело вздохнул:

— А ты, Гиро? Что за тайну ты хранишь? Я помню ту драку. Ты уж точно не новичок.

Теперь Цзяню настала очередь объясняться; хоть он до некоторой степени и доверял Синьдэ, но знал, что открыть всю правду нельзя. Они обменивались секретами, но есть разница между «я трус» и «я главный предмет поклонения нашей религии».

Тайши предупредила его, что он не умеет врать. Поэтому Цзянь решил сказать правду — но далеко не всю.

— Вы правы, — произнес он. — Я не тот, за кого себя выдаю. Меня преследуют, вот я и прячусь.

— Вряд ли ты шпион, — задумчиво сказал Синьдэ. — Приемам, которыми ты владеешь, не учат в местных школах. Ты как будто сочетаешь несколько стилей. Похоже, тебя обучали разные наставники.

Он неожиданно попал в точку. Цзянь вздрогнул.

— Возможно...

Синьдэ устремил на него внимательный взгляд, словно рассчитывал постичь истинную сущность Цзяня.

— Сын вельможи. Я так и знал. Руки у тебя слишком нежные для уличного мальчишки.

— Неправда! — воскликнул Цзянь, показывая обе ладони. — Вот мозоли!

Синьдэ фыркнул.

— Да, от оружия. И говоришь ты слишком правильно... — Он хитро улыбнулся. — Стало быть, я прав.

Впервые со дня прибытия в Цзяи Цзянь почувствовал себя важной особой.

— Возможно.

Синьдэ потер руки.

— Как интересно. Ты в родстве с кем-либо из князей?

Цзянь покачал головой.

— Ага. Когда ты говоришь «нет», это значит нет. Когда ты говоришь «возможно», это означает да. Твои родители — придворные Сунри?

— Нет. То есть... нет, вы правы. Нет.

Умный сукин сын.

Старший ученик в восторге продолжал:

— Значит, ты из другого княжества. Ты не похож на жителя востока, но, несмотря на возраст, достаточно опытен, чтобы задать Кейро трепку. Лауканские вельможи редко обучают своих детей военному искусству... — Синьдэ щелкнул пальцами. — Я видел, как ты, стоя на стене, указывал на север. Ты из Шуланя!

— Возможно...

Это было даже слишком просто.

Синьдэ улыбнулся.

— Ты говоришь, что тебя преследуют. Ты что, сбежал из дома? За тобой гонятся враги? — Он снова щелкнул пальцами. — Ну конечно. К тебе применили смертоносное касание, а значит, у твоей семьи могущественные недруги. Убийцы, которых послали за тобой, не были обычными бандитами. Но почему ты прячешься в школе боевых искусств, а не в семейном поместье?

Цзянь не верил своим ушам. Как далеко разошлись слухи! Прежде чем он успел ответить, Синьдэ продолжал:

— Ты скрываешься не в семейном поместье, потому что опасность пришла изнутри. — Он помедлил и склонился к Цзяню. — Тебя предали?

— Во... возможно, — поежившись, ответил Цзянь.

Синьдэ вдруг нахмурился и устремил на приятеля пристальный взгляд.

— Ты, случайно, не пропавший воин пяти Поднебесных, а?

Цзянь почувствовал, как вся кровь отхлынула от лица. Он попытался что-то сказать, но у него пересохло во рту. Стена под ним как будто пошатнулась.

И тут Синьдэ расхохотался.

Цзянь хихикнул в ответ.

— Ха-ха. Здорово пошутил.

Неужели по его лицу можно прочесть всю правду?

— Ничего страшного, — сказал Синьдэ. — Не хочешь — не говори. Ваш секрет под надежной защитой, господин Гиро.

Он хлопнул Цзяня по плечу и ловко спрыгнул обратно в сад.

— Послушайте, Синьдэ, — позвал Цзянь. — Вы всегда обращались со мной по-дружески. Почему? Я ценю вашу доброту... но я вам вовсе не нужен. Я никто. Зачем вы так стараетесь?

Синьдэ пожал плечами:

— Раз уж мы говорим начистоту, мастер Гуаньши сразу после твоего появления велел мне за тобой присматривать. Я сразу увидел родственную душу. Когда меня привезли в Лунсянь, я так же страдал, как страдаешь ты. Вот я и решил с тобой подружиться.

— Значит, мы друзья?

Синьдэ покачал головой.

— Нет, Гиро, мы не друзья. Мы братья. Что бы там ни думали другие, братьев не выбирают — и не отделяются от них запросто. Подумай об этом, прежде чем уйти. — Он повернулся и добавил: — Кстати, если ты по-прежнему намерен спуститься здесь, насчет дерьма я не шутил.

И Синьдэ исчез в ночи.

STONE HEDGE

ДЕЙСТВИЕ 3

Глава 33

Семейная скидка

Цисами проскользнула сквозь западные ворота Цзяи незадолго до того, как их закрыли на ночь. Она радовалась, что ей это удалось и можно было не проводить еще одну мучительно душную ночь под низко нависшим грозовым небом. Путешествие из храма Тяньди в Санбу, а затем в Цзяи выдалось неприятным даже по меркам Цисами. Заканчивалось лето третьего цикла, и погода никак не могла определиться — душлимая жара то и дело сменялась ледяным ливнем. Иногда в один и тот же день. Путешествовать во время третьего цикла было тяжелее всего. Как-то раз даже шел дождь из пиявок, которых, вероятно, вихрь подхватил на западе, в Цветочном море — точнее сказать, в Большом болоте, поскольку цветы погибли лет сто назад.

После восьми дней страданий Цисами очень хотелось кого-нибудь убить. Буквально. Она чуть не прикончила возчика, который все откладывал путешествие: его пугал хаос на дорогах, вызванный непогодой. Цисами заплатила ему вдвойне, чтобы добраться до Цзяи поскорее, и припугнула, что, если хотя бы одна лошадь не падет по пути — значит, он плохо старался. Она хотела пырнуть его в спину, когда повозка на полдня застряла в грязи, — это немного подняло бы

ей настроение, — но Котеуни и Бурандин удержали Цисами в основном потому, что никто не хотел править. Они были с двухдневной задержкой, и, к сожалению, все остались живы — и возчик, и лошади. Цисами утешала лишь мысль о том, что Тайши придется точно так же бороться с отвратительной погодой, чтобы добраться до Цзяи.

Важнее всего, конечно, было то, что они опередили Тайши. Они двигались не так быстро, как надеялась Цисами, но тем не менее успели бы снести башку драгоценному герою. А когда придет проклятый Шепот Ветра, у отряда заметно повысятся шансы выполнить и этот контракт. Хорошо, когда есть секретное оружие...

Цисами шумно выдохнула, когда они миновали внешние ворота, и облизнула губы.

— Мне нравится эта дыра.

Она говорила искренне. Цисами очень любила Цзяи. В этом командорстве, как в большинстве крупных городов, пахло дерьмом и страхом. Другого такого места Цисами не знала. В разгульном Алланто была своя прелесть — изысканная еда, любовные развлечения, прекрасная опера. Маньцзин, столица Лаукана, давал самый широкий выбор судоводных средств, не говоря уже о великолепных лапшичных. Но Цзяи представлял собой изысканную смесь городской нищеты и разбойничьей отваги.

Головокружительная атмосфера жестокости и отчаяния делала этот город особенным, выделяла среди остальных. Большинство солдат, наемников и военных искусников жили здесь только в промежутках между контрактами. Праздный искусник, как правило, глупый искусник. Добавьте сюда недавние беспорядки. Город буквально трясло.

Они шли всё дальше, врезаясь в толпу и не замедляя шага из-за олухов, которые не успевали убратсья с пути. Город никогда раньше не был таким людным.

Хаарен наклонился на ходу, изучая содержимое уличных лотков.

— Какое все дешевое.

— Победа в войне на руку этим недоумкам, — ответила Цисами.

Бурандин указал на вербовщика, который, стоя на обочине, записывал солдат. Окружавшая его толпа напоминала стаю пираний.

— Войско собирается.

Котеуни фыркнула:

— С кем они будут сражаться? Больше никого не осталось.

Бурандин пожал плечами:

— Всегда есть те, с кем можно подраться.

Они целый час двигались против течения толпы, пока не достигли квартала Ониксовый Цветок. Как только они миновали ворота, Цисами отделилась от своего отряда.

— Снимите комнаты вон в той гостинице — там прекрасно готовят патбинсу*. Пусть ужин подадут к тому времени, когда я вернусь. Побольше фруктов. Мне надоело жрать картошку и вяленое мясо. Этот священный сосуд, — она указала на себя, — нужно наполнить здоровой пищей. Цанг, раздобудь опиума, да получше, не уличную дрянь.

— И мне, — сказал Хаарен.

Котеуни и Бурандин тоже решили присоединиться.

— А ты куда, Кики? — спросила Котеуни.

— Мне надо кое с кем встретиться. А вы вымойтесь и отдохните. От вас несет, как из уборной. Ждите извещения и будьте готовы.

— Так все-таки — отдыхать или быть настороже? — уточнил Бурандин.

— Конечно, отдыхать. Но если вы не прибежите, когда я позову, я с вас живьем шкуру спущу.

Вскоре Цисами оказалась на тихой улочке, вдоль которой росли аккуратные живые изгороди и затейливо подстриженные деревья. Не считая стука лошадиных копыт

* Патбинсу — корейский национальный десерт. Представляет собой измельченный лед со стружкой из красной фасоли. Также иногда добавляют фруктовую стружку.

по гладкой мостовой, стояла тишина. Даже уличных торговцев не было видно. По тротуарам ходили празднично одетые прохожие — они отмечали молитву Десятого дня. Пахло цветами.

Цисами сделала глубокий вдох.

— Люблю запах богатства.

В квартале Ониксовый Цветок жила преимущественно знать и богатые купцы. Вдоль улиц тянулись красивые особняки и сады, на перекрестке высился двухъярусный фонтан. Цисами повернула направо и вышла на торговую улицу, где со стоявших попеременно розовых и белых магнолий свисали десятки разноцветных фонарей.

Цисами усмехнулась, когда стражник, мимо которого она проходила, поклонился ей. Прежде чем войти в городские ворота, отряд не поленился сменить дорожную одежду на изысканные наряды. Стражники у внешних и внутренних ворот бросали один взгляд на дорожный плащ Цисами и платье под ним и сразу понимали, к какому обществу она принадлежит. Простолюдины не путешествуют в шелках.

Она достигла места назначения — на деловом трехстороннем перекрестке в центре квартала. Цисами спешила и бросила поводья слуге. Оправив платье, она подала руку другому слуге, который ввел ее по трем ступенькам в непримечательное черное здание, помещавшееся между портняжной мастерской и пекарней. Здание было простое, без всяких табличек и вывесок; намеком на подлинную суть этого заведения служили лишь непристойно яркие двери, отполированные ежедневными прикосновениями до ослепительного блеска.

Хозяйка подозрительно взглянула на Цисами, обратив особое внимание на богатое, искусно расшитое красное платье, которое облегло тело и волоклось шлейфом по полу, собирая грязь. Она отметила и растянутую пуговицу на правом плече, и разрез, доходивший до бедра.

В глазах хозяйки читалась неуверенность. Гостя явилась для удовольствия или в поисках работы? Цисами улыбнулась

и, покачивая бедрами, приблизилась. Пусть хозяйка сделает неверный вывод. Та, видимо, решила, что с просьбой о зарботке человек не станет являться в дорогушем платье. Вялым взмахом руки она приветствовала Цисами.

— Добро пожаловать в «Колеблющуюся иву и хвост девицы». Столик? Вина?

— Я пришла к Черной Вдове.

Хозяйка немедленно раздвинула перед ней занавеску.

— Сюда, госпожа.

Плащ соскользнул с плеч Цисами в то самое мгновение, когда его подхватил очередной слуга. Она прошла вслед за хозяйкой за занавеску и оказалась в длинном коридоре, разделенном доходящими от пола до потолка драпировками.

Десятки фонарей и люстр висели на потолке и на стенах, превращая коридор в сказочную пещеру. В воздухе густо висел запах опиума и духов. Завитки дыма окружали мебель и щекотали ноздри. Цисами помахала рукой перед носом, однако это ничуть не помогло.

По пути она считала людей. Вышибалы с обтянутыми тканью дубинками стояли на страже через каждые несколько шагов. Мимо скользнули несколько подавальщиц и откровенно одетых компаньонов — некоторые льнули к пожилым, богато одетым мужчинам, как муравьи к гнилому мясу.

Коридор заканчивался переполненной гостиной с маленькими круглыми столиками и стульями. Вдоль стен тянулись скамьи, в дальнем конце комнаты виднелась длинная стойка. Хозяйка шла вперед, даже не стараясь убедиться, что гостя следует за ней. Она вела Цисами в самый дальний угол.

Хозяйка отодвинула прозрачную занавеску, закрывавшую скамью, и за ней оказался массивный бородатый мужчина в вычурном красном платье, со сверкающими блестками на манжетах. Вышитое туловище золотого дракона с разинутой пастью, служившей воротником, несколько раз обвивалось вокруг плеч и пояса мужчины, хвост доходил до паха. Это была крикливая роскошь.

Мужчина, который сидел, обняв сразу двоих — миловидного юношу и женщину, — оглядел Цисами с головы до ног и прищурился.

— Сука.

— На себя посмотри, — сказала Цисами и неохотно добавила: — Ты шикарно одет, Эйфань.

Мужчина, известный как Черная Вдова, оправил платье и произнес тем же тоном:

— Ты тоже ничего.

Она окинула взглядом собственный наряд, который был поразительно похож на платье мужчины.

— Какая досада. Надо было как-то уж договориться. А то мы похожи на танцовщиков из одной труппы среднего пошиба... — Цисами замолчала и нехорошо прищурилась. — Ты сделал это нарочно.

Эйфань ухмыльнулся:

— Ты правда думала, что сможешь проникнуть в квартал Ониксовый Цветок без моего ведома? Цзяи — моя территория, Кики. Мне надоело, что ты пытаешься превзойти меня каждый раз, когда мы оказываемся рядом. — Он повернулся к юноше. — Поддай моей гостье сливового вина.

— Ты же знаешь, что за работой я не пью.

Черная Вдова подозрительно огляделся.

— Разве ты за работой?

Она приняла напиток и велела:

— Убирайтесь.

Юноша и женщина торопливо вышли, а Цисами села рядом с Черной Вдовой.

— Послушай, — возразил Эйфань, — я с ними еще не закончил.

— Налей себе вина, ленивый краб.

Он прищелкнул языком.

— Ну нет. Ты что, принимаешь меня за простолюдина?

— Я знаю ту пропитую крысу, которую ты зовешь мамашей. Ты проще пареной репы.

— Только потому, что твой богатый отец — бессердечный негодяй.

— Не спорь, мужлан.

— Учти, ты говоришь с вельможей. Цзяи — моя земля, а я — владыка Сети.

Цисами усмехнулась:

— Похоже на поддельный титул.

— Да как ты смеешь! — негодуяще возразил Эйфань и указал на кувшин. — Ну-ка, займись делом. Наполни мой бокал и не пролей ни капли.

Цисами захотелось пролить хотя бы несколько капель его крови.

— Ты все так же требователен.

— А ты расхаживаешь по кварталу Ониксовый Цветок в чужом платье.

— Я убила ее мужа, и она осталась без средств к существованию. Самое малое, что я могла сделать, — купить у нее платье. Вряд ли она еще собиралась его носить.

Эйфань осушил бокал и потянулся через голову Цисами к кувшину.

— Раз уж ты не намерена мне услужить...

Она терпеливо ждала. Черная Вдова одним плавным движением наполнил бокал, осушил его, поставил на стол и пошевелил пальцами.

— Ну, что принесло сюда мою любимую тень-убийцу?

Так называемая Сеть, к которой принадлежал Черная Вдова, представляла собой самую большую шпионскую организацию в мире. По слухам, ее создал император Сюй Цзы Нань век назад по финансовым причинам. Возможно, это была самая большая ошибка, совершенная императором Сюй Цзы Нанем за время его короткого и довольно-таки неудачного правления. Император считал себя превосходным правителем и полководцем — и зря. Государство шесть лет подряд терпело непрерывные поражения на поле боя, перенесло два экономических краха и долгий голод, прежде чем катуанская стрела в глаз выручила чжунцев. Шелковые

Руки не дали Сети захиреть и распасться: объединившись, они превратились в наемников, которые использовали свои обширные связи для приобретения богатства и власти. Когда преемник Сюй Цзы Наня попытался исправить ошибку и вернуть Сеть под контроль империи, было уже слишком поздно.

— Я ищу одного человека.

Эйфан зевнул.

— Ты впервые за долгое время приходишь ко мне только потому, что кого-то ищешь? Вот скуотища. Дай-ка угадаю — тебе нужен Зобу?

— За него я уже получила награду.

— Хамбао?

— Тоже.

— Трехногий Настоятель?

Цисами высунула язык.

— Я похожа на обыкновенного бандита?

— Мандариновая Лиса?

Цисами сделала вид, что ее тошнит.

— Перепоручила.

Эйфань энергично кивнул:

— Мудрое решение. Пастухи такие неуравновешенные...

Он откинулся на спинку, сомкнул ладони и пошевелил пальцами. Все движения Черной Вдовы были подчеркнута театральны.

— Ну, раз это не Лиса и не Настоятель, чем еще Цзяи может привлечь тень-убийцу твоего ранга? — Глаза у него сверкнули. — Жертва при княжеском дворе? Какое-нибудь давнее нераскрытое дельце?

Черная Вдова разглядывал Цисами, постукивая себя по черепу, и вдруг глаза у него расширились.

— Неужели ты по-прежнему охотишься за наградой, которую обещали за Предреченного героя? Это же давняя история. Все уже о ней забыли.

— Теплее, — признала Цисами.

Эйфань прекрасно понимал намеки — потому-то он и заправлял Сетью в Цзяи. Цисами обладала отличной реакцией и страстным желанием убивать, а он — умением внимательно слушать и разбираться в людях. Она старалась сохранять бесстрастное лицо, и это было столь же красноречиво, как если бы она во всеуслышание выкрикнула имя жертвы.

— Я знал, что это лакомый кусочек, — хрюкнув, произнес Эйфань. — Пойдем, обсудим наше дело наедине.

Цисами окинула взглядом проходившую мимо красивую женщину.

— А здесь почему нельзя?

Эйфань фыркнул.

— Ты серьезно? «Хвост девицы» — излюбленное место всех шелкопрядов Цзяи. Брось нож — попадешь в шпiona. — Он обозрел комнату. — Я могу насчитать... шесть, семь... девять человек, которые действительно пришли за развлечением и выпивкой. Остальные — шелкопряды, которые продадут тебя с потрохами. Пошли, я снял отдельную комнату.

Цисами прищурилась:

— Если ты снял комнату, зачем же сидишь здесь вместе с этими простолюдинами?

Эйфань пожал плечами:

— Я люблю легкий шум. И... здесь можно кое-что услышать. Ты удивишься, но многие шелкопряды страдают словесным недержанием.

— Разве перепродавать краденые сведения честно? — Цисами погрозила пальцем. — Разве все вы не в одной лодке?

— О, разумеется, но лишь до первой волны.

Он вышел в задний коридор, который был совершенно неприметен для глаз.

— Видишь ли, если человек по неосторожности позволяет себя подслушать, любой шелкопряд, заполучивший эти сведения, вправе их продать. Процент они дерут изрядный, но в конце концов все выигрывают... так или иначе.

— Как?

— В двух смыслах, — объяснил Черная Вдова. — Во-первых, сведения — самый дорогой в мире товар, который, кроме всего прочего, можно бесплатно воспроизводить. Чистая выгода.

Они шагали по коридору, который как будто сужался, по мере того как они заходили все дальше. Эйфань внезапно остановился и открыл потайную дверь, которую Цисами даже не заметила.

— Во-вторых, это обоюдоострый меч, — продолжал Черная Вдова. — Потому что сведения надлежит бдительно охранять. Болтливому шпиону никто не доверит секрет, а без секретов, которые можно продавать, мы всего лишь прячущееся в шкафах отребье.

Цисами вошла вслед за ним в комнату с мягкой обивкой на стенах. В ней стояли глубокие кресла и резной квадратный столик черного дерева, в дальнем углу виднелась уютная кушетка. Цисами предположила, что этот укромный покой создан для любителей особых развлечений. Неудивительно, что воздух там был неподвижен. Ее голос звучал приглушенно. В следующее мгновение появились те же юноша и женщина — они принесли новый кувшин вина и поднос с фруктами, поставили то и другое на стол, поклонились и ушли.

Цисами потрогала толстую мягкую обивку.

— Похоже, ты устраиваешь тут веселые вечеринки.

— К сожалению, это теперь не допускается. Отмывать ткань очень сложно, — ответил Черная Вдова и устроился в кресле. — Ну, так чем я могу помочь прекрасной и смертоносной Мацзе Цисами?

— Я ишу мальчишку лет шестнадцати. Он прибыл в Цзяи в прошлом году, обучен военным искусствам и, по слухам, ведет себя как вельможа. Длинноволосый, худой. На груди, возможно, след смертельного касания.

Эйфань поднял бровь.

— А ты не шутила насчет Предреченного героя. Он правда здесь, в Цзяи?

Цисами пропустила вопрос мимо ушей.

— Можешь его найти?

Черная Вдова фыркнул:

— Нет того, кого бы я не смог найти в своем городе. Но это тебе недешево обойдется.

— Разумеется. — Она полезла за кошельком. — Сколько?

— Пять связок золотых лянов, — с наигранной небрежностью ответил Эйфань.

Цисами открыла рот. Будучи тенью-убийцей, она хорошо зарабатывала, некоторые бы даже сочли ее богатой — но все-таки она была не из тех богачей, кто запросто растопчет лошадью ребенка ради забавы.

— Безобразие. Пять связок — это половина награды, обещанной за мальчишку.

Черная Вдова подмигнул:

— Значит, мы партнеры.

Она вспыхнула:

— Я совершенно не против того, чтобы обогатиться вместе, но это суший грабеж.

— Цена сведений всегда зависит от их важности, — объяснил Эйфань. — В данном случае нет буквально ничего ценнее местонахождения героя Тяньди.

— Не глупи, Эйфань. Будь у меня столько денег, я бы не шныряла по этой гнилой дыре, отслеживая сопляка с наколотым на задницу священным пророчеством.

На лице Эйфана отразилась холодная расчетливость. Он выставил подбородок и стал похож на барсука, подкрадывающегося к курятнику.

— Я тебя вырuchu, Цисами. Только из любви. Такая скидка бывает раз в жизни. Давай сейчас всего одну связку золотых лянов. Остальные четыре заплатишь потом, когда получишь награду. Мы оба выиграем.

— Я с самого начала отслеживала мальчишку. Нельзя просто навязаться мне и требовать половину! — гнев Цисами усиливался. — Я выполняю всю грязную работу и рискую шкурой, ты, безмозглый, накурившийся опиума, безвкусно одетый павлин!

— Ты грубишь, — заметил Эйфань, отхлебнул вина и воздел палец в воздух. — Есть и еще кое-что.

Цисами прищурилась:

— Что?

— Пойми меня правильно, Кики, — бодро продолжал Эйфань. — Я считаю, что ты лучшая в своем роде и прекрасно справишься со своей задачей, но... — он выразительно помолчал, — ...но есть крошечная вероятность, что ты *не* справишься. Я вынужден это учитывать. До некоторой степени руки у меня связаны. Поскольку за тобой право первенства, я дам тебе три дня, чтобы выполнить договор. После этого мне придется продать эти сведения кому-нибудь еще...

Рука Цисами жила собственной жизнью. Не успев задуматься, она воткнула черный нож ему в брюхо. Оба удивленно переглянулись, а потом Эйфань содрогнулся.

— Цисами, какого дьявола? Ты моя двоюродная сестра, я нянчил тебя в детстве! Лучше бы я утопил тебя в ночном горшке! — Он булькнул и вытер кровь, которая потекла у него из рта. — Ты же знаешь, что мне плохо от вида крови!

Цисами не собиралась этого делать, но все произошло как бы само собой. Не выпуская рукоятки ножа, она сказала:

— Значит, надо было сделать мне семейную скидку. А теперь ты расскажешь все, что знаешь. Когда я получу награду, то уплачу тебе одну связку золотых лянов, я ведь не воровка. И я не выпотрошу тебя прямо сейчас только ради того, чтобы твоя мамаша не отзывалась обо мне дурно на семейных сборищах. Иначе придется убить и ее, испортив праздник. Договорились?

Эйфань застонал и заизвивался.

— О-о... из меня кровь хлещет, как из зарезанной свиньи! Я тебя разве не предупреждал, что обивку трудно отмыть?

— Не шевелись, от этого кровь течет сильнее. И кстати, не вздумай болтать.

— Я умираю, — заскулил Черная Вдова и попытался позвать на помощь.

Цисами слегка повернула нож. Звуконепроницаемая комната — это очень полезно. В конце концов, как она и рассчитывала, Эйфань проявил благоразумие, а договор был заключен. Цисами вышла из «Колеблющейся ивы и хвоста девицы» в приподнятом настроении; она не только заплатила меньше, чем ожидала, не только получила необходимые сведения, но и заручилась поддержкой Сети на все время своего пребывания в Цзяи. Не зря она питала к Эйфаню родственную слабость. Он бывал таким милым.

Напевая, Цисами вышла из дома, по пути шикнув на хозяйку. Все-таки это платье нужно было выбросить.

Она нацарапала у себя на руке: «Добыл опиум?»

«Да. И нашел место, где подают суп из акульих плавников».

Воистину, вот это неожиданная новость. Жизнь налаживалась.

Глава 34

Подготовка

Сали в одиночестве сидела на балконе «Пьяного монаха», глядя на главную улицу квартала Розовый Хребет. Хозяин трактира и вышибала уставились на нее, когда она вошла, но не стали беспокоить. Сали достала кошелек с лянami, и сразу же мужчины стали рады услужить ей, как любому другому посетителю.

Подавальщица, полная женщина с внешностью строгой хозяйки, долила Сали кружку далеко не сразу — впрочем, она ни к кому из посетителей особо не торопилась. Сали вежливо поблагодарила ее и продолжила наблюдать за улицей, особенно за ярко-желтой дверью в доме напротив.

Наконец появились Даэвон и Мали. Она прищурилась, когда они, держась за руки, перебежали улицу. Здесь они открыто выражали свои чувства, гораздо откровеннее, чем

в Незре. Сали была готова предоставить парочке определенную свободу, но они явно испытывали ее терпение. Что дальше? Они поженились, не спросив разрешения?

— Похоже, жизнь ему не особо дорога, — пробормотала Сали, сделала слишком большой глоток узуйжо и обожгла язык.

Мали и Даэвон появились на балконе, по-прежнему держась за руки. Они сели и прильнули друг к другу.

— Далеко нас не пустили, — пожаловалась Мали. — Они не принимают на обучение катуанцев.

— Разумеется. Я бы сама скорее умерла, чем стала обучать оседлых приемам Броска Гадюки, — сказала Сали и внимательно взглянула на них. — Не то что наши жестианщики, которые оказывают услуги врагам.

Веточка не смутилась.

— Праведный гнев побереги на потом. У тебя всегда есть возможность оружием проложить себе дорогу. А мы, ремесленники, не намерены умирать, если механизм откажет.

— Я тоже не хочу, чтобы вы умерли, — признала Сали. — Ну, что вы видели?

Даэвон достал переплетенную в кожу тетрадь для набросков и угольным карандашом провел несколько перпендикулярных линий.

— Ворота ведут в открытый внутренний двор. Строения слева смыкаются с главным зданием. Крыша соединяет два ряда зданий, дорожка между ними ведет на задворки. Справа — кусты и деревья, на полпути к задней стене — пруд. Фонари здесь, здесь и здесь.

Мали добавила:

— Угловое здание — это, видимо, кухня. Здесь трубы... — Она огляделась. — А где твой щеночек?

— Пошел на разведку в переулок. — Сали осушила кружку и внимательно посмотрела на рисунок. — А кто-нибудь видел мальчишку внутри?

Даэвон вырвал лист из тетради и протянул ей.

— Нет, но Йунса работает рикшей. Он несколько раз возил учеников, которые постоянно о нем болтали.

Сали неохотно признала, что Даэвон свое дело знает. Он был внимателен, сосредоточен и бесстрашен. Ее мать сказала бы, что Даэвон обращает внимание на каждую прожилку в стволе.

Сали оставила чаевые, и все трое вышли из «Пьяного монаха». Они шли переулками и задними дворами, избегая толпы и стараясь не привлекать внимания. Розовый Хребет славился своими школами боевых искусств, и военные тоже нередко селились здесь, поэтому на улицах квартала попадалось мало катуанцев. А те, кто попадался, привлекали нежелательные взгляды.

— Сколько человек? — спросила Сали.

Мали сияла, как гордая мать тройняшек.

— Сегодня утром перевалило за тысячу.

Сали прикусила язык. Их внезапный успех оборачивался бедой. Как вывести из города такую толпу?

Даэвон быстро добавил:

— Примерно пятая часть намерена остаться. Они просто хотят нам помочь и наплевать в лицо чжунцам.

Он понимал, как трудно перемещаться такой большой толпе. Прятаться и отбиваться от солдат — поддела. Всех этих людей также нужно было кормить и перевозить. Скучных припасов не хватило бы даже на три дня, а путь до Травяного моря занимал куда больше времени.

Они вышли на главную улицу, а потом срезали дорогу и миновали ворота квартала Шафрановая Догма. Их беседу заглушал уличный шум. Они шли, опустив головы и стараясь держаться в тени, пока не добрались до Катуанского квартала, целыми и невредимыми.

Несколько человек кивнули Сали, в том числе Соа, ее любимый уличный торговец, который счел необходимым перенести свой лоток поближе к гостинице. Сали теперь все знали, и количество катуанцев, входивших в гостиницу и выходивших из нее, уже вызывало подозрения.

Достаточно было одному любопытному стражнику увидеть этот поток и почуять неладное.

К счастью, хозяин гостиницы Эсун тоже принадлежал к подполью — он открыл для заговорщиков заднюю дверь и предложил им занять два верхних этажа. Первый использовали как склад припасов для предстоящего бегства, а второй превратили в штаб-квартиру.

Хампа сторожил на лестнице. Приложив кулак к груди, он поклонился.

— Наставница...

— Перестань кланяться каждый раз, когда видишь меня, — буркнула Сали.

В первые несколько дней это было приятно, но теперь ей хотелось треснуть Хампу головой о стенку. Он называл ее словом, которое редко использовали вне торжественных церемоний, например похорон. Сали сама так говорила, когда только вступила в секту, пока Алина под угрозой побоев не приказала обращаться к ней «сестра». Сали еще больше полюбила за это свою наставницу, однако была не готова оказать такую же честь мальчишке.

— Как дела, Хампа?

— Новая одежда уложена, сапоги вычищены, дорожный мешок собран. Твой любимый торговец уже приготовил обед.

Сали вовсе не это имела в виду, когда задала вопрос. Она вздохнула.

— Соа слишком бесцеремонен. И... что за новая одежда?

— Портной с Цветочной улицы решил, что предводительница катуанского подполья заслуживает наряда, достойного ее положения.

Сали закатила глаза. Каждое слово в этой фразе звучало гнусно.

— Поздравляю с повышением, Крапива, — язвительно сказала Мали.

— Прекрати ухмыляться, пока я не засунула тебя в мешок.

— Кто бы сомневался, ты всегда готова прибегнуть к силе.

Они перешли в комнату рядом с покоем Сали. Здесь был импровизированный зал Совета. Сали приветствовала небольшую группу людей, собравшихся вокруг кровати, превращенной в походный стол. Любая организация, будь то город или шайка грабителей, нуждается в управлении. Те немногие, кто собрался здесь, поддерживали подполье на плаву.

Сали встала в изножье кровати.

— Нас стало больше, но рук, чтобы нести все припасы, не хватает. Как обстоят дела с повозками?

— Шестнадцать рикш и девять фургонов. Паоло работает на конюшне Цюань Са. Он говорит, что может угнать пятьдесят лошадей, но времени у него будет мало, — ответила старуха по имени Самайя.

По слухам, некогда она была первой красавицей и бесстрашной воительницей. Мать Сали восхищалась ей в детстве. Самайя не желала возвращаться в Травяное море, но хотела сражаться любым доступным способом.

Сали принялась считать в уме.

— Пятьдесят лошадей — это восемь фургонов. Мало, но... что поделаешь. Самыми трудными будут первые несколько дней. Нам придется сделать крюк на юго-восток. Дорога пойдет вверх постепенно. Мы сломаем повозки, чтобы преградить солдатам путь, как только доберемся до Шиньюнских гор.

— Сколько человек намерены уйти? — спросил бородач, сидевший рядом с Самайей. Он, казалось, был потрясен. — Мы рассчитывали только на шестьсот.

— Со вчерашнего дня людей стало почти вдвое больше, — ответила Мали.

Мужчина побледнел.

Даэвон изучал карту.

— Мы не пойдем через Драконью Пасть?

Сали провела пальцем по карте вдоль узкой тропы слева от Драконьей Пасти.

— С таким количеством народу мы ни за что не опередим охотников. Наш единственный шанс — оторваться от них на этих тропах, которые ведут вдоль Пасти. Здесь целый лабиринт проходов, по которым можно двинуться на восток. Мы ими пользовались для набегов на чжунские земли. Они заросли лесом, и там удобно обороняться.

Самайе, похоже, не нравилось то, как разворачивались события.

— Уйдет три недели, если не четыре и не пять, чтобы добраться до Травяного моря с такой толпой. Если вы вообще доберетесь. Клади еще несколько дней на подготовку. Иначе люди умрут от голода или замерзнут, прежде чем вы достигнете Травяного моря. Это неподходящее время года для путешествий.

А еще Сали нужно было убить Предреченного героя. Хотя ей страшно не хотелось это признавать, уничтожение угрозы она считала важнее бегства из Цзяи. Сальминдэ — Воля Хана, как любой другой верный катуанский воин, сосредоточилась бы исключительно на том, чтобы прикончить мальчишку. Сальминдэ — дочь Незры должна была переправить людей в безопасное место, где они могли бы начать новую жизнь. Сали — Бросок Гадюки не могла допустить провала обоих замыслов, хотя прекрасно понимала, что времени и сил хватит на осуществление только одного.

К сожалению, преуспеть в одном деле почти наверняка означало обречь другое на неудачу. Если Сали поведет беглецов в безопасное место, ей вряд ли удастся вернуться в город и убить Предреченного героя. Но как только катуанец убьет чжунца, горожане переполошатся и запрут ворота, сделав бегство невозможным.

Если только...

Она побарабанила пальцами по столбику кровати.

— Как скоро мы сможем уйти?

Самайя пожала плечами:

— Дай нам еще день или хотя бы восемь часов. А лучше несколько дней.

Сали повернулась к Даэвону:

— Твои люди следят за мальчишкой?

Он кивнул:

— Йунса — перед домом, двое — в переулке.

— Хорошо. — Сали постучала пальцем по карте. —

Действуем так. Как только мы убедимся, что мальчишка в школе, то нападём на нее и сделаем так, чтобы нашему Хану больше ничего не угрожало. В то же время устроим в городе пожары. Тогда подпольщики незамеченными выйдут через южные ворота и под покровом ночи направятся к горам, прежде чем солдаты успеют спохватиться.

Ответом ей было молчание. Даэвон скрестил руки на груди.

— У нас, жестянщиков, есть поговорка. Сколько шестеренок может сломаться, столько и сломается.

— Одна поломка погубит весь механизм, — добавила Мали.

— Знаю, — ответила Сали. — Но другого способа достичь обеих целей нет.

— А как же ты? — спросила Мали. — Как же ты выберешься, если застрянешь в центре города, когда остальные убегут?

— Набег на школу устроим сразу после вашего ухода. Убив Предреченного героя, мы выйдем вслед за вами через южные ворота и нагоним вас. Я не собираюсь возиться целую ночь. — Сали придвинула к себе карту, которую нарисовал Даэвон, и некоторое время ее изучала. — Для нападения на школу мне нужны двадцать лучших бойцов. Сколько в таком случае останется для защиты подполья?

Даэвон задумался.

— Считая меня? Человек восемьдесят, может, сто.

— Ты не считаешься.

— Я могу вести людей и отбиваться.

— Ты даже из мышеловки не сумеешь выбраться. Мне нужны настоящие воины.

— Я...

— Семьдесят, — перебила Мали. — Это считая стариков, давно сложивших оружие. Есть еще внушительная компания молодых людей, которым не терпится доказать свою храбрость.

Сали нахмурилась:

— Возьмите лучших, приведите их сюда, и пусть будут готовы действовать немедленно по сигналу.

Хампа, стоя в дверях, отсалютовал.

— Я буду одним из этих двадцати, хорошо?

В его голосе явственно звучало отчаяние.

К слову, о молодых людях, которым не терпелось доказать свою храбрость. Сали хотелось поставить юношу на место, но тут она вспомнила собственные годы ученичества. За время своего короткого пребывания в Цзяи она почти ничему не успела научить Хампу. Он был силен и не лишен способностей, но слишком горяч и неопытен. Сали когда-то сама была такой же неопытной — и куда более горячей.

— Конечно, Хампа.

Нет, она не собиралась им жертвовать.

— Будешь охранять задний переулок.

Даэвон встал.

— Я об этом позабочусь. Значит, найти девятнадцать человек?

— Только тихо. — Сали поймала его за рукав, притянула к себе и прошептала: — Двадцать.

Она сидела на совете еще два часа, то задремывая, то просыпаясь. У нее никогда не хватало ни способностей, ни терпения, чтобы заниматься предварительной подготовкой. Если бы она хотела возиться с припасами и повозками, то не сделалась бы Броском Гадюки.

Сали пробудил стук шагов. Она вскочила и схватилась за рукоятку кнута, когда в комнату влетели Мали и Даэвон.

— Беда! — хором крикнули они, тяжело дыша.

— Скажите спасибо, что я сначала думаю, а потом бью. Что случилось?

— Ариун идет сюда со своими дружками из Совета, чтобы тебя арестовать! — воскликнула Веточка, кипя яростью.

— Он говорит, что ты виновна в подстрекательстве к мятежу, — добавил Даэвон, складываясь пополам, чтобы отдышаться. — Каждый, кто тебя увидит, обязан донести Совету!

Сали пожала плечами:

— Он прав. Именно этим я и занимаюсь.

— Они идут за тобой! — умоляюще воскликнула Мали. — И вот-вот будут здесь!

Сали вздохнула:

— Глупец. На чьей он стороне? Впрочем, неважно. Он нам не помешает.

Даэвон понизил голос:

— Он выдаст тебя чжунцам.

— Не посмеет.

На лице юного жестянщика отразилось сомнение.

— Всем известно, что Совет Незры против нашего побега.

— Ты дождешься Ариуна? — спросила Мали.

Сали прикинула последствия возможной стычки и покачала головой.

— Незачем разделяться. Мы здесь надолго не останемся. Я выберусь через окно.

— И еще кое-что, — сказала Мали. — Надсмотрщик в поместье наткнулся на наших людей, которые прятали зерно.

— Он что-то заподозрил? Мы можем заплатить ему за молчание?

— Его убили.

У Сали все оборвалось в животе.

— Ваши люди убили одного из надсмотрщиков генерала Цюань Са?

— Работники испугались, — объяснила Мали. — Они не знали, что делать.

Сали сжала кулаки.

— Значит, времени в обрез. Скоро убитого хватятся, и тогда чжунцы начнут задавать вопросы.

Самайя вмешалась:

— Прошу прощения, Бросок Гадюки, но нам по-прежнему нужно, самое малое, восемь часов.

— А герой?

— Он покидает школу каждые несколько дней, возвращается к вечеру и никогда не выходит после наступления темноты, — сказал Даэвон. — В последний раз его видели вчера.

— Обойдемся тем, что есть.

Сали взвесила все за и против и подумала, что выбор невелик. Она посмотрела на солнце, высоко стоявшее в небе, и пришла к единственно возможному решению.

— Действовать будем сегодня.

— Что? — одновременно спросили Даэвон и Мали.

— Ничего не остается. Уходить нужно сегодня, — твердо повторила Сали. — Известите всех. Как угодно, но люди должны быть готовы. Пусть те, кого выберут для нападения на школу, встретятся со мной в «Пьяном монахе».

Даэвон кивнул:

— Я все устрою.

— Мы не успеем собрать все припасы в одном месте, — предупредила Самайя.

— Значит, возьмем что можно, — сказала Сали и повернулась к сестре. — Как только увидишь сигнал, выводите людей через южные ворота. Главное, не останавливайтесь. Идите без отдыха, пока не достигнете гор. Я вас догоню.

Сестра бросилась ей на грудь.

— Не отставай слишком сильно, Сальминдэ.

Сали крепко прижала ее к себе.

— Я проделала этот путь не для того, чтобы умереть теперь, Веточка. — Она отстранилась и почувствовала в себе небывалую решимость. — Не будем тратить время даром. Мы идем домой!

Глава 35

Прозрение

Договор с Эйфаном начал окупаться немедленно. На следующий день прибыл посыльный. Шелкопряд начал тянуть за многочисленные нити, и Цисами получила сразу три возможных намека на местопребывание героя Тяньди.

Первым был принц-сирота, живущий в сточных туннелях. Этот юнец собрал всех уличных крысят и превратил их в настоящую преступную организацию. Сотни беспризорников по заранее обдуманному плану нападали на уличных торговцев, вымогали деньги и грабили торговые повозки.

Цисами не понадобилось много времени, чтобы затащить в ближайший переулок первого попавшегося уличного оборвыша и выудить из него признание. Она быстро выяснила, что принц-сирота на самом деле обслуживает гильдию торговцев рисом, которая борется с конкуренткой — гильдией изготовителей лапши. Торговцы едой были настоящими головорезами.

Вторая нить вела к приемному сыну одного вельможи при дворе Сунри. В знатных семьях нередко усыновляли детей, но этот вельможа был еще молод и не женат, а так называемый сын — всего на несколько лет его младше. Потому-то Сеть и заподозрила, что вельможа прячет героя Тяньди. Котеуни и Бурандин потратили полдня на то, чтобы пробраться в поместье, но героя там не обнаружили..

Теперь Цисами исследовала последнюю нить. В городе ходили слухи об обучающемся в школе боевых искусств мальчишке, который внезапно выказал удивительное умение. Он прибыл в город всего год назад, и у него не было никакой родни. Эйфань заверил Цисами, что сведения надежные. С другой стороны, до определенного момента он так же твердо был уверен, что она его не пырнет. Иными словами, всегда оставалось место сомнениям.

Цисами направилась в квартал Розовый Хребет, который казался особенно бедным и вонючим после пребывания в Ониксовом Цветке. Скоро ей удалось отыскать так называемую Лунсяньскую северную школу кулачно-го боя. Школа выглядела так себе. Высокие кирпичные стены, ужасные желтые ворота в форме полумесяца. Ограда была прочной, а черепицу на крыше намеренно уложили так, чтобы посягатель сорвался и рухнул с грохотом, всполошив всю школу. Одни плитки по цвету отличались от других — вероятно, их сменили относительно недавно. Возможно, это пришлось сделать из-за воров, но, скорее всего, из-за конкурентов. Для грабителей нашлась бы добыча и полегче, чем школа боевых искусств. Фонари над стеной давали понять, что внутренний двор ярко освещается, а слой сажи слева от ворот указывал на близость кухни. Как в большинстве военных школ, на страже наверняка стояли сопливые ученики, но даже безобидный щенок способен поднять тревогу, прежде чем ему выпустят кишки.

Чтобы узнать больше, нужно было заглянуть внутрь. Школу уже заперли на ночь, но Цисами могла без особого труда проникнуть за ворота.

Предстояло где-то провести несколько часов. Она осмотрелась и просветлела, заметив таверну прямо напротив. Посвистывая, она вошла, села за столик у окна на втором этаже и заказала на ужин сливовое вино. Хотя, пожалуй, стоило сначала что-нибудь съесть. К тому времени, когда вошла Королева — два часа спустя, — Цисами сидела, опершись подбородком на руку, помахивала чашкой и громко подпевала глупой песне. Перед глазами у нее плыло, и все казалось необыкновенно смешным.

Небольшая сумятица под балконом привлекла ее внимание. Цисами вытянула шею и увидела нескольких солдат, теснившихся вокруг столика в углу. Она насторожилась. Трактирная драка — прекрасный способ завершить вечер. Цисами полезла за кошельком, чтобы сделать ставку,

и замерла: солдат, заслонявший ей обзор, отошел в сторону, и она увидела сидевшую в одиночестве катуанку.

Не простую катуанку. Виски у нее были выбриты, волосы собраны в тугие пучки, похожие на бараньи рога, в ушах висел десяток серег, кожу густо покрывали шрамы. Сохраняя полное спокойствие, женщина продолжала потягивать вино, даже несмотря на дураков-солдат, которые ее подначивали и дразнили. Внимание Цисами привлекли глаза незнакомки. Большие, горячие, гневные и черные как ночь.

— Скажи, грязная катуанка, — проговорил солдат с брюшком, — правда, что вы с вашими лошадьми по очереди ездите друг на друге?

Стоявшие вокруг заржали. Цисами нахмурилась. Шутка была низкого пошиба, достойная в лучшем случае смешка. То, что происходило внизу, ее совершенно не касалось, но когда это останавливало Цисами? Она уже собиралась достать кинжал, когда что-то в поведении женщины удержало руку тени-убийцы. Катуанка не нуждалась в спасении. Это была львица, терпевшая насмешки овец. Идиоты-солдаты оставались в живых только потому, что она их пугала.

Солдат с повязкой на глазу издал звук, похожий на ослиный рев.

— Я слышал, ваши города двигает вонь, которую вы издаете!

Другой солдат, постарше, хрипло добавил:

— Я охранял этих дикарей по пути в город, после того как мы разорили их логово. На привале они рыдали как малые дети. Я потыкал одного из них копьем и спросил, в чем дело. Он сказал — это потому что мы раскладываем костры на земле!

Солдаты взревели. Им наконец удалось задеть женщину за живое. Впрочем, катуанка позволила себе едва заметное проявление чувств, которое ничего не стоило пропустить. Цисами восхищалась ее стойкостью не меньше, чем

холодной и опасной красотой. Особенно она завидовала гневным ухоженным бровям.

После нескольких залпов насмешек женщина, очевидно, решила, что с нее хватит. Она быстро встала, оказавшись заметно выше большинства противников. Болтовня смолкла, и солдатня расступилась, давая ей дорогу. Катуанка неторопливо допила вино, осторожно поставила чашку на стол и вышла. Солдаты стояли, онемев, как напуганные щенки. Неудивительно.

Всё. Представление закончилось.

Ну или так показалось Цисами.

Солдаты приободрились, когда катуанка ушла. Они сгрудились кучкой и принялись громко судачить. До Цисами донеслись обрывки фраз — «дикарское оружие», «штучка на память», «можно пропить». Затем пузатый подал сигнал остальным, и вся компания скрылась на лестнице.

Цисами вышла на балкон и облокотилась на перила в ту самую минуту, когда солдаты свернули в переулочек. Цисами насчитала шесть человек — ее бы это не затруднило, но она сомневалась, что катуанка может сравниться с ней в умении (никто не сравнился бы). Цисами рассеянно потянулась за чашкой и обнаружила, что та пуста. Она уже собиралась заказать еще вина... и вздрогнула.

Цисами спрыгнула с балкона, приземлившись, как кошка, и тихонько засвистела — до ужаса фальшиво — и, пьяно кренясь с боку на бок, последовала за солдатами. Она нагнала их, когда они окружили катуанку. Их хриплый смех эхом отдавался от стен проулка.

— Катуанцам нельзя носить оружие. Тебя за это следует высечь. Но если отдашь меч, ну и деньги заодно, мы, может быть, закроем глаза на твоё преступление.

— Доспех мне тоже нравится. Всегда хотел разжиться чешуйчатым катуанским доспехом.

— Некогда, дурак!

Пузатый поднял саблю и небрежно потыкал женщину в грудь.

— Ну, что скажешь, катуанское отродье? Отдавай оружие, или мы снимем его с твоего труп.

Цисами потянулась за ножом. Это большое пухлое тело представляло собой прекрасную мишень. Какая рана заставит его вопить громче? Цисами пыталась выбрать между правой подмышкой и поясницей, когда, к сожалению, ее лишили права выбора.

Катуанка бросилась вперед. Два стремительных удара в мгновение ока повергли наземь сразу несколько человек. Она схватила за запястье солдата, который вытаскивал меч, и с такой силой ударила коленом в живот, что бедняга подлетел в воздух. Избежав удара в спину, она развернулась и одновременно сорвала с пояса длинное оружие, похожее на кнут. Он закружился и щелкнул одноглазого по лицу, заставив его рухнуть навзничь.

Один из солдат схватился за огромный боевой молот, однако кнут обвился вокруг рукояти и резко выдернул оружие у мужчины из рук. Он получил собственным молотом по зубам, когда катуанка потянула кнут к себе. Голова у солдата запрокинулась и стукнулась о каменную стену. Скорее всего, он умер, прежде чем сполз наземь.

Цисами понадобилось три секунды, чтобы достичь места драки, — ровно столько времени потратила катуанка, чтобы расправиться с тремя уцелевшими солдатами. Двое валялись у ее ног без сознания, а третий был, очевидно, мертв, судя по тому, как неестественно изогнулась его шея. Катуанка стремительно обернулась к Цисами; свернувшийся кольцами кнут, казалось, был готов ударить вновь.

Цисами вскинула руку.

— Подожди. Я любовалась тобой... — произнесла она, сияя. — Я увидела стычку и решила присоединиться к селю, но, похоже, тебе и самой не терпелось подраться.

Катуанка поколебалась.

— Спасибо, — произнесла она. — Мне не нужна помощь...

Черный нож Цисами мелькнул у нее над плечом. Катуанка тут же вскинулась, а затем обернулась и увидела, как

сабля выпала из рук солдата, — он хватался за горло, буль-
кая кровью.

Катуанка опустила кнут, но продолжала подозрительно
смотреть на Цисами, которая подошла к убитому, выдер-
нула нож и вытерла лезвие о рубаху солдата. Переступив
через два трупа, Цисами вернулась к катуанке.

— Лучше уноси ноги, умница. Магистрат сильно злит-
ся, когда городских солдат находят мертвыми.

Женщина кивнула:

— Прими мою благодарность.

Она направилась в противоположный конец переул-
ка.

— Эй, — позвала Цисами. — Как тебя зовут?

Катуанка обернулась:

— Не твое дело.

И исчезла.

Вот язва. Цисами это оценила.

— Еще увидимся.

Она не сомневалась, что их пути однажды пересекутся.
В Цзяи таких женщин было немного. Насвистывая, Циса-
ми вышла из переулка и взглянула на ясное небо, в котором
стояли три луны. Ночь наконец настала. Пришло время
наведаться в Лунсянь.

Она остановилась у двери «Пьяного монаха» и загляну-
ла внутрь. Может, вернуться в трактир? Подождать еще
немного, чтобы все в школе крепко заснуло? И заодно
протрезветь? Цисами подумала, что примет окончательное
решение, как только сядет.

И тут в небо взмыла сигнальная ракета и взорвалась
калейдоскопом желтых и красных огней. Как красиво. Что
за праздник?

Краем глаза Цисами заметила, как несколько крючьев
взлетели и зацепились за крышу школы. Поддесятка теней
вскочили на стены. Как она и думала, черепица кое-где
сорвалась и с грохотом хлопнулась наземь.

Спустя несколько мгновений ночную тишину разорва-
ли вопли.

Внезапное пробуждение

Цзянь проснулся от шума. Он открыл один глаз и моргнул. За дверью простучали шаги. Вдалеке слышался крик. Юноша зевнул и перевернулся на другой бок. Где-то хлопнула дверь. Ночные шалости в школе не были чем-то несслыханным, хотя обычно озорники старались себя не выдавать. Хулиганы непременно получают по заслугам утром. Цзянь был рад, что накажут не его. Если повезет, кто-то другой будет мыть уборные. Он закрыл глаза.

Раздался громкий пронзительный вопль.

Цзянь открыл глаза. Это уже не походило на шутку, даже неудачную. Кому-то досталось всерьез. Он вскочил и потянулся за дубинкой, стоявшей у постели. Цзянь стащил ее некоторое время назад, чтобы тайком упражняться. Мечи выдавали только средним и старшим ученикам.

Громкий треск и новые крики дали понять, что происходит нечто очень скверное. В темноте Цзянь зашарил вокруг, ища штаны.

Жар охватил его, как только он открыл дверь. Пахло дымом, трещало горящее дерево. Случилась настоящая беда. На школу напали.

Цзянь застыл. Может быть, это пришли за ним? Он окинул взглядом стену, выходящую в переулок. Не лучше ли сбежать, пока есть время? Или остаться, узнать, в чем дело, и помочь одноклассникам? Внутренний голос приказывал уносить ноги. Несколько дней назад он и сам собирался уйти, не так ли? Какая разница, что творится в школе?

Соблазн был сильный. Цзянь уже шагнул к стене, но тут в голове у него зазвучали слова Синьдэ. Какое решение будет верным? Простит ли он себя, если убежит? Нет. Только бесчувственный трус бросает братьев и сестер, нуждающихся в помощи. Если он удерет, значит, он ничему не научился.

Цзянь собрался с духом и осторожно двинулся на шум. Отчаянно сжимая дубинку дрожащими руками, он крался вдоль сараев и дворовых построек. Сад он пересек почти ползком. Цзянь старался укрыться за грядкой помидоров, когда из заднего окна кухни кто-то вылез и неуклюже свалился наземь.

Цзянь подбежал к старшей ученице Гвайе, которая корчилась, лежа на земле. Лицо у нее было искажено болью, она часто и мелко дышала.

— Что случилось?

Он увидел алые пятна на руках девушки, судорожно хватавшейся за бедро. Рубаха на ней была располосована — очевидно, клинком.

— Во имя Тяньди, вы ранены? Будь проклят Южный Крест...

— Гиро, это не... — Она замолчала и несколько раз коротко выдохнула. — Лучше беги. Их слишком много. Зови на помощь. Найди стражу!

— Кто это сделал? — спросил Цзянь, помогая Гвайе встать.

Из окна высунулась голова, полностью замотанная серой тряпкой, не считая глаз, и посмотрела на них. Цзянь оттащил Гвайю в сторонку, но старшая ученица сделала лишь несколько шагов, прежде чем у нее подкосились ноги. Она упала, зажимая бедро. Фигура в маске прыгнула наземь, раздавив дыню, и занесла саблю.

Цзянь замахнулся дубинкой.

— Гвайя, уходи! Спасайся!

Не оборачиваясь к ней, он шагнул навстречу человеку в маске. И сразу заметил, что тот держит саблю неловко, как будто это оружие было ему непривычно. Из-под маски смотрели необычайно темные глаза.

Незнакомец атаковал. Саблей он орудовал, как коротким копьем. В голове Цзяня зазвучал резкий голос Тайши, но он не слушал и не думал — тело вспоминало само. Приемом, известным как Девушка, танцующая весной, он

оттолкнул клинок в сторону и опустил дубинку на плечо нападавшего, заставив того споткнуться. Послышалось сдавленное ругательство, однако разбирать сказанное было некогда — противник бросился вперед. Цзянь отразил второй удар и на сей раз хватил врага дубинкой по лбу. Тот, как подкошенный, свалился на грядку с латуком.

Цзяню хотелось сорвать с чужака маску, но сперва надо было позаботиться о Гвайе. Та, по-прежнему хватаясь за бедро, смотрела на Цзяня так, словно у него отросла вторая голова. Она поежилась, когда он приблизился.

— Слухи не лгут. Ты действительно мастер.

— «Спасибо, Гиро, что спас меня», — огрызнулся он. — Ах, не стоит благодарности.

Гвайя так и не поблагодарила его, когда он поднял ее на ноги.

— Для кого ты шпионишь? — поинтересовалась она.

Цзянь со вздохом посадил старшую ученицу на стену.

— Потом поговорим... если доведется. Я поищу остальных, а ты ступай за помощью. Осторожно, на той стороне скользкий склон, весь покрытый...

Гвайя спрыгнула. Послышался плеск, а потом взвизг.

— Фу, какая мерзость!

Из школы послышался очередной крик. Цзянь заспешил на кухню и прокрался по коридору в главный двор. До него доносились звуки боя — лязг стали, удары кулаков о тело, крики вперемешку с рычанием и стонами. Он добрался до тренировочной площадки и пришел в ужас. Там валялись пятеро убитых — трое из них ученики. Здесь, видимо, совсем недавно кипела яростная схватка. Вазы с водой были перевернуты и разбиты, конюшни горели, вырвавшиеся на волю животные неистово метались по двору.

Цзянь заметил еще двух людей в масках. Один тут же исчез в главной зале, другой повалил наземь ученика и погрузил его голову в пруд с карпами. Цзянь уже собирался напрыгнуть на него со спины, когда из кухни показался третий человек в маске. Цзянь нырнул в разбитую вазу

и свернулся, лежа в луже. Этот третий держал в руке цепной кнут, который оставлял за собой кровавый след через весь двор. Все они носили разнородную, кое-как сшитую, скверно пригнанную одежду и больше походили на полевых батраков, чем на профессиональных убийц.

Двое в масках кивнули друг другу, и человек с кнутом исчез в доме, а тот, кто топил пленника, продолжил свое дело. Ученик махал руками и лягался, но постепенно слабел. Как только убийца остался во дворе один, Цзянь выскочил из вазы и устремился к нему. К сожалению, он поскользнулся на первом же шаге, задел какую-то разбитую посудину, и она с дребезгом покатилась по каменным плитам. Убийца, разумеется, поднял голову и увидел, как Цзянь, спотыкаясь и чуть не теряя равновесие, летит на него. Он бросил несчастного ученика и поднялся, вынимая из ножен на спине два изогнутых меча.

Цзянь содрогнулся при этом зрелище, но не замедлил шага. Изогнутые мечи хороши против других мечей, но против посохов и дубин тоже ничего себе. Боец мог зацепить и поймать клинок противника крюком на конце, а затем нанести удар рукоятью. В руках опытного военного искусника изогнутые мечи были смертельным оружием. Цзянь ненавидел их всей душой, поскольку неопытный человек, взявший кривые мечи, скорее покалечил бы сам себя. Он мог продемонстрировать шрамы в знак доказательства.

Цзянь перестал надеяться, что противник ему достался не слишком умелый, как только обрушил на него дубинку. Прежде чем та угодила в цель, боец в маске поймал ее на крюк и повернул лезвие. Дубинка с силой крутанулась в руках Цзяня, и тот чуть ее не упустил. Чтобы не выронить дубинку, юноше пришлось изогнуться и подставиться под второй меч. Он потерял равновесие и плюхнулся ничком — только благодаря этому ему не отсекали руку.

Цзянь с трудом перевел дух. Двойные мечи оказались гораздо эффективнее, чем он думал. Он перекатился на спину, беспомощно наблюдая за тем, как его противник пинком

отбросил дубинку в сторону и двинулся к нему, выписывая мечами восьмерку в воздухе.

Цзянь зашарил вокруг, ища оружие — камень, хоть что-то, — но под руку попадались только веточки. Он швырнул в противника землей, но тот даже не замедлил шага. Когда юноша уже думал, что ему настал конец, две мощные руки обхватили человека в маске за шею сзади и нажали. Убийца попытался достать врага клинком через плечо, но тут его голова резко повернулась в сторону, и он, обмякнув, повалился наземь.

За спиной у незнакомца в маске, тяжело дыша, стоял очень мокрый и очень злой Сайык. Оскалившись, он пнул того, кто его чуть не утопил, в бок, переступил через труп и протянул Цзяню руку.

— Ты спас меня, заморыш.

Цзянь принял протянутую руку и поднялся.

— А ты меня. Что это за люди?

— Сейчас узнаем. — Сайык сорвал капюшон с убитого и выругался: — Катуанское отродье!

Цзянь почувствовал, как кровь застыла в жилах. Он-то был уверен, что это просто месть Южного Креста. Правители послали бы за ним Немых, а профессиональные охотники за наградой не явились бы столь скверно снаряженными. Ему не приходило в голову, что за Предреченным героем могут охотиться катуанцы.

Цзянь вспомнил катуанку, пытавшуюся его похитить.

Они знали, где он, и, очевидно, пришли, чтобы отомстить за убитого Хана. Нападение на школу предстало перед Цзянем в новом свете.

Он потянул Сайыка за рукав.

— Надо отсюда выбираться. Здесь может быть целое войско! Я знаю, как выйти.

Цзянь указал в сторону заднего двора.

Сайык посмотрел на главный дом. Явно у него были другие мысли.

— Я найду мастера.

Цзянь нагнал его у черного хода. Из дома доносились звуки боя. Ломалась мебель, несколько голосов перекрикивали друг друга.

— Это Гуаньши, — сказал Сайык. — Я его сопение узнаю где угодно.

— Там и Синьдэ!

Шум усиливался по мере того, как юноши крались по пустому коридору. Они уже почти достигли двери в хозяйскую гостиную, когда сквозь бумажную стену пролетело чье-то тело. Цзянь сорвался с места и ногой ударил пытавшегося встать катуанца в лицо.

Заглянув в гостиную, они увидели окровавленного Гуаньши, который сражался с тремя одетыми в черное убийцами. Синьдэ боролся еще с одним, который прижимал его к стене. Застывшее лицо старшего ученика сулило мало хорошего.

Мастер Гуаньши размахивал своим длинным топором Конеубийцей с яростью, достойной его звания и репутации. Огромное золотистое лезвие, описывая в воздухе ослепительные дуги, вращалось вокруг Гуаньши. Трудно было поверить, что таким большим и тяжелым предметом можно двигать столь изящно и быстро, но в руках мастера громадный топор летал, как опытный партнер в танце.

На глазах у Цзяня и Сайыка Конеубийца пронзил одного из нападавших насквозь. Мастер уперся сапогом в грудь убитого и высвободил клинок. Он развернулся как раз вовремя, чтобы отразить прямой удар напавшей сбоку катуанки. Легкий меч в ее руках так и мелькал, но огромный топор каким-то чудом не отставал от меча — клинки ритмически звенели, словно колокола.

Гуаньши не стал зевать, когда противница размахнулась слишком высоко. Он отбил удар и опустил лезвие Конеубийцы на запястье катуанки. Меч и сжимавшая его рука отлетели через всю комнату — кровь брызнула на пол и потолок. Женский вопль оборвался, когда мастер милосердно нанес смертельный удар. Цзянь поспешил на помощь Синьдэ. Последнего из нападавших свалил Сайык.

Все четверо стояли в гостиной, тяжело дыша.

— Вы еще в состоянии драться? — спросил Гуаньши, внимательно глядя на Синьдэ.

— Да, мастер, — решительно ответили Сайык и Цзянь.

— Да, мастер, — повторил Синьдэ, едва ворочая языком.

— Вы трое, ступайте за помощью, — велел Гуаньши. — Выбирайтесь через задний двор.

— А как же остальные? Как же школа? — спросил Цзянь.

— Я пойду искать выживших.

— Но...

— Не спорь со мной, сынок, — резко перебил Гуаньши, выводя учеников из гостиной. — Хороший воин знает, когда делиться мыслями, а когда следовать приказам.

Они устремились вслед за мастером в дальнюю часть здания, петляя по комнатам и торопливо минуя темные коридоры. Повсюду они находили следы битвы. Столы и шкафы были опрокинуты, стулья сломаны. Они обнаружили еще четыре трупа — двух учеников, садовника и катуанца в маске. У Синьдэ на глаза навернулись слезы, когда он увидел Каосана, многообещающего юношу, который поступил в школу лишь месяц назад. Сайык выругался, обнаружив, что второй убитый — его друг Сыан. Хоть Цзянь и презирал Сыана, он тоже невольно ощутил боль и ярость при виде судьбы, постигшей однокашника.

— Это я виноват, — сказал Сайык. — Они пришли за мной. Проклятые катуанцы хотят отомстить моему отцу. Я их заставляю заплатить.

Они свернули в коридор, выходящий в сад, когда в дверях появилась одинокая катуанка с копьем в руке. Казалось, ее совсем не пугали превосходящие силы противника. Женщина медленно опустила оружие и кончиком острия коснулась пола. Официальный вызов на бой.

— Некогда! — крикнул Гуаньши, занес Конеубийцу и двинулся к катуанке.

Быстро взмахнув копьем, та нанесла удар, едва Гуаньши оказался в пределах досягаемости, — ей почти удалось

обогнуть лезвие топора и ударить наставника по ногам. Гуаньши перескочил через копье и обрушил Коневбийцу на нее. Драка могла закончиться мгновенно, но катуанка уклонилась от нападения, а второй удар отбила, ловким движением подставив древко. Двигалась она почти небрежно, но быстро и мощно.

Могучие удары блестящим лезвием Коневбийцы женщина парировала своим более длинным оружием. Оба выискивали у противника слабые места. Поначалу казалось, что бойцы равны. Копье двигалось в руках катуанки необычным, как думал Цзянь, образом. Оно казалось живым существом, извивающейся змеей, которая постоянно сжималась, разжималась, качалась из стороны в сторону, кусала и наносила удары, защищая свою хозяйку.

Почувяв, что дело серьезное, Гуаньши стал маскировать свои движения, чтобы противнице было труднее их предугадывать. Цзянь всегда считал Синьдэ прекрасным воином, но его умения меркли в сравнении с тем, как владел лунсяньской техникой Гуаньши. Если Синьдэ скрывал свои действия, как бы оставляя размытый след, то эхо ударов Гуаньши словно жило собственной жизнью. Невозможно было понять, где настоящий удар, а где иллюзия. Его две руки превратились в восемь, две ноги — в четыре. Коневбийца блестел так ярко и двигался так быстро, что бойцов как будто окружал сияющий вихрь.

К большой досаде Цзяня — а также Синьдэ и Сайыка, — катуанка не только успешно оборонялась от Гуаньши, но и выдерживала град ударов, не отступая.

Юноши ахнули.

— Это настоящий мастер, — тихо сказал Синьдэ.

Два мастера сходились в поединке редко. А Гуаньши и катуанка были вдобавок еще и превосходными мастерами. Однако, по мере того как бой продолжался, оба начали выказывать признаки усталости. Гуаньши достаточно было нанести всего один удар — и несколько раз у него это почти получалось, — но Коневбийца так и не достигал

цели. Катуанка держалась поодаль и пользовалась превосходящей длиной своего оружия, чтобы измотать Гуаньши. Медленно, царапина за царапиной, она покрывала противника ранами. Одевание Гуаньши постепенно превращалось в лохмотья. На них выступали красные пятна.

Долгая схватка закончилась, когда Гуаньши обрушил Конеубийцу на женщину, надеясь рассечь ее пополам. Топор врубился в каменную стену и застрял. Катуанка тут же воспользовалась этой возможностью и бросилась вперед. Гуаньши пришлось выпустить Конеубийцу, чтобы перехватить обеими руками наконечник копья; они продолжали бороться, пусть даже сквозь пальцы у Гуаньши текла кровь. Проведя еще несколько мгновений в яростной схватке, они поменялись местами и разошлись. Мастер Гуаньши держал в руках копьё катуанки.

Женщина подошла к упавшему на пол топору, поддела его ногой, запросто подбросила вверх и поймала. Она повернула Конеубийцу в руках, полюбовалась им, перебрала топор Гуаньши и торжественно поклонилась.

— Отличная вещь, мастер. Нет нужды длить бессмысленную жестокость. Отдайте мне мальчишку, и больше никто сегодня не умрет.

Гуаньши ответил поклоном и вернул ей копьё.

— Лунсянь скорее превратится в пыль, которую развеют ветра времени, чем пожертвует жизнью ученика.

— Только честь.

— Только честь, — согласился Гуаньши.

— Ваше оружие будет возвращено нетронутым вашей семье, — сказала катуанка.

Гуаньши благодарно кивнул.

— Кому вернуть ваше оружие, если вы погибнете?

Женщина ненадолго задумалась. Гуаньши добавил:

— Клянусь, Лунсянь не будет требовать возмещения.

Женщина кивнула:

— В Катуанском квартале живет человек по имени Кваза. Он знает, что делать.

— Пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы мое тело не подверглось поруганию, — попросил Гуаньши. — Я уже давно не видел дочь.

— Сожгите мое тело до прибытия стражи, — запросто отозвалась женщина. — Моя семья погибла вместе с Незрой.

Мастера продолжали обмениваться желаниями относительно последних ритуалов. Гуаньши отказался молчать о том, что на школу напали катуанцы, однако согласился сохранить останки противницы и вернуть их сородичам. Женщина в ответ пообещала, что единственной жертвой после гибели Гуаньши станет тот, за кем она пришла. Наконец обе стороны условились, что ни слова о случившемся не будет сказано властям. Цзянь не понимал, отчего Гуаньши на этом настаивал, однако катуанка не возражала.

— Да будет так, — сказал Гуаньши, поклоном подводя итог переговорам и касаясь кулаком раскрытой ладони.

— Воистину, — ответила женщина, поднося кулак к сердцу.

Оба мастера приготовились к новой схватке. Гуаньши закатал рукава и поднял Конеубийцу. Он негромко произнес:

— Слушайте, мальчики, вам пора уносить ноги. Немедленно. Я постараюсь выиграть побольше времени.

Все трое были потрясены. Глаза Синьдэ и Сайыка наполнились слезами. Если Гуаньши приказал им уйти до окончания поединка, значит, он сомневался в его исходе.

— Мастер... — голос Синьдэ оборвался. — Вам понадобится наша помощь, если вы будете ранены.

— Вряд ли, сынок, — сказал Гуаньши и взглянул на учеников. — Слушайте внимательно, вы все. Бегите отсюда подальше. На кону стоит больше, чем вы думаете.

— Это все из-за меня, мастер, — хрипло выговорил Сайык. — Проклятые катуанцы явились за мной. Они хотят отомстить моему отцу. Я готов пожертвовать собой!

— Не будь глупцом и не спеши расставаться с жизнью, — ответил Гуаньши, не сводя глаз с катуанки. — У тебя теперь есть дело поважнее. Синьдэ и Сайык, я приказываю

вам как ученикам Лунсяня и адептам семейного стиля Гуаньши защищать Гиро. Найдите для него убежище.

— Что? — воскликнули оба юноши.

Цзянь тоже был потрясен.

— Вы...

Мастер повернулся и взглянул на него. Больше ничего говорить не пришлось.

Сайык смотрел на Цзяня разинув рот.

— Гиро? А он-то тут при чем?

— Некогда! — повторил Гуаньши и крутанул тяжелый топор в руке, как палочку. Древко остановилось над плечом, и мастер принял классическую лунсяньскую боевую стойку — быть может, в последний раз в жизни.

— Если увидишь Сашу, скажи ей... — Суровое лицо Гуаньши слегка дрогнуло. — Я жалею, что наставник из меня был лучше, чем отец. Так и скажи ей. Ну, идите!

И он бросился в бой.

Сайыку и Цзяню пришлось тащить Синьдэ за собой. Они вбежали в одну из пустых кладовок, выбили окно, по одному вылезли и по узкой тропинке пустились в сад. Первым подсадили Сайыка, следующим Цзяня. Как только Синьдэ вскарабкался на стену, Сайык спрыгнул и скатился по скользкому склону. Послышались ругательства.

Цзянь уже собирался последовать за ним, когда Синьдэ взглянул в сторону дома.

— Бой прекратился, — негромко сказал он. — Может быть, вернемся?

— Мастер Гуаньши связал нас клятвой, — напомнил Сайык. — И вообще, что такого особенного в Гиро?

— Ничего. Если нас сцапают, я умру так же легко, как вы. — Цзянь спрыгнул рядом с ним и тоже поскользнулся.

Он плюхнулся на задницу и съехал бы в канаву по бурой жиже, если бы Сайык не схватил его за ворот и не удержал.

Синьдэ приземлился аккуратно и ловко.

— А я вас предупреждал.

Они преодолели склон и вышли в переулок. Цзянь упал еще дважды, Сайык — один. Они чуть не утащили друг друга в текущий по переулку зловонный ручей. Синьдэ же, напротив, шел уверенно и безо всяких усилий.

Они прокрались к выходу из переулка и выглянули. Пахло гарью, над крышами клубился черный дым. Небольшая толпа глазела на пламя пожара, высоко вздымавшееся в темноте. Юноши добежали до конца улицы и остановились на краю квартала, чтобы в последний раз посмотреть на горевшую школу.

— Что будем делать теперь? — спросил Цзянь.

— То, что велел мастер Гуаньши. Отведем тебя в безопасное место, — сказал Синьдэ, глядя в небо, сплошь покрытое оранжевыми всполохами. — Что это такое? Как будто весь город горит!

— Пойдемте к моему отцу, — предложил Сайык. — Он очистит город к рассвету!

— Может, в больницу? — сказал Цзянь.

Связаться с вельможей было верным способом себя разоблачить.

— Зачем? — воскликнул Сайык. — Мой отец скажет слово и...

Синьдэ накрыл ему рот ладонью и увлек обоих в тень. Он указал на силуэт, возникший на крыше примыкающего к школе дома. На ветру развевался длинный черный плащ. Издалека и в темноте Цзянь не мог разглядеть лица, но катуанку он узнал. Это значило, что мастер Гуаньши пал в бою.

Сайык, видимо, пришел к тому же выводу. Его голос дрогнул.

— Нет. Не может быть.

Цзяню страшно не хотелось это признавать, но он понимал, что, скорее всего, так и случилось. Оба прекрасно владели военным искусством, но женщина была опытнее Гуаньши, проворнее и ловчее. И вдобавок вдвое младше.

— Интересно, она нас видит? — спросил Цзянь.

Едва эти слова сорвались с его уст, как женщина повернулась к ним. Цзяню показалось, что ее глаза горят зеленым огнем, как у кошки. Катуанка пробежала вдоль гребня крыши, перемахнула через улицу и направилась к юношам.

В ужасе все трое бросились куда глаза глядят — лишь бы подальше от убийцы. Попасться правителям или Немым казалось предпочтительнее, чем принять смерть от рук женщины, которая только что убила их мастера. Цзянь оглянулся и увидел, что катуанка бежит почти вровень с ними, перепрыгивая с крыши на крышу. Судя по тому, как быстро она их нагоняла, выбора у него, очевидно, не было.

— Мы всего в трех кварталах от ближайшей караульни, — пропыхтел Сайык.

Он начал сдавать.

— Мы не добежим! — крикнул Цзянь.

Катуанка уже почти настигла их.

Синьдэ замедлил шаг.

— Вы оба бегите дальше, а я попробую ее задержать!

Прежде чем он успел остановиться, Цзянь схватил его за рукав. Синьдэ попытался вырваться, но Цзянь решительно тащил старшего ученика за собой.

Значит, Гуаньши с самого начала все знал. Это потрясло Цзяня. С самого рождения люди его боготворили. Он был Предреченным героем, основой религии, спасителем своего народа. Цзянь никогда не сознавал, какая ответственность на нем лежит; он принимал поклонение как данность, пока смерть не подошла близко. Люди, к которым он привязался, жертвовали собой, чтобы спасти его никчемную жизнь. Школа сгорела дотла, мастер Гуаньши погиб. Все это лежало тяжким грузом на душе Цзяня. Он и помыслить не мог о том, чтобы дополнительно обременить свою совесть.

Они повернули на следующем перекрестке и увидели на границе квартала столб с вывеской — местную караульню. Юноши собрали остаток сил и бросились бежать, размахивая руками и вопя во всю глотку. Осталось совсем немного, и они уже привлекли внимание дозорного...

— Помогите! — закричал Цзянь. — Нас хотят убить!

— Разбудите капитана! Я приказываю! Немедленно! — Сайык, казалось, обрел второе дыхание — он вырвался вперед, едва увидел солдат. — Мой отец... мой отец...

Это было последнее, что услышал Цзянь. Только что его башмаки стучали по булыжной мостовой, а сердце бешено колотилось в груди — и вот над головой мелькнула тень, и что-то крепко ухватило юношу за лодыжки. Цзянь покатился по земле, сбитый с ног, и мир вокруг завертелся. Он едва успел вскрикнуть, прежде чем стукнулся головой о мостовую. Перед глазами тут же поплыло, в ушах зашумело. Все болело так сильно, что боль уже не ощущалась.

Он моргнул, глядя в пустоту. В воздух поднимался огромный клуб черного дыма, от которого щипало глаза. Левая сторона тела отнялась: он едва чувствовал пальцы ног. Цзянь снова моргнул — и рядом появился Синьдэ; он пытался поднять его, беззвучно открывая и закрывая рот. Цзянь привалился к старшему ученику. Ноги у него безжизненно волоклись по земле.

Прошла целая вечность, прежде чем он наконец пришел в себя. Как будто лопнул пузырь, и все чувства — зрение, слух, осязание — разом ожили. Мир перестал плыть — и прямо перед собой Цзянь увидел катуанку. Ее плащ трепетал на ветру, и на сей раз в руке она держала нечто вроде кнута.

Похоже, Синьдэ тоже неудачно приземлился. Однако он упорно пытался поставить Цзяня на ноги. Катунка meanwhile подошла ближе.

— Синьдэ, Гиро! — кричал Сайык.

— Беги, не останавливайся! Зови на помощь! — крикнул Синьдэ в ответ.

Он задвинул Цзяня себе за спину и принял боевую стойку.

— Не подходи.

Руки у него дрожали; казалось, он вот-вот лишится чувств.

— Мне достаточно одного, — ответила женщина. — Не мешай мне сдерживать обещание, которое я дала моему мастеру. Отойди.

Синьдэ бросился на нее. Катуанка шевельнула рукой, и кнут ударил его по плечу, заставив пошатнуться. Затем он обвился вокруг пояса; от могучего рывка Синьдэ взвился в воздух и со стуком ударился о стену.

Затем катуанка повернулась к Цзяню:

— Вот мы и встретились, мальчик.

— Я не тот, кем ты меня считаешь, — запинаясь, выговорил Цзянь. — Я тебе не нужен. Пророчество не сбылось.

— Ты противоречишь сам себе, — негромко отозвалась женщина. — Прежней ошибки я не повторяю.

Она резко выбросила руку вперед, и кнут превратился в копьё. Не будь Цзянь так напуган, он восхитился бы. Катуанка направила копьё на него.

— За моего Хана и мой народ. За Незру и Катуа.

Цзянь живо представил, как острие пронзает его сердце. На сей раз он ничего не мог сделать — ничего и не оставалось. Принять смерть от рук катуанки было обидно. Он ждал от жизни большего.

В голове Цзяня мелькнула мысль, которая, как ни странно, никогда не посещала его раньше. Что подумают люди, когда узнают, что он умер? Они будут скорбеть о павшем герое? Или в анналы истории он войдет лишь персонажем анекдотов? Цзянь подумал о Небесном дворце, где провел большую часть жизни. Каково там теперь без него? Дворец заброшен или, наоборот, сделался светлым и веселым?

Что сказали бы родители, узнав, что их сын, Предреченный герой Тяньди, воин пяти Поднебесных, не только не сумел выполнить свое предназначение, но и умер, как крыса, в сточной канаве?

Они плакали бы? Тосковали по нему? Или ощутили бы разочарование?

Цзянь тупо уставился на острие, проткнувшее рубашку. Едва он успел почувствовать боль, как мир взорвался. Что-то с силой хлестнуло его по лицу, и он распластался на спине.

Цзянь издал возмущенный вопль. Уже второй раз за считанные секунды он получил по физиономии. Он сел

и похлопал себя по груди, ища рану. Ничего не найдя, юноша поднял голову... и замер.

Чудо.

— Это... правда вы?

Линь Тайши стояла перед ним с обнаженным мечом, не сводя глаз с катуанки. Она презрительно улыбнулась.

— Я, кажется, говорила тебе, чтобы ты сидел тихо, глупый мальчишка?

Глава 37

Встреча

По щеке Цзяня скатилась одинокая крупная слеза. Впервые на его лице отразились такие сильные эмоции. Юноша протянул руку, чтобы коснуться Тайши и проверить, не мерещится ли она ему. Это было поистине жалкое зрелище.

Тайши отодвинулась.

— Что ты делаешь? Перестань! Не теряй голову. Мы еще не выпутались.

Она повернулась к Броску Гадюки:

— Ты рискнула — и проиграла. Уходи, пока можешь.

— Я не закончила, — прорычала катуанка — и бросилась вперед.

Тайши взяла Танец Ласточки обратным хватом и отразила яростную череду ударов, предназначенных для Цзяня. Она заслоняла его, в то время как копьё отчаянно пыталось пробить ее защиту. Женщина обладала отменными навыками даже по меркам Бросков Гадюки, которые повсеместно считались самыми опасными бойцами среди катуанцев. Учитывая ее возраст, внешность, излюбленное оружие и стиль боя, Тайши догадалась, кто перед ней. Эта женщина была отнюдь не рядовым Броском Гадюки.

Тайши вышла из вихря ударов целой и невредимой и направила мощный поток воздуха в противницу — он ударил катуанку в грудь и отбросил назад. К ее чести сказать, женщина удержалась на ногах. Обе вновь изготовились к бою.

— Твоя слава бежит впереди тебя, Сальминдэ, Бросок Гадюки, — сказала Тайши, не поднимая меч.

Катуанка прищурилась:

— А тебя я не знаю.

— Вот это было обидно, — ухмыльнувшись, заметила Тайши. — Но учиться никогда не поздно. Знаешь, какой у тебя выбор? Напасть на меня и проиграть — и тогда ты достанешься на расправу двум сотням солдат, которые прямо сейчас строятся и идут сюда. Ну или ты можешь уйти и потерпеть поражение в следующий раз, когда наши пути пересекутся.

Сальминдэ, полная подозрений, обернулась. Из казармы действительно выбежали солдаты. Тайши преувеличила — их было человек пятьдесят. Но какая разница, после того как счет перевалит за десять?

Катуанка выругалась. Она, видимо, поняла, что проиграла. Для катуанской воительницы подобраться так близко к герою Тяньди и не достигнуть цели наверняка было огромным разочарованием. Тайши сохраняла спокойствие, но ей тоже становилось не по себе. Она, как и катуанка, предпочла бы не иметь дела с солдатами.

— Может, поторопишься? — намекнула Тайши, когда солдаты ускорили шаг.

Бросок Гадюки, зажатая между отрядом чжунцев и легендарной воительницей, заколебалась. Наконец она развернулась и вспрыгнула на ближайшую крышу.

— Правильное решение, — заметила Тайши. — Не сомневаюсь, мы еще встретимся.

Она помогла мальчишке подняться.

Он продолжал смотреть на нее влюбленными глазами.

— Но как...

— Потом. Сейчас на нас ломится толпа увальней.

Она обхватила Цзяня вокруг пояса и уже собиралась вскочить на поток воздуха, когда мальчик потянул ее за рукав.

— Подождите, там мой друг.

Тайши увидела юношу чуть постарше, который как раз привстал на колени. Она вспомнила, что он пытался дать отпор катуанке и получил крепкую трепку. Это было достойное поведение. Тайши подошла к парню и схватила его за воротник.

— Еще кто-нибудь есть?

Цзянь указал в сторону казарм. Тайши заметила третьего юношу, которого солдаты, окружив, вели прочь. Очевидно, это был сынок какого-то вельможи.

— Твой приятель цел и невредим. А у нас будут неприятности, если мы не уберемся немедленно.

Она оттолкнулась и вспрыгнула на воздушный поток, закачавшись под тяжестью двух юношей. К счастью, лететь было недалеко. Как только они поднялись на ближайшую крышу, она выпустила обоих и ловко приземлилась рядом. Мальчишки беззастенчиво глазели на нее, и Тайши начала закипать.

— Вы вернулись, Тайши, — хрипло повторил Цзянь.

— А ты потолстел, — сварливо заметила она.

— Мастер Най... вы — легендарная Линь Тайши! — Старший юноша тоже едва переводил дух от восторга. — Я мечтал с вами поговорить...

Она погрозила пальцем.

— Закройте рты, вы оба. Что случилось с Гуаньши? А, ладно. — Тайши огляделась. — Сюда.

Они подбежали к краю крыши. Тайши, обремененная двойным грузом, не смогла бы перемахнуть на соседнее здание одним прыжком, поэтому ей пришлось соскочить наземь, а затем подняться. Приятно было видеть, что второй мальчишка взобрался на стену, используя технику, которую Гуаньши придумал в те времена, когда спал с Тайши. Ученик Лунсяня карабкался по стене дома, быстро переставляя руки и ноги. Тайши подумала, что это выглядит нелепо, а сам

стиль она всегда считала довольно-таки банальным — но, бесспорно, прием был действенный. Гуаньши отличался сугубой практичностью. Он был сказочно богат и держал огромную преуспевающую школу в самом центре командорства — ей ли судить?

Наконец крыши закончились, и пришлось остановиться. Тайши провела своих спутников между строениями и оказалась на маленькой площади на краю квартала.

— Зачем мы сюда пришли? — спросил старший юноша. — Мы забираемся все глубже в город. Нам нужно... — Его голос оборвался, когда из темного переулочка вышла огромная тень. — Во имя Тяньди, что это? — шепотом спросил он.

— Воистину, во имя Тяньди, — фыркнула Тайши, когда ее двое спутников шагнули к ним навстречу. — Пахм, Цофи, это Цзянь и...

— Синьдэ, — промямлил тот, продолжая таращить глаза на огромного брата Ханьсу.

Пахм, так же вытаращившись, смотрел на Цзяня. На лице Ханьсу читался оцепенелый восторг, который выглядел просто уморительно. Тайши не винила его. Встретить главный объект своей религии — из ряда вон выходящее переживание для любого монаха Тяньди. Она посмотрела на Цзяня, который, в свою очередь, пялился на Цофи. Возможно, он тоже переживал духовный опыт, хоть и не высшего порядка.

Тайша перевела взгляд с одного на другую.

— Вы знакомы?

— Нет, — ответила Цофи и помахала рукой. — Привет. Цзянь напряженно отвел взгляд.

— Привет.

Да что с ними стряслось?

— Герой Тяньди, — проговорил Пахм. — Купаться в лучах твоей славы — наивысшая честь для меня.

Он опустился на колени; ему по-прежнему приходилось смотреть на предмет своего поклонения сверху вниз. Слова Ханьсу внушили остальным, особенно Цзяню, еще большую

неловкость. Тайши видела этот унылый взгляд почти каждый день, когда обучала мальчика. Она надеялась, что Гуаньши раз и навсегда отучил Цзяня от скорбно-угрюмого выражения лица. Видимо, зря.

— Вся городская стража сейчас повыскакивает на улицы, как клопы из горящего бардака, — сказала она. — Мы можем где-нибудь переждать ночь?

— Школа стореда дотла, мастер, — ответил Синьдэ. — Где вы остановились?

— Мы прибыли в город два часа назад, — сказала Цофи. — Тайши не успела бы вовремя вас отыскать, если бы не оставила нас здесь и не помчалась вперед.

Юноши переглянулись.

— Заночуем у кого-нибудь дома? У Сайыка? Или у тетушки Ли? — предложил Синьдэ.

Цзянь покачал головой.

— Сайык сейчас, скорее всего, сидит в своем семейном особняке в квартале Ониксовый Цветок, окруженный Немыми. А тетушку Ли я не хочу подвергать опасности. У нее молодые племянницы. Как насчет больницы?

— Михе не понравится, если мы заявимся посреди ночи, — задумчиво произнес Синьдэ. — Хотя, возможно, она нас не выставит. Но сначала нужно спросить разрешения...

— Некогда спрашивать разрешения. — Тайши загнала всех в тень, когда мимо входа в проулок пробежал патруль. — Надеюсь, больница — надежное место. Можно добраться до нее обходными путями? — Она указала на Пахма. — С нами слон.

— Где? — спросил Пахма.

— Я имею в виду тебя, великан.

К счастью, в городе царила неразбериха, солдаты и стражники бегали повсюду. По слухам, загорелось десятка полтора зданий. Поговаривали, что схватили нескольких поджигателей-катуанцев. Из городских ворот атаковал неизвестный враг. Половина стоявших на улицах

зевак полагала, что Цзян взят в осаду. Другая половина соскучилась и пошла спать.

Солдаты, стражники и пожарные были слишком заняты, чтобы обращать внимание на маленькую компанию, крадущуюся в потемках. Беглецам удалось миновать ворота, ведущие в Шафрановую Догму, а там до больницы было рукой подать. Сильнее всего они рисковали, когда барабанили в запертую дверь, пока в темном окне не замаячила зажженная лампа.

Михе — та самая, которая, возможно, не выставила бы их — отнюдь не пришла в восторг от того, что приятели возникли у нее на пороге посреди ночи и привели с собой целую кучу незнакомцев.

— Привет, Михе, — начал Синьдэ. — Прости, пожалуйста...

— Недоумки, вы меня разбудили, — перебила Михе, зевнула и отвернулась, волоча подол длинной поношенной ночной рубашки по полу, как шлейф скверно подогнанного свадебного платья. — Ноги вытирайте!

Они все ввалились в переднюю, и Цзянь закрыл дверь.

— Где доктор Куи?

— У себя дома, за городом, — сказала Михе, направляясь к себе. — В больнице живет только ее бедная ученица. Бабка может лечь на столе. Где поместятся остальные — меня не волнует.

Тайши ошетичилась:

— Ты кого назвала бабкой?

Синьдэ указал на нее.

— Михе, это Линь...

Михе отмахнулась.

— Завтра.

И скрылась в спальне.

Тайши оценила ее непоколебимое желание выспаться. Она повернулась, обозревая свою пеструю компанию. Брат Ханьсу вышел в крошечный больничный садик — только там он не рисковал расшибить голову. Тайши за него изрядно

беспокоилась. Она не потащила бы Пахма с собой, если бы Люмань при последнем издыхании не назначил его Стражем Тяньди. Он признался Тайши, что такой должности на самом деле не существует, но молодому монаху нужно было за что-то держаться, чтобы не утратить веры. Люмань умолял Тайши позаботиться о том, чтобы Пахм целым и невредимым вернулся в монастырь Каменного Цветка.

— Он славный юноша, — прохрипел умирающий великан, с трудом хватая воздух ртом. — Пожалуйста, присмотрите за ним, мастер. Помогите ему сохранить веру и вернуться домой.

«За что мне это?» — подумала Тайши, но Люмань умер, и ей пришлось заботиться о чрезмерно чувствительном молодом монахе, переживающем внутренний слом. Пахм держался замкнуто и высокомерно с тех пор, как они погребли Люманя; за время путешествия в Цзяи они не обменялись и десятью словами. Даже Цофи не могла его подбодрить. И ел он за троих.

К слову о мрачном нраве — Тайши взглянула на героя Тяньди, который дулся, стоя в сторонке, как будто она только что отобрала у него любимый игрушечный меч. Что это он напустился?

— Как дела, мальчик? — спросила Тайши.

Он прищурился и поджал губы, словно собирался вызвать ее на бой. Только тут Тайши поняла, что Цзянь сдерживает слезы.

— Чем я плох? — хрипло выговорил он.

Тайши подумала, что список выйдет длинный.

«Давай, скажи что-нибудь доброе. Утешь его».

— Ты задаешь сложный вопрос, дружок. С тобой связано много...

— Признайте это! — перебил он, почему-то ткнув пальцем в Цофи, и плотина рухнула — по его лицу покатались слезы. — Дело не в том, что вы не хотели брать ученика. Вы не хотели брать в ученики *меня*. Поэтому вы уехали и нашли себе кого получше.

Тайши разинула рот.

— Что? Ты думаешь, эта долговязая болтушка — моя ученица? Наследница семейного стиля Чжан? — Она взяла со стола деревянную миску и позвала: — Эй, Цофи!

Дочь картографа оторвалась от полок с травами, которые изучала.

— Что?

Тайши метнула миску по отлогой дуге через всю комнату. Она пролетела меж вытянутых рук Цофи и стукнула ее в лоб. Девушка согнулась вдвое.

— Старая карга! За что?!

Тайши повернулась к Цзяню:

— Доволен?

Тот явно смутился:

— Она не... тогда что она здесь делает?

Тайши вздохнула:

— Не знаю. Но за безнадежные случаи я не берусь.

По правде говоря, Тайши была рада, что Цофи решила составить ей компанию. Она думала, что девушка отправится своей дорогой, когда они доберутся до Сюйсана, или потом, когда переночуют в Лойа... и каждый раз, когда казалось, что Цофи вот-вот уйдет, та заявляла, что поедет с Тайши до следующего привала.

То ли Цофи правда некуда было податься, то ли она слишком боялась остаться одна — в любом случае Тайши признала, что общество этой язвительной девицы ей приятно. Тем более что в ее отсутствие пришлось бы довольствоваться угрюмым Пахмом. Так или иначе, Цофи доказала, что ум у нее острый. Читала и считала она лучше, чем Тайши и Пахм, вместе взятые.

Цзянь устыдился.

— Я не знал... мне просто казалось, что вы не вернетесь за мной.

— Интересно почему? Я, кажется, тебе обещала. Мне и в голову не приходило тебя бросить.

Раз десять приходило. Но, по крайней мере, Цзянь перестал дуться, как выкупанная кошка. Тайши оглядела его с головы до ног.

— Ты вырос. И обзавелся мускулами.

— Почему так долго? — спросил он, все еще икая от рыданий. — Вы сказали, что скоро вернетесь... я думал, мы увидимся через две-три недели. Прошло больше года!

— Две-три недели... — Тайши сжала зубы. — Цзянь, с тех пор как я тебя здесь оставила, за мной непрерывно охотились честолюбивые недоумки с острыми предметами и самоубийственными намерениями. Я ночевала в канавах, на деревьях, в склепах и тюремных камерах. Мне пришлось иметь дело с Немыми, охотниками за наградой, тенями-убийцами, чжунскими солдатами. А еще меня чуть не сожрала стая мерзких горных шакалов. Ах, бедный, как ты страдал в школе.

У Цзяня задрожали губы.

— Мне было тяжело.

Тайши решила не обращать на это внимания. Умение разбираться в собственных мыслях в заведении Гуаньши явно не преподавали. Она села на лекарский стол и жестом подозвала мальчика.

— Ну, расскажи, как тебе здесь жилось.

Он придвинул табурет и охотно исполнил ее просьбу, начав с того самого дня, когда она ушла. Тайши была впечатлена ясной памятью Цзяня, особенно когда дело касалось того, что ему не нравилось. Он живо описал грязный сарай, в котором жил, подробно перечислил свои обязанности по хозяйству, некоторое время сетовал на бедность. По большей части, впрочем, он жаловался на обращение с ним Гуаньши и других учеников.

Несколько раз Тайши с трудом удерживала раздраженный вздох. Все, что он описывал, составляло обычную жизнь для тех, кто не носил звонких титулов и не жил в роскошных дворцах. Даже порядки в школе боевых искусств совершенно не выходили из ряда вон.

— Лунный двор бывает жестоким, — сказала она. — Это волки, которые дерутся за славу и власть, а иногда и за объедки. Военному искуснику часто не на кого положиться, кроме товарищей по школе. Школа — вот его стая. Поэтому ученикам так важно сдружиться.

Он кивнул:

— Я как раз начал это понимать, когда все рухнуло.

Тайши была заинтригована.

— Ну-ка, ну-ка?

Цзянь рассказал о стычках Лунсяня с другой школой, о том, как старший ученик Южного Креста сжульничал и ударил Синьдэ саблей. Хотя во всем остальном Цзянь был до жути подробен, он обошел молчанием ранение друга.

— Потом стало еще хуже. Когда Синьдэ и Кейро подрались во второй раз...

— Кейро — это другой старший ученик?

Цзянь кивнул:

— Кейро чуть его не искалечил, и я пришел на помощь. Я не хотел себя выдавать, но у меня не осталось выбора, — он помолчал. — Синьдэ — мой... мой брат.

— А я думала, ты ненавидишь всю школу.

— Да, с ними было трудно, — быстро ответил Цзянь, задумался и как будто немного приуныл. — Со мной тоже было трудно.

Тайши подалась вперед. Глаза у нее блеснули.

— М-м?

— Я долго злился. На вас, на Гуаньши, на других учеников. На весь свет. После того как побыл героем пяти Поднебесных, тяжело быть нищим простолюдином, — произнес Цзянь задумчиво и почти скорбно. — Несколько недель назад все вроде как стало налаживаться. После ссоры с Южным Крестом другие ученики начали меня принимать.

— Ты получил важный урок. Братство необходимо, Цзянь.

На лице мальчика вновь отразилась тревога.

— Ну, долго это не продлилось. Когда я выдал себя, защищая Синьдэ, пошли слухи, что я мастер, который проник в Лунсянь, чтобы выведать секреты Гуаньши.

— Мастер, ха! Этим званием швыряются слишком легко! — фыркнула Тайши. — Хотя, признаю, кража чужих приемов и впрямь не редкость при лунном дворе.

Цзяня, казалось, уязвили ее слова, однако он быстро оправился. Он и впрямь повзрослел за время разлуки. Мальчик, которого она обучала в Небесном дворце, несколько часов, если не дней кипел бы из-за любой обиды.

Цзянь продолжал:

— А теперь моя школа сторела дотла, а Гуаньши погиб. И все, скорее всего, обвинят меня. Я не верну себе честно-го имени.

Если Цзянь заговорил о чести, значит, он усвоил еще один важный урок.

— Расскажи мне, как Гуаньши тебя учил.

Цзянь вновь оживился, воскрешая полученные оскорбления. Он с горечью жаловался на то, что наставник нарочно его удерживал и не позволял развиваться.

— Полгода простейших упражнений! Три, четыре, пять движений! Полгода ушло впустую! Неделя на отработку самого простого удара, три недели — на Кулак-молот! — Он выразительно размахивал руками и откровенно злился. — Я освоил все это, едва научившись ходить. Я тысячу раз безупречно проделывал эти приемы на глазах у Гуаньши, а он как будто ничего не видел. Он заставлял меня повторять одни и те же дурацкие упражнения. Клянусь, я забыл в Лунсяне в десять раз больше, чем выучил!

Тайши не стала скрывать улыбку.

— Конечно. В том-то и состояла цель.

— Что? — переспросил Цзянь и подозрительно прищурился. — Вы об этом знали?

— Я это и придумала, — ответила она, пожимая плечами. — Гуаньши, вообще-то, исполнял мою просьбу — начать с самого начала, сделать так, чтобы ты забыл ту чушь,

которой тебя напичкали твои бестолковые наставники. Я хотела, чтобы ты обзавелся незыблемым фундаментом.

— Но целый год потрачен зря!

— Вовсе нет. Ты был диким неприрученным псом, а теперь превратился в смиренного щенка, который наконец перестал пачкать по углам. Ты готов учиться.

— Учиться? — У Цзяня глаза полезли на лоб. — Чему я готов учиться?

Лучше не забегать вперед. Тайши взглянула на дочь картографа, которая из кожи вон лезла, наводя порядок на тянувшихся от пола до потолка полках с лекарствами. — Лучше поди познакомься с Цюфи. Ты весь вечер корчил ей рожи.

Цзянь встал.

— Я вел себя глупо.

Ну что ж, все-таки разбирать собственные мысли он немного научился. Неплохо. Тайши наблюдала за тем, как он осторожно пробирался среди склянок, которыми был заставлен пол. На полпути Цзянь остановился и обернулся.

— Я рад, что вы вернулись, Тайши. Я скучал по вам.

«Я тоже по тебе скучала».

Но вместе этого она пожала плечами.

— Приятно слышать.

Глава 38

Последствия

Сали потратила почти всю ночь, чтобы добраться до Катунанского квартала. В городе царил хаос. Здания горели, дым заволакивал небо, пожарные сбивались с ног, не зная, с чего начать.

Отряды поджигателей перестарались. Они ухитрились одновременно поджечь дом или караульню в каждом квартале, даже в Ониксовом Цветке. Как будто земля

разверзлась и на Цзяи обрушились Десять ужасов преисподней. Катуанские воины легко справились со стражниками у южных ворот и продержались достаточно долго, чтобы беглецы успели скрыться в ночи. Когда потрясенные чжунские власти сообразили, что происходит, беглые слуги были уже наименьшей из забот.

Вся ночь прошла на удивление удачно, за исключением той части плана, что лежала на Сали. Ей не только не удалось убить Предреченного героя — вдобавок она застряла в этом проклятом городе. Стражники стояли на каждом перекрестке, у ворот, на сторожевых башнях, солдаты перекрывали улицы.

Зрелище было, мягко говоря, живописное. Все три луны озаряли своим светом землю. Незаметность не входила в достоинства Сали, но чжунцев, к счастью, отвлекало слишком многое. Оставаясь на крышах, она избегала царившей внизу сумятицы; Сали перескакивала через узкие проулки или пробиралась по балконам. Несколько раз она замечала небольшие группы людей в черном, которые тоже двигались по крышам. Кто это был — чжунские воины или предприимчивые воры? Сали не стремилась выяснять. Она не подходила близко.

Десяток толстых столбов дыма чернее ночи вздымался в небо, так что над городом висела настоящая туча. Яркие вспышки, рассеивавшие тьму, отвлекали горожан. Как фонари — мотыльков, они притягивали взгляды, позволяя Сали спокойно искать дорогу в Катуанский квартал.

Ей следовало направиться в обратную сторону и поискать выход из города. Если бы все шло по плану, она успела бы нагнать беглецов и была бы уже на полпути к Шиньонским горам. Но конечно, большого везения ждать не стоило. Неудача — после того, как она подобралась так близко, — причиняла Сали почти физическую боль.

Близился рассвет, когда она миновала окружавшую квартал стену, отыскав небольшую брешь между патрулями. Это был бег наперегонки с восходящим солнцем. Ее

пальцы как будто превратились в когти. Сали вспрыгнула на стену, перебралась на ту сторону, спустилась наземь и скрылась в темном углу. Она быстро прикинула, где находится, и направилась к гостинице в противоположном конце квартала. Ранним утром было достаточно сумрака, но тени быстро таяли.

Сали уже собиралась свернуть на главную улицу, когда ей пришлось быстро нырнуть в укрытие. Повсюду маячили остроконечные шляпы. Стражники вышибали двери и вытаскивали людей из домов. Большая группа катуанцев уже была окружена и стояла на коленях на мостовой. Сали прикусила губу. Она ничего не могла сделать, а пожелание смерти еще никому не приносило пользы.

Сали отступила глубже в переулок; пригнувшись, она миновала небольшой палаточный городок, свалку и ступила на узкую дорожку между двумя зданиями. Над головой, заслоняя небо, в несколько слоев тянулись матерчатые навесы. Сали быстро свернула на перекрестке, заметив компанию островерхих шляп, направляющуюся в противоположную сторону. Кто-то заорал — значит, они ее тоже заметили.

Она запетляла среди препятствий, перескакивая через обломки и мусор, потом пересекла небольшой мост и двинулась по улочке, которая шла вдоль сточной канавы.

— Держите ее! — закричали за спиной.

Сали снова повернула — и врезалась прямоком в еще одну кучку островерхих шляп. Обе стороны испугались. Преимущество было за тем, кто опомнится первым. Сали кулаком уложила наземь ближайшего стражника, а следующего сбросила в канаву. Дубинка отскочила от ее груди. Третьего противника она ударила древком копья в горло, заставив булькать и задыхаться, как рыба на суше.

Последний солдат — рослый, дюжий — обхватил Сали руками и швырнул об стену. К счастью, на ней был доспех, и ребра она не сломала. Они шумно и грубо боролись, ударяя друг друга об стены и деревянный забор. Противник

дышал быстро и зло. Сали положила конец схватке, нани-
зав его на острый кол забора.

Она двинулась дальше. Крики тем временем слышались
все ближе — вскоре они уже неслись со всех сторон. Сали
остановилась в маленьком убогом дворике, зажatom меж
четырех домов, и лихорадочно огляделась. Она влезла бы
на крышу, но стены были гладкими, уцепиться не за что.
Подъем собственными силами занял бы слишком много
времени.

Это место казалось смутно знакомым. Сали заметила
лимонное дерево, изнывающее в жалком садике. Ее взгляд
упал на лестницу, ведущую вниз. Ну конечно!

Перепрыгнув через ограду, она негромко, но решитель-
но застучала в дверь. Никто не отозвался, и она достала
кинжал, чтобы вогнать его между дверью и косяком. Удар
ногой наделал бы слишком много шума.

Сали уже собиралась взломать хлипкую дверь, когда она
распахнулась. Кваза стоял на пороге, размахнувшись корот-
ким копьём. Он опустил оружие и жестом велел Сали зайти.

— Сальминдэ, что ты здесь делаешь? Ты должна быть
далеко отсюда вместе с беглецами!

— Кое-что произошло.

Или, точнее, не произошло.

— Непредвиденные обстоятельства. Я буду действовать
иначе.

Как будто у нее был какой-то замысел!

— Можешь меня спрятать?

Хранитель Бросков Гадюки ответил:

— Конечно.

Она шагнула за порог, и он задвинул щеколду. Сали
достала кинжал и пригнулась, стоя у двери. Кваза встал
с другой стороны. Они ждали. Тишину нарушили сначала
крики и шаги, потом раздался стук. Стучавший подождал
и ушел. Постепенно вновь воцарилось обычное утреннее
спокойствие.

Кваза выглянул в щелку.

— Никого.

Он прислонил копьё к стене и посмотрел на Сали.

— Я вижу, ты взялась за старые привычки — где-то бродишь по ночам. Я всегда тебе говорил, что в темноте ничего хорошего не бывает. — Он указал на кухонную плиту. — Хочешь чаю?

Наконец Сали дала себе волю. Она негромко рассмеялась и ощутила неподдельное облегчение.

— Это было бы прекрасно, названный дядюшка.

Измученная, она уселась на служивший стулом пень, пока Кваза суетился вокруг, надев рваный холщовый фартук. На минуту она снова стала девочкой, сидевшей у родного очага и слушавшей, как Кваза повествует о тех необыкновенных днях, когда он готовил на походном костре во время очередного набега. Кваза некогда превосходно владел копьем; вероятно, он и теперь еще мог помериться силами с лучшими бойцами Катута.

Сали стало стыдно, что после приезда она слишком редко его видела. Время шло так быстро. Многого нужно было сделать; занятая подготовкой побега и убийством мальчишки, она совсем забыла о старом друге.

— Кваза, прости, что не навестила тебя раньше.

— Пустяки, Сальминдэ, — опекун улыбнулся. — Ты была по горло занята. Другого я и не ожидал от дочери моей названной сестры Милиэны.

Сали нахмурилась:

— Ты знал о побеге? Ты тоже состоял в подполье?

— Кто в нем только не состоял... — Кваза расплылся в широкой беззубой улыбке. — Я вошел в него одним из первых, когда узнал, кто нас возглавит.

— Не я была вожаком, — возразила Сали. — Не знаю, кто пустил этот слух.

— Ну, никто и не утверждал, что ты вожак. Говорили, что все это начал какой-то мальчишка-жестяник. — Кваза достал треснутый глиняный чайник и две чашки. — Но Незра знает своих героев. Мы все полагали — все

знали, — что, раз уж ты присоединилась к заговорщикам, ты станешь голосом своего народа.

Сали покраснела и посмотрела по сторонам.

— Я должна кое в чем признаться.

— Ты можешь говорить со мной откровенно, Сальминдэ.

— Это все ложь. Говорят, я явилась, чтобы спасти свой народ. Но я просто разыскивала сестру. И даже не думала... — она обвела жестом убогий домишко, — о страданиях, которые терпели мои соплеменники. Это Мали убедила меня помочь людям. Я опозорена.

— Я знал, зачем ты приехала, дитя, и все знали. Твоя семья всегда была честолюбива, высокомерна, даже спесива, но не забывала о чести. В этом тебя никто не упрекнет. Важно лишь то, какой выбор ты сделала. Ты бы могла покинуть город вместе с Мали и вернуться в Травяное море. Никто не сказал бы о тебе худого слова. Но ты предпочла остаться и рискнуть.

— У меня закончились мешки... — проворчала Сали.

В глубине души она знала, что охотно бросила бы своих соплеменников на произвол судьбы, если бы Мали не сопротивлялась. К счастью, ее добрая заботливая сестренка оказалась еще и упрямой.

Они сидели и пили чай, пережидая суматоху в городе. Приятно было отдохнуть после ночных приключений. Кваза, неизменно хороший рассказчик, вспоминал детство Сали. Та много раз слышала эти истории. Кваза любил их перебирать. Звуки знакомого голоса успокаивали и согревали ее.

— Ты, не дрогнув, можешь усмирить взглядом стаю хищных птиц, однако вопишь как девчонка при виде безобидного садового паучка. — Кваза не то закашлял, не то засмеялся. — Я тоже должен кое в чем признаться. Помнишь мешок с пауками, который оказался у тебя на седле, когда ты обучалась конному бою?

Сали содрогнулась.

— Не напоминай.

— Это я насажал пауков в седельные сумки. По приказу Алины. Насколько я помню, ты с треском провалила испытание.

— Что?! — Сали побагровела. — Я направила лошадь прямо к водопаду, и мы обе чуть не утонули...

Кваза хрипло засмеялся.

— Знаю. В конце концов я тебя оттуда выудил.

Это произошло давным-давно, но жгучее унижение по-прежнему напоминало о себе. Наставники все-таки отучили Сали бояться пауков, пускай для этого им пришлось продержать ее в яме с насекомыми три дня. Но до сих пор мерзкие многоногие твари ей не нравились.

Сали сидела, одной рукой держа чашку, а другую положив на рукоять кнута. По правде говоря, она слушала Квазу лишь краем уха, а в голове у нее крутились события минувшей ночи. Она подобралась так близко. Она настигла мальчишку. Это был ее шанс — возможно, единственный для Сали и для всего народа Катуга, — и она потерпела поражение. Уже дважды. От такого позора не отмоешься. Очистить свое имя она могла лишь одним способом. С губ Сали сорвалось проклятие.

— Что случилось? — спросил Кваза, заметив ее стиснутый кулак.

Беспокойство Сали никогда не оставалось для него тайной.

— Прости. Я отвлеклась, — Сали взглянула на утренние лучи, пробивавшиеся сквозь щели. — Не знаю, удалось ли беглецам выйти из города. Тех, кто выжил после нападения на школу, я отправила следом. И понятия не имею, где Мали и мой ученик.

Кваза поднял бровь.

— Сальминдэ, у тебя есть ученик?

Она вздохнула:

— Честно говоря, это было необдуманное решение, которое я приняла со зла.

— Хочешь, я схожу на разведку? Изможденный старик не вызовет у стражи подозрений.

— Нет, ты и так сделал достаточно, друг мой. — Сали допила чай и встала. — Уже почти полдень. Мне пора. Спасибо за приют и утешение.

Мысль о том, что, вероятно, они видятся в последний раз, нахлынула на нее с небывалой силой.

— Спасибо за все.

Улыбка и непоколебимое спокойствие Квазы были так же приятны теперь, как в тот день, когда перепутанная, взволнованная девочка впервые вошла в дом Бросков Гадюки.

— Ты подарила старику драгоценное последнее воспоминание, дитя мое.

Сали обняла его и повернулась к двери.

— Почему ты не ушел со всеми? Неужели предпочитаешь умереть здесь? Твой дом — в Травяном море.

Кваза пожал плечами.

— В Цзэи десятки стариков поддерживали подпольщиков, но сами решили не уходить. Дело не в том, что нам не хочется домой. Мы стары и слабы, мы лишь задержим беглецов. Наша жизнь близится к концу. Мы надеемся, что, оставшись, поможем грядущим поколениям увидеть то, что больше не увидим мы.

На глазах Сали выступили слезы, голос дрогнул:

— Твое место всегда будет у моего очага, названный дядя, и, пока бьется мое сердце, ты будешь в нем жить.

Они долго стояли, обнявшись. Руки у Сали дрожали. Она знала: даже если ей удастся выбраться из Цзэи, часть ее души останется здесь.

— Однажды я вернусь за тобой, — сказала она.

— Я уже обрел покой, — решительно произнес Кваза, провожая ее до двери. — А теперь веди домой свой народ.

Сали покинула дом Квазы, раздираемая противоречивыми чувствами. Ей до сих пор не приходило в голову, отчего так много подпольщиков предпочло остаться. Если побег окажется удачным, те, кто остался в Цзэи, будут позабыты. Впрочем, Сали решила приложить все силы, чтобы к их жертве отнеслись с должным почтением.

Ночной хаос утих с рассветом, но в воздухе еще висело напряжение: стражники стояли на перекрестках и патрулировали улицы. Сали пришлось пробираться задними дворами и переулками, пока она не достигла ворот квартала. У гостиницы она обнаружила целую толпу.

Дыхание у нее замерло, когда стражники вытащили хозяина гостиницы Эсуна и швырнули его на колени. Стражник с двумя перьями на шляпе, торчавшими, как кроличьи уши, во всеуслышание объявил на катуанском, что арестованный принимал у себя заговорщиков. Затем, под крики и оханье толпы, другой стражник накинул на шею Эсуна петлю и затянул ее, нажав ногой в спину.

Сали подавила желание выскочить, броситься в драку и уложить на месте как можно больше чжунцев. Она напонила себе, что бессмысленные жертвы — не жертвы вовсе, а просто тщетная попытка исцелить раненую гордость. И все-таки пылкий нрав и ярость чуть не одержали верх над разумом.

— Эй, эй... наставница, Сальминдэ! — прошептал кто-то сверху.

Сали подняла голову и увидела на соседней крыше Хампу. Он махал рукой, стараясь не привлекать к себе внимания чжунцев.

Она тихо выругалась.

— Хампа, что ты здесь делаешь?

Он ткнул пальцем в конец переулка и исчез.

— Вот дурак.

На сей раз он решил ее не послушаться. У Сали не оставалось выбора, кроме как пойти туда, куда он показал.

По крайней мере, молодой человек пережил нападение на школу (в основном благодаря тому, что она оставила его стеречь ворота). Ночью Сали потеряла половину отряда, хороших бойцов... во всяком случае, верных. Они были готовы рискнуть жизнью ради блага Катуа.

Они встретились за разбитой дверью брошенного дома. Хампа, казалось, был измучен еще больше, чем она.

Сали ухватила парня за рубашку.

— Я велела тебе уйти с остальными и догонять беглецов.

— А я сказал, что мое место рядом с вами, — огрызнулся тот. — Говорите что хотите.

В конце концов он выказал немного силы духа. Сали этого ждала. Ритуал Неповиновения был давней традицией среди Бросков Гадюки. Как долго наставник сможет давить, прежде чем новичок наконец даст сдачи? Хампе понадобилось немало времени. Сали тоже. По крайней мере, Хампа не льнул к ней так, словно она была Ханом. Даже Цзяминь не требовал столько униженного поклонения.

Она уже собиралась поздравить его с тем, что наконец он отрастил зубы, но вдруг принялась и отпрянула.

— Что за вонь?

— Я прыгнул в зеленую реку, которая течет посреди города, — ответил юноша и содрогнулся. — Так и спасся. Чжунцы страшно неопрятны. Их водоемы забиты мусором.

У Сали не хватило духу сказать ему, что в Цзяи нет никакой реки.

— Что ты делал на крыше? — спросила она.

— Меня отыскал один из друзей Самайи. Я наблюдал за вами. Пойдемте.

Хампа провел ее в маленький заброшенный храм Тянь-ди, наполовину ушедший в лужу сточных вод. В задней части здания оставалась кладовка — еще сухая. В углу лежала куча сена, посреди пола виднелся недавно потушенный очаг.

— Отдохнем, — сказал Хампа. — Самая скоро к нам придет. Можете лечь там.

У Сали не хватило сил спорить. Ночная битва отняла у нее больше сил, чем она думала. Как-никак, пришлось схватиться с двумя мастерами. После Лунсяня она вымоталась. Этот мужчина драться умел — будь он помоложе, она не отделалась бы так легко. Оба поняли, каким будет исход, как только клинки скрестились. Она оставила бы ему жизнь, если бы он сдался, но мастер твердо вознамерился спасти мальчишек. Этот порыв был достоин уважения.

А старуха... представляла собой нечто иное. С первого удара Сали ощутила ее силу. Кем была эта женщина и что она делала в Цзяи? Сали измоталась, всего лишь противостоя ударам.

Она всегда неохотно вспоминала о том, что обычно побеждала Цзяминя, прежде чем он сделался Вечным Ханом, а затем начала ему проигрывать. Так вот, эта женщина не уступила бы и Хану. Если она взялась защищать Предреченного героя, значит, миссии Сали пришел конец. Вряд ли она сумела бы в одиночку победить великого мастера.

Усталость наконец взяла верх над тревожными раздумьями. От соломы пахло гнилью и блевотиной, стебли царапали кожу, но сон одолел Сали, едва та закрыла глаза.

Глава 39

В укрытии

Михе влетела в больницу, громко хлопнув дверью, аж затряслись стены.

Цзянь, который как раз спорил с Цюфи насчет того, как лучше расставить склянки на полках, поднял голову.

— Привет, Михе, как прошла встреча... — он смущенно кашлянул, — с друзьями?

— Некогда! Прячьтесь все, живо! Она идет сюда!

Только одна женщина, по мнению Цзяня, могла внушать такой страх. Он вскочил и схватился за ближайшее оружие. Им оказалась метелка.

— Что? Она нас нашла? Как?

Пахм и Синьдэ, сидевшие у очага, на котором кипел маленький чайник, поднялись.

— Кто нас нашел? — уточнил старший ученик.

— Моя наставница, кто еще! Сейчас будет срочная операция! — И ученица иглоукалывателя принялась смахивать

все подряд со столов и рассовывать вещи по углам. — Почему здесь такой бардак?

Тайши, дремавшая на столе посреди комнаты, приподняла полотенце с лица.

— Что ты несешь, девочка?

— Доктор Куи придет через час! Нужно все прибрать! Шевелитесь!

— А. Разбуди меня за пять минут до ее прихода, — сказала Тайши, накрыла лицо полотенцем и отвернулась.

— А я думал, твоя наставница за городом, — сказал Цзянь.

— Гиро, срочная операция! — крикнула Михе и принялась. — Что за вонь?

Пахм указал на кипящий горшок.

— Мы варим рисовый суп. Хочешь есть?

Михе прищурилась:

— Да, я умираю от голода, но почему так странно пахнет?

Она указала пальцем на мелко нарезанные травы, лежавшие на дощечке.

— Это то, что я думаю?

Пахм взял какой-то корешок и принялся.

— Ты имеешь в виду имбирь?

Михе выхватила из огромной ручищи скрюченный корешок и потрясла им перед носом у Пахма.

— Нет. Это — кроличий корень. Им лечат бесплодие, и он на вес золота. Кто разрешил тебе брать его с полки?

Пахм страшно смутился. Он возвышался над остальными, даже когда сидел на корточках.

— Я не знал...

— Мастер меня убьет, тупой ты осел. Этот корень созревает раз в шесть циклов!

Ханьсу склонил голову.

— Прости, — промямлил он и вышел.

Михе тоже смутилась, когда огромный монах, понурившись и волоча ноги, удалился в сад.

— Что с ним такое? А, ладно. Беритесь за уборку! Если Куи обнаружит, что я превратила больницу в ночлежку, она выкинет на улицу нас всех.

— Послушай, — негромко сказал Синьдэ. — Это вышло случайно. Не ругай Пахма. Он хотел как лучше. У нас ничего не было, кроме риса, и он решил приготовить что-нибудь вкусненькое.

— Я еще даже не начала его ругать!

— Пахм все принимает близко к сердцу. Пожалуйста, будь с ним помягче.

Михе пожала плечами.

— Как скажешь. Я уже обо всем забыла. Просто придется накопать еще корня, а это нелегко. — Она повернулась к Цзяню. — Слушай, Гиро, то есть Цзянь, ну или кто ты там. Зажги вон те свечи. Нужно растопить воск до прихода мастера.

— Я сделаю, — сказала Цофи, отходя от полок с пузырьками.

Когда Цзянь потянулся к очередной склянке, она медленно вернулась и шлепнула его по руке.

— Не трогай ничего, пока я не вернусь. Я не хочу, чтоб ты нарушил мой порядок.

Потирая руку, он наблюдал за Цофи, которая направилась на помощь Михе. Кто она такая, чтобы отдавать ему приказы? Цзянь задумался. За те три дня, что они просидели в больнице, он выяснил, что Цофи кропотлива и внимательна. Даже слишком. Ничто, казалось, от нее не ускользало. Она не только умела хорошо считать. Также Цофи обладала неприятной способностью предугадывать его действия. Она продемонстрировала это, с треском обыграв Цзяня в «осаду» — известную настольную игру, для которой требовались расчерченная деревянная доска и горсть цветных камушков. Цофи безжалостно обставила противника девять раз из десяти, причем самым невеликодушным образом, злорадно отвоевывая клетку за клеткой, пока Цзянь не оставался с одиноким камушком на руках.

Все принялись за уборку, в том числе Пахм, после того как Синьдэ убедил Михе извиниться. Оттого что в ней теснилось столько людей, больница и впрямь стала похожа на ночлежку. Они только и смогли, что кое-как прибрать за собой (до тех пор гости этим пренебрегали). Только Тайши не шевельнула и пальцем, продолжая тихо похрюпывать на столе посреди комнаты. Михе уже собиралась согнать ее со стола, но Цзянь и Синьдэ дружно бросились к ней и остановили девушку.

— Кем эта старуха себя возомнила? — сердито спросила Михе, отступая.

— Просто не буди ее, — посоветовал Синьдэ.

— И старухой тоже лучше не называй, — добавил Цзянь.

Наконец дом приобрел относительно приличный вид, способный удовлетворить Михе. Она загнала гостей в спальню, а Пахма спрятала за садовым сараем.

Вскоре в больнице послышались голоса, а затем — странный звук, похожий на стук копыт. Куи пронзительным голосом потребовала зажечь свет. Михе вышла, чтобы встретить нового пациента... и тут раздалось мычание.

— Это моя ученица Михе, — сказала доктор Куи. — Почему здесь так грязно, дитя мое?

— Приношу свои глубочайшие извинения, мастер, — ответила Михе. — Я не успела прибраться.

— Надо успевать! — резко сказала Куи. — В лечебном заведении должно быть чисто.

— Да, мастер.

— Отодвинь стол и приготовь его для больной, — велела Куи и продолжала, гораздо ласковее: — Так, так, милая, подойди поближе, не бойся.

Вновь послышалось мычание.

Тайши, еще полусонная, моргнула.

— Она лечит коров?

— Только когда в делах застой, — объяснил Цзянь.

Почему-то он подумал, что Тайши нужно это знать.

Большую часть дня они провели в укрытии. В соседней комнате слышались мычание и сопение. Один раз корова ударила копытом в стенку; Михе велели убрать навоз. Наконец голоса на той стороне стихли. Первой вышла корова, а следом трое мужчин. Куи отдала Михе последние распоряжения и захлопнула дверь с такой силой, что задрожали стены.

Дверь спальни распахнулась, и в комнату заглянула измученная Михе. Передник у нее был запачкан кровью.

— Выходите, — устало сказала она.

Друзья окинули взглядом помещение у девушки за спиной: оно было похоже на бойню. У Синьдэ отвисла челюсть, а глаза стали круглыми, как блюдца.

— Что случилось...

Михе вскинула руку.

— Не надо!

— Конечно. Конечно. Кстати, как прошла встреча?

Михе щелкнула пальцами.

— Совсем забыла! Я получила ответ. Мои люди согласились вывезти вас из города. Моего отца помнят в Цзяи.

Цзяню стало одновременно радостно и страшно.

— Правда?

Цофи подняла бровь:

— Кто такие эти «твои люди»?

— Долго рассказывать, — вмешался Цзянь. — Да и не надо...

— Железная Сталь, — перебила Михе и торжествующе воздела кулачок в воздух.

Цофи хлопнула глазами.

— Преступники?

— Ты сказала, что знаешь, как выбраться из города? — спросила Тайши, проталкиваясь вперед. — Как? Когда?

— Когда в следующий раз повезут оружие. Мне не сообщили, когда именно, так что просто будьте готовы. Может быть, сегодня вечером. Или через неделю, — ответила Михе. — Когда это случится, около полуночи подъедет

повозка мусорщика. Нас высалят у входа в сточную трубу и проводят за пределы города.

— Ты пойдешь с нами? — спросил Цзянь.

— Только до городских стен. Кто-то должен говорить с Железной Сталью.

— А ты? — спросил Цзянь у Синьдэ. — Ты с нами?

Тот помедлил.

— Я так далеко не загадывал.

Тогда Цзянь вспомнил, что не только он лишился всего. Жизнь старшего ученика до сих пор была неразрывно связана с Лунсянем. Синьдэ потерял не только наставника, но и крышу над головой. Не будь Цзянь так поглощен собой, он задумался бы над тем, в какой мере его присутствие отразилось на остальных.

Но думать долго было некогда, поскольку Михе заставила их отрабатывать оказанное гостеприимство. Им пришлось убирать коровьи внутренности и оттирать буквально все вокруг, чтобы мастеру Куи больше не пришлось бранить ее за «чужое свинство» (так выразилась Михе, прежде чем уйти мыться).

Синьдэ мыл полы, а Пахм расставлял мебель. Цюфи помогала кипятить иглы, Цзянь собирал окровавленное тряпье. Они провозились до ночи и продолжили на следующий день, прерываясь лишь для скромной трапезы. Каждый раз Пахм поднимал тяжелый операционный стол одной рукой и относил его в угол, как мешок с мукой, чтобы можно было усесться на пол. После еды он ставил стол обратно. Цзянь дивился силе боевого монаха. Они едва перекинулись парой слов с той минуты, как познакомились, и это было просто чудо, учитывая тесноту.

— Эй, Пахм, — улыбнувшись, сказал Цзянь. — Мы ведь толком не поговорили. Я бы очень хотел узнать о тебе побольше, раз уж мы оказались повязаны.

Пахм, округлив глаза, что-то тихо и невнятно пробормотал.

— Что? — переспросил Цзянь.

— Ханьсу служат Тяньди, Ваша Святость.

Странно было слышать, что такой громадный человек говорит почти шепотом.

Цзянь испугался.

— Пожалуйста, не называй меня так. Я просто Вэнь Цзянь. Тайши сказала, ты монах Ханьсу. Я никогда раньше не видел их вблизи. Воистину, ты потрясает воображение. Кажется, недавно ты лишился наставника? Соболезную.

— Брат Люмань служил Тяньди.

— Понимаю... — Цзянь помолчал. — Я слышал удивительные рассказы о храбрости Ханьсу в бою.

— Мы посвящаем душу и тело...

Цзянь не разобрал остального.

— Простите, мне надо... двигать мебель, — коротко сказал Пахм, поставил стол на место и отошел в дальний угол.

Этот тип не просто казался высеченным из камня, он и вел себя как каменный. У Цзяня истощилось терпение.

— Послушай, я тебя обидел?

Пахм сдвинул плечи.

— Конечно, нет, Ваша Святость. Пожалуйста, прости-те меня. — И поспешно вышел в сад.

Цзянь был удивлен.

— Я что-то не то сказал?

Тайши усмехнулась:

— Ты не понимаешь, да?

— Что?

— Ты не понимаешь, какое значение имеешь для этих людей. Предреченный герой — основа культа Тяньди. Ты — легендарный спаситель, почти бог... — Тайши взглянула на Пахма. — Ханьсу — самые преданные из всех служителей Тяньди. Преданность помогает им вытерпеть мучительные испытания, через которые они проходят, чтобы стать такими.

Она вновь повернулась к Цзяню:

— Они идут на это добровольно. Ради тебя. А ты этого даже не знаешь.

— Знаю, конечно, — выпалил Цзянь.

— Правда? Подумай, мальчик. Хорошенько подумай.

Цзянь обратился к собственной душе и вдруг усомнился в том, что ему действительно это известно. Высоту своего положения он всегда считал данностью. Но после знакомства с Ханьсу, после стольких жертв, которые были принесены ради его защиты, Цзянь наконец понял, кто он такой. В прошлом он принимал чужое поклонение как должное, но после недавних событий стал относиться к людской вере со смирением, а не с гордостью. Он впервые осознал свою ответственность.

У него все сжалось внутри. Цзянь посмотрел на Ханьсу, который одно за другим надевал на запястье железные кольца.

— Если я главная фигура его веры, почему он так странно себя ведет при мне?

Тайши не стала выбирать слова:

— Возможно, он разочарован.

Цзянь поморщился:

— Его разочаровало несбывшееся пророчество — или я сам?

— Сам подумай, мальчик. Пророчество гласит о могучем воине, который победит неуязвимого Вечного Хана. Его предназначение — привести чжунцев к победе, положить начало эпохе мира и процветания и так далее. О герое пяти Поднебесных, устроившем рай на земле, складывают песни, стихи и сказки. Подумай, как, с точки зрения верующего, должен выглядеть спаситель.

Тайши схватила юношу за плечи и развернула к зеркалу.

— Посмотри на себя.

— Это несправедливо!

Тайши пожалла плечами:

— Ничего личного, мальчик. Попробуйся влезть в шкуру Пахма, хоть она для тебя и великовата. Рухнул не только главный догмат его веры — ну, или ему так кажется. (Отчего-то эти слова совсем не понравились Цзяню.) А когда на него сошло благословение и он удостоился встречи

с легендарным спасителем народов Чжун, вместо могучего воина, почти бога, Пахм увидел самого обыкновенного, ничем не примечательного человека.

— Я еще молод. Мне нужно учиться, — возразил Цзянь. — Я буду готов, когда...

— Неважно. Молодой Ханьсу в любом случае ищет не то, что нужно.

Цзянь нахмурился:

— Мы все еще говорим обо мне?

Тайши закатила глаза:

— Пахм, как большинство людей, замечает только очевидное. Что ты видишь, когда смотришь на меня, Цзянь?

— Ну... — Он запнулся. — Вы...

— Старую, слабую, изувеченную, беспомощную старуху, — сказала Тайши и прижала палец ко лбу Цзяня. — Ровно до тех пор, пока мы не вступим в бой и я не раздавлю твой череп, как перезревшую дыню. Даже военные искусники слишком часто склонны полагать, что сила и мощь кроются в теле, хотя на самом деле тело лишь служит проводником разума и ци.

Не сводя пристального взгляда с Цзяня, Тайши щелкнула пальцами. Зеркало пошло трещинами.

— Эй! — крикнула Михе.

— Я заплачу, — ответила Тайши, по-прежнему глядя на Цзяня. — Пахм разочарован, потому что ты не похож на героя Тяньди. — Она улыбнулась. — Но это неважно. Все наши кумиры в конце концов нас разочаровывают и подводят так или иначе. Лучше не забывай этого, Вэнь Цзянь.

— Вы ведь меня не подведете, Тайши?

— Я уже тебя подвела, мальчик.

Закончив уборку, до конца дня компания готовилась к побегу. Цзянь, испытывая одновременно тревогу и радость, собирал одежду, которая сушилась на веревке в саду. Минуло чуть больше года с тех пор, как он приехал в Цзяи из Небесного дворца, спрятавшись в повозке с овощами. Это произошло как будто много лет назад — и в то же

время казалось, что ничего не изменилось. Он по-прежнему был Предреченным героем, и на него шла охота. Он ничему не научился, не стал мудрее или опытнее. Не приблизился ни на шаг к выполнению пророчества.

По крайней мере, год назад Цзянь знал свою цель. Свое предназначение. Он жил во дворце, служившем домом десяти поколениям императоров, в окружении толпы слуг, под защитой тысяч солдат. У него были лучшие в Просвещенных государствах учителя. Судьба мира покоилась на его плечах. Он что-то *значил*.

И вот он стал простолюдином и должен был бежать из Цзяи так же, как и прибыл, — под покровом ночи, в повозке, нищий, гонимый. Разница заключалась лишь в том, что год назад Цзянь умирал.

Он вздохнул. Побег еще не состоялся. Все вполне могло закончиться смертью.

Цзянь стянул с веревки полусырое одеяние, в котором бежал из Небесного дворца. Он сам не знал, зачем хранил его. Оно изорвалось, испачкалось и полиняло, так что определить изначальный цвет ткани теперь было трудно. Но Цзянь свернул наряд и сунул в мешок.

Оглянувшись, он увидел, что все заняты. Синьдэ и Михе собирали припасы для путешествия, Тайши и Пахм чистили доспехи и оружие. Цюфи в другом конце сада складывала белье. Никого ближе и дороже у Цзяня не было, и с двумя из них он едва успел познакомиться. Он любил Михе, как сестру, уважал Синьдэ и боготворил Тайши. Все трое были самыми обычными людьми.

Впервые в жизни Цзяня это не смущало и не беспокоило. Он продолжал носить мантию героя Тяньди даже после того, как пророчество рухнуло. До сих пор труп пророчества давил на него при каждом шаге. Цзянь повел плечами, чувствуя, как движутся мускулы. Мир казался прежним — и в то же время изменился. Он сам не понимал, в чем дело, но отчего-то улыбнулся, собирая пожитки, перед тем как в очередной раз покинуть все, к чему привязался.

Глава 40

Воля народа

Казалось, только она сомкнула глаза — кто-то сразу принялся ее трясти. Сали застонала, просыпаясь.

— Если мне придется кого-то убить, чтобы выспаться, я это сделаю!

— Уже ночь, Бросок Гадюки, — сказала Самайя.

Сали была готова повернуться на другой бок и отослать старуху до завтра, но тут же тяжкое бремя забот напомнило о себе. Она села, пытаясь согнать сон. Тело возражало; шевельнув плечами, Сали поморщилась. Только тут она поняла, что с нее сняли доспех.

Сали взглянула в сторону двери и заметила стоявшего на страже Хампу. Ее чешуйчатый доспех лежал на полу рядом с ним. Он был вычищен и починен. Хампа даже сумел вынуть поврежденные пластины, починить и поставить их на место. Юноша сделал несколько ошибок при сборке, но в целом справился неплохо, тем более что доспех ночью подвергся серьезному испытанию. Он поступил бесцеремонно, сняв с нее, спящей, доспех, но Сали его простила.

Она подошла к лохани с относительно чистой водой и умылась.

— Какие новости в городе?

Старуха села на сломанный табурет.

— По последнему подсчету за ворота выбрались тысяча четыреста тридцать четыре человека, Бросок Гадюки.

— А сколько не выbralось?

Самайя погрустнела, однако вопрос Сали ей явно понравился. Воины редко интересовались жертвами среди мирных жителей. Они вообще, как правило, об этом не думали.

— Мы потеряли больше полусотни у южных ворот. Еще сто сорок шесть — а с ними повозка и два быка,

груженных припасами, — попались неподалеку от городских стен. Судьба еще восьмидесяти четырех нам не известна: или им не удалось сбежать, или они передумали. Остальные выбрались на свободу, включая тех, кто уцелел после нападения на школу.

Хоть что-то хорошее.

— А Мали?

— Твоя сестра и вождь катуанского подполья возглавляют основной отряд. Они в безопасности, и каждый шаг приближает их к Травяному морю. Больше я ничего не могу рассказать тебе, Бросок Гадюки.

Да уж. Сали покорно вздохнула. К сожалению, решение остаться в Цзяи могло оказаться смертельной ошибкой.

— В городе дела обстоят очень скверно?

— Все равно что пнуть осиное гнездо. Я не видела столько солдатни на улицах с тех пор, как нас сюда пригнали. Цюань Са объявил военное положение во всем командорстве. Теперь городские ворота охраняет целое войско, а Катуанский квартал перекрыт полностью. Стражники ходят из дома в дом, запугивают и бьют людей. Половина княжеской армии окружила Шитан, остальные собираются в погоню за беглецами. Скорее всего, солдаты выступят через три-четыре дня.

Это все не удивило Сали, однако она не думала, что оседлые способны двигаться так быстро. Пока она медлила в Цзяи, беглецы оставались без защиты. Наказание за нарушение кабального договора было суровым. Если чжунская армия настигнет беглецов, выживших, скорее всего, не будет.

— Наши разведчики должны отыскать Предреченного героя.

— Это сложно, — сказала Самая с явным неодобрением. — Почти все лазутчики ушли вместе с беглецами. А те, кто остался здесь, измотаны до предела.

— Как же мне найти мальчишку?

Самая задумалась:

— Есть чжунцы, которые, быть может, тебя выручат. Их ремесло — все знать. Не поручусь, что они согласятся иметь дело с катуанцами, но спрос не беда...

— Да, спроси, пожалуйста. Герой Тяньди имеет перво-степенное значение.

Ну почти.

Старуха кивнула:

— Я сделаю что смогу. А пока тебе лучше оставаться здесь и не показываться на глаза. Стражники хватают всех подряд. На свободе остаются разве что старики, калеки да те, кто добровольно идет в оковы. Ты выделяешься в толпе, как лев в стаде антилоп.

— Пожалуйста, поскорее. Чем дольше я торчу в Цзяи, тем дальше уходят беглецы.

— Я вернусь, как только что-нибудь узнаю. — Самаяя приложила кулак к сердцу и заковывала к двери.

Ожидание растянулось на два дня. На исходе третьего Самаяя прислала известие, что чжунские торговцы в сведениях ей отказали. Шелкопряды не желали иметь дело с катуанцами. Но все-таки она еще попытается...

На четвертый день Сали уже не находила себе места от тревоги. Пребывание в Цзяи становилось бессмысленным; она начала сомневаться в своем решении. Желая сделать хоть что-то — что угодно, — она вышла из укрытия, намереваясь вернуться в школу и поискать следы. Однако стражники по-прежнему наводняли Катуанский квартал — по улицам ходили патрули и дозоры, на стене через каждые двадцать шагов стояли солдаты. Сали не сумела бы выскользнуть незаметно. Квартал превратился в тюрьму.

Круг еще сузился, когда на следующий день в укрытие явилась вооруженная компания. Сали удивилась тому, *кто* за ней пришел.

Скрестив руки на груди, она наблюдала за тем, как незваные гости ее окружали. Их предводитель вошел последним.

— Вот, значит, как все закончилось. Могучий начальник обороны Незры рубит дрова и таскает воду для оседлых. Как ты меня отыскал?

— Совет Незры по-прежнему возглавляет людей, Сали. То, что от них осталось.

Ариун, по правде говоря, выглядел скверно, как будто несколько дней не спал. Но в глазах у него блестела сталь. Он был готов убивать.

— Ты знаешь, какие беды обрушила на наш народ?

Она кивнула:

— Знаю.

— Солдаты хватают тех, кто остался, — старых, больных, понятия не имевших о заговоре. Их пытаются, допрашивают, убивают. Из-за тебя.

— У меня болит сердце от скорби, — ответила Сали, — но разве это не означает, что наш народ непременно нужно вырвать из-под гнета оседлых?

— Мы жили в мире! — взревел Ариун. — Мы обрели спокойствие, порядок, даже процветание... хотя бы для некоторых.

— Не может быть ни мира, ни процветания для тех, кто принужден к рабскому труду!

— Три четверти... — Ариун заходил по комнате. — Твой побег привел три четверти нашего народа к гибели.

— Нет — если они вернутся в Травяное море.

Ариун снял с пояса большую дубину.

— Их смерть будет на твоей совести.

Начальник обороны был грозным бойцом, особенно в тесной комнате и в сопровождении десятка стражей.

«Жребий брошен».

Ариун подступил ближе.

— Слушай, Сальминдэ. Чжунцы требуют твоего ареста. Так же как Жало было ценой, которую мне пришлось заплатить, чтобы наш народ получил право голоса, твоя жизнь станет ценой мира.

Сали, не дрогнув, встретила его взгляд.

— Те, кто ушел, не выживут без моей помощи. Ты сам сказал: я за них отвечаю.

— Ты пойдешь добровольно или нет? — прошипел Ариун.

Сали решительно ответила:

— На кону нечто большее, чем моя голова, Ариун. Подумай сам. Герой Тяньди здесь. Здесь, в этом городе. Необходимо найти следующего Хана. Беглецы нуждаются в руководстве и защите. Незра может возродиться. Хватит прятаться. Нужно встать во весь рост.

— Сдаться — вот как ты можешь искупить свою вину перед теми, кто остался. Соглашайся по-хорошему!

И Ариун потянулся за ее кнутом.

Сали одной рукой схватила его за запястье, другой достала нож.

— Я не буду служить оседлым и не сдамся в плен добровольно. Если ты обязан выдать меня чжунцам, то отдашь им только мое тело. Моя душа обретет свободу. — Она обратила нож лезвием на себя. — Это придется сделать тебе, Ариун, — сказала Сали, наклоняясь к его уху. — Я тебя не виню.

Ариун долго смотрел на нож. Он взялся своей большой мозолистой рукой за рукоятку и стиснул ее так сильно, что пальцы у него побелели. Рука у бывшего начальника обороны задрожала. Сали пристально смотрела в лицо Ариуну, ожидая смертельного удара.

Прошла целая вечность.

И тут тело Ариуна содрогнулось. Он издал мучительный сдавленный крик и швырнул нож на пол, а потом выругался и заходил по комнате, потрясая кулаками. Сали и стражники стояли неподвижно. Глава Совета Незры пинком опрокинул бочонок и наконец, отчасти излив гнев, повернулся к Сали.

— Обещай, что отведешь беглецов в Травяное море. Обещай, что будешь их защищать. Обещай, что Незра поднимется. Обещай мне все это!

— Клянусь звездами на небе, наследием моей крови, моим отцом Фаальсой и матерью Милиэной, клянусь неувядающей силой Вечного Хана и духом нашего народа, — торжественно ответила Сали. — Беглецы увидят, как солнце встает над Травяным морем. Витые башни Незры поднимутся вновь. Наши люди обретут дом.

Несколько мгновений Ариун молчал. Многочисленные морщины у него на лице постепенно разглаживались. Наконец он кивнул.

— Нельзя предложить больше, чем человек имеет. Ты уж постарайся, Сальминдэ. — Он обвел взглядом комнату. — Перебирайтесь в дом Совета. Там вы будете под нашей защитой. А здесь настоящее болото. Вы подцепите лихорадку.

Сали потрясенно наблюдала, как стражи Совета один за другим уходят.

— Что дальше, Ариун?

— А что еще можно сделать? Чжунцы требуют возмещения ущерба от тех, кто остался. Придется платить.

— Это лишнее... — начала Сали.

Ариун перебил ее, шагнув к двери:

— Не трать слов. Что сделано, то сделано. Если наши пути еще пересекутся, заberi Жало у этой паршивой шавки Цюань Са и отдай моей семье.

Глава 41

Странные союзы

Старуха-катуанка, задававшая вопросы, выглядела не так, как на рисунке, зато словесное описание оказалось точным. Художнику, нанятому Эйфанем, следовало сменить ремесло.

Цисами переходила из тени в тень, с профессиональной скрытностью следуя за старухой. Женщина часто

останавливалась, чтобы побеседовать с прохожими и владельцами лавок. Очевидно, в этом квартале она была важной особой, хоть и ходила в лохмотьях. Она предложила шелкопрядам щедрую награду. Цисами задумалась, каким образом служанке-полурабыне удалось наскрести столько лянов. Очевидно, ее послало какое-то могущественное лицо.

Шелкопряды редко отказывались от сотрудничества с катуанцами. Торговцы сведениями были мерзкими личностями, но в большинстве своем просто хотели заработать и принимали предложения от всех, даже от врагов Чжун. Сведения есть сведения, золото есть золото, власть есть власть.

Цисами сделала ход, когда женщина вошла в ветхий домишко. Едва старуха открыла дверь, за которой был непроглядный мрак, Цисами шагнула в тень на противоположной стороне улицы и оказалась в комнате. Катуанка страшно испугалась, когда, войдя, обнаружила незнакомку, сидевшую на шатком табурете.

Цисами помахала рукой:

— Здравствуй.

Женщина замерла.

— Прошу прощения, госпожа. Я, видимо, ошиблась домом.

Прежде чем старуха успела удалиться, Цисами изящно поднялась, ступила в тень и появилась в коридоре. Она толкнула женщину обратно и закрыла у нее за спиной дверь.

Старуха ахнула:

— Что ты за демон?

— Желающий помочь, — язвительно сказала Цисами. — Ходят слухи, что одна катуанская карга разыскивает юношу, обучавшегося в Лунсяньской школе боевых искусств.

Женщина прищурилась:

— Ты шелкопряд?

— Не совсем, — ответила Цисами. — Но полагаю, мы можем оказаться полезны друг другу. У меня есть предложение для твоей клиентки, поскольку мы обе знаем, что эти сведения ты покупаешь не для себя. Отведи меня к ней,

и я обещаю, что эта история хорошо закончится для всех заинтересованных сторон.

Женщина задумалась и покачала головой.

— Извини. Ты меня с кем-то спутала.

Она хотела выйти, но Цисами продолжала подпирать дверь. Женщина спросила:

— Я в плену?

Цисами отошла.

— Я всего лишь делаю тебе дружеское предложение. Если передумаешь... — она огляделась, — ...нарисуй на этой стене кружок.

— Ничего не понимаю. Я жалкая простолюдинка, господа.

— Не сомневаюсь.

Цисами позволила старухе выйти и снова двинулась за ней. Теперь катуанка шла быстрее, несмотря на возраст, и уже не останавливалась на каждом шагу, чтобы поговорить со встречаемыми. Зайдя в глубь квартала, она остановилась у ворот полузаброшенного особняка. Старуха перекинулась с охранниками парой слов и вошла.

Цисами понадобилось не более трех мгновений, чтобы проскользнуть мимо этих недоумков; вскоре она уже крадась за старухой по ветхому особняку, кишевшему катуанцами. Можно было подумать, что здесь находится нечто вроде посольства. Слежка стала гораздо увлекательнее. Прятаться от ходивших вокруг катуанцев, скользить по коридорам, ступать в тень и выходить из нее — все это напоминало игру. Наконец старуха открыла заднюю дверь и вышла в сад. Она пересекла мостик и направилась к павильону, стоявшему на маленьком острове посреди пруда.

Дальше Цисами не могла пройти незамеченной. У моста стояли двое вооруженных стражников, сам пруд был достаточно обширным, а местность вокруг него — по большей части открытой, так что, сколько бы она ни пряталась в тени, ей не удалось бы добраться до острова тайком. Оставался излюбленный вариант — идти напролом. Нужно

было лишь дожидаться подтверждения, и она получила его, когда высокая женщина с густой шевелюрой поднялась навстречу старухе.

Цисами вышла из цветника, в котором пряталась, и устремилась к страже у моста. Судя по тому, как они расслабленно опирались на свои заостренные палки, бдительности им не доставало. Живые щиты, которыми прикрываются от вражеских стрел, прежде чем в дело пойдут настоящие солдаты.

Цисами оказалась рядом, прежде чем они успели спохватиться. Она помахала рукой.

— Эй, слабаки.

Поскольку это был дипломатический визит, Цисами решила вести себя вежливо. Она по опыту знала, что хорошие отношения сложно наладить, если начать с убийства.

Оба стражника двигались очень медленно. Она покачала их за ошибку крепкими пинками. Они успели издать предостерегающий вопль, перед тем как плюхнуться в зеленую воду.

Цисами сорвала камышинку и сунула ее в рот. Насвистывая, она двинулась по мосту.

Из павильона выбежал еще один стражник и бросился к ней.

— И тебе привет, — сказала Цисами, помахивая рукой, и увернулась от ржавого меча.

Клинок воткнулся в гнилое дерево. Цисами подставила стражнику ногу, приложила его головой об доски и столкнула в пруд. Следующей противницей оказалась женщина. Она была немного опытнее своих братьев и вдобавок носила массивный железный нагрудник. Сил ей тоже хватало — в руках она ловко держала огромную секиру. Цисами немного позабавилась с ней, позволив стражнице нанести несколько ударов по воздуху. Затем она схватилась за древко, резко дернула и столкнула женщину в мутную воду. Цисами с любопытством наблюдала, как та отчаянно колотила руками, пытаясь удержаться на поверхности,

прежде чем наконец погрузилась с головой. В своем тяжелом доспехе стражница и впрямь могла утонуть. Что ж, катуанцы ведь не сочтут Цисами виновной, не так ли?

Она повернулась, собираясь искупать очередного катуанца, когда грозная особа, с которой она столкнулась в трактире, выскочила из павильона и приземлилась на мост, так что доски затряслись.

Цисами просияла:

— Помнишь меня?

Катуанке понадобилось несколько мгновений, чтобы вспомнить. Пришурившись, она взялась за рукоятку висевшего на поясе кнута.

— Ты напала на моих людей. Моя советница сказала, что ты к ней приставала.

Цисами протестующе воздела палец.

— «Приставала» — слишком сильное слово. Я всего лишь просила о встрече.

— Что тебе нужно и зачем ты напала на мой очаг?

Цисами оглянулась на так называемых стражников, которые вылезали из пруда. Женщины в тяжелом доспехе по-прежнему не было видно. Будь Цисами не все равно, она бы уже забеспокоилась.

— Какое там нападение, — насмешливо сказала она. — Так, скорее...

Она попыталась подобрать менее неприятное слово, но тщетно. Тогда Цисами просто спросила:

— Как поживаешь?

— Говори скорей, оседлая, — велела катуанка.

— Прямо к делу. Мне нравится. — Цисами кивнула старухе, гневно смотревшей на нее из павильона. — Эта старая дура подняла слишком много шума, пытаясь купить сведения. Она вернулась с пустыми руками. Но поскольку я не обычный человек — и ты, кажется, тоже, — может быть, сообщая мы что-нибудь придумаем. — Она поиграла бровями и ухмыльнулась.

— У тебя есть сведения, которые мне нужны?

— Пока нет. Но будут. Это не твоя забота.

Катуанка взяла кнут. Однако, вместо того чтобы нанести удар Цисами, она размахнулась и устремила его в воду. На поверхность показалась стражница в доспехе, отчаянно цеплявшаяся за цепь. Вытащив ее на берег, катуанка поинтересовалась:

— Скажи, в чем же моя забота?

Цисами приложила руку к сердцу.

— Во-первых, меня зовут Мацза Цисами. А тебя?

— Это все еще не твое дело. Говори или проваливай.

Цисами смирилась.

— Ладно, Не-Твое-Дело. Для краткости я буду звать тебя Дело, поскольку ты не любишь тратить время на болтовню. У нас обеих неприятности, но я полагаю, что знаю, как облегчить нам задачу.

Выражение лица катуанки не изменилось.

— Если уж нужно говорить яснее, — продолжала Цисами, — я видела, как ты блистала той ночью. Признаю, я весьма впечатлена. Герой был на волосок от смерти, а потом эта старуха, Шепот Ветра, всыпала тебе по первое число. Ты ловкая и умная, и перцу у тебя хватает, но с ней ты не справишься.

— А ты? — спокойно спросила катуанка.

— Тоже нет. Я пыталась. Эта сука — отличный воин. Видишь ли, я тоже охочусь на сопляка. — Цисами сверкнула улыбкой. — Давай объединимся, убьем однорукую и выпустим кишки малышу. Что скажешь?

— Зачем тебе мальчик? Тебе-то что от него нужно?

— Только его смерть, — беззаботно отозвалась Цисами. — Здесь мы с тобой единомышленны.

— Мы не знаем, где он прячется. Может, он уже сбежал из города.

— Нет-нет, тут ты ошибаешься, — торжествующе заявила Цисами. — Но шелкопряды не станут говорить с твоей служанкой.

— Она не моя служанка.

— Неважно. Они не будут иметь дело с ней, зато не откажут мне. Так что не беспокойся и не наживай седину прежде времени. Я обо всем позабочусь. Я точно знаю, что мальчишка и Шепот Ветра еще в городе. Наверное, отчаянно пытаются выбраться, что нелегко, особенно теперь, когда в командорстве ввели военное положение.

— И тебе нужна моя помощь, чтобы убить Шепот Ветра, а затем ты отдашь мне Предреченного героя?

Цисами вскинула руку.

— Ты даже сможешь нанести смертельный удар. Но боюсь, мне понадобится его тело или, по крайней мере, голова. В качестве подтверждения.

Катуанка прищурилась:

— Значит, ты охотишься за наградой?

В кругу теней-убийц это было оскорблением, но Цисами предпочла не обижаться. Собеседница ей нравилась.

— Надо же как-то кормиться. Ну, что скажешь, Дело? Женшина задумалась — и кивнула.

— Меня зовут Сальминдэ.

Сальминдэ выдвинула еще несколько требований, прежде чем принять предложение, и с большинством из них Цисами охотно согласилась (или сделала вид, что согласилась). Бросок Гадюки желала знать план заблаговременно. Ей была нужна карта местности, в которой они собирались действовать. Сразу после убийства она намеревалась убрать-ся из города. И так далее.

Иметь с ней дело было непросто, но оно того стоило.

В конце концов Цисами ее удовлетворила.

— Условия вполне приемлемые, но, если я почую измену, одна из нас не переживет следующую встречу, — заявила катуанка.

— Превосходно, Сальминдэ. — Это имя само собой катилось с языка. — Я пошлю весточку, когда мы будем готовы.

— Ты придешь лично. Одна.

— Еще лучше.

На этом разговор закончился. Когда Сальминдэ развернулась, чтобы уйти, Цисами решила рискнуть.

— Кстати...

— Что?

— Ты пьешь цзуйжо? Или сливовое вино? У меня есть неплохой запас высококачественного опиума. Можем заглянуть... в какое-нибудь милое заведение... вместе... потом?

— Нет, — отрезала Сальминдэ и ушла, не обернувшись.

— Кажется, я услышала «может быть»? — бодро прошептала Цисами ей вслед.

Стражники, мимо которых она проходила, бросали на нее убийственные взгляды. Она отвечала тем же — и улыбалась. Несомненно, все они гадали, как ей удалось проникнуть в святая святых. Достигнув ворот, Цисами легонько тронула за плечо стоявшего на страже катуанца и самодовольно вздернула нос.

— С вами нетрудно справиться.

Она вышла из сточной трубы по другую сторону стены. Катуанский квартал хорошо стерегли, Цисами чуть не попалась. Нужно было много терпения, чтобы перебежать из тени в тень между караульнями, пока она наконец не добралась до нижних ярусов.

Цисами помахала напарнице, выйдя на улицу. Котеуни стояла, прислонившись к стене, и уплетала липкий рис, завернутый в банановый лист. Цисами похлопала ее по плечу, чтобы привлечь внимание, и Котеуни живо зашагала с ней рядом. Цисами протянула руку.

— Что? — спросила Котеуни.

— Где мой обед? Я умираю от голода.

Котеуни перестала жевать.

— Я все съела.

— Это была моя порция!

— Прости, Кики, но ты пропала на целый день. Что мне было делать? Я вообще не понимаю, зачем ты потащила меня с собой.

— Чтобы ты подержала мой рис, — огрызнулась Цисами.

Котеуни протянула ей свою порцию.

— Нет, спасибо.

— Почему так долго?

Цисами вздохнула:

— Они там все на одно лицо. И кругом одни старики.

— Но ты нашла ту женщину. — Котеуни сделала непонятливый жест. — Ну? Как прошла встреча?

Цисами приободрилась.

— Кажется, мы договорились. Просто ледышка. Но у меня хватает огня на двоих.

Напарница закатила глаза:

— Она поможет нам справиться с однорукой?

— Да — и все ради меня. — И Цисами хихикнула.

Это была хорошая возможность блеснуть и познакомиться поближе с загадочной катуанкой, раз уж они обе преследовали одну цель. Мало что сближает так, как необходимость биться бок о бок. Убить мерзкую однорукую старуху — всего лишь дополнительное удовольствие.

Женщины вошли в квартал Ониксовый Цветок и остановились у изящной таверны с красивой ярко-желтой надписью на вывеске: «Острые зубы дракона — домашняя лапша и свежие булочки с бобовой начинкой».

— Зайдем, — сказала Цисами. — Я страшно хочу есть.

Скоро они уже сидели за столом, барабанили по нему деревянными палочками для еды и веселились. Цисами вращала палочки вокруг пальца и отвечала грозным взглядом тем, кто на нее пялился. Они заказали того, другого и третьего и принялись за еду.

Цисами шумно отхлебнула чаю.

— Кстати, я думаю покончить с отцовским долгом.

Котеуни неодобрительно цокнула языком.

— Кики, давно пора. Ты же знаешь, как Союз не любит мертвые контракты. На делах это плохо сказывается, и просто отмахнуться нельзя, и деньги болтаются непонятно где,

пока точка не будет поставлена... а поставить ее по правилам может только кровный отпрыск.

Цисами вдруг стало неловко.

— Не учи меня.

Она могла покинуть Союз еще несколько лет назад. Но что-то ее удерживало, и это было неприятно. Цисами не нравилось, когда в дело вмешивались чувства.

— Когда ты этим займешься? — поинтересовалась напарница и достала несколько аккуратно сложенных листов. — Честно говоря, до весны следующего третьего цикла у нас все битком. Поручения одно за другим, уйма людей, которых нужно убить... — Она облизнула большой палец и перевернула страницу. — Может быть, я кое-что переставлю... например, мы не поедем в Лаукан... там так скучно. Хотя мне хотелось отдохнуть у моря...

Цисами представила выражение отцовского лица, когда он узнает о ее успехах. Но думать об этом было рано.

— Пока ничего не надо. Поговорим обо всем, когда прикончим мальчишку.

— Если хочешь, я пойду с тобой. Убивать родителя всегда неловко. — Котеуни сжала руку Цисами. — Вдруг тебе потом захочется поплакать у меня на плече...

Обе передернулись и звонко расхохотались.

— Я возьму с собой того, кому можно доверить свой обед, — сказала Цисами. — Например, Хаарена.

— Кстати, послушай. У меня есть предложение. Обещай, что не будешь злиться, пока не выслушаешь, — произнесла Котеуни и наклонилась к ней. — Мне кажется, надо отпустить Цанга.

Цисами пришла в ужас.

— Как?

— Перестань, Кики, толку от него никакого. Готовить он не умеет, считает еле-еле, даже на стирку у этого тупоголового цыпленка не хватает мозгов.

— Ты права, но... это *наш* тупоголовый цыпленок, — возразила Цисами. — Я вовсе не горю желанием воспитывать

нового оруженосца, а по правилам Союза он необходим в отряде. — Она нахмурилась. — Дурацкие правила.

Почему их всегда так много?

Цисами прищурилась:

— Цанг бестолочь, но не из худших. Зачем от него избавляться?

Котеуни тоскливо взглянула вдаль.

— Я хочу девочку...

Цисами улыбнулась:

— Я тоже!

— Ты только подумай, как будет хорошо, если мы заведем девочку, — продолжала Котеуни. — Мы сможем лепить ее по нашему образу и подобию.

— И она уж точно будет умнее Цанга, и со стиркой справится. Ты представь — чистое, аккуратно сложенное белье.

— И потереть спинку во время мытья... — мечтательно добавила Котеуни.

— Мы вместе будем ходить по борделям и подкалывать мужчин для забавы... — Цисами громко стукнула по столу. — Знаешь что, давай так и сделаем. Давай заведем девочку.

— Правда? Вот здорово. О таком начальнике, как ты, любая девчонка может только мечтать! — Котеуни наклонилась и поцеловала Цисами. — Можно я выберу?

— Можно, только не блондинку. Я не собираюсь снова запасаться краской для волос.

Их объятия прервала подавальщица, которая принесла чайник и миску с фруктами. Котеуни наполнила две чашки, и они уже собирались выпить за будущую девочку, когда за их стол вдруг уселся важный на вид лысый тип в дорогой одежде.

Цисами раздраженно взглянула на него и достала нож.

— Продаешь ты или покупаешь — нам неинтересно.

— Твой интерес не имеет никакого значения, Мацза Цисами. Меня зовут Сабана Йоши, я из Срединного круга.

У нее пропал аппетит. Наряд, дорогие очки, изящная вышивка на воротнике, бесформенная сумка книжника, висящая на плече, зловещая татуировка на шее сбоку... Цисами сразу понял, с кем имеет дело.

— Послушай, — начала она. — Эйфань мой двоюродный брат, так что это... просто небольшая семейная неурядица. Он остался жив! Не стоит беспокоиться!

Мужчина выслушал Цисами, глядя на нее своими блестящими глазками.

— То, что вы в родстве, только усугубляет дело. В любом случае здоровье хозяина Сети — это не твоя забота.

— Ну надо же, он не выдумал это дурацкое название, — пробормотала Цисами.

— Прошу прощения?

— Нет, ничего. — Скрестив руки на груди, она откинулась на спинку. — Что тебе нужно?

— Я здесь в связи с вашими поисками. Жалоба, поданная шелкопрядом Эйфанем, вызвала тревогу по поводу сохранности сведений весьма деликатного свойства. Учитывая твою репутацию, Мацза Цисами, возникла проблема, которая требует разбирательства. Ты уверена, что Предреченный герой скрывается в Цзяи?

— Уверена, как если бы услышала это от самого пророка Тяньди. Мне просто нужна ваша Сеть... — Цисами прищурилась. — Ты знал, что он здесь, не так ли?

Йоши не стал отрицать.

— Шелкопряды знают мир лучше, чем мир знает сам себя. — Таков был официальный девиз Сети. — Нашей организации стало известно о присутствии мальчишки в Цзяи спустя несколько дней после его прибытия, еще даже до объявления награды за голову героя.

— Почему вы так цепляетесь за эти сведения? Его все ищут. Вы могли бы сторговаться с правителями и озолотиться!

Взгляд Йоши обвел стол и остановился на миске с фруктами.

— Чтобы получить безупречно спелый банан, нужно сорвать его в нужное время. — Он достал банан из миски, медленно очистил и откусил. — Если поспешить, банан будет горьким и вязким. Если опоздать — чересчур сладким и мягким.

Как же он ее бесил. Цисами разглядывала банан, кусая губы и подавляя желание вогнать столовый нож в татуировку на шее Йоши. Она терпеть не могла, когда с ней разговаривали снисходительно. Но даже Цисами понимала, что со Срединным кругом шутить не следует.

— Я надеюсь, что воздаяние за эту притчу будет хорошим, иначе ты выйдешь отсюда далеко не в безупречном виде.

Йоши улыбнулся:

— Воин пяти Поднебесных — незрелый банан. Он всего лишь безобидный перепуганный мальчишка. Правители хотят избавиться от него, чтобы схоронить концы. Но мальчишки, если дать им такую возможность, вырастают в мужчин. В честолюбивых и целеустремленных мужчин, как правило, склонных к мести. Необыкновенное положение мальчика-героя само повлечет его на этот путь. Через три-четыре года он возмужает и неизбежно попытается исполнить свое предназначение.

— Ты хочешь, чтобы он стал настоящей угрозой, прежде чем продать его князьям? — сказала Цисами, кивая. — Тогда шелкопряды выручат вдвое или втрое больше нынешней цены.

— Скорее, вдесятеро. — И Йоши обнажил в улыбке пожелтевшие зубы.

Цисами и Котеуни переглянулись. Сотня связок золотых лянов... да на эти деньги можно купить собственное княжество.

— А если кто-то найдет мальчика, прежде чем он созреет? — поинтересовалась Цисами.

Шелкопряд пожал плечами:

— Мы обдумали этот риск. Во всяком вложении есть свои опасности, но с точки зрения Срединного круга

Предреченный герой — долговременный вклад, который стоит беречь и пестовать.

— Неужели никто, кроме меня, не отыскал мальчишку посреди одного из крупнейших городов Просвещенных государств?

— Увы, не одна ты такая умная, — сказал Йоши. — Примерно полгода назад еще одна охотница за наградой подобралась к нему слишком близко. Мы положили конец ее поискам.

Цисами зевнула, вытянула руки и сжала кулаки.

— Вы и со мной намерены поступить так же?

— К сожалению, — произнес Йоши, — ты не обычная авантюристка, которую можно просто уничтожить. Поэтому нам придется заключить соглашение.

— Да? А я-то думала, что придется заплатить вам за сведения. Что вы мне предлагаете? Если вы хотите, чтобы я лет на пять воздержалась от убийства, не тратьте даром сил. Мальчишка мой.

— Срединный круг не сомневался, что твоя позиция будет именно такова. Извините. — И Йоши подал знак подавальщице: — Принеси улун, и погорячее. — Он вновь повернулся к Цисами. — Вот наше предложение. Условия в Цзяи стали непригодны для мальчика, особенно после катуанского восстания. Шелкопряды заплатят вам, чтобы вы захватили героя живым и передали нам — целым и невредимым. Срединный круг переправит его в безопасное место, где он будет находиться, пока, по нашему мнению, не созреет. В обмен на сотрудничество вы получите необходимые сведения и поддержку городского подполья. Операцию надлежит проделать тайно и впредь о ней молчать.

Цисами покачала головой.

— Не пойдет. Я не согласна.

Отчасти ей хотелось поймать мальчика-героя, потому что это сулило славу. Что толку гоняться за самым важным беглецом во всех Просвещенных государствах, если никто об этом не узнает?

— Мы заплатим вдвое больше обещанной награды, если мальчишку доставят живым и на наших условиях.

Ее самообладание подверглось серьезному испытанию. Цисами удалось не разинуть рот, в отличие от Котеуни, которая разразилась громким кашлем. Вдвое больше высочайшей награды, какую когда-либо предлагали теням-убийцам... да их отряд за целую жизнь бы столько не заработал. И все-таки жадность не взяла верх над Цисами. Речь ведь шла не только о деньгах. Слава, которую они обрели бы, получив обещанную награду, была гораздо приятнее.

— Прости. Этого мало.

Котеуни, многозначительно глядевшая на миску с фруктами, лягнула Цисами ногой под столом.

Сабана Йоши внимательно смотрел на Цисами — так долго, что молчание сделалось неловким. Наконец он кивнул.

— Кроме того, Срединный круг готов выкупить у Союза твой контракт.

На сей раз у Цисами таки отвисла челюсть. Она быстро оправилась, но скрыть удивление уже не могла.

— Для всего моего отряда?

— Кроме оруженосца. К сожалению, Союз не отпускает новичков.

— Ну и ладно, — быстро сказала Котеуни, прежде чем спохватилась, что заговорила без разрешения.

— Ну и ладно, — эхом отозвалась Цисами.

Она мучительно думала. Предложение было просто роскошным, но она не могла не оставить за собой последнего слова.

— Трехкратной суммы недостаточно. Моему отряду нужно впятеро больше обещанной награды. В таком случае мой отряд и шелкопряды будут иметь равную долю.

Котеуни едва скрывала ужас. Цисами получила крепкий пинок под столом.

Лицо Йоши ничего не выдавало, но его молчание было красноречиво.

— Вчетверо. Половина — при передаче из рук в руки, половина — при получении награды за мальчишку.

Они еще немного поторговались, но, кроме цены подряда и предложения выкупить ее у Союза, в общем, ничего не имело значения. Все остальное — просто вишенки на торте.

— Значит, договорились, — сказал Йоши, когда они пришли к соглашению.

Он достал нож и маленькую дощечку, рассек себе запястье, уронил каплю крови на деревяшку и подвинул ее к Цисами. Она сделала то же самое. Тогда Йоши взял вторую дощечку и прижал их друг к другу. Когда пористое дерево впитало ярко-красную жидкость, он протянул одну из дощечек Цисами.

— Договор заключен. Возвращайся в «Качающуюся иву и хвост девицы» и покажи это шелкопряду Эйфаню. Он поймет, что мы достигли приемлемого соглашения и ему дозволяется открыть тебе секретные сведения. Кстати, со временем они портятся, так что советую отправиться немедленно. — Йоши встал. — Хорошего дня.

Он едва успел выйти, когда женщины схватили друг друга за руки. Котеуни была в восторге.

— Кики, мы богаты.

— И свободны.

Для Цисами это значило больше, чем любые деньги. Да, она не прославится, выполнив величайший подряд в истории... но все имеет свою цену, а свобода сама по себе была достаточной наградой.

— Подожди, — сказала Котеуни, когда они, празднуя, воздели бокалы. — А как же катуанка? Мы обещали ей смерть мальчишки.

— Ой, да ну. — Цисами небрежно отмахнулась. — Что-нибудь придумаем.

Глава 42

Побег

Повозка мусорщика остановилась у больницы на пятую ночь незадолго до полуночи. Все уже заждались Железной Стали и теряли терпение.

Как и предупреждала Михе, повозка была полна хлама — железного лома, гнилых овощей, сломанных балок. Возчик, похожий на хорька, слез с козел и открыл потайное вместилище под днищем повозки. Беглецы торопливо вышли из больницы и залезли в тесный тайник — все, кроме Пахма. Брату Ханьсу пришлось спрятаться в глубине повозки, под мешковиной.

Возчик и Михе обменялись сигналами, и тайник закрылся. Вокруг скрипели доски, колеса стучали по камням мостовой. В бортах повозки были узкие щели. Цзянь мельком видел здания и ограды, фонари, висящие на шестах, сторожевые башни, на которых горели факелы. Сверху до него доносился голос Пахма: сидя прямо над ним, монах бормотал мантру Тяньди. Как ни странно, в его присутствии Цзяню было неловко.

Возчика окликнули, приказывая остановиться; тот протянул стражнику фляжку с вином, и повозка покатила дальше. Остаток пути, к счастью, был коротким — повозка скатилась с пригорка и остановилась у полукруглой кованой решетки. Тайник открылся, повеяло прохладой. Возчик воровато огляделся и велел пассажирам вылезать. Он достал большой черный ключ и начал возиться с замком.

— Кто-то идет, — шепнула Цюфи.

Цзянь замер, когда из-за угла показался патруль.

Возчик оглянулся и помахал.

— А, Фаоди, привет.

Один из четверых стражников помахал в ответ.

— Работаете?

— Каждую ночь. Чего только не сделаешь за сверхурочные!

Обменявшись еще парой шуточек с возчиком, патруль ушел.

Ворота открылись, и возчик впустил беглецов, а затем запер замок.

Цофи схватилась за прутья.

— Эй, а если нам будет нужно вернуться?

— Это дорога в один конец, малютка. Нужно было думать раньше, прежде чем покупать билет, — ответил возчик и ушел.

Снова заскрипели колеса: повозка покатила прочь.

Цофи мрачно повернулась к остальным:

— Не нравится мне это.

Но как и сказал возчик, обратной дороги не было. Компания зашагала по туннелю, окутанному мраком. Коридор был широким, но низким, так что Пахму приходилось нелегко. Свет Небесного семейства, пробивавшийся сквозь решетку ворот, погас. Пахло мхом и сыростью. Под ногами журчала и плескалась вода, капли мерно падали на камень.

Цофи продолжала ворчать:

— Что-то тут не так...

Михе не выдержала:

— Успокойся. Железная Сталь все время пользуется этими туннелями. Чего ты ожидала? Садовой тропинки, усыпанный розами?

Цофи это не убедило.

— Эта твоя Железная Сталь действует из человеколюбия? Зачем ему это?

— Железная Сталь — это семья, — отозвалась Михе.

Цофи фыркнула. Очевидно, у дочери картографа были совершенно другие представления о семье, чем у ученицы целителя. Они отстали от компании и горячо зашептались.

— Подземье ничего не делает задаром, — шипела Цофи.

— Это не задаром! — огрызнулась Михе. — Мой отец полжизни отдал Железной Стали. Его верность — вот плата за выход из города.

Синьдэ снял со стены фонарь и зажег его, осветив длинный изгибающийся туннель. Цофи и Михе продолжали спорить. Их убеждения — совершенно разные, но незбылемо твердые — озадачивали Цзяня. Он открыл для себя существование городских банд лишь несколько дней назад.

Туннель выходил в большую овальную пещеру, от которой ответвлялось несколько ходов поменьше. Поперек пещеры ручейком текли сточные воды. Через них можно было перейти по узенькому мостику. Большое, забранное решеткой отверстие в потолке пропускало разноцветный свет трех лун, однако в углах лежал густой мрак.

— Куда дальше? — спросил Пахм, взял у Синьдэ фонарь и поводил по сторонам. — Все туннели выглядят одинаково.

— Что так долго? — спросил кто-то.

В дальнем конце пещеры мелькнул свет, разгораясь все ярче; наконец беглецы увидели мускулистого, покрытого татуировками мужчину с аккуратной козьей бородкой и гладким красивым лицом.

— Я уже думал, что никого не дождусь. Ну, скорее. Сюда, — он указал в один из туннелей.

Они перешли узкий мост и направились к нему. Михе заспешила вперед, чтобы переговорить с вожатым.

— Красивые рисунки. Кто их сделал? Кстати, я тебя раньше не видела.

Он напряг мышцы, заставив драконов, вытатуированных на плече, извиваться.

— Я новенький.

Михе хихикнула, и ее голос эхом разнесся по пещере.

— Догадываюсь. А мой отец был младшим хозяином. Но поначалу он держал свинарник.

— Да, свиньи — это выгодно.

— Нет, нет, не настоящий свинарник. Я имею в виду свалку... — Михе подозрительно взглянула на молодого человека. — Ты правда новенький?

— Только что принят. А почему, ты думаешь, меня отправили сюда?

Цофи, переходившая мостик последней, остановилась посередине, прямо под решеткой и взглянула наверх.

— Эй, — сказала она, — куда мы идем?

— Самым коротким путем прочь из города, куда же еще, — ответил мужчина, указывая в один из туннелей.

Цофи, наморщив лоб, внимательно разглядывала небо сквозь решетку. Затем она повернулась в противоположную сторону.

— Мы на северной окраине Цзяи. Туннель, в котором ты стоишь, поведет нас на юг, глубже в город.

— Кое-где туннели обрушились, придется обойти, — объяснил он.

Цофи подняла бровь:

— Ты точно знаешь, куда ведешь нас?

Мужчина ошетинился:

— Я не собираюсь торчать тут всю ночь. Идите за мной или оставайтесь здесь, пока на вас не наткнется патруль.

— Не сомневаюсь, этот добрый человек знает, куда идти, — вмешался Цзянь. — Все будет хорошо. Я страшно хочу отсюда выбраться.

Цофи не уступала. Она стояла на мосту, скрестив руки.

— Он ведет нас не туда.

Михе гневно взглянула на девушку, а потом повернулась к молодому человеку и сделала знак пальцами. Он не ответил. Она повторила. И вновь ничего.

Михе прищурилась:

— Кто ты?

Татуированный небрежно отмахнулся.

— Я же сказал — я новичок.

Михе попятилась.

— Ты не знаешь сигналов.

— Неважно. — И короткий клинок со свистом вылетел из ножен.

Михе не успела ничего предпринять, когда лезвие устремилось к ее шее. Однако смертоносный удар так и не достиг цели, потому что вмешалась Тайши. Танец Ласточки

блеснул синим в лунном свете. Она выбила оружие из рук татуированного, так что оно отлетело в темноту, и ткнула его мечом в живот. Мужчина моргнул, открыл рот... из него потекла кровь. Скорчившись, он упал наземь.

Тайши стояла над ним, вытирая испачканный кровью меч о штаны.

— Ничего важного я не задела. Ты будешь жить, если я тебе позволю. Кто тебя послал?

Мужчина сплюнул, достал из кармана нечто вроде ветошки и сунул в рот. Прежде чем он успел ее прикусить, Тайши разжала ему зубы концом клинка и повернула меч, вынуждая раненого открыть рот.

— Спрашиваю в последний раз. Кто послал...

Из темноты вылетело что-то черное. Тайши, впрочем, услышала приближение опасности и, взмахнув рукой, отбила удар. Что-то бросилось на нее с другой стороны. На сей раз между Тайши и новой угрозой встал Пахм. Он взмахнул огромным кулаком и поверг нападавшего наземь. Размытое пятно прокатилось несколько шагов, окружавший его черный дым рассеялся, и появился одетый в черное мужчина.

— Тени-убийцы, — проговорила Тайши.

Еще одно пятно бросилось на них сверху. Тайши отразила вихрь ударов, но была вынуждена отступить. Тень заслонила упавшего собрата, превратившись в рыжеволосую женщину, вооруженную двумя черными ножами.

— Здравствуй еще раз, Линь Тайши, — пропела тень-убийца, вращая в руках ножи. — Мы так и не успели познакомиться. Меня зовут Мацза Цисами, и я твоя большая поклонница. Я прославлюсь на весь свет, когда убью тебя.

В другом конце пещеры появились еще двое, мужчина и женщина. Тайши нахмурилась.

— Вижу, ты так и не усвоила урок. Вы, сопляки, не сумели справиться со мной в храме Тяньди. С чего вы решили, что у вас это получится сейчас?

— О, я прекрасно усвоила урок, — сказала Цисами и свистнула. — Поди сюда, красotka.

Из тени вышла фигура, облаченная в темный чешуйчатый доспех. Длинный плащ скрывал ее тело до лодыжек.

— Не смей больше называть меня красоткой.

Цзянь, стоявший ближе всех к ней, резко вдохнул. Он понятия не имел, кто эта рыжая, но катуанку он узнал. Женщина выбросила руку вперед, и свернутая кольцом веревка, которую она держала, превратилась в длинное копьё.

— У нас есть дело, Шепот Ветра.

Глава 43

Шепот Ветра

Тайши сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Пока Бросок Гадюки, тень-убийца и их приспешники ее окружали, она оценила ситуацию. Обстоятельства не то чтобы внушали уверенность. Она сражалась поодиночке с обеими и прекрасно знала, что каждая по отдельности — ей не равня. Объединившись, они стали серьезной угрозой.

Они — все три — были хищницами, процветающими в мире, которым правили посредственности-мужчины. Цисами обладала талантом и хитростью, Сальминдэ — опытом и мощью. Сразу с обеими Тайши, вероятно, не справилась бы, но, по правде говоря, ей хотелось помериться силами с этими женщинами, достигшими расцвета. В конце концов, это не худший способ окончить жизнь.

Тайши сделала еще один вдох и вынула Танец Ласточки из зубов тени-убийцы, лежавшего у ее ног. Возможно, его стоило убить, но на убийство беспомощного противника лунный двор смотрел неодобрительно. Неписанные правила следовало уважать, даже если никто их толком не знал. Военные искusstники во многом руководствовались ощущениями.

Она сухо сказала:

— С каких пор Броски Гадюки начали действовать заодно с наемными марионетками?

— Эй, полегче, — отрезала Цисами, по-прежнему хвастливо вращая ножи. Тени-убийцы оскорблялись, когда их называли марионетками. — Да мы с ней с детства дружим.

— Неправда, — сказала Сальминдэ.

Она, напротив, была сосредоточена и серьезна. Ее глаза выдавали готовность к бою, движения дышали угрозой, тело сжалось, готовясь к прыжку.

Тайши задумалась. Драться было слишком рискованно, но бежать — еще хуже. Отряд теней-убийц с легкостью перерезал бы их в этих темных туннелях. Оставался единственный выход.

Тайши сделала третий вдох, самый долгий. А потом поймала легкий сквознячок и послала своим спутникам шепот:

— Слушайте все внимательно. Цофи, ищи дорогу из города. Пахм, защищай Цзяня. Если понадобится, ценой жизни. Я их задержу насколько смогу. Бегите и не оборачивайтесь. Только не останавливайтесь. Я догоню, если...

Громкий рев сотряс пещеру. Пахм бросился на Цисами. Он подбежал к тени-убийце и размахнулся огромным кулаком с такой яростью, что расплющил бы ее, если бы попал в цель.

Цисами весело уклонилась от удара.

— А, щеночек, ты выжил.

Кулак боевого монаха грохнул по земле с такой силой, что потрескались камни. Тень-убийца дважды полоснула Ханьсу по руке и, ухмыляясь, скользнула прочь. К сожалению, она слишком увлеклась игрой и недооценила страстное желание Пахма до нее добраться. Ханьсу вскинул руку и ухватил Цисами за лодыжку, прежде чем убийца успела отскочить. Цисами вскрикнула, когда он повалил ее наземь, развернулась и метнула в него два ножа. Один Пахм отбил покрытой кольцами левой рукой,

второй угодил ему в подбородок и отскочил от затвердевшей кожи. Он взревел и швырнул Цисами через всю пещеру — она свалилась в сточный канал. Послышался громкий плеск, а затем крик:

— Фу, гадость!

— Это за брата Люманя, дьяволица! — И Ханьсу повернулся к Сальминдэ, которая ловко уклонилась от атаки и полоснула его копьем по спине.

Тайши вскинула руки.

— Ладно, значит, будем драться.

Она в любом случае этого хотела.

Тайши окинула взглядом царивший в пещере хаос. Пахм погнался за второй тенью-убийцей, Цзянь и Михе были заняты третьей. Цофи исчезла — возможно, сбежала. А старший ученик Лунсяня...

— За мастера Гуаньши! — закричал Синьдэ, пробегая мимо Тайши — к Сальминдэ.

Хуже не придумаешь! Тайши спасла молодого человека — она выставила ногу так, что он пропахал землю носом, зато не умер.

Тайши перескочила через него, чтобы встретить Сальминдэ, прежде чем Бросок Гадюки успела проткнуть юного лунсянца. Танец Ласточки столкнулся с кнутом. При прочих равных меч обычно уступал копыю. У Тайши равных было мало, однако она вынужденно признала, что копые в руках Сальминдэ, Броска Гадюки, могло нанести серьезный урон. Оно как будто служило естественным продолжением ее ци и было еще опаснее благодаря способности превращаться в кнут по желанию хозяйки.

Кнут щелкал и извивался в воздухе, жаля и кусая, удерживая Тайши поодаль и не подпуская ближе. Как только ей удавалось отыскать брешь, Сальминдэ отступала и, подтянув кнут, обвивала его вокруг пояса или свешивала с плеча, пока не находила возможности атаковать. Один раз цепь расплосовала Тайши щеку, в другой раз она чуть в ней не запуталась.

Все это были ловкие трюки, но Тайши не желала играть. Оттолкнув кнут в сторону, она вспрыгнула на воздух и потянула к себе слабые потоки, долетавшие из зарешеченного отверстия в потолке и из туннелей. К счастью, Тайши отлично умела обходиться даже малостью. Она перехватила несколько легких сквозняков и устремила их единым порывом к противнице.

Сальминдэ потеряла равновесие, когда земля ушла у нее из-под ног. Следующий порыв воздуха ослепил ее. Тайши рассеяла звуки вокруг, на некоторое время сбив катуанку с толку, и нацелилась для смертельного удара.

Танец Ласточки сверкнул синим. Когда он уже почти достиг цели, рядом что-то хлопнуло, и Тайши заметила устремляющуюся к ней вспышку. Она отстранилась и отбила нож, который рассек ей одежду. Следующее нападение она тоже отразила — и отступила.

Тайши и Цисами стояли друг против друга: одна — с высоко поднятым мечом, другая — со скрещенными ножами. Тайши принялась.

— Что за вонь?

— Твой недоумок Ханьсу швырнул меня в кучу дерьма!

Тайши затанцевала с новой партнершей. Разъяренная тень-убийца пыталась ее выпотрошить. Игривости и след простыл. Ни ловких фокусов, ни хвастливых движений, только быстрая и серьезная работа ножами в стиле Союза, который Тайши старательно изучала всякий раз, когда с ним сталкивалась.

Этот стиль изначально возник в какой-то далекой стране, а в Просвещенных государствах его изрядно усовершенствовали. Он основывался на коротких и сильных прямых ударах — руками, ногами, ножом. Ничего сверхъестественного. Каждый удар сулил смерть, а если боец промахивался, следовала новая атака, и так далее, и так далее, пока жертва наконец не падала мертвой. Быстрый и эффективный, этот стиль не требовал долгого обучения. Тем не менее противостоять ему было легко, если противник знал, с чем имеет

дело. Разумеется, большинство жертв видели стиль теней-убийц в действии лишь раз в жизни. Цисами не повезло: Тайши оказалась сильнее целого отряда.

Затаившаяся в камышах змея была отбита Журавлем, глядящим на звезды. Удар, подсекающий колени великана, встретил Подметание полов. Два оружия, одно — отражавшее свет Небесного семейства, другое — поглощающее тьму, порхали друг вокруг друга. Сальминдэ вскоре пришла в себя и присоединилась к танцу; кнут стал второй угрозой, с которой Тайши пришлось примириться. Он ее теснил. Каждый раз, когда Сальминдэ наносила удар длинным кнутом, Цисами тут же возникала из ниоткуда. Несомненные мастера и сами по себе, Бросок Гадюки и тень-убийца без малейшего напряжения объединились, прикрывая друг друга. Удары, которые раньше Тайши отбивала, начали попадать в цель. Ее одежда превратилась в лохмотья, из тонких порезов текла кровь.

Надеясь оторваться от удушающих атак, она поймала легкий ветерок, бегущий над самой землей. Тайши выскочила из пределов досягаемости кнута и налетела на поджидавшую ее Цисами, которая чуть не воткнула ей нож в голову. Она отбила удар, атаковала сама и немного промахнулась. Они на мгновение сплелись в воздухе, потом расцепились, когда между ними просвистело острие копья. Все трое приземлились одновременно в разных концах пещеры.

Тайши могла бы сбежать, но чем дольше она отвлекала на себя убийц, тем больше времени было у Цзяня и его друзей. Она надеялась, что ее спутники образумились и давно удрали.

И тут мимо проскочил Пахм, который гнался за своей противницей. Женщина весело болтала на ходу, поддразнивая неуклюжего Ханьсу, который постепенно сбавлял ход и слабел. Затем Тайши заметила Цзяня, Синьдэ и Михе, по-прежнему торчавших в другом конце пещеры.

Она с досадой зарычала:

— Безмозглые недоумки! Что вы тут делаете?

Мальчишки пытались одолеть оставшуюся тень-убийцу. Эти два болвана отвлекали противника скорее неистовым упорством, чем наличием подлинных умений. Парный бой требовал такого опыта и умения действовать сообща, каким не обладал ни один из них. Тайши рассмеялась бы, не будь она слишком занята. Старший ученик действительно владел лунсяньскими ударами-эхо, но ошибок Цзяня они не перекрывали.

Тени-убийцы — не те, с кем можно шутить. В конце концов противник воспользовался многочисленными промахами, которые совершали юноши, ступил в тень и вскочил у Синьдэ за спиной. Он бы убил старшего ученика, если бы не вмешался Цзянь. Убийца отмахнулся и чуть не прикончил Предреченного героя на месте, однако Михе всадила иголку ему в руку, заставив выронить нож. Он отшвырнул девушку в сторону.

Сторона Тайши проигрывала. Легкий хлопок заставил ее опомниться, но она на мгновение запоздала и поплатилась раной. Впрочем, Тайши отомстила, располосовав Цисами плечо. Тень-убийца пошатнулась, и Тайши нанесла удар, который снес бы тени голову с плеч, если бы Цзянь не издал полный ужаса вопль.

Тайши обернулась и увидела над ним убийцу. Мальчишка обеими руками цеплялся за запястье противника, но клинок неумолимо приближался к его груди.

Как только она перестала следить за Цисами, та исчезла — провалилась сквозь пол и сгинула. Тайши некогда было ее искать. Выругавшись, она вскочила на поток воздуха, понеслась к Цзяню, приземлилась рядом с убийцей и ударила его ногой в бок, наверняка сломав несколько ребер. Мужчина покотился кубарем по земле. Ему повезло, что он боролся с Цзянем почти в обнимку и Тайши не удалось нанести удар мечом.

Тайши подняла мальчика на ноги и постучала ему костяшкой пальца по голове.

— Что я тебе говорила о защите от удара ножом? Ты все позабыл?

— Я пытался, но...

Тайши нахмурилась, увидев, что Синьдэ стоит на коленях у стены и неподвижно смотрит в никуда.

— Что с ним такое?

— Э... ничего, — ответил Цзянь. — Он сильно ударился...

Но Тайши уже отвлеклась. Вечно кто-то требовал ее внимания. Вот почему она ненавидела действовать скопом.

— Ладно, пустяки. Найди Цофи и выбирайтесь отсюда.

Тайши бросилась к Пахму. Ханьсу напоминал подрубленное дерево. Нанеся ему добрую сотню порезов, противница наконец заставила его упасть на четвереньки. Одевание у Пахма было изодрано в клочья, штаны едва держались, тело было в крови. Ханьсу явно измучился. Голова у него низко опустилась, плечи согнулись, колени дрожали.

— Помнишь меня? — насмешливо спросила женщины. — Это я убила твоего наставника там, в пустыне.

— Нет, это сделала я, Котеуни! — слышался голос Цисами.

— Поделим на двоих, — отозвалась та, кого звали Котеуни.

Она посмотрела на свой нож и небрежно отбросила его в сторону.

— Я затупила о тебя все клинки, мой хорошенький голем.

Разбежавшись, Котеуни пнула Пахма в челюсть, скривилась и запрыгала на одной ноге.

— Считай, что тебе повезло, — злобно сказала она. — У меня всегда есть запасные.

Котеуни достала нож из-за голенища и постучала Пахма по макушке, словно собиралась расколоть кокос. Она занесла руку, чтобы стукнуть ладонью по рукояти, но тут Тайши взмахнула мечом и отсекла Котеуни кисть. Это был отличный удар, гладкий и ровный. Тень-убийца даже не поняла, что случилось, пока кровь не брызнула ей в глаза. Она

уствовала на обрубок скорее с удивлением, чем с болью на лице. До того как Котеуни успела выразить свои чувства, Тайши нанесла ей быстрый удар с разворотом по лицу, и та отлетела далеко в туннель.

— Поднимайся, монах, — прорычала Тайши, обращаясь к смотревшему на нее снизу вверх Ханьсу. — У тебя священный долг...

Тайши прервала Сальминдэ, которая вернулась, желая получить еще один нелегкий урок. Катунка вскочила на сводчатый потолок и пробежала по нему, прежде чем броситься вниз. Тайши не заметила бы ее, если бы не внезапная перемена в потоках воздуха над головой. Кнут устремился к ней стремительным движением, как разящая змея. Тайши отбила удар и ушла из-под атаки, но не успела защитити Пахма, который получил кнутом поперек груди, едва успев подняться на ноги.

Некогда было смотреть, как там у него дела. Тайши и Бросок Гадюки снова затаńczyвали, не сводя глаз друг с друга. Исход вышел примерно таким же, что и в первый раз, хотя обе устали. Тайши зацепило по бедру и по плечу, не считая десятка мелких ссадин. Сальминдэ стояла на ногах только благодаря доспеху, который удерживал внутренности на месте.

Тайши уже собиралась обезоружить ошеломленную противницу, когда — ну разумеется — к ним решила присоединиться Цисами. К сожалению, Тайши действительно начала уставать. Вряд ли ей удалось бы одолеть двух крепких женщин в расцвете сил. Превосходящий опыт и умения лишь до определенной степени могут компенсировать изношенное тело.

Ее противницы, видимо, это почувствовали. Обе дрались осторожнее, чем раньше, не нападая чересчур ярко. Они хотели измотать Тайши, дожидаться, когда она начнет совершать ошибки. Во-первых, она слишком поздно уклонилась от низкого удара и получила такой пинок в лодыжку, что чуть не осталась со сломанной ногой. Ей не удалось

удержать удар копьём, одно колено у нее подогнулось, и она едва не пропустила нож с другой стороны. Затем она отбила лишь четыре удара из пяти, следующих друг за другом, а тычок в ребра вышиб у Тайши весь воздух из легких.

Они ее отвлекали, не давая отдышаться. Краем глаза Тайши заметила, как Цофи вынырнула из туннеля. Она подбежала к лежавшему Пахму и помахала рукой Михе, которая вместе с Цзянем хлопотала над Синьдэ.

— Убирайтесь отсюда, глупые сопляки, — послала им свой шепот Тайши в перерывах между вздохами. — Бегите, пока можно.

Разумеется, вместо того чтобы выполнить приказ, Цзянь устремился к ней, вооруженный коротким черным мечом.

— Почему никто меня не слушает? — возопила Тайши, дав волю досаде.

Если бы она могла рвать на себе волосы, она бы это сделала, но здоровая рука у нее была занята мечом.

Цисами явно развеселилась.

— Люблю, когда жертва сама идет ко мне.

Сальминдэ с ней согласилась.

— С тем же успехом он мог сам перерезать себе горло.

— Что ж... — сказала тень-убийца.

— Не подходи, Цзянь! — крикнула Тайши. — Убирайся!

— Я вас не брошу!

Он непременно бы погиб. Цисами бросилась навстречу, как только он пересек мостик, и в мгновение ока его меч улетел в туннель. Цисами опрокинула мальчишку и вжала лицом в землю.

Тайши порывом воздуха швырнула тень-убийцу наземь и отчаянно попыталась вмешаться. Но едва ее ноги оторвались от земли, как Тайши ослепила страшная боль. Наконецник копья воткнулся ей в спину и вышел из живота. Тайши покачнулась, потеряла равновесие и рухнула на бок головой вперед. В груди у нее все сжалось, живот вопил от боли.

Тем не менее Тайши еще ползла к Цзяню. Хорошо, что она пока ничего не чувствовала, — Тайши не сомневалась,

что ей очень больно. Она приподнялась на колени, и тут Сальминдэ выдернула копье, и ее накрыла вторая волна боли.

Хватая ртом воздух и кашляя кровью, Тайши собрала остаток сил, чтобы сесть. Больше их ни на что не хватило. Она зажимала живот, чувствуя, как из тела утекает жизнь. Выпавший меч куда-то делся. Пещера поплыла, когда Тайши безуспешно попыталась привстать на одно колено — и снова упала.

Показалась Сальминдэ, держа в одной руке свернутый окровавленный кнут, а в другой — Танец Ласточки. Она почтительно поклонилась.

— Вы хорошо сражались, мастер.

— Повезло тебе, что одна рука у меня не действует, а второй я должна была заслонять этих недоумков.

— Я признаю все обстоятельства и клянусь не преуменьшать ваших талантов. — Бросок Гадюки держала меч с уважением, почти благоговейно. — Ваше оружие — произведение искусства. У вас есть наследник, которому вы бы хотели его передать?

— Да чтоб тебе... — И тут Тайши передумала. Она взглянула на Цзяня. — Я правильно понимаю, что ты собираешься убить мальчишку?

— Ему недолго пришлось бы владеть этим мечом, — подтвердила Сальминдэ.

Тайши поморщилась и с досадой подумала, что больше никого назвать не может. Наконец в памяти всплыли два имени — но у Саана игрушек было столько, что хватит на три жизни.

— В Возане есть настоятель по имени Мори. Пусть режет им фрукты или намазывает масло.

Сальминдэ кивнула.

— Я исполню вашу просьбу.

— Нет! — крикнул Цзянь.

Он отчаянно боролся, но Цисами крепко его держала. Тень-убийца стукнула пленника по затылку.

— Перестань вертеться! — Она взглянула на Сальминдэ. — Заканчивай скорее, убей старую каргу. Я хочу наконец вымыться.

— Подари мальчику быструю смерть, — тихонько сказала Тайши самым смиренным тоном, на который была способна. — Он просто жертва обстоятельств, как и все мы. Он заслуживает достойной кончины.

Бросок Гадюки приложила кулак к груди.

— Ты будешь тому свидетельницей.

Кнут в ее руке распрямился, превращаясь в копье. Катунанка зашагала к Цзяню.

— Вэнь Цзянь, Предреченный герой Тяньди, воин пяти Поднебесных! Я, Сальминдэ Бросок Гадюки из стеклянного города Незра, пришла, чтобы освободить тебя от оков твоей судьбы.

Цисами воздела палец в воздух при приближении катунанки.

— Подожди минутку. Давай не будем забегать вперед. У меня есть одна мысль. Как насчет...

— Знай, что удар тебе наносят справедливость и честь, — продолжала Сальминдэ. — Я не держу против тебя зла и не испытываю радости от твоей смерти. То, что я совершу, будет сделано во имя долга и верности Вечному Хану и племенам Катуга. Надеюсь, в следующей жизни мы окажемся у одного очага.

— Нет, послушай! — Цисами повысила голос. — Я серьезно! Выслушай меня! Мне кажется, гораздо выгоднее было бы...

Сальминдэ направила копье в грудь Цзяня. С такого расстояния промахнуться было невозможно. Тайши наблюдала за казнью, как в страшном сне. Она не сводила глаз с наконечника копья, который разбрасывал в стороны сотни крошечных потоков воздуха. Широко раскрытые глаза Цзяня были полны ужаса. Вероятно, он не понимал всего значения собственной смерти. Не понимал, в какой мере судьба народов Чжун зависит от биения его сердца.

Возможно, ему вообще было все равно и он в испуге ждал конца, ни о чем не думая.

Юноша вздрогнул. Прошла секунда, потом другая. Тайши, захлебываясь кровью, затаила дыхание. Цзянь, закрывший было глаза, медленно их приоткрыл. Смертельный удар так его и не настиг. Цисами стояла, схватившись обеими руками за древко копья.

Глаза тени-убийцы сверкали злобой.

— Я тебе сказала — *подожди!*

Глава 44

Бросок Гадюки

Сали не верила своим глазам. Или, наоборот, верила. Разумеется, согласившись союзничать с тенью-убийцей, она ожидала подвоха. Сали не хотелось иметь дела с печально знаменитым Союзом, но Цисами показалась ей серьезной и достойной доверия. И потом, у Сали не было выхода.

Они заключили простой и ясный договор: шелкопряды заплатили Железной Стали за то, чтоб Предреченного героя заманили в укромное место. Сали и теням-убийцам нужно было лишь прикончить героя Тяньди и тех, кто встанет на пути.

До сих пор сделка оправдывала себя. Железная Сталь привела мальчишку и его друзей. Отряд позаботился об остальных, а Сали и Цисами занялись Тайши. Бой шел с переменным успехом, но в конце концов они победили. Оставалось лишить жизни предреченного победителя Вечного Хана. И вот, когда Сали уже почти спасла свой народ, Цисами пошла на попятный.

Сали была потрясена и раздосадована.

— Отпусти кнут.

Цисами повиновалась и вскинула руки.

— Да, конечно, но, прежде чем дело дойдет до драки, выслушай меня. Я знаю, тебе очень хочется, чтобы сердце мальчишки остановилось навечно. Я понимаю. Убивать очень приятно, но... у меня есть другое предложение. Может быть... мы его *не* уьем? Во всяком случае, не сейчас. Что скажешь? Этот котенок вырастет и будет стоять гораздо дороже, когда превратится в большого льва с острыми клыками. Нужно просто подождать несколько лет. Я уже подыскала покупателя. Отдадим ему мальчишку, а награду поделим шестьдесят на сорок. Можешь не благодарить, давай лучше где-нибудь посидим и потискаемся.

Сали моргнула.

— По-твоему, я делаю это ради денег? Ты правда думаешь, что меня можно купить?

Цисами поморщилась.

— Купить — слишком резко сказано. Не беспокойся, он умрет, просто не сейчас. Поверь, живым он никому не нужен.

— Эй! — возмутился Цзянь.

Цисами не обращала на него внимания.

— Покупатель вовсе не заинтересован в том, чтобы мальчишка исполнил какое-то там дурацкое пророчество. Он всего лишь хочет дождаться подходящего времени. Ну знаешь, чтоб вышло покрасивее. Бананы лучше рвать спелыми.

— Что? — переспросила Сали, сузив глаза. — Нет. Я избавлю твоего покупателя от возни.

Цисами снова потянулась к копыю.

— Я знаю, что это было неожиданно, но поверь, я правда думаю о нас обеих. Ну, что скажешь? Мы стукнем котенка по голове, сунем его в мешок, и я угощу тебя ужином. Если мы не поладим, ты отсечешь ему голову или вырвешь печенку, если угодно...

Сали не стала ждать, когда та договорит. Ножи тениубийцы сверкнули в воздухе. Один отразил удар кнута, который немного не дотянулся до мальчишки. Другой чуть не вонзился в горло Сали, когда та метнулась вперед.

— Говорю в последний раз. Не зли меня. Я и так на грани. Всю игривость как ветром сдуло.

Сали ослабила кнут и тут же вновь превратила его в копье. Древко, словно натянутая тетива, подбросило тень-убийцу в воздух. Цисами, вскрикнув, отлетела к стене. Сали опять повернулась к Цзяню, но что-то ударило катуанку в спину, выбило кнут из руки и заставило рухнуть лицом в пол.

Снова ее шеи коснулось лезвие острого ножа. Цисами прошипела на ухо:

— Я сказала: не вынуждай меня. Ты ведешь себя очень неучтиво.

Сали взвилась вверх и с легкостью опрокинула миниатюрную противницу. Она перекатилась, поднялась на ноги и повернулась к тени-убийце. Как ни странно, хоть ее и предали, Сали не хотелось сражаться с Цисами. Воина обучают драться бесстрастно, но, глядя на Цисами, которая сжимала в руках ножи, Сали невольно поколебалась. Эта тень-убийца была прелюбопытным созданием. Ее необузданность раздражала Сали, как слизняк, который пробрался в спальный мешок. Но своеобразный нрав делал Цисами такой интересной...

В следующей жизни они могли бы стать подругами.

Сали приняла защитную стойку. Для одной из них следующая жизнь должна была наступить вот-вот.

Они закружили по пещере.

Цзянь робко поднял руку и спросил:

— Может, я уйду и не буду вам мешать?

— Стоять! — рявкнули одновременно Сали и Цисами, не сводя глаз друг с друга.

Сали приняла классическую стойку Зуб гадюки. Это был собственный стиль Незры, который обрел признание несколько веков назад. Владение им считалось обязательным для всех, кто желал вступить в секту Бросков Гадюки. Сали стояла неподвижно, медленно описывая руками круги. Она ждала, когда Цисами набросится на нее с вихрем ударов.

Свет, пробивавшийся сквозь решетку в потолке, давал противнице слишком много возможностей отступить и неожиданно появиться. Она могла нанести Сали несколько ран, пропасть и возникнуть снова.

Когда Цисами появилась в следующий раз, Сали резко повернулась и подалась в сторону. Метнувшись вперед, она выбила нож из руки тени-убийцы, едва та вышла из мрака. Затем она схватила запястье Цисами одной рукой, а другой скользнула вверх по предплечью противницы, впившись в мягкую плоть под мышкой и намереваясь сделать захват. Цисами кое-как вывернулась, хотя все-таки получила несколько крепких ударов.

Потирая челюсть, она отступила. Ее лицо было искажено яростью.

— Как прекрасно мы могли бы убивать вместе...

Напористый стиль тени-убийцы был под стать Зубу гадюки. Цисами бросалась вперед, как разъяренный бык, а Сали неизменно отступала, сохраняя дистанцию и отбиваясь длинным копьём. Они танцевали, переносясь из одного угла пещеры в другой.

Сали сама не знала, как долго тень-убийца сможет драться с такой скоростью, но после нескольких бешеных обменов ударами Цисами, казалось, даже не запыхалась и уж тем более не устала.

Всякий раз, когда Сали делала паузу, чтобы перевести дух, она обводила пещеру взглядом. Цзянь не двигался с места. Он сидел на коленях разинув рот и наблюдал за схваткой. Тайши по-прежнему лежала в луже крови в дальнем конце пещеры. Во время боя Сали мельком замечала и остальных, но они ее не особо заботили.

Ей удалось со второй попытки ухватить Цисами за руку и опрокинуть, швырнув головой оземь. Цисами забила ногами и несколько раз ударила Сали по лицу, прежде чем упасть. Обе повалились друг на друга. Сали пришла в себя первой, прижала тень-убийцу крепче, схватила за рубашку, приподняла и бросила. К ее огромной досаде,

Цисами провалилась сквозь землю, и кулаки Сали грянулись о камень. Этот фокус ей уже приелся.

Едва она оглянулась, как получила сильнейший удар по лицу и упала. Тень-убийца навалилась на нее и достала нож. Она целилась в сердце. Сали только успела заслониться рукой, как щитом. Клинок вошел в плоть с одной стороны и вышел с другой; кончик застрял в щели между пластинами доспеха.

Сали подавила крик и несколько раз коротко втянула воздух, заставляя себя успокоиться. Нож продолжал давить, постепенно входя все глубже. Ошеломляющая боль грозила лишить Сали сознания.

Она собралась с силами и ударила головой. Первый удар сломал Цисами скулу, второй — нос. Тень-убийца отпрянула — и получила вдогонку мощный пинок в колено, которое хрустнуло и согнулось под неестественным углом. Цисами издала вопль и повалилась наземь.

Сали поднялась на четвереньки, тяжело дыша. Кровь лилась из глубокой раны на груди и десятка небольших порезов, нож по-прежнему торчал в руке. Прикусив губу, она растегнула доспех и вытащила три пластины, которые впились в тело. Затем Сали сняла с пояса маленький мешочек, открыла его зубами, двумя пальцами достала темно-зеленую густую смесь и, подавив крик боли, щедро смазала рану на груди. Паста, сделанная из плодов дерева хонг, смешиваясь с кровью, жгла огнем, но свое дело делала. Постепенно боль отступила.

Несколько медленных глубоких вдохов помогли Сали полностью прийти в себя. Рана закрылась — хотя бы на время. Нужно было еще нанести снадобье на раненую руку. Она закусила кожаный ремешок доспеха, выдернула нож и обработала рану как можно быстрее. Сали вся была в поту и в крови, когда закончила.

Она едва держалась на ногах, не говоря о том, чтобы драться. К тому же кнут куда-то делся. Доспех был пробит. Хампе будет чем заняться, когда она отсюда выберется, если, конечно, ей удастся унести ноги.

Цисами, которая по-прежнему лежала на полу, тоже страдала. Лицо у нее представляло сплошное месиво. Левая сторона вспухла, один глаз почти закрылся. Кровь из сломанного носа ручьем текла по подбородку и по шее. Цисами двигала челюстью, пока не вытащила выбитый зуб, испачкав кровавой слюной руки и лицо. Она заметила, что Сали смотрит на нее, и расплылась в щербатой улыбке.

Удивительное существо.

Сали посмотрела туда, где должен был сидеть Предреченный герой, и обнаружила, что он пропал.

— Проклятье!

Этого следовало ожидать. Малолетний дурак не стал дожидаться ее, как червяк на крючке. Сали оглянулась на Тайши и обнаружила, что старуха тоже пропала. Она прислушалась, надеясь уловить шаги или голос, но тщетно. Катуанкахватила кулаком по камню и вспомнила, как одна из девочек исчезла в туннеле, а потом вернулась. Где-то там был выход.

Она быстро встала и тут же пожалела, что поторопилась. Пещера поплыла перед глазами. От снадобья из плодов дерева хонг раны затянулись, но Сали потеряла слишком много крови. Она согнулась пополам и несколько раз глубоко вздохнула, а затем пустилась в погоню за героем Тяньди, двигаясь неверными шагами, от которых раны грозили вот-вот открыться.

— Эй, ты куда? Только-только стало интересно, — сказала Цисами, пытаясь встать. — Дьявол! Ты сломала мне ногу.

Гневно взглянув на нее, Сали бросила Цисами мешочек. Она сама не знала, зачем это сделала. Едва зайдя в туннель, она услышала душераздирающий вопль и улыбнулась, но тут же вновь позабыла обо всем, кроме героя Тяньди. Только его судьба имела значение. Тесный коридор, исчезающий во мраке, нависал над головой. Сали собрала ци и перенаправила энергию к глазам. Непроглядная мгла заиграла разными оттенками.

Сточные трубы под городом тянулись во все стороны. Они представляли собой лабиринт переходов, коридоров, заваленных туннелей, естественных пещер. Цзяи основало какое-то давно вымершее племя. Город строили на костях. Некоторые древние здания, уцелевшие с тех пор, составили часть сточной системы.

Будь Сали вождем того стигнувшего племени, она сравняла бы это проклятое место с землей навсегда.

К счастью, Сали потребовала показать ей карту сточных труб Цзяи, прежде чем согласиться с замыслом Цисами. Она понятия не имела, как компания Тайши нашла дорогу. Сали рассчитывала, что этот туннель приведет ее туда, где ждал Хампа с лошадьми. Так они условились с тенями-убийцами и Железной Сталью. Но после предательства Цисами никто не поручился бы, что план остался неизменным.

Туннель свернул, и свет окончательно померк. Сали погрузилась в сплошной мрак. Она не боялась идти в темноте. В Травяном море листва часто заслоняла солнце. Броски Гадюки не зря развивали ночное зрение. Вскоре она услышала шлепанье ног по воде, тяжелое дыхание и громкий шепот. Держась левой стены, Сали двигалась тише воздуха. Она заметила одинокий проблеск света вдалеке. Кто-то держал огненный камень. С одной стороны, он освещал беглецам дорогу, а с другой — мешал им видеть в темноте. Ханьсу нес что-то или кого-то на руках, а парень из Лунсяня и маленькая лекарка замыкали шествие.

Сали потянулась за кнутом и выругалась. Он остался в пещере. Тогда она достала длинный кинжал и продолжила красться следом. Она сама не знала, многое ли ей удастся сделать в нынешнем состоянии. Впрочем, неожиданность — всегда преимущество. Сали не интересовала ее дальнейшая судьба. Она предпочла бы выжить и нагнать Мали и прочих беглецов, но это уж как получится.

Сали почти настигла компанию в конце туннеля, когда они вдруг все дружно плюхнулись наземь. Катуанка замерла, как статуя, и стала внимательно прислушиваться. До нее

донеслись невнятные голоса из соседней пещеры. Компания выбралась из туннеля и исчезла из виду. Сали достигла того места, где минуту назад они лежали, разглядывая расположенное ярусом ниже помещение. Туда вела лестница. Эта пещера представляла собой полукруг с железными воротами в обрамлении двух караулен.

Кучка солдат в шлемах, похожих на миски, сидела у маленького костра, передавая по кругу фляжки с вином. Они о чем-то болтали с такой же небольшой компанией людей разбойничьего вида — вероятно, подчиненными Железной Стали. Сали вспомнила: в подземных туннелях, ведущих прочь из города, располагались патрульные гарнизоны. Тем же путем Железная Сталь вывозил из Цзяи контрабанду. В этом случае контрабандой были Сали и Хампа. Впереди лежала дорога в горы.

Сали обвела глазами пещеру. Ученика нигде не было видно.

Из караульни вышли трое. Первым показался Хампа, которого двое стражников держали за локти. Он был связан по рукам и ногам. Юношу подвели к огню.

Мужчина с вилкой на шлеме, который, видимо, был старшим в патруле, грубо пихнул Хампу наземь.

— Эта помойная шавка не желает говорить, — сказал он и одобрительно кивнул Железной Стали. — Но все равно спасибо, что одолжили его нам. Видок у него, конечно, так себе, но кому какая разница.

Лысый бандит с висячими, как у сома, усами, небрежно отмахнулся.

— Разве ж я против оказать приятелям услугу?

Капитан стражи, у которого недоставало половины носа, погрозил пальцем.

— Я не желаю быть обязанным подземью.

— Нет-нет, — отозвался лысый, протягивая ему фляжку. — Я всего лишь говорю, что это любезность, так сказать, жест доброй воли. Небось не первый год трудимся бок о бок...

Безносый сделал большой глоток из фляги, бросил ее обратно бандиту и взял небольшой топор.

— Хочешь, мы вас от него избавим? Совершенно бесплатно.

Усатый помахал рукой.

— Подожди. Может, он еще понадобится.

Хампа приподнялся на колени. Яркие языки пламени освещали его лицо. Парня сильно отделали. По щеке текла кровь, ухо было надорвано, глаза заплаыли, губы распухли. Хампа пристально смотрел в одну точку. Он сдавленно вскрикнул, когда один из бандитов, проходя мимо, его ударил. Но не опустил голову.

Сали охватила ярость. Хампу до полусмерти избили, но не сломили. Он оказался не по зубам оседлым.

Она не собиралась бежать из города без своего ученика. Лежа на земле, Сали раздумывала, что делать, и старалась ничего не упустить. Герой и его компания крались по лестнице, направляясь к воротам. Вряд ли им удалось бы проскочить незаметно. Ворота были заперты, и даже брат Ханьсу через них не проломился бы. Значит, стычка была неизбежна.

Сали сомневалась, что переживет еще один бой сразу с несколькими противниками. Герой уж точно потерпит поражение, если она вмешается, но стражники и Железная Сталь обязательно накинута на нее, как только она покажется. В конце концов Сали решила последовать мудрому совету матери: если два твоих врага решили подраться между собой, не мешай.

Компания у огня понятия не имела, что на них надвигается. Один из бандитов пританцовывал и кривлялся, рассказывая забавную историю. В каждой руке он держал по фляжке с вином. Мужчина сделал глоток, собирался сделать другой, как вдруг уставился в темноту и замер. Выронив фляжку, он указал на что-то дрожащим пальцем.

Сали проследила его взгляд и увидела громадный силуэт Ханьсу, который возник из темноты, как сказочное

страшилище. Рев боевого монаха огласил пещеру. Он выскочил к костру, брэнча железными кольцами на запястьях. Развевающиеся за спиной лохмотья довершали сходство с чудищем. Ханьсу размахивал огромными ручищами, топал, расшвыривал табуреты и бочки, словно демон, вырвавшийся из самой страшной, Десятой преисподней.

Монах влетел в сидевшую у огня компанию и опрокинул одного бандита, а еще двоих снес со скамьи небрежным взмахом длинной руки, заодно перевернув котелок. За ним по пятам следовал герой — но внимание Сали привлек лунсянец. Он напал на стражника и с лету нанес ему удар ногой, а затем повалил бандита, прибегнув к эффектному приему — скрытым движениям. У парня был несомненный талант.

Цзянь, напротив, отставал от сверстника на несколько ступеней. Дрался он умело, но опыта ему не доставало. Мальчишке кое-как удалось справиться с противником. Цзяминь раздавил бы его, как жука, если бы их пути сошлись. Сали напомнила себе, что герой еще почти ребенок.

Драка кипела вокруг огня, и на стенах плясали огромные тени. Быстро стало ясно, что стражники и Железная Сталь дерутся хуже, чем думала Сали, — к тому же они были пьяны. Возможно, именно поэтому они все и несли службу в сточных трубах. Тайши куда-то пропала. Насколько ей мешала рана?

Дверь караульни распахнулась — выбежал стражник, в одном сапоге и полурасстегнутом нагруднике. Он успел сделать два шага, а потом схватился за шею и упал. Из-за караульни показались две девушки. Одна вбежала внутрь, а вторая, с растрепанной шевелюрой, оглядела поверженного стражника, воткнула в него еще несколько иголок и полностью обездвигила, прежде чем броситься на помощь герою, который определенно проигрывал безносому.

Основную работу выполняли лунсянец и Ханьсу, удерживая впятеро превосходящего числом противника. Лунсянец превосходно дрался с двумя стражниками, в том

числе одним копейшиком, но тут усатый заехал ему дубинкой по лицу. У лунсянца тут же остекленели глаза, и он рухнул на колени. Прежде чем усатый нанес ему последний удар, Ханьсу пришел юноше на помощь. Он схватил усатого за шею и швырнул его, вопящего, через всю пещеру.

Сали вновь сосредоточилась на боевом монахе, который стоял в одиночестве, утомленный, в крови, тяжело дыша. Что случилось с лунсянцем? Ей доводилось видеть, как в бою люди лишались храбрости, но редко такое бывало с военными искусниками. И куда делись все остальные?

Коротко стриженная девушка вынырнула из караульни, держа огромную связку ключей. Ханьсу поднял лунсянца и перебросил его через плечо, как мешок риса. Все направились к воротам.

Командир стражи отдавал приказы немногим уцелевшим бойцам:

— Ты, звони в колокол, бей тревогу! Ты, прикончи катуанского щенка! Остальные за мной! Никуда они не денутся.

Судьба давала ей шанс. Когда большинство стражников устремились в погоню за Предреченным героем, Сали поднялась. Тело тут же заныло. Рана на груди болела, левая рука налилась свинцом. Но с этим ничтожеством она могла справиться, даже ослабев вдвое. Сали оттолкнулась от каменного карниза и устремилась к костру. Приземлившись далеко не самым изящным образом, она взглядом приковала к месту направлявшегося к Хампе стражника и нанесла ему такой удар ногой, что он отлетел прямо в потухавший костер.

А потом кивнула ученику, который смотрел на нее вытаращенными глазами.

— Жди, я сейчас вернусь.

— Но...

Сали бросилась в караульню. Она вышибла дверь в то самое мгновение, когда второй стражник собирался позвонить

в колокол. Услышав сигнал тревоги, вниз отправились бы патрули из других караулен. Сали метнула нож, который рассек сначала веревку, а потом горло стражнику. Несчастный отлетел к стене, и лезвие воткнулось в доску. Толстая веревка, перерубленная на уровне шеи, мгновение болталась на ниточке, прежде чем упасть на пол.

К сожалению, катуанка опоздала: стражник успел качнуть веревку один раз. Где-то наверху послышалось слабое звяканье. Тут же зазвонили другие колокола.

Сали выругалась, выдернула свой последний нож из стены, выскочила из караульни и побежала к воротам. У нее оставались считанные минуты, чтобы нагнать и прикончить мальчишку. Может быть, они уже убежали далеко. Если она не успеет настичь героя до появления подкрепления, все будет кончено.

К ее удивлению, герой и его друзья не ушли за ворота. Одна девушка пыталась найти нужный ключ, вторая сидела на корточках рядом с неподвижной Тайши и лунсянцем. Герой и Ханьсу расправлялись с последними стражниками.

Ханьсу держал безногого за руки и колотил его оземь. Затем боевой монах окончательно изнемог и опустился на четвереньки. У него едва хватило сил приподнять голову при появлении Сали. Покорно вздохнув, он собрал волю в кулак и бросился к противнице — наполовину бегом, наполовину ползком.

Сали увернулась и ударила его сапогом в лицо. Подпрыгнув, она приземлилась позади Ханьсу и расплосовала ему спину ножом. Великан, впрочем, едва вздрогнул. Еще два усталых взмаха — конечно, мимо. И Сали, вспрыгнув монаху на плечи, обвила его руками за шею. Избегая вялых ударов, она принялась раскачиваться из стороны в сторону. Он зашатался как пьяный, потерял равновесие и повалился наземь. Дышал он с трудом, едва слышно. Сали встала над ним и нацелилась каблуком в висок.

— Стой!

Она подняла голову и увидела Цзяня, который стоял прямо перед ней. Какой подарок.

— Ты жертвуешь собой ради своего священного воина, герой Тяньди?

— Нет, я вызываю тебя на поединок. Не трогай остальных. Тебе нужен я.

Отпустив монаха, Сали внимательно посмотрела на Цзяня. На героя. На мальчишку.

— Очень хорошо. Я принимаю твой вызов.

— Какие будут условия? — спросил он.

— Это делается не так.

Он тут же как будто сдулся.

— Что?

С ума сойти, предполагаемому воину пяти Поднебесных нужно было объяснять такие элементарные вещи.

— Когда ты вызываешь другого военного искусника на поединок, то предлагаешь бой, а об условиях спрашивает твой противник.

— А, — сказал Цзянь и нахмурился. — Ну, э... спрашивай.

Сали покачала головой.

— Я не желаю делать ставок.

— Но... — Он слотнул и посмотрел на павшего друга-Ханьсу. — Может, ты, по крайней мере, их отпустишь?

— Ты сдаешься?

— Нет, я намерен с тобой драться.

Сали уже собиралась огрызнуться, когда вспомнила, что время уходит.

— Твои друзья могут идти.

Герой Тяньди велел, не сводя с нее глаз:

— Михе, Цофи, возьмите Пахма и уходите.

— А ты? — спросила одна из девушек.

— Идите. Я догоню.

Он снова посмотрел на Сали, притоптывая ногой, как нетерпеливый жеребенок, которого выпустили из загона.

Сали непонимающе воззрилась на него.

— Что ты делаешь?

— Я... а, ладно, — ответил он. — Ты убила мастера Гуаньши. Ты чуть не убила Тайши. Ты за это заплатишь.

Сали не стала тратить время зря. Она напала, едва он замолчал, рассчитывая расправиться с ним быстро. Она была измотана долгими ночными стычками, но сил у нее еще оставалось достаточно, чтобы убить героя Тяньди быстро и без церемоний. Мальчишка уже столько раз ускользал от смерти. К удивлению Сали, Цзянь отбил первые несколько ударов, уклонился от низкого выпада, вырвался, когда она схватила его за рубашку. Когда он задел рану на груди, у Сали на мгновение подогнулись ноги.

Она подумала, что это будут его единственные успехи.

Мальчик неплохо держался и демонстрировал кое-какие умения. Так маленькие дети превосходят ожидания старших, если им удастся не намочить штанишки. Сали, не обращая внимания на убогие атаки противника, ударила его коленом в ребра, два раза в лицо, потом поймала за руку и взяла в захват. Голову мальчишки Сали потянула в одну сторону, туловище — в другую. Еще рывок — и герой Тяньди умрет.

— Пророчество больше не будет беспокоить Катуа.

Время для церемоний давно миновало. Цзянь сопротивлялся, однако ничего не мог поделать. Дышал он с трудом.

Пещеру огласил пронзительный вопль.

Что-то острое и твердое ударило Сали в спину, пробив доспех. Она пошатнулась и выпустила мальчика. Поморщившись, она завела руку назад и обломала древко стрелы.

Сали повернулась лицом навстречу новой опасности — и тут же получила топором по плечу. Она посмотрела на противника, и тут ноги у нее подкосились. Она упала, и несколько солдат ее окружили.

— Что тут случилось? — крикнул кто-то.

Сали потыкали копьем в грудь.

— Катуанка перебила целый гарнизон!

— Ты цел, сынок? — еще один солдат помог Цзяню подняться на ноги. — Что случилось? И что ты тут делаешь?

Солдат, осматривавший тела, ответил:

— Клянусь Тяньди, они все мертвы.

— Тут еще один катуанец. Он связан.

— Ворота отперты, капитан. Кто-то сбежал.

Сали повернула голову и увидела, как Цзянь, пользуясь тем, что все солдаты заняты ей, медленно отступает к воротам. Она слабо шевельнула рукой.

— Вы не понимаете. Это... это герой...

К ее шее прижалось лезвие копья.

— Молчи, катуанское отродье. Что нам с ней делать, капитан?

Солдат с двумя ярко-красными перьями на шлеме слегка ткнул Сали ногой.

— Она и так уже полумертвая. Добей. Допросим вон того.

— Хорошо, капитан.

Солдат, который целился копьем в горло Сали, замахнулся. Он уже собирался отправить ее в следующую жизнь, когда голова у него внезапно запрокинулась. В глазу у мужчины торчал маленький черный кинжал. Оставшиеся солдаты не успели и оглянуться, как все легли вокруг.

Сали с трудом села.

Из темноты показались трое теней-убийц. Они тоже были изрядно потрепаны, особенно Цисами. Она сильно хромала и опиралась на кнут Сали как на костыль.

— И все это веселье без меня, — заметила она, обзревая бойню, а потом посмотрела на открытые ворота. — Жертва сбежала?

Сали кивнула.

— Плохо, — пробормотала Цисами. — Шелкопряды закатят истерику, когда обнаружат, что я упустила курицу, несущую золотые яйца... — Она взглянула на Сали. — Ты ведь выживешь?

Сали была слишком слаба и измучена, чтобы драться.

— Не знаю. Ты хочешь меня убить?

— Зачем? Кроме того, теперь ты мне обязана.

Сали кое-как поднялась. Ей было так больно, что она уже не понимала, куда ранена, не считая, конечно, стрелы в спине и застрявшего в плече лезвия топорика. Она даже не чувствовала Зова Хана. Как ни странно, нынешнее состояние нравилось Сали больше.

— Ничем я тебе не обязана. Ты предала меня и попыталась убить.

Цисами мило улыбнулась.

— Я знаю, что ты молодчина. — Зубы у нее по-прежнему были в кровавой слюне. — Забирай своего оруженосца и уноси ноги, пока не явились конусоголовые.

Сали не нуждалась в поощрениях, тем более что в последнее время ей явно не везло. Не тратя даром ни секунды, она развязала Хампу и помогла ему влезть на пегую лошаденку, стоявшую возле караульни. Сама она села на серую, и оба направились к воротам, без единого слова миновав теней-убийц.

Они уже въехали в туннель, ведущий прочь из города, когда Цисами позвала:

— Эй, Сальминдэ.

Сали повернулась. Цисами размахнулась и бросила ей кнут. Та поймала его одной рукой, превратила из копыя в веревку, повесила на луку седла и слегка склонила голову в знак благодарности.

— Почему ты меня отпускаешь?

— Нипочему. Возможно, хочу увидаться еще разок. — Цисами преувеличенно пожала плечами, покрутила нож в руке и бросила его наземь. — Как ты думаешь, наши пути однажды пересекутся?

Сали отвернулась.

— Мы по-прежнему не ровня.

Но сказала она это не слишком сурово.

— Поехали, младший брат, — сказала Сали Хампе, не обращая внимания на выражение испуга на лице юноши. — Мы возвращаемся домой.

Глава 45

Облачные Столпы

Цзянь сидел на шатком балкончике на краю утеса и смотрел на обширный лес у подножия необыкновенно высоких гор. Вся конструкция скрипела и трещала, не внушая особого доверия. После всего, что он пережил, свалиться в пропасть было бы очень досадно.

Он подумал об этом сразу же, как только прибыл в Облачные Столпы. Большую часть пути Цзянь проделал на осле, в телеге и на лодке. Они проехали вблизи Возана, однако решили не заглядывать в шуланьскую столицу. Через три дня на горизонте показались вершины Облачных Столпов, через два — они достигли подножия гор, а еще через четыре — преодолели пешком чудовищно трудный подъем. К счастью, Тайши достаточно оправилась, чтобы ехать у Пахма на закорках.

Облачные Столпы славилась своими опасными вершинами и красивыми густыми лесами. Цзянь разинул рот, когда впервые увидел громоздившиеся друг на друга желтые и фиолетовые скалы, которые уходили под самые небеса. Они вздымались почти вертикально и были покрыты яркой растительностью. Путникам пришлось осторожно идти по узким карнизам, пробираться по болоту, где один неверный шаг мог привести человека в подобную зыбучим пескам трясину, полную пиявок, и преодолевать старые веревочные мосты высоко над землей.

Во всяком случае, прямо сейчас Цзяню не следовало думать о смерти. Ему не следовало думать вообще ни о чем. Он вроде как был занят медитацией. Юноша сидел, скрестив ноги и положив ладони тыльной стороной на колени. Большой палец правой руки касался среднего, а большой палец левой — безымянного. «Тот палец, на котором носят кольцо», — уточнила Тайши. Цзянь от этого чуть не сбился. Кто его знает, на каком пальце носят кольцо. Пахм,

который наставлял Цзяня в искусстве медитаций, носил кольца на всех пальцах.

Цзянь шевельнулся, когда порыв холодного ветра пробрался под одежду. Он сделал глубокий вдох и выдохнул через сжатые губы. Это упражнение позволяло черпать силу ци, очищать сознание и сосредоточивать мысли. Вроде. Или сосредоточивать сознание и очищать мысли? Какая, впрочем, разница. Как бы он ни пытался, Цзянь никак не мог войти в нужное состояние. Он постоянно ощущал себя и все, что его окружало. Слабым попыткам обрести спокойствие и просветление мешала дикая скука.

Он все еще боролся с собой, когда сквозь свист ветра до него донесся тихий голос:

— Эй, Гиро, то есть Цзянь.

Сидя с закрытыми глазами, Цзянь спросил:

— Что, Михе?

— Есть минутка?

— Сколько угодно, — Цзянь похлопал по скамье рядом с собой. — Садись.

— Я не самоубийца.

Что ж, она была права. Не открывая глаз, Цзянь повернулся. Он и не сознавал, как боится высоты, пока Тайши впервые не притащила его сюда. Сидеть здесь само по себе было достижением. Цзянь поднялся и подошел к Михе.

— Что случилось?

Михе смотрела на горизонт. Если прищуриться, можно было разглядеть вдалеке крыши Возана.

— Пора.

У Цзяня все сжалось в животе.

— Так скоро?

Девушка указала на ясные небеса.

— Бури закончились. Близнецы улеглись спать на месяц. Если мы отправимся сейчас, то успеем до зимы. Путешествовать по снегу не так-то приятно — даже в первом цикле.

Цзянь прикусил губу, не в силах встретиться с ней взглядом.

— Подожди до весны.

Михе рассмеялась:

— Мне повезло, если мастер Куи не взяла новую ученицу. Если я промедлю еще немного, она решит, что я умерла, и отдаст мою комнату другой.

— А как же Тайши?

Она положила руку на локоть Цзяня и отвела его от края.

— Мастер Линь скоро выздоровеет, если, конечно, не будет в это время совершать подвиги. Я оставила рецепт снадобья на полке. Запомни: два раза в день, и не убирай далеко горшок.

— Я непременно что-нибудь напутаю, — буркнул Цзянь, глядя под ноги. — Поживи здесь, пока она совсем не поправится.

Михе сжала его руку.

— Я должна учиться. — Она заметила слезы у него на глазах и крепко обняла Цзяня. — Послушай, все будет хорошо.

— Ну да... — ворчливо отозвался тот. — Но я буду скучать по вам обоим. У меня больше никого нет.

— Я еду домой, Цзянь, а не за Синее море. Мы скоро увидимся, обещаю.

Они спустились в полуразвалившуюся хижину, которая служила конюшней. Там стоял только осел.

— А Синьдэ? Он едет с тобой?

— Не знаю. В Цзяи его ничего не держит. Впрочем, куда бы он ни собирался, я полагаю, он не уедет далеко от меня.

Они шли вдоль деревянного забора, окружавшего дом Тайши. По ее словам, некогда здесь находился храм древней секты жрецов-людоедов под названием Красные Фонари Дийю, которые поклонялись извращенной форме Тяньди. Их настоятель должен был съесть Предреченного героя, чтобы занять его место в пророчестве. Тайши явилась сюда, после того как пропал племянник одного из ее друзей. Мальчика спасти не удалось, однако Тайши

осуществила правосудие, стерев всю секту с лица земли. А потом Облачные Столпы ей так понравились, что она в них поселилась.

Цзянь несколько смущал дом с такой темной и мрачной историей, но, по крайней мере, бывший храм был просторным, а покои — удобными. Наверное, следовало сказать Тайши спасибо за то, что она избавила мир от сумасшедших людоедов, которые хотели его сожрать. Но если эти фанатики желали занять его место, достаточно было попросить. Цзянь охотно бы уступил им мантию героя пяти Поднебесных.

Они дошли до ворот, где Синьдэ и Пахм седлали лошадей и навьючивали их припасами для путешествия. Ханьсу положил руку на плечо старшего ученика с таким видом, словно он опирался на юношу. Синьдэ смотрел на Пахма снизу вверх. Оба негромко переговаривались, почти соприкасаясь лбами. Они стали неразлучны за то короткое время, что провели здесь, — их всюду видели вместе. Цзянь был рад, что Синьдэ обрел родственную душу, хотя немного завидовал.

Лунсянец и монах Ханьсу расступились, увидев Цзяня и Михе. Синьдэ принялся торопливо поправлять седло, потом обошел лошадь. Никаких следов хромоты у него не осталось.

— Готова?

— Что за спешка? — спросил Цзянь.

Он подумал: вдруг друзья согласятся погостить еще немного? Михе никуда не поедет без Синьдэ.

— Тайши наверняка разрешит вам остаться и поучиться у нее. Может быть, мы все сделаемся Шепотами Ветра.

Синьдэ добродушно улыбнулся:

— Это право есть только у одного из нас. И оно принадлежит тебе. Кроме того, у меня дела.

Он протянул руку Цзяню, и тот ее крепко пожал.

Синьдэ посмотрел на Пахма.

— Брат Пахм пообещал помочь мне. Ему нужно вернуться к своему настоятелю и отвезти кольца брата Люманя.

Это совсем небольшой крюк, вот мы и решили ехать вместе.

Монастырь Каменного Цветка находился в противоположной стороне от Цзяи. Цзянь не стал придирается. Он повернулся к Пахму, который немедленно преклонил перед ним колени.

— Перестань, — буркнул Цзянь.

Он сам не понимал, отчего его так раздражало чужое поклонение. В Небесном дворце Цзяню кланялись при каждой встрече. А теперь ему от этого было неловко.

— Ты — воин пяти Поднебесных, Предреченный герой Тяньди. Нет поступка благочестивее, чем преклонить колени в твоём присутствии. Когда я поведаю братьям и сестрам о твоём возвращении, верные обрадуются.

— Ты этого не сделаешь, — произнес резкий голос.

Все повернулись и увидели согнутую Тайши, которая ковыляла к ним, тяжело опираясь на палку. Рядом шла Цофи, поддерживая ее, чтобы та не упала.

— Эй, эй, — запротестовала Михе, — я же сказала, ей нужно лежать!

— А что я могу сделать? Привязать ее, что ли? — огрызнулась Цофи.

— Тихо, лекарка, — ответила Тайши и повернулась к Цофи. — Ты тоже помолчи, девочка.

Ни от кого не укрылось то, что она обращалась к ним по-разному.

Тайши помахала клюкой, как дубинкой, подошла к Пахму и стукнула его по голове.

— Ты никому и словом не обмолвишься о Предреченном герое. Понимаешь, Ханьсу? Дай слово.

Пахм помотал головой.

— Не могу. Вэнь Цзянь — живой источник Тяньди. Он не только найден, но и жив. Как я могу скрыть это от верных?

— Если не скроешь, какой-нибудь дурак проболтается кому не надо, и скоро Немые нанесут нам визит.

И тогда твой живой источник перестанет быть живым. Понятно?

Пахму не понравился полученный выговор. Великан понурился и отвел глаза. Синьдэ похлопал его по плечу.

— Не беспокойтесь, мастер Линь. Я поговорю с ним. Он не выдаст ни вас, ни Цзяня.

Тайши вздохнула:

— Уж поговори. Если ко мне явятся Немые и я переживу встречу с ними, то разыщу юного Пахма и сделаю себе доспех из его шкуры.

Цзянь и Михе в ужасе переглянулись. Тайши не бросала слов на ветер.

Они простились и пообещали присылать друг другу весточки, а потом Синьдэ, Михе и Пахм отправились по извилистой тропе вниз. Ветер стал холоднее, и Тайши вернулась в дом, оставив Цзяня и Цофи наблюдать за отъездом компании, пока та не превратилась в крошечное пятнышко у подножия горы.

Пусть даже после расставания прошло меньше часа, Цзянь уже тосковал. Он провел в одиночестве почти всю жизнь и наконец нашел друзей — настоящих друзей... и вот они уходили, а он беспомощно смотрел им вслед. Возможно, разлука была временной, как сказала Михе. Но могла оказаться и вечной.

Очевидно, тревоги Цзяня отражались у него на лице.

— Ты грустишь? — спросила Цофи, ласково коснувшись его плеча.

— Мне будет не доставать друзей.

Цзяню следовало сказать, что ему будет не доставать Синьдэ, Михе и Пахма, но в голове у него все перепуталось, и то, что он сказал, прозвучало искренне и вызывало сочувствие.

— Ну, я пока не то чтобы твой друг, но все-таки составляю тебе компанию, — отозвалась Цофи и обвела взглядом тихое плато. — Похоже, другого выбора нет.

— Ты остаешься? — удивленно спросил Цзянь.

Цофи криво усмехнулась:

— Да уж побуду еще. Мне нужно многому научиться у Тайши.

— Чушь какая! Драться ты не умеешь, я ни разу не видел, как ты упражняешься. Чему ты можешь у нее учиться? Она только и делает, что тебя шпыняет!

Цофи пренебрежительно хихикнула.

— Какой же ты простачок. Тайши — легендарный военный искусник. Она знает, что такое быть лучшей. У такого человека есть чему поучиться.

— Не понимаю...

Так часто бывало, когда Цзянь разговаривал с Цофи. И все-таки он был рад ее обществу. Он сомневался, что выжил бы здесь, на вершине, с одной лишь Тайши.

Цофи весело подняла бровь:

— И потом, Тайши велела мне учить тебя грамматике, математике и истории. И этикету, в каком ты полностью несведущ.

— Э... что? — воскликнул Цзянь. — Ты будешь моим учителем, Цофи?

— Зови меня мастер Ву!

Она так и заливалась смехом, пока они возвращались к дому. Цзянь подумал, что Цофи слишком уж веселится на его счет.

Тайши ждала их возвращения. Король приближался к горизонту, и его оранжевые лучи озаряли Тайши сзади, окружая ее таинственным ореолом.

— Давно пора, — резко сказала Тайши, и тут же чары спали. — Я хочу есть. Разведите огонь и поставьте воду.

— Да, мастер, — дружно ответили Цзянь и Цофи.

Тайши выставила руку, преградив им путь.

— Цзянь, подожди.

— Что, Тайши?

Она тяжело оперлась на палку.

— Покажи мне удар.

Цзянь нахмурился.

— Сейчас?

Тайши молча смотрела на него.

Цзянь повиновался. Он сжал кулак и изобразил простой прямой удар. Короткий и резкий. Потом повторил левой рукой. Едва он успел разжать кулаки, как Тайши взмахнула палкой, целясь ему в голову. Похоже, она совсем не нуждалась в костыле. Цзянь успел заслониться. Тогда Тайши нанесла ряд ударов с разных сторон. Очевидно, она не тратила много сил.

Цзянь дал себе волю, не забывая о защите. Наконец он сделал ошибку — слишком высоко поднял руки, в то время как следовало прикрывать корпус. Тайши ткнула его в бок с такой силой, что Цзянь сложился пополам, затем стукнула в подбородок и опустила наконечник палки прямо на большой палец ноги. Цзянь с воем запрыгал на одной ноге; Тайши подбила вторую, и он рухнул навзничь.

— Ух, как это, наверное, было больно, — заметила Цофи без особого сочувствия.

— Чего вы от меня хотели? — поинтересовался Цзянь, когда Тайши помогла ему встать.

Та одобрительно кивнула.

— Просто, ясно, вдумчиво. Ты избавился от всех вредных привычек. Чистый лист.

Цзянь почесал в затылке.

— Что?

— Наконец ты готов учиться, — голос Тайши звучал до странности официально. — Я, Линь Тайши, предлагаю тебе, Вэнь Цзяню, стать моим наследником в школе Чжан семейного стиля Линь.

У Цзяня отвисла челюсть.

— А?..

До него дошло не сразу, но мало-помалу он все понял. Он несколько раз моргнул, сдерживая слезы.

— Вы уверены?

— Я не сомневаюсь, что на протяжении следующих лет много раз пожалею об этом, но — да. — Она коротко кивнула. — Я уверена.

Ноги у Цзяня подогнулись, и он упал на колени.

— Перестань, — немедленно велела Тайши. — Я кажусь тебе такой немощной?

Он кое-как поднялся.

— Что теперь? Какая-то церемония?

Тайши рассмеялась, искоса глядя на него.

— Церемония? Ты думаешь, что поступил в школу, где раздают яркие пояса и торгуют званиями? Никаких церемоний, мальчик. Ты теперь Шепот Ветра. Это труд, а не какие-то там церемонии.

— Я понимаю, мастер, — на сей раз Цзяню удалось без запинки произнести это слово, и ему даже понравилось. — Ну, что дальше?

— Мы сделаем из тебя мастера, какого не видел мир, — сказала Тайши. — Однажды ты будешь нужен Тяньди и своему народу. Когда это время настанет, когда пророчеству понадобится Предреченный герой, воин пяти Поднебесных, который выполнит свое предназначение, когда придет пора принести мир и покой землям Чжун, ты, Вэнь Цзянь, будешь готов к любым испытаниям, которые встанут на твоём пути, в том числе к встрече с Вечным Ханом Катуа.

— Вы не разочаруетесь, мастер. — Цзянь снова хотел опуститься на колени, но вовремя остановился. — Я готов учиться.

Тайши, опираясь на палку, зашагала к дому. Цзянь и Цюфи двинулись за ней.

— Нет, не готов. Не стой столбом, принеси воды из ручья. Разведи огонь и помоги Цюфи готовить ужин. На свете мне нужны теплая ванна и завтрак. Потом принимайся за починку крыши. Дом совсем пришел в упадок.

— А потом мы начнем заниматься? — с готовностью спросил Цзянь.

— Ничего подобного, ты наверняка провозишься с починкой целый месяц.

Линь Тайши поднялась на крыльцо и ушибла палец о выгнувшуюся доску. Зашипев, она стукнула по ней палкой и скрылась в доме.

Глава 46

Травяное море

Каждый шаг казался Сали опаснее предыдущего. Стиснув зубы, она боролась с постоянной приглушенной тревогой, когда скакала вместе с Хампой на паре краденых рабочих лошадей по чжунским полям. Тревога только усилилась, когда они достигли Шиньюнских гор и попытались найти следы беглецов, не попав в руки чжунских патрулей.

Но все-таки они нагнали своих, и Сали несколько недель практически не спала, пока они с Даэвоном и Мали вели почти полторы тысячи голодных и отчаявшихся детей Незры к Травяному морю, а чжунские солдаты наступали им на пятки.

Когда они достигли Травяного моря, начались другие беды. В то время как прочие беглецы радостно кричали, обнимались и пели при виде высоких клонящихся стеблей, Сали гадала, каким образом ее соплеменники, почти все пешие, выживут в этих суровых краях. Море не прощало тех, кто плохо подготовился.

Как ни странно, они вполне благополучно пережили путешествие в недра Травяного моря. Примерно двое из каждых десяти отправились в следующую жизнь, но наконец они обрели свободу.

Волнение в душе Сали росло.

Она окинула взглядом полосу примятой травы, оставшейся позади непрерывно движущегося города. Стебли распрямятся через день-другой. Через неделю никто и не поймет, что здесь прошел механический город, населенный тысячами людей. Впрочем, в настоящее время это поле служило местом для бедняков и переселенцев, которые не могли позволить себе жить в коконах и разбивали лагерь на ночь вокруг Шакры. Сали, направляя коня через толпу, подумала, что минуло почти два года, а Шакра по-прежнему напоминала лагерь беженцев. Когда они

приблизились к городу, постоянно грызущий ее Зов Хана ослабел, а потом вообще затих. Без него Сали ощутила пустоту внутри.

Отряд воинов в черных доспехах ожидал ее у подъемника. Никто не вышел вперед, чтобы приветствовать Сали. На нее смотрели с подозрением. Сали оцетинилась: Шакра должна была встречать прибывших теплом и угощением, а не косыми взглядами.

Командир отряда поднял руку и обозрел длинную вереницу катуанцев, шедших за Сали.

— Бросок Гадюки, Искатель Души, тебя призывают в святилище Вечной топи.

— Не сомневаюсь, — буркнула Сали, спешиваясь.

Она передала поводья Мали.

— Это хороший конь, молодой, сильный духом. Не отпускай его, нашим людям он пригодится.

Мали положила руки поверх рук сестры и поцеловала кончики ее пальцев.

— Мы еще увидимся. Если шаманы опять призовут тебя к Возвращению, откажись, сестра. Ты нужна нам. Оставайся здесь, со мной!

И снова это прозвучало как приказ, а не как просьба. Сали улыбнулась, но не поддалась.

— Я исполню свой долг — ради нашего народа.

Она прекрасно понимала, что именно шаманы потребуют от нее в обмен на гостеприимство для беглецов. Никакой клан просто так не примет уцелевшие остатки друтого племени. Такого обычая не было никогда. Всего лишь несколько веков назад кланы вели непрерывные жестокие войны друг с другом — так же охотно, как с чжунцами. Только когда Вечный Хан обрел силу, при поддержке Шакры и шаманов народы Катуга объединились.

Сиротам Незры понадобится особая защита, которую могут дать только шаманы. Разумеется, за это придется заплатить. И Сали была готова на любую цену, лишь бы ее люди выжили. Все знали, что закончится именно так, и дети

Незры отдали ей подобающую дань уважения. Все, кроме Мали, которая упрямо отказывалась видеть правду.

Сестра не выпускала Сали.

— Ты не бросишь нас после всего, что было. Это несправедливо.

— Рано или поздно мы увидимся с тобой, Веточка. Будь счастлива, моя возлюбленная Малиндэ.

Сали отстранилась и коротко кивнула Даэвону. Тот прижал кулак к сердцу.

Последним к ней подошел Хампа. Он рыдал, не скрывая этого. Более того, он никак не мог решить, поклониться ему или приложить кулак к сердцу, и в конце концов неуклюже сделал то и другое.

Сали обняла ученика и шепнула на ухо:

— Будь сильным, младший брат. Я приказываю тебе найти в Травяном море уцелевших Бросков Гадюки. Они завершат твоё обучение. Таков путь.

— Хорошо, наставница.

— Сестра.

Это было самое почетное звание.

Хампа упал на колени, громко плача.

Сали испустила долгий вздох и поскорее отвернулась от своих близких, пока чувства не вырвались на волю. Она направилась к ожидавшему ее отряду, ни в малейшей степени не заботясь о том, положено ли ей почетное сопровождение.

Мали крикнула вдогонку, перекрывая шум леса:

— Я буду ждать твоего возвращения на этом самом месте! Я не уйду без тебя! Ты слышишь, Сали? Я сожгу Шакру дотла, если ты не вернешься!

Крайний кокон опустил подъемник и ждал, когда Сали войдет в город. На полпути, уже над вершинами Травяного моря, она в последний раз оглянулась. Дети Незры сгрудились у подъемника и стояли молча; ряды беглецов тянулись по длинному узкому полю, насколько хватало глаз. Все до единого — мужчины, женщины, дети — прижимали кулак

к сердцу. Обычный шум Травяного моря как будто притих. Сама земля платила Сали последнюю дань уважения.

Сали нарушила традицию и посмотрела на людей. Она ответила им тем же жестом. Это был ее народ, и она долго впитывала взгляды современников, прежде чем найти глазами сестру. Минуло много ударов сердца, прежде чем она наконец отвернулась.

Сали слегка удивилась, обнаружив, что наверху подъемника ее ждет отряд тяжеловооруженных стражей в черных доспехах. Командир отсалютовал ей.

— Мы здесь, чтобы проводить тебя к Совету, Бросок Гадюки.

Бросок Гадюки. Не Воля Хана, не Искатель Души. Как интересно. Во всех официальных вопросах ее связь с Ханом имела решающее значение. Если речь шла о чем-то священном, на первый план должно было выступить духовное призвание. То, что к ней обратились как к воину, встревожило Сали.

Она повела плечами, ощутив тупую боль: рана от топора не исцелилась до конца. Рука почти зажила, отчасти благодаря лекарям из числа беглецов, однако хватка еще оставалась слабой. Чтобы окончательно окрепнуть, был нужен еще хотя бы один цикл. Впрочем, все раны скоро перестанут иметь значение. Сали не собиралась бороться с решением шаманов. Ей оставалось жить несколько часов, не дней.

Стражи были почтительны. Они не пытались отнять у нее кнут или превратить почетное сопровождение в конвой. Сали заметила небольшую кучку зевак, стоявшую за первым мостом. Несомненно, им хотелось повидать беглую Волю Хана, возвращающуюся в Целое. Ее прибытие не было тайной, тем более что с собой она привела целую армию.

Сали удивилась, когда стражники повернули, не дойдя до моста, и направились по лестнице вниз, в чрево кокона. Этот ярус, известный как механический, был совершенно чуждым ей миром стали и пара. Там находились механизмы, управлявшие коконом. Сали и стражи миновали целую толпу механиков, следивших за шестеренками, и рабочих,

которые поддерживали огонь в топках. Некоторые рабочие, черные от копоти и сажи, мельком глянули на нее — но ничего более.

Отчего шаманы предприняли такие усилия, чтобы отделить ее от обитателей Шакры? Она ведь вернулась, чтобы исполнить последний долг перед Ханом. Шаманам следовало петь ей хвалу и укреплять веру людей в Вечного Хана и свою незыблемую мудрость. Что-то тут не складывалось. Сали продолжала размышлять, когда они перешли очередной мост. Она посмотрела вниз на огромные гусеницы, которые двигали кокон с его обычной неспешной скоростью, — он непрерывно полз вперед, чтобы не затонуть.

То и дело, перекрывая шум труб, звучал приглушенный голос, отдающий приказы: выровнять и поддерживать скорость, изменить направление, проверить запас огненных камней, которые заставляли все коконы — а в Шакре их было почти сто — действовать сообща.

Мали провела большую часть отроческих лет на механическом ярусе — она влюбилась в многочисленные движущиеся шестерни и пронзительное пение паровых свистков. Сали ненавидела это место и редко туда спускалась, находя его слишком тесным и шумным.

Она перестала следить за дорогой — столько было поворотов, столько мостов. Стражники наконец поднялись по очередной лестнице и вновь вышли на свет. Сали моргнула и заслонила глаза от яркого солнца, а затем поняла, что они стоят у подножия святилища Вечной топи, в сердце Шакры.

Молодой шаман в черном одеянии открыл высокие двойные двери. Сали, кивнув, вошла в святилище Вечной топи. Внутри было жарко и влажно, тяжело пахло пачулями и мускусом. В воздухе висел легкий золотистый дымок, который на свету становился то ярко-желтым, то красноватым. Помещение накрывал купол; темно-зеленые изогнутые балки шли от самого пола и встречались в центре, у отверстия, сквозь которое виднелись еще несколько этажей постепенно сужающейся башни. Такое же

отверстие было в полу, окруженное низкими перилами. Тремя ярусами ниже медленно катилась прочь земля.

Вокруг отверстия сидели двенадцать самых благочестивых и могущественных духовных вождей Катуга. Старшие шаманы толковали мудрость, стоявшую за светом Вечного Хана, и опекали Травяное море. Во главе их лицом к Сали сидел Джамса.

Ее названный отец, казалось, совсем не изменился со времени последней встречи, не считая решительного выражения лица и плотно сжатых губ. Он жестом велел Сали войти.

— Бросок Гадюки, мы тебя ожидаем.

— И я пришла, — произнесла Сали.

— И привела с собой людей из Цзяи.

Она кивнула.

— Я вернула к очагам Травяного моря столько людей, сколько смогла.

— Я вижу. — Джамса пристально взглянул на нее. — Как себя чувствуют твои спутники?

— Они оправятся, когда получат пищу и убежище, в котором нуждаются.

— Хорошо. — Джамса помолчал и прислушался: один из шаманов тем временем взял трубку и выпустил струйку зеленого дыма, которая коснулась уха Джамсы. Он взглянул на Сали и помедлил, прежде чем заговорить.

— Ты зашла в водоем, который тебе не знаком, Сальминдэ.

Она нахмурилась:

— Вы хотите сказать, что я запоздала с исполнением последнего долга в качестве Воли Хана? Если так, я молю о прощении. Теперь я готова выполнить свой священный долг перед Великим Ханом и благодарю Совет за отсрочку. Вы позволили мне сделать доброе дело в нынешнем воплощении, до перехода в следующую жизнь.

— Это все тут ни при чем! — Сидевший справа шаман стукнул кулаком по столу. — Мы заключили мирный договор с чжунцами, а ты его нарушила!

Сали удивилась:

— Я... при чем здесь этот постыдный договор?

Лысый, худой как палка шаман вскочил на ноги и ткнул в нее пальцем.

— Своим необдуманным, незаконным, своекорыстным поступком ты поставила под удар нас всех!

— Своекорыстным? — с негодованием переспросила Сали. — Я освободила своих людей и привела их домой!

Она невольно сделала два шага к шаманам, а потом вспомнила, что стоит в священнейшем месте.

Джамса быстро вмешался:

— Брат Ванис хочет сказать, что твой отважный поступок, вернувший детей Незры на родину, стал причиной политических распрей. Чжунцы уже прислали нам весть, требуя, чтобы мы осудили человека, который увел у них слуг, и немедленно вернули беглецов.

Сали замерла.

— Ни за что.

— Они настаивают, чтобы зачинщик был возвращен и получил по заслугам, — ядовито добавил Ванис.

У Сали пересохло во рту. Дрожащим голосом, полным отчаяния, она произнесла:

— Я — Воля Хана. Если вы выдадите меня оседлым, его душа утратит цельность. Разве вы это допустите?

Шаман, сидевший слева, пожал плечами.

— Гораздо важнее сохранить мирный договор.

— Сохранить...

Сали не верилось, что эти кошунственные слова произнес священнослужитель.

— Ты отведешь людей обратно в Цзяи!

Она подумала, что ослышалась.

— Мы, конечно, условимся о том, чтобы часть Воли Хана вернули нам, — поспешно произнес Джамса.

Несколько шаманов заговорили одновременно. Некоторые поднялись, обращаясь к Сали и друг к другу. В их голосах звучали гнев и угроза.

— Вернуть часть... это неважно... что такое...

Сали ничего не слышала, кроме оглушительного гула в ушах.

Она вернулась в Незру, готовая умереть. Смерть ее не страшила. Давным-давно на нее легло клеймо предназначения. Но умереть за своих соплеменников и их веру — одно дело. Погибнуть от рук чжунцев, в плену — совсем другое. Шаманы, самые святые люди Катуга, считали договор с врагами важнее веры. Значит, до сих пор они...

— ...лгали, — хрипло произнесла Сали.

Глядя на этих надменных стариков, роскошно одетых, разжиревших от невоздержанной жизни, с искаженными от праведного гнева лицами, Сали впервые все ясно поняла. Шаманы Незры были не великодушными мудрецами, а шарлатанами, корыстными пиявками, готовыми на что угодно ради сладкого куска.

И что-то в душе Сали оборвалось. Туго натянутая серебряная струна, состоявшая из чистого света, вспыхнула и лопнула. Стало тускло и холодно. Она молча смотрела на визжавших от гнева старых толстяков.

— Я не согласна, — сказала она тихо, но тут же ее голос обрел силу. — Ваши слова ничего не значат для меня!

Ближайший к ней шаман вскочил.

— Как ты смеешь!

— Я отвергаю несправедливое решение. Я отвергаю поучения святых людей, которые посылают собственный народ в оковы рабства. Я отвергаю власть Совета, который предает свой народ! — Сали уже почти кричала.

— Тихо! — Джамса ударил кулаком по столу. — Ты слишком далеко зашла. Знай свое место, Сальминдэ! Мы не станем терпеть твое святотатство, и наше решение не обсуждается. Святилище Вечной топи сказало свое слово, и ты подчинишься, Бросок Гадюки, или твое имя будет вычеркнуто из истории нашего народа вместе с именами тех, кого ты с собой привела.

— Вычеркивайте! — прорычала Сали. — Разите нас своими мелочными угрозами! Вы — ничто, вы — пустые

оболочки плоти, гниющей в мутной воде. Я не стану слушать ваших обличений и повиноваться глупым приказам, причина которых — трусость и страх! Я не верю вам и не слушаю ваших выдумок!

— Схватить ее! — закричал кто-то.

К хору присоединились и другие:

— Уведите отсюда эту богохульницу!

Сали не забыла о том, что прямо у нее за спиной стояли четверо вооруженных стражников. Она увернулась от копий и бросилась к шаманам. Двое ближайших испуганно вскинули руки, но Сали пробежала мимо. Достигнув отверстия в полу, она одной рукой схватилась за перила, перемахнула через них и полетела в темноту.

Ловко приземлиться не вышло — хорошо еще, что она не сломала шею. Что-то смягчило ее падение — огромный согнутый стебель, а может быть, ветка дерева, — прежде чем Сали рухнула в колючие кусты.

Сали посмотрела вверх, на освещенное отверстие, медленно проплывающее мимо. Она поднялась на ноги и огляделась. Со всех сторон двигались гусеницы. Сообразив, куда идти, Сали устремилась прочь — наполовину бегом, наполовину ползком — против хода города.

Ей приходилось огибать огромные гусеницы и балансиры, которые свисали с кокона. Под городом стояла непроглядная темнота, а земля была неровная. К счастью, Шакра двигалась черепашьям шагом, и вскоре Сали из-под нее выбралась. Она увидела детей Незры на краю истоптанного поля, там, где они разбили лагерь на ночь.

Они заметили ее и громко закричали. Мали, Даэвон и еще несколько человек бросились навстречу Сали.

— Ты вернулась! — воскликнула Мали. — Что случилось?

— Шаманы помогут нам? — спросил Даэвон. — Они за нас?

Сали мрачно прошагала мимо.

— Не надейтесь на шаманов. Поднимайте людей. Рассчитывать мы можем только на себя.

Эпилог

Сайык сидел во дворе отцовского особняка и наблюдал за большой стаей карпов, плававших в пруду. Интересно, почему они все двигались в одну сторону? Время от времени один карп резко сворачивал, и остальные следовали за ним. Сайык часами мог любоваться этим умиротворяющим зрелищем. Он гадал, знает ли вожак стаи о том, что он вожак.

В середине пруда стояла группа статуй, вырезанная из цельного куска камня. Над всеми возвышался отец Сайыка; его лицо почти полностью закрывал церемониальный крылатый шлем с фиолетовым султаном, устремленным ввысь. Из-под шлема виднелись только глаза и рот, однако ошибиться было невозможно: скульптор дотошно изобразил густые отцовские брови, горбатый нос, длинную острую бородку. Сайык буквально чувствовал хмурый и неодобрительный взгляд отца.

Мать изобразили примерно в нынешнем возрасте Сайыка. Она скромно стояла справа от мужа, в традиционном головном уборе в форме тюльпана и парадном платье того фасона, который еще носили при гияньском дворе. Сайык сильно скучал по матери. Она умерла от отравления свинцом во время одной из отцовских кампаний. Сайык в то время был слишком мал, и его оставили дома — вероятно, это спасло ему жизнь.

Родителей окружали четверо детей. Двое теперь служили у Сунри, в знаменитом отряде «Лавина». Брат Лисиу пропал без вести еще до рождения Сайыка — скорее всего, его похитили и убили. Старший из сыновей, Сайянь,

женился на дочери одного из влиятельнейших и знатнейших вельмож княжества Син. Тесть был стар и болен, лицо у него напоминало гнилую картофелину, а значит, Сайяню скоро предстояло повышение при дворе.

С края скульптурной группы виднелась вырезанная из отдельного камня статуя Сайыка, изображенного маленьким ребенком. Сайык подумал: сразу видно, с какой радостью семья ожидала его появления на свет.

Появился слуга.

— Молодой господин, ваш отец желает вас видеть.

У Сайыка что-то перевернулось в животе, горло пересохло. Он не боялся отца... просто еще ни одна встреча с ним не заканчивалась благополучно.

Сайык, шагая вслед за слугой, миновал внутренний двор, сад и оранжерею. Отец частенько повторял, что он всего лишь простой земледелец, которому посчастливилось стать генералом.

Двое других слуг открыли перед юношей неудобную высокую дверь, когда Сайык приблизился к главному дому. Он вошел в просторную комнату, которая больше походила на музей, чем на личные покои. Вдоль одной стены стояли пьедесталы. На них лежали странные вещицы — сплошь катуанские механизмы. У другой стены виднелась почти целая биси, не считая гусениц, а рядом — остов летного приспособления. В дальнем конце стояла половина корпуса лодки, якобы способной двигаться под водой, хотя Сайык и сомневался, что это правда, а не выдумки перепуганных солдат. Приблизившись к отцовскому кабинету, он вновь ощутил дрожь. Юноша закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

Войдя в комнату, он первым делом заслонил глаза. Там было необычайно светло: горели все лампы и фонари, в камине пылал яркий огонь. Принесли даже несколько напольных канделябров. Отец сидел за столом на небольшом возвышении. Как ни странно, он зачем-то надел боевые доспехи. На стене висело желтое княжеское знамя Каобу,

под ним — семейный флаг Цюань, а еще ниже — многочисленные изорванные флаги побежденных врагов.

С двух сторон стола стояли Немые. Отец обычно избегал их, предпочитая полагаться на собственные силы, но бывали времена, когда присутствие Молчаливой Смерти было необходимо. Сайык нахмурился; похоже, настало именно такое время. Он думал, что его ждет разговор с глазу на глаз с отцом, однако в комнате присутствовало трое незнакомцев — две женщины и мужчина.

— Молодой господин Цюань Сайкнань прибыл.

Генерал Цюань Са, командующий армией княгини Сунри, не отрываясь от бумаг, произнес:

— Ступай.

Слуга низко поклонился и, пятясь, вышел.

Сайык опустился на колени.

— Чем я могу служить тебе, отец?

— Встань, — сказал Цюань Са и оглядел его с головы до ног. — Ты вырос и раздался в плечах.

— Я все время упражняюсь и сытно ем.

— Ты доволен своим обучением в Лунсяне? Жаль, что школы не стало.

— Да, отец. Мне не терпится продолжить обучение военному искусству в другой школе, которую ты соизволишь выбрать.

— Понимаю... — И генерал Цюань Са взглянул на стоящую в сторонке женщину. — Полагаю, договор заключен.

Незнакомка — рыжая, по-иноземному стриженная — была невелика ростом, однако Сайык чувствовал исходящую от нее угрозу. Она поморщилась и вздохнула.

— Ладно, сойдет.

— Придержи язык, — резко сказал Цюань Са. — В нем течет кровь семьи Цюань.

— Подумаешь, младший сын, — ответила женщина, пожав плечами.

Сайык застыл. Никто и никогда раньше не разговаривал с его отцом таким тоном, даже княгиня.

— В любом случае для кровного возмещения годится, — холодно произнес Цюань Са.

— Что ж, ваш счет обновлен, генерал. Союз посылает вам свой поклон, — в голосе женщины звучала насмешка.

— А теперь убирайтесь из моего города, — приказал генерал Цюань Са, вновь обращаясь к бумагам. — И не смейте возвращаться иначе как по делу.

Прежде чем Сайык успел возразить или хотя бы поинтересоваться, что случилось, женщина схватила его под руку и потащила за собой.

— Ты же сказала, что мы заведем девочку, — прошипела вторая незнакомка.

— После того скандала, который Срединный круг затеял Союзу, скажи спасибо, что нас всех не разжаловали в оруженосцы, — отрезала рыжая.

— Что вы делаете? Отпустите меня! Вы разве не знаете, кто я такой?

Сайык попытался вырваться, однако рыжая обхватила его за шею и приставила к подбородку нож.

— Первый урок тени-убийцы. Никогда не дерись на свету. — Она подалась ближе и шепнула: — Второй урок. В отряде все общее — еда, добыча, возлюбленные и сведения. Давай, расскажи, как тебе жилось в Лунсяньской школе, мой маленький глупый оруженосец.

ОТ АВТОРА

Эта сага зародилась после того, как я примерно полвека смотрел уся — китайские фильмы-фэнтези, упор в которых делался на демонстрации боевых искусств. Из Тайваня в США я переехал в возрасте пяти лет, и уся стали для меня способом приобщения к собственной истории, культуре, народу; вдохновленный ими, в один прекрасный день я поступил в школу кунг-фу и начал собственный путь к лунному двору. Я, конечно, не научился летать, ломать стены и убивать противника одним прикосновением (наверное, это к лучшему), однако военное искусство в результате дало мне нечто большее.

Что логично, в первую очередь я хотел бы поблагодарить тех, кто воплотил в жизнь все эти истории, — от сценаристов и операторов до мастеров боевых искусств, которые творили чудеса на экране. Хочу напомнить вам некоторые великие имена: Юнь Вопхин, Вонг Карвай, Джет Ли, Джеки Чан, Тони Люн, Бриджит Линь, Мэгги Чун, Чжан Имоу, Мишель Йео, Стивен Чоу, Цуй Харк, Донни Йен, Брюс Ли и так далее. Отдельное спасибо моему мастеру Вэй-Чунь Линю (покойся с миром, учитель Сифу), моим братьям и сестрам по школе кунг-фу и команде *Mortal Komb*at.

Спасибо моей жене Поле, которая много лет поддерживала и подбадривала меня, особенно когда я писал «Воина пяти Поднебесных» (одновременно, сидя на карантине в 2020 году, мы растили двух мальчишек).

Моим замечательным сыновьям Хантеру и Риверу — двум силам природы. Отец безмерно гордится вами.

Моим родным — Майку, Стивену, Юки, Эми. Вы не давали мне забыть, что я не одинок.

Моему агенту Расселу Галену, который не смутился, когда я сообщил ему, что мой следующий замысел — боевое фэнтези. Его вера и поддержка очень много для меня значили. Спасибо моему менеджеру Анджеле Чен Каплан, которая подыскивала нужных партнеров, чтобы воплотить мою идею. Вы идеальная команда.

Я благодарен сотрудникам Del Rey Books — Дэвиду Моэнчу, Джули Люн, Эшли Хитон, Скотту Шеннону, Кейт Клейтон, Кэсси Гонзалес, Джо Энн Метч, Нэнси Делиа. Спасибо за то, что выпустили такую шикарную книжку. Это был проект моей мечты, и я благодарен за возможность поработать с вами. Отдельное спасибо Бенджамену Дрейеру, который всячески обо мне заботился и вообще отличный парень.

Моя безмерная благодарность издателю Трише Нармани. Знаете, говорят иногда: «Все звезды сошлись». Ну так вот это было оно.

Александре Кинигопулос, чей критический взгляд и суровая честность делают мои книги лучше и лучше.

Трану Нгуену и Санге Парк, создавшим невероятную обложку.

И наконец, моим прекрасным читателям и поклонникам. Я не справился бы без вашей поддержки. Спасибо, что проделали этот путь со мной. Я надеюсь, что читать вам будет так же приятно, как мне было приятно писать.

STONE HEDGE

Оглавление

ДЕЙСТВИЕ 1	5
------------------	---

Глава 1. Сломанные игрушки	5
Глава 2. Предреченный герой	20
Глава 3. Поэзия в действии	34
Глава 4. Уроки	45
Глава 5. Испытание огнем	56
Глава 6. Возвращение	70
Глава 7. Учитель и ученик	83
Глава 8. Крах пророчества	104
Глава 9. Душа Хана	118
Глава 10. Бегство	134
Глава 11. Начать сначала	155

ДЕЙСТВИЕ 2	167
------------------	-----

Глава 12. В промежутке	167
Глава 13. Место последнего упокоения	186
Глава 14. Вкус свободы	199
Глава 15. Искатель Души	210
Глава 16. Внутренние секреты	223
Глава 17. Командорство Санба	239
Глава 18. Совет Незры	252
Глава 19. Школьная жизнь	260

Глава 20. Помехи	268
Глава 21. Тень-убийца	280
Глава 22. Круги расходятся	294
Глава 23. Семейные узы	302
Глава 24. Песчаная Змея	315
Глава 25. Друзья и ошибки	325
Глава 26. Изначальный храм Тяньди	331
Глава 27. Опасное дело	345
Глава 28. Предназначение	361
Глава 29. Оракул	373
Глава 30. Смертельное пророчество	385
Глава 31. Сопротивление	399
Глава 32. Прикрытие	412

ДЕЙСТВИЕ 3	423
------------------	-----

Глава 33. Семейная скидка	423
Глава 34. Подготовка	435
Глава 35. Прозрение	445
Глава 36. Внезапное пробуждение	451
Глава 37. Встреча	466
Глава 38. Последствия	477
Глава 39. В укрытии	487
Глава 40. Воля народа	497
Глава 41. Странные союзы	502
Глава 42. Побег	518
Глава 43. Шепот Ветра	523
Глава 44. Бросок Гадюки	534
Глава 45. Облачные Столпы	550
Глава 46. Травяное море	559

Эпилог	568
--------------	-----

От автора	572
-----------------	-----

МИО Проза

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО МАСШТАБА

ПРОБЛЕМАТИКА XXI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/proza

mifbooks

STONE HEDGE

Литературно-художественное издание
Red Violet. Магия Азии

Чу Уэсли

Воин пяти Поднебесных: Пророчество

Руководитель редакционной группы *Анна Неплюева*
Ответственный редактор *Анна Золотухина*
Литературный редактор *Анна Журавлёва*
Арт-директор *Яна Паламарчук*
Верстка *Владимир Снеговский*
Корректоры *Анна Быкова, Надежда Лин*

В оформлении макета использованы изображения по лицензии
Shutterstock.com.

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,
д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru
vk.com/mifbooks

STONE HEDGE

Предреченный герой, воин пяти Поднебесных, спаситель народов Чжун... Цзянь с рождения купался в роскоши и великолепии, был окружен мастерами боевых искусств, однако в свои пятнадцать так и не участвовал ни в одном настоящем сражении.

Все меняется, когда ко дворцу прибывает Тайши — строгая наставница, призванная проверить готовность юноши возглавить армию Просвещенных (он не сможет отбиться даже от компании старух-вязальщиц!).

Внезапно оказывается, что пророчество истолковали неверно, и Цзянь должен найти способ стать тем, кем, по его мнению, он больше не может быть, — героем, в конце концов.

«Чу по-новому рассказывает историю с “избранным”, который сталкивается с настоящими испытаниями, чтобы стать героем».

Робин Хобб,
автор «Саги о шуте и убийце»

«Обширная вселенная, наполненная великолепным переосмыслением тропов фэнтези и уся».

Наоми Новик,
автор бестселлера «Чаша»

МИФ

mann-ivanov-ferber.ru

@mifbooks